ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВОЙНА

в воспоминаниях

Уинстона
ЧЕРЧИЛЛЯ

Шарля
де ГОЛЛЯ

Корделла
ХЭЛЛА

Уильяма
ЛЕГИ

Дуайта
ЭЙЗЕНХАУЭРА

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

в воспоминаниях

Уинстона ЧЕРЧИЛЛЯ

Шарля де ГОЛЛЯ

Корделла ХЭЛЛА

Уильяма ЛЕГИ

Дуайта ЭЙЗЕНХАУЭРА

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВО

в воспоминаниях

Уинстон Черчилль
Англия в войне

Шарль де Голль
Сражающаяся Франция

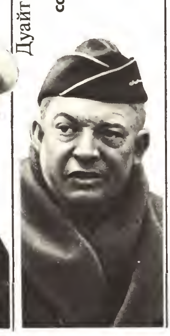
Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ЙНА

Корделл Хэлл
Государственный секретарь США вспоминает

Уильям Леги
Советник двух президентов

Дуайт Эйзенхауэр
Во главе союзных войск



ББК 63.3(0)62
В87

Составитель сборника
Е. Я. Трояновская

В87 **Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е. Я. Трояновская.— М.: Политиздат, 1990.— 558 с.: ил.**
ISBN 5—250—00782—1

В сборник включены отрывки из воспоминаний У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги и Д. Эйзенхауэра о второй мировой войне. В те годы они стояли в центре политических и военных событий, играли определяющую роль в формировании политики своих стран, планировании и осуществлении стратегических операций против держав «оси». Мемуары выдающихся деятелей Запада позволяют более полно осветить события тех лет, показать степень участия каждой из сторон в разгроме гитлеровской Германии.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{0503010000-136}{079(02)-90}$ 96—90 ББК 63.3(0)62

ISBN 5—250—00782—1

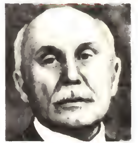
Вторая мировая война сопровождалась колоссальными разрушениями,
уничтожением десятков тысяч городов и деревень,
неисчислимыми бедствиями
и гибелью десятков миллионов людей

Эдуард Даладье

Поль Рейно

Альбер Лебрен

Генерал Хюнтцигер



Филипп Петэн

Адмирал Дарлан

Встреча французских и немецких уполномоченных
в старом вагоне Фоша на станции Ретонд.
21 июня 1940 года

A TOUS LES FRANÇAIS

La France a perdu une bataille!
Mais la France n'a pas perdu la guerre!

Des gouvernants de rencontre ont pu capituler, cédant à la panique, oubliant l'honneur, livrant le pays à la servitude. Cependant, rien n'est perdu!

Rien n'est perdu, parce que cette guerre est une guerre mondiale. Dans l'univers libre, des forces immenses n'ont pas encore donné. Un jour, ces forces écraseront l'ennemi. Il faut que la France, ce jour-là, soit présente à la victoire. Alors, elle retrouvera sa liberté et sa grandeur. Tel est mon but, mon seul but!

Voilà pourquoi je convie tous les Francais, ou qu'ils se trouvent, à s'unir à moi dans l'action, dans le sacrifice et dans l'espérance.

Notre patrie est en péril de mort.
Luttons tous pour la sauver!

VIVE LA FRANCE !

TO ALL FRENCHMEN..

LONG LIVE FRANCE!

C. de Gaulle.

GÉNÉRAL DE GAULLE

QUARTIER-GÉNÉRAL,
4, CARLTON GARDENS,
LONDON, S.W.1.

Обращение генерала де Голля
«Ко всем французам!»

**Британские и французские союзные войска
в ожидании погрузки**

Эвакуация английских войск из Дюнкерка

**После налета немецких бомбардировщиков
на Лондон**

Вторжение гитлеровских войск в Советский Союз.
Налет на железнодорожную станцию

Выступление У. Черчилля в конгрессе США.
Декабрь 1941 года

У. Черчилль и Ф. Рузвельт
во время Вашингтонской конференции
(22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г.)
со своими начальниками штабов

У. Черчилль, И. В. Сталин и А. Гарриман.
Август 1942 года

Ф. Рузвельт и У. Черчилль на конференции в Касабланке. Январь 1943 года

Премьер-министр Канады У. Маккензи Кинг, Ф. Рузвельт и У. Черчилль на Квебекской конференции. Август 1943 года

На Тегеранской конференции. Ноябрь 1943 года. Сидят: И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль. Стоят: В. М. Молотов (*первый слева*), дочь У. Черчилля (*пятая слева*) и А. Иден (*справа*)

Каирская конференция (22—26 ноября, 3—7 декабря 1943 г.).
Сидят: Чан Кайши, Ф. Рузвельт и У. Черчилль.
Стоят: генерал Арнольд, генерал-лейтенант Сомервелл,
генерал Маршалл, фельдмаршал Дилл, маршал авиации Портал,
адмирал Леги, адмирал Кинг, адмирал Каннингхэм,
генерал-лейтенант Исмей, генерал Брук, лорд Маунтбэттен,
два китайских генерала, генерал-лейтенант Стилуэлл,
генерал Картон де Виар

Руководители операции «Оверлорд». Сидят (*слева направо*): Артур Теддер, Дуайт Эйзенхауэр, Бернард Монтгомери. Стоят (*слева направо*): Омар Брэдли, Бертрам Рамсей, Траффорд Ли-Мэллори, Беделл Смит

Генерал Эйзенхауэр инспектирует войска перед высадкой в Нормандии

Накануне высадки союзных войск
в Нормандии

Генерал де Голль в освобожденном Париже

На Квебекской конференции. Сентябрь 1944 года.
Сидят: генерал Маршалл, адмирал Леги, президент Рузвельт,
премьер-министр Черчилль, фельдмаршал Брук,
фельдмаршал Дилл. Стоят: генерал Холли, генерал-лейтенант Исмей,
адмирал Кинг, маршал авиации Портал,
генерал Арнольд, адмирал Каннингхэм

На Потсдамской конференции. 1 августа 1945 года.
Сидят (*слева направо*): К. Эттли, Г. Трумэн, И. В. Сталин.
Стоят: У. Леги, Э. Бевин, Ф. Бирнс, В. М. Молотов

К читателям

Читателям предлагаются значительные фрагменты из воспоминаний о второй мировой войне известных государственных и военных деятелей Великобритании, Франции и США — Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги и Дуайта Эйзенхауэра. Эти люди в годы войны во многом определяли политику своих стран и ход подготовки и проведения важнейших стратегических операций. Почти сразу же после окончания войны они написали обширные воспоминания. Шеститомная «Вторая мировая война» У. Черчилля была опубликована в 1948—1950 годах, первые два тома «Военных мемуаров» Ш. де Голля вышли в 1954 и 1956 годах, двухтомные воспоминания К. Хэлла, а также воспоминания Д. Эйзенхауэра появились в 1948 году, мемуары У. Леги в 1950-м.

Отбор материалов для данной публикации проведен таким образом, чтобы представить ход войны на Западе и отношения между СССР, США и Великобританией в те годы глазами наших союзников военных лет.

Из воспоминаний У. Черчилля включены страницы, повествующие о поражении Польши и Франции, воздушной битве за Англию и подготовке операции «Морской лев», о советско-германских отношениях в 1939—1941 годах, создании антигитлеровской коалиции, включая визиты В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 года и У. Черчилля в Москву в августе того же года.

Из мемуаров Ш. де Голля в сборник вошли шесть глав. В главах, взятых из первого тома, рассказывается о состоянии французской армии накануне войны, действиях де Голля на посту танкового командира в кампании 1940 года и возникновении движения Свободная Франция. Из второго тома включены главы об освобождении Франции и возвращении Временного правительства в Париж.

Из воспоминаний К. Хэлла взяты три сюжета: реакция правящих кругов США на вторжение гитлеровских войск в СССР, ход американо-японских переговоров, прерванных нападением Японии на Пёрл-Харбор, и Московская конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в октябре 1943 года.

Из воспоминаний У. Леги также отобраны трн сюжета: его пребывание на посту посла США в Виши в 1941—1942 годах, участие в Тегеранской и Каирской конференциях руководителей союзных держав в иоябре — декабре 1943 года и размышления об атомном и бактериологическом оружин в связн с капитуляцией Японии.

В отрывках из военных мемуаров Д. Эйзенхауэра освещается операция «Оверлорд» (высадка в Нормаидин в нюне 1944 года), приведшая к освобождению Франции, Бельгни, Нидерландов, вторженню в Германию н к встрече иа Эльбе с иаступавшей Красиой Армией. Д. Эйзеихауэр аиализирует последствия победы и измеиившуюся роль Советского Союза в мировой политике.

Следует нметь в внду, что авторы высказывают субъектнвные, порой спорные оценкн отдельных событнй, которые в ряде случаев ие совпадают с исследованнями советских и зарубежных историков. На мемуарах в какой-то мере отразнлись стереотипы «холодиой войны» того времени. Издательство надеется, что читатель сумеет самостоятельно крнтнчески оценить публикуемые материалы сборника.

Знакомясь с воспомииаииями западных деятелей, читатель должеи учитывать, что мемуаристы о миогом умалчивают. Известно, например, что англичаие н амернканцы чнтали совершенио секретную информацию командования германских вооружеиных сил, передаваемую аппаратом «Энигма» («Загадка»). В Англин была создана едииая система расшифровки «Ультра», обрабатывающая секретную ииформацию, поступающую из Германнн, Италин и Японии. Одиако никто из мемуарнстов, кроме К. Хэлла, не обмолвился о столь важиом источиике, позволяющем им как бы присутствовать иа заседаниях высшего командования страи «оси».

Коммеитарин даются в подстрочных примечаииях. Необходимые даииые об упоминаемых лицах приводятся в Указателе имен.

Уинстон Черчилль

Англия в войне

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — государственный, политический и военный деятель Великобритании, лидер консервативной партии в 1940—1955 годах. В 1911—1915 годах — первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). В 1917—1919 годах — министр военного снабжения. В 1919—1921 годах — военный министр и министр авиации. Был одним из организаторов антисоветской интервенции. В 1921—1922 годах — министр колоний. В 1924—1929 годах — канцлер казначейства (министр финансов). В 30-е годы активно выступал против внешней политики С. Болдуина и Н. Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С сентября 1939 до мая 1940 года — военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 года — премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны. С мая 1940 по февраль 1942 года — лидер палаты общин. В 1951—1955 годах — вновь премьер-министр и первый лорд казначейства. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

1939

Война

1 сентября на рассвете Германия напала на Польшу. В тот же день утром последовал приказ о мобилизации всех наших вооруженных сил. Премьер-министр попросил меня посетить его вечером на Даунинг-стрит. Он сказал мне, что не видит никакой надежды на предотвращение войны с Германией и что для руководства ею предполагает создать небольшой военный кабинет в составе министров, не возглавляющих никаких министерств. Насколько он понимает, лейбористская партия не желает участвовать в национальной коалиции. Но он надеется, что либералы присоединятся к нему. Он предложил мне войти в состав военного кабинета. Я принял его предложение без возражений, и на этой основе у нас состоялся долгий разговор о людях и планах.

Из первого тома мемуаров Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. The Gathering Storm. London — Toronto — Melbourne — Sudney — Wellington. 1949. P. 361—366, 367—375, 395—400, 403, 421—434, 478—479, 483—489, 492—493, 593—601.

После иекоторого размышления я убедился, что средний возраст мииистров, которые должны были образовать верховный орган по руководству войной, оказался бы слишком солидным, и поэтому после полуночи я написал Чемберлену следующее:

2 сентября 1939 г.

«Не слишком ли мы старая команда? Я подсчитал, что общий возраст всей шестерки, которую вы мие вчера назвали, составляет 386 лет нлн в среднем более 64 лет! Им недостает года, чтобы выйтн на пенсию по старости! Если же, однако, вы добавите Синклера (49) н Идеиа (42), средний возраст снизится до пятидесяти семи с половиной лет.

Если правильно утверждение «Дейли геральд», что лейбористы не войдут в состав кабинета, тогда нас, несомненно, ждут постоянный поток критики, а также многие разочарования и неожиданности, весьма свойственные войне. Поэтому мие кажется тем более важным включить в наши ряды либеральную оппозицию. Влияние Идеиа среди группы консерваторов, связанных с ним, а также с умеренными либеральными элементами, тоже было бы, с моей точки зрения, весьма важным подкреплением.

Вот уже 30 часов, как поляки подвергаются ожесточенной атаке, и меня крайне беспокоят слухи о том, что в Париже поговаривают о новой ноте. Я надеюсь, что вы сможете обнародовать ваше совместное заявление об объявлении войны *не позднее* чем на сегодняшнем вечернем заседании парламента.

«Бремен» может скоро оказаться вне пределов досягаемости, если морское министерство не примет специальных мер и если сигнал не будет дан сегодня же. Это, правда, второстепенный вопрос, который, однако, может оказаться неприятным. Остаюсь в вашем распоряжении».

Меня удивляло, что в течение всего дня, 2 сентября, когда положение обострилось до крайности, Чемберлен хранил молчание. Я подумал, не предпринимается ли в последнюю минуту попытка сохранить мир, и оказался прав. Однако, когда после полудня собрался парламент, произошли короткие, но довольно бурные дебаты, во время которых нерешительное заявление премьер-министра подверглось резкой критике. Когда Гринвуд поднялся на трибуну, чтобы выступить от имени лейбористской оппозиции, Эмери — консерватор — крикнул ему: «Говорите от имени Англии». Эта реплика была встречена бурными аплодисментами. Не было никакого сомнения, что палата настроена в пользу войны. Мне казалось, что она была настроена более решительно и выступала более единодушно, чем в аналогичном случае 3 августа 1914 года, при котором я тоже присутствовал. Вечером группа видных деятелей от всех партий пришла ко мне на квартиру в доме, расположенном напротив Вестминстерского собора, и выразила глубокое беспокойство по поводу того, выполним ли мы свои обязательства перед Польшей. Палата должна была снова собраться завтра, в полдень. Ночью я написал премьер-министру следующее:

2 сентября 1939 г.

«Я ничего не слыхал от вас после нашей последней беседы в пятницу. Я тогда понял, что должен буду стать вашим коллегой, и вы сказали, что

об этом будет объявлено очень скоро. Не могу себе представить, что произошло за эти тревожные дни, хотя мне кажется, что теперь возобладали новые идеи, совершенно отличные от тех, которые вы выразили мне, сказав — «жребий брошен». Я вполне понимаю, что в связи с ужасной обстановкой в Европе возможны изменения метода, но до начала назначенных на полдень дебатов я считаю себя вправе просить вас сообщить, каковы наши с вами отношения, как общественные, так и личные.

Мне кажется, что если лейбористская партия и, насколько я понимаю, либеральная партия будут отстранены, трудно создать действенное военное правительство на той ограниченной основе, о которой вы говорили. Я считаю, что необходимо сделать еще одну попытку привлечь либералов и, кроме того, пересмотреть состав и численность военного кабинета, о котором вы со мной говорили. Сегодня в палате общин чувствовалось, что духу национального единства нанесен ущерб очевидным ослаблением нашей решимости. Я не преуменьшаю трудностей, с которыми вы сталкиваетесь в отношениях с французами. Но я надеюсь, что мы теперь примем свое решение независимо и тем самым покажем нашим французским друзьям пример, в котором они, быть может, нуждаются. Для этого нам понадобится самая сильная и самая сплоченная комбинация, которую только возможно создать. Поэтому я прошу не оглашать состава военного кабинета до нашего нового разговора.

Как я уже писал вам вчера утром, я полностью в вашем распоряжении и всегда готов помочь вам в выполнении вашей задачи».

Позже я узнал, что 1 сентября в 9 ч 30 мин вечера Англия предъявила Германии ультиматум и что 3 сентября в 9 часов утра за ним последовал второй и последний ультиматум. В утренних радиопередачах 3 сентября сообщалось, что премьер-министр выступит по радио в 11 ч 15 мин. Поскольку было ясно, что Великобритания, а также и Франция немедленно объявят войну, я подготовил короткую речь, которая, как я считал, будет соответствовать этому торжественному и ответственному моменту в нашей жизни и в нашей истории.

Премьер-министр сообщил по радио, что мы уже находимся в состоянии войны, и только он закончил свою речь, как раздался странный, протяжный воющий звук, который впоследствии уже стал привычным. Жена вошла в кабинет, взволнованная случившимся, и похвалила немцев за точность и аккуратность. Мы поднялись на крышу нашего дома, чтобы посмотреть, что происходит. Стоял ясный холодный сентябрьский день. Вокруг виднелись крыши домов и высокие шпили Лондона. Над ними уже медленно поднимались 30 или 40 аэростатов заграждения. Мы оценили правительство за этот явный признак готовности. Поскольку пятнадцатиминутное предупреждение, на которое мы рассчитывали, истекло, мы отправились в отведенное нам бомбоубежище, вооружившись бутылкой бренди и другими соответствующими медицинскими снадобьями.

Наше бомбоубежище находилось в сотне ярдов и представляло собой открытый подвал, не защищенный даже мешками с песком, в который уже собрались жильцы полудюжины домов. Все были в веселом и шутливом настроении, как это свойственно англичанам перед лицом неизвестного. Когда у порога я посмотрел на опустевшую улицу и затем на переполненный

подвал внизу, моему воображению представились картииы разрушения, кровавой бойни, огромных взрывов, сотрясающих землю, зданий, обрушивающихся в пыли и обломках, пожарные команды и санитарные машины, пробирающиеся в дыму, ие обращая внимания иа гул вражеских самолетов. Разве нас зараиее ие предупреждали, сколь ужасны будут воздушные иалеты? Министерство авиации, естествеиио, стремившееся придать себе побольше важности, зиачительио преувеличивало их силу. Пацифисты старались играть на страхе иаселения, а те из нас, кто давио иастаивал на проведении соответствующей подготовки и на создании превосходящих военио-воздушных сил, хотя и ие считали достоверными самые мрачные предсказания, однако полагали, что они могут сыграть положительную роль. Я зиал, что правительство подготовилось и иа первые дни войны располагало более чем 250 тыс. коек для жертв воздушных иалетов. В даином случае, по крайией мере, ие было иедооценки угрозы. Теперь иам суждеио было увидеть, какова будет действительиость.

Примерио через 10 минут сирена сиова завыла. Я ие был уверен, что это повториая тревога, но по улице уже шел человек и кричал «отбой». Мы тут же разошлись по домам и занялись своими делами. Я отправился в палату общин, которая собралась ровио в полдеиь с соблюдением всей своей обычной иеторопливой процедуры и краткими величествеиными молитвами. Премьер-министр прислал мие записку, прося зайти к иему в кабииет сразу же по окончании дебатов. Сидя в палате и слушая выступления ораторов, меня охватило чувство большого спокойствия после сильного иапряжения и возбуждения иескольких минувших дней. У меня появились какая-то особая ясиость ума и чувство возвышениой отрешеииости от мирских и личных дел. Слава Старой Англии, миролюбивой и плохо подготовлеииой, ио решительиой и бесстрашиой, когда речь идет о чести, наполняла все мое существо и, казалось, переиесла иашу судьбу в сферы, очень далекие от земиой действительиости и физических ощущений. В своем выступлении я пытался передать палате хотя бы часть того, что я переживал, и иебезуспешио.

Чемберлеи сказал мне, что ои обдумал мои письма, что либералы не войдут в правительство, что ои готов в известиой мере учесть мои замечания о среднем возрасте и включить в состав воеииого кабииета трех военных министров, иесмотря на их исполнительные функции, и что средний возраст будет около 60 лет. Это, сказал он, позволяет ему предложить мие морское министерство, а также место в воеииом кабиiете. Я был весьма рад этому, так как я, естествеиио, предпочитал, хотя и ие высказывал этого, иметь определеиную работу, а ие сидеть и корпеть иад работой, сделаииой другими. А такая участь вполие может постигнуть любого министра, каким бы влиятельным ои ни был, если в его распоряжении иет министерства. Легче давать директивы, чем советы, и более приятно иметь право действий, пусть даже в ограниченной области, чем располагать привилегией болтать впустую. Если бы премьер-министр в самом иачале предоставил мие выбор между военным кабииетом и морским министерством, я, коиечио, предпочел бы последнее. Теперь я имел и то и другое.

Ничего ие было сказаио, когда я буду официальио иазиачен королем — и, действительио, это произошло лишь 5 сентября. Однако первые же часы войны могут иметь весьма серьезные последствия для флотов. Поэтому я уведомил морское министерство, что приму дела иемедлеиио и прибуду

туда в шесть часов. В связи с этим морское министерство любезно оповестило флот: «Уинстон вернулся». Итак, я снова вернулся в кабинет, который я с болью и горечью покинул почти четверть века тому назад, когда отставка лорда Фишера привела к моему отстранению от поста морского министра и, как оказалось, к безвозвратному отказу от важной концепции форсирования Дарданелльского пролива. В нескольких футах от моего старого кресла находилась деревянная оправа для карты, установленная мною в 1911 году, а в ней все еще сохранилась карта Северного моря, на которой по моему указанию работники отдела военно-морской разведки ежедневно отмечали передвижение и диспозицию немецкого военно-морского флота, для того чтобы сосредоточить внимание на главном объекте. Более четверти века прошло с 1911 года, и вот снова угрожала смертельная опасность со стороны той же страны. Опять защита прав слабого государства, подвергшегося жестокой и неспровоцированной агрессии, заставила нас обнажить меч. Снова мы должны сражаться за жизнь и честь против всей мощи и ярости этой храброй, вышколенной и безжалостной германской расы. Снова! Да будет так.

* * *

Вскоре начальник морского штаба Дадли Паунд пришел ко мне. В период моего прежнего пребывания в морском министерстве я немного знал его как доверенного штабного офицера лорда Фишера. Во время вторжения Италии в Албанию я решительно осуждал в парламенте диспозицию средиземноморского флота, которым Паунд тогда командовал. Теперь же мы встретились с ним как коллеги, от тесных отношений и полного согласия которых зависит нормальная работа всей огромной машины морского министерства. Мы встретили друг друга дружелюбно, но с некоторым недоверием. Однако с первых же дней наша дружба и взаимное доверие росли и крепли. Я ценил и уважал большие профессиональные и личные качества адмирала Паунда. Когда война со всеми ее успехами и неудачами наносила нам тяжелые удары, мы стали еще более верными товарищами и друзьями. И когда, спустя четыре года, он умер как раз во время победы над Италией, я горько оплакивал эту утрату для флота и страны.

Значительную часть ночи 3 сентября я провел в беседах с руководителями департаментов, а утром 4 сентября взял в свои руки руководство министерством. Как и в 1914 году, задолго до всеобщей мобилизации были приняты меры предосторожности против любых неожиданностей. Еще 15 июня были призваны крупные контингенты офицеров и рядовых резерва. 9 августа король инспектировал резервный флот, полностью укомплектованный для учений, а 22 августа были дополнительно призваны различные классы резервистов. 24 августа парламент принял закон о чрезвычайных полномочиях и одновременно флоту приказали выйти на свои военные базы. По существу, наши главные силы уже в течение нескольких недель находились в Скапа-Флоу. После решения о полной мобилизации флота мобилизационный план морского министерства осуществлялся беспрепятственно, и, несмотря на некоторые серьезные недостатки — в частности, не хватало крейсеров и судов для борьбы с подводными лодками,— к началу войны, как и в 1914 году, флот оказался на высоте своих огромных задач. <...>

* * *

Положение на море резко отличалось от того опасного положения, которое было в 1914 году. Мы тогда вступили в войну, имея соотношение 16:10 по крупным боевым кораблям и 2:1 по крейсерам. Тогда мы мобилизовали восемь эскадр, каждая из которых насчитывала восемь линкоров, эскадру крейсеров и флотилию мелких судов, а также имелось большое количество отдельных крейсеров. Я ожидал тогда решающего сражения с более слабым, но все же грозным флотом противника. Теперь же немецкий флот только начал восстанавливаться и не имел достаточного количества кораблей, чтобы построить боевой порядок. Два их больших линкора «Бисмарк» и «Тирпиц», тоннаж которых значительно превосходил ограничения, установленные договором, могли быть закончены строительством не ранее чем через год. Строительство легких линейных крейсеров «Шарнгорст» и «Гнейзенау», тоннаж которых немцы обманным путем увеличили с 10 тыс. до 26 тыс. тонн, закончилось в 1938 году. Кроме того, у немцев были три «карманных» линкора в 10 тыс. тонн водоизмещением каждый — «Адмирал граф Шпее», «Адмирал Шеер» и «Дейчланд», а также два быстроходных крейсера водоизмещением по 10 тыс. тонн, вооруженных восьмидюймовыми орудиями, шесть легких крейсеров, 60 эсминцев и другие более мелкие суда. Таким образом, надводный флот немцев не мог угрожать нашему господству на море. Не подлежало никакому сомнению, что английский военно-морской флот превосходил немецкий как по силе, так и по численности. Не было также основания предполагать, что общая боевая подготовка нашего флота была плохой. Если не считать недостатка в крейсерах и эсминцах, английский флот, как всегда, находился на высоком уровне. Перед ним стояли огромные и многочисленные задачи.

* * *

Когда я пришел в морское министерство, у меня уже было определенное представление о стратегическом положении на море. Противнику жизненно важно было сохранить господство на Балтийском море. Поставки из Скандинавии, шведская руда и прежде всего оборона против возможных русских десантов на протяженном и незащищенном северном побережье Германии, от которого Берлин в одном месте находится всего лишь в 100 милях, диктовали германскому военно-морскому флоту необходимость сохранить господство на Балтийском море. Поэтому я был уверен, что на этом первом этапе Германия не поступится своим господством на Балтике. Следовательно, хотя немцы могут послать подводные лодки, крейсера или, возможно, даже один «карманный» линкор для нарушения наших линий снабжения, они не рискнут ни одним кораблем, который им необходим для сохранения господства на Балтийском море. Германский флот, восстанавливавшийся в это время, при сложившихся обстоятельствах должен был считать это своей первоочередной и почти единственной задачей. Для поддержания превосходства на море и для осуществления нашего основного наступательного мероприятия — блокады мы должны были, конечно, сохранить превосходящие силы флота в наших северных водах. Однако нам казалось, что не будет никакой необходимости держать слишком крупные военно-морские силы для наблюдения за вылазками из Балтийского моря или из Гельголандской бухты.

Безопасность Англии значительно повысилась бы, если бы при помощи воздушных налетов нам удавалось хотя бы временно выводить из строя Кильский канал — эту боковую дверь из Балтийского моря. <...>

* * *

Английский торговый флот в начале войны был примерно таким же, что и в 1914 году. Его тоннаж превышал 21 млн тонн. Средний размер судна увеличился, и поэтому численность судов уменьшилась. Однако не весь этот тоннаж можно было использовать для торговли. Военно-морскому флоту требовались самые различные вспомогательные суда, которые можно было брать главным образом из числа первоклассных лайнеров. Все рода вооруженных сил нуждались в судах для специальных целей: армия и военно-воздушные силы — для перевозки солдат и техники за море, а военный флот — для различных работ на морских базах и в других местах и, в частности, для доставки горючего в стратегические пункты, разбросанные по всему миру. Тоннаж, потребовавшийся для всех этих целей, составил около 3 млн тонн и к этому следует добавить нужды судоходства других стран Британской империи. В конце 1939 года после окончательного подсчета приобретений и потерь оказалось, что общий тоннаж, оставшийся для коммерческих целей, составил около 15,5 млн тонн.

.

Италия еще не объявила войны, но было ясно, что Муссолини выжидает развития событий. Учитывая эту неопределенность, а также из предосторожности на то время, пока не закончены все наши приготовления, мы сочли необходимым направить наше судоходство вокруг мыса Доброй Надежды. Однако мы уже имели на своей стороне помимо нашего собственного флота, превосходившего германский и итальянский флоты, вместе взятые, мощный флот Франции, который благодаря замечательным способностям и умелому руководству адмирала Дарлана достиг такой силы и боеспособности, каких никогда не достигал французский флот со времен монархии. В случае вступления Италии в войну нашим первым полем битвы оказалось бы Средиземное море. Я решительно возражал против всех планов оголения центра этого моря и сосредоточения наших сил на охране входов в это большое внутреннее море, за исключением тех случаев, когда это диктовалось временными обстоятельствами. Наших собственных сил — даже без помощи французского флота и его укрепленных гаваней — было бы достаточно, чтобы в течение двух месяцев, а может быть и того меньше, изгнать итальянские корабли и обеспечить полное господство на Средиземном море.

Английское господство на Средиземном море нанесло бы враждебной Италии такие раны, которые могли оказаться роковыми для ее способности продолжать войну. Все ее войска в Ливии и Абиссинии были бы полностью отрезаны. Французам и нашим солдатам в Египте можно было бы посылать какие угодно подкрепления, в то время как итальянцы были бы ослаблены, если не обречены на голод. Оттянуть силы из центральной части Средиземного моря означало бы открыть Египет и Суэцкий канал, а также французские владения для вторжения итальянских войск под руководством немцев. Кроме того, ряд быстрых и выдающихся побед на этом театре,

которые могли бы быть одержаны в первые недели войны, оказали бы весьма здоровое н полезное влияние на основных фронтах борьбы с Германией. Ничто не должно было мешать нам достигнуть этих результатов прн помощи наших военно-морских н сухопутных сил.

* * *

Еще не будучи в морском министерстве, я вполне согласился с мненнем последнего о том, какую большую угрозу представляют собой подводные лодки. Хотя высокие технические качества прнбора «Асдик» были проверены во многих сражениях с подводными лодкамн в начале войны, нашн средства борьбы против подводных лодок былн далеко не достаточны, чтобы предотвратнть нашн серьезные потерн. Высказанное мною в то время мненне, что «вполне возможна успешная борьба с подводнымн лодками во внешних морях н особенно в Средиземном море н что потерн нензбежны, но они не смогут повлиять на ход событнй», не было ошнбочным. Ничего особого не произошло в первый год войны с немецкими подводнымн лодками. Бнтва за Атлантнку была отложена на 1941 н 1942 годы.

В соответствнн с преобладающим мнением в морском миннстерстве до войны я недооценил угрозу или последствня нападения на английские военные корабли с воздуха. «Мне кажется,— пнсал я за несколько месяцев до войны,— можно предполагать (потому что об этом очень трудно судить точно), что нападение авнацин на английские военные кораблн прн нх нынешнем вооруженин н обороне не помешает осуществлению их полного господства на море». Однако препятствня, хотя н преувеличенные, к передвижению нашего флота скоро стали серьезными. Авнация почтн сразу же оказалась ужасной угрозой, особенно на Средиземном море. Мальта, нмевшая лишь незначнтельную протнвовоздушную оборону, представляла собой проблему, которую невозможно было сразу разрешить. С другой стороны, в первый год войны нн один крупный английскнй корабль не был потоплен авнацией.

* * *

В этот момент не было никаких прнзнаков враждебных действий нлн намерений со стороны Японин. Японию, естественно, пугала прежде всего Амернка. Я не представлял себе, чтобы Соединенные Штаты сндели сложа руки н пасснвно наблюдали за генеральным наступленнем Японнн на все европейскне владення на Дальнем Востоке, даже если самн амернканцы в данный момент не оказались вовлеченными. Мы гораздо больше выиграли бы от вступлення Соединенных Штатов в войну, хотя бы только протнв Японин, если бы это было возможно, чем пострадали бы от враждебностн Японин, несмотря на все неприятности, с которымн это было бы сопряжено для нас. Нпкакая угроза на Дальнем Востоке не должна была отвлечь нас от главных объектов в Европе. Мы не смогли бы защитнть от нападения японцев нашн ннтересы н нашн владення в Желтом море. Самый отдаленный пункт, который мы могли бы защищать в случае вступления Японин в войну, это наша крепость Снигапур. Снигапур необходимо было удерживать до тех пор, пока не будет обеспечена безопасность Средиземного моря и пока не будет уничтожен нтальянский флот.

На данном этапе войны я не опасался, что Япония пошлет флот и армию для захвата Сингапура, если эта крепость будет иметь надлежащий гарнизон, продовольствие и боеприпасы по крайней мере на полгода. Сингапур находится так же далеко от Японии, как Саутгемптон от Нью-Йорка. Японии пришлось бы послать за 3 тыс. миль бо́льшую часть своего флота, эскортировать по меньшей мере 60 тыс. человек на транспортных судах для того, чтобы предпринять вторжение и начать осаду, которая могла бы закончиться только катастрофой в случае, если бы морские коммуникации Японии были где-нибудь перерезаны. Эти соображения, конечно, отпали после того, как японцы оккупировали Индокитай и Сиам и создали мощную армию и очень большие военно-воздушные силы всего только в 300 милях от Сиамского залива. Однако это произошло лишь через полтора года.

Пока английский военно-морской флот не был разгромлен и пока Сингапур оставался в наших руках, вторжение Японии в Австралию или в Новую Зеландию исключалось. Мы могли обеспечить Австралии надежную защиту от этой угрозы, но мы должны были это сделать с учетом наших планов и в определенной последовательности операций. Казалось маловероятным, что враждебная Япония, обрадованная господством в Желтом море, пошлет экспедиционные силы для покорения и колонизации Австралии. Для того чтобы произвести впечатление на мужественных австралийцев, понадобилась бы многочисленная и хорошо вооруженная армия и на длительный срок. Такое предприятие потребовало бы непредусмотрительного отвлечения японского флота, которому пришлось бы вести длительные иеплаиомерные сражения в Австралии. В любой момент победа на Средиземном море высвободила бы довольно крупные военно-морские силы для того, чтобы отрезать противника от его базы. Да и Соединеным Штатам не трудно было бы заявить Японии, что они будут рассматривать посылку японского флота и транспортов южнее экватора как акт войны. Может быть, они и не возражали бы против такой декларации, и не было бы ничего плохого, если бы мы попытались выяснить их мнение относительно такой весьма отдаленной возможности...

Я был твердо уверен, что *в первый год мировой войны* Австралии и Новой Зеландии непосредственно не будет угрожать никакая опасность, а к концу первого года мы могли рассчитывать на очищение всех морей и океанов от противника. Что касается *первого года войны на море*, это предсказание оказалось правильным. В соответствующем месте мы расскажем об огромных событиях, развернувшихся в 1941 и 1942 годах на Дальнем Востоке.

* * *

Печать, и в первую очередь газета «Таймс», поддерживала принцип создания военного кабинета в составе не более пяти или шести министров, которые должны быть полностью освобождены от своих обязанностей по министерству. Только таким образом, утверждала печать, можно будет проводить глубоко продуманную и согласованную военную политику, особенно в той части, в какой это касается широких ее аспектов. Короче говоря, «пять человек, которые руководят войной и не занимаются ничем другим»,— вот идеал. Однако много практических возражений было против подобного плана. Группа обособленных государственных деятелей, каким бы высоким ни был их номинальный авторитет, всегда будет находиться в невыгодном

положении, имея дело с министрами, возглавляющими крупные и важные министерства. Это особенно относится к трем военным министерствам. Члены военного кабинета не могут нести прямой ответственности за повседневные события. Они могут принимать важные решения, они могут давать общие советы заранее или критиковать впоследствии, но они не идут ни в какое сравнение, например, с морским министром, с военным министром или министром авиации, которые, зная все вопросы в деталях и опираясь на своих коллег-специалистов, осуществляют на практике все мероприятия. Дружными усилиями они могут решить почти любые вопросы, но обычно между ними существуют расхождения во взглядах. Словопрения и споры не прекращаются, а тем временем стремительный ход войны продолжается. Сами члены военного кабинета чувствовали бы себя неуверенно, если бы им пришлось оспаривать мнение ответственного министра, вооруженного всеми цифрами и фактами. Они, естественно, считали бы неудобным еще больше нагружать тех, кто фактически занимается конкретным осуществлением планов. Поэтому они вполне могли бы превратиться в верхоглядов и комментаторов, которые прочитывали бы каждый день массу материалов, но не знали бы, как применить свои знания, чтобы не причинить больше вреда, чем пользы. Часто они могли бы выступать лишь арбитрами или находить какой-то компромисс для улаживания междуведомственных споров. Поэтому необходимо, чтобы министры, которые ведают внешними и военными делами, обязательно входили в состав верховного органа. Обычно, по крайней мере, некоторые из этой «большой пятерки» избираются в этот орган из-за их политического влияния, а не из-за их знаний или умения руководить военными операциями. Поэтому число таких людей начинает далеко выходить за пределы вначале очерченного ограниченного круга. Конечно, там, где сам премьер-министр становится министром обороны, достигается большая компактность. Лично я, когда мне поручили мою должность, не любил таких министров, которые не впрягались как следует в работу. Я предпочитал иметь дело с руководителями организаций, а не с советниками. Каждый должен повседневно работать и отвечать за выполнение определенной задачи, и тогда не будет никаких дрязг ради дрязг и никакого зазнайства.

Первоначальный состав военного кабинета, намеченный Чемберленом, был почти сразу же увеличен под давлением обстоятельств. Теперь он уже включал министра иностранных дел лорда Галифакса, лорда-хранителя печати сэра Сэмюэля Хора, министра финансов сэра Джона Саймона, министра координации обороны лорда Чэтфилда, министра без портфеля лорда Хэнки, военного министра Хор-Белиша, министра авиации сэра Кингсли Вуда. В военный кабинет теперь вошли три военных министра, одним из которых был я. Кроме того, необходимо было, чтобы министр по делам доминионов Иден и министр внутренних дел и национальной безопасности сэр Джон Андерсон всегда присутствовали на заседаниях, хотя они фактически и не были членами военного кабинета. Таким образом, состав военного кабинета возрос до одиннадцати человек. Решение включить трех военных министров серьезно затрагивало положение лорда Чэтфилда как министра координации обороны. Но он принял это решение со свойственным ему добродушием.

Кроме меня, все остальные министры руководили последние годы нашими делами или имели отношение к тому положению, с которым мы сейчас

столкнулись как в дипломатической, так и в военной областях. Иден вышел в отставку с поста министра иностранных дел в феврале 1938 года. Я не занимал государственных должностей в течение одиннадцати лет, поэтому не нес никакой ответственности за прошлые события или за недостаточную подготовленность, которая выявилась теперь. Наоборот, за последние шесть или семь лет я постоянно предсказывал те беды, перед лицом которых мы теперь оказались. Итак, вооруженный могущественной машиной морского министерства, на долю которого пала сейчас вся тяжесть активной борьбы с противником, я не испытывал никаких неудобств; но, если бы я их и испытывал, они были бы устранены любезностью и лояльностью премьер-министра и его коллег. Всех этих людей я знал очень хорошо. Большинство из нас сотрудничало на протяжении пяти лет в кабинете Болдуина, и мы, конечно, поддерживали постоянный контакт, дружественный или полемический, в течение всего периода изменений, происходивших в парламентской жизни. Однако сэр Джон Саймон и я представляли старшее политическое поколение. Я находился в английском правительстве с перерывами целых 15 лет и Саймон примерно столько же еще до того, как другие из нынешних министров заняли государственные посты. Я возглавлял морское министерство и министерство боеприпасов в тяжелые дни первой мировой войны. Хотя премьер-министр был на несколько лет старше меня, однако я был почти единственным старомодным человеком. Это вполне могло послужить поводом для недовольства во время кризиса, когда особенно понятны и популярны требования использовать молодые силы и новые идеи. Поэтому я считал, что мне придется напрячь все силы, чтобы не отстать от поколения, находившегося теперь у власти, и идти в ногу с новыми молодыми гигантами, которые могли появиться в любое время. В данном случае я полагался не только на свои знания, но и на рвение и умственную энергию.

С этой целью я вернулся к тому режиму, которого я придерживался в бытность мою в морском министерстве в 1914—1915 годах и который, как я убедился, значительно повышал мою работоспособность. Ежедневно вскоре после полудня я ложился, по крайней мере, на час отдыхать и полностью использовал мою счастливую способность сразу же засыпать крепким сном. Таким образом, мне удавалось втиснуть полтора рабочих дня в один день. В намерения природы не входило заставить человечество работать с восьми утра до полуночи без освежающего забвения, которое, если оно даже и продолжается всего лишь каких-нибудь 20 минут, позволяет восстановить все жизненные силы. Я с сожалением ложился в постель, как ребенок, каждый раз после полудня, но зато бывал вознагражден тем, что мог потом работать ночью до двух часов или даже позже — иногда значительно позже — и начать новый день в восемь-девять часов утра. Этот порядок, который я соблюдал на протяжении всей войны, я рекомендовал и другим в тех случаях, когда им приходилось в течение длительного времени выжимать последнюю каплю сил из человеческого организма. Начальник морского штаба адмирал Паунд освоил мой метод и применял его с тем лишь видоизменением, что он не ложился в постель, а дремал в кресле. Более того, он даже пошел дальше — часто засыпал на заседаниях кабинета. Однако достаточно было одного слова о военно-морском флоте, чтобы привести его в состояние полного бодрствования. Ничто не ускользало от его чуткого уха и ясного ума. <...>

Гибель Польши

Английское правительство стало очевидцем быстрого и почти механического уничтожения более слабого государства в согласии с методами и давними планами Гитлера. Польша была открыта германскому вторжению с трех сторои. Всего армии вторжения состояли из 56 дивизий, в том числе девяти таиковых. Из Восточиой Пруссии 3-я армия (8 дивизий) наступала к югу на Варшаву и Белосток. 4-я армия (12 дивизий), иаступавшая из Померании, имела приказ уничтожить польские войска в Данцигском коридоре и двинуться затем иа юго-восток к Варшаве по обоим берегам Вислы. Граница у Позианьского выступа удерживалась германскими резервными войсками, стоявшими в обороие, ио иа их правом фланге к югу иаходилась 8-я армия (7 дивизий), в задачу которой входило прикрывать левый фланг войск, иаиосящих главный удар. Наиесение этого удара было поручеио 10-й армии (17 дивизий), иаправлявшейся прямо иа Варшаву. Южиее 14-я армия (14 дивизий) имела две задачи: во-первых, занять важный промышлениый район к западу от Кракова, а затем в случае успеха иа главиом фронте иаправиться иепосредственно к Львову иа юго-восток Польши.

Таким образом, иемецкие войска должны были сиачала просочиться в расположение польских войск иа границах, а затем разгромить их и окружить двумя охватывающими операциями: первая — движение с севера и юго-запада иа Варшаву; вторая — «виешние» клещи — движение 3-й армии иа Брест-Литовск и соедииение ее после захвата Львова с 14-й армией. Таким образом, отрезалось отступление в Румынию тем, кому удалось избежать варшавских клещей. На Польшу было брошеио свыше полутора тысяч современных самолетов. Им предстояло прежде всего разгромить польскую авиацию, затем поддержать армию иа поле боя и, кроме того, иаиосить удары по военным сооружениям, железиодорожиым и шоссейным коммуникациям и повсюду сеять ужас.

По численности и вооружению польская армия ие могла тягаться с иаступавшим противником, да и диспозицию ее иельзя было призиать разумиой. Все польские вооружеииые силы были разбросаны вдоль границ Польши. Резервов в цеитре ие было. Гордо и высокомерио отвергая германские притязания, поляки тем ие меиее боялись, как бы их ие обвинили в провокации, если оии проведут мобилизацию заблаговремеиио, чтобы противостоять иакапливавшимся вокруг них силам. Тридцать дивизий, представлявших лишь две трети польской действующей армии, были готовы или почти были готовы принять иа себя первый удар. Быстрота, с которой развивались события, и эиергичиое вмешательство германской авиации ие позволили остальиой части польских вооружеиных сил выйти иа передовые позиции, пока все ие было кончеио, и оии приняли участие лишь в последних фазах катастрофы. Таким образом, иа большом протяжении 30 польских дивизий оказались лицом к лицу с почти вдвое превосходящими силами, не имея за своей спииой никакого прикрытия. Они уступали иемцам ие только числеиио; они сильио отставали и в артиллерии, а девяти германским танковым дивизиям они могли противопоставить лишь одну броиетанковую бригаду. Двеиадцать бригад польской кавалерии мужественио атаковали полчища таиков и броиемашин, ио не могли причинить им вреда своими саблями и пиками. 900 самолетов первой

линии, из которых, пожалуй, лишь половииа современиой коиструкции, были захвачены врасплох, а миогие уничтожены еще иа земле.

По плану Гитлера, германские армии выступали в поход 1 сентября; впереди них германская авиация иаиосила удар по польским эскадрильям иа аэродромах. За два дня польская авиация была фактически уничтожена. За иеделю германские армии вторглись в глубь Польши. Повсюду им оказывалось мужествениое, ио тщетное сопротивление. Все польские армии иа границах, кроме позиаиьской группы, флаиги которой были глубоко изогнуты, были отброшены иазад. Лодзииская группа была расколота надвое главными силами германской 10-й армии. Половииа отступила на восток к Радому, другая была выиуждеиа отступать иа северо-запад. В прорыв устремились две таиковые дивизии, двигавшиеся прямо иа Варшаву. Севериее германская 4-я армия достигла Вислы, форсировала ее и двииулась вдоль реки, иаступая иа Варшаву. Только польская севериая группа сумела несколько задержать германскую 3-ю армию. Вскоре поляки были обойдены с флаигов и откатились к реке Нарев, едииственной, где зараиее была подготовлеиа довольио сильиая оборонительиая система. Таковы были результаты первой недели блицкрига.

Вторая неделя озиамеиовалась ожесточеиными боями, и к концу ее польская армия, иасчитывавшая номиналыю около 2 млн человек, перестала существовать как организоваииая сила. На юге 14-я германская армия двигалась к реке Саи. К северу от нее были окружены и разгромлены четыре польские дивизии, отступившие к Радому. Две таиковые дивизии 10-й армии достигли предместья Варшавы, ио, не имея за собой пехоты, не смогли подавить отчаяииое сопротивление населения города. К северо-востоку от Варшавы 3-я армия обложила столицу с востока, а ее левый фланг достиг Брест-Литовска в ста милях за лииией фроита.

Виутри этих варшавских клещей сражалась и гибла польская армия. К ее позианьской группе присоедииились дивизии из торуиьской и лодзиискої групп, отброшеииые германским иатиском. Теперь познаньская группа иасчитывала 12 дивизий и через ее южный фланг 10-я германская армия стремительио шла иа Варшаву, защищенная лишь относительио слабой 8-й армией. Уже находясь фактически в окружении, польский комаидующий познаньской группой геиерал Кутшеба решил ударить на юг по флангу осиовных германских сил. Эта смелая польская коитратака, известная под иазванием битвы иа реке Бзура, вызвала кризис, захвативший ие только германскую 8-ю армию, но и часть 10-й, отвлеченной от иаступления иа Варшаву, и даже корпус 4-й армии с севера. Под натиском всех этих мощных сил, под сокрушительными ударами с воздуха, ие встречавшими иикакого сопротивления, позиаиьская группа десять дией вела свою славную борьбу. 19 сеитября оиа была окоичательио стерта с лица земли.

В то же время сомкнулись виешние клещи. 12 сеитября 14-я армия достигла предместий Львова и, двииувшись иа север, 17 сентября соединилась с частями 3-й армии, прошедшими через Брест-Литовск. Всякая возможиость бегства для смелых одиночек исключалась. 20 сентября иемцы иазвали битву за Вислу «одиой из величайших битв всех времеи на уиичтожеиие».

Наступила очередь Советов. Вступило в действие то, что они ииые именуют «демократией». 17 сентября русские армии хлынули через почти

незащищенную польскую восточную границу и покатились широким фронтом на запад. 18 сентября они оккупировали Вильнюс и встретились со своими германскими партнерами в Брест-Литовске. Здесь, в этом городе, в прошлую войну большевики в нарушение своих торжественных соглашений с западными союзниками заключили сепаратный мир с кайзеровской Германией, приняв все ее суровые условия. Теперь в Брест-Литовске русские коммунисты улыбались и пожимали руки представителям гитлеровской Германии.

Гибель Польши и ее полное покорение шли быстрыми темпами. Незахваченными оставались Варшава и Модлин. Блестящее сопротивление Варшавы, в значительной мере возникшее из стихийного сопротивления ее граждан, заранее было обречено на неудачу. После многих дней сильной авиационной бомбардировки и артиллерийского обстрела, причем много артиллерийских орудий было быстро переброшено по автострадам с неподвижного Западного фронта, варшавское радио перестало исполнять польский национальный гимн, и Гитлер вступил в развалины города. Модлин, крепость в двадцати милях ниже по течению Вислы, принял остатки торуньской группы и боролся до 28 сентября. Так за один месяц все было кончено и страна с населением в 35 млн человек попала в беспощадные тиски тех, кто добивался не только ее завоевания, но и фактического порабощения и даже уничтожения бо́льшей части ее населения.

Мы видели великолепный образец современного блицкрига: тесное взаимодействие на поле боя армии и авиации; усиленная бомбардировка коммуникаций и городов, представлявших сколько-нибудь заманчивую цель; вооружение активной пятой колонны; широкое использование шпионов и парашютистов и главное — непреодолимый натиск огромных масс танков. Поляки были не последними, на чью долю выпало это тяжелое испытание.

* * *

Советские армии продолжали наступать к линии, договоренной с Гитлером. 29 сентября состоялось официальное подписание русско-германского договора о разделе Польши *.

Я по-прежнему был убежден в глубоком и, на мой взгляд, непреодолимом антагонизме между Россией и Германией и цеплялся за надежду, что Советы будут перетянуты на нашу сторону силой событий. Я не давал поэтому воли возмущению, которое вызвала у меня и у моих коллег по правительству их равнодушная жестокая политика. У меня никогда не было никаких иллюзий на их счет. Я знал, что они не признают никаких нравственных правил и заботятся лишь о собственных интересах. Но, во всяком случае, они не были нам ничем обязаны. Кроме того, в войне не на жизнь, а на смерть чувство гнева должно отступить на задний план перед целью разгрома главного непосредственного врага. Я решил как можно лучше использовать их одиозное поведение. Поэтому в меморандуме для военного кабинета, написанном 25 сентября, я холодно отметил:

* Речь идет о договоре о дружбе и границе, подписанном Молотовым и Риббентропом 28 сентября 1939 года.— *Прим. перев.*

«Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла как враг Польши те же самые позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг. Разница фактически не так велика, как могло показаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвинуться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт. Для наблюдения за ним придется оставить крупную германскую армию. Насколько мне известно, генерал Гамелен определяет ее численность по меньшей мере в 20 дивизий, но их вполне может быть 25 и даже больше. Поэтому Восточный фронт потенциально существует». <...>

В выступлении по радио 1 октября я заявил:

«Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна и что Польша снова появится как утес, который временно оказался захлестнутым сильной волной, но все же остается утесом.

Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы юго-восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России».

Премьер-министр был полностью согласен со мной. «Я придерживаюсь того же мнения, что и Уинстон,— писал он в письме своей сестре,— замечательное выступление которого по радио мы только что слышали. Я думаю, что Россия всегда будет действовать сообразно ее собственным интересам, и не могу поверить, чтобы она сочла победу Германии и последующее установление германского господства в Европе отвечающими ее интересам». <...>

Французский фронт

Тотчас же, как разразилась войиа, нашу экспедициоиную армию начали перебрасывать во Фраицию. В то время как перед прошлой войиой по крайиеи мере три года было потрачеио иа подготовку, теперь воеииое министерство создало специальный отдел для этой цели лишь весной 1938 года. В этой войие имелись два серьезиых фактора. Первый — вооружение и оргаиизация совремеииой армии были гораздо сложиее, чем в 1914 году. Каждая дивизия имела механический траиспорт, бо́льшую числеииость и зиачительио бо́льшую долю иестроевых элемеитов. Второй — чрезмериая боязиь воздушиого нападения иа иаши траиспортиые суда, перевозившие войска, и иа порты высадки заставила воеииое министерство использовать только южные порты Фраиции и Сеи-Назер, ставший главиой базой. Это удлиииило коммуникации армии и в результате замедлило доставку, развертывание и сиабжеиие английских войск; зиачительио больше войск находилось в пути *.

Как ии страиио, ио до иачала войиы ие было решеио, на каком участке фроита должиы иаходиться иаши войска. Одиако предполагалось, что они будут действовать к югу от Лилля. Это было подтверждеио 22 сентября. В середиие октября четыре английские дивизии, сведеииые в два армейских корпуса, заняли свои позиции иа фраико-бельгийской границе. Для этого пришлось преодолеть расстояние в 250 миль по шоссейиым и железным дорогам от отдалеииых портов. Из трех пехотиых бригад, прибывших отдельио в течеиие октября и иоября, была образоваиа в декабре 1939 года 5-я дивизия. В яиваре 1940 года прибыла 48-я дивизия, а затем в феврале — 50-я и 51-я и в марте — 42-я и 44-я. Общая числеииость составила десять дивизий. По мере увеличения числеииости иаших войск мы занимали иовые позиции. Мы, коиечио, нигде ие иаходились в соприкосиовении с противииком.

Когда аиглийские экспедициоииые войска достигли иазиачеииых позиций, они иашли там почти готовый искусствеииый противотанковый ров вдоль лииии фронта и иа расстояиии тысячи ярдов друг от друга большие и плохо замаскироваииые доты, откуда можио было открывать флаикирующий огонь вдоль рва из пулеметов и противотаиковых орудий. Было устаиовлеио также сплошиое проволочиое заграждение. Зиачительную часть этой страииой осеии и зимы иаши войска потратили иа усовершеиствование сооруженной французами обороиы и оргаиизацию своего рода «лииии Зигфрида». Несмотря иа холод, дело подвигалось быстро. Аэрофотосъемка показывала, с какой скоростью иемцы протягивают свою «лииию Зигфрида» на север от Мозеля. Несмотря на миогие преимущества, которые они имели, как, например, близость ресурсов и примеиеиие принудительиого труда, мы ие отставали от них. К иачалу майского иаступлеиия 1940 года иаши войска закончили сооружеиие 400 иовых дотов. Был вырыт противотаиковый ров длииой в 40 миль и устаиовлеиа масса проволочиых

* Передовые частн англнйскнх экспеднцнонных войск началн высаживаться во Францнн 4 сентября. Первый корпус был на берегу уже к 19 сентября, а второй — к 3 октября. Главная ставка обосновалась 15 сентября вначале в Ле-Мане. Переброска войск происходила главным образом через Шербур, машнны и снаряжение — через Брест и Нант, а сборнымн пунктамн былн Ле-Ман н Лаваль.

заграждений. Очень многое требовалось для обслуживания линии коммуникаций, простиравшейся до Нанта. Мы создали огромные базы, улучшили дороги, проложили железную дорогу протяжением в 100 миль, протянули густую сеть подземного кабеля и почти закончили строительство нескольких блиндажей с ходами для штаба корпуса и командования армии. Было создано около 50 новых аэродромов, улучшены или заново построены стартовые дорожки, для чего потребовалось более 50 тыс. тонн бетона.

Надо всем этим наша армия потрудилась основательно. Для приобретения опыта командование попеременно посылало бригады на участок французского фронта возле Меца, находившегося в соприкосновении с противником: там, по крайней мере, иногда действовали патрули. Все остальное время наши солдаты были заняты боевой подготовкой. Это, конечно, было необходимо. Когда началась война, подготовка наших войск была гораздо ниже той, которую имела армия сэра Джона Френча четверть века тому назад. На протяжении нескольких лет солдаты не проходили в Англии никакой серьезной подготовки. Регулярная армия была недоукомплектована на 20 тыс. человек, в том числе на 5 тыс. офицеров. Недостаточно обдуманное, хотя и проведенное в благих целях увеличение в 2 раза территориальной армии в марте 1939 года и создание в мае того же года милиции потребовали от регулярной армии выделения массы инструкторов. Зимние месяцы во Франции были использованы до предела, и любая программа боевой подготовки тесно переплеталась с фортификационными работами, имевшими первостепенное значение. Нет никакого сомнения, что за время предоставленной нам передышки боеспособность нашей армии заметно возросла. Несмотря на тяжелый труд и отсутствие боевых действий, ее моральное состояние и боевой дух повысились.

В тылу фронта на складах, расположенных вдоль линии коммуникаций, была накоплена масса военного имущества и боеприпасов. Запасы на десять дней были сделаны между Сеной и Соммой и *еще на семь дней севернее Соммы*. Эти последние спасли армию после прорыва немцев. Постепенно, ввиду затишья, начали пользоваться и другими портами к северу от Гавра. Дьепп стал госпитальной базой, Фекан — базой боеприпасов. А к концу мы в общей сложности стали пользоваться тринадцатью французскими портами.

* * *

Трудно оценить преимущества, которые имеет правительство, не связанное никаким законом или договором, по сравнению со странами, развивающими военные усилия только после того, как преступление совершено, и не имеющими плана. Эти преимущества колоссальны. С другой стороны, если победа агрессоров не является полной и окончательной, может наступить день расплаты. Гитлер, не связанный никакими ограничениями, за исключением ограничений, вытекающих из превосходства сил, мог нанести удар когда и где хотел. Но две западные демократические страны не могли нарушить нейтралитет Бельгии. Самое большее, что они могли сделать,— быть готовыми прийти на помощь, когда их призовут бельгийцы, а вполне возможно, что это могло произойти только тогда, когда уже будет слишком поздно. Несомненно, если бы английская

и французская политика в течение пяти довоенных лет имела мужественный и решительный характер, свято придерживаясь договоров и пользуясь одобрением Лиги Наций, Бельгия могла бы присоединиться к своим старым союзникам и допустила бы создание единого фронта. Это неизмеримо укрепило бы безопасность и, пожалуй, могло бы предотвратить катастрофы, которые последовали.

Такой союз, будучи правильно организован, смог бы воздвигнуть заслон вдоль бельгийской границы до самого моря против этого ужасного обходного движения, которое почти превзошло наше поражение в 1914 году и которому суждено было сыграть свою роль в падении Франции в 1940 году. Он также открыл бы возможность быстрого продвижения от границ Бельгии к Руру — центру германской промышленности и создал бы таким образом могучее препятствие германской агрессии. В худшем случае Бельгию постигла бы не более тяжелая судьба, чем та, которую ей пришлось испытать. Когда мы припоминаем отчужденность Соединенных Штатов, кампанию Рамсея Макдональда за разоружение Франции, неоднократные поражения и унижения, перенесенные нами в результате многочисленных нарушений Германией статей Версальского договора о разоружении, нашу покорность при вступлении немцев в Рейнскую область, наше согласие с захватом Австрии, наш пакт в Мюнхене и согласие с германской оккупацией Праги,— когда мы припоминаем все это, ни один человек в Англии или Франции, который в те годы нес ответственность за действия государства, не имеет права укорять Бельгию. В период колебаний и умиротворения бельгийцы придерживались нейтралитета и тщетно пытались успокоить себя верой в то, что им удастся удержать германских захватчиков на своих укрепленных границах до тех пор, пока английские и французские армии смогут прийти им на помощь.

* * *

В 1914 году дух французской армии и нации, передававшийся от отца к сыну с 1870 года, был решительно наступательным. Французы считали, что держава, обладающая менее многочисленной армией, может встретить вторжение только контрнаступлением во всех пунктах, не только стратегическим, но и тактическим. Сначала французы, облаченные в синие куртки и красные брюки, смело шагали вперед под звуки оркестров, исполнявших «Марсельезу». Всюду, где это происходило, немцы, хотя вторгались-то именно они, останавливались и открывали сокрушительную стрельбу. Проповедник наступления полковник Гранмезон погиб в авангарде битвы за свою страну и свою веру в наступление. Я объяснял в «Мировом кризисе», почему с 1914 по 1916 или 1917 год преобладала оборонительная тактика. Магазинные винтовки, которые, как мы сами видели, с большим успехом использовала горстка буров в южноафриканской войне, могли нанести большие, если не решающие потери войскам, наступающим на открытой местности. Кроме того, непрерывно возрастало количество пулеметов.

Затем начались великие артиллерийские битвы. Местность опустошалась огнем сотен, а затем и тысяч орудий. Но если после героических жертв французы и англичане продвигались вперед, несмотря на сильные укрепления немцев, их встречали все новые и новые линии укреплений, а поля,

изрытые воронками после их бомбардировок, уничтожавших первые линии противника, становились решающим препятствием для дальнейшего продвижения, даже когда дела шли успешно. Единственное заключение, которое можно вывести из этого печального опыта, состоит в том, что хозяином положения была оборона. Кроме того, за четверть века, прошедшие с тех пор, огневая мощь орудий чрезвычайно возросла, но это оказалось обоюдоострым, как мы увидим ниже.

Теперь это была Франция, совершенно отличная от той, которая набросилась на своего старинного врага в августе 1914 года. Дух «реванша» иссяк в результате победы. Вожди, вселявшие его, давно умерли. Французский народ пережил страшную бойню, в которой было истреблено полтора миллиона его сыновей. Наступательные действия в представлении огромного большинства французов связывались с первоначальными неудачами французского наступления в 1914 году, с неудачной операцией генерала Нивеля в 1917 году, с длительной агонией Соммы и Пашенделя и прежде всего с уверенностью, что огневая мощь современного оружия опустошительна для наступающей стороны. Ни во Франции, ни в Бельгии в достаточной мере не сознавали последствий того нового обстоятельства, что бронированные машины могли выдерживать артиллерийский обстрел и продвигаться по сотне миль в день. Поучительная книга на эту тему, опубликованная за несколько лет до этого майором де Голлем, не встретила никаких откликов. Авторитет престарелого маршала Петэна в верховном военном совете довлел над французской военной мыслью, закрывая дверь перед новыми идеями и развенчивая оружие, странно названное «наступательное оружие».

Впоследствии политика «линии Мажино» часто осуждалась. Она, безусловно, порождала оборонительные настроения. И все же защита границы на сотни миль с сооружением максимального количества укреплений и тем самым экономия войск и «направление» возможного вторжения является мудрой мерой предосторожности. Если бы «линия Мажино» заняла соответствующее место во французских военных планах, она сыграла бы огромную роль для Франции. Она могла бы рассматриваться как система важных опорных пунктов и прежде всего как защита обширных секторов фронта, как средство накопления общих резервов или «маневренных масс». При неравенстве населения Франции и Германии «линия Мажино» должна рассматриваться как разумное и мудрое мероприятие. И странно, что она не была проведена, по крайней мере, по реке Маас. В таком случае она могла бы служить надежной защитой и высвободить большие наступательные силы французов. Но маршал Петэн выступал против такого расширения. Он решительно утверждал, что Арденны не следует принимать во внимание как возможное направление вторжения ввиду характера местности. Они в соответствии с этим и не принимались во внимание. Наступательные концепции, связанные с «линией Мажино», были разъяснены мне генералом Жиро, когда я посетил Мец в 1937 году. Однако эти концепции не были приняты во внимание, и «линия Мажино» не только поглотила огромное количество хорошо подготовленных солдат и технического персонала регулярных войск, но и оказала вредное воздействие как на военную стратегию, так и на национальную бдительность.

Новая сила — авиация — справедливо оценивалась как революционный фактор во всех операциях. При сравнительно небольшом количестве

самолетов с обеих сторон в это время роль авиации даже преувеличивалась и она рассматривалась как главный фактор, поддерживающий принцип обороны, затрудняющий концентрацию и нарушающий коммуникации больших армий, начавших наступление. Даже период мобилизации во Франции рассматривался французским верховным командованием как крайне критический в связи с возможным разрушением железнодорожных узлов, несмотря на то что численность германской авиации, так же как и авиации союзников, была недостаточной для такой задачи. Эти мысли руководителей военно-воздушных сил выражали правильное направление и оправдались в последующие годы войны, когда воздушная мощь возросла в 10 или 20 раз. В начале же войны они были преждевременны.

* * *

В Англии шутят, что наше военное министерство всегда готовится к прошлой войне, но это, пожалуй, касается и других министерств и других стран, и это, безусловно, справедливо в отношении французской армии. Я также был убежден в превосходстве обороны при условии, если она проводится активно. Я не нес ответственности и не имел постоянной информации, чтобы произвести переоценку этого мнения. Я знал, что бойня предыдущей войны глубоко запечатлелась в душе французского народа. Немцам предоставили время построить «линию Зигфрида». Как ужасно будет бросить оставшееся мужское население Франции против этой стены огня и бетона!.. В первые месяцы второй мировой войны мои взгляды на оборону не отличались от общепринятых и я считал, что противотанковые заграждения и полевые орудия, умно расставленные и обеспеченные соответствующими боеприпасами, могут расстроить и сорвать танковую атаку, если только она не происходит в темноте или тумане — естественном или искусственном.

В положениях, в которые всемогущий ставит своих смиренных слуг, обстоятельства едва ли складываются дважды одинаково, и даже если это так кажется, то всегда существуют какие-то отклонения, исключающие обобщение. Человеческий ум, за исключением тех случаев, когда он направляется высочайшим гением, не может выйти за рамки установившихся взглядов, в которых он был воспитан.

Через восемь месяцев бездействия обеих сторон мы увидели, что Гитлер начал большое наступление, острием которого были неуязвимые для орудийного огня сильно бронированные машины, сломившие всякое оборонительное сопротивление противника и впервые за много веков и, может быть, даже впервые с момента изобретения пороха сделавшие артиллерию на время бессильной на поле боя. Мы также увидели, что усиление огневой мощи сделало бои менее кровопролитными, дав возможность удерживать необходимые участки с помощью очень небольшого числа людей, благодаря чему меньше людей находится под огнем противника.

* * *

В мире не найдется другой границы, которая была бы предметом столь пристального внимания стратегов и изучалась бы так тщательно, как проходящая через Бельгию и Голландию граница между Францией и Герма-

иней. Каждая пядь этого района, все расположенные здесь холмы и прорезывающие его водные пути — все это столетиями каждый раз изучалось в свете последней военной кампании всеми генералами и во всех военных академиях Западной Европы. В тот период существовало две линии, на которые союзники могли выдвинуться, если бы Германия вторглась в Бельгию и они решили бы прийти последней на помощь, или которые они могли бы занять по приглашению Бельгии на основе тщательно разработанного, тайного и рассчитанного на внезапность плана. Первую линию можно назвать линией Шельды. Расположена она была на сравнительно близком расстоянии от французской границы, и выход к ней не представлял сколько-нибудь серьезной опасности. На худой конец не вредно было бы занять эту линию в качестве «ложного фронта». В лучшем же случае этот фронт можно было укрепить в зависимости от хода событий. Вторая линия представляла гораздо больший интерес. Она пролегала вдоль Мааса, через Живе, Динан, Намюр и Лувен и кончалась в Антверпене. Если бы союзники захватили эту многообещающую позицию и удержали ее в ожесточенных боях, немецкий удар справа наткнулся бы на мощную преграду. Если бы германская армия оказалась слабее союзных, выход на эту линию послужил бы великолепной прелюдией к захвату Рура — сердца немецкой военной промышленности.

Но поскольку возможность наступления через Бельгию без согласия бельгийцев исключалась по соображениям международной морали, оставался только один путь для наступления: от франко-германской границы. Наступление на восток через Рейн к северу и югу от Страсбурга выводило главным образом в район Шварцвальда, который, подобно Арденнам, в то время считался неблагоприятным для наступательных операций. Существовала также возможность передвижения от линии фронта Страсбург, Мец на северо-восток, на территорию Пфальца. Такое наступление, которое опиралось бы правым флангом на Рейн, позволило бы контролировать Рейн к северу вплоть до Кобленца или Кёльна. Отсюда открывался путь на благоприятную для боевых операций территорию. Все эти планы с многочисленными вариантами служили темой военных маневров академий генеральных штабов Западной Европы уже много лет. Однако в этом секторе в сентябре 1939 года уже грозную преграду представляла собой «линия Зигфрида» с ее отличными взаимодействующими бетонными дотами, эшелонированными на большую глубину и окруженными многочисленными проволочными заграждениями. Французы смогли бы предпринять крупное наступление не ранее конца третьей недели сентября. Но к этому времени польская кампания уже закончилась. В середине октября у немцев на Западном фронте стояло 70 дивизий. Кратковременное численное превосходство французов на Западе сходило на нет. В случае наступления французов с их восточной границы они обнажили бы гораздо более важный для себя Северный фронт. Даже если бы французским армиям и удалось добиться успеха вначале, уже через месяц им стало бы чрезвычайно трудно сохранить свои завоевания на востоке, вследствие чего они оказались бы беззащитными в случае мощного немецкого контрудара на севере.

Таков ответ на вопрос: «Почему оставались пассивными, пока не была уничтожена Польша?» Это сражение было заранее проиграно, еще за несколько лет до того, как оно началось. В 1938 году представлялась от-

личная возможность победы, пока еще существовала Чехословакия. В 1936 году не могло быть сколько-нибудь серьезиого сопротнвления. В 1933 году достаточно было рескрипта из Женевы, чтобы добиться бескровного подчииения. Нельзя обвинять одного только генерала Гамелена, что в 1939 году он не пошел на возросший в огромной мере риск после всех предыдущих крнзнсов, перед которыми в ужасе отшатнулись французское н английское правительства.

Английский штабиой комитет подсчитал, что к 18 сентября немцы отмобилизовали не менее 116 дивизнй н дислоцировали нх следующим образом: 42 дивизин на Западном фронте, 16 дивнзий в Центральной Германии н 58 дивнзий иа Восточном фронте. Ныне нз непрнятельских документов нам известно, что подсчет этот был почтн точен. В общей сложиостн Германия располагала 108—117 дивизиями. В нападенин иа Польшу участвовало 58 наиболее боеспособных германских дивизий. Помимо этого было еще 50—60 дивнзий разной степени боеспособности. Из этого числа 42 немецкие дивнзнн (14 дивизий первой линин, 25 резервных н 3 дивизии ополчения) стоялн на Западиом фронте от Ахена до швейцарской границы. Немецкие танковые войска лнбо были заняты в Польше, либо еще ие появились на свет, а громадный поток танков еще едва начииал сходить с конвейеров военных заводов. Английские экспедиционые войска представляли собой не больше чем снмволнческий вклад. Они могли ввести в бой две дивнзнн в первую неделю октября н еще две дивизии во вторую неделю. Германское верховное командованне, несмотря на огромиый рост относнтельной мощи немцев со времени Мюнхена, с глубочайшей тревогой оценивало свое положение на Западе, пока Польша не была завоевана, н только деспотнческая власть, воля н пятнкратно оправдавшиеся полнтические суждения Гнтлера, который считал, что Франция и Англия воевать не хотят, заставили его пуститься на то, что оно считало неоправданным риском.

Гнтлер был убежден, что французская политическая система прогнила до основания н заразила французскую армию. Он знал силу коммунистов во Франции н что ее можно будет нспользовать, чтобы ослабить или парализовать действия, как только Рнббентроп н Молотов достигнут соглашения н Москва осудит французское н английское правительства за то, что они вступили в капиталистическую н империалистическую войну. Гитлер был убежден, что Англия — пацифнстская н выродившаяся страиа. Он считал, что, хотя воинственное меньшинство в Англии н заставило Чемберлена н Даладье объявить войну, оба будут вести ее в возможно меньших масштабах и, как только Польша будет раздавлеиа, оба призиают этот свершившийся факт точно так же, как они это сделали годом ранее в отиошении Чехословакии. В целом ряде случаев до этого ннстннкт Гнтлера оказывался правильным, а доводы н опасения его генералов — неправильными. Он, однако, не понимал, какие глубокие сдвиги совершаются в Англии и во всей Брнтаиской нмперии, когда раздается боевой прнзыв. Не понимал ои и того, что те самые люди, которые ревностнее всех ратуют за мир, в мгновенне ока превращаются в иеутомимых тружеников во нмя победы. Он ие способеи был оценнть умственную и духовную силу нашего островного народа, который прн всем своем нерасположенин к войне и военным прнготовленням привык на протяжении веков считать, что победа прниадлежит ему по праву первородства. Но так или ниаче, в начале войны англий-

ская армия не могла нграть сколько-нибудь существенной роли. В отношении французского народа Гитлер был убежден, что душа его не лежнт к войне. И это действительно было так. Гнтлер настоял на своем, н прнказы его были выполнены.

* * *

Наши офицеры считали, что после разгрома польской армнн Германин придется держать в Польше приблизнтельно 15 дивнзий, значнтельную часть которых составят малобоеспособные соединения. Если у нее были какие-либо сомнения относнтельно русского пакта, она, возможно, довела бы численность своих войск на Востоке до 30 дивнзнй. Таким образом, нсходя из наименее благопрнятных расчетов, Германия смогла бы снять с Восточного фронта более 40 дивнзий, доведя численность своих войск на Западе до 100 дивизнй. К тому времени французы сумели бы отмобилизовать 72 дивнзии во Франции в дополнение к гарнизонам крепостей силой до 12—14 дивизий. Кроме того, нмелось бы четыре дивизин английских экспедиционных войск. Для охраны нтальянской границы потребовалось бы 12 французских дивнзнй. Следовательно, против Германин удалось бы выставить в общей сложности 76 дивизий. Таким образом, противник имел бы превосходство над союзниками в пропорции 4 : 3 н, кроме того, вероятно, смог бы сформировать дополнительные дивизии резерва, доведя в скором времени общую численность своих войск до 130 дивизий. Французы со своей стороны располагали еще 14 дивнзиями в Северной Африке, часть которых можно было перебросить на континент, а также дополннтельными силами, которые постепенно могла бы перебросить Великобритания.

Что касается авиации, то наш штабной комитет считал, что после разгрома Польши Германия сможет сосредоточить на Западе более 2 тыс. бомбардировщиков против объединенной франко-английской авиации в колнчестве 950 самолетов *. Отсюда было ясно, что, как только Гитлер разделается с Польшей, он н на земле н в воздухе окажется гораздо сильнее англичан и французов, вместе взятых. Следовательно, не могло быть н речи о французском наступлении против Германии. Каковы же были шансы на немецкое наступление против Франции?

Возможны, конечно, были трн варнанта. Во-первых, вторжение через Швейцарию. В этом случае возможен был обход южного фланга «линии Мажино», однако с этим варнантом был сопряжен ряд трудностей географнческого н стратегического порядка. Во-вторых, вторжение во Францию через франко-германскую границу. Этот варнант казался маловероятным, так как считалось, что немецкая армия была тогда еще недостаточно оснащена или вооружена для мощного наступления на «линню Мажино». В-третьнх, вторжение во Францию через Голландию н Бельгию. Это означало бы двнжение в обход «лннии Мажино» и не было сопряжено с такими крупными потерями, которые пришлось бы нестн в случае лобовой атаки протнв долговременных укреплений. Штабной комитет подсчитал, что для такого нападения Германни пришлось бы для подкрепления ее войск, уже сосредоточенных на Западе, перебросить с Восточного фронта 29 ди-

* В действительности немецкая бомбардировочная авиация в тот момент насчитывала 1546 самолетов.

визий для первой фазы боев, а за ними эшелоинровать еще 14 дивизнй. Для такой переброскн войск и организацин наступлеиня, полностью обеспеченного артиллерийской поддержкой, понадобилось бы не меиее трех недель, и о подобных подготовительных мероприятиях мы узнали бы недели за две до наиесения удара. Таким образом, эту грандиозную операцию немцам пришлось бы предпрнннимать уже в поздиее время года, ио возможность ее не исключалась.

Мы, конечно, должны были попытаться задержать переброску немецких войск с востока на запад посредством налетов авиации иа нх коммуникацин и районы сосредоточения. Таким образом, следовало ожидать предварительных действий авиации с целью ослабления нли уничтожения военно-воздушных сил союзников путем иалетов на аэродромы и авиационные заводы. Что касается Англин, оиа ие прочь была иачать войну в воздухе. Наша следующая задача состояла бы в прннятнн мер против немецкого наступления через Нидерланды. Мы ие нмели бы возможностн встретить иаступающие иемецкие войска иа таких далеко выдвинутых познциях, как территорня Голландии, но ннтересы союзников требовали, чтобы противник был по возможиости остаиовлеи в Бельгин.

«Насколько нам известно,— писал штабной комнтет,— французский план состоит в том, что, если бельгийцы удержатся на линии Мааса, французская н аиглийская армии займут линию Живе, Намюр с английскими экспедиционными войсками, действующими на левом фланге. *Мы считаем нецелесообразным принимать этот план без согласования с бельгийцами планов занятия этой линии заблаговременно до немецкого наступления... Если отношение бельгийцев не изменится и не удастся разработать план заблаговременного выхода на линию Живе, Намюр (называемую также линией Маас, Антверпен), мы решительно настаиваем на том, чтобы немецкое наступление было встречено на подготовленных позициях на французской границе»*.

В этом случае, коиечно, пришлось бы бомбить бельгийские и голландские города н железиодорожные узлы, которые использовали бы или захватили немецкие войска.

Необходимо напомнить последующую нсторию этого важиейшего вопроса. 20 сеитября ои был поставлеи перед воеиным кабииетом и после краткого обсуждения передан в верховный воеиный совет. Через иекоторое время верховный воеииый совет запросил миение геиерала Гамелеиа. В своем ответе геиерал Гамелен ограничился заявлеинем о том, что вопрос о плане «Д» (то есть плане выхода на линию Маас, Антверпен) уже достаточио освещеи в докладе, представленном фраицузской делегацией. Резолютнвиый раздел этого документа гласил: «В случае своевремеииого приглашения англо-французские войска вступят иа территорию Бельгин, ио ие для встречного боя. К числу общепризнанных линий обороиы относится лииия Шельды и линия Маас, Намюр, Антверпен». Ознакомившись с фраицузским ответом, английский штабиой комитет представил кабинету новый доклад, в котором разбнралась возможиость выхода на линию Шельды, однако совсем ие упоминалась гораздо более сложная задача выдвижения на линию Маас, Антверпеи. В своем втором докладе военному кабнниету 4 октября штаб-

ной комитет совершенно умолчал о важнейшем варианте, предусмотренном планом «Д». На этом основании военный кабинет заключил, что мнение английского штабного комитета встретило поддержку и что, следовательно, никаких новых действий или решений не требуется. Я присутствовал на обоих этих заседаниях кабинета и не подозревал, что еще оставались нерешенными какие-либо важные спорные вопросы. Так как в октябре не удалось достигнуть практической договоренности с бельгийцами, считалось, что наше продвижение должно ограничиться линией Шельды.

Тем временем генерал Гамелен в ходе секретных переговоров с бельгийцами потребовал, чтобы, во-первых, бельгийская армия сохранила свой полный боевой состав и, во-вторых, чтобы бельгийцы подготовили оборонительный рубеж на более выдвинутой линии Намюр, Лувен. К началу ноября удалось договориться с бельгийцами по этим вопросам, а с 5 по 14 ноября происходил ряд совещаний в Венсене и Лафере, причем по меньшей мере на нескольких из них присутствовали Айронсайд, Ньюолл и Горт. 15 ноября генерал Гамелен издал предписание № 8, подтверждавшее соглашение от 14 ноября, по которому, «если обстоятельства позволят», бельгийцам будет оказана поддержка посредством выдвижения на линию Маас, Антверпен. 17 ноября в Париже открылось заседание союзного верховного совета. Чемберлен взял с собой лорда Галифакса, лорда Чэтфилда и сэра Кингсли Вуда. К тому времени я еще не занимал такого официального положения, чтобы меня следовало привлечь к этим переговорам. Было принято следующее решение: «Учитывая важность удержания германских войск как можно дальше на Востоке, необходимо принять все меры для удержания линии Маас, Антверпен в случае германского вторжения в Бельгию». На этом заседании Чемберлен и Даладье подчеркивали, что придают этому решению большое значение, и оно предопределило все дальнейшие действия. По существу, это было решение в пользу плана «Д», и оно заменило собой ранее достигнутое соглашение о скромном выдвижении на линию Шельды.

Вскоре после этого в развитие плана «Д» возник вопрос об использовании французской 7-й армии. Впервые идея выхода этой армии на приморский фланг союзных войск возникла в начале ноября 1939 года. Генерал Жиро, который скучал со своей резервной армией в районе Реймса, был назначен командующим 7-й армией. Цель такого расширения плана «Д» заключалась в том, чтобы продвинуться в Голландию через Антверпен для оказания помощи голландцам, а также в том, чтобы оккупировать часть территории голландских островов Валхерен и Бевеланд. Все это было бы отлично, если бы немцев к тому времени уже остановили на линии канала Альберта. Этого требовал генерал Гамелен. Генерал Жорж со своей стороны считал, что нам такая операция не под силу, и предлагал, чтобы предназначенные для этой цели войска были поставлены в резерв на центральном участке этого фронта. Мы ничего не знали об этих разногласиях.

В итоге в этом положении мы и провели всю зиму в ожидании весны. В течение полугода, отделявшего нас в тот момент от начала немецкого нападения, ни французский, ни английский штабы, ни их правительства не принимали каких-либо новых принципиальных стратегических решений. <...>

Скандинавия, Финляндия

Простирающийся от входа в Балтийское море до Полярного круга полуостров длиной в тысячу миль имел огромное стратегическое значение. Спускаясь к океану, норвежские горы разбиваются на множество островов, окаймляющих берега. В территориальных водах между этими островами и материком пролегает коридор, которым Германия могла пользоваться для выхода в открытое море, с весьма ощутимым ущербом для нашей блокады. Германская военная промышленность зависела главным образом от поставок шведской железной руды, которая летом поступала через шведский порт Лулео, в северной части Ботнического залива, а зимою, когда залив замерзал,— через порт Нарвик, на западном побережье Норвегии. Примириться с наличием такого коридора — значило допустить, несмотря на наше превосходство на море, чтобы под прикрытием нейтралитета весь этот грузопоток шел беспрепятственно. Морской штаб был сильно обеспокоен этим важным преимуществом, которое предоставлялось Германии, и я при первой возможности поднял этот вопрос перед кабинетом.

Я помнил, что в прошлую войну английское и американское правительства без всяких колебаний минировали «подступы», как тогда называли эти укрытые воды. Такое огромное минное заграждение, какое было установлено в 1917—1918 годах в Северном море от Шотландии до Норвегии, не могло быть достаточно действенным, если бы немецкие торговые суда и подводные лодки имели возможность обходить его на одном каком-нибудь конце безнаказанно. Я убедился, однако, что ни один из флотов союзников не создал никаких минных полей в норвежских территориальных водах. Адмиралы этих флотов с сожалением указывали, что минное заграждение, на которое надо потратить много труда и средств, окажется неэффективным, если не будет закрыт этот коридор. Поэтому все союзные правительства оказали на Норвегию самый сильный дипломатический и экономический нажим, пригрозив, что они сами закроют его. Потребовался длительный период для создания такого огромного минного заграждения, и к тому времени, когда оно было закончено, никто уже не сомневался, каков будет исход войны, а также в том, что Германия больше не располагает возможностью вторгнуться в Скандинавию. Однако лишь в конце сентября 1918 года норвежское правительство убедили принять меры. Но пока оно собиралось что-нибудь сделать, война уже закончилась.

Впоследствии, в апреле 1940 года, выступая в палате общин, я заявил:

«Во время прошлой войны, когда мы были объединены с Соединенными Штатами, союзники считали, что из-за использования этого пути немецкими подводными лодками для своих пиратских экспедиций они терпят такой серьезный ущерб, что правительства Англии, Франции и Соединенных Штатов совместными усилиями убедили норвежцев предпринять установку минных заграждений в своих территориальных водах, чтобы помешать немецким подводным лодкам злоупотреблять этим каналом. Вполне понятно, что после начала нынешней войны морское министерство обратило внимание правительства Его Величества на этот прецедент, хотя данный случай кое-чем отличается от предыдущего, и настаивало на том, чтобы мы сами создали минное поле в норвежских территориальных водах и тем

заставили суда, идущие из Германии и в Германию, выйти в открытое море, где им грозила опасность либо попасть в руки наших органов по борьбе с контрабандой, либо быть захваченными в качестве призовых судов нашими эскадрами и флотилиями, осуществляющими блокаду. Вполне понятно, что правительство Его Величества в течение долгого времени не хотело подавать повод для упрека хотя бы в формальном нарушении международного права».

И действительно, правительство очень медлило с решением. <...>

* * *

Почти в тот же период (как нам теперь известно) взоры немцев были устремлены в том же направлении. 3 октября адмирал Редер представил Гитлеру проект, озаглавленный «Приобретение баз в Норвегии». Он просил «возможно скорее сообщить фюреру мнение морского штаба о возможности расширения оперативной базы в северном направлении. Нужно выяснить, можно ли добиться получения баз в Норвегии с помощью совместного нажима России и Германии с целью улучшения нашего стратегического и оперативного положения». В связи с этим он составил ряд докладных записок и 10 октября передал их Гитлеру.

«В этих докладных записках,— писал он,— я подчеркивал те невыгоды, с которыми мы столкнулись бы в случае оккупации Норвегии англичанами: контроль над подходами к Балтике, фланговая угроза нашим морским и воздушным операциям против Англии и прекращение нашего давления на Швецию. С другой стороны, я подчеркнул, какие преимущества даст нам оккупация норвежского побережья: выход в Северную Атлантику, невозможность создания англичанами минного барьера по образцу 1917—1918 годов. ...Фюрер сразу же оценил значение норвежской проблемы, попросил меня оставить ему докладные записки и заявил, что обдумает этот вопрос».

Розенберг, специалист нацистской партии по иностранным делам, ведавший специальным бюро по руководству пропагандой в иностранных государствах, разделял взгляды адмирала. Он мечтал о том, чтобы «убедить Скандинавию воспринять идею нордической общины, охватывающей северные народы под естественным руководством Германии». Еще в начале 1939 года он полагал, что в лице крайне националистической партии Норвегии, возглавляемой бывшим военным министром Видкуном Квислингом, ему удалось найти орудие для проведения этой идеи в жизнь. Был установлен контакт, и через организацию Розенберга и немецкого военно-морского атташе в Осло деятельность Квислинга была увязана с планами немецкого морского штаба.

14 декабря Квислинг со своим помощником Хагелином прибыл в Берлин, где Редер представил их Гитлеру, для обсуждения плана нанесения политического удара в Норвегии. Квислинг прибыл с подробным планом. Гитлер, чтобы соблюсти тайну, притворился, будто избегает принятия на себя новых обязательств, и заявил, что предпочел бы, чтобы Скандинавия осталась нейтральной. Тем не менее, как утверждает Редер, в этот же день Гитлер приказал верховному командованию подготовиться к норвежской операции.

Разумеется, мы ничего об этом не знали. Оба морских министерства вполне правильно вели расчеты по одним и тем же стратегическим линиям, и одному из них удалось добиться от своего правительства конкретных решений.

* * *

Тем временем Скандинавский полуостров превратился в театр неожиданного столкновения, вызвавшего волну возмущения в Англии и во Франции. Это обстоятельство возымело весьма серьезное влияние на ход обсуждения норвежской проблемы. Как только Германия оказалась втянутой в войну с Англией и Францией, Советская Россия в духе заключенного ею с Германией пакта приступила к блокированию всех линий, ведущих в Советский Союз с запада. Одна из этих линий проходила из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства; вторая — через воды Финского залива; третья — через Финляндию и Карельский перешеек и заканчивалась на финской границе в пункте, отстоявшем от ленинградских пригородов лишь на 20 миль. Советы не забыли опасностей, которым подвергся Ленинград в 1919 году. Даже белогвардейское правительство Колчака уведомило мирную конференцию в Париже, что базы в Прибалтийских государствах и Финляндии были необходимой защитой для русской столицы. Сталин высказал ту же мысль английской и французской миссиям летом 1939 года. В предыдущих главах мы видели, как естественные опасения этих малых государств служили препятствием англо-французскому союзу с Россией и проложили путь соглашению Молотов — Риббентроп.

Сталин не терял времени. 24 сентября в Москву был вызван эстонский министр иностранных дел, и спустя четыре дня его правительство подписало пакт о взаимопомощи, по которому русским было предоставлено право разместить свои гарнизоны в ключевых базах в Эстонии. 21 октября Красная Армия и военно-воздушные силы уже были на месте. Та же процедура была одновременно применена в Латвии. Советские гарнизоны появились также и в Литве. Таким образом, южный путь на Ленинград и половина береговой линии Финского залива оказались в кратчайший срок блокированными советскими вооруженными силами на случай немецких поползновений. Оставались открытыми подступы только через Финляндию.

В начале октября в Москву отправился Паасикиви, финский государственный деятель, в 1921 году подписавший с Советским Союзом мирный договор *. Советские требования были большими: отодвинуть на значительное расстояние финскую границу на Карельском перешейке, чтобы Ленинград не был на расстоянии действия вражеской артиллерии; уступить некоторые финские острова, расположенные в Финском заливе; сдать в аренду полуостров Рыбачий с его единственным финским незамерзающим арктическим портом Петсамо и главное — сдать в аренду порт Ханко у входа в Финский залив для устройства в нем русской военно-морской и военно-воздушной базы. Финны готовы были уступить по всем пунктам,

* Речь идет о Тартуском мирном договоре между РСФСР и Финляндией, подписанном в 1920 году.— *Прим. перев.*

кроме последнего. Они считали, что с того момента, как ключи от Финского залива окажутся в руках русских, со стратегической и национальной безопасностью Финляндии будет покончено. 13 ноября переговоры были прерваны, и финское правительство приступило к мобилизации и усилению своих войск на карельской границе. 28 ноября Молотов денонсировал пакт о ненападении, заключенный между Финляндией и Россией. Спустя два дня русские перешли в наступление в восьми пунктах, расположенных на тысячемильном финском фронте, причем в то же утро красные военно-воздушные силы бомбили финскую столицу Хельсинки.

Вся тяжесть русского удара была прежде всего направлена против пограничных укреплений финнов на Карельском перешейке. Это был укрепленный район глубиной около 20 миль, простиравшийся с севера на юг через лесистую местность, покрытую толстым слоем снега. Укрепления эти были названы «линией Маннергейма», по имени финского главнокомандующего, спасшего в 1917 году Финляндию от большевистского владычества. Возмущение, вызванное в Англии, во Франции и в еще более острой форме в Соединенных Штатах при виде неспровоцированного нападения гигантской Советской державы на маленькую, отважную и высокоцивилизованную нацию, вскоре сменилось чувством изумления и облегчения. В первые недели боев советские войска, укомплектованные почти целиком из состава Ленинградского гарнизона, успеха не имели. Финская армия, общий боевой состав которой составлял не более 200 тыс. человек, сражалась отлично. Финны мужественно действовали против русских танков, применив новый тип ручных гранат, которые вскоре получили название «молотовский коктейль».

Возможно, что Советское правительство рассчитывало на военную прогулку. Хотя первоначально советские налеты на Хельсинки и другие пункты и не носили особенно интенсивного характера, они были рассчитаны на то, чтобы вселить глубокий страх. Советские войска, начав военные действия, численно намного превосходили противника, но уступали ему в боевых качествах и были плохо подготовлены. Воздушные налеты и вторжение на их землю вызвали у финнов подъем, и они, как один человек, сплотились против агрессора и дрались с предельной решимостью и великолепным искусством. Правда, русской дивизии, наступавшей на Петсамо, не стоило особого труда отбросить 700 финнов, оборонявших этот район. Однако наступление на «талию» Финляндии оказалось катастрофическим для захватчиков. Местность в этом районе почти вся покрыта сосновым лесом, а почва в ту пору была прикрыта твердым слоем снега. Холода стояли жестокие. Финны были хорошо обеспечены лыжами и теплым обмундированием, в то время как у русских не было ни того ни другого. Кроме того, финны оказались напористыми бойцами, отлично подготовленными для разведывательных операций и войны в лесу. Тщетно возлагали русские свои надежды на численное превосходство и более тяжелое вооружение. По всему этому фронту финские пограничные части медленно отступали по дорогам, преследуемые русскими колоннами. Но как только последние углублялись приблизительно на 30 миль, на них со всех сторон набрасывались финны. Колонны эти наткнулись на финские оборонительные сооружения в лесах и подвергались днем и ночью ожесточенным фланговым атакам; их коммуникации в тылу перерезались, их уничтожали, а в лучшем случае они возвращались восвояси, понеся тяжелые поте-

рн. К концу декабря весь русский план наступления через «талию» провалился.

Тем временем не лучше обстояло дело н с наступлением на «линию Маннергейма» на Карельском перешейке. Обходное двнженне к северу от Ладожского озера силами двух советских дивнзнй окончилось так же, как и операция на севере. Против «линнн Маннергейма» был предпрннят ряд массированных атак силой около 12 дивизий, которые начались в первые днн декабря н продолжались весь месяц. Обстрел русской артиллерией оказался недостаточным, у русских были в основном легкие танки, и их фронтальные атаки были отбиты, они понесли тяжелые потери и не добились успеха. К концу года неудача на всем фронте в конце концов убедила Советское правительство, что оно имеет дело с совершенно нным противником, чем предполагалось. Тогда Советское правительство решило предпринять более основательные усилия. Поняв, что на севере в лесистой местности одним чнсленным превосходством нельзя преодолеть сопротивление лучше обученных н тактически более гибких финнов, Советское правнтельство решило сосредоточить силы на прорыве «линнн Маннергейма» по способу осадной войны, которая позволяет в полной мере нспользовать мощь массированной тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Это потребовало больших прнготовлений, поэтому с конца года боевые действия на всем фнском фронте затихли.

Финны к тому моменту вышли победителями из схватки со своим могущественным противником. Такой неожиданный поворот событий был воспрннят с чувством удовлетворения во всех странах, как воюющих, так и нейтральных. Для Советской Армин это оказалось довольно плохой рекламой. В английских кругах многие поздравляли себя с тем, что мы не очень рьяно старались привлечь Советы на нашу сторону, и гордились своей дальновидностью. Люди слншком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию и что все это подтверждало органическую гнилость н упадок государственного и общественного строя русских. Этих взглядов придерживались не только в Англии. Можно не сомневаться, что Гнтлер со всем своим генералитетом глубоко задумался над фниским уроком н что это сыграло большую роль в формированин его намерений.

Чувство негодования против Советского правнтельства, вызванное в то время пактом Риббентропа — Молотова, ныне, под влиянием грубого запугивания н агресснн, разгорелось ярким пламенем. К этому примешивалось презрение по поводу неспособностн советских войск н восторженное отношение к доблестным финнам.

Несмотря на уже начавшуюся всемирную войну, повсюду проявлялось большое желание помочь финнам авнацией н другими ценными военными матерналами, а также добровольцами нз Англин, Соединенных Штатов и в особенности нз Франции. Но для доставки военного снаряжения н добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным руднпкам приобрел новое моральное, если не стратегическое значение. Использование Нарвика для снабжения финских войск затрагивало нейтралитет Норвегии н Швеции. Оба эти государства, в равной степени страшившиеся Германии н Росснн, хотели только одного — не быть втянутыми в войны, которые уже начинали разгораться вокруг н готовы были поглотить и их. Нейтралитет

казался им единственным средством самосохранения. Английское правительство не хотело, конечно, совершить даже формальное нарушение норвежских территориальных вод, минировав норвежский коридор для обеспечения себе преимущества перед Германией. Но подчиняясь более благородному побуждению, лишь косвенно связанному с нашими военными интересами, оно предъявило Норвегии и Швеции гораздо более серьезное требование свободного пропуска людей и поставок для Финляндии.

Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу. Я был рад этим новым и благоприятным настроениям, считая, что они помогут нам добиться крупного стратегического преимущества перед Германией, которая, таким образом, оказалась бы отрезанной от важных для нее источников железной руды. Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору в Германию. Если бы удалось урегулировать вопрос с норвежцами и шведами, то более значительные меры потребовали бы меньше усилий. Внимание морского министерства в тот момент было приковано к большому и мощному русскому ледоколу, который отправился из Мурманска в Германию якобы для ремонта, а вероятнее всего для расчистки фарватера затянутого сейчас льдом балтийского порта Лулео на предмет приема немецких кораблей, приходивших за рудой. Я снова предпринял попытку добиться согласия на простейшую и бескровную операцию минирования норвежского коридора, тем более что прецедент был установлен в первую мировую войну. <...>

* * *

22 декабря мой меморандум обсуждался кабинетом, и я выступил с горячей речью в его защиту. Мне, однако, не удалось добиться решения, которое предоставило бы возможность действий. Согласились на том, что можно заявить Норвегии дипломатический протест по поводу злоупотребления Германией ее территориальными водами, и на том, чтобы начальники штабов разобрались в военных последствиях каких-либо будущих действий на скандинавской территории. Начальникам штабов поручили разработать план десантной операции в Нарвике для оказания помощи Финляндии, а также обсудить военное значение оккупации южной Норвегии Германией. Но морскому министерству не было дано никаких оперативных приказов. В докладной записке, розданной мною 24 декабря, я суммировал донесения разведки, говорившие о возможности русских посягательств на Норвегию. По сведениям, Советы, готовясь к морской экспедиции, сосредоточили тогда в Мурманске три дивизии. Свой меморандум я закончил следующими словами: «Вполне вероятно, что в очень скором времени на этом театре развернутся военные действия». Предсказание это оказалось более чем верным, но война на этом театре началась на другом участке. <...>

Падение правительства

Миогочислеиные разочарования и бедствия, постигшие иас за время иепродолжительиой кампании в Норвегии, вызвали сильиое смятение в самой Англии, и страсти бушевали даже в сердцах тех, кто в предвоенные годы отличался крайней апатией и слепотой. Оппозиция требовала прений о воеином положении, и они были назначены на 7 мая. Палата общии была заполнеиа депутатами, иаходившимися в состоянии крайнего раздражения и уныния. Вступительное заявление Чемберлеиа не смогло сдержать враждебности. Его насмешливо прерывали и иапоминали о его речи 5 апреля, когда в совершенио иной связи ои иеосторожно сказал: «Гитлер упустил возможность». Он охарактеризовал мое новое положение и мои взаимоотиошения с начальниками штабов. Отвечая Герберту Моррисону, он разъяснил, что я не располагал этими полномочиями в период иорвежских операций. Одии оратор за другим с обеих сторои палаты с иебывалым ожесточением и горячностью под аплодисменты, раздававшиеся отовсюду, иападали на правительство и в особеииости иа его главу. Сэр Роджер Кейс, сгоравший иетерпеиием отличиться в новой войие, резко критиковал морской штаб за отказ от попытки захватить Тронхейм. «Когда я увидел,— сказал ои,— как плохо идут дела, я начал, ие переставая, докучать морскому мииистерству и военному кабинету, добиваясь, чтобы они позволили мне взять на себя всю ответствеииость и возглавить штурм». Выступая в форме адмирала флота, он поддерживал критику со стороны оппозиции техиическими деталями и своим профессиональиым авторитетом. Речь его вполне отвечала иастроеиию палаты. Со скамей, позади правительства, раздался голос Эмери, процитировавшего под гром аплодисмеитов высокомерные слова, с которыми Кромвель обратился к «Долгому парламеиту»: «Вы сидели здесь слишком долго, как бы хорошо вы ни работали. Уходите, говорю я вам. И пусть с вами будет покончено. Во имя господа, прошу вас, уходите!» В устах друга и миоголетнего коллеги, члена Бирмингамского общества, выдающегося и опытного деятеля Тайиого совета это были поистине ужасные слова.

На второй деиь, 8 мая, прения продолжались, несмотря иа решение прекратить их, и приияли характер выражения недоверия. Герберт Моррисои от имени оппозиции потребовал голосования. Премьер-министр сиова поднялся, принял вызов и весьма иеубедительио призвал своих друзей поддержать его. Он имел право на это, так как эти друзья поддерживали его действия, равно как и бездействие, а следовательно, разделяли ответствеииость с ним в предвоеиные «годы, которые пожирала саранча». Но сейчас они сидели смущенные и молчаливые, и иекоторые из них примкнули к враждебиой демонстрации. Этот деиь был днем последиего решительиого выступления Ллойд Джорджа в палате общин. В речи, длившейся не более 20 минут, он иаиес сокрушительный удар главе правительства. Он пытался выгородить меня: «Я не думаю, чтобы морской миистр был целиком и полиостью виновен во всем происшедшем в Норвегии». Я иемедленно возразил: «Я беру на себя полную ответственность за все действия морского министерства и всецело готов разделить бремя». Предупредив меня, что ие следует позволять, чтобы меня превращали в своего рода бомбоубежище для защиты моих коллег от осколков, Ллойд

Джордж ополчился на Чемберлена: «Дело не в том, кто друзья премьер-министра. Дело значительно серьезнее. Он призывал к жертвам. Страна готова на любые жертвы, пока она имеет руководство, пока правительство ясно показывает, какова его цель, и пока страна уверена в том, что те, кто руководят ею, делают все необходимое, не щадя сил. Я торжественно заявляю,— сказал он в заключение,— что премьер-министр должен подать пример самопожертвования, ибо ничто другое не будет больше способствовать победе в этой войне, как его уход с поста премьер-министра».

Как министры, мы все были единодушны. Военный министр и министр авиации уже выступали. Я добровольно вызвался выступить в заключение прений, что было лишь моим долгом не только из лояльности к руководителю, под началом которого я служил, но также ввиду той исключительно важной роли, которую я сыграл в использовании наших недостаточных сил во время отчаянной попытки прийти на помощь Норвегии. Я сделал все, чтобы вернуть правительству контроль над палатой, несмотря на непрерывные реплики, раздававшиеся главным образом со скамей лейбористской оппозиции. Я сделал это с легким сердцем, помня об их ошибочном и опасном пацифизме в былые годы и о том, как лишь за четыре месяца до начала войны они сплоченно голосовали против воинской повинности. Я считал, что я и немногие поддержавшие меня друзья, но отнюдь не лейбористы, имели право на такую критику. Когда они обрушились на меня, я парировал их удар и бросил им вызов. Порой поднимался такой шум, что моих слов даже не было слышно. И все же все время было ясно, что их гнев направлен не против меня, а против премьер-министра, которого я защищал всеми силами, не считаясь ни с какими другими соображениями. В 11 часов, когда я сел на место, палата проголосовала. Правительство получило большинство в 81 голос, но более 50 консерваторов голосовали вместе с лейбористской и либеральной оппозициями. И можно было не сомневаться, что по существу, если не формально, и прения, и голосование были яркой демонстрацией отсутствия доверия к Чемберлену и его правительству.

По окончании прений он попросил меня зайти к нему, и я тотчас же понял, что он очень серьезно воспринял отношение палаты к нему. Он считал, что так продолжаться не может. Должно быть создано национальное правительство. Одной партии не под силу нести бремя. Кто-то должен сформировать такое правительство, в котором были бы представлены все партии, ибо в противном случае мы не справимся с нашими задачами. Взволнованный враждебным характером прений и будучи уверен в правильности моих действий в прошлом в поставленных на карту вопросах, я твердо решил продолжать борьбу. «Это были трудные прения, но вы получили значительное большинство. Не принимайте это близко к сердцу. В отношении Норвегии у нас больше оправданий, чем это можно было сообщить палате. Укрепляйте ваше правительство представителями всех партий, и будем действовать дальше, пока наше большинство не покинет нас». Так я говорил. Но это не убедило и не утешило Чемберлена, и я покинул его около полуночи, уверенный, что он будет упорствовать в своей решимости принести себя в жертву, если нет другого пути, но не станет пытаться продолжать войну при наличии однопартийного правительства.

Я не помню точно, как развивались события утром 9 мая, но произошло следующее. Министр авиации сэр Кингсли Вуд был очень близок с премьер-

министром, как коллега и друг. Они долго работали вместе и полностью доверяли друг другу. От иего я узнал, что Чемберлен решился на сформирование национального правительства и, если он ие сможет сам возглавить его, он уступит свой пост любому, пользующемуся его доверием и способиому это сделать. Итак, днем я уже узиал, что возможио мие предложат возглавить правительство. Эта перспектива ие взволновала и ие встревожила меня. Я считал это во миогих отиошениях иаилучшим вариаитом. Я предоставил события своему течению. Во второй половине дня премьер-министр вызвал меня иа Даунииг-стрит, где я застал лорда Галифакса. После того как мы обсудили общее положеиие, иам сказали, что Эттли и Гринвуд прибудут через иесколько минут иа коисультацию.

Когда они пришли, мы, трое министров, сели по одну сторону стола, а лидеры оппозиции — по другую. Чемберлеи заявил, что настоятельио иеобходимо сформировать национальное правительство, и хотел бы знать, согласится ли лейбористская партия стать под руководство Чемберлена. В это время в Бориемуте происходила конференция лейбористской партии. Беседа шла в самом вежливом тоие, ио было ясио, что лейбористские лидеры не дадут никаких обязательств, ие проконсультировавшись со своими, и они недвусмыслеино иамекнули, что, по их миению, ответ будет иеблагоприятным. Затем они ушли. Был яркий солиечный день, и мы с лордом Галифаксом посидели иекоторое время иа скамейке в саду дома № 10, не говоря ни о чем определеином. Затем я вернулся в морское министерство, где был очеиь заият весь вечер и большую часть иочи.

* * *

Наступило утро 10 мая, а вместе с ним пришли важиейшие известия. Из военного министерства, морского министерства и министерства иностранных дел сыпались пачки телеграмм. Немцы иаиесли давио ожидавшийся удар. Голландия и Бельгия подверглись вторжению. Противиик пересек их граиицы во миогих местах. Началось вторжение германской армии в Голландию, Бельгию и Фраицию.

Примерио в 10 часов утра меия иавестил сэр Кингсли Вуд, прибывший прямо от премьер-министра. Ои сказал мие, что Чемберлеи склоиеи считать, что иастигшая нас великая битва заставляет его оставаться на своем посту. Кингсли Вуд сказал ему, напротив, что иовый кризис усиливает иеобходимость сформирования иациоиальиого правительства, ибо только оио одно могло бы противостоять кризису. Чемберлеи, добавил он, согласился с этим. В 11 часов премьер-министр сиова вызвал меня иа Даунингстрит. Там я опять встретил лорда Галифакса. Мы сели за стол иапротив Чемберлена. Ои сказал иам, что, по его миению, ои ие в силах сформировать иациональное правительство. Ответ, который ои получил от лейбористских лидеров, ие оставил у иего сомиений на этот счет. Поэтому встал вопрос, кого ои должеи рекомендовать королю после того, как будет принята его отставка. Ои держался хладиокровио, иевозмутимо и как бы вполне отрешившись от личиой стороны дела. Ои взглянул иа иас обоих через стол.

За годы моей общественной деятельиости у меня бывало иемало важных свиданий, ио это было, иесомиеиио, самым важиым. Обычио я миого говорю, ио иа этот раз я молчал. Чемберлеи явио имел в виду бурную сцену,

разыгравшуюся в палате общин за два дня до этого, когда я, казалось, вступил в столь горячий спор с лейборнстской партией. Хотя я сделал это, чтобы поддержать и защитить его, он тем не менее понимал, что это может помешать лейбористам поддержать меня прн данных условиях. Я не помню точно его слов, но нменно таков был нх смысл. Его бнограф Фейлинг определенно заявляет, что он предпочитал лорда Галифакса. Поскольку я продолжал молчать, последовала длительная пауза. Она, несомненно, показалась мне более долгой, чем двухмннутное молчание во время празднования дня перемнрня. Затем заговорил Галифакс. Он сказал, что, по его мнению, положение пэра н не члена палаты общин затруднит ему выполнение обязанностей премьер-мннстра в такой войне, как эта. Он нес бы ответственность за все, но не нмел бы возможностн руководить парламентом, от доверня которого зависнт каждое правительство. Он говорил в таком духе несколько мнинут, н к концу стало ясно, что этот жребнй выпадет н уже фактически выпал — мне. Тут я впервые заговорил. Я сказал, что не буду вступать в переговоры ни с одной нз оппознционных партий, пока король не поручнт мне сформировать правнтельство. На этом важная беседа закончилась, н мы вновь обрелн обычные н простые манеры близких людей, которые много лет проработали вместе н чья жизнь на служебном попрнще н вне его отмечена всем дружелюбием, присущим английской политике. Затем я вернулся в морское мннистерство, где, как вполне можно себе представить, меня ждало много дел.

В моем кабннете находились голландские мнннстры. Осунувшиеся н нзмученные, с выражением ужаса в глазах, онн только что прилетели нз Амстердама. Их страна подверглась нападению без малейшего предлога или предостережения. Лавнна огня н стали рннулась через границы, и, когда вспыхнуло сопротивление н голландские погранннчннкн открыли огонь, был произведен сокрушительный авнационный налет. Вся страна была охвачена страшным смятением. Был пущен в ход давно подготовленный план обороны; были открыты плотины, н вода хлынула по всем направлениям. Но немцы уже пересекли внешние линии н устремились через дамбу Зюйдерзее. Не можем лн мы что-либо сделать, чтобы помешать этому? К счастью, неподалеку находилась наша флотилия, получившая немедленный приказ открыть огонь по дамбе н нанести возможно больший урон наступавшим захватчикам. Королева все еще находилась в Голландии, но вряд ли она могла оставаться там долго.

В результате этих переговоров морское министерство отдало много прнказов всем нашнм кораблям, находившимся по соседству, н были установлены тесные отношения с голландским королевским военно-морским флотом. Даже нмея перед глазами прнмер недавно захваченных Норвегии н Данин, голландские мнннстры, казалось, не в состоянин были понять, каким образом великая германская нация, которая еще за день до этого не говорила ни о чем, кроме дружбы, н была обязана в силу договора уважать нейтралитет Голландин, который так строго соблюдался, внезапно совершила это ужасное н зверское нападение. В этих разговорах н других делах прошли час или два. Множество телеграмм поступало со всех границ, затронутых продвижением германских армий. Казалось, что осуществленне современного варнанта старого плана Шлиффена, расширенного за счет включения голландской операции, было в полном разгаре. В 1914 году правый фланг германского вторжения ударнл по Бельгии, но

остановился неподалеку от Голландии. Тогда было хорошо известно, что, если бы эта война была оттянута на три-четыре года, была бы готова еще одна армейская группа и приспособлены железнодорожные станции и коммуникации для движения через Голландию. Теперь же это знаменитое движение началось при наличии всех упомянутых условий и всех атрибутов внезапного предательского наступления. Но впереди были другие события. Решающий удар противника мыслился не в форме обходных движений с фланга, а в форме прорыва главного фронта.

Этого не предвидел никто из нас и никто из французов, занимавших ответственные командные посты. В начале года в опубликованном интервью я предостерегал эти нейтральные страны о судьбе, которая грозила постигнуть их, о чем свидетельствовало расположение войск и строительство шоссе и железных дорог, а также захваченные германские планы. Мои слова вызвали лишь недовольство.

На фоне этой колоссальной сокрушительной битвы поблекли и отступили на задний план спокойные беседы, которые мы вели на Даунинг-стрит. Однако я вспоминаю, как мне сказали, что Чемберлен пошел или собирается пойти к королю, и этого, естественно, следовало ожидать. Затем меня вызвали во дворец к шести часам. От морского министерства до дворца всего две минуты езды. Хотя, как я и предполагал, вечерние газеты были полны ужасающих известий с континента, о правительственном кризисе не упоминалось. Народ еще не успел осознать, что происходит за границей и в нашей стране, а поэтому у дворцовых ворот еще не было толпы.

Меня немедленно провели к королю. Его Величество принял меня весьма любезно и пригласил сесть. Несколько мгновений он смотрел на меня испытующе и лукаво, а затем сказал: «Полагаю, вам не известно, зачем я послал за вами?» Применяясь к его тону, я ответил: «Сир, я просто ума не приложу зачем». Он засмеялся и сказал: «Я хочу просить вас сформировать правительство». Я ответил, что, конечно, сделаю это.

Король не поставил никаких условий относительно того, должно ли правительство быть национальным по своему характеру, и я понял, что официально никак не связан в этом вопросе. Но ввиду всего происшедшего и событий, приведших к отставке Чемберлена, положение явно требовало сформирования национального правительства. Если окажется невозможным прийти к соглашению с оппозиционными партиями, конституционно не было препятствий к созданию возможно более сильного правительства из всех, кто готов поддержать страну в час опасности при условии, что такое правительство сможет завоевать большинство в палате общин. Я сказал королю, что немедленно пошлю за лидерами лейбористской и либеральной партий, что предполагаю создать военный кабинет из пяти или шести министров и надеюсь сообщить ему до полуночи, по крайней мере, пять имен. На этом моя аудиенция закончилась, и я возвратился в морское министерство.

Между семью и восемью часами меня посетил по моей просьбе Эттли. Он привел с собой Гринвуда. Я сказал ему, что мне поручено сформировать правительство, и спросил, присоединится ли лейбористская партия. Они ответили утвердительно. Я предложил им несколько больше трети мест, два места из пяти или, быть может, из шести в военном кабинете и попросил Эттли представить мне список, чтобы мы могли немедленно обсудить

распределение конкретных постов. Я упомянул о Бевине, Александере, Моррисоне и Дальтоне, как о людях, чьи услуги требовались незамедлительно на высоких постах. Я, конечно, с давних пор знал Эттли и Гринвуда по палате общин. В течение одиннадцати лет до войны, занимая более или менее независимую позицию, я гораздо чаще приходил в столкновение с консервативными и национальными правительствами, чем с лейбористской и либеральной оппозициями. Мы приятно побеседовали некоторое время, и они ушли, чтобы связаться по телефону со своими друзьями и сторонниками в Борнемуте, с которыми они, несомненно, поддерживали тесный контакт в предшествующие 48 часов.

Я предложил Чемберлену возглавить палату общин в роли лорда-председателя совета. Он ответил по телефону, что принимает предложение, и сообщил, что в тот же вечер, в 9 часов, выступит по радио с заявлением о своей отставке и с призывом поддержать его преемника и помочь ему. Все это он сказал в самых великодушных выражениях. Я попросил лорда Галифакса стать членом военного кабинета, сохраняя одновременно пост министра иностранных дел. Примерно в 10 часов я послал королю список пяти фамилий, как обещал. Было крайне необходимо назначить трех военных министров. Я уже решил, кого назначить. Иден должен был получить военное министерство; Александер — морское министерство и лидер либеральной партии Арчибальд Синклер — министерство авиации. В то же время я брал себе портфель министра обороны, не пытаясь, однако, определить масштабы его полномочий.

Таким образом, вечером 10 мая в начале этой колоссальной битвы я был облечен величайшей властью в государстве, которым я с тех пор и управлял во все большей мере в течение пяти лет и трех месяцев, пока шла мировая война. В конце войны, когда все наши враги безоговорочно капитулировали или собирались это сделать, я был немедленно отстранен английскими избирателями от всякого дальнейшего ведения их дел.

В эти последние, насыщенные событиями дни политического кризиса мой пульс бился все так же ровно. Я воспринимал все события такими, какими они были. Но я не могу скрыть от читателя этого правдивого рассказа, что, когда я около трех часов утра улегся в постель, я испытал чувство большого облегчения. Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию. Одиннадцать лет политической жизни, когда я был не у дел, избавили меня от обычного партийного антагонизма. Мои предостережения на протяжении последних шести лет были столь многочисленны, столь подробны и так ужасно подтвердились, что теперь никто не мог возразить мне. Меня нельзя было упрекнуть ни в развязывании войны, ни в нежелании подготовить все необходимое на случай войны. Я считал, что знаю очень много обо всем, и был уверен, что не провалюсь. Поэтому с нетерпением ожидая утра, я тем не менее спал спокойным глубоким сном и не нуждался в ободряющих сновидениях. Действительность лучше сновидений. <...>

1940

Марш к морю

(с 24 по 31 мая)

Теперь мы можем сделать обзор этой памятной битвы.

Лнць одии Гнтлер готовился нарушить нейтралитет Бельгии н Голландин. Бельгия не хотела обращаться за помощью к союзникам до тех пор, пока она сама не оказалась атакованной. Поэтому военная инициатива находилась у Гитлера. 10 мая он нанес свой удар. 1-я группа армий, имевшая в центре англичан, вместо того чтобы стоять за своими укреплениями, ринулась вперед в Бельгию с напрасной, ибо она явилась запоздалой спасительной миссией. Французы оставили участок у Ардени плохо укрепленным н слабо охраняемым. Броннрованное нашествие дотоле не виданных ни в одной войне масштабов смяло центр линии французских армий и через 48 часов создало угрозу отрезать все северные армии от их южных коммуникаций, а также и от моря. Не позже чем 14 мая французское главное командование должно было бы дать решительный прнказ этим армиям об общем скорейшем отходе, невзирая не только на опасиости, но н на большие потери в материальной части. Генерал Гамелен не видел грозной необходимости такого шага. Французский командующий северной группой Бийот был не способен сам прннимать необходимые решения. Во всех армиях находившегося в опасности левого крыла царил беспорядок.

Почувствовав превосходящую мощь врага, войска откатились обратно. По мере обхода их справа они образовали оборонительный фланг. Если бы они стали отходить назад 14-го, они могли бы выйти на свою старую линию к 17 мая н имели бы полную возможность успешно пробиться. Были потеряны по меньшей мере трн роковых дня. Начиная с 17 мая английский военный кабинет ясно видел, что только немедленный отход с боями к югу может спасти английскую армию. Он имел решительное намерение убедить в своей точке зрения французское правительство н генерала Гамелена, но командующий английской армией лорд Горт сомневался, удастся ли оторваться от противника на активном фронте н в то же время пробиться на юг. 19 мая генерал Гамелен был устранен, и его место заиял Вейган. Гамеленовский приказ № 12, его последний прнказ, хотя н отданный с пятидневным запозданием, был правильным в прннципе, а также совпадал с основными заключениями военного кабинета и начальников штабов. Перемена верховного командования или отсутствие командования вызвали новую трехдневную задержку. Смелый план, предложенный генералом Вейганом после его поездки в северные армии, был всего лишь бумажным проектом. В основном это был план того же Гамелена, ставший еще более безнадежным в результате новых промедлений.

Из второго тома мемуаров Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

Churchill W. S. The Second World War. Vol. II. Their finest Hour. London, 1953. P. 75—79, 83—89, 96—109, 249—259, 263—268, 269—276, 277—278, 456—466, 468, 493—495.

Оказавшись перед тяжелой дилеммой, мы приняли план Вейгана и честно и настойчиво, хотя и безуспешно, старались до 25 мая проводить его. К этому времени все коммуникации были прерваны, наша слабая контратака была отражена с потерей Арраса, бельгийский фронт был прорван, король Леопольд собирался капитулировать и все надежды найти спасение на юге рухнули. Осталось только море. Сможем ли мы достигнуть моря, или нас окружат и разобьют в открытом поле? Во всяком случае, мы должны будем потерять всю артиллерию и все вооружение нашей армии, которые нельзя будет восстановить в течение многих месяцев. Но что это значит по сравнению со спасением самой армии, того ядра и основы, вокруг которых Англия только и могла создавать свои армии будущего. Лорд Горт, который, начиная с 25 мая, понимал, что эвакуация морем является нашим единственным шансом, приступил к созданию плацдарма у Дюнкерка и начал пробиваться к нему теми силами, которые у него остались. Для осуществления этого нужна была вся дисциплинированность англичан, высокие качества их командующих, среди которых были Брук, Александер и Монтгомери. Было сделано все, что было доступно силам человеческим. Но будет ли этого достаточно?

* * *

Теперь следует рассмотреть один эпизод, вокруг которого было много споров. Начальник германского генерального штаба генерал Гальдер заявил, что в этот момент Гитлер сделал единственную действенную попытку прямого вмешательства в ход сражения. Согласно заявлению этого авторитетного лица, Гитлер стал «испытывать тревогу за танковые соединения, так как они подвергались значительной опасности, действуя на трудной местности, перерезанной каналами, и были не в состоянии достичь каких-либо существенных результатов». Он считал, что не может бесцельно жертвовать танковыми частями, так как они были весьма необходимы для второго этапа кампании. Он, несомненно, считал, что одного превосходства в воздухе будет вполне достаточно для того, чтобы предотвратить массовую эвакуацию морем. Согласно заявлению Гальдера, Гитлер направил ему через Браухича приказ «остановить танковые соединения и даже оттянуть назад их головные части». Таким образом, говорит Гальдер, дорога на Дюнкерк была открыта для английской армии. Во всяком случае, в 11 ч 42 мин 24 мая нами было перехвачено незашифрованное немецкое сообщение о том, что наступление на линии Дюнкерк, Азбрук, Мервилль должно быть приостановлено. Гальдер заявляет, что он отказался от имени командования сухопутных сил вмешиваться в действия группы армий Рундштедта, которая имела ясные указания не допустить, чтобы враг достиг побережья. Он доказывал, что чем скорее и полнее будет успех здесь, тем легче будет позже восполнить потерю некоторого числа танков. На следующий день он получил приказание прибыть вместе с Браухичем на совещание.

Бурная дискуссия закончилась получением категорического приказа Гитлера, к которому он добавил, что для обеспечения выполнения своего приказа он пошлет на фронт личных офицеров связи. Кейтель был послан на самолете в группу армий Рундштедта, а другие офицеры были посланы на командные пункты фронта. «Я никогда не мог понять,— говорит генерал

Гальдер,— как Гитлер мог додуматься до того, что танковые соединения бесцельно подвергаются опасности. Всего вероятнее, что Кейтель, который в течение значительного времени находился во Фландрии во время первой мировой войны, породил такие идеи своими рассказами».

Другие германские генералы рассказывали примерно то же самое и даже утверждали, что приказ Гитлера мог быть продиктован политическими мотивами, а именно желанием усилить шансы на мир с Англией после разгрома Франции. Сейчас стали известными подлинные документальные доказательства в виде боевого журнала главной квартиры Рундштедта, *писавшегося в то самое время*. Записи в боевом журнале говорят о другом. В полночь 23 мая из штаба германского верховного командования пришел приказ Браухича, согласно которому 4-я армия поступала под командование Рундштедта для «последнего акта битвы на окружение». На следующее утро Гитлер посетил Рундштедта, который доложил ему, что его танковые дивизии, которые прошли так далеко и так быстро, значительно ослабели и что им нужна передышка для реорганизации, перегруппировки и подготовки последнего удара по врагу, который, как говорит журнал его штаба, «сражается с чрезвычайным упорством». Более того, Рундштедт предвидел возможность атак с севера и с юга на его широко растянувшиеся войска, то есть предвидел план Вейгана, который, если бы он был выполнимым, означал бы контрнаступление союзников. Гитлер «полностью согласился» с тем, что наступление к востоку от Арраса должно осуществляться силами пехоты и что подвижные соединения должны по-прежнему удерживать линию Лан, Бетюн, Эр, Сент-Омер, Гравелин, чтобы отрезать неприятельские силы, находившиеся под нажимом со стороны группы армий «Б» на северо-востоке. Он подчеркивал также первостепенную важность сохранения бронетанковых сил для будущих операций. Однако рано утром 25-го был получен новый приказ главнокомандующего Браухича, предписывавший продолжение наступления танковых частей. Рундштедт, опираясь на устное согласие Гитлера, не хотел и слышать об этом. Он не передал приказ Браухича командующему 4-й армией Клюге, которому было дано распоряжение беречь танковые дивизии. Клюге протестовал против задержки, но лишь на следующий день, 26-го, Рундштедт разрешил использовать танковые дивизии, хотя даже и тогда он приказал, чтобы наступление не было направлено непосредственно против Дюнкерка. В журнале говорится, что 4-я армия возражала против таких ограничений и начальник штаба армии телефонировал 27 мая: «Порты Ла-Манша представляют собой следующую картину. Большие суда подходят к причалам, и по переброшенным сходням люди заполняют суда. Вся материальная часть остается позади. Однако нам совсем не хочется, чтобы эти люди, заново экипированные, снова оказались против нас в будущем».

Следовательно, можно с уверенностью сказать, что танковые части были задержаны и что это было сделано по инициативе Рундштедта, а не Гитлера. Рундштедт, несомненно, имел основания для такой точки зрения в этом вопросе, учитывая состояние танков, а также и общую обстановку, но ему следовало бы подчиниться формальным приказам армейского командования или, по крайней мере, сообщить ему о содержании своего разговора с Гитлером. Среди германских командующих господствует мнение, что была упущена большая возможность.

* * *

Однако была еще особая причина, оказавшая влияиие иа движение немецких танковых частей в решающем пуикте.

Достигнув моря у Абвиля в ночь иа 20-е, головные немецкие танковые и моторизованные колонны двинулись на север вдоль побережья мимо Этапля иа Булонь, Кале и Дюнкерк с очевидным намерением отрезать все наши пути к спасению морем. Этот район ярко сохранился в моей памяти со времени прошлой войны, когда я командовал подвижиой бригадой морской пехоты, действовавшей из Дюнкерка против флангов и тыла немецких армий, иаступавших иа Париж. Поэтому мие ие надо было знакомиться с системой шлюзов между Кале и Дюнкерком или со значением Гравлииского водного рубежа. Шлюзы уже были открыты, и с каждым дием иаводнеиие увеличивалось, таким образом защищая с юга линию иашего отступления. Обороиа Булони и еще в большей степени обороиа Кале до самого последнего часа являлись наиболее иасущным делом среди всей этой неразберихи, и туда были иемедленно посланы гарнизоны из Англии. Булонь, изолированную и атаковаииую 22 мая, защищали два гвардейских батальона и одна из наших немногих противотанковых батарей совместио с некоторым числом французских войск. После тридцатишестичасового сопротивления было получеио доиесение, что дальше оборонять Булонь невозможио, и я согласился на эвакуацию морем остатков гарнизона, включая французов. Эта операция была проведена восемью эсминцами в иочь на 24 мая, причем потеряно было только 20 человек. Я пожалел об этом решении.

За несколько дней до этого я поручил руководство обороной портов Ла-Манша иепосредственно начальнику имперского геиеральиого штаба, с которым я поддерживал постояиный контакт. Теперь я решил, что за Кале иадо драться до последней капли крови и что иельзя разрешить эвакуацию гарнизоиа морем. Гарнизон Кале состоял из батальона стрелковой бригады, батальона 60-го стрелкового полка, стрелкового полка королевы Виктории и батальона королевского таикового полка с 21 легким танком и 27 крейсерскими танками; имелось такое же количество французских частей. Было тяжело жертвовать этими замечательными опытными кадровыми войсками, которых у иас было так мало, за сомнительное преимущество выиграть два или, может быть, три дня, которые иеизвестио как будут использованы. Военный министр и начальник имперского генерального штаба согласились с этой суровой мерой. <...>

Кале был ключевым пунктом. Миогие другие причины могли помешать эвакуации Дюнкерка. Однако ясио, что три дня, выигранные обороной Кале, позволили удержать водный рубеж у Гравлииа и что без этого, несмотря на колебания Гитлера и приказы Рундштедта, вся армия была бы отрезана и потеряиа.

* * *

Все это затмила упрощавшая дело катастрофа. Немцы, которые до того времени ие оказывали сильиого давления на бельгийский фронт, 24 мая прорвали бельгийскую оборону по обе стороны Куртре, который находится всего в 30 милях от Остенде и Дюнкерка. Бельгийский король вскоре счел положение безнадежным и приготовился к капитуляции.

К 23 мая 1-й и 2-й корпуса английских экспедиционных сил, последовательными этапами выводившиеся из Бельгии, снова оказались на линии пограничных укреплений к северу и востоку от Лилля, которые они сами для себя построили в течение зимы. Взмах германской косы прошел вдоль нашего южного фланга и достиг моря. И нам необходимо было прикрыть себя. Сложившаяся обстановка вынудила Горта и его штаб послать войска, которые с успехом заняли позиции по линии канала Ла Бассе, Бетюн, Эр, Сент-Омер, Ваттен. Эти войска вместе с частями французского 16-го корпуса вышли к морю у Гравлина. Английский 3-й корпус был главной силой этого вогнутого фронта, развернувшегося на юг. Непрерывной линии фронта не было; было лишь множество оборонительных «точек» на узлах основных дорог, некоторые из которых, например Сент-Омер и Ваттен, уже попали в руки врага. Чрезвычайно важные дороги к северу от Касселя оказались под угрозой. Резерв Горта состоял всего из двух английских дивизий, 5-й и 50-й, которые, как мы видели, только что едва выбрались из боя на юг от Арраса, предпринятого ими в бесплодной попытке выполнить план Вейгана. В этот день общая линия фронта английских экспедиционных сил составляла около 90 миль, причем всюду в тесном соприкосновении с противником.

К югу от расположения английских экспедиционных сил находилась 1-я французская армия, две дивизии которой занимали пограничные укрепления, а остальные 11 дивизий в плохом состоянии сбились в районе к северу и востоку от Дуэ. Против этой армии была направлена юго-восточная клешня германских дивизий, осуществлявших охват. На нашем левом фланге бельгийская армия во многих местах была отброшена от канала Лис, и в результате ее отступления в северном направлении начала образовываться брешь к северу от Менена.

Вечером 25 мая лорд Горт принял чрезвычайно важное решение. Он все еще имел указание следовать плану Вейгана, то есть наступать на юг в направлении Камбре силами 5-й и 50-й дивизий при взаимодействии с французами. Обещанное французское наступление к северу от Соммы было совершенно нереально. Последние защитники Булони были эвакуированы. Кале все еще держался. Теперь Горт отказался от плана Вейгана. Он считал, что больше нет никакой надежды на осуществление марша на юг к Сомме. Более того, происшедший в то же время развал бельгийской обороны и образовавшаяся на севере брешь создали новую опасность, которая стала преобладать над всем. Захваченный приказ 6-й германской армии показал, что один немецкий корпус должен был продвинуться к северо-западу в направлении Ипра, а другой — на запад в направлении Витшета. Как смогли бы бельгийцы выдержать этот двойной удар?

Уверенный в своем военном искусстве и убежденный в том, что как английское и французское правительства, так и французское верховное командование полностью утратили контроль над событиями, Горт решил отказаться от наступления на юг; он решил заткнуть брешь, которая вот-вот могла образоваться на севере в результате капитуляции бельгийцев, и идти к морю. В тот момент это была единственная надежда спасти что-нибудь от разгрома или капитуляции. В шесть часов вечера он приказал 5-й и 50-й дивизиям присоединиться к 2-му английскому корпусу и закрыть назревающую бельгийскую брешь. Он информировал о своих действиях генерала Бланшара, который занял место Бийота в качестве командующего

1-й группой армий, н этот офнцер, учитывая снлу обстоятельств, в 11 ч 30 мин вечера дал приказ отступнть 26 мая на линию за каналом Лис к западу от Лилля, имея в вну создать плацдарм вокруг Дюнкерка.

Рано утром 26 мая Горт и Бланшар составили свой план отхода к побережью. Поскольку 1-й французской армин нужно было пройти больше, первые передвнження английских экспедиционных снл в ночь на 27 мая должны были быть подготовнтельными, а арьергарды английских 1-го н 2-го корпусов должны были оставаться на линии пограничных укреплений до ночи на 28 мая. Во всем этом Горт действовал на свою собственную ответственность. Однако к этому времени также н мы в Англин, располагая несколько нной ннформацией, уже пришли к таким же заключениям. 26 мая телеграмма военного миннстерства одобряла поведение Горта н разрешала ему «пробнваться в направленин побережья во взаимодействи с французскими н бельгийскнми армнямн». Чрезвычайная мобилизация морских судов всех вндов и размеров уже шла полным ходом...

В течеиие 26 мая положение на западном фланге коридора, ведущего к морю, оставалось в основном без изменений. Удерживаемые 48-й н 44-й дивнзиями участки испытывали сравнительно слабый нажим со стороны противника. Однако 2-я дивизия вела тяжелые бон на каналах Эр и Ла Бассе, но удержала свои познцин. Дальше к востоку немцы предприняли сильное наступление против Карвена, оборонявшегося совместно английскими и французскнмн войскамн. Положенне было нсправлено контратакой двух батальонов 50-й дивнзнн, которые стояли бнваком неподалеку от Карвена. С левого фланга английской линии 5-я дивнзня с находившейся в резерве 143-й брнгадой 48-й днвнзии после ночного марша на рассвете заняли оборону по каналу Ипр, Комин и прикрыли брешь, которая образовалась между английской и бельгийской армиями. Они подошли как раз вовремя. Вскоре после их прибытия началось наступление противника, и тяжелые бои продолжалнсь весь день. Три резервных батальона 1-й дивнзнн были введены в дело. 50-я дивизия из района южнее Лилля продвннулась на север, для того чтобы обеспечить фланг 5-й дивнзии у Ипра. Из бельгийской армии, против которой весь день предпрниимались сильные атаки и правый фланг которой был смят, поступило сообщение, что она не располагает силами для восстановлення связн с английской линией фронта н что она не может отступить на лииию канала Изер во взанмодействнн с английскнми войсками.

В то же время вокруг Дюнкерка шла работа по созданию плацдарма. Французы должны были держать фронт от Гравлина до Берга, а англичане — от Берга по каналу около Фюрне до Ньёпора и до моря. На защиту этой линин ставились также различные группы н части всех родов оружия, которые прнбывали с обонх направлеиий. В подтверждение прнказов от 26 мая лорд Горт получил телеграмму нз военного министерства, отправленную в час дня 27 мая, в которой говорилось, что впредь его задача заключается в том, чтобы «эвакуировать макснмально возможное колнчество войск». За день до этого я ннформировал Рейно о том, что мы намерены эвакуировать английский экспедиционный корпус, н просил его отдать соответствующие прнказы. Но связь была настолько нарушена, что в два часа дня 27-го командующий 1-й французской армней нздал следующий приказ по своим войскам: *сражение будет дано, причем нельзя допускать и мысли об отступлении на линию реки Лис.*

Четырем английским дивизиям н всей 1-й французской армии грозила теперь страшная опасиость быть отрезанными у Лилля. Оба фланга иемецкого охватывающего движения рвались вперед, чтобы сомкнуть клещи за спиной французских и английских войск. Хотя в то время мы н ие имели превосходных картографических зал, которые существовали в более нормальные периоды, и хотя никакого контроля иад битвой осуществлять из Лондона было иевозможио, я в течение трех дней терзался мыслями о положении массы союзнических войск около Лилля, включая наши четыре превосходные дивизии. Это был, одиако, один из тех редких, ио решающих моментов, когда моторизованный траиспорт вступает в свои права. Когда Горт отдал свой приказ, все эти четыре дивизии вернулись обратно с удивительной быстротой — почти за одну иочь. Тем времеием остальная часть английской армии в жестоких боях по обеим стороиам коридора держала открытым проход к морю. Клещи, которые были задержаны 2-й дивизией и в течение трех дней сдерживались 5-й дивизией, в конце концов сомкнулись в ночь на 29 мая, причем эта операция походила иа великую русскую операцию у Сталинграда в 1942 году. Понадобилось два с половиной дня для того, чтобы закрыть ловушку, и в течение этого времени четыре английские дивизии и большая часть 1-й французской армии, кроме разбитого 5-го корпуса, в хорошем состоянии вышли из окружения через эту отдушину, хотя французы располагали только гужевым траиспортом; главная дорога иа Дюнкерк была уже перерезаиа, а второстепенные дороги были забиты отступавшими войсками, длинными колоннами транспорта и миогими тысячами беженцев.

* * *

Теперь я официально поставил перед иашими военными советниками вопрос о иашей способиости продолжать войну в одиночестве, который я десять дней иазад просил Чемберлеиа обсудить вместе с другими министрами. Я намеренно составил проект запроса в таких выражениях, которые, давая иаправление, в то же время предоставляли иачальникам штабов свободу выразить их мнение, каково бы оио ни было. Я знал зараиее, что они полны решимости; ио было разумным иметь такого рода решения в письмеином виде. Кроме того, я хотел заверить парламент в том, что наша решимость подкрепляется миением военных специалистов. Ниже я привожу мой запрос и ответ иа иего.

1. «Мы еще раз изучили наш доклад о «Британской стратегии в некоторых возможных обстоятельствах» в свете следующего запроса, переданного иам премьер-министром:

«В случае, если Фраиция окажется ие в состоянии продолжать войну и стаиет иейтральной, в то время как иемцы будут продолжать удерживать свои ныиешние позиции, а бельгийская армия будет вынуждена капитулировать после того, как поможет английским экспедиционным силам достигнуть побережья; в случае, если Англии будут предложены такие условия, которые полностью отдадут ее иа милость Германии в результате разоружения, уступки военио-морских баз иа Оркнейских островах и т. д., каковы перспективы продолжения войны в одиночестве против Германии и, возможно, Италии? Смогут ли военио-морской флот и военио-воздушные силы питать разумные иадежды на предотвращение серьезиого вторжения и смогут ли войска, находящиеся иа иашем острове, справиться

с воздушными десантами, в которых может участвовать одновременно не более 10 тыс. человек, с учетом того, что продолжение сопротивления англичан может оказаться весьма опасным для Германии, которой приходится держать в подчинении большую часть Европы?»

2. Наши выводы изложены в следующих абзацах.

3. Пока мы сохраняем военно-воздушные силы, наш военно-морской флот и авиация смогут предотвратить осуществление Германией серьезного вторжения в нашу страну с моря.

4. Если допустить, что Германия будет обладать полным превосходством в воздухе, мы считаем, что наш военно-морской флот мог бы некоторое время сдерживать вторжение, но не в течение неограниченного периода.

5. Если наш флот не сможет воспрепятствовать вторжению, а авиация будет уничтожена и Германия предпримет вторжение, наши прибрежные и береговые оборонительные сооружения не смогут помешать немецким танкам и пехоте твердо укрепиться на наших берегах. При изложенных выше обстоятельствах наши сухопутные силы будут недостаточны для оказания сопротивления серьезному вторжению.

6. Самым главным является превосходство в воздухе. Если только Германия добьется его, она может попытаться покорить нашу страну путем только воздушного нападения.

7. Германия не сможет достигнуть превосходства в воздухе до тех пор, пока она не разгромит наши военно-воздушные силы и нашу авиационную промышленность, некоторые жизненно важные объекты которой сконцентрированы в Ковентри и Бирмингеме.

8. Воздушные налеты на авиационные заводы будут производиться днем или ночью. Мы считаем, что мы сможем нанести днем такой ущерб врагу, который предотвратит наши серьезные потери.

Однако, что бы мы ни делали в порядке оборонительных мероприятий, а мы очень активно занимаемся этим, мы не можем быть уверены, что нам удастся защитить от серьезного материального ущерба во время ночных налетов крупные промышленные центры, от которых зависит наша авиационная промышленность. Чтобы достигнуть этих результатов, врагу не понадобится применять точное бомбометание.

9. Вопрос о том, удастся ли воздушными налетами уничтожить авиационную промышленность, зависит не только от материальных разрушений, причиняемых бомбами, но и от морального состояния рабочих и от их решимости продолжать работу, несмотря на массовые разрушения.

10. Поэтому, если враг будет интенсифицировать ночные бомбардировки наших авиационных заводов, он сможет нанести такой материальный и моральный ущерб в пределах данного промышленного района, который остановит всю работу.

11. Следует помнить, что в количественном отношении немцы имеют преимущества — четыре к одному. Более того, немецкие авиационные заводы хорошо рассредоточены и сравнительно недосягаемы.

12. С другой стороны, до тех пор, пока мы располагаем бомбардировочной авиацией для контрнаступления, мы можем осуществлять такие же налеты на германские промышленные центры и путем нанесения морального и материального ущерба частично остановить их производство.

13. Суммируя все это, мы приходим к выводу, что *на первый взгляд*

Германия держит в своих руках большинство козырей; однако главное заключается в том, сможет ли моральный дух наших вооруженных сил и гражданского населения уравновесить численное и материальное превосходство, которым обладает Германия. Мы считаем, что сможет».

Этот доклад, составленный, конечно, в самый мрачный момент до Дюнкеркской эвакуации, был подписан не только тремя начальниками штабов — Ньюоллом, Паундом и Айронсайдом, но и тремя заместителями начальников штабов — Диллом, Филлипсом и Пирсом. Читая его спустя много лет, я должен признать, что он суров и мрачен. Но военный кабинет и некоторые другие министры, которые его видели, были единодушны. Никаких споров не было. Душой и сердцем мы были едины. <...>

Дюнкеркское избавление

(26 мая — 4 июня)

Об эвакуации английской и французской армий из Дюнкерка написаны обстоятельные и превосходные отчеты. Начиная с 20 мая под контролем адмирала Рамсея, командовавшего в Дувре, происходило сосредоточение кораблей и мелких судов. Вечером 26 мая (6 ч 57 мин пополудни) по сигналу морского министерства началась операция «Динамо», и в ту же ночь в Англию были доставлены первые войска. После потери Булони и Кале в наших руках находилась только часть порта Дюнкерка и открытого побережья вблизи бельгийской границы. В то время предполагали, что мы сможем спасти за два дня максимум 45 тыс. человек. Рано утром следующего дня, 27 мая, были приняты чрезвычайные меры, чтобы найти дополнительное количество мелких судов «для специальных заданий». Под этим подразумевалась не более и не менее как полная эвакуация английской экспедиционной армии. Было ясно, что для действий у побережья потребуется большое количество таких судов в дополнение к более крупным кораблям, которые могли грузиться в Дюнкеркской гавани. По предложению Х. С. Риггса из министерства судоходства различные лодочные пристани от Теддингтона до Брайтлингси были обследованы офицерами морского министерства; это дало более сорока находившихся в годном состоянии моторных лодок и баркасов, которые на следующий день были собраны в Ширнессе. В то же время были мобилизованы спасательные лодки с океанских пассажирских пароходов в лондонских доках, буксиры с Темзы, яхты, рыболовные суда, лихтеры, баржи и пассажирские катера — словом, все, что могло быть использовано вдоль побережья. К ночи 27 мая великое множество мелких судов вышло в море, сначала в наши порты в проливе, а затем к побережью Дюнкерка и к нашей любимой армии.

Морское министерство не колеблясь предоставило полную свободу стихийному движению, охватившему моряков, проживавших на нашем южном и юго-восточном побережье. Каждый владелец судна любого типа, парового или парусного, выходил в море и направлялся в Дюнкерк; приготов-

лениям, к счастью начатым неделей ранее, сейчас помогала блестящая импровизация добровольцев, достигавшая замечательного размаха. 29 мая прибыло мало судов, но они были предвестниками около 400 мелких судов, которым с 31 мая было суждено сыграть исключительно важную роль в перевозке почти 100 тыс. человек от побережья до кораблей, стоявших на якоре. В эти дни я обнаружил отсутствие начальника моего картографического кабинета в морском министерстве капитана Пима и нескольких других знакомых лиц. Они управляли голландской шхуной, которая за четыре дня вывезла 800 солдат. В общей сложности в спасении армии под непрерывной неприятельской воздушной бомбардировкой участвовало около 860 судов, из которых почти 700 были английские, а остальные принадлежали союзникам...

Тем временем занятие плацдарма вокруг Дюнкерка проводилось с большой точностью. Войска прибывали из хаоса и располагались вдоль укреплений, которые даже возросли за эти два дня. Части, находившиеся в наилучшем состоянии, были включены в боевой порядок. Наиболее пострадавшие дивизии, такие, как 2-я и 5-я, оставались в резерве на побережье и вскоре были погружены на корабли. По первоначальным расчетам, на фронте должны были быть три корпуса, но к 29 мая выяснилось, что достаточно двух корпусов, поскольку французы приняли в обороне большое участие. Противник преследовал отступающих по пятам, и все время происходили ожесточенные бои, в особенности на флангах, вблизи Ньёпора и Берга. В ходе эвакуации постоянное уменьшение численности войск, как английских, так и французских, сопровождалось соответствующим сужением фронта обороны. На побережье, среди песчаных дюн, десятки тысяч солдат находились по три-четыре или пять дней под неослабевающими воздушными налетами. Убеждение Гитлера, что германская авиация сделает спасение войск невозможным и что поэтому ему следует сохранить свои танковые соединения для завершающего удара в этой кампании, было ошибочным, но не совсем безосновательным.

Его расчеты оказались ложными вследствие трех факторов. Во-первых, непрерывная воздушая бомбардировка войсковых масс, расположившихся вдоль побережья, причинила им незначительный ущерб. Бомбы увязали в мягком песке, который уменьшал силу взрыва. Вначале после сокрушительного воздушного налета войска с изумлением убеждались, что убитых или раненых почти не было. Взрывы происходили повсюду, но от этого мало кто пострадал. На скалистом берегу убитых было бы гораздо больше. Поэтому солдаты стали относиться к воздушным налетам с презрением. Они спокойно укрывались в песчаных дюнах, испытывая все возраставшую надежду. Перед ними простиралось серое, но свободное от неприятеля море. Далее находились спасательные корабли и родина.

Второй фактор, которого Гитлер не предвидел, это истребление его летчиков. Происходила настоящая проверка летного искусства англичан и немцев. Напрягая все силы, истребительная авиация успешно патрулировала весь район и развернула решительные действия против неприятеля. Час за часом наши истребители врывались в строй эскадрилий немецких истребителей и бомбардировщиков, наносили им тяжелые потери, рассеивали и отгоняли их. Это продолжалось день за днем, пока английские военно-воздушные силы не завоевали славную победу. Везде, где появлялись немецкие самолеты, иногда в количестве сорока и пятидесяти машин, они сразу же

подвергались атакам, зачастую предпринятым отдельными эскадрильями или еще меньшим количеством самолетов; десятки, превращавшиеся затем в сотни немецких самолетов оказывались сбитыми. В дело была пущена вся авиация метрополии — наш последний драгоценный резерв. Иногда летчики-истребители совершали по четыре вылета в день. Результат не оставлял никаких сомнений. Превосходящий по численности противник терпел поражение или оказывался уничтоженным; несмотря на все мужество немцев, с ними справлялись и даже терроризировали их. Это столкновение имело решающее значение. К сожалению, войска, находившиеся на побережье, видели лишь немногое из этого эпического поединка в воздухе, который часто происходил на расстоянии многих миль или за облаками. Войска ничего не знали о потерях, причиненных врагу. На побережье они видели лишь взрывы бомб, сброшенных неприятельскими летчиками, которым удалось прорваться, но вряд ли удалось возвратиться. В армии царило сильное недовольство нашей авиацией, и среди наших войск, высадившихся в Дувре или в портах Темзы, встречались лица, которые вследствие незнания оскорбляли людей в летной форме. Они должны были бы крепко пожать им руки, но как могли они знать? В парламенте я приложил все усилия к тому, чтобы правда стала известна.

Но вся помощь от песка и доблесть в воздухе оказались бы напрасными, если бы не было моря. Под давлением событий и вызванных ими чувств распоряжения, отданные 10—12 дней тому назад, принесли изумительные плоды. На берегу и на воде царила отличная дисциплина. Море было спокойно. Между побережьем и кораблями сновали мелкие суда, принимая солдат с побережья и подбирая их на воде, не обращая никакого внимания на воздушную бомбардировку, часто искавшую для себя жертв. Сама по себе численность этих судов представляла препятствие для нападения с воздуха. Москитную армаду, как целое, потопить было нельзя. В момент поражения слава осенила народ нашего острова, единый и непобедимый; и сказание о дюнкеркском побережье будет занимать достойное место во всех летописях, сохранивших память о наших деяниях.

Не следует забывать, что, несмотря на доблестную работу мелких судов, самое тяжелое бремя пало на корабли, следовавшие из Дюнкеркской гавани, где были взяты на борт две трети всех солдат. Как показывает список потерь, эсминцы играли преобладающую роль *. Нельзя также не отметить большую долю, выпавшую на транспортные корабли с их экипажами из торговых моряков.

* * *

За ходом эвакуации наблюдали с беспокойством и растущей надеждой. Вечером 27 мая у военно-морских властей создалось впечатление, что лорд Горт находится в критическом положении, и капитан Теннент из морского министерства, принявший на себя обязанности старшего морского офицера в Дюнкерке, сигнализировал о необходимости немедленной отправки на побережье всех наличных судов, поскольку «завтра ночью эвакуация пред-

* В операции «Динамо» по эвакуации английских и французских войск из Дюнкерка участвовало 693 английских корабля и судна, в том числе 39 эсминцев, из которых 6 были потоплены, а 19 получили повреждения. Кроме того, им помогали 168 судов союзников. Всего было потоплено 243 судна, включая военные.— *Прим. перев.*

ставляется проблематичной». Картина была нарисована мрачная и даже безнадежная. Для удовлетворения этой просьбы прилагались чрезвычайные усилия: были отправлены крейсер, 8 эсминцев и 26 других судов. 28 мая был напряженный день; напряжение постепенно смягчалось по мере того, как положение на суше стабилизировалось в результате мощной поддержки английских военно-воздушных сил. Военно-морские планы осуществлялись, несмотря на тяжелые потери, понесенные 29 мая, когда были потоплены 3 эсминца и еще 21 судно, а многим другим судам причинены повреждения.

Никогда не возникал вопрос об оставлении французов на произвол судьбы. Вот мой приказ, изданный до того, как от французов были получены какие-либо требования или жалобы.

Премьер-министр — военному министру,
начальнику имперского генерального штаба
и генералу Исмею
(оригинал — начальнику
имперского генерального штаба)

29 мая 1940 г.

«Крайне важно, чтобы французы по возможности были включены в эвакуацию из Дюнкерка. Их эвакуация не должна зависеть только от их собственного морского тоннажа. Приготовления следует немедленно согласовать с французскими миссиями в Англии или в случае необходимости с французским правительством, с тем чтобы не было никаких упреков или чтобы их было как можно меньше. Пожалуй, было бы хорошо, если бы мы эвакуировали две французские дивизии из Дюнкерка и временно заменили их нашими собственными войсками, упростив, таким образом, командование. Представьте мне наилучшие возможные предложения и сообщите, какие меры следовало бы предпринять мне».

Премьер-министр — генералу Спирсу
(Париж)

29 мая 1940 г.

Нижеследующее предназначено Рейно для передачи Вейгану и Жоржу: «Мы эвакуировали около 50 тыс. из Дюнкерка и с побережья и надеемся эвакуировать еще 30 тыс. сегодня ночью. В любое время фронт может быть опрокинут, а причалы, берег и суда станут недоступны вследствие воздушных атак, а также артиллерийского огня с юго-запада. Невозможно сказать, как долго будет продолжаться нынешний удовлетворительный поток судов и как много мы сможем спасти в будущем. Мы желаем, чтобы французские войска были охвачены эвакуацией возможно полнее, и морское министерство дало указания помогать французскому флоту в соответствии с требованиями момента. Мы не знаем, какое количество войск будет вынуждено капитулировать, но мы должны по возможности нести эти потери совместно и прежде всего без упреков, порождаемых неизбежной путаницей, трудностями и напряжением.

Как только мы реорганизуем наши эвакуированные войска и подготовим силы, необходимые для того, чтобы обезопасить наше существование от грозящего и, пожалуй, близкого вторжения, мы создадим новую английскую экспедиционную армию в Сен-Назере. Я вызвал кадровые войска из Индии и Палестины; вскоре прибывают австралийцы и канадцы.

В настоящее время мы увозим технику из района южнее Амьена помимо того, что необходимо для пяти дивизий. Но все это проводится только для того, чтобы подготовиться и встретить предстоящий удар; вскоре мы пришлем вам новый план усиления наших войск во Франции. Я сообщаю вам об этом в духе полного товарищества. Не испытывайте колебаний для откровенных разговоров со мной».

30 мая я созвал в морском министерстве совещание трех министров вооруженных сил и начальников штабов. Мы обсудили обстановку на бельгийском побережье. Общее количество вывезенных войск возросло до 120 тыс., в том числе только 6 тыс. французов; в операции принимало участие 860 судов всех видов. В донесении адмирала Уэйк-Уокера из Дюнкерка указывалось, что, несмотря на усиленную бомбардировку и воздушные налеты, в предшествовавший совещанию час было погружено на суда 4 тыс. человек. Уэйк-Уокер считал, что начиная с завтрашнего дня Дюнкерк, вероятно, уже нельзя будет удерживать. Я подчеркнул, что совершенно необходимо вывезти больше французских войск. Не сделать этого — значит нанести непоправимый ущерб отношениям между нами и нашим союзником. Я также сказал, что, когда английских войск останется не больше корпуса, нам нужно будет предложить лорду Горту сесть на корабль и вернуться в Англию, оставив вместо себя командира корпуса. Английская армия должна будет держаться возможно дольше, с тем чтобы эвакуация французов могла продолжаться.

Хорошо зная характер лорда Горта, я собственноручно написал следующий приказ на его имя, который официально был отправлен военным министерством 30 мая в два часа пополудни:

«Продолжайте оборонять нынешний плацдарм до последней возможности, чтобы прикрыть эвакуацию в максимальных масштабах, которая сейчас проходит хорошо. Присылайте донесения каждые три часа через Ля Панн. Если связь будет сохранена, мы передадим вам приказ возвратиться в Англию с избранными по вашему усмотрению офицерами в момент, когда мы сочтем, что ваша группа войск настолько сокращена, что руководство ею можно передать командиру корпуса. Вам надлежит назначить этого командира сейчас. Если связь будет прервана, вы должны будете передать командование и возвратиться, как указано, когда ваши действительные боевые силы не будут превышать численности трех дивизий. Это соответствует разумным военным обычаям, и вам никоим образом не предоставляется право принимать в этом деле решение по собственному усмотрению. По политическим соображениям незачем давать противнику триумф захвата вас в плен, когда под вашим командованием останется лишь небольшая группа войск. Избранному вами командиру корпуса прикажите продолжать оборону совместно с французами и эвакуацию из Дюнкерка или с побережья; но если, по его мнению, дальнейшая организованная эвакуация невозможна, а также невозможно нанесение равноценного урона противнику, ему разрешается при консультации со старшим французским командиром формально капитулировать, чтобы избежать бесполезного кровопролития».

Возможно, что это последнее послание оказало влияние на другие великие события и на судьбу другого доблестного командующего. В конце

декабря 1941 года, когда я был в Белом доме, я узнал от президента и Стимсоиа об участи, ожндавшей генерала Макартура и амернканский гарнизон иа Коррегидоре. Я счел целесообразным ознакомить их с тем, как мы поступили в отношении главнокомандующего, силы которого были сокращены до иезиачительиой частн первоначальной числеииости его группы войск. Презндеит н Стнмсон очень внимательио прочнтали нашу телеграмму, и я был поражен тем, какое впечатлеиие она пронзвела иа них. Несколько позднее в тот же деиь Стнмсон вернулся н попросил у меня копию этой телеграммы, которую я немедленно вручил ему. Возможио (ибо это мие иеизвестио), что под влиянием этой телеграммы они прнняли правильное решение, прнказав геиералу Макартуру передать командование одному из подчинеииых ему геиералов, н такнм образом сберегли для будущих славных дел великого военачальника, который в противном случае погиб бы или провел бы войну в плену у японцев. Хотелось бы верить, что дело обстояло именно так.

* * *

30 мая офнцеры штаба лорда Горта, совещавшнеся с адмиралом Рамсеем в Дувре, сообщили ему, что восточную часть плацдарма можно удерживать только до 1 июня. Эвакуация поэтому была максимально усилеиа с целью обеспечить, насколько возможно, чтобы на берегу остался английский арьергард численностью ие более 4 тыс. человек. Позднее выяснилось, что такой арьергард недостаточеи для обороны последннх позиций прнкрытия, н было решеио удерживать английский сектор до полуночи с 1 на 2 июня, проводя тем времеием эвакуацию французских и английских войск иа осиове полного равенства.

Таково было положение, когда вечером 31 мая лорд Горт в соответствии с полученными нм прнказами передал командованне геиерал-майору Александеру н возвратнлся в Англию.

* * *

Во нзбежанне недоразумений н с целью поддержаиня личного контакта мне необходимо было вылететь в Париж 31 мая на заседание верховного военного совета. В самолете со мной иаходились Эттли, генералы Дилл н Исмей. Я взял с собой также генерала Спирса, прилетевшего 30 мая с последними нзвестнями из Парнжа. Этот блестящий офицер и член парламеита был моим другом со времен первой мировой войны. Полуфранцуз по рождению, ои в качестве офнцера связи между левым флангом французских и правым флангом английских армий вознл меня в 1916 году вокруг холмов Вими и способствовал моей дружбе с генералом Файолем, командовавшим 33-м французским корпусом. Превосходно знавший французский язык, нмевший на рукаве пять нашнвок за ранения, Спирс был в тот момент весьма подходящим лицом для наших беспокойиых отиошений. Когда французы н англичане попадают вместе в беду и между иими возникают споры, фраицуз зачастую многословеи н горяч, а аиогличании — сдержаи или даже груб. Но Спирс умел разговарнвать с высокопоставленными французскимн офицерами с легкостью и убедительиостью, равиых которым я ие встречал.

На этот раз мы отправились ие иа Кэ д'Орсэ, а в кабииет Рейио в военном министерстве иа улице Сен-Домнник. Рейио и маршал Петэи были един-

ственными французскими министрами, встретившими меня и Эттли. Петэн, теперь заместитель премьер-министра, впервые присутствовал на совещании с нами. Он был в штатском. С нами были наш посол, Дилл, Исмей и Спирс, а с французской стороны — Вейган и Дарлан, начальник личной канцелярии Рейно капитан де Маржерн и Бодуэн из секретариата.

Первым вопросом было положение в Норвегии. Я сказал, что английское правительство пришло к выводу, что район Нарвика следует эвакуировать немедленно. Находящиеся там наши войска, а также эсминцы и сотня зенитных орудий крайне нужны в других местах. Поэтому мы предлагаем начать эвакуацию 2 июня. Английский флот перевезет и репатриирует французские войска, короля Норвегии и любые норвежские войска, которые пожелают отправиться. Рейно заявил, что французское правительство согласно с этим. Эсминцы будут необходимы в Средиземном море в случае войны с Италией. Находящиеся в Нарвике 16 тыс. солдат будут весьма полезны на линии Эны и Соммы. Таким образом, это дело было урегулировано.

Я перешел затем к вопросу о Дюнкерке. О северных армиях французы, по-видимому, знали не больше, чем мы о положении на главном французском фронте. Они были поражены, когда я сообщил им, что вывезено 165 тыс. человек, в том числе 15 тыс. французов. Их внимание, естественно, привлекло то обстоятельство, что англичан эвакуировано значительно больше, чем французов. Я объяснил, что это вызвано главным образом тем фактом, что в тыловом районе имелось много английских административно-хозяйственных подразделений, которые смогли погрузиться до прибытия боевых частей. К тому же французы до сих пор не получили приказов об эвакуации. Одной из главных причин моего приезда в Париж является стремление добиться того, чтобы французским войскам был отдан такой же приказ, как и английским. Три английские дивизии, удерживающие центр, будут прикрывать эвакуацию всех союзных войск. Это вместе с морским транспортом составит английский вклад в тяжелые союзные потери, которые теперь следует ожидать. Правительство Его Величества сочло необходимым в данных ужасных обстоятельствах приказать лорду Горту вывезти боеспособных людей и оставить раненых. Если наши надежды оправдаются, удастся вывезти 200 тыс. боеспособных солдат и офицеров. Это было бы почти чудом. Четыре дня назад я не решился бы назвать цифру, превышающую 50 тыс. Я особо остановился на наших ужасных потерях в материальной части. Рейно отозвался с большой похвалой о работе английского флота и авиации, и я поблагодарил его за это. Затем мы обсудили вопрос о том, что можно было бы сделать для воссоздания английских сил во Франции.

Тем временем адмирал Дарлан составил проект телеграммы адмиралу Абриалю в Дюнкерк:

«1. Следует удерживать плацдарм вокруг Дюнкерка дивизиями, находящимися под вашим командованием, и дивизиями под английским командованием.

2. Как только вы убедитесь, что никакие войска за пределами плацдарма не могут пробиться к пунктам посадки, войска, удерживающие плацдарм, должны отступить и погрузиться, *причем первыми на суда должны грузиться англичане*».

Я сразу прервал его, заявив, что англичане не будут грузиться первыми и что эвакуация должна продолжаться на равных для англичан и фран-

цузов условиях — «Bras-dessus, bras-dessou» *. Англичаие составят арьергард. С этим согласились.

Затем разговор перешел иа Италию. Я выразил английскую точку зреиия, что, если Италия вступит в войну, иам нужно будет немедленно ударить по ней самым действеииым образом. Многие итальянцы являются противниками войны, и нужио, чтобы все они осознали ее жестокость. Я предложил, чтобы мы нанесли удар посредством воздушиой бомбардировки по северо-западиому иидустриальиому треугольнику, образуемому городами Милан, Турии и Генуя. Рейно согласился, что союзники должны ударить сразу же; адмирал Дарлан сказал, что у иего наготове план бомбардировки флотом и авиацией нефтяных запасов Италии, которые хранятся главным образом вдоль побережья между границей и Неаполем. Мы договорились о необходимом техническом обсуждении этого плана.

Затем я упомянул о моем желании, чтобы и другие министры только что сформированиого миою правительства возможно скорее позиакомились со своими французскими коллегами. Например, я хотел бы, чтобы Бевин, министр труда и лидер тред-юниоиов, посетил Париж. Бевин проявляет большую энергию, и под его руководством английский рабочий класс сейчас в зиачительио большей мере, чем в последнюю войну, отказывается от праздников и привилегий. Рейно выразил сердечиое согласие.

Коснувшись вопроса о Танжере и о том, как важно держать Испанию вне войны, я перешел потом к общей перспективе. Я сказал:

«Союзники должны сохранять нерушимый фронт против всех своих врагов... Соедиенные Штаты возбуждены последними событиями и, хотя они не вступили в войну, вскоре будут готовы оказывать иам огромную помощь. Вторжение в Аиглию, если оно будет предпринято, произведет еще более глубокое впечатление иа Соедиииеиные Штаты. Англия ие боится вторжения, она будет сопротивляться ему самым ожесточенным образом в каждом поселке, в каждой деревушке. Только после того как будут удовлетворены все важиейшие потребиости в войсках, остаток ее вооружеиных сил сможет быть предоставлеи в распоряжение французского союзника... Я абсолютно убежден, что для достижения победы нам нужно лишь продолжать сражаться. Если даже одии из иас будет побит, то другой не должеи отказываться от борьбы. Английское правительство готово вести войну из Нового Света, если в результате какой-либо катастрофы Англия будет опустошена. Если Германиия победит одного из союзников или обоих, оиа будет беспощадна, иас низведут до положения вечных вассалов и рабов. Будет гораздо лучше, если цивилизация Западной Европы со всеми ее достижениями испытает свой трагический, ио блестящий конец, нежели допустить, чтобы две великие демократии медлеиио умирали, лишеиные всего того, что делает жизнь достойиой».

Эттли затем сказал, что ои полностью согласеи с моим мнением. «Английский народ сейчас поиимает, какая опасиость ему угрожает, и знает, что в случае победы Германии будет уничтожено все, что ои создал. Немцы убивают ие только людей, ио и идеи. Наш народ преисполнен решимости, как никогда раньше, в своей исторни».

Рейио поблагодарил нас за сказаииое. Он был уверен, что моральное состояние немецкого народа ие находится иа уровие временного

* Взявшись под руку *(фр.).— Прим. ред.*

триумфа его армии. Если Франция сможет удержать Сомму с помощью Англии, если американская промышленность придет на помощь, чтобы устранить отставание в вооружении, то мы сможем быть уверены в победе. Он выразил мне глубокую признательность за мое новое заверение, что если одна сторона падет, то другая не прекратит борьбы.

После этого заседание официально было закрыто.

Когда мы встали из-за стола, некоторые из главных участников совещания завязали у окна беседу, проходившую в несколько иной атмосфере. Центральной фигурой среди французов был маршал Петэн. Со мной был Спирс, помогавший мне говорить по-французски и сам принимавший участие в беседе. Молодой француз капитан де Маржери уже высказал мнение о необходимости сражаться в Африке. Но от позиции маршала Петэна, отчужденной и мрачной, у меня осталось впечатление, что он пойдет на сепаратный мир. Влияние его личности, его репутация, его безмятежное отношение к неблагоприятному развитию событий, не говоря уже о силе его слов, действовали почти непреодолимо на тех, кто находился под обаянием этого человека. Один из французов — я не могу вспомнить, кто именно,— сказал с характерной для французов изысканностью, что если военные неудачи будут продолжаться, то при определенных обстоятельствах они могут принудить Францию к изменению ее внешней политики. Тут Спирс оказался на высоте требований момента и, обращаясь к маршалу Петэну, сказал на безукоризненном французском языке: «Я полагаю, вы понимаете, г-н маршал, что это означало бы блокаду?» Еще кто-то сказал: «Это, пожалуй, будет неизбежно». Обращаясь непосредственно к Петэну, Спирс продолжал: «Это означало бы не только блокаду, но и *бомбардировку* всех французских портов, находящихся в руках немцев». Я был доволен, что это было сказано. Я пел свою обычную песню: мы будем продолжать сражаться, что бы ни произошло и кто бы ни вышел из боя.

* * *

Ночью опять происходили небольшие налеты, а утром мы покинули Париж. Вот какая информация ждала меня по моем возвращении.

Премьер-министр — генералу Вейгану

1 июня 1940 г.

«В эвакуации сейчас наступил кризис. Пять эскадрилий истребителей, действующих почти непрерывно, это максимум того, что мы можем выставить, и все же сегодня утром бомбардировкой было потоплено шесть кораблей, из них некоторые имели на борту войска. Артиллерийский огонь держит под обстрелом единственно возможный проход. Противник подходит вплотную к сузившемуся плацдарму. Пытаясь удерживаться до завтрашнего дня, мы можем потерять все. Если мы уйдем сегодня ночью, мы, безусловно, многое сможем спасти, хотя многое и будет потеряно. Нет ничего похожего на упоминавшееся вами количество боеспособных французских войск, которые надеялись бы сейчас на предмостное укрепление, и мы сомневаемся, остается ли в этом районе так много войск. Полной оценки обстановки не может дать ни адмирал Абриаль в крепости, ни вы, ни мы здесь. Поэтому мы приказали генералу Александеру, командующему

английскнм сектором плацдарма, решить, консультируясь с адмиралом Абрналем, следует ли пытаться оставаться там завтра или иет. Верю, что вы согласитесь».

31 мая и 1 июня иаступил кульмниационный пункт, хотя это не был еще конец Дюнкерка. В эти два дня в Англию было благополучно доставлено более 132 тыс. человек, причем прнмерно одна треть была вывезена с побережья иа иебольшнх судах в условнях ожесточенных воздушных налетов н артиллерийского огня. 1 июня, начиная с самого рассвета, непрнятельские бомбардировщики напрягали все уснлия, зачастую приуроченные к тому моменту, когда наши истребители улетали для пополнения горючим. Этн налеты влекли за собой большие потерн среди сгрудившихся судов, н они пострадали ие меньше, чем за всю предыдущую иеделю. Только в этот день иаши потери от воздушных иалетов, мин, торпедиых катеров н от других злополучных причин составили 31 потопленный корабль н 11 поврежденных кораблей.

Конечная фаза была завершена с большим нскусством н точностью. Впервые оказалось возможным составлять планы на ближайший отрезок времени, вместо того чтобы полагаться на ежечасные импровизации. На рассвете 2 июня со зиачительными французскими войсками, удерживавшими сужавшийся участок обороны Дюнкерка, оставалось примерио 4 тыс. англичан с семью зенитиыми орудиями н двенадцатью противотанковыми пушками. Теперь эвакуация была возможна только в темноте, и адмирал Рамсей решил сделать в эту ночь масснрованную высадку в гавань всеми имеющимися в его распоряжении ресурсами. Помнмо букснров н мелких судов в этот вечер нз Англии были отправлены 44 корабля, включая 11 эсминцев и 14 минных тральщиков. Участвовали также 40 фраицузских н бельгийских судов. Английский арьергард был посажен на суда до полуночи.

Однако это ие означало конца дюнкеркской исторни. Мы готовы были в ту ночь погрузить значительно большее количество французов, чем они сами это предлагалн. В результате, когда нашим кораблям, миогим нз них все еще пустым, пришлось сняться с якоря иа рассвете, большое количество французских войск, значительная часть которых иаходилась в соприкосновенин с противником, осталось на берегу. Необходимо было предпрннять еще одно усилие. Команды кораблей, несмотря на изнеможение после многосуточного напряжения без отдыха и передышки, откликнулись на призыв. 4 июня в Англин было высажеио 26 175 французов, причем более 21 тыс. прибыли иа английских кораблях.

Накоиец, в 2 ч 23 мии пополудни в этот день морское миннстерство в согласии с французами объявнло, что операция «Дниамо» сейчас завершена. К сожалению, на берегу осталось несколько тысяч человек, доблестио защищавших эвакуацию своих товарищей.

* * *

4 июня собрался парламент; я обязан был полностью рассказать ему обо всем как на открытом, так н на закрытом заседаниях. Для изложения событий требуется привести только несколько выдержек нз моей речн, текст которой сохранился. Совершенно необходимо было объяснить

Численность английских и союзных войск, высадившихся в Англии

Дата	С побережья	Из Дюнкеркской гавани	Итого	Всего
27 мая	0	7 669	7 669	7 669
28 »	5 930	11 874	17 804	25 473
29 »	13 752	33 558	47 310	72 783
30 »	29 512	24 311	53 823	126 606
31 »	22 942	45 072	68 014	194 620
1 июня	17 348	47 081	64 429	259 049
2 »	6 695	19 561	26 256	285 305
3 »	1 870	24 876	26 746	312 051
4 »	622	25 553	26 175	338 226 *
Итого	98 671	239 555	338 226	

не только иашему собственному народу, ио и всему миру, что наша решимость продолжать сражаться имела серьезные основания и не является проявлением лишь отчаяния. Целесообразио было также рассказать, какие у меня самого были осиования для выражения увереиности.

«*Нам нужно весьма остерегаться того, чтобы не приписывать этому избавлению атрибутов победы. Эвакуациями войны не выигрывают.* Но в самом этом избавлении заключается победа, которую следует отметить. Оиа была завоеваиа воеиио-воздушными силами. Миогие из иаших возвратившихся солдат ие зиают о действиях авиации. Они видели лишь бомбардировщики противника, избежавшие защитной атаки нашей авиации, они иедооценивают ее достижения. Я слышал миого разговоров об этом; именно поэтому я постараюсь рассказать вам, что произошло. Вот что я скажу вам.

Это было великое испытание сил английской и германской авиации. В состоянии ли вы представить себе, чтобы у немцев была в воздухе более важная задача, чем сделать невозможной эвакуацию иаших войск с побережья и потопить все корабли, которые скоплялись там чуть-ли ие тысячами. Могла ли стоять задача большей военной важности и значения для всего хода войны? Они делали все возможиое, но потерпели провал; выполнение этой задачи было сорваио. Мы вывезли армию; и они заплатили в четырехкратном размере за иаиесеииые иам потери... Все наши самолеты и пилоты показали свое превосходство над противником.

Если принять во внимание, что это преимущество иашей авиации проявится в еще большей степени при обороие с воздуха нашего острова от заморского нападения, я должеи сказать, что считаю эти факты иадежиой основой для практических и успокаивающих мыслей. Я считаю необходимым воздать должиое нашим молодым летчикам. К данному моменту

* Эти цифры взяты из окончательных данных морского министерства. По данным военного министерства, в Англии было высажено 336 427 человек.

великая французская армия в весьма значительной мере отброшена и приведена в замешательство вследствие натиска нескольких тысяч бронированных машин. Разве не может случиться так, что и дело цивилизации будет защищено мастерством и преданностью нескольких тысяч летчиков?

Нам говорят, что Гитлер имеет план вторжения на Британские острова. Об этом часто думали и раньше. Когда Наполеон находился в Булони в течение года со своими плоскодонными судами и великой армией, кто-то сказал ему: «В Англии имеются горькие сорные травы». После возвращения английской экспедиционной армии их стало, безусловно, гораздо больше.

Большое влияние на весь вопрос об обороне отечества от вторжения, конечно, оказывает тот факт, что мы имеем сейчас на нашем острове, несомненно, более могущественные военные силы, чем когда-либо в эту или прошлую войну. Но так продолжаться не будет. Мы не удовлетворимся оборонительной войной. На нас лежит долг перед нашим союзником. Нам нужно снова воссоздать английскую экспедиционную армию, возглавляемую доблестным главнокомандующим лордом Гортом. Все это находится в процессе выполнения, но в промежуточный период мы должны придать нашим оборонительным сооружениям на этом острове такую высокую организованность, чтобы потребовалось возможно меньшее количество людей для обеспечения эффективной безопасности и чтобы был максимальный потенциал для будущего наступления. Именно этим мы сейчас и заняты».

Я закончил словами, которые подтвердили, как это будет видно, своевременность и важность решений Соединенных Штатов:

«Несмотря на то, что значительные пространства Европы и многие страны и славные государства попали или могут попасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе; мы будем оборонять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда. И если даже — чему я ни на минуту не поверю — наш остров или его значительная часть будет захвачена и люди будут умирать с голоду, наша заморская империя, вооруженная и охраняемая английским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока в день, предуказанный богом, Новый Свет со всей его силой и мощью не выступит вперед, чтобы спасти и освободить Старый Свет». <...>

Операция «Морской лев»

Вскоре после того как 3 сентября 1939 года началась война, германское военно-морское министерство, как это стало нам известно из их захваченных архивов, занялось изучением проблемы вторжения в Англию. В отличие от нас, немцы совершенно не сомневались в том, что единственный путь лежит через узкую часть Ла-Манша. Они никогда и не думали об ином варианте. Если бы мы знали об

этом, нам было бы значительно легче. Вторжеиие через Ла-Манш проводилось бы на самый защищенный участок иашего побережья — старый приморский фронт в войнах с Францией, где все порты были укреплены и где были размещены главные базы наших флотилий, а в дальнейшем и большииство наших аэродромов и постов воздушного иаблюдения, входивших в систему обороны Лондона. Ни в каком другом районе острова мы не могли бы вступить в действие так быстро и такими крупными частями всех трех видов вооруженных сил. Адмирал Редер ие хотел, чтобы его застали неподготовлеиным в случае, если иа германский флот была бы возложеиа задача вторжения в Англию. В то же время он ставил ряд условий. Первым из них было установление полного контроля иад портами и устьями рек фраицузского, бельгийского и голландского побережий. Поэтому этот проект в иачальный период войны был положеи под сукно.

Внезапно все эти условия оказались выполненными, и на следующий день после Дюнкерка и капитуляции Франции Редер, очевидно с иекоторым опасением, но и с чувством удовлетворения, смог явиться к фюреру со своим планом. 21 мая, а затем 20 июня ои беседовал с Гитлером иа эту тему не с целью предложить вторжение, ио желая договориться о том, что, если будет отдаи приказ о вторжении, разработка деталей не будет производиться поспешно. Гитлер был настроен скептически и сказал, что «прекрасио понимает, с какими исключительными трудностями было бы сопряжеио подобное предприятие». Кроме того, он лелеял надежду, что Англия будет добиваться мира. Лишь в последнюю иеделю июня германское верховиое командование занялось этой идеей, и только 2 июля была дана первая директива о составлении плана вторжения в Англию как возможного события. «Фюрер решил, что при определеиных условиях, самым важным из которых является обеспечение превосходства в воздухе, высадка в Англии могла бы состояться». 16 июля Гитлер дал следующую директиву: «Поскольку Англия, несмотря на ее безиадежиое в военном отношении положение, не проявляет призиаков готовиости прийти к соглашению, я решил подготовить десантную операцию против Англии и в случае необходимости — осуществить ее... Подготовку ко всей операции следует завершить к середине августа». В это время уже принимались различные меры по подготовке операции.

* * *

Плаи действий германского военно-морского флота, о существовании которого я получил иекоторые сведения еще в июие, был в осиове своей механическим. Немцы предполагали под защитой батарей тяжелых орудий, стреляющих с Гри-Нэ по Дувру, и под очень сильным артиллерийским прикрытием вдоль французского побережья Па-де-Кале создать узкий коридор через пролив по кратчайшей удобной линии и оградить этот коридор с обеих сторон миииными полями, которые защищались бы извие подводными лодками. Через этот коридор предполагалось последовательными миогократными волнами перебросить армию и обеспечить ее сиабжение. На этом задача военного флота кончалась, и командование германской армии должио было решать проблему самостоятельно.

Учитывая, что мы с нашим подавляющим превосходством на море могли уничтожить эти минные поля с помощью мелких судов, действую-

щих под прикрытием превосходящих сил авиации, и потопить десяток-другой сосредоточенных для защиты минных полей подводных лодок, план этот с самого начала казался не слишком многообещающим. Тем не менее после падения Франции для всех было очевидно, что единственная надежда избежать длительной войны со всеми ее последствиями заключалась в том, чтобы поставить Англию на колени. Германский военно-морской флот понес исключительно серьезный урон в боях у берегов Норвегии и в таком потрепанном состоянии мог оказать армии лишь очень незначительную поддержку. Все же у командования военно-морских сил был свой план, и никто не мог сказать, что его по счастливой случайности удалось застигнуть врасплох.

Командование германской армии вначале испытывало серьезные сомнения относительно вторжения в Англию. Оно не разрабатывало планов подготовки к нему и не проводило специального обучения. По мере того как одна за другой шли недели невероятных фантастических побед, оно начало становиться смелей. Ответственность за благополучную переброску войск несла не армия, и ее командование считало, что, если будут переброшены достаточно крупные силы, задача будет выполнима. Еще в августе адмирал Редер счел необходимым обратить внимание сухопутного командования на опасность перехода через пролив, во время которого могли погибнуть все перебрасываемые войска. После же того как ответственность за переброску армии была совершенно определенно возложена на военно-морской флот, германское военно-морское командование вообще стало придерживаться пессимистических взглядов.

21 июля руководители трех видов вооруженных сил встретились с фюрером. Он сообщил им, что решающий этап войны уже наступил, но Англия еще не осознала этого и продолжает надеяться на поворот судьбы. Он говорил о поддержке Англии Соединенными Штатами и о возможном изменении политических отношений Германии с Советским Союзом. Осуществление операции «Морской лев», сказал он, надо считать самым действенным средством быстрого завершения войны. После длительной беседы с адмиралом Редером Гитлер начал понимать, с чем сопряжена переправа через пролив с его приливами и течениями и со всеми его морскими тайнами. Он охарактеризовал операцию «Морской лев» как «исключительно дерзкое и смелое предприятие». «Даже если путь и короток, все же это переправа не через реку, а через море, где господствует противник. Здесь речь идет не о короткой операции по переброске войск, как это было в Норвегии; здесь нельзя рассчитывать на то, что эта операция явится неожиданной. Нас ожидает подготовившийся к обороне и *чрезвычайно решительно настроенный противник*, господствующий в том районе моря, которым мы должны воспользоваться. Для этой операции армии потребуется сорок дивизий. Самой трудной частью операции будет материально-техническое усиление и снабжение войск. Мы не можем рассчитывать на какое-либо снабжение за счет самой Англии». Необходимыми условиями были: абсолютное господство в воздухе, оперативное использование мощной артиллерии в Дуврском проливе и защита с помощью минных полей. «Время года,— сказал он,— служит важным фактором, поскольку погода в Северном море и в Ла-Манше во второй половине сентября бывает очень плохой, а в середине октября начинаются туманы. Поэтому главная часть операции должна быть завершена к 15 сентября, ибо после этой да-

ты взаимодействие между авиацией н тяжелым оружием станет слишком ненадежным. А так как поддержка авиации является решающей, ее н следует считать главным фактором при установленин даты».

В германских штабах возникли ожесточенные споры по поводу шнрнны фронта и чнсла пунктов, которые следовало атаковать. Армия требовала высадки нескольких десантов вдоль всего южного побережья Англии от Дувра до Лайм-Рнджис, западнее Портленда. Кроме того, она требовала высадки вспомогательного десанта севернее Дувра в Рамсгите. А германский военно-морской штаб утверждал, что нанболее подходящим для безопасной переправы через пролив является район, расположенный между Норт-Форлендом и западной оконечностью острова Уайт, Штаб армии разработал план высадки 100 тыс. человек, за которой должна была почти немедленно последовать высадка десантов чнсленностью еще в 160 тыс. человек в различных пунктах от Дувра на запад до Лайм-Бея. Начальник штаба армии генерал-полковник Гальдер заявлял, что в районе Брайтона нужно высадить по меньшей мере четыре дивнзии. Он требовал также, чтобы десанты были высажены в районе Дил, Рамсгит; вдоль всего фронта нужно было развернуть в различных пунктах — по возможности одновремению — по меньшей мере 13 дивизнй. В дополнение к этому германская авиация требовала морской транспорт для переброски с первым эшелоном 52 зенитных батарей. Однако начальник военно-морского штаба дал понять, что быстрая переброска таких крупных сил невозможна. Он физнчески не в состояннн был взять на себя задачу эскортнровання десантного флота на всем протяженин упомянутого района. Он имел лишь в внду, что в пределах этого участка армия выберет наиболее удобиое место. Военно-морской флот не располагал достаточными силами даже при условин господства в воздухе, для того чтобы защищать одновременно более одиого маршрута, н считал наименее трудными самые узкие части Дуврского пролива. Чтобы переброснть со вторым эшелоном 160 тыс. человек и нх оснащение за одну операцию, потребовались бы суда общим водоизмещением 2 млн тонн. Даже если бы это фантастическое требованне н могло быть удовлетворено, такое количество судов нельзя было бы сосредоточить в районах погрузки. Можно было бы перебросить лишь первые эшелоны для создания узких плацдармов, н потребовалось бы по меньшей мере два дня, чтобы высадить вторые эшелоны этих же дивизнй, не говоря уже о вторых шести дивнзнях, которые счнтались необходимыми. Он указал также на то, что высадка на широком фронте означала бы разницу в 3—5,5 часа в сроках прилива в различных намеченных пунктах. Такнм образом, нужно было бы либо заведомо согласнться на неблагоприятные условня прилива в иекоторых пунктах высадки, либо отказаться от одновременной высадки. На этот довод было очень трудно что-либо возразнть.

Много ценного времени было потрачено на этот обмен служебными записками. Лишь 7 августа состоялось первое обсуждение между генералом Гальдером и начальнком военно-морского штаба. Во время этой встречи Гальдер заявил: «Я категорнчески отвергаю предложение военно-морского флота. С точки зрення армии я рассматриваю это как чнстое самоубийство. С таким же успехом я мог бы пропустить высадившнеся войска через мясорубку». Начальник военно-морского штаба ответил на это, что он с таким же правом должен отвергнуть идею высадки на широком фронте, ибо это может прнвести лишь к гибели войск во время перехода через пролив.

В конце концов Гитлер вынес компромиссное решение, не удовлетворившее ни армию, ни флот. В директиве верховного командования, данной 27 августа, говорилось, что «армия в своих операциях должна учитывать такие факторы, как наличный тоннаж и безопасность переправы и высадки». От планов высадки десантов в районе Дил, Рамсгит отказались, но фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Итак, даже такого ограниченного соглашения удалось достичь лишь в конце августа; и, конечно, все зависело от победы в воздушной битве, которая к тому времени бушевала уже в течение шести недель.

На основании намеченного наконец участка фронта был разработан окончательный план. Военное командование было поручено Рундштедту, однако ввиду нехватки судов силы, находившиеся в его распоряжении, сократились до 13 дивизий и 12 дивизий в резерве. Из портов между Роттердамом и Булонью 16-я армия должна была высадиться вблизи пунктов Хайт, Рай, Гастингс и Истбури; 9-й армии предстояло из портов между Булонью и Гавром атаковать участок побережья между Брайтоном и Уэртингом. Дувр предполагалось захватить со стороны суши; затем обе армии должны были двинуться к линии прикрытия Кентерберн, Ашфорд, Мейфилд, Арендел. В общей сложности с первыми волнами должно было высадиться 11 дивизий. Исходя из оптимистических расчетов, немцы надеялись через несколько недель после высадки продвинуться еще дальше к Грейвсенду, Рейгейту, Питерсфилду, Портсмуту. В резерве находилась 6-я армия, дивизии которой должны были стоять наготове, чтобы подкрепить или, если позволят обстоятельства, расширить фронт наступления до Веймута. Было бы легко усилить эти три армии после захвата плацдармов, «поскольку,— как говорил генерал Гальдер,— на континенте немцам не угрожали никакие вооруженные силы». Поистине у немцев не было недостатка в свирепых, хорошо вооруженных войсках, однако им требовались суда и надежная переправа.

На долю военно-морского штаба выпала самая тяжелая первоначальная задача. Для удовлетворения всех своих нужд Германия имела морские суда общим водоизмещением 1200 тыс. тонн. Для того чтобы погрузить войска вторжения, потребовалось бы больше половины этого тоннажа, что вызвало бы серьезное расстройство в экономике. К началу сентября военно-морской штаб имел возможность сообщить, что реквизированы следующие суда: 168 транспортов (водоизмещением 700 тыс. тонн), 1910 барж, 419 буксиров и траулеров, 1600 моторных катеров.

Всю эту армаду нужно было укомплектовать личным составом и доставить по морю и по каналам в порты сосредоточения. В то же время, начиная с первых чисел июля, мы предприняли ряд последовательных налетов на суда в Вильгельмсгафене, Киле, Куксгафене, Бремене и Эмдене; совершались также налеты на мелкие суда и баржи во французских портах и на бельгийских каналах.

Когда 1 сентября началось передвижение на юг большого потока судов, на которых предполагалось совершить вторжение, королевская авиация следила за ними, сообщала о них и ожесточенно атаковала их вдоль всего фронта от Антверпена до Гавра. Германский военно-морской штаб отмечал:

«Непрерывная активная оборона побережья противником, использование им большого количества бомбардировщиков для налетов на порты, где

производится погрузка войск, предназначенных для осуществления операции «Морской лев», а также его береговая разведка свидетельствуют о том, что противник ожидает вторжения в ближайшее время».

И далее:

«Однако английские бомбардировщики н самолеты для сбрасывания мин... все еще действуют в полном составе, и следует признать, что деятельность английских воздушных сил, несомненно, была успешной, даже если движению германских транспортов н не было создано существенных помех».

И все же, несмотря на задержки н понесенные потери, германский военно-морской флот выполнил первую часть своей задачи. Ожидавшийся немцами десятипроцентный урон от потерь н аварий был превышен; однако оставшаяся часть транспортных средств была недалека от того минимума, который германское командование планировало для первого этапа операции.

И флот, н армия свалили лежащее на них бремя на германскую авиацию. Успех всего плана создания коридора с перилами в виде минных полей, которые предполагалось заложить н поддерживать под прикрытием германской авиации перед лицом подавляющего превосходства английских флотилий и мелких судов, зависел от разгрома английской авиации и установления полного господства немцев в воздухе над Ла-Маншем н юго-восточным побережьем Англии, прнчем не только над переправами, но и над районами высадки. Оба вида старых вооруженных сил взвалили ответственность на рейхсмаршала Гернига.

Гернинг отнюдь не возражал против этого, считая, что благодаря своему большому численному превосходству германская авиация через несколько недель ожесточенных боев разобьет английскую противовоздушную оборону, уничтожит английские аэродромы в Кенте н Сассексе н установит полное господство над проливом. Но помимо этого он был уверен в том, что бомбардировка Англии, н особенно Лондона, доведет вырождающихся миролюбивых англичан до такого состояния, что они запросят мира, особенно если на их горизонте будет непрерывно расти угроза вторжения.

Германское военно-морское командование далеко не было уверено в этом и нспытывало очень серьезные опасения. Оно считало, что операцию «Морской лев» следует осуществить лишь в крайнем случае, и в июле рекомендовало отложить проведенне этой операцин до весны 1941 года, если только *сокрушительное воздушное наступление и решительные действия подводных лодок* не «вынудят противника вступить в переговоры с фюрером на основе его условий». Однако фельдмаршал Кейтель н генерал Йодль были рады тому, что верховный командующий военно-воздушными силами нспытывал такую уверенность.

Это были славные дни для нацистской Германии. Гитлер плясал от радости, навязав французам унизительное перемирне в Компьене. Германская армия прошла победным маршем под Триумфальной аркой н через Елисейские поля. Казалось, не было ничего, что они не могли бы совершить. Почему бы нм не воспользоваться выигрышным положением?

Таким образом, каждый из трех видов вооруженных сил, участвовавших в операции «Морской лев», делал ставку на благоприятствующие факторы н представлял мрачную сторону своим компаньонам.

По мере того как шли дни, возникали и умножались сомнения и задержки. Приказ Гитлера от 16 июля предписывал закончить всю подготовку к середине августа. Руководящие органы всех трех видов вооруженных сил понимали, что это невозможно, и в конце июля Гитлер согласился на 15 сентября, как на самую раннюю дату высадки, оставляя за собою право принять решение о выступлении после того, как станут известны результаты намечавшейся тогда еще более ожесточенной битвы в воздухе.

30 августа военно-морской штаб доложил, что в результате принятых Англией контрмер против флота вторжения подготовку не удастся завершить к 15 сентября. По просьбе штаба дата вторжения была перенесена на 21 сентября при условии заблаговременного предупреждения за десять дней. Это означало, что предварительный приказ должен был последовать 11 сентября. 10 сентября военно-морской штаб снова доложил о встреченных им различных трудностях, связанных с погодой, которая всегда доставляет неприятности, а также с английскими ответными бомбардировками. Он указал, что хотя необходимую военно-морскую подготовку можно было бы практически завершить к 21-му, однако оговоренное оперативное условие — неоспоримое превосходство в воздухе над проливом — не выполнено. Поэтому 11-го Гитлер отложил предварительный приказ на три дня, перенеся, таким образом, самую раннюю дату высадки на 24-е, а 14-го он отложил ее снова.

* * *

14-го адмирал Редер выразил мнение, что:

«(а) Нынешняя обстановка в воздухе не обеспечивает условий для осуществления операции, поскольку риск еще слишком велик.

(б) Если операция «Морской лев» окончится неудачей, это приведет к значительному повышению престижа англичан, а мощное воздействие наших атак будет тем самым сведено на нет.

(в) Необходимо продолжать непрерывные воздушные налеты на Англию, особенно на Лондон. Если погода будет благоприятной, следует стремиться к усилению налетов вне зависимости от операции «Морской лев». Эти налеты должны иметь решающий исход.

(г) Однако от операции «Морской лев» не следует пока отказываться, поскольку необходимо поддерживать тревогу англичан. Если во внешнем мире станет известно об отказе от этой операции, это будет большим облегчением для англичан».

17-го вторжение было отложено на неопределенный срок, причем весьма обоснованно как с их, так и с нашей точки зрения. Редер указывал далее:

«(д) О подготовке к высадке на побережье пролива хорошо известно противнику, который принимает все более решительные встречные меры. Симптомом этого служит, например, оперативное использование его самолетов для налетов и разведки над германскими операционными портами, частое появление эсминцев у южного побережья Англии, в Дуврском проливе и у франко-бельгийского побережья, курсирование его патрульных судов у северного побережья Франции, последняя речь Черчилля и т. п.

(е) Основные корабли Флота метрополии содержатся в состоянии боевой готовности, чтобы отразить высадку, хотя большая часть кораблей все еще находится на западных базах.

(ж) С помощью воздушной разведки установлено, что большое количество эсминцев (свыше 30) уже находится в южных и юго-восточных портах.

(з) Вся имеющаяся информация говорит о том, что военно-морские силы противника заняты исключительно этим театром военных действий».

* * *

В течение августа в различных пунктах побережья между островом Уайт и Корнуэллом море выбросило на берег около сорока трупов немецких солдат. Немцы проводили вдоль французского побережья учебную погрузку на баржи. Часть этих барж вышла в море, спасаясь от английских бомбардировок, и погибла либо от бомбардировки, либо в результате плохой погоды. Это породило широко распространившиеся слухи, будто немцы предприняли попытку вторжения и понесли очень тяжелые потери или в результате потопления, или же от огня на участках моря, покрытых пылающей нефтью. Мы не принимали никаких мер, чтобы опровергнуть эти слухи, которые, принимая фантастически преувеличенную форму, быстро распространялись в оккупированных странах и подбадривали угнетенное население. Так, например, в одном из брюссельских магазинов были выставлены мужские купальные костюмы с ярлыком: «Для переправы вплавь через пролив».

7 сентября мы получили сведения о том, что в западном и южном направлениях к пунктам между Остенде и Гавром движутся баржи и мелкие суда. А поскольку эти порты сосредоточения судов служили объектом ожесточенных налетов английской авиации, вполне вероятным казалось, что суда перебрасывались туда незадолго до фактической попытки. Ударная мощь германской авиации между Амстердамом и Брестом возросла в результате переброски на этот участок 160 бомбардировщиков из Норвегии; на передовых аэродромах в районе Па-де-Кале были замечены части пикирующих бомбардировщиков ближнего действия. За несколько дней до этого были захвачены в плен четыре немца, высадившихся с весельной лодки на юго-восточном побережье. Они сознались, что занимались шпионажем и имели указания быть готовыми к тому, чтобы в течение ближайших двух недель в любой момент доносить о передвижении английских резервных формирований в районе Ипсуич, Лондон, Рединг, Оксфорд. Луна и условия прилива между 8 и 10 сентября благоприятствовали вторжению на юго-восточном побережье. На основании этого начальники штабов пришли к выводу, что создалась непосредственная угроза вторжения и что силы обороны должны быть готовы выступить по первому сигналу.

Однако в то время в штабе войск метрополии не было системы, с помощью которой приказ о готовности к действиям через восемь часов можно было бы последовательными этапами изменить в приказ «о готовности к немедленным действиям». Кодовое слово «Кромвель», которое означало, что «вторжение близко», было передано командованием войск метрополии в 8 часов вечера 7 сентября восточному и южному военным округам; это означало, что передовые береговые дивизии должны быть приведены в состояние боевой готовности. Оно было передано также всем соединениям в районе Лондона, а также 4-му и 7-му корпусам резерва главного командования. В порядке информации этот приказ был сообщен

всем остальным военным округам в Соединенном Королевстве. На основании этого в некоторых районах страны командиры отрядов внутренней обороны по собственной инициативе созвали свои отряды колокольным звоном. Это породило слухи о высадке неприятельских парашютных десантов и о приближении к побережью немецких десантных судов. Ни мне, ни начальникам штабов не было известно о том, что было передано решающее кодовое слово «Кромвель», и на следующее утро были даны инструкции разработать промежуточные этапы, которые обеспечивали бы в будущем возможность повысить бдительность, не заявляя, что приближается вторжение. Было дано указание, что даже по получении кодового слова «Кромвель» отряды внутренней обороны должны собираться лишь для выполнения специальных заданий; было указано также, что в колокола можно звонить лишь по указанию кого-либо из отрядов местной обороны, кто своими глазами видел приземление не менее 25 парашютистов, а не потому, что слышен звон других колоколов или еще по каким-либо причинам. Понятно, что этот инцидент вызвал много разговоров и волнений, однако о нем не было упомянуто ни в газетах, ни в парламенте. Этот случай явился полезным тонизирующим средством и своего рода репетицией для всех, кого это касалось.

* * *

Мы проследили, как подготовка немцев к вторжению постепенно достигла апогея, и видели, как первоначальное чувство торжества мало-помалу уступало место сомнениям и, наконец, сменилось полной неуверенностью в исходе. Фактически уверенность была подорвана уже в 1940 году, и, несмотря на возрождение этого проекта в 1941 году, он уже не мог в такой мере захватить воображение немецких руководителей, как в радужные дни после падения Франции. Мы видим, как в решающие месяцы — июль и август — командующий военно-морскими силами Редер пытался довести до сознания своих коллег в армии и в военно-воздушных силах, с какими серьезными трудностями сопряжена десантная война в широких масштабах. Он сознавал свою собственную слабость и недостаток времени для надлежащей подготовки и пытался установить какие-то пределы для выдвинутых Гальдером планов одновременной высадки огромных сил на широком фронте. В то же время честолюбивый Геринг решил добиться грандиозной победы исключительно с помощью своей авиации; он не желал играть скромной роли, участвуя в совместном плане и добиваясь систематического ослабления морских и воздушных сил противника в районе вторжения.

Из имеющихся данных ясно, что германское верховное командование отнюдь не являло собой слаженной группы, стремящейся к общей цели и обоюдно понимающей способности и пределы возможностей других. Каждый хотел быть самой яркой звездой на небосклоне. Трения выявились с самого начала, и поскольку Гальдер мог взвалить ответственность на Редера, он ничего не делал, чтобы привести свои собственные планы в соответствие с практическими возможностями. Вмешательство фюрера было необходимо, однако оно, видимо, мало способствовало улучшению отношений между тремя видами вооруженных сил. В Германии престиж армии был исключительно высоким, и руководители армии смотрели на своих товарищей моряков несколько свысока. Нельзя не

прийти к выводу, что германская армия не хотела в серьезной операции вручать свою судьбу своим собратьям по другому виду вооруженных сил. Когда после войны генерала Йодля спросили об этих планах, он раздраженно ответил: «Наши планы в значительной степени напоминали планы Юлия Цезаря». Так говорил о морской операции типичный германский армеец, который слабо разбирался в проблемах, связанных с высадкой и развертыванием крупных сил на обороняемом побережье, открытом всем опасностям моря.

В Англии же, несмотря на все наши недостатки, мы очень хорошо разбирались во всех морских делах. Это было у нас в крови на протяжении столетий, и морские традиции волнуют у нас не только моряков, но и весь народ. И именно это в большей степени, чем все остальное, позволило нам спокойно взирать на угрозу вторжения. Организация дела, при которой контроль над операциями осуществлялся тремя начальниками штабов, чья деятельность координировалась министром обороны, способствовала возникновению невиданной в прошлом сплоченности, взаимопонимания и готовности сотрудничать. Когда со временем пришла наша очередь предпринимать великие вторжения с моря, наши действия основывались на серьезных успехах в подготовке к этой задаче и на полном понимании технических требований, которыми обусловливаются такие гигантские и рискованные предприятия. Даже в том случае, если бы в 1940 году немцы имели хорошо обученные десантные силы, оснащенные всей техникой современной десантной войны, все равно выполнение их задачи было бы безнадежным делом перед лицом нашей морской и воздушной мощи. В действительности же у них не было ни необходимых средств, ни подготовки.

* * *

Мы видели, как наши многочисленные тревоги и самопроверка приводили к непрерывному росту уверенности, с которой мы с самого начала относились к угрозе вторжения. С другой стороны, чем больше германское верховное командование и фюрер думали об этом предприятии, тем меньше оно им улыбалось. Ни мы, ни немцы, конечно, не могли знать ни о настроениях друг друга, ни о том, как каждый из нас оценивал положение; однако с каждой неделей, начиная с середины июля до середины сентября, взгляды германского и английского военно-морских министерств, германского верховного командования и английских начальников штабов, а также фюрера и автора этой книги на проблему вторжения все больше совпадали, о чем в то время не знали ни мы, ни они. Если бы у нас могло возникнуть подобное единство мнений по другим вопросам, не нужно было бы и войны. И мы и они, конечно, исходили из одной общей основы — все зависело от битвы в воздухе. Вопрос заключался в том, каков будет исход этой битвы для ее участников; кроме того, немцы спрашивали себя, выдержит ли английский народ воздушные бомбардировки, влияние которых в те дни сильно преувеличивалось, или же он падет духом и заставит правительство Его Величества капитулировать. На этот счет рейхсмаршал Геринг питал большие надежды, а мы не испытывали никаких опасений. <...>

Битва за Англию

Теперь иаша судьба зависела от победы в воздухе. Германские руководители признали, что успех всех их планов вторжения в Англию зависит от того, удастся ли им добиться превосходства в воздухе иад проливом и пуиктами иамечеииой высадки иа нашем южиом побережье. Подготовка портов погрузки, сосредоточение транспортов, очистка от мин проходов и установка иовых миииых полей — все это было невозможно без защиты от налетов английской авиации. Для практической переброски и высадки десаитов устаиовление полного господства в воздухе иад траиспортами и побережьем имело решающее зиачение. Таким образом, успех зависел от уничтожения английской авиации и системы аэродромов между Лондоном и морем. Теперь нам известно, что 31 июля Гитлер сказал адмиралу Редеру: «Если после восьми диеи интеисивиой воздушиой войны иемецкая авиация не уничтожит значительную часть вражеской авиации, портов и военно-морских сил, всю операцию придется отложить до мая 1941 года». Вот эту-то битву и предстояло сейчас провести.

Личио я мыслеиио отнюдь ие уклоиялся от предстоявшей пробы сил. 4 июня я заявил парламенту: «Великая французская армия в настоящее время отброшена очень далеко иазад и приведена в расстройство натиском всего нескольких тысяч танков. И разве не может быть так, что сама цивилизация будет спасена благодаря мастерству и предаииости всего иескольких тысяч летчиков?» А Смэтсу я писал 9 июня: «Я вижу лишь один иадежиый выход, а именио Гитлер должеи атаковать нашу страну и таким путем сломать свое авиационное оружие». И вот этот момеит наступил.

О борьбе между аиглийской и гермаиской авиацией, иными словами, о битве за Англию иаписаны замечательиые отчеты. Основные факты в том виде, как они были известны иам в 1941 и 1943 годах, иашли свое полное отражение в бюллетене главного маршала авиации Даудинга и в брошюре №156 министерства авиации. Сейчас нам известио также, каковы были взгляды германского верховиого командования и его реакция на различных этапах борьбы. По-видимому, потери иемцев в иекоторых серьезных боях были значительио меиьше, чем мы думали в то время, а сообщения обеих сторон были весьма преувеличены. Но главные особеиности и характерные черты этого знаменитого столкновения, от исхода которого зависело само существование Англии и свобода во всем мире, бесспорны.

Гермаиская авиация была до предела вовлечеиа в борьбу за Францию, и ей, так же как и гермаискому флоту после иорвежской кампании, требовалось иесколько иедель или месяцев для восстаиовления. Эта пауза была удобна также и для нас, ибо все иаши эскадрильи истребителей, за исключением трех, в то или иное время участвовали в операциях на коитиненте. Гитлер ие мог представить себе, чтобы Англия ие приняла мирного предложения после падеиия Фраиции. Так же как маршал Петэи, Вейган и многие французские геиералы и политические деятели, ои ие учитывал особых специфических возможностей островного государства и, подобно этим французам, неправильно судил о силе иашей воли. Мы прошли большой путь и многому иаучились после Мюнхена. В июне Гитлер занялся изучением иовой обстановки, которая постепенио выри-

совывалась перед ним, а тем временем германская авиация пополняла свои силы и перегруппировывалась для выполнения следующей задачи. Не приходилось сомневаться, в чем должна была состоять эта задача. Либо Гитлер должен был вторгнуться в Англию и покорить ее, либо ему грозило бесконечное продолжение войны со всеми ее неисчислимыми опасностями и осложнениями. Всегда существовала возможность, что победа над Англией в воздухе положит конец ее сопротивлению и что фактическое вторжение, даже если бы оно и стало возможным, тоже стало бы ненужным, разве что для оккупации побежденной страны.

В течение июня и в начале июля германские военно-воздушные силы пополнили и перегруппировали свои соединения и разместились на всех французских и бельгийских аэродромах, с которых предполагалось повести наступление; путем разведки и пробных налетов немцы пытались определить характер и масштабы сопротивления, которое они могут встретить. Лишь 10 июля был произведен первый большой налет, и обычно эту дату считают началом битвы. Выделяются и две другие даты величайшего значения — 15 августа и 15 сентября.

Были также три последовательных, но частично совпадавших друг с другом этапа германского наступления. Первый — с 10 июля по 18 августа, когда производились налеты на английские караваны в Ла-Манше и на наши южные порты от Дувра до Плимута; они ставили целью испытать силы нашей авиации, вовлечь ее в бой и измотать ее, а также нанести ущерб тем прибрежным городам, которые были намечены в качестве объектов предстоящего вторжения. На втором этапе — с 24 августа по 27 сентября — задача заключалась в том, чтобы проложить путь к Лондону, ликвидировав английскую авиацию и ее базы, и затем начать ожесточенные и беспрерывные бомбардировки столицы. В результате этого должны были быть перерезаны коммуникации с находящимися под угрозой участками побережья. Но, по мнению Геринга, здесь можно было надеяться и на нечто гораздо большее — на то, чтобы повергнуть в смятение и парализовать крупнейший город мира, запугать правительство и народ и подчинить их тем самым воле немцев. Штабы германского флота и армии от всей души желали, чтобы Геринг оказался прав. По мере развития событий штабы убеждались в том, что английскую авиацию не удается ликвидировать и что одновременно им приходится пренебрегать настоятельными нуждами операции «Морской лев» во имя разрушения Лондона.

А затем, когда все разочаровались, когда вторжение было отложено на неопределенный срок из-за отсутствия важнейшего условия — превосходства в воздухе, тогда наступил третий и последний этап. Пришлось отказаться от надежды одержать победу налетами в дневное время; английская авиация, к раздражению немцев, оставалась эффективной, и в октябре Геринг стал без разбора бомбить Лондон и центры промышленного производства.

* * *

По своим качествам наши самолеты-истребители мало отличались от немецких. Немецкие обладали большей скоростью и лучше набирали высоту; наши же отличались большей маневренностью и были лучше вооружены. Немецкие летчики прекрасно понимали, что имеют численное превосходство, и гордились своими победами в Польше, Норвегии, Бель-

гии, Голландии и Франции; наши летчики обладали глубокой верой в свое индивидуальное превосходство и той решимостью, которую английский народ всегда проявляет в полной мере при исключительно тяжелых обстоятельствах. Немцы имели одно важное стратегическое преимущество и умело им пользовались — их силы были развернуты на многочисленных и широко разбросанных базах, они могли сосредоточить их против нас в больших количествах, обманывая и вводя нас в заблуждение относительно действительных объектов налетов. Однако противник, видимо, недооценивал неблагоприятных условий боев над проливом и по другую его сторону по сравнению с условиями во Франции и Бельгии. Усилия, прилагавшиеся немцами для организации эффективной службы спасения на море, свидетельствуют о том, что немцы считали эти условия трудными. В июле и августе всякий раз, когда происходил воздушный бой, над Ла-Маншем появлялись немецкие транспортные самолеты со знаком Красного Креста. Мы не признавали такого способа спасения сбитых в бою вражеских летчиков, которые могли опять вернуться в строй и снова бомбить наше гражданское население. Мы спасали их сами, когда это бывало возможно, и держали их в плену. А все немецкие санитарные самолеты наши летчики-истребители, согласно категорическому приказу, одобренному военным кабинетом, сбивали или принуждали к посадке. Немецкие экипажи и врачи, находившиеся на этих самолетах, выражали удивление по поводу такого обращения с ними и протестовали, утверждая, что это противоречит Женевской конвенции. В Женевской конвенции ничего не говорилось о подобного рода случаях, ибо она не предусматривала такой формы военных действий. Немцы не имели веских оснований выражать недовольство, учитывая, как много договоров, законов войны и торжественных соглашений они нарушали без всяких угрызений совести, когда это бывало им выгодно. Вскоре они отказались от этого эксперимента, и спасение на море для обеих сторон осуществляли наши мелкие суда, по которым немцы, конечно, открывали огонь при всяком удобном случае.

* * *

К августу германская авиация собрала 2669 боевых самолетов, в том числе 1015 бомбардировщиков, 346 пикирующих бомбардировщиков, 933 истребителя и 375 тяжелых истребителей. Директива фюрера № 17 предписывала усилить 5 августа воздушную войну против Англии. Геринг никогда не придавал большого значения операции «Морской лев»; он был сторонником «абсолютной» войны в воздухе. Вызванное этим расстройство подготовительных мероприятий встревожило германский морской штаб. Уничтожение английских военно-воздушных сил и нашей авиационной промышленности служило для германского морского командования лишь средством достижения определенной цели: после того как эта задача была бы выполнена, воздушную войну предполагалось обратить против английских военных кораблей и судов. Военно-морской штаб был недоволен тем, что Геринг в последнюю очередь думал о военно-морских объектах, и его раздражали задержки. 6 августа он доложил верховному командованию, что подготовка к закладыванию мин немцами в районе Ла-Манша не может быть произведена ввиду постоянной угрозы со стороны английской авиации. В боевом журнале военно-морского штаба за 10 августа значится:

«Подготовке к операции «Морской лев», особенно очистке от мин, мешает бездействие немецкой авиации, которая в настоящее время не может действовать из-за плохой погоды; по причинам, неизвестным военно-морскому штабу, иемецкая авиация упустила возможности, предоставлявшиеся ей иедавно весьма благоприятной погодой».

В июле и в начале августа беспрерывные и жестокие воздушные бои велись над Кентским мысом и побережьем Ла-Манша. У Геринга и его опытных советников сложилось мнение, что они вовлекли в эту борьбу на южном побережье почти все наши эскадрильи истребителей. Поэтому они решили совершить дневной налет иа промышленные города севернее залива Уош. Расстояние было слишком велико для их первоклассных истребителей Ме-109. Им пришлось пойти на риск и послать свои бомбардировщики лишь в сопровождении истребителей Ме-110; эти последние, хотя и имели нужный радиус действия, ие обладали теми качествами, которые как раз и имели значение в то время. Тем не менее с их стороны это был разумный шаг, и риск был вполне оправдан.

Сообразно с этим 15 августа около ста бомбардировщиков в сопровождении сорока истребителей Ме-110 были брошены против долины реки Тайи. Одновременно более 800 самолетов было направлено на юг, чтобы сковать все наши силы, которые, по предположениям немцев, уже были там сосредоточены. Но тут прекрасно оправдала себя дислокация истребительной авиации, разработанная Даудингом. Эта опасность была предусмотрена. Семь эскадрилий истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» были отведены из района интенсивных боев на юге на отдых и одновременно для охраны севера. Они понесли серьезные потери, но тем не менее очень не хотели выходить из боя. Летчики всячески доказывали, что они совсем не устали. Но они получили неожиданное утешение. Эти эскадрильи смогли встретить атакующих, когда те пересекали побережье. Было сбито 30 немецких самолетов, главным образом тяжелых бомбардировщиков («Хейнкель-111», каждый с экипажем из четырех человек, хорошо подготовленных), тогда как у англичан было только двое раненых летчиков. Предусмотрительность главиого маршала авиации Даудинга, командовавшего истребительиой авиацией, заслуживает наивысшей похвалы. Однако еще более замечательной была его выдержка и произведенная им точная оценка серьезности положения в различных местах, что позволило сохранить истребительную авиацию на севере на протяжении всех этих долгих недель смертельного столкновения на юге. Мы должны расценивать проявленное здесь воинское мастерство как образец гения в военном искусстве. Больше уже никогда ие предпринимались попытки совершить налет за пределами радиуса действия истребителей сопровождения высшего класса. С тех пор весь район к северу от Уоша в дневное время находился в безопасности.

15 августа произошло крупнейшее за тот период войны сражение в воздухе: было проведено пять ожесточенных боев на фронте в 500 миль. Это был действительио критический день. На юге в боях участвовали все наши 22 эскадрильи, многие из них по два, а некоторые по три раза. Потери иемцев вместе с теми, которые они поиесли на севере, составили 76 самолетов против наших 34.

Надо полагать, что руководители германской авиации с тревогой оценивали последствия этого поражения, служившего плохим предзнаменова-

нием на будущее. Однако главным объектом германских военно-воздушных сил по-прежнему был лондонский порт — вся эта колоссальная цепь доков с огромным количеством судов и крупнейший город мира; чтобы попасть в него, не требовалось особой точности.

* * *

На протяжении этих недель напряженной борьбы и беспрерывных тревог лорд Бивербрук выполнял превосходную работу. Нужно было любой ценой пополнить эскадрильи истребителей надежными машинами. Сейчас было не время для бюрократизма и волокиты, хотя и то и другое встречалось в нашей хорошо налаженной, гладко работающей системе. В такой обстановке все замечательные качества лорда Бивербрука оказались очень ценными. Его жизнерадостность и энергия оказывали ободряющее действие на других. Я был рад иметь возможность иногда опереться на него. Он не подвел меня. Настал его час. Его энергия и дарования в сочетании с изобретательностью и умением убеждать давали возможность устранять множество препятствий. Все, что шло по каналам снабжения, направлялось вперед в бой. Новые или отремонтированные самолеты в невиданном ранее количестве поступали в эскадрильи, которые с восторгом принимали их. Во всех областях обслуживания и ремонта работы велись очень интенсивно. Я так высоко ценил заслуги Бивербрука, что 2 августа с одобрения короля предложил ему стать членом военного кабинета. В то же время его старший сын Макс Эйткен добился высокого отличия как летчик-истребитель, выйдя победителем в одиннадцати воздушных боях.

Другим министром, с которым я сотрудничал в то время, был министр труда и национальной повинности Эрнест Бевин, который должен был распоряжаться всей рабочей силой страны и воодушевлять ее. Все рабочие на военных заводах были готовы беспрекословно выполнять его указания. В октябре он также стал членом военного кабинета. Профсоюзные деятели принесли свои приобретенные в длительной борьбе и ревниво охранявшиеся права и завоевания на тот алтарь, на который уже были принесены состояния, чины, привилегии и собственность. Мы работали в полном согласии с Бивербруком и Бевином в самые горячие недели. Впоследствии они, к сожалению, поссорились, что вызвало много трений. Но в тот момент величайшего напряжения мы все были заодно. Нельзя переоценить лояльность мистера Чемберлена, так же как и решительность и энергию всех моих коллег по кабинету. Да будет им честь и слава.

* * *

Мне очень хотелось составить правильное представление о потерях немцев. Говоря откровенно, летчики, часто сражающиеся высоко над облаками, не имеют твердой уверенности в том, сколько вражеских самолетов они сбили, и не могут знать, сколько других летчиков считают, что именно они сбили эту машину. <...>

* * *

20 августа я мог доложить парламенту:

«Враг располагает, конечно, гораздо более многочисленными силами, чем мы. Однако выпуск нашей новой продукции уже значительно превы-

шает его выпуск, а американская продукция лишь начинает поступать. Численность нашей бомбардировочной и истребительной авиации сейчас, после всех этих боев, больше, чем когда бы то ни было ранее. Мы считаем, что сможем продолжать воздушную войну до бесконечности и до тех пор, пока того пожелает противник; а чем дольше будет затягиваться эта борьба, тем быстрее мы будем приближаться сперва к равенству сил, а затем к превосходству в воздухе, от которого в значительной степени зависит исход войны».

Вплоть до конца августа Геринг не считал ход войны в воздухе неблагоприятным. Вместе со своим окружением он полагал, что английскому наземному оборудованию, авиационной промышленности и боевой мощи английской авиации уже нанесен очень серьезный ущерб. Немцы считали, что после 8 августа мы потеряли 1115 самолетов, а они — 467. Но, естественно, каждая сторона оценивает положение оптимистически, и руководящие круги заинтересованы в этом. В сентябре наступил период хорошей погоды, и германская авиация надеялась достигнуть решающих результатов. Наши аэродромы вокруг Лондона подверглись ожесточенным налетам. В ночь на 6 сентября 68 самолетов совершили налет на Лондон, а 7-го был произведен первый массированный налет, в котором участвовало около 300 самолетов. В этот день и в последующие дни, в течение которых количество наших зенитных орудий было удвоено, над столицей беспрерывно шли ожесточенные воздушные бои; германская авиация все еще чувствовала себя уверенно, ибо немцы переоценивали наши потери. Однако сейчас нам известно, что германский военно-морской штаб, беспокоясь о собственных интересах и собственной ответственности, писал 10 сентября в своем боевом журнале:

«Нет никаких признаков разгрома вражеской авиации над Южной Англией и в районе Ла-Манша, а это крайне важно для дальнейшей оценки положения. Предварительные налеты германской авиации привели к значительному ослаблению истребительной авиации противника, и, таким образом, можно считать, что немецкие истребители обладают значительным превосходством над территорией Англии. Однако... мы еще не обеспечили таких оперативных условий, какие, как военно-морской штаб указывал верховному командованию, совершенно необходимы для успеха всего предприятия, а именно установления бесспорного превосходства в воздухе в районе Ла-Манша и пресечения действий вражеской авиации в районе сосредоточения германских военно-морских сил и вспомогательных судов... В соответствии с графиком подготовки к операции «Морской лев» германским военно-воздушным силам следовало бы сейчас бросать меньше сил против Лондона и больше — против Портсмута и Дувра, так же как против военных портов в операционном районе и близ него...»

Поскольку к этому времени Геринг убедил Гитлера в том, что массированные налеты на Лондон сыграют решающую роль, морской штаб не отважился обращаться к верховному командованию; однако его тревога не ослабевала, и 12-го он пришел к такому мрачному выводу:

«Война в воздухе ведется как «абсолютная воздушная война» без учета нынешних требований морской войны и вне рамок операции «Морской лев». В ее нынешней форме воздушная война не может помочь подготовке к операции «Морской лев», которая сосредоточена главным образом в руках морского флота. В частности, незаметно каких-либо попыток со стороны

германской авиацин атаковать корабли английского флота, которые имеют сейчас возможность почти беспрепятствению действовать в Ла-Манше, а это будет исключительно опасно для транспортнровки. Таким образом, основным вндом ·обороны от английских военно-морских снл должны служить минные поля, которые, как это неоднократно разъяснялось верховиому командованию, иельзя считать надежной защитой для судоходства.

Дело заключается в том, что до иастоящего времени интенсивная воздушиая война не способствовала подготовке к десантной операции, поэтому по оперативным причинам пока еще нельзя думать об осуществлении высадки».

* * *

Выступая по радио 11 сентября, я заявил:

«В тех случаях, когда позволяет погода, германские бомбардировщики под эскортом истребителей, часто в количестве 300—400 самолетов одновременно, волнамн налетают на наш остров, особенно иа Кентский мыс, в иадежде атаковать в дневное время военные н другие объекты. Однако их встречают наши эскадрильи истребнтелей, которые почти всегда разбнвают нх. Они несут потери в соотиошении 3:1 в самолетах н 6:1 в живой силе.

Попытка немцев обеспечить превосходство в воздухе над Англией в дневное время составляет, безусловно, суть всей войны. Пока они потерпели полную неудачу. Она обошлась нм очень дорого, а мы чувствуем себя сильнее н фактнчески намного снльнее, чем в июле, когда начались ожесточенные бои. Не приходится сомневаться в том, что герр Гнтлер очень расточнтельно расходует свон нстребители и что, если он будет продолжать в том же духе еще в течение иескольких недель, он нстощит н нзмотает эту важнейшую часть своей авнацин. Это обеспечит нам большое преимущество.

С другой стороны, попытка с его стороны вторгнуться в нашу страну, не обеспечив господства в воздухе, была бы очень рискованным предприятнем. Тем не менее вся проводимая нм в широком масштабе подготовка к вторжеиню неуклонио продолжается. Несколько сотен самоходных барж двнжется вдóль берегов Европы нз германских и голландских портов к портам Северной Франции, от Дюнкерка до Бреста и за Брестом — во французские порты в Бнскайском заливе.

Кроме того, торговые караваны, насчитывающие десятки судов, двнжутся, укрываясь то в одном, то в другом порту, через Дуврский пролив в Ла-Манш под защитой новых батарей, которые немцы установили на побережье Францнн. В настоящее время значительное количество судов сосредоточено в немецких, голландских, бельгийских н французских портах на всем протяженин от Гамбурга до Бреста. И накоиец, проводится иекоторая подготовка к переброске на судах войск вторжения нз норвежских портов.

За всеми этими судами н баржами находится большое количество немецких войск, ожидающих прнказа погрузиться на суда и отправнться в опасное и ненадежное путешествне через море. Мы не можем сказать, когда они попытаются высадиться; мы не имеем даже уверенностн в том, предпрнмут ли они вообще такую попытку, однако не следует закрывать глаза на тот факт, что с присущей иемцам основательностью н методич-

иостью ведется подготовка к решительиому всестороиием вторжению на наш остров и что оио может быть предпринято сейчас в Англии, Шотландии, Ирландии или сразу во всех трех местах.

Если попытка этого вторжения вообще будет предпринята, то вряд ли оиа будет долго откладываться. Погода может испортиться в любое время. Кроме того, противнику трудно до бескоиечиости держать все эти скопления судов в ожидании, в то время как оии каждую иочь подвергаются налетам иаших бомбардировщиков и очеиь часто обстреливаются иашими воеииыми кораблями, которые подстерегают их со стороиы моря.

Соответствеиио с этим мы должны считать следующую иеделю исключительио важным периодом в иашей истории. Его можио сравнить с теми днями, когда испаиская Армада приближалась к Ла-Маишу, а Дрейк заканчивал свою игру в шары, или же с тем времеием, когда Нельсон стоял между иами и великой армией Наполеоиа в Булони. Мы читали об этом в исторических книгах; одиако масштабы ныиешних событий зиачительно шире, и они будут иметь гораздо более важные последствия для жизни и судеб всего мира и его цивилизации, чем те славные былые времена».

* * *

В боях, происходивших с 24 августа по 6 сеитября, дело обернулось плохо для иашей истребительиой авиации. В те критические дни иемцы постоянно бросали крупные силы против аэродромов в Южной и Юго-Восточиой Англии. Они задались целью расстроить дневную оборону силами истребителей иашей столицы. Немцы торопились обрушиться иа Лондои. А для иас гораздо важнее было обеспечить фуикционирование аэродромов и действовавших с них эскадрилий, чем защитить Лондои от террористических бомбардировок. Это была решающая фаза в борьбе ие иа жизнь, а иа смерть между аиглийской и германской авиацией. Мы всегда рассматривали эту борьбу ие с точки зреиия защиты Лондоиа или какого-либо другого пуикта, а лишь с точки зрения победы в воздухе. В штабе истребительиой авиации в Стенморе и особеиио в штабе 11-й авиагруппы истребителей в Аксбридже испытывали большую тревогу. Пяти передовым аэродромам этой авиагруппы и шести секторным стаициям был иаиесен большой ущерб. Аэродромы в Мэистоне и Лаймие иа Кеитском побережье в ряде случаев по иескольку дней оказывались иепригодными для использования истребителями. Станция в секторе Биггии Хилл, южнее Лондоиа, была так сильио поврежден, что в течеиие целой иедели с иее могла действовать лишь одна эскадрилья истребителей. Если бы противник продолжал ожесточенные иалеты иа соседние секторы и повредил их оперативные цеитры или телефоиную связь, вся сложиая организация истребительиой авиации могла бы оказаться разрушеииой. Это привело бы ие только к тяжелым последствиям для Лондоиа, ио и к утрате иами прекрасио оргаиизоваииого коитроля иад иашим собствеииым воздушным простраиством в этом важиейшем райоие...

Я посетил некоторые из этих станций, в частиости Мэистои (28 августа) и Биггии Хилл, иаходившийся совсем близко от моего дома. Они были сильио разрушены, их взлетные дорожки покрыты вороиками. Поэтому командование истребительиой авиации испытало большое облегчение, когда почувствовало 7 сеитября, что иемцы обериулись против Лондона, и сде-

лало отсюда вывод, что противник изменил свой план. Герингу, несомненно, следовало бы продолжить налеты на аэродромы, от организации и взаимодействия которых зависела в то время вся боевая мощь нашей авиации. Отойдя от классических принципов войны, равно как и от общепринятых требований гуманности, он совершил серьезную ошибку.

В тот же период (с 24 августа по 6 сентября) наша истребительная авиация в целом была серьезно ослаблена. За две недели она потеряла 103 летчика убитыми и 128 тяжело ранеными, а 466 самолетов «Спитфайр» и «Харрикейн» были уничтожены или серьезно повреждены. Из общего числа летчиков, составлявшего около 1000 человек, мы потеряли почти четвертую часть. Их можно было заменить лишь 260 новыми пылкими, но неопытными летчиками, взятыми из учебных частей во многих случаях до окончания курса обучения. Ночные налеты на Лондон в течение десяти дней после 7 сентября были направлены против лондонских доков и железнодорожных центров; во время этих налетов было убито и ранено много гражданского населения, но фактически эти налеты дали нам передышку, в которой мы крайне нуждались.

В тот период мне обычно удавалось дважды в неделю во второй половине дня ездить в подвергавшиеся налетам районы в Кенте и Сассексе, чтобы самому видеть, что там происходит. Для этой цели я пользовался собственным поездом, который был теперь очень удобно оборудован: в нем были кровать, ванна, кабинет, телефон и хороший штат сотрудников, и, таким образом, я мог непрерывно работать, не говоря уже о сне, и располагал почти всеми теми возможностями, какие были на Даунинг-стрит.

* * *

15 сентября следует считать кульминационным моментом. В этот день германские военно-воздушные силы после двух ожесточенных налетов, проведенных 14 сентября, совершили крупнейший массированный дневной налет на Лондон.

Это была одна из решающих битв всей войны, и, подобно битве при Ватерлоо, она произошла в воскресенье. Я находился в Чекерсе. Уже несколько раз я посещал штаб 11-й истребительной авиагруппы, чтобы понаблюдать, как ведется воздушный бой, однако тогда ничего особенного не происходило. Но в тот день погода, казалось, благоприятствовала противнику, и я отправился на машине в Аксбридж и прибыл в штаб авиагруппы. В 11-ю авиагруппу входило не менее 25 эскадрилий, прикрывавших всю территорию Эссекса, Кента, Сассекса и Гемпшира, а также все подступы от них к Лондону. В течение шести месяцев этой авиагруппой, от которой в значительной степени зависела наша судьба, командовал вице-маршал авиации Парк.

С начала событий в Дюнкерке он осуществлял руководство всеми дневными операциями на юге Англии, и вся его организация и аппарат были доведены до высшей степени совершенства. Нас с женой проводили в оперативный центр, расположенный в бомбоубежище на глубине 50 футов под землей. Вся мощь самолетов «Харрикейн» и «Спитфайр» была бы бесполезной, если бы не эта система подземных командных центров и телефонных сетей, которая была разработана и создана до войны министерством авиации по совету и настояниям Даудинга. Все, кто принимал в этом участие, заслуживают большой похвалы.

В то время в Южной Англии были расположены штаб 11-й авнагруппы и шесть подчинявшихся ему центров нстребнтельной авиации. Как я уже указывал, все они работали в чрезвычайно иапряжеиных условиях. Общее командование осуществлялось штабом нстребнтельной авнацин, иаходившимся в Стенморе, однако практическое руководство эскадрильямн было разумно предоставлено 11-й авнагруппе, командир которой управлял подразделениями через центры нстребительной авиации, расположенные в каждом графстве.

Оперативный центр авнагруппы иапомиил иебольшой двухъярусный театр, прнмерно 60 футов в поперечнике. Мы заняли места в бельэтаже. Под намн находился большой стол с географической картой, за которым сидело около 20 сотрудников, молодых мужчин н женщин, со своимн помощникамн-телефонистами. Напротив нас на стене, где полагалось быть театральному занавесу, внсела гигантская черная доска во всю стену. Она была разделена на шесть продольных колонок с электролампами. Каждая нз этих колонок соответствовала одной нз баз нстребительиой авнацин; каждая эскадрнлья нмела свою собственную подколоику, которая, в свою очередь, была разделена горнзонтальными лнннями. Когда загорался нижний ряд лампочек, это означало налнчие эскадрилий, «готовых к действию» через 2 минуты; следующий ряд ламп отиосился к эскадрильям «в состоянии готовиости», могущим стартовать через 5 минут; затем шел ряд, относившнйся к эскадрильям, «нмеющимся иалицо» н готовым стартовать через 20 минут; далее следовали лампочки, показывающие уже стартовавшие самолеты; следующий ряд — самолеты, сообщившие, что они обиаружили противника; далее шел ряд красных ламп, означавший уже вступнвшие в бой самолеты, а верхний ряд — самолеты, возвращающиеся на свон аэродромы. С левой стороны в своего рода стеклянной ложе сндели четыре-пять офнцеров, обязанность которых заключалась в оценке и проверке всей информацин, полученной от нашего корпуса службы воздушного наблюдения, насчнтывавшего в то время более 50 тыс. человек — мужчин, женщин н молодежи. В то время радиолокация находилась еще в младенческом состоянин, ио радары уже подавали сигналы о прнближенин самолетов противника к нашему побережью, а наблюдатели, вооруженные полевыми биноклями н полевыми телефонами, служили иашим главным источннком ниформации относительно неприятельских самолетов над нашей террнторней. Таким образом, во время операцин мы получали тысячи донесенні. В других местах этого подземиого штаба сидели опытные работники, которые тотчас же класснфнцировали донесения н ежеминутно сообщали результаты непосредственно планшетистам, сидевшим у круглого стола в партере, а также офнцеру, контролнровавшему всю эту работу нз стекляииой ложи.

С правой стороны находилась другая стеклянная ложа, в которой сидели армейские офнцеры, сообщавшие о действиях наших зенитных батарей,— в то время в распоряжении штаба этой авиагруппы их насчитывалось двести. Было нсключнтельио важно, чтобы в ночиое время этн батареи прекращали огонь на определенных участках, над которымн наши нстребнтели схватывались с противником. В общих чертах я был знаком с этой снстемой; еще за год до войны мне объяснил ее Даудинг, когда я посетил его в Стенморе. Эта снстема была оформлена и усовершеиствована в процессе практического применення н теперь представляла собой

чрезвычайно сложный инструмент войны, равного которому не существовало больше нигде в мире.

«Не знаю, произойдет ли сегодня что-нибудь,— сказал мне Парк, когда мы направились вниз.— В настоящее время все спокойно». Однако через четверть часа планшетисты задвигались. Поступило сообщение о том, что с немецких аэродромов, расположенных в районе Дьеппа, вылетело «40 с лишним» самолетов. Лампочки нижнего ряда настенной доски начали загораться, отмечая наличие эскадрилий, находящихся в «двухминутной готовности». Затем в быстрой последовательности поступили сигналы «20 с лишним» (самолетов противника) и «40 с лишним», и через 10 минут стало ясно, что предстоит серьезное сражение. С обеих сторон в воздухе начали появляться самолеты в большом количестве.

Один за другим следовали сигналы «40 с лишним», «60 с лишним» и даже «80 с лишним». На столе под нами все движения волн вражеской атаки отмечались ежеминутно перемещением дисков вдоль различных путей подхода, в то время как на настенной черной доске, висевшей перед нами, загоравшиеся лампочки показывали, как наши эскадрильи истребителей поднимаются в воздух, пока на земле в состоянии боевой готовности не осталось лишь четыре-пять эскадрилий. Эти воздушные бои, от исхода которых зависело так много, продолжались немногим более часа, считая с момента столкновения первых самолетов. Противник располагал достаточными силами, чтобы направлять все новые и новые волны атакующих самолетов, тогда как наши эскадрильи, вылетевшие все, чтобы выиграть потолок, бывали вынуждены заправляться горючим через каждые 70—80 минут или приземляться для пополнения боеприпасов после 5-минутной схватки с противником. Если бы в момент заправки горючим или пополнения боеприпасов противнику удалось бросить на нас свежие эскадрильи, их некому было бы встретить и противник мог бы уничтожить часть наших истребителей на земле. Поэтому одна из наших главных задач заключалась в таком распределении наших эскадрилий, чтобы в дневное время на земле одновременно не находилось слишком много самолетов для заправки горючим или для пополнения боеприпасов.

Загоревшиеся красные лампочки показывали теперь, что в бой вступило большинство наших эскадрилий. Приглушенный гул шел от стола, за которым озабоченные планшетисты передвигали взад и вперед свои диски в соответствии с быстро менявшейся обстановкой. Вице-маршал авиации Парк давал общие указания о действиях своих истребительных сил; эти указания передавались затем каждой базе истребительной авиации уже в виде подробного приказа моложавым офицером, сидевшим в центре первого яруса рядом со мной. Через несколько лет я узнал его имя. Это был лорд Виллоуби де Брок (я встретил его потом в 1947 году, когда жокей-клуб, старшиной которого он состоял, пригласил меня на дерби. Он удивился, что я вспомнил о нашей встрече). А тогда он давал отдельным эскадрильям приказы подниматься в воздух и нести патрульную службу на основании окончательных данных, которые регистрировались на столе с географической картой. Сам главный маршал авиации прохаживался по залу, внимательно наблюдая за каждым ходом этой игры, следя за действиями своих помощников и лишь изредка вмешиваясь лично, чтобы дать какое-либо важное распоряжение, обычно о переброске дополнительных сил в один из угрожаемых районов.

Через некоторое время все наши эскадрильи ввязались в бой и часть из них уже начала возвращаться для заправки горючим. Все самолеты находились в воздухе. Нижний ряд лампочек погас. В резерве не осталось ни одной эскадрильи. Тогда Парк обратился к Даудингу, находившемуся в Стенморе, с просьбой предоставить в его распоряжение три эскадрильи из 12-й авиагруппы на случай нового сильного налета в то время, когда его эскадрильи будут пополнять боеприпасы и заправляться горючим. Его просьба была удовлетворена. Эти эскадрильи были особенно нужны для прикрытия Лондоиа и аэродромов нашей истребительной авиации, поскольку 11-я авиагруппа уже исчерпала все свои резервы.

Молодой офицер, для которого все это казалось обычным делом, продолжал спокойным, тихим, монотонным голосом отдавать распоряжения в соответствии с общими указаниями командира авиагруппы. Три запрошенные дополнительные эскадрильи были вскоре введены в дело. Я заметил тревогу командира группы, неподвижно стоявшего теперь за стулом своего подчиненного. До сих пор я молча наблюдал за всем происходившим. Теперь я спросил: «Какими еще резервами мы располагаем?» — «Резервов больше нет»,— ответил вице-маршал авиации Парк. В отчете об этом эпизоде, написанном им впоследствии, он указывал, что после его ответа мое лицо «приняло серьезное выражение». Очень возможно! Кто знает, какие потери мы могли бы понести, если бы наши заправляющиеся горючим самолеты были застигнуты на земле налетами свежих неприятельских самолетов в количестве «40 с лишним» или «50 с лишним» машин! Силы были неравными, наши возможности — незначительными, а на карту было поставлено бесконечно много.

Прошло еще пять минут, и большинство наших эскадрилий приземлилось для заправки горючим. Во миогих случаях наши ресурсы не давали возможности обеспечить им прикрытие с воздуха. Затем обнаружилось, что противник возвращается на свои базы. Перемещение дисков на столе под нами показывало, что немецкие бомбардировщики и истребители двигались в восточном направлении. О новом налете не поступало донесений. Еще через 10 минут операция закончилась. Мы поднялись по лестнице, которая вела на поверхность земли, и почти сразу после того, как мы вышли на воздух, раздался сигнал отбоя.

«Мы очень рады, сэр, что вы видели все это,— сказал Парк.— Конечно, за последние 20 минут на нас обрушилось такое количество информации, что мы были ие в состоянии ее обработать. Это показывает вам ограниченность наших нынешних ресурсов. Они были напряжены сегодня сверх возможного предела».

Я спросил его, поступили ли уже данные о результатах налета, и заметил, что налет, по-видимому, был отражен удовлетворительно. Парк ответил, что он не уверен в том, что мы перехватили такое количество неприятельских самолетов, на какое он рассчитывал. Было очевидно, что противнику удалось повсюду прорвать нашу оборону. Были получены сообщения о появлении над Лондоном многих десятков германских бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Около дюжины их было сбито за то время, что я находился под землей, но полной картины результатов боя, так же как причиненных разрушений и понесенных потерь, еще не было.

Я вернулся в Чекерс в 4 ч 30 мии пополудни и тотчас же, как обычно после обеда, лег отдохнуть. По-видимому, меня утомила драма, разыграв-

шаяся в штабе 11-й авиагруппы, так как я проспал до восьми часов. Когда я проснулся и позвонил, ко мне вошел мой главный личный секретарь Джон Мартин с вечерней сводкой известий со всех концов мира. Они были ужасны. Одно не ладилось, с другим запаздывали, от кого-то был получен неудовлетворительный ответ; в Атлантическом океане было потоплено много наших судов. «Тем не менее,— сказал Мартин, окончив свой доклад,— все это искупается положением в воздухе. Мы сбили 183 самолета, потеряв меньше 40».

* * *

Хотя полученные после войны данные показали, что потери противника в этот день составили всего 56 самолетов, 15 сентября явилось переломным моментом в битве за Англию. Той же ночью наша бомбардировочная авиация совершила массированный налет на суда в портах между Булонью и Антверпеном. Особенно тяжелый ущерб был нанесен противнику в Антверпене. Как мы теперь знаем, 17 сентября фюрер решил отложить на неопределенный срок операцию «Морской лев». Лишь 12 октября вторжение было официально отложено до следующей весны. В июле 1941 года оно снова было отложено Гитлером до весны 1942 года — «когда будет завершена русская кампания». Это было тщетное, но существенное самообольщение. 13 февраля 1942 года адмирал Редер в последний раз беседовал с Гитлером об операции «Морской лев» и убедил его дать согласие на прекращение какой-либо подготовки в этом направлении. Так погибла операция «Морской лев», и датой ее кончины можно считать 15 сентября. <...>

Однако еще предстояло довести до конца битву за Лондон. Хотя вторжение было отменено, все же Геринг лишь 27 сентября отказался от надежды добиться победы своим методом ведения войны. Несмотря на то что в течение октября Лондон получал сполна всю причитавшуюся ему долю, усилия немцев дробились на частые дневные и ночные налеты, предпринимавшиеся в небольших масштабах и во многих местах. Сосредоточение сил уступило место их распылению; началась битва за истощение. Но о чьем же истощении шла речь?

* * *

В настоящее время в свете тех данных, которые нам теперь известны, мы можем вполне хладнокровно изучить фактические потери английских и германских военно-воздушных сил в ходе битвы, которая может быть названа одной из решающих мировых битв.

Несомненно, мы всегда проявляли чрезмерный оптимизм при подсчете добытых нами неприятельских скальпов. В конечном итоге оказалось, что мы сбивали по два германских самолета на каждый потерянный нами самолет, а не три, как мы считали и заявляли. Но и этого было достаточно. Английские военно-воздушные силы не только не были уничтожены, но одержали решительную победу.

Было обеспечено непрерывное пополнение свежими кадрами летчиков. Авиационные заводы, от которых зависело не только удовлетворение наших непосредственных нужд, но и наша способность вести длительную войну, сильно пострадали, но не были парализованы. Рабочие — квалифицированные и неквалифицированные, мужчины и женщины —

стояли у своих станков и работали в цехах под обстрелом, как если бы эти цехи были батареями в бою,— а так оно в действительности и было. В министерстве снабжения Герберт Моррисон всех подстегивал в своей обширной области. «Действуйте»,— заклинал он. И они действовали. Искусную и неизменную поддержку в воздушных боях оказывали зенитчики под командованием генерала Пайла. Свою основную роль они сыграли позже. Корпус наблюдателей, преданных и неутомимых, всегда был начеку. Тщательно разработанная организация истребительной авиации, без которой все могло бы оказаться напрасным, выдержала месяцы сильнейшего напряжения. Каждый сыграл свою роль.

В разгар событий наши стойкие и доблестные летчики-истребители не дрогнули и выдержали все испытания. Англия была спасена. С пол-

Потери самолетов

	Потери английских истребителей (сбитых или пропавших без вести)	Потери самолетов противника по германским данным	Потери самолетов противника по нашим данным
1	2	3	4
Данные за неделю			
10—13 июля	15	45	63
13—20 июля	22	31	49
21—27 июля	14	51	58
22 июля — 3 августа	8	56	39
4—10 августа	25	44	64
10—17 августа	134	261	496
18—24 августа	59	145	251
25—31 августа	141	193	316
1—7 сентября	144	187	375
8—14 сентября	67	102	182
15—21 сентября	52	120	268
22—28 сентября	72	118	230
29 сентября — 5 октября	44	112	100
6—12 октября	47	73	66
13—19 октября	29	67	38
20—26 октября	21	72	43
27—31 октября	21	56	60
Данные за месяц			
Июль (с 10 июля)	58	164	203
Август	360	662	1133
Сентябрь	361	582	1108
Октябрь	136	325	254
Всего:	915	1733	2698 <...>

ным основанием я мог заявить в палате общин: «Нкогда еще в истории человеческих конфликтов ие было случая, когда столь многие были бы так обязаны столь иемногим».

Германия и Россия

Гитлеру не удалось поставить на колени или завоевать Англию. Было ясно, что иаш остров выстоит до конца. Поскольку господство на море или в воздухе не было обеспечено, представлялось невозможным двинуть германские армии через Ла-Манш. Наступила зима с обычными в это время штормамн. Попытки немцев запугать английскую нацию или подорвать ее способность вести войну и сломить ее волю бомбардировками потерпели крах, а молниеносиая война обходилась дорого. Должио было пройти много месяцев, прежде чем представилась бы возможиость возродить операцию «Морской лев»; с каждой неделей численности, подготовка н оснащение английских внутренних армий требовали все большего расшнрения операцин, а это усугубляло трудности транспортировки. В апреле илн мае 1941 года для этого было бы уже недостаточно даже 750 тыс. человек с полным оснащеннем. А какая надежда была на то, что удастся к тому времени найтн необходимое колнчество судов, барж и специальных десантных средств, необходимых для такого гигантского удара с моря? Как нх удастся сконцентрнровать в условнях все возраставшей английской воздушной мощи? А тем временем воздушные силы, на которые работали день н ночь заводы Англии н Соединенных Штатов н для которых действовала обширная система подготовки летчиков в доминионах, главным образом в Каиаде, пожалуй, через год или около того станут по численности превосходить германские, так же как они уже превосходили нх по качеству. Удивительно ли прн этом, что Гитлер, убедившись, что надежды н хвастовство Гернига оказались пустым звуком, обратил свои взоры на Восток? Как н Наполеон в 1804 году, он отказался от мысли напасть на наш остров, по крайней мере, до тех пор, пока ие устранит восточную угрозу. Он считал, что сейчас он должен любой ценой урегулировать дела с Россней, прежде чем поставнть все на карту вторжения в Великобрнтанню. Подчиняясь тем же силам н руководствуясь теми же соображениями, что и Наполеон, когда тот двигал свою великую армию от Булони к Ульму, Аустерлицу н Фридланду, Гитлер на иекоторое время отказался от своего стремления н от необходимости уничтожить Великобрнтанию. Теперь это должно было стать последним актом драмы.

Несомненно, он принял твердое решение в конце сентября 1940 года. С тех пор налеты иа Англию, хотя и носившие больший размах в связи с увеличением численности авиации, заняли в мыслях фюрера и в германских планах второстепенное место. Они могли играть роль успешного прикрытия для других плаиов, ио Гнтлер больше не рассчитывал на них как на средство добиться решающей победы. На Восток! Лично я нз чисто военных соображений не возражал бы против германской попытки вторжения в Англию весной или летом 1941 года. Я считал, что противник прн этом понес бы самое сокрушительное поражение, которое когда-либо приходилось испытать какой бы то ни было стране в ходе военной

операции. Но именно по этой причине я был не настолько наивен, чтобы ожидать этого. Во время войны противник делает необязательно только то, что вам не нравится. И все же в ходе длительной борьбы, когда, казалось, время в течение года-двух работало на нас и мы могли завоевать на свою сторону могучих союзников, я благодарил бога за то, что наш народ избавлен от этого величайшего испытания. Как будет видно из бумаг, которые я писал в то время, я никогда серьезно не предполагал, что немцы вторгнутся в Англию в 1941 году. К концу 1941 года мы уже прочно стали на обе ноги; мы больше не были в одиночестве; три четверти мира было с нами. Но в этот памятный год произошли колоссальные события, значение которых нельзя было предугадать.

В то время как ничего не знавшим жителям континента и всему внешнему миру наша судьба казалась решенной или в лучшем случае висящей на волоске, взаимоотношения между нацистской Германией и Советской Россией приобрели первостепенное значение в международных делах. Коренные противоречия между двумя деспотическими державами вновь дали себя знать, как только стало ясно, что Англию не удастся сразить и покорить, как Францию и Нидерланды. Нужно отдать справедливость Сталину, он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером, в то же время собирая все силы, какие он только мог собрать на необъятных просторах Советской России. И он, и Молотов исправно посылали свои поздравления с каждой германской победой. Они направляли в Германию бесконечным потоком продовольствие и важнейшее сырье. Их коммунистическая пятая колонна делала все, что могла, для того чтобы помешать работе наших заводов. Их радио оскорбляло нас и клеветало на нас. Они были готовы в любой момент достигнуть прочного урегулирования с нацистской Германией по многим важным нерешенным вопросам и благодушно встретить окончательное уничтожение британской державы. Но вместе с тем они признавали, что эта политика может потерпеть крах. И они были исполнены решимости любыми средствами выиграть время и не намеревались, насколько они могли оценить эту проблему, основывать русские интересы и стремления исключительно на победе Германии. Две великие тоталитарные империи, в равной мере не знавшие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг против друга вежливые, но неумолимые.

Между ними были разногласия относительно Финляндии и Румынии. Советские руководители были потрясены падением Франции и ликвидацией второго фронта, которого они вскоре стали так решительно требовать. Они не ожидали такого быстрого падения Франции и очень рассчитывали на взаимное истощение противников на Западном фронте. А теперь Западного фронта не было! И все же было бы глупо вносить какие-либо серьезные изменения в сотрудничество с Германией до тех пор, пока не удастся выяснить, уступит ли Англия и будет ли она сокрушена в 1940 году. По мере того как Кремлю становилось все очевиднее, что Англия в состоянии вести упорную войну неопределенное время, в течение которого в США, а также в Японии могло произойти все что угодно, Сталин все больше стал сознавать угрожавшую ему опасность и все больше старался выиграть время. Тем не менее весьма знаменательно, как мы увидим, какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шел ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Еще

более удивительными были те просчеты и то неведение, которые он проявил относительно ожидавшей его судьбы. В период с сентября 1940 года до того момента, как Гитлер напал на него в июне 1941 года, он был бессердечным, хитрым и плохо информированным гигантом.

* * *

Нарисовав общую картину, мы можем теперь приступить к описанию поездки Молотова в Берлин 12 ноября 1940 года. Большевистского посла, прибывшего в сердце нацистской Германии, встретили со всеми церемониями, осыпая его всевозможными комплиментами. В течение последовавших двух дней между Молотовым и Риббентропом и между Молотовым и Гитлером происходили напряженные переговоры. Все основные моменты этих важных переговоров и столкновений были изложены в сборнике трофейных документов, опубликованном в начале 1948 года государственным департаментом в Вашингтоне под заголовком «Нацистско-советские отношения, 1939—1941 гг.». Для того чтобы понять, что там происходило, нужно обратиться к этим документам.

Первая встреча Молотова состоялась с Риббентропом [1].

12 ноября 1940

«Рейхсминистр иностранных дел заявил, что в письме Сталину он уже выразил твердое убеждение Германии, что никакая сила на земле не может изменить того обстоятельства, что наступило начало конца Британской империи. Англия разбита, и сейчас лишь вопрос времени, когда она наконец признает свое поражение. Возможно, что это произойдет скоро, ибо в Англии положение с каждым днем ухудшается. Германия, конечно, приветствовала бы скорейшее завершение этого конфликта, ибо ни при каких обстоятельствах она не хочет без нужды жертвовать человеческими жизнями. Если же, однако, англичане не решатся в ближайшем будущем признать свое поражение, то они, конечно, запросят мира в будущем году. Германия продолжает воздушные налеты на Англию день и ночь. Ее подводные лодки будут использоваться максимально и причинят ужасающие потери Англии. Германия придерживается мнения, что эти атаки вынудят, пожалуй, Англию отказаться от борьбы. В Великобритании уже чувствуется некоторое замешательство, которое, по-видимому, говорит о таком исходе. Если Англия все же не будет поставлена на колени нынешними средствами наступления, то Германия, как только позволят условия погоды, решительно поведет широкое наступление на Англию и тем окончательно сокрушит ее. Этому массированному наступлению до сих пор мешали лишь неблагоприятные условия погоды.

Всякая попытка высадиться или вести военные операции на Европейском континенте со стороны Англии или же Англии, поддержанной Америкой, обречена на полный провал с самого начала. Это вовсе не представляет собой военную проблему. Англичане этого еще не поняли, ибо в Великобритании наблюдается некоторое смятение умов, а также потому, что страну возглавляет дилетант в политике и в военном деле по имени Чер-

---

[1] Nazi-Soviet Relations, 1939—1941 published by the State Department of the United States, 1948. P. 218 ff.

чилль, который на протяжении всей своей прошлой карьеры терпел неудачи во все решающие моменты и потерпит неудачу и на этот раз.

Далее, державы «оси» полностью господствуют в своей части Европы как в военном, так и в политическом отношении. Даже Франция, которая проиграла войну и должна платить за это (об этом французы, кстати, отлично знают), признала тот принцип, что Франция в будущем никогда больше не окажет поддержки Англии и де Голлю, этому донкихотствующему завоевателю Африки. В силу исключительной мощи своих позиций державы «оси» думают не о том, как им выиграть войну, а о том, как скорее окончить войну, которая уже выиграна».

* * *

После завтрака советский посол был принят фюрером, который развивал далее вопрос о полном поражении Англии.

«Война,— сказал он,— вызвала осложнения, которых не хотела Германия, но которые вынуждают ее время от времени реагировать военным образом на некоторые события».

Затем фюрер обрисовал Молотову ход военных операций до нынешнего момента, который привел к тому, что Англия больше не имеет союзника на континенте... Английские ответные меры смехотворны, и русские могут сами убедиться, основательны ли россказни о мнимых разрушениях в Берлине. Как только улучшатся атмосферные условия, Германия будет готова нанести гигантский и окончательный удар Англии. И в данный момент цель Германии — стараться не только проводить военную подготовку к этой окончательной борьбе, но также сделать ясными политические проблемы, которые будут иметь большое значение во время и после этой схватки. Поэтому он пересмотрел отношения с Россией и не в отрицательном духе, а с целью организовать их позитивно и, если возможно, на длительный период времени. Таким образом, он пришел к нескольким выводам:

1. Германия не стремится получить военную помощь от России.

2. Ввиду колоссального размаха войны Германия вынуждена для оказания противодействия Англии проникнуть на отдаленные территории, которые не представляют для Германии серьезного политического или экономического интереса.

3. Однако существуют определенные потребности, все значение которых стало очевидно только во время войны, но которые жизненно важны для Германии. К их числу относятся некоторые источники сырья, которые Германия считает абсолютно необходимыми».

* * *

На все это Молотов дал уклончивый ответ.

«Молотов спросил о тройственном пакте [подписанном между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 года]. Каков смысл нового порядка в Европе и в Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти проблемы должны быть обсуждены во время берлинских переговоров и во время предполагаемого визита рейхсминистра иностранных дел в Москву,

на который русские определенно рассчитывают. Кроме того, требуют разъяснения вопросы о балканских и черноморских интересах России — о Болгарии, Румынии и Турции. Русскому правительству было бы легче конкретно ответить на вопросы, поставленные фюрером, если бы оно получило объяснения по вышеуказанным пунктам. Советскому Союзу интересно знать о новом порядке в Европе и, в частности, о темпе создания и форме этого нового порядка. Он также хотел бы иметь представление о границах так называемой «сферы Великой Восточной Азии».

Фюрер ответил, что цель тройственного пакта — урегулировать условия в Европе в зависимости от естественных интересов европейских стран и в связи с этим Германия сейчас обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказаться относительно интересующих его районов. Никакое решение ни в коем случае не будет принято без сотрудничества с Советской Россией. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет содействовать определению «сферы Великой Восточной Азии», в отношении которой она также должна будет изложить свои претензии. Задача Германии в данном случае — выступать в качестве посредника. Россию отнюдь не собираются поставить перед свершившимся фактом.

Когда фюрер занялся созданием вышеуказанной коалиции держав, то самым трудным моментом ему представлялись не германо-русские взаимоотношения, а вопрос о возможности сотрудничества между Германией, Францией и Италией. Только теперь... он счел возможным обратиться к Советской России с целью разрешения вопросов о Черном море, Балканах и Турции.

В заключение фюрер заявил, что данное обсуждение в известной мере представляет собой первый конкретный шаг к широкому сотрудничеству с должным учетом проблем Западной Европы, которые должны решаться между Германией, Италией и Францией, а также проблем Востока, которые в первую очередь интересуют Россию и Японию, но в решениях которых Германия предлагает свои услуги в качестве посредника. Речь идет о сопротивлении всяким попыткам со стороны Америки «делать деньги за счет Европы». Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке или Азии.

Молотов выразил свое согласие с заявлением фюрера о роли Америки и Англии. Участие России в тройственном пакте представлялось ему вполне приемлемым в принципе при условии, что Россия будет сотрудничать в качестве партнера, а не только лишь в качестве объекта. В таком случае он не видел никаких препятствий к участию Советского Союза в общих усилиях. Но прежде всего нужно четко определить цель и значение этого пакта, в частности, определить границы «сферы Великой Восточной Азии».

* * *

Когда 15 ноября переговоры возобновились,

«Молотов затронул вопрос о полосе литовской территории и подчеркнул, что Советское правительство еще не получило ясного ответа от Германии на этот вопрос. А оно ожидает ответа. Что касается Буковины, то он

признал, что это связано с дополнительной территорией, о которой не упоминалось в секретном протоколе. Россия сначала ограничивала свои требования Северной Буковиной. Однако при существующих обстоятельствах Германия должна понять, что Россия заинтересована и в Южной Буковине. Но Россия не получила ответа на свой вопрос и на эту тему. Вместо этого Германия гарантировала всю территорию Румынии и совершенно игнорировала пожелания России относительно Южной Буковины.

Фюрер ответил, что оккупация хотя бы части Буковины Россией означала бы серьезную уступку со стороны Германии...

Однако Молотов продолжал настаивать на ранее высказанном мнении, что пересмотр, какого желает Россия, весьма незначителен.

Фюрер ответил, что для того, чтобы германо-русское сотрудничество дало положительные результаты в будущем, Советскому правительству нужно понять, что Германия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, которую при всех обстоятельствах она хочет закончить успешно... Обе стороны в принципе согласились, что Финляндия входит в русскую сферу влияния. Поэтому вместо того, чтобы продолжать чисто теоретические рассуждения, им следует обратиться к более важным проблемам.

После завоевания Англии Британская империя, представляющая собой гигантское, раскинувшееся по всему миру обанкротившееся поместье площадью 40 млн квадратных километров, будет разделена. В этом обанкротившемся поместье Россия получит выход к свободному от льда и действительно открытому океану. До сих пор меньшинство в 45 млн англичан управляло 600 млн жителей Британской империи. Он скоро сокрушит это меньшинство. Даже Соединенные Штаты фактически делают не что иное, как отхватывают от этого обанкротившегося поместья отдельные куски, особенно приглянувшиеся им. Германия, конечно, хотела бы избежать всякого конфликта, который отвлечет ее от борьбы против центра этой империи — Британских островов. По этой причине он (фюрер) недоволен войной Италии против Греции, поскольку она отвлекала силы к периферии, вместо того чтобы концентрировать их в одном месте против Англии. То же самое произошло бы в случае войны на Балтике. Война с Англией будет вестись до последнего, и у него нет ни малейшего сомнения в том, что поражение Британских островов приведет к развалу империи. Было бы беспочвенно полагать, что империя может управляться и сдерживаться из Канады. При таких обстоятельствах возникают широкие всемирные перспективы. На протяжении следующих нескольких недель их нужно урегулировать в совместных дипломатических переговорах с Россией и нужно договориться об участии России в решении этих проблем. Все страны, заинтересованные в этом обанкротившемся поместье, должны будут прекратить все споры между собой и заняться исключительно разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом выслушал доводы фюрера и что он согласен со всем, что он понял».

* * *

Затем Гитлер отправился спать. После ужина в советском посольстве начался английский воздушный налет на Берлин. Нам зараиее стало известио об этом совещании, и, хотя нас и не пригласили принять в нем участие, мы все же не хотели оставаться в стороне. При звуках воздушиой тревоги все отправились в убежище, где в более безопасной обстановке два министра иностраиных дел продолжали до полуночи свои переговоры. В германском официальном отчете говорится:

«В связи с воздушным налетом два министра в 9 ч 40 мин вечера направились в бомбоубежище рейхсминистра иностранных дел, чтобы вести там окончательные переговоры...

Еще не настало время, сказал Риббентроп, обсуждать новый порядок вещей в Польше. Балканская проблема уже подверглась широкому обсуждению. На Балканах мы имеем только экономические интересы, и мы не хотим, чтобы Англия мешала нам там. Гарантия, которую Германия дала Румынии, видимо, была неправильно понята Москвой... Во всех своих решениях германское правительство руководствовалось исключительно стремлением сохранить мир на Балканах и помешать Англии создать там плацдарм и воспрепятствовать снабжению Германии. Таким образом, германские действия на Балканах мотивировались исключительно обстоятельствами нашей войны против Англии. Как только Англия признает свое поражение и запросит мира, германские интересы на Балканах будут ограничиваться исключительно экономической областью, а германские войска будут выведены из Румынии. Как фюрер неоднократно заявлял, Германия не имеет территориальных интересов на Балканах. Он лишь может вновь и вновь повторить, что решающий вопрос состоит в том, готов ли Советский Союз и намерен ли он сотрудничать с нами в великой ликвидации Британской империи. По всем другим вопросам мы могли бы легко достигнуть взаимопонимания, если бы нам удалось развить наши отношения и определить сферы влияния. Каковы именно эти сферы влияния, неоднократно указывалось. Поэтому, как ясно заявил фюрер, интересы Советского Союза и Германии требуют, чтобы партнеры не противостояли друг другу, а стояли бок о бок для того, чтобы помогать друг другу в осуществлении своих чаяний.

В своем ответе Молотов заявил, что немцы считают, что война против Англии фактически уже выиграна. Поэтому если, как уже говорилось в другой связи, Германия ведет борьбу против Англии не на жизнь, а на смерть, то он может понять таким образом, что Германия ведет войну «на жизнь», а Англия — «на смерть». Что же касается вопроса о сотрудничестве, то он вполне одобряет его, но нужно прийти, добавил Молотов, к полному взаимопониманию. Эта мысль была также выражена в письме Сталина. Следует также определить сферы влияния. Однако по этому вопросу он (Молотов) не может занять определенной позиции в настоящее время, поскольку он не знает мнения на этот счет Сталина и других своих друзей в Москве. Но он должен заявить, что эти великие проблемы завтрашнего дня не могут быть отделены от проблемы сегодняшнего дня и от выполнения существующих соглашений...

После этого Молотов сердечно попрощался с министром иностранных дел, подчеркнув, что он не сожалеет о воздушном налете, ибо благодаря ему он имел такой исчерпывающий разговор с рейхсминистром иностранных дел».

* * *

Когда в августе 1942 года я впервые посетил Москву, я услышал от Сталина более краткий отчет об этих переговорах, который в основных чертах не отличался от германского отчета, но, пожалуй, был более красочным.

«Некоторое время назад,— сказал Сталин,— Молотова обвиняли в том, что он настроен слишком прогермански. Теперь все говорят, что он настроен слишком проанглийски. Но никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос о жизни или смерти». Я заметил, что мы сами это пережили и поэтому понимаем, что они чувствуют. «Когда Молотов,— сказал маршал,— отправился в Берлин повидаться с Риббентропом в ноябре 1940 года, вы пронюхали об этом и устроили воздушный налет». Я кивнул. «Когда раздались звуки воздушной тревоги, Риббентроп повел его по длинным лестницам в глубокое, пышно обставленное бомбоубежище. Когда они спустились, уже начался налет. Риббентроп закрыл дверь и сказал Молотову: «Ну вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?» Молотов спросил: «А что скажет Англия?» «С Англией покончено,— сказал Риббентроп.— Она больше не является великой державой».— «А в таком случае,— сказал Молотов,— зачем мы сидим в этом убежище и чьи это бомбы падают?»

* * *

Берлинские переговоры ничуть не изменили твердую решимость Гитлера. В течение октября Кейтель, Йодль и германский генеральный штаб по его приказу подготовляли планы движения германских армий на Восток и вторжения в Россию в начале лета 1941 года. На данной стадии не было необходимости назначать точную дату, которая могла также зависеть от погоды. Учитывая расстояния, которые пришлось бы покрыть после перехода границы, и необходимость занять Москву до наступления зимы, было ясно, что самым удобным сроком явилось бы начало мая. Кроме того, сосредоточение и развертывание германской армии на фронте от Балтики до Черного моря протяжением в 2 тыс. миль, создание складов, лагерей и строительство железнодорожных путей сами по себе представляли крупнейшую военную задачу из всех, когда-либо предпринимавшихся, и нельзя было допускать никакой задержки ни в планировании, ни в осуществлении намеченных мероприятий. Все это осложнялось еще необходимостью действовать скрытно и незаметно.

С этой целью Гитлер прибег к двум различным способам отвлечения внимания, каждый из которых имел свои преимущества. Первый представлял собой тщательно разработанные переговоры об общей политике, основанной на разделе Британской империи на Востоке, а второй заключался в установлении господства в Румынии, Болгарии и Греции, а также попутно

в Венгрии посредством отправки туда большого количества войск. Это давало важные военные преимущества и в то же время маскировало или давало объяснение сосредоточению германских армий на южном фланге фронта, который создавался против России.

Переговоры приняли форму проекта предложений Германии о присоединении Советской России к пакту трех держав за счет английских интересов на Востоке. И если бы Сталин принял этот план, то события, возможно, на время приняли бы иной оборот. Гитлер мог в любой момент отложить свои планы вторжения в Россию. Трудно себе даже представить, что произошло бы в результате вооруженного союза между двумя великими континентальными империями, обладающими миллионами солдат, с целью раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, имея в запасе Индию, а Японию — ярого участника «сферы Великой Восточной Азии» — своим партнером. Но Гитлер всей душой стремился уничтожить большевиков, которых он смертельно ненавидел. Он полагал, что у него достаточно сил для достижения своей жизненной цели. А далее к этому все приложится. Из переговоров в Берлине и других источников он, видимо, знал, что предложения, которые Риббентроп направил в Москву, далеко не удовлетворяли притязания русских.

Среди захваченной переписки германского министерства иностранных дел с германским посольством в Москве был найден проект пакта четырех держав, на котором не значилось никакой даты. Это, по-видимому, составляло основу переговоров Шуленбурга с Молотовым, о которых сообщалось 26 ноября 1940 года. В силу этого проекта Германия, Италия и Япония соглашались уважать естественные сферы влияния друг друга. Поскольку эти сферы интересов соприкасались друг с другом, они обязались постоянно консультироваться дружественным путем относительно возникающих в связи с этим проблем.

Германия, Италия и Япония заявляли со своей стороны, что они признают существующие ныне пределы владения Советского Союза и будут уважать их.

Четыре державы обязывались не присоединяться ни к какой комбинации держав и не поддерживать никакую комбинацию держав, которая была бы направлена против одной из четырех держав. Они обязывались всячески помогать друг другу в экономических вопросах и дополнять и расширять существующие между ними соглашения. Это соглашение должно было действовать в течение десяти лет.

К соглашению должен был быть приложен секретный протокол, содержащий заявление Германии о том, что, помимо территориального пересмотра в Европе, который предстояло провести после заключения мира, ее территориальные притязания концентрируются вокруг территории Центральной Африки; заявление Италии, что, помимо территориального пересмотра в Европе, ее территориальные притязания концентрируются вокруг территории Северной и Северо-Восточной Африки; заявление Японии, что ее территориальные притязания концентрируются в районе Восточной Азии к югу от Японских островов, и заявление Советского Союза о том, что его территориальные притязания концентрируются к югу от национальной территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре державы заявили, что, откладывая решение конкретных вопросов, они будут взаимно уважать территориальные притязания друг друга н не будут противиться их осуществлению *.

* * *

Как н ожидалось, Советское правительство отклонило германский проект. Советский Союз был один на один с Германией в Европе, а на другом конце мира над ним нависла Япония. Тем не менее Советское правительство верило в свою растущую мощь и в свою обширную террнторию, составлявшую одну шестую часть всей суши земного шара. Поэтому оно упорно торговалось. 26 ноября 1940 года, Шуленбург направил в Берлин проект русских контрпредложений. Эти предложения предусматрнвали, что германские войска должны быть немедленно выведены нз Финляндин, которая на основании договора от 1939 года прннадлежала сфере влияния Советского Союза; что в течение ближайшнх нескольких месяцев безопасность Советского Союза в Проливах должна быть гарантирована заключением пакта о взаимной помощи между Советским Союзом и Болгарней, которая географически расположена внутри зоны безопасности черноморскнх границ Советского Союза, а также путем создания базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на основании долгосрочной аренды; что район к югу от Батуми н Баку в общем направленин Персндского залива должен быть прнзнан центром прнтязаний Советского Союза; что Япония должна отказаться от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

На этот документ не было получено никакого определенного ответа. Гнтлер не пытался пойти на компромисс. Такие серьезные вопросы давали основание для длительного и тщательного изучения в дружественном духе обенми сторонами. Советский Союз, конечно, надеялся н ожидал ответа. Тем временем по обе стороны границы и без того крупные силы начали возрастать, а правая рука Гнтлера потянулась к Балканам.

* * *

Планы, которые подготовляли Кейтель и Йодль по поручению фюрера, сейчас уже достаточно созрели и дали ему возможность опубликовать 18 декабря 1940 года свою историческую директиву № 21. <...>

---

* Следует отметить, что, хотя в Берлиие Гитлер и Риббеитроп говорили главиым образом о разделе британской территории, в проекте соглашения вовсе ие упомииается о Британской империи, в то время как в число райоиов, которые распределялись в секретиом протоколе, явио входили колоииальные владения Фраиции, Голландии и Бельгии. И в Берлиие, и во время переговоров в Москве Британская империя, являвшаяся самой замечательиой и ценной военной добычей, была не единственной иамечеиной жертвой Гитлера. Ои стремился к еще более широкому перераспределеиию колоииальных владеиий в Африке и Азии, приналлежавших всем тем страиам, с которыми ои в то время или ранее иаходился в состоянии войны.

С этого момента иачалась подготовка к великим событиям 1941 года. Мы, коиечно, ничего не знали о сделках между Германией и Россией в целях раздела нашей империи и в целях иашего уничтожения; не могли мы также оценить еще иеопределившиеся намерения Японии. Основные передвижения германских армий на Восток еще не стали очевидными для иашей активиой разведки. Можно было только устаиовить проникновеиие и постепениое сосредоточение иемцев в Болгарии и Румыиии. Если бы мы зиали то, что изложено в этой главе, мы почувствовали бы большое облегчение. Направлеииой против иас коалиции Германии, России и Японии — вот чего мы опасались больше всего. Но кто мог сказать, как повернутся события? А тем времеием мы продолжали сражаться. <...>

* * *

По мере приближения конца года все отчетливее вырисовывались как светлые, так и мрачные стороны положения. Мы уцелели. Мы отразили германскую авиацию. Вторжения на остров не произошло. Армия внутри страны сейчас была очень сильной. Лондон победоносно выдержал все испытания. Все связанное с нашим господством в воздухе иад островом сейчас быстро совершеиствовалось. Коммунисты, по указке Москвы, клеветали и кричали о капиталистической, империалистической войне. Но наши заводы иеутомимо работали, и вся английская нация трудилась день и иочь, испытывая чувство облегчения и гордости. В Ливийской пустыне была одержаиа победа, а по ту сторону Атлантического океаиа великая республика все ближе подходила к выполиению своего долга и все в большей степеии шла нам иа помощь.

В это время я получил весьма приятиое письмо от короля.

Сандрингэм
2 января 1941 г.

«Мой дорогой премьер-министр!

Я должен послать вам свои лучшие пожелаиия более счастливого Нового года. Да будет суждеио иам в иаступающем году узреть конец этого конфликта. Я уже чувствую себя лучше благодаря моему пребыванию здесь. Это мне помогло; перемена обстаиовки и занятия иа воздухе служат хорошим тонизирующим средством. Но я считаю, что не могу быть вдали от тех мест, куда призывает меня мой долг, в то время как все выполняют свой. Однако я должен смотреть иа пребывание здесь как на прием лекарства. Надеюсь возвратиться, освежив свой ум и тело, и с иовыми силами иачать борьбу против врага.

Я надеюсь, что вам удалось иемного передохнуть на рождество от вашей иапряжениой работы. Я так восхищаюсь всем, что вы сделали за последние семь месяцев в качестве моего премьер-министра, и я получал столь большое удовольствие от иаших бесед во время еженедельных завтраков. Я надеюсь, что они будут продолжаться по моем возвращении, и с удовольствием ожидаю их.

Я надеюсь в следующий понедельник посетить Шеффилд *. Я могу совершить эту поездку отсюда за один день... С добрыми пожеланиями, остаюсь
искреиие ваш

Георг, король и нмператор».

Я выразил свою искреинюю благодарность.

5 января 1941 г.

«Сир,

Любезиое пнсьмо Вашего Величества было большой честью для меня. Доброта, с которой Ваше Величество н королева отиоснлись ко мие с тех пор, как я стал морским министром, н особеиио с тех пор, как я стал премьер-мннистром, служила для меня постоянным источником силы и вдохновения во всех превратностях ожесточенной борьбы за жизнь. Я уже служил отцу н деду Вашего Величества в течение многих лет в качестве мнинстра короны, а мой отец и дед служили королеве Викторин, ио ваше отношение ко мне было настолько теплым и великодушным, какое я никогда не считал возможным.

Да, снр, мы пережили такие тяжелые н важные дни и недели, каких не было за всю историю английской моиархин, и даже сейчас иам предстоит еще длинный и опасный путь. Меня очень ободряли наши еженедельные завтраки в бедиом, старом, поврежденном бомбами Букингемском дворце и сознание того, что в Вашем Величестве и в королеве горнт дух, который никогда ие будет погашен опасиостью и ие исчерпается неутомимым трудом. Эта война сплотила трон и народ, как никогда ранее, и Ваше Величество пользуется любовью людей всех классов н положений, какой ие пользовался ни один король в прошлом. Я неизмернмо горд, что мие иа долю выпала честь стоять рядом с Вашнм Величеством в качестве первого министра в такой кртический перпод нсторин Англии, и я с глубокой иадеждой и уверенностью в будущем остаюсь в «Деиь Бардии», когда отважные австралийцы забрали в плен еще 20 тыс. нтальяицев,

верным н предаииым слугой
н поддаииым Вашего Величества
Уинстои С. Черчилль».

* * *

Я уверен, что мы можем считать этот грозный год самым славным, хотя он н был самым тяжелым годом в длительной нстории Англин н Британской нмперии. Это великая, иемиого нелепо организованная Аиглия уинчтожила нспанскую армаду. Пламеииое убеждеине н решимость помогли нам одержать верх в 25-летней войне протнв Людовнка XIV, которую вели Вильгельм III и Мальборо. Затем был славный период Чэтэма. Была длительиая борьба против Наполеоиа, когда иас спасло господство английского флота на морях под замечательным руководством Нельсоиа и его сподвижников. Миллион англичаи погибли в первой мировой войие. Но иичто ие

* Шеффилд сильно пострадал от бомбардировок.

может сравниться с 1940 годом. К концу этого года наш небольшой древний остров вместе с преданным ему Содружеством наций, доминионами и тесными связями повсюду оказался способным вынести всю тяжесть и удары судьбы мира. Мы не дрогнули. Мы не пали. Душа английского народа и расы оказалась непобедимой. Цитадель Содружества наций и империи оказалась неприступной. В одиночестве, но при поддержке всего самого великодушного, что есть в человечестве, мы дали отпор тирану на вершине его триумфа.

Все наши скрытые внутренние силы сейчас пришли в движение. Воздушная угроза была отражена. Остров оказался неприступным, недосягаемым. Отныне мы также будем иметь оружие, чтобы сражаться. Отныне мы также будем обладать высокоорганизованной военной машиной. Мы доказали миру, что можем постоять за себя. Были две стороны проблемы гитлеровского мирового господства. Англия, которую уже столь многие сбросили со счетов, все еще стояла на ногах, стала гораздо сильнее, чем когда бы то ни было, и с каждым днем набирала новые силы. Время снова работало на нас. И не только на одну нашу нацию. Соединенные Штаты быстро вооружались и приближались к конфликту. Советская Россия, которая жестоко обманулась, считая нас никчемными в начале войны, и купила у Германии мимолетную безопасность и долю в добыче, также стала значительно сильнее и обеспечила себе выдвинутые вперед позиции для обороны страны. Япония в то время, казалось, была подавлена очевидной перспективой длительной мировой войны и с беспокойством следила за Россией и Соединенными Штатами, размышляя о том, что для нее было бы мудро и выгодно предпринять.

И теперь та самая Англия со своей раскинувшейся по всему миру ассоциацией государств и зависимых от нее территорий, которая, казалось, была на грани крушения, которую враг, казалось, был готов поразить в самое сердце, эта Англия в течение 15 месяцев сконцентрировала все свои силы на военной проблеме, готовила своих людей и посвятила все свои разносторонние способности борьбе. С чувством удивления и облегчения малые нейтральные страны и покоренные государства видели, что звезды все еще блещут на небе. В сердцах сотен миллионов людей вновь зажглась надежда, а с ней и воля. Правое дело восторжествует. Правда не будет попрана. Земля свободы, которым в этот роковой час был наш английский флаг, все еще будет реять на ветру.

Но у меня и моих высокопоставленных коллег, которые размышляли над точной информацией, не было недостатка в заботах. Нас мучила угроза подводной блокады. Все наши планы зависели от того, как мы отразим эту опасность. Битва за Францию была проиграна. Битва за Англию была выиграна. Теперь предстояло вести битву за Атлантику. <...>

1941

Советы и Немезида

Немезида олицетворяет собой «богиню Возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления» *. Сейчас нам предстоит вскрыть ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов Советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав, хотя это означало уничтожение того самого «второго фронта», открытия которого им суждено было вскоре требовать. Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на Восток огромных германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах. Так, они дали Германии захватить все Балканы. Они ненавидели и презирали западные демократии; но в январе Советское правительство еще могло при активной помощи Англии объединить четыре страны — Турцию, Румынию, Болгарию и Югославию, имевшие жизненное значение для него самого и его безопасности, и создать балканский фронт против Гитлера. Советский Союз ничего не сделал, чтобы помешать разброду между ними, и в результате все эти страны, кроме Турции, были поглощены одна за другой. Война — это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были не способны понять, что их ждет. До тех пор мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки-России еще должны были быть обращены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент второй мировой войны совершенно недальновидными.

* * *

Гитлеровская директива от 18 декабря 1940 года относительно операции «Барбаросса» излагала общую дислокацию и первоочередные задачи сил, которые надлежало сосредоточить против России. В это время силы Германии на Восточном фронте составляли в общей сложности 34 дивизии. Более чем трехкратное увеличение этой цифры требовало огромной подго-

---

Из третьего тома мемуаров Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

Churchill W. S. The Second World War. Vol. III. The Grand Alliance. London, 1953. P. 286—301, 305, 306—318, 359—371, 372—375, 411—413, 417—421, 490—494.

* Оксфордский словарь английского языка.

товительной работы и планирования, на которые целиком ушли первые месяцы 1941 года. В январе и феврале балканская авантюра, в которую фюрер позволил втянуть себя, заставила перебросить с Востока на Юг пять дивизий, в том числе три танковые. В мае германские силы на Востоке возросли до 87 дивизий, а на Балканах было занято не менее 25 германских дивизий. Учитывая размах и рискованность вторжения в Россию, было неблагоразумно нарушать концентрацию сил на Востоке столь серьезной отвлекающей операцией. Сейчас мы увидим, как наше сопротивление на Балканах и особенно революция в Югославии отодвинули на пять недель эту важнейшую операцию. Никто не может точно сказать, какое влияние это оказало на ход русско-германской кампании до наступления зимы. Есть основания думать, что это спасло Москву. В течение мая и в начале июня многие наиболее подготовленные германские дивизии и все танки были переброшены с Балкан на Восточный фронт, и, когда пришел момент нападения, немцы атаковали силами 120 дивизий, в числе которых было 17 танковых и 12 моторизованных. В их Южную группу армий было также включено 6 румынских дивизий. В резерве главного командования было уже сосредоточено или сосредоточивалось еще 26 дивизий. Таким образом, к началу июня германское верховное командование могло рассчитывать по меньшей мере на 150 дивизий, поддержанных главной ударной силой их авиации, насчитывавшей около 2700 самолетов.

* * *

До конца марта я не был убежден, что Гитлер решился на смертельную войну с Россией, и не знал, насколько она близка. Донесения нашей разведки очень подробно показывали усиленные переброски германских войск к Балканским государствам и на их территорию, которыми ознаменовались первые три месяца 1941 года. В этих псевдонейтральных государствах наши агенты могли передвигаться довольно свободно и были в состоянии сообщать нам точные сведения о крупных германских силах, двигавшихся по железным и шоссейным дорогам на юго-восток. Однако ни одно из таких передвижений не означало обязательно вторжения в Россию, и все они легко могли быть объяснены германскими интересами и политикой в Румынии и Болгарии, замыслами Германии в отношении Греции и ее соглашениями с Югославией и Венгрией. Гораздо труднее было получить сведения о колоссальной переброске сил через Германию на главный русский фронт, простиравшийся от Румынии до Балтики. Чтобы Германия на этом этапе, даже не очистив Балканы, начала новую большую войну с Россией — это, казалось мне, слишком хорошо, чтобы быть истиной.

Мы не знали содержания переговоров, происходивших в ноябре 1940 года между Молотовым, Гитлером и Риббентропом в Берлине, а равно и содержания переговоров и предполагаемых пактов, которые последовали за ними. Не было никаких признаков уменьшения германских сил, расположенных против нас на другом берегу Ла-Манша. Германская авиация продолжала совершать сильные налеты на Англию. То, как Советское правительство истолковало концентрацию германских войск в Румынии и Болгарии, явно примирившись с ней, сведения, которыми мы располагали относительно отправки в Германию из России больших и цен-

ных грузов, очевидная общая заинтересованность обеих стран в завоевании и разделе Британской империи на Востоке — все это делало более вероятным, что Гитлер и Сталин скорее заключат сделку за наш счет, чем будут воевать друг с другом. Теперь мы знаем, что такая сделка была в известной степени целью Сталина.

Наше объединенное разведывательное управление разделяло это мнение. 7 апреля оно заявило, что в Европе распространяются слухи о намерении немцев напасть на Россию. Хотя Германия, указывало управление, располагает на Востоке значительными силами и можно ожидать, что рано или поздно она будет воевать с Россией, тем не менее представляется невероятным, чтобы она решила открыть сейчас еще один большой фронт. По мнению объединенного разведывательного управления, ее главной целью в 1941 году оставался разгром Соединенного Королевства. Еще 23 мая это управление, в которое входили представители всех трех родов вооруженных сил, сообщало, что слухи о предстоящем нападении на Россию утихли и имеются сведения, что эти страны намерены заключить новое соглашение. Управление считало это вероятным, поскольку нужды затяжной войны требовали укрепления германской экономики. Германия могла получить от России необходимую помощь либо силой, либо в результате соглашения. Управление считало, что Германия предпочтет последнее, хотя, чтобы облегчить достижение этого, будет пущена в ход угроза применения силы. Сейчас эта сила накапливалась. Имелось множество данных о строительстве на оккупированной немцами территории Польши шоссейных дорог и железнодорожных веток, о подготовке аэродромов и усиленной концентрации войск, включая войска и авиационные части с Балкан.

Наши начальники штабов были проницательнее своих советников и имели более определенное мнение. «У нас имеются ясные указания,— предупреждали они 31 мая командование на Среднем Востоке,— что немцы сосредоточивают сейчас против России большую армию и военно-воздушные силы. Используя их в качестве угрозы, они, вероятно, потребуют уступок, могущих оказаться весьма опасными для нас. Если русские откажут, немцы выступят».

Только 5 июня объединенное разведывательное управление сообщило, что, судя по масштабам германских военных приготовлений в Восточной Европе, на карту поставлен, видимо, более важный вопрос, чем экономическое соглашение. Возможно, что Германия желает устранить со своей восточной границы потенциальную угрозу становящихся все более мощными советских сил. Управление не считало пока возможным сказать, будет ли результатом этого война или соглашение. 10 июня оно заявило: «Во второй половине июня мы станем свидетелями либо войны, либо соглашения». И наконец, 12 июня оно сообщило: «Сейчас имеются новые данные, свидетельствующие о том, что Гитлер решил покончить с помехами, чинимыми Советами, и напасть».

* * *

Я не довольствовался этой формой коллективной мудрости и предпочитал лично видеть оригиналы. Поэтому еще летом 1940 года я поручил майору Десмонду Мортону делать ежедневно подборку наиболее интерес-

иых сообщений, которые я всегда читал, составляя таким образом, иногда значительио раньше других, собствеииое миеиие *.

Так, в коице марта 1941 года я с чувством облегчения и волнения прочитал сообщеиие, получеииое от одного из наших самых иадежных осведомителей, о переброске германских танковых сил по железной дороге из Бухареста в Краков и обратио. В этом сообщении говорилось, во-первых, что, как только югославские министры подчинились диктату в Веие (это произошло 18 марта), три из пяти таиковых дивизий, которые двигались через Румынию иа юг, к Греции и Югославии, были посланы на север, к Кракову, и, во-вторых, что вся эта переброска была отмеиеиа после революции в Белграде и три таиковые дивизии были отправлеиы обратио в Румыиию. Эту отправку и возвращение иазад около 60 составов иельзя было скрыть от иаших местных агеитов.

Для меня это было вспышкой молнии, осветившей все положеиие иа Востоке. Виезапиая переброска к Кракову столь больших таиковых сил, нужных в райоие Балкан, могла озиачать лишь иамерение Гитлера вторгнуться в мае в Россию. Отныне это казалось мие его иесомиенной осиовиой целью. Тот факт, что революция в Белграде потребовала их возвращения в Румынию, мог означать, что сроки будут передвинуты с мая по июнь. Я иемедлеиио сообщил эти важные известия Идену в Афины.

Премьер-министр — Идену, Афины

30 марта 1941 г.

«Я узиал из доиесений разведки, что иегодяй сосредоточил очень большие таиковые и другие силы, чтобы запугать Югославию и Грецию, и надеется прибрать к рукам первую из них, а быть может и обе, ие прибегая к воеиным действиям. Как только ои уверился, что Югославия уже в руках держав «оси», ои перебросил три из пяти таиковых дивизий к Медведю, считая, что оставшегося будет достаточио, чтобы завершить греческую операцию. Однако белградская революция иарушила этот плаи и заставила остаиовить иа полпути переброску войск на север.

По-моему, это может озиачать лишь иамереиие иапасть как можио скорее иа Югославию или же предприиять действия против турок. Похоже, что иа Балкаиском полуострове будут использоваиы крупиые силы и что Медведю придется иемиого подождать. Далее, все эти приказы и коитрприказы в их связи с белградским переворотом свидетельствуют, по-видимому, об огромных масштабах замыслов в отношении как Юго-Востока, так и Востока.

Это самое ясиое указание из всех, какими мы располагали до сих пор. Дайте мие знать в осторожиых выражениях, разделяете ли вы и Дилл мое впечатление».

---

* *Премьер-министр — генералу Исмею* 5 августа 1940 г.

«Я не хочу, чтобы получаемые сообщеиия отбиралнсь н обрабатывались различными сотрудниками разведки. Майор Мортон будет пока это делать для меня и представлять на мое рассмотрение то, что ои считает особенно важным. Он должен получнть доступ ко всей информации н представлять мне подлииные докумеиты в их первоначальном виде».

Я также изыскивал средства предостеречь Сталина, с тем чтобы, обратив его внимание на угрожающую ему опасность, установить с ним связи наподобие тех, которые я поддерживал с президентом Рузвельтом. Я написал краткое и загадочное письмо, надеясь, что сам этот факт и то, что это было первое письмо, которое я посылал ему после моей официальной телеграммы от 25 июня 1940 года, рекомендовавшей сэра Стаффорда Криппса как посла, привлекут его внимание и заставят призадуматься.

Премьер-министр — сэру Стаффорду Криппсу

3 апреля 1941 г.

«Передайте от меня Сталину следующее письмо *при условии, что оно может быть вручено лично вами.*

Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов».

Министр иностранных дел, вернувшийся к этому времени из Каира, добавил несколько замечаний:

«1. Если оказанный вам прием даст вам возможность развить доводы, вы можете указать, что это изменение в дислокации германских войск говорит, несомненно, о том, что Гитлер из-за выступления Югославии отложил теперь свои прежние планы создания угрозы Советскому правительству. Если это так, то Советское правительство сможет воспользоваться этим, чтобы укрепить свое собственное положение. Эта отсрочка показывает, что силы противника не являются неограниченными, а иллюстрирует преимущества, которые даст создание чего-либо похожего на единый фронт.

2. Совершенно очевидно, что Советское правительство может укрепить свое положение, оказав материальную помощь Турции и Греции и через последнюю — Югославии. Эта помощь могла бы настолько увеличить трудности немцев на Балканах, что им пришлось бы еще отложить свое нападение на Советский Союз, о подготовке которого свидетельствует столь много признаков. Если, однако, сейчас не будут использованы все возможности вставлять немцам палки в колеса, то через несколько месяцев опасность может возродиться.

3. Вы, конечно, не станете намекать, что мы сами просим у Советского правительства какой-то помощи или что оно будет действовать в чьих-либо интересах, кроме своих собственных. Но мы хотим, чтобы оно поняло, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на Советский Союз, если сможет; что одного его конфликта с нами еще недостаточно, чтобы помешать ему это сделать, если он не окажется одновременно перед особыми трудностями, вроде тех, с которыми он сталкивается сейчас на Балканах, и что поэтому в интересах Советского Союза предпринять все возможные шаги, дабы помешать ему разрешить балканскую проблему так, как ему этого хочется».

Английский посол ответил лишь 12 апреля. Он сообщил, что перед самым получением моей телеграммы он сам направил Вышинскому пространное личное письмо, в котором перечислялся ряд случаев, когда Советское правительство не противодействовало посягательствам немцев на Балканах. В письме содержался также настойчивый призыв, чтобы СССР в своих собственных интересах решился немедленно проводить энергичную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам «оси» в этом районе, если только он не хочет упустить последний шанс защитить свои собственные границы в союзе с другими.

«Если бы теперь,— писал он,— я передал через Молотова послание премьер-министра, выражающее ту же мысль в гораздо более краткой и менее энергичной форме, то я опасаюсь, что единственным результатом было бы ослабление впечатления, уже произведенного моим письмом на Вышинского. Советское правительство, я уверен, не поняло бы, зачем понадобилось вручать столь официально такой краткий и отрывочный комментарий по поводу фактов, о которых оно, несомненно, уже осведомлено, и притом без какой-либо определенной просьбы объяснить позицию Советского правительства или предложений насчет действий с его стороны.

Я считал необходимым изложить вам эти соображения, ибо я сильно опасаюсь, что вручение послания премьер-министра не только ничего не дало бы, но и явилось бы серьезной тактической ошибкой. Если, однако, вы не разделяете этой точки зрения, я, конечно, постараюсь в срочном порядке добиться свидания с Молотовым».

По этому поводу министр иностранных дел написал мне:

«В этой новой ситуации доводы сэра Стаффорда Криппса против вручения вашего послания приобретают, мне думается, известную силу. Если вы согласитесь, я предложил бы сообщить ему, что ему незачем вручать сейчас послание, но, если Вышинский благожелательно отнесется к его письму, он должен изложить ему факты, содержащиеся в вашем послании. Пока же я попрошу его как можно скорее передать нам по телеграфу содержание письма, которое он послал Вышинскому, и переслать нам текст при первой возможности».

Я был раздражен этим и происшедшей задержкой. Это было единственное послание перед нападением Германии, которое я направил непосредственно Сталину. Его краткость, исключительный характер сообщения, тот факт, что оно исходило от главы правительства и должно было быть вручено послом лично главе русского правительства,— все это должно было придать ему особое значение и привлечь внимание Сталина.

Премьер-министр — министру иностранных дел

16 апреля 1941 г.

«Я придаю особое значение вручению этого личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не сознает военной значимости фактов. Прошу вас выполнить мою просьбу».

И снова:

Премьер-министр — министру иностранных дел

18 апреля 1941 г.

«Вручил ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное письмо с предостережением насчет германской опасности? Меня весьма удивляет такая задержка, учитывая значение, которое я придаю этой крайне важной информации».

Ввиду этого 18 апреля министр иностранных дел телеграфировал послу, велев ему вручить мое послание. Так как от сэра Стаффорда Криппса не было получено никакого ответа, я спросил, что же произошло.

Премьер-министр — министру иностранных дел

30 апреля 1941 г.

«Когда сэр Стаффорд Криппс вручил мое послание Сталину? Не будете ли вы так добры запросить его».

Министр иностранных дел — премьер-министру

30 апреля 1941 г.

«Сэр Стаффорд Криппс направил послание Вышинскому 19 апреля, а Вышинский уведомил его письменно 23 апреля, что оно вручено Сталину.

Весьма сожалею, что по ошибке телеграммы, сообщающие об этом, не были посланы вам вовремя. Прилагаю копии».

Вот что содержалось в этих приложениях:

Сэр Стаффорд Криппс, Москва —
министру иностранных дел

19 апреля 1941 г.

«Сегодня я отправил текст послания Вышинскому, попросив передать его Сталину. Из вашей телеграммы не было ясно, следовало ли включить комментарии в послание или же добавить от себя лично, и поэтому, ввиду моего письма Вышинскому от 11 апреля и моего вчерашнего свидания с ним, я предпочел воздержаться от добавления каких-либо комментариев, которые могли быть только повторением».

Сэр Стаффорд Криппс, Москва —
министру иностранных дел

22 апреля 1941 г.

«Сегодня Вышинский письменно уведомил меня, что послание вручено Сталину».

Я не могу составить окончательного суждения о том, могло ли мое послание, будь оно вручено с надлежащей быстротой и церемониями, изменить ход событий. Тем не менее я все еще сожалею, что мои инструкции не были выполнены должным образом. Если бы у меня была прямая связь со Сталиным, я, возможно, сумел бы предотвратить уничтожение столь большой части его авиации на земле.

* * *

Мы знаем теперь, что в своей директиве от 18 декабря Гитлер назначил вторжение в Россию на 15 мая и что в ярости, вызванной революцией в Белграде, он 27 марта отодвинул эту дату на месяц, а затем — до 22 июня. До середины марта переброска войск на севере на главный русский фронт не носила такого характера, чтобы для сокрытия ее немцам нужно было принимать какие-либо особые меры. Однако 13 марта Берлин издал распоряжение закончить работу русских комиссий, действовавших на германской территории, и отослать их домой. Пребывание русских в этой части Германии могло быть разрешено только до 25 марта. В северном секторе уже сосредоточивались крупные германские соединения. С 20 марта должна была начаться еще более крупная концентрация сил.

22 апреля Советы пожаловались германскому министерству иностранных дел на продолжающиеся и усиливающиеся нарушения границы СССР германскими самолетами. С 27 марта по 18 апреля было зарегистрировано 80 таких случаев. «Вполне вероятно,— говорилось в русской ноте,— что следует ожидать серьезных инцидентов, если германские самолеты будут и впредь перелетать через советскую границу».

В ответ немцы выдвинули ряд встречных жалоб на советские самолеты.

* * *

В течение всего этого времени вдоль русского фронта сосредоточивалось 120 первоклассных германских дивизий, разбитых на три группы армий. Южная группа под командованием Рундштедта была по изложенным выше причинам недостаточно обеспечена танками. Ее танковые дивизии лишь незадолго перед тем вернулись из Греции и Югославии. Несмотря на то что срок был передвинут на 22 июня, они крайне нуждались в отдыхе и ремонте после всего, что они претерпели на Балканах.

13 апреля из Москвы в Берлин прибыл Шуленбург. 28 апреля его принял Гитлер, который произнес перед своим послом тираду по поводу жеста русских в отношении Югославии. Шуленбург, судя по его записи этого разговора, пытался оправдать поведение Советов. Он сказал, что Россия встревожена слухами о предстоящем нападении Германии. Он не может поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию. Гитлер заявил, что события в Сербии послужили ему предостережением. То, что произошло там, является для него показателем политической ненадежности государств. Но Шуленбург придерживался тезиса, лежавшего в основе всех его сообщений из Москвы. «Я убежден, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам. Нашим экономическим представителям уже указали, что (если мы сделаем своевременную заявку) Россия сможет поставлять нам до 5 миллионов тонн зерна в год» [1].

[1] Nazi-Soviet Relations, 1939—1941. P. 279.

30 апреля Шуленбург вернулся в Москву, глубоко разочарованный свиданием с Гитлером. У него создалось ясное впечатлеиие, что Гитлер склоняется к войне. Видимо, Шуленбург даже пытался предупредить на этот счет русского посла в Берлиие Деканозова и вел упорную борьбу в эти последние часы своей политики, иаправлеииой к русско-германскому взаимопонимаиию.

Официальный глава германского министерства иностранных дел Вайцзеккер был весьма компетентным государствеиным служащим того типа, который можно найти в правительственных ведомствах многих страи. Он не был политическим деятелем, иаделеиным исполнительной властью, и в соответствии с английским обычаем ие мог считаться ответственным за политику государства. Сейчас он отбывает семилетиее тюремное заключение по приговору суда, создаииого победителями. Хотя, таким образом, ои отнесеи к числу воеииых преступников, он, иесомненно, дал своему иачальству хороший совет, и мы можем только радоваться, что оио не последовало этому совету. Вот что написал он по поводу этого свидаиия.

Вайцзеккер — Риббентропу

Берлии, 28 апреля 1941 г.

«Я могу выразить одиой фразой свои взгляды на русско-германский конфликт. Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, имел для нас такую же ценность, как потопленный английский военный корабль, я предложил бы начать германо-русскую войну этим летом. Но я считаю, что мы победили бы Россию лишь в военном отношении и, с другой стороны, проиграли бы в экономическом отношении.

Может быть, и соблазнительно нанести коммунистической системе смертельный удар, и можно также сказать, что логика вещей требует, чтобы Евразийский континент был противопоставлен англосаксам и их стороиникам. Но единственное решающее соображение заключается в том, ускорит ли это падение Англии.

Мы должны различать две возможности:

(а) Англия близка к краху. Если мы примем эту посылку, то, создав себе иового противиика, мы лишь ободрим Англию. Россия не является потенциальным союзником англичаи. Англия ие может ожидать от России ничего хорошего. В России ие связывают никаких иадежд с отсрочкой краха Англии так же, как вместе с Россией мы ие уиичтожаем никаких надежд Англии.

(б) Если мы не верим в близкий крах Англии, тогда напрашивается мысль, что, применив силу, мы должны будем снабжать себя за счет советской территории. Я считаю само собой разумеющимся, что мы успешио продвинемся до Москвы и дальше. Однако я весьма сомневаюсь, будем ли мы в состоянии воспользоваться завоеванным ввиду известного пассивного сопротивления славяи. Я не вижу в русском государстве какой-либо действеиной оппозиции, способной заменить коммунистическую систему, войти в союз с нами и быть нам полезной. Поэтому нам, вероятно, пришлось бы считаться с сохранением сталинской системы в Восточиой России и в Сибири и с возобновлением военных действий весной 1942 года. Окно в Тихий океан осталось бы закрытым.

Нападение Германии иа Россию послужило бы лишь источником моральиой силы для англичан. Оно было бы истолковаио ими как иеуверейность Германии в успехе ее борьбы против Англии. Тем самым мы ие только признали бы, что войиа продлится еще долго, ио и могли бы действительио затяиуть ее, вместо того чтобы сократить».

7 мая Шуленбург с надеждой сообщил, что Сталин стал Председателем Совета Народных Комиссаров вместо Молотова и тем самым — главой правительства Советского Союза.

«Причину этого можио искать в допущеиных за последиее время ошибках во виешией политике, приведших к охлаждению сердечиых германосоветских отиошений, к устаиовлению и сохранеиию которых сознательио стремился Сталин.

На своем иовом посту Сталин берет на себя ответствеиность за все акты правительства как во внутренней, так и во виешней областях... Я убежден, что Сталии использует свое иовое положение, чтобы лично принять участие в поддержании и развитии хороших отиошеиий между Советами и Германией».

Германский морской атташе в сообщении из Москвы следующим образом выразил ту же точку зрения: «Сталии — оплот германо-советского сотрудничества». Примеры умиротворения русскими Германии умиожились. 3 мая Россия официальио признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке. 7 мая из России были высланы дипломатические представители Бельгии и Норвегии. Был вышвырнут даже югославский посланник. В иачале июня из Москвы была изгнаиа греческая миссия. Как писал впоследствии в своем докладе о военной экономике рейха заведующий экономическим отделом германского военного министерства генерал Томас, «русские выполняли свои поставки до самого кануна нападения, и в последние дни доставка каучука с Дальнего Востока производилась курьерскими поездами».

Мы, конечно, не располагали полной информацией о настроениях в Москве, но цели Германии казались ясными и понятными. 16 мая я телеграфировал генералу Смэтсу: «Похоже на то, что Гитлер накапливает силы против России. На север с Балкан и на восток из Германии и Франции идет непрерывное движение войск, танковых сил и самолетов». Сталин, должно быть, старался изо всех сил сохранить свои иллюзии в отношении политики Гитлера. 13 июня, после еще одного месяца усиленной переброски и развертывания германских войск, Шуленбург смог телеграфировать германскому министерству иностранных дел:

«Народный комиссар Молотов только что вручил мне текст следующего сообщения ТАСС, которое будет передано сегодня вечером по радио и опубликовано завтра в газетах:

«Еще до приезда английского посла в СССР Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией н СССР о заключении нового соглашения между ними.

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР.

3. Советский Союз в свою очередь будто бы стал усиленно готовиться к войне с Германией н сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны».

Гитлер имел все основания быть довольным успехом своих мер, принятых им в целях обмана и сокрытия своих истинных намерений, а также настроениями своей жертвы.

Последний просчет Молотова стоит того, чтобы рассказать о нем.

Шуленбург — германскому министерству иностранных дел

Москва, 22 июня 1941 г., 1 ч 17 мин утра

«Сегодня в 9 ч 30 мин вечера Молотов вызвал меня к себе в кабинет. Упомянув о сообщениях относительно неоднократных нарушений границы германскими самолетами и заметив, что Деканозову поручено в связи с этим посетить министра иностранных дел Германии, Молотов заявил следующее:

Имеется ряд указаний на то, что германское правительство недовольно Советским правительством. Ходят даже слухи о предстоящей войне между Германией н Советским Союзом. Они подкрепляются тем фактом, что Германия никак не реагировала на сообщение ТАСС от 15 июня и что это сообщение не было даже опубликовано в Германии. Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии. Если такое недовольство вызвал в свое время югославский вопрос, то он (Молотов) считает, что он разъяснил этот вопрос в своих прежних сообщениях, н к тому же это дело прошлое. Он был бы признателен, если бы я мог сказать ему, чем вызвано нынешнее положение в отношениях между Германией н Советской Россией.

Я сказал, что не могу ответить на его вопрос, так как не располагаю нужной информацией, но что я передам его заявление в Берлин».

* * *

Но час пробил.

Риббентроп — Шуленбургу

Берлин, 21 июня 1941 г.

«1. По получении этой телеграммы весь шифрованный материал, еще находящийся там, подлежит уничтожению. Радиостанцию надо привести в негодность.

2. Уведомите, пожалуйста, тотчас же Молотова, что вы должны сделать ему срочное сообщеиие н поэтому хотели бы иемедленно посетить его. Затем сделайте ему следующее заявление:

«...Правительство Германии заявляет, что Советское правительство, вопрекн взятым на себя обязательствам, 1) не только продолжало, но даже усилило свои подрывные действия в отношении Германии и Европы; 2) проводит все более антигермаискую виешнюю политику; 3) сосредоточило все свои силы в состоянии готовности на германской граиице.

Тем самым Советское правительство нарушило свои договоры с Германией н собирается напасть с тыла иа Германию, ведущую борьбу за существование. Поэтому фюрер приказал гермаиским вооружеиным силам отразить эту угрозу всеми средствами, имеющимися в их распоряжении».

Прошу ие вступать ин в какое обсуждение дaииого заявления. Правительство Советской России обязано обеспечить безопасность сотрудников посольства».

В 4 часа утра 22 июия Риббеитроп передал русскому послу в Берлине официальный документ об объявлеиии войны. На рассвете Шулеибург явился в Кремль к Молотову. Последннй молча выслушал заявление, зачитаниое гермаиским послом, и затем заметил: «Это войиа. Вашн самолеты только что подвергли бомбардировке около 10 беззащитиых деревень. *Вы считаете, что мы заслужили это?»* *

Ввиду сообщения ТАСС нам было бесполезио прибавлять что-либо к различным предостережениям, которые Иден делал советскому послу в Лондоие. Точно так же мие иезачем было возобиовлять личные попытки открыть глаза Сталину на угрожавшую ему опасиость. Еще более точную информацию постояиио посылали Советскому правительству Соединенные Штаты, ио что бы мы ин делали, мы ие были в состоянин пробнть стену слепой предубежденностн и предвзятых миенлй, которую Сталин воздвиг между собой н страшиой нстиной. Хотя, по подсчетам немцев, на советских границах было сосредоточено 186 русских дивнзий, из которых 119 находились на германском фронте, русские армин были в значительной степени застигнуты врасплох. Немцы не обнаружили никаких признаков наступательных приготовлений в передовой полосе, и русские войска прикрытия были быстро смяты. На русских аэродромах повторилось в гораздо больших масштабах иечто вроде той катастрофы, которая постигла 1 сентября 1939 года польскую авиацию. На рассвете миого сотеи русских самолетов было застигнуто врасплох и уничтожено, прежде чем они успелн подняться в воздух. Злобный бред, распространявшийся советской пропагандистской

---

* Это был последний акт дипломатической карьеры графа Шулеибурга. В коице 1943 года его имя называют в кругах участников тайиого заговора против Гитлера в Германии в качестве кандидата на пост министра иностраиных дел в правительстве, которое должно было сменить нацистский режим. Это объяснялось тем, что ои считался особеино подходящей фигурой для заключения сепаратного мира со Сталииым. После покушения на Гитлера в июле 1944 года Шуленбург был арестован иацистами и заключеи в тюрьму гестапо. 10 ноября ои был казиен.

машиной в ночном эфире по адресу Англии и Соединенных Штатов, был заглушен на заре германской канонадой. Злые не всегда умны — так же как диктаторы не всегда бывают правы.

* * *

Нельзя закончить этот рассказ, не упомянув об ужасной политике, принятой Гитлером по отношению к его новым врагам и проводившейся в обстановке смертельной борьбы на обширных бесплодных или опустошенных землях и в условиях ужасной зимы. На совещании 14 июня 1941 года он отдал устные приказы, которые в значительной степени определили поведение германской армии по отношению к русским войскам и населению и привели к множеству жестоких и варварских поступков. Согласно документам Нюрнбергского процесса, генерал Гальдер показал:

«Перед нападением на Россию фюрер созвал совещание всех командующих и лиц, связанных с верховным командованием, по вопросу о предстоящем нападении на Россию. Я не могу припомнить точной даты этого совещания... На этом совещании фюрер заявил, что методы, используемые в войне против русских, должны отличаться от методов, применяемых против Запада... Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это русская борьба. Он заявил, что, поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, в обращении с их военнопленными не следует придерживаться статей этой конвенции... Он (также) сказал, что так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные» [1].

Кейтель в свою очередь заявил:

«Гитлер упирал главным образом на то, что это решающая битва между двумя идеологиями и что этот факт исключает возможность применения в этой войне (с Россией) методов, которые были известны нам, военным, и которые считались единственно правильными согласно международному праву» [2].

* * *

В пятницу вечером, 20 июня, я выехал один в Чекерс. Я знал, что нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов. Я намеревался выступить в субботу вечером по радио с заявлением по этому вопросу. Разумеется, мое выступление должно было быть составлено в осторожных выражениях, тем более что в этот момент Советское правительство, в одно и то же время высокомерное и слепое, рассматривало каждое наше предостережение просто как попытку потерпевших поражение увлечь за собой к гибели и других. Поразмыслив в машине, я отложил свое выступление до вечера воскресенья, когда, как я думал, все станет ясным. Таким образом, суббота прошла в обычных трудах.

За пять дней до этого я послал президенту Рузвельту следующую телеграмму:

---

[1] Nuremberg Documents. Part VI. P. 310 ff.

[2] Ibid. Part XI. P. 16.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

15 июня 1941 г.

«Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил. Карманный линкор «Лютцов», высунувший вчера свой нос из Скагеррака и моментально торпедированный самолетами нашей береговой авиации, вероятно, направлялся на север, чтобы укрепить военно-морские силы на арктическом фланге. Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить,— это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для вас никаких затруднений».

Американский посол, проводивший конец недели у меня, привез ответ президента на мое послание. Президент обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника». Уайнант передал устно это важное заверение.

* * *

Когда я проснулся утром 22 июня, мне сообщили о вторжении Гитлера в Россию. Уверенность стала фактом. У меня не было ни тени сомнения, в чем заключаются наш долг и наша политика. Не сомневался я и в том, что именно мне следует сказать. Оставалось лишь составить заявление. Я попросил немедленно известить, что в 9 часов вечера я выступлю по радио. В этот момент ко мне в спальню вошел с подробными известиями генерал Дилл, поспешивший ко мне из Лондона. Немцы вторглись в Россию на широчайшем фронте, застигли на аэродромах врасплох значительную часть советской авиации и, по-видимому, двигались вперед с огромной быстротой и стремительностью. Начальник имперского генерального штаба добавил: «Я полагаю, что они огромными массами будут попадать в окружение».

Весь день я работал над своим заявлением. Я не имел времени проконсультироваться с военным кабинетом, да в этом и не было необходимости. Я знал, что в этом вопросе мы все мыслим одинаково. Иден, лорд Бивербрук и сэр Стаффорд Криппс — он покинул Москву 10-го — также находились со мной в течение всего дня.

* * *

В данной связи может представить интерес рассказ моего личного секретаря Колвилла, дежурившего эту субботу и воскресенье в Чекерсе.

«В субботу, 21 июня, я приехал в Чекерс перед самым обедом. Там гостили г-н и г-жа Уайнант, г-н и г-жа Иден и Эдуард Бриджес. За обедом Черчилль сказал, что нападение Германии на Россию является теперь неизбежным и что, по его мнению, Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием

капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь. Уайнант сказал, что то же самое относится и к США.

После обеда, когда я прогуливался с Черчиллем по крокетной площадке, он вернулся к этой теме, и я спросил, не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа. Черчилль ответил: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин».

На следующее утро я был разбужен в 4 часа телефонным звонком из министерства иностранных дел, откуда сообщили, что Германия напала на Россию. Премьер-министр всегда говорил, чтобы его не будили ни в коем случае, разве только начнется вторжение (в Англию). Поэтому я отложил сообщение до 8 часов утра. Единственным его замечанием было: «Передайте Би-би-си, что я выступлю сегодня в 9 часов вечера». Он начал готовить свою речь в 11 часов утра и, если не считать завтрака, на котором присутствовали сэр Стаффорд Криппс, лорд Крэнборн и лорд Бивербрук, посвятил ей весь день... Речь была готова лишь без двадцати девять».

* * *

В своем выступлении я сказал:

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все,— о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий...

Я должен заявить о решении Правительства Его Величества, и уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен

сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером,— наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности.

Сейчас не время морализировать по поводу безумия стран и правительств, которые позволили разбить себя поодиночке, когда совместными действиями они могли бы спасти себя и мир от этой катастрофы. Но когда несколько минут назад я говорил о кровожадности и алчности Гитлера, соблазнивших и толкнувших его на авантюру в России, я сказал, что за его преступлением скрывается один более глубокий мотив. Он хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления. Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последиего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России,— это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом,— это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни». <...>

Наш советский союзник

Вторжеиие Гитлера в Россию вызвало переоценку ценностей и изменило отношения военного времени. Советские руководители были иастолько ослеплены своими предрассудками, что не предприняли миогих из тех шагов, которые диктовались соображениями их же собственной безопасности. С другой стороны, благодаря тому, что они проявили равнодушие к судьбе других, они выиграли время, и, когда 22 июня 1941 года пробил их час испытаний, они оказались гораздо сильнее, чем воображал Гитлер. Возможно, что ие только он, ио и его генералы были введеиы в заблуждение неудачными действиями русских против финнов. Тем не менее именно русские были застигнуты врасплох, и на иих с самого иачала обрушились огромиые иесчастья. В данном повествовании можно будет озиакомить читателей только с наиболее характериыми моментами иовой колоссальиой борьбы, которая началась теперь между армиями и населеиием обеих стран. <...>

До того момента, пока Советское правительство не подверглось нападению Гитлера, оно, по-видимому, ии о ком не заботилось, кроме как о себе. Впоследствии это настроение, естественно, стало проявляться еще ярче. До сих пор советские руководители с каменным спокойствием наблюдали крушение фронта во Франции в 1940 году и наши безуспешные попытки создать в 1941 году фронт на Балканах. Они оказывали иацистской Германии значительную экономическую, а также и другую, менее существенную помощь. Теперь, когда они были обмануты и застигнуты врасплох, они сами оказались под пламенеющим немецким мечом. Их первым порывом было — затем это стало их постоянной политикой — потребовать всевозможной помощи от Великобритании и ее империи, той самой империи, планы возможного раздела которой между Сталиным и Гитлером в течение последних восьми месяцев отвлекали внимание советских руководителей от сосредоточения немецких сил на Востоке. Не колеблясь, они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Англии отправки им военных материалов, которых так не хватало ее собственной армии. Они иастаивали, чтобы Соедииеииые Штаты переадресовали им максимальное количество различных материалов, на которые рассчитывали мы, и, более того, уже летом 1941 года они требовали высадки англичан в Европе, любой цеиой и невзирая на риск, с целью создания второго фроита. Английские коммунисты, которые до сих пор старались причинить как можно больше вреда иа наших промышленных предприятиях, что им ие слишком-то удавалось, и поиосили «капиталистическую и империалистическую войну», внезапно снова резко изменили свою позицию и стали царапать на стенах и заборах лозунг «Немедленно открыть второй фронт».

Мы ие позволяли этим довольно печальным и постыдным фактам влиять на наш образ мыслей и старались видеть только героические жертвы русского народа, которые ему приходилось нести в результате бедствий, навлеченных на него собственным правительством, и его самоотверженную борьбу за родную землю. Это, пока война продолжалась, компенсировало все.

* * *

Русские никогда ни в малейшей степени не понимали характера десантной операции, необходимой для того, чтобы высадить и удержать огромную армию на хорошо защищенном вражеском побережье. Даже американцы в это время в значительной мере не сознавали этих трудностей. В месте высадки необходимо было обеспечить не только господство на море, но и господство в воздухе. Надо было также учитывать еще и третий жизненно важный фактор. Основой успешной высадки любого десанта при наличии сильного сопротивления неприятеля должно быть наличие огромной армады специально сконструированных десантных судов, прежде всего различных самоходных танковых барж. Для создания этой армады, как это было и будет показано, я давно прилагал все свои усилия. Даже небольшая армада не могла быть готова ранее лета 1943 года, а достаточно мощная армада, как это теперь уже общепризнано, не могла быть создана ранее 1944 года. В описываемый период, осенью 1941 года, мы не обладали господством в воздухе над оккупированной противником территорией Европы, за исключением Па-де-Кале, где находились самые сильные немецкие укрепления. Десантные суда еще только строились. У нас в Англии еще даже не было армии столь же крупной, столь же хорошо обученной и столь же хорошо оснащенной, как та, с которой мы должны были столкнуться во Франции. И все же до сих пор по вопросу о втором фронте извергаются целые потоки глупостей и лжи. Убедить Советское правительство не было, разумеется, ни малейшей надежды ни тогда, ни в любое другое время. Впоследствии Сталин даже как-то заявил мне, что, если англичане боятся, он готов послать три-четыре русских армейских корпуса, которые справятся с этим делом. Из-за недостатка судов и других материальных факторов я был лишен возможности поймать его на слове.

* * *

Советское правительство никак не откликнулось на мое обращение по радио к России и ко всему миру в день нападения Германии, если не считать того, что выдержки из него были напечатаны в «Правде» и в других русских правительственных органах и что нас попросили принять русскую военную миссию. Молчание в высших сферах было тягостным, и я счел своей обязанностью сломать лед.

Я вполне понимал, что они, возможно, испытывают неловкость, учитывая все, что произошло между Советским Союзом и западными союзниками после начала войны, и помня о том, что было двадцать лет назад между мной и большевистским революционным правительством. Поэтому я обратился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем.

Премьер-министр — Сталину

7 июля 1941 г.

«Мы все очень рады, что русские армии оказывают такое сильное и мужественное сопротивление ничем не вызванному жестокому нападению

нацистов. Все восхищены отвагой и упорством солдат и народа. Мы сделаем все, чтобы помочь вам, насколько позволят время, географические условия и наши возрастающие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем оказать. Наша авиация производит днем и ночью очень сильные налеты на всю оккупированную немцами территорию и на ту часть Германии, которая находится в пределах ее досягаемости. Вчера днем было произведено около 400 самолето-вылетов. В субботу ночью свыше 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налеты на немецкие города, причем некоторые из этих бомбардировщиков имели по три тонны бомб каждый, а прошлой ночью действовало около 250 тяжелых бомбардировщиков. Так будет продолжаться и впредь. Мы надеемся этим самым принудить Гитлера перебросить на Запад часть его авиации и постепенно ослабить нажим, которому вы подвергаетесь. Кроме того, морское министерство подготовило по моему указанию серьезную операцию, которая в ближайшем будущем будет проведена в Арктике, после чего, я надеюсь, установится контакт между английским и русским морскими флотами. Пока же в результате рейдов, проведенных у побережья Норвегии, мы перехватили различные транспортные суда, которые направлялись на север, к противнику.

Мы приветствуем прибытие русской военной миссии для координации будущих планов.

Нам надо только продолжать сражаться, и мы наголову разобьем этих мерзавцев».

Первым шагом, который следовало сделать, очевидно, было установление допускаемого советскими властями контакта с русским военным командованием. В соответствии с этим тотчас же после получения необходимого согласия наших новых союзников в Москву была послана авторитетная военная миссия. Настоятельно необходимо было также установить контакт между двумя флотами. 10 июля я отправил следующее отношение морскому министерству:

Премьер-министр — морскому министру
и начальнику морского штаба

10 июля 1941 г.

«Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для установления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами. Это должно быть сделано до проведения подготавливаемой нами операции. Впечатление, которое произведет на русский военно-морской флот и вообще на сражающуюся русскую армию прибытие в Арктику этих кораблей, которые будут именоваться английским флотом, может иметь огромное значение. Прибытие кораблей в Арктику позволит нам также сэкономить большое количество крови англичан.

Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключенный Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали под-

державу, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства,— что я вполне сознаю,— ради того чтобы поддержать их дух... Эскадра, несомненно, должна будет отправиться в Архангельск. Сообщите мне, пожалуйста, об этом, как только сможете».

* * *

На этой ранней стадии мы также надеялись, что нам удастся заложить основы военного союза между двумя странами.

Премьер-министр — сэру Стаффорду Криппсу

10 июля 1941 г.

«Прошу вас немедленно передать следующее послание премьер-министра Сталину:

1. После того как посол Криппс сообщил о своей беседе с вами и об условиях предполагаемой совместной англо-русской декларации, состоящей из двух основных пунктов, а именно: 1) взаимная помощь без какого-либо точного определения ее количества и качества и 2) ни одна страна не должна заключать сепаратного мира — я немедленно созвал заседание военного кабинета с участием Фрэзера, премьер-министра доминиона Новая Зеландия, находящегося в настоящее время в Англии. Нам необходимо будет проконсультироваться с доминионами — Канадой, Австралией и Южно-Африканским Союзом, пока же я хотел бы заверить вас, что мы полностью поддерживаем предложенную вами совместную декларацию. Мы полагаем, что она должна быть подписана, как только мы получим согласие доминионов, и тотчас же после этого опубликована.

2. Только для вашего сведения. Мы полагаем, что эта декларация должна быть сформулирована следующим образом: Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство СССР согласились о нижеследующем: 1). Оба правительства взаимно принимают на себя обязательство оказывать друг другу всяческую помощь в нынешней войне против Германии. 2) Они также обязуются не вести во время этой войны переговоров и не заключать перемирия или мирного договора, иначе как по взаимному согласию.

3. Поскольку необходимо еще проконсультироваться с правительствами доминионов, вы не должны пока что передавать этот текст Сталину. Но знакомство с ним поможет вам понять, что мы имеем в виду, и вы сможете дать Сталину любые разъяснения, которых он может потребовать».

Между двумя министерствами иностранных дел велась официальная переписка, но только 19 июля я получил первое письмо лично от Сталина. В тот день меня посетил Майский, советский посол в Лондоне, и вручил мне следующее послание:

Сталин — премьер-министру

18 июля 1941 г.

«Разрешите поблагодарить Вас за оба личных послания.

Ваши послания положили начало соглашению между нашими правительствами. Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз

и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией. Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага.

Может быть, не лишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

Таким образом, русские с самого начала нашей переписки стали настойчиво требовать открытия второго фронта, и они снова и снова возвращались к этой теме на протяжении всех наших последующих отношений с неизменным пренебрежением к реальным фактам (исключение составлял только Крайний Север). В этой первой полученной мной телеграмме от Сталина содержался единственный признак угрызений совести, какой я когда-либо заметил с советской стороны. В этой телеграмме он по собственному почину стал защищать переход Советского Союза на другую сторону и свое предвоенное соглашение с Гитлером. Он далее остановился, как я уже это делал в первом томе, на стратегической необходимости для русских отодвинуть линию немецкого фронта как можно дальше на запад в Польше, с тем чтобы выиграть время для полного развертывания русских глубинных резервов. Я всегда надлежащим образом оценивал этот аргумент и вполне мог соответственно ответить на это.

Премьер-министр — Сталину

20 июля 1941 г.

«1. Я был очеиь рад получить ваше послание и узнать из миогих источников, как доблестно сражаются русские армии за свою родную землю, неоднократио предприиимая мощные коитратаки. Я полностью созиаю, какие воеииые преимущества вы получили, вынудив противника развернуться и вести военные действия иа отодвинутом к западу фроите, тем самым иесколько ослабив силу его первого натиска.

2. Все разумиое и эффективиое, что мы можем сделать, чтобы помочь вам, будет сделано. Однако я прошу вас учесть, что мы ограничены в своих действиях иашими ресурсами и географическим положеиием. С первого дня германского иападения на Россию мы изучали возможиости иаступления на оккупированную Францию и Нидерланды. Начальники штабов ие видят никакой возможности предпринять что-либо в таком масштабе, чтобы это хоть в какой-то степени прииесло вам пользу. Немцы имеют в одиой только Франции сорок дивизий. Все французское побережье укреплялось более года со свойственным иемцам усердием, и там полным-полио артиллерийских орудий, проволочных заграждений, дотов и прибрежиых мии. Едииствеиный участок, где мы могли бы иметь хотя бы времеииое превосходство в воздухе и обеспечить себе прикрытие истребительной авиацией,— это райои от Дюнкерка до Булони. Однако этот участок представляет собой сплошиой пояс укреплений с десятками тяжелых орудий, обстреливающих морские подступы, причем миогие из них могут вести огонь непосредствеиио через Па-де-Кале. Продолжительиость ночной темноты — менее пяти часов, да и в это время весь райои освещается прожекторами. Если мы попытаемся высадить крупные силы, мы поиесем огромные потери, а иебольшие рейды могут закоичиться лишь иеудачей и принесут иам обоим гораздо больше вреда, чем пользы. Противник покончит с иами, ие прибегая для этого к переброске хотя бы одной воиискои части с вашего фроита, и даже еще до того, как он смог бы ее перебросить.

3. Вы должны помнить, что мы сражались одни более года и что, хотя наши ресурсы возрастают и будут теперь быстро возрастать, мы испытываем крайнее иапряжение иа суше и в воздухе как в Англии, так и иа Среднем Востоке и, наконец, что битва за Атлаитику, от которой зависит иаше существование, а также движение наших караванов в условиях блокады, проводимой подводными лодками и самолетами «Фокке-Вульф», требуют крайнего иапряжения иаших воеиио-морских сил, как бы велики они ни были.

4. Поэтому мы можем оказать быструю помощь только на Севере.

Во-первых, в течение трех последних недель морской штаб подготавливал операцию, которая будет проведеиа морской авиацией против немецких судов к северу от Норвегии и Финляндии. Этим мы иадеемся лишить противника возможиости перебросить морем войска для иападения на ваш арктический фланг. Мы просили ваши штабы ие посылать в определеиный участок русские корабли в период между 28 июня и 2 августа, когда мы рассчитываем нанести удар.

Во-вторых, мы немедлеиио отправляем иесколько крейсеров и эсминцев на Шпицберген, откуда они смогут совершать рейды против иемецких судов во взаимодействии с вашими воеиио-морскими силами.

В-третьих, мы отправляем флотилию подводных лодок для нарушения

немецких коммуникаций у арктического побережья, хотя из-за отсутствия темноты такого рода операции являются особенно опасными.

В-четвертых, мы посылаем в Архангельск минный заградитель с различными материалами.

Это максимум того, что мы можем сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы мы могли сделать больше. Прошу вас держать это в строжайшей тайне, пока мы не известим вас, что огласка не принесет вреда.

5. Никакой легкой норвежской дивизии не существует, и ни английские, ни русские войска невозможно было бы высадить на оккупированной немцами территории в такое время, когда день продолжается круглые сутки, не обеспечив им сначала достаточного прикрытия истребителями с воздуха. В прошлом году мы имели печальный опыт проведения подобной операции в Намсусе, а в этом году — на Крите.

6. Мы изучаем также в качестве одного из возможных мероприятий вопрос о размещении в Мурманске нескольких эскадрилий английских истребителей. Для этого потребовалось бы прежде всего доставить зенитные орудия, а затем самолеты, часть из которых могла бы подняться с авианосцев, а другие прибыли бы в упакованном виде. После того как эти эскадрильи обосновались бы в Мурманске, туда могла бы прибыть наша шпицбергенская эскадра, с тем чтобы действовать совместно с вашими военно-морскими силами. У нас есть основания полагать, что немцы перебросили сильную группу пикирующих бомбардировщиков, которую они держат в запасе на случай нашего прибытия. Поэтому необходимо действовать постепенно. На все это, однако, понадобятся недели.

7. Без колебаний вносите любые другие предложения, которые могут прийти вам в голову, и мы также будем всячески стараться найти другие способы нанести удар по общему врагу».

* * *

С первого же момента я делал все, что мог, для оказания помощи вооружением и различными материалами, соглашаясь на отправку в Россию из Соединенных Штатов значительной части того, что предназначалось нам, а также идя на прямые жертвы за счет Англии. В начале сентября на корабле «Аргус» было отправлено в Мурманск примерно две эскадрильи «Харрикейнов» для оказания помощи в обороне военно-морской базы и для взаимодействия с русскими силами в этом районе. Они доблестно сражались на протяжении трех месяцев. К 11 сентября эти эскадрильи уже начали боевые действия. Я понимал, что в эти первые дни нашего союза мы могли сделать очень мало, и старался заполнить пустоту вежливыми фразами.

Премьер-министр — Сталину

25 июля 1941 г.

«1. Рад известить вас, что военный кабинет решил, несмотря на то, что это серьезно уменьшит наши ресурсы истребительной авиации, отправить в Россию как можно скорее 200 истребителей «Томахок». 140 этих истребителей будет отправлено из Англии в Архангельск, а 60 будет взято из партии самолетов, которые Соединенные Штаты Америки должны были послать нам. Вопрос о запасных частях и американском персонале для сборки этих машин еще необходимо согласовать с американским правительством.

2. Вскоре у нас будет от 2 до 3 млн пар ботинок, которые мы сможем послать. Мы также постараемся в текущем году обеспечить отправку большого количества каучука, олова, шерсти и шерстяных тканей, джута, свинца и шеллака. Все остальные ваши заявки на сырье подвергаются тщательному рассмотрению. В тех случаях, когда эти материалы невозможно послать из Англии или они имеются здесь в ограниченном количестве, мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки.

Подробности, разумеется, будут вам сообщены обычным официальным путем.

3. Мы с восхищением и волнением наблюдаем за тем, как великолепно сражается Россия, и вся получаемая нами информация свидетельствует о том, что противник несет тяжелые потери и что он встревожен. Наши воздушные налеты на Германию будут продолжаться с возрастающей силой».

Каучук был дефицитным и драгоценным, а русские требовали его в самых больших количествах. Мне даже пришлось позаимствовать из наших скромных запасов.

Премьер-министр — Сталину

28 июля 1941 г.

«1. О каучуке. Мы доставим товары отсюда или из США самым лучшим и самым кратчайшим путем. Пожалуйста, укажите точно, какого рода каучук вам требуется и каким путем его доставить. Предварительные распоряжения уже отданы...

3. Замечательное сопротивление русской армии, защищающей свою родную землю, объединяет всех нас. Германии предстоит выдержать ужасную зиму непрерывных бомбежек. Никто еще не переживал того, что придется теперь пережить ей. Морские операции, о которых говорилось в моей последней телеграмме, уже осуществляются. Приношу вам глубокую благодарность за то, что вы в самом разгаре своей великой борьбы сумели понять, как трудно нам сделать большее. Мы сделаем все, что в наших силах»...

Я всячески старался путем частого обмена личными телеграммами создать такие же дружественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время этой длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удостаивали добрым словом. Во многих случаях на мои телеграммы вовсе не отвечали или же ответ задерживался на много дней.

Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем в большем долгу они нас считали. Это была небеспристрастная точка зрения. Два или три раза за время этой длительной переписки мне приходилось протестовать в резких выражениях, в особенности против скверного обращения с нашими моряками, которые подвергались стольким опасностям, доставляя снабжение в Мурманск и в Архангельск.

Однако почти неизменно в ответ на запугивание и упреки я «пожимал плечами терпеливо; терпение — девиз» * всех, кому приходится иметь дело с Кремлем. Кроме того, я всегда делал скидку на те тяжелые условия, в которых находились Сталин и его неустрашимый русский народ.

* * *

Германские армии далеко продвинулись в глубь России, но в конце июля возникли существенные разногласия между Гитлером и главнокомандующим Браухичем.

Браухич полагал, что группа армий Тимошенко, заслонявшая Москву, составляла главные силы русских и что ей нужно нанести поражение в первую очередь. Этого требовала ортодоксальная доктрина. Вслед за тем, утверждал Браухич, необходимо взять Москву, главный военный, политический и промышленный центр всей России. Гитлер был с этим решительно не согласен. Он хотел захватить возможно большую территорию и уничтожить русские армии на самом широком фронте. На севере он требовал захвата Ленинграда, а на юге — индустриального Донецкого бассейна, Крыма и подступов к русским нефтяным месторождениям на Кавказе; Москва же могла подождать.

После ожесточенного спора Гитлер взял верх над руководителями своей армии. Северная группа армий, усиленная за счет центра, получила приказ активизировать операции против Ленинграда. Центральная немецкая группа должна была перейти к обороне. Ей было приказано отправить в южном направлении танковую группу, чтобы ударить во фланг русским, которые отступали через Днепр, преследуемые Рундштедтом. Эта операция немцам прекрасно удалась. В начале сентября в треугольнике Конотоп — Кременчуг — Киев вокруг русских войск стало замыкаться кольцо окружения, и свыше полумиллиона человек было убито или захвачено в плен в результате ожесточенных боев, продолжавшихся в течение всего этого месяца. На севере не удалось достигнуть такого успеха. Ленинград был окружен, но не взят. Решение Гитлера оказалось неправильным. Теперь все его помыслы, вся сила воли были снова сосредоточены на центральном направлении.

Войскам, осаждавшим Ленинград, было приказано выделить подвижные силы и часть поддерживающей авиации для усиления возобновившегося наступления на Москву. Танковая группа, которая была отправлена на юг, к Рундштедту, теперь вернулась обратно для участия в наступлении. В конце сентября все снова было подготовлено для отмененного ранее удара в центре, между тем как южные армии продолжали наступать в восточном направлении, к нижнему течению Дона, откуда для них должна была открыться дорога на Кавказ.

* * *

Позиция России в отношении Польши определяла на первой стадии наши взаимоотношения с Советами.

Нападение немцев на Россию не явилось неожиданностью для польских

---

* Слова Шейлока из пьесы Шекспира «Венецианский купец», I акт, сц. 3.— *Прим. ред.*

кругов за границей. Начиная с марта 1941 года польское правительство в Лондоие получало сведения от польского подполья о сосредоточеини германскнх войск иа западных граннцах России. В случае войны неизбежно должны были пронзойти коренные перемеиы в отиошеииях между Советской Россней и польским правнтельством в эмиграции. Прежде всего встал бы вопрос о том, в какой мере могли бы быть пересмотрены относящиеся к Польше статьн иацистско-советского пакта, заключенного в августе 1939 года, так чтобы прн этом не было нарушеио едииство англо-русского военного союза. Когда мнру стало известно о иападении немцев иа Россию, восстановление польско-русских отиошений, порваииых в 1939 году, прнобрело большое зиачение. 5 июля в Лондоие при посредничестве Англии иачались переговоры между двумя правительствами.

Польшу представлял премьер-министр ее правительства в эмиграции генерал Снкорский, Россню — советский посол Майский. У поляков было две цели — добиться прнзиания Советским правительством, что раздел Польши, учиненный Германией и Россией в 1939 году, является теперь недействительным, а также освобождеиня Россней всех польских военнопленных н гражданских лиц, вывезенных в Советский Союз после оккупацин Россней восточных райоиов Польши.

Этн переговоры продолжались весь июль и происходили в атмосфере холодности. Русскне упорио отказывались взять иа себя какое-либо определениое обязательство, которое отвечало бы пожеланиям поляков. Россня считала, что вопрос о ее западных границах ие подлежит обсуждению. Можно лн было положиться на то, что она честно поступнт в этом вопросе, когда закончатся военные действия в Европе, что пронзойдет, быть может, в отдаленном будущем? Аиглийское правительство с самого начала было поставлено перед днлеммой. Наше вступлеиие в войну с Германней явнлось прямым результатом нашнх гарантнй Польше. Мы были обязаны поддержнвать ннтересы нашего первого союзника. На этой стадин борьбы мы не могли прнзиать законной оккупацию русскимн польской террнторни в 1939 году. В это лето 1941 года, меиее чем через две иедели после того, как Россня оказалась на иашей стороие в борьбе протнв Германнн, мы не моглн заставнть нашего нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от пограннчных областей, которые он иа протяжении ряда поколений считал жизиенно важными для своей безопасиости. Положение было безвыходиым. Вопрос о будущей судьбе польских террнторнй необходимо было отложнть до лучшнх времеи. На нас лежала непрнятная обязаниость рекомендовать генералу Снкорскому положнться иа добросовестиость Советского Союза прн будущем урегулированни русско-польских отношеннй и не настанвать в данный момент на каких-либо пнсьменных гарантиях отиосительио будущего. Я со своей стороиы искренне надеялся, что, став в борьбе протнв Гнтлера товарнщамн по оружию, союзные державы в коице концов окажутся в состояннн разрешить террнторнальные вопросы путем дружеского обсуждення за столом коиференцин. А в разгар бнтвы, в этот важный момеит войны, все должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий. В этой борьбе воскресшая польская армия, сформированная нз миогих тысяч поляков, находящихся сейчас в плену в России, должна была сыграть благородную роль. По этому вопросу русские, хотя и с осторожностью, выражали готовность пойти иа соглашеиие.

30 июля, после многих ожесточенных споров, между польским и русским правительствами было достигнуто соглашение. Дипломатические отношения были восстановлены, и на русской территории должна была быть создана польская армия, подчиненная верховному командованию Советского правительства. О границах не было упомянуто, если не считать общего заявления о том, что советско-германские договоры от 1939 года относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу». В официальной ноте польскому правительству от 30 июля министр иностранных дел изложил нашу точку зрения:

«В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей. Я хочу также заверить вас, что Правительство Его Величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года».

Иден процитировал эту ноту в тот же день в палате общин и добавил:

«В параграфе 1 советско-польского соглашения говорится, что Советское правительство признает утратившими силу советско-германские договоры 1939 года о территориальных изменениях в Польше. Позиция Правительства Его Величества в этом вопросе была уже в общих чертах изложена премьер-министром в палате общин 5 сентября 1940 года, когда он заявил, что Правительство Его Величества не намерено признавать какие-либо территориальные изменения, происшедшие без добровольного согласия заинтересованных сторон. Это относится и к тем территориальным изменениям, которые были произведены в Польше после августа 1939 года, о чем я соответственно уведомил польское правительство в своей официальной ноте».

Отвечая на вопрос, Иден в заключение сказал: «Обмен нотами, которые я только что огласил для сведения палаты, не влечет за собой каких-либо гарантий границ со стороны Правительства Его Величества».

Этим дело и кончилось. В течение осени поляки были заняты тяжелой задачей — собрать тех соплеменников, которым удалось выжить в концентрационных лагерях Советского Союза.

* * *

Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы оно нам не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России. Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. То обстоятельство, что Советское правительство допустило, чтобы его авиация была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что подготовка русских к войне была далеко не совершенной, с самого начала поставило их в невыгодное положение. Русские армии понесли ужасающие потери. Несмотря на героическое сопротивление, умелое и деспотичное военное руководство, полное пренеб-

режение к человеческой жизни и жестокую партизанскую войну в тылу наступающих немецких войск, на всем протяжении 1200-мильного русского фронта, к югу от Ленинграда, советские войска отступили на 400—500 миль. Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии. Но ни один из этих факторов еще не сказался в 1941 году. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения.

Даже в августе 1942 года, после моей поездки в Москву и проведенных там совещаний, генерал Брук, сопровождавший меня, придерживался мнения, что немецкие войска перейдут через Кавказский хребет и захватят бассейн Каспийского моря. В соответствии с этим мы постарались как можно лучше подготовиться к оборонительным действиям в Сирии и Персии. Я всегда оценивал способность русских к сопротивлению более оптимистично, чем мои военные советники. Я полностью полагался на заверения премьера Сталина, данные мне в Москве, что он удержит фронт на Кавказе и что сколько-нибудь крупным силам немцев не удастся достичь Каспийского моря. Но информация о ресурсах и намерениях Советов, которой нас удостаивали, была столь скудна, что все мнения как за, так и против были не больше чем догадкой.

Действительно, вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море. Однако, с другой стороны, мы были вынуждены пойти на тяжелые жертвы и лишения. Мы только-только начали как следует вооружаться. Наши военные заводы наконец-то стали в больших количествах производить всевозможные виды вооружения. Наши армии в Египте и в Ливии вели тяжелые бои и требовали вооружения самых последних образцов, прежде всего танков и самолетов. Английские армии, находившиеся в метрополии, с нетерпением ожидали давно обещанного современного непрерывно усложнявшегося вооружения, и оно наконец-то стало поступать к ним в большом количестве. И вот в этот самый момент мы были вынуждены поступиться очень значительным количеством нашего вооружения и жизненно важных материалов всевозможного рода, включая каучук и нефть. На нас пало бремя организации конвоев судов для перевозки английских и в еще большей степени американских поставок и доставки этих конвоев в Мурманск и в Архангельск, несмотря на все опасности и тяготы плавания в этих арктических водах.

Все американские поставки фактически выделялись из того, что уже было успешно доставлено или должно было быть доставлено нам самим через Атлантический океан. Для того чтобы выделить такое огромное количество материалов и обойтись без возрастающего потока американской помощи, не поставив тем самым под угрозу наши операции в Западной пустыне, нам пришлось свернуть все диктовавшиеся благоразумием приготовления к обороне Малаккского полуострова и нашей восточной империи и владений от непрерывно возраставшей угрозы со стороны Японии.

Отнюдь не желая хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который подтвердит история, а именно что сопротивление русских сломало

хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации; справедливо указать на то, что более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем. Тем не менее мы были рады иметь во время войны эту могущественную нацию на нашей стороне, и все мы считали, что, даже если советским армиям придется отойти к Уральским горам, Россия все еще будет представлять огромную, а если она будет стойко продолжать войну, то в конечном счете и решающую силу. <...>

Помощь России

Прошло два месяца с начала боев на русском фронте. Немецкие армии нанесли ужасные удары, но теперь проявилась и другая сторона медали. Несмотря на понесенные страшные потери, русские продолжали упорно и стойко сопротивляться. Их солдаты стояли насмерть, а их армии обретали опыт и мастерство. За линиями немецких фронтов появились партизаны, которые повели жестокую войну против немцев, нарушая их коммуникации. Захваченная противником русская железнодорожная сеть оказалась непригодной; шоссейные дороги не выдерживали интенсивного движения немецкого транспорта, а двигаться без дорог после дождя было часто невозможно. Транспортные средства уже начинали изнашиваться. Оставалось едва три месяца до прихода страшной русской зимы. Может ли за это время быть взята Москва? А если она будет взята, то окажется ли этого достаточно? Вот в чем был роковой вопрос. Хотя Гитлер все еще находился в приподнятом настроении после победы под Киевом, немецкие генералы уже ясно могли ощущать, что их прежние дурные предчувствия оправдываются. В ходе операций на фронте, который сейчас стал решающим, произошла четырехнедельная задержка. Задача «уничтожения войск противника в Белоруссии», которая была поставлена перед центральной группой армий, все еще не была выполнена.

Но по мере того как наступала осень и приближался решающий кризис на русском фронте, советские требования к нам делались все более настойчивыми.

* * *

Лорд Бивербрук вернулся из Соединенных Штатов, где ему удалось еще больше стимулировать и без того уже мощные силы, содействовавшие огромному увеличению промышленного производства. Теперь он стал в военном кабинете поборником помощи России. Он оказал ценные услуги в этой области. Когда мы вспоминаем, каких трудов стоило нам подготовить сражение в Ливийской пустыне, наше глубокое беспокойство относительно Японии, которое бросало свою тень на все наши действия в Малайе и на Дальнем Востоке, а также о том, что все посылавшееся в Россию урывалось из того, что было жизненно необходимо Англии, становится ясно, как важно было, что кто-то столь ревностно отстаивал русские требования в наших высших кругах. Я старался сохранять в уме представление о надлежащих пропорциях и разделял свои тяготы с моими коллегами. Нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар свою собст-

веииую безопасиость и свои планы ради нашего нового союзника — угрюмого, ворчливого, жадного и еще так иедавио отиосившегося безразлично к тому, выживем мы или нет.

Возвращаясь на родииу из Исландии, я решил, что после того как Бивербрук и Аверелл Гарриман вернутся из Вашингтона и мы сможем изучить все перспективы иашего вооружения и сиабжения, им следует отправиться в Москву и предложить там все, что мы можем уделить. Происходили длительные и мучительные обсуждения подробиостей иашего совместиого предложения от 16 августа. Военное, морское министерства и мииистерство авиацин воспрнняли это так, как будто бы с иих живьем сдирали шкуру. Тем ие меиее мы собрали сообща максимум того, что было в иаших силах, и согласились иа переадресование очень значительной доли иеобходимых нам самим америкаиских поставок ради того, чтобы внести эффективиый вклад в дело обороны Советов. 28 августа я предложил своим коллегам направить в Москву лорда Бивербрука. Члены каби准ета охотно согласились, чтобы ои обсудил этот вопрос со Сталиным, а президеит Рузвельт считал, что его хорошо сможет представлять Гарримаи.

Поэтому я ииформировал лорда Бивербрука:

Премьер-министр — лорду Бивербруку

30 августа 1941 г.

«Я хочу, чтобы вы отправились в Москву вместе с Гарриманом, чтобы договориться о долгосрочных поставках русским армиям. Это можно осуществить почти исключительио за счет америкаиских ресурсов, хотя у нас имеется каучук, сапоги и т. д. Необходимо сделать большой иовый заказ в Соедииеииых Штатах. Темпы поставок, разумеется, лимитируются портами и иедостатком судов. Когда весиой будут проложены вторые пути узкоколейиой дороги от Басры к Каспийскому морю, эта дорога стаиет важным путем подвоза. Наш долг и иаши интересы требуют оказания всей возможной помощи русским, даже цеиой серьезных жертв с иашей стороны. Одиако мы ие сможем ее предоставить в большом масштабе до середины или до коица 1942 года, а осиовные планы придется отнести к 1943 году. Ваша задача будет состоять в том, чтобы ие только содействовать разработке плаиов оказаиия помощи России, ио также обеспечить, чтобы мы сами ие были при этом обескровлеиы; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Аиглии, буду совершенно непреклоиеи. Я, одиако, уверен, что вы самый подходящий человек для этого дела, а чутье широкой публики уже это саикционировало.

Решение о посылке Гарримана озиачает, что Гопкиис иедостаточио хорошо себя чувствует, чтобы отправиться самому. В иастоящее время нет иеобходимости посылать Идеиа.

Что касается даты выезда, то мы зависим от американцев, но мы должны действовать добросовестно и ие давать никому повода сказать, что мы обманывали русских или старались выиграть время. Необходимо установить срок созыва конференции в ближайшие иесколько дней. Я не думаю, чтобы две иедели в ту или в другую сторону составляли какую-иибудь разницу, поскольку 90 процеитов работы коифереиции будет отиоситься к долгосрочиым плаиам».

В качестве предварительного сообщения об этой миссии я обрисовал положение в общих чертах в письме к Сталину.

Премьер-министр — Сталину

29 августа 1941 г.

«1. Я искал какого-либо способа оказать помощь вашему великолепному сопротивлению до заключения тех долгосрочных соглашений, о которых мы договариваемся с Соединенными Штатами и которые явятся темой Московской конференции. Майский заявил, что большая нужда ощущается в истребителях ввиду тяжелых потерь. Мы посылаем 200 самолетов «Томахок», о чем я сообщал в своей последней телеграмме. Две наши эскадрильи в составе сорока «Харрикейнов» прибудут в Мурманск примерно 6 сентября. Вы, несомненно, понимаете, что истребительная авиация является основой обороны нашей метрополии, не говоря уже о том, что мы стараемся добиться господства в воздухе в Ливии, а также обеспечить Турцию, чтобы привлечь ее на нашу сторону. Тем не менее я мог бы отправить еще 200 «Харрикейнов», что составит в общей сложности 440 истребителей, если ваши летчики смогут их эффективно использовать. Это будут 8—12-пулеметные «Харрикейны», которые, как мы убедились, смертоносны в бою. Мы могли бы послать в Архангельск 100 штук сейчас и вскоре после этого еще две партии по 50 самолетов вместе с механиками, инструкторами, запасными частями и снаряжением. Пока же можно было бы организовать ознакомление ваших летчиков и механиков с новым типом самолетов, если вы отправите их в авиационные эскадрильи в Мурманск. Если вы сочтете это полезным, то будут отданы соответствующие распоряжения и через нашу военную авиационную миссию будет передана по телеграфу полная техническая инструкция.

2. Весть о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма отрадна. Целью нашего вступления в Персию была не столько охрана нефтяных промыслов, сколько обеспечение еще одной сквозной коммуникации с вашей страной — такой коммуникации, которую нельзя перерезать. С этой целью мы должны усовершенствовать железную дорогу от Персидского залива к Каспийскому морю и обеспечить ее бесперебойную работу армированным железнодорожным материалом из Индии. Министр иностранных дел передал Майскому для вас те условия, которые мы хотели бы поставить персидскому правительству, с тем чтобы иметь в лице персов дружественный народ и не быть вынужденными тратить несколько дивизий только для охраны железнодорожных путей. Продовольствие посылается из Индии, и, если персы согласятся на поставленные условия, мы возобновим концессионные платежи за нефтеразработки, которые мы сейчас должны шаху. Мы дадим распоряжение нашим авангардным частям ускорить свое продвижение и соединиться с вашими войсками в том пункте, который установят командующие, где-нибудь между Хабаданом и Казвином. Будет хорошо, если мир узнает, что английские и русские войска действительно соединились. С нашей точки зрения, в данный момент лучше никому из нас не вводить в Тегеран крупные воинские части, так как мы добиваемся лишь установления прямого сообщения. Мы сооружаем крупную базу в Басре и надеемся превратить ее в хорошо оснащенный незамер-

зающий приемный порт для американских поставок, которые тогда наверняка смогут доставляться к Каспийскому морю и Поволжью.

3. Я снова должен выразить восхищение английского народа великолепными боевыми действиями русской армии и русского народа против нацистских преступников. На генерала Макфарлана произвело огромное впечатление все то, что он видел на фронте. Нам предстоит пережить очень тяжелое время, но и Гитлеру не придется приятно провести зиму, так как наши воздушные налеты будут все время усиливаться. Я был доволен очень твердым тоном того предупреждения, которое вы, ваше превосходительство, сделали Японии относительно поставок через Владивосток. Президент Рузвельт был склонен, когда я с ним виделся, занять твердую позицию в отношении дальнейшей японской агрессии как в южной, так и в северо-западной части Тихого океана, и я поспешил заявить, что мы встанем на его сторону, если начнется война. Я очень хочу сделать для Чан Кайши больше, чем мы до сих пор были в состоянии сделать. Мы не хотим войны с Японией, и я убежден, что единственный способ остановить ее — это поставить этих людей, среди которых нет единодушия и которые далеко не уверены в себе, перед перспективой столкнуться с самой могущественной комбинацией».

Вечером 4 сентября меня посетил Майский, для того чтобы передать ответ Сталина. Это было его первое личное послание после июля.

Премьер Сталин — премьер-министру

4 сентября 1941 г.

«Приношу благодарность за обещание, кроме обещанных раньше 200 самолетов-истребителей, *продать* * Советскому Союзу еще 200 истребителей. Не сомневаюсь, что советским летчикам удастся освоить их и пустить в дело.

Должен, однако, сказать, что эти самолеты, которые, как видно, могут быть пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на Восточном фронте. Они не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

Дело в том, что относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт свежих 30—34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

* Курсив мой.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда.

Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тыс. тонн алюминия к началу октября с. г. и *ежемесячную* минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом.

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной.

Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране.

Советский Союз, так же как и Англия, не хочет войны с Японией. Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск.

Наконец, разрешите принести благодарность за выраженное Вами чувство восхищения действиями советских войск, ведущих кровопролитную войну с разбойничьими ордами гитлеровцев за наше общее освободительное дело».

* * *

Советский посол, которого сопровождал Иден, беседовал со мной полтора часа. Он с горечью подчеркнул, что в течение последних одиннадцати недель Россия фактически одна выносит на своих плечах всю тяжесть немецкого натиска. Русские армии отражают нападение невиданных масштабов. Он сказал, что он не хотел бы прибегать к драматическим выражениям, но что это может явиться поворотным пунктом истории. Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть

войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился. Я сказал послу, которого я знал много лет: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас». Так как я разгорячился, говоря об этом, то посол воскликнул: «Пожалуйста, спокойнее, мой дорогой г-н Черчилль». Но после этого его тон заметно изменился.

Дальнейшая часть нашей беседы была посвящена вопросам, уже затрагивавшимся в телеграфной переписке. Посол просил о немедленной высадке на побережье Франции или Нидерландов. Я изложил те военные соображения, по которым это было невозможно, а также объяснил, что это не принесло бы облегчения России. Я сказал, что провел сегодня пять часов, изучая вместе с нашими специалистами способы значительного увеличения пропускной способности Трансперсидской железной дороги. Я говорил о миссии Бивербрука — Гарримана и о нашем решении предоставить все материалы, которые мы сможем выделить или доставить. Наконец, мы с Иденом сказали ему, что мы со своей стороны готовы дать финнам ясно понять, что мы объявим им войну, если они продвинутся в Россию далее своих границ 1918 года.

Майский не мог, разумеется, отказаться от своего призыва о немедленном открытии второго фронта, и дальнейшие споры по этому поводу были бесполезны.

* * *

Я немедленно проконсультировался с кабинетом по поводу вопросов, затронутых в этой беседе и в послании Сталина, и в тот же вечер отправил ответ:

Премьер-министр — Сталину

4 сентября 1941 г.

«1. Отвечаю немедленно в духе вашего послания. Хотя мы не должны бояться никаких усилий, но на самом деле, за исключением действий в воздухе, Англия не имеет возможности предпринять какие-либо действия на Западе, которые оттянули бы германские войска с Востока до наступления зимы. Нет никакой надежды на открытие второго фронта на Балканах без помощи Турции. Я могу, если вы пожелаете, ваше превосходительство, изложить все те причины, на основании которых наши начальники штабов пришли к этим заключениям. Эти причины сегодня уже обсуждались с вашим послом на совещании с участием министра иностранных дел и начальников штабов. Как бы хорошо ни была задумана операция, но, если она приведет лишь к дорогостоящему провалу, это будет на руку только Гитлеру.

2. На основании имеющихся сведений у меня создалось впечатление, что кульминационный момент германского наступления уже миновал и что зима даст передышку вашим героическим армиям. Однако это только мое личное мнение.

3. Относительно поставок. Нам хорошо известно, какие тяжелые потери понесла русская промышленность, и мы прилагаем и будем прилагать все усилия для оказания вам помощи. Я телеграфирую президенту Рузвельту, чтобы он ускорил прибытие в Лондон миссии Гарримана, и мы попытаемся еще до начала Московской конференции сообщить вам количество самолетов и танков, которые мы сможем сообща обещать посылать вам ежемесячно наряду с поставками каучука, алюминия, тканей и т. п. Мы со своей стороны готовы послать вам *из продукции английской промышленности* половину того ежемесячного количества самолетов и танков, которое вы просите. Мы надеемся, что Соединенные Штаты выполнят другую половину ваших заявок. Мы приложим все усилия, чтобы немедленно приступить к отправке вам большого количества снаряжения.

4. Мы уже отдали распоряжения об обеспечении Персидской железной дороги подвижным составом, чтобы увеличить ее нынешнюю пропускную способность, равную двум поездам в день в обе стороны, до ее полной мощности, то есть до 12 поездов в день в обе стороны. Это будет достигнуто к весне 1942 года, а до тех пор положение будет постепенно улучшаться. Паровозы и подвижной состав приходится отправлять из Англии вокруг мыса Доброй Надежды после их переделки на дизели. Кроме того, необходимо обеспечить водоснабжение вдоль железной дороги. Первые 48 паровозов и 400 стальных платформ вот-вот будут отправлены.

5. Мы готовы теперь же разработать общие планы совместно с вами. Будут ли английские армии достаточно сильны, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 году, зависит от обстоятельств, которые невозможно предусмотреть. Однако, может быть, удастся помочь вам на Крайнем Севере, когда там станет более темно. Мы надеемся увеличить наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек до конца нынешнего года, а затем к лету 1942 года — до миллиона. Как только будут уничтожены германо-итальянские войска в Ливии, все наши войска могут быть использованы на вашем южном фланге, и есть надежда побудить Турцию соблюдать, по крайней мере, честный нейтралитет. А до тех пор мы будем продолжать бомбить Германию с воздуха со все возрастающей ожесточенностью и будем стараться сохранить наши морские коммуникации и свою жизнь.

6. В первом абзаце своего письма вы употребили слово «продать». Мы никогда не смотрели на это с такой точки зрения и не думали о плате. Будет лучше, если любая помощь, которую мы сможем вам оказать, будет иметь в своей основе тот же дух товарищества, что и американский закон о ленд-лизе, осуществление которого не фиксируется в виде каких-либо официальных денежных счетов.

7. Мы готовы оказать любое давление на Финляндию, которое в наших силах, включая немедленное уведомление ее о том, что мы объявим ей войну, если она перейдет за свои прежние границы. Мы также просим Соединенные Штаты предпринять всевозможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию».

Я считал все это настолько важным, что одновременно, находясь еще под свежим впечатлением, отправил следующую телеграмму президенту:

Бывший военный моряк —
президенту Рузвельту

5 сентября 1941 г.

«Советский посол вручил вчера вечером мне и Идену прилагаемое послание и в туманных выражениях говорил о серьезности положения и о том переломном значении, которое будет иметь наш ответ. Хотя ничто из сказанного им не дает повода для такого предположения, мы не могли избавиться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире. Кабинет счел целесообразным послать прилагаемый ответ. Надеюсь, вы не будете возражать против нашего упоминания о возможной американской помощи. Я чувствую, что этот момент может оказаться решающим. Мы можем сделать только то, что в наших силах.

С наилучшими пожеланиями...»

Наш посол в Москве, вполне естественно, в самых сильных выражениях поддержал советский призыв. Ему я также послал ответ, который, как я полагал, должен был вооружить его аргументами на будущее.

Премьер-министр —
сэру Стаффорду Криппсу

5 сентября 1941 г.

«1. Если бы было возможно произвести какую-либо успешную диверсию на французском или на нидерландском побережье, которая вынудила бы немцев отозвать войска из России, то мы отдали бы об этом приказ, не считаясь с самыми тяжелыми потерями. Все наши генералы убеждены в том, что это кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придется оставить. Побережье Франции укреплено до предела, и *у немцев до сих пор еще больше дивизий на Западе, чем у нас в Великобритании* *, причем они располагают сильной поддержкой с воздуха. У нас нет такого количества судов, которое необходимо для переброски большой армии на Европейский континент, если только мы не растянем эту переброску на много месяцев. Отвлечение наших флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы наше судоходство в Атлантическом океане. Это могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику и к голоду и гибели Британских островов. Ничто из того, что мы можем сделать сейчас или могли бы сделать в прошлом, не могло бы повлиять на борьбу, ведущуюся на Восточном фронте. Начиная с первого дня германского нападения на Россию, я непрестанно требовал

* Курсив мой.

от начальников штабов, чтобы они изучили всевозможные виды операций. Они единодушно придерживаются тех взглядов, которые я изложил здесь.

2. Когда Сталин говорит о фронте на Балканах, вы должны помнить о том, что даже при имевшемся у нас тогда на Средиземном море количестве судов нам потребовалось семь недель для переброски в Грецию двух дивизий и одной бронетанковой бригады и что с тех пор, как нас вытеснили оттуда, все греческие, а также многие из островных аэродромов были заняты немецкой и итальянской авиацией и совершенно недосягаемы для наших истребителей прикрытия. Я удивлен, что забыты потери, понесенные нашим торговым и военным флотом при эвакуации из Греции и с Крита. Сейчас мы находимся в гораздо худших условиях, чем тогда, а наши военно-морские силы уменьшились.

3. Когда вы говорите о «сверхчеловеческих усилиях», то вы подразумеваете, как я полагаю, такие усилия, которые преодолевают пространство, время и географию. К сожалению, мы всем этим не располагаем.

4. Положение на Западе было бы совершенно иным, если бы существовал французский фронт, так как я не сомневаюсь, что в этом случае вторжение в Россию было бы невозможно ввиду тех мощных контратак, которые могли бы быть немедленно предприняты. Не хочется отвечать упреками на упреки, но ведь не мы виноваты, что Гитлер получил возможность разбить Польшу, прежде чем бросить свои войска на Францию, и разбить Францию, прежде чем бросить их на Россию.

5. 440 самолетов-истребителей, которые мы взяли из наших серьезно уменьшившихся резервов, конечно, немного в сравнении с потерями, понесенными русской авиацией. Однако для нас это мучительная и опасная жертва. Налеты английской авиации продолжаются днем и ночью с максимальным для нас напряжением, а тот факт, что воздушные бои над побережьем Франции не дают перевеса ни той, ни другой стороне, свидетельствует о том, что немцы еще располагают на Западе значительными военно-воздушными силами.

6. Ничто из того, что мы могли бы сделать сейчас или в прошлом, не могло бы повлиять на ужасное сражение, происходящее на русском фронте. Еще можно договориться о подготовке к кампании 1942 года. Путь, который удалось установить через Персию, будет использоваться до предела, и все, что можно взять и отправить из английских ресурсов и из тех американских ресурсов, которые в противном случае попали бы в Англию, будет отправлено как можно скорее. Я настоятельно прошу президента Рузвельта прислать сюда Гарримана как можно раньше, с тем чтобы русские знали, на какую помощь они могут рассчитывать в 1942 году для возмещения потерь, понесенных их военной промышленностью, и соответственно могли составить свои планы. Я отправляю сегодня ответ на телеграмму Сталина, а настоящее послание предназначается исключительно для вашего собственного руководства. Я вполне понимаю чувства, которые вы испытываете, наблюдая вблизи агонию России, но ни сочувствие, ни эмоции не могут опровергнуть те факты, которым нам приходится смотреть в лицо».

15 сентября я получил еще одну телеграмму от Сталина:

Премьер Сталин —
премьер-министру Черчиллю

15 сентября 1941 г.

«Я изложил в своем последнем послании мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25—30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Прямо-таки невероятно, что глава русского правительства, пользующийся советами своих военных специалистов, мог договориться до такого абсурда. Безнадежно было спорить с человеком, мышление которого было совершенно оторвано от реальности. Он продолжал:

«Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что Английское Правительство получит немало случаев убедиться в том, что Правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника.

Два слова о записке Посла Великобритании в Москве г-на Криппса, переданной В. М. Молотову 12 сентября 1941 года. В этой записке сказано: «В случае, если Советское Правительство будет вынуждено уничтожить свои военно-морские суда в Ленинграде, чтобы предотвратить переход этих судов в руки неприятеля, Правительство Его Величества признает требование Советского Правительства после войны об участии Правительства Его Величества в замене уничтоженных таким образом судов».

Советское Правительство понимает и ценит готовность Английского Правительства возместить частично ущерб, который будет нанесен Советскому Союзу в случае уничтожения советских кораблей в Ленинграде. Не может быть сомнения, что в случае необходимости советские корабли в Ленинграде действительно будут уничтожены советскими людьми. Но за этот ущерб несет ответственность не Англия, а Германия. Я думаю поэтому, что ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии».

Я отправил иа это послание самый лучший ответ, какой только мог.

Премьер-министр — Сталину

17 сеитября 1941 г.

«1. Очень благодарен за ваше послание. Миссия Гарримаиа прибыла в полном составе, и ее члены работают целыми днями с Бивербруком и его коллегами. Их целью является изучеиие всех имеющихся ресурсов, с тем чтобы выработать совместно с вами определеиную программу ежемесячных поставок всеми доступиыми путями и, таким образом, по возможиости помочь возместить ущерб, поиесеиный вашей воеииой промышленностью. Президеит Рузвельт полагает, что этот плаи должеи быть рассчитаи до конца июня, но, разумеется, мы будем с вами до победы. Я иадеюсь, что коифереиция сможет открыться в Москве 25-го числа сего месяца, ио ие следует публиковать сообщеиия об этом, пока все благополучио не соберутся. О маршрутах и способах передвижения будет сообщеио позже.

2. Я придаю огромное значение открытию прямого сообщения от Персидского залива к Каспийскому морю ие только по железиой дороге, ио и по огромной автостраде, для сооружения которой мы иадеемся воспользоваться американской энергией и организаторскими способиостями. Лорд Бивербрук сможет разъяснить весь плаи поставок и траиспортировки; он иаходится в самых дружеских отношеииях с Гарримаиом.

3. Наши штабы изучили все предполагаемые театры, на которых мы могли бы установить воеиное сотрудничество с вами. Наиболее благоприятиые возможиости, несомиенно, представляются иа двух флаигах — северном и южиом. Если бы мы могли успешио выступить в Норвегии, это оказало бы сильиейшее влияиие иа позицию Швеции, ио в настоящий момент у иас иет для этого ии войск, ни судов. Что касается Юга, то там огромную ценность представляет Турция; если бы мы могли привлечь Турцию на свою сторону, то в иашем распоряжеиии была бы еще одиа сильиая армия. Турция хотела бы выступить на иашей староие, ио она боится, и ие без осиований. Возможио, что иа турок окажет решающее влияние обещание об отправке значительиых аиглийских войск и большого количества техиических материалов, которых им не хватает. Мы рассмотрим совместио с вами любые другие виды эффективиой помощи, так как наша осиовиая цель — скоицентрировать максимальиые силы против общего врага.

4. Я вполне согласеи с вами, что русский флот должеи в первую очередь пополниться за счет Германии. В результате победы мы, иесомнеино, будем в состояиии распоряжаться крупиыми иемецкими и итальяискими военными кораблями, а оии, с нашей точки зрения, иаиболее пригодны для возмещения потерь русского флота».

25 октября я отправил ответ послу по поводу фаитастических предложений о высадке 25—30 английских дивизий в Архангельске или в Басре.

Премьер-министр —
сэру Стаффорду Криппсу (Москва)

25 октября 1941 г.

«1. Вы были, разумеется, вполие правы, заявив, что мысль об отправке «25—30 дивизий для того, чтобы оии сражались иа русском фронте»,

с практической точки зрения является сущей бессмыслицей. Потребовалось восемь месяцев для переброски десяти дивизий во Францию через Ла-Манш, когда мы имели большое количество судов, а у немцев было мало подводных лодок. За последние шесть месяцев нам лишь с величайшими трудностями удалось отправить на Средний Восток 50-ю дивизию. Сейчас мы с помощью чрезвычайных мер отправляем 18-ю дивизию. Все наши суда полностью заняты, и все, что мы сумели бы выделить, пошло бы за счет наших жизненно важных конвоев с подкреплениями и снабжением, направляющихся на Средний Восток, или за счет тех кораблей, которые доставляют поставки в Россию. Мы с трудом поддерживаем тот уровень, который позволяет нам существовать и производить вооружение. Любые войска, которые мы сейчас отправили бы в Мурманск, были бы обречены на бездействие во время зимней тьмы и морозов.

2. Положение на южном фланге следующее: русские имеют пять дивизий в Персии, которые мы готовы сменить. Ясно, что этим дивизиям следует защищать свою собственную страну, вместо того чтобы нам загрузить до отказа одну из наших немногочисленных линий снабжения доставкой всего необходимого для наших войск на Севере. Для переброски отсюда на Кавказ или к северной части Каспийского моря двух полностью вооруженных английских дивизий потребовалось бы, по меньшей мере, три месяца. Да и тогда они оказались бы только каплей в море».

* * *

Тем временем в Лондоне закончились переговоры между Бивербруком и Гарриманом, и 22 сентября англо-американская миссия по снабжению отправилась на крейсере «Лондон» из Скапа-Флоу через Северный Ледовитый океан в Архангельск, откуда она должна была вылететь в Москву. От этой миссии зависело многое. Я снабдил лорда Бивербрука общими инструкциями, которые были одобрены моими коллегами по военному кабинету, входившими в комитет обороны... Кроме того, я дал лорду Бивербруку следующее письмо для личной передачи Сталину.

21 сентября 1941 г.

«Мой дорогой премьер-министр Сталин!

Английская и американская миссии уже отправились в путь, и это письмо будет вручено вам лордом Бивербруком. Лорд Бивербрук пользуется полным доверием кабинета и является одним из моих самых старых и самых близких друзей. Он в самых лучших отношениях с г-ном Гарриманом, этим замечательным американцем, всей душой преданным победе нашего общего дела. Они изложат вам все то, о чем мы смогли договориться в результате усиленных консультаций между Великобританией и Соединенными Штатами.

Президент Рузвельт решил, что наши предложения должны в первую очередь касаться ежемесячных поставок, которые мы будем посылать вам в течение девятимесячного периода с октября 1941 года по июнь 1942 года включительно. Вы имеете право точно знать, что мы можем поставлять каждый месяц, с тем чтобы вы могли наилучшим образом использовать ваши резервы.

Американские предложения пока не идут дальше конца июня 1942 года, но я не сомневаюсь, что обе страны после этого смогут обеспечить значи-

тельно большие ежемесячные поставки, и вы можете быть уверены, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы возместить насколько возможно тяжелый ущерб, понесенный вашей военной промышленностью из-за нацистского вторжения. Я не буду излагать заранее то, что скажет по этому вопросу лорд Бивербрук.

Вы увидите, что поставки, соответствующие установленным квотам на период до конца июня 1942 года, состоят почти исключительно из английской продукции или из той продукции, которую нам поставили бы Соединенные Штаты в счет наших собственных заказов или по закону о ленд-лизе. Соединенные Штаты решили передать нам фактически все свои предназначенные для экспорта излишки, и им не так-то легко в течение этого времени изыскать соответствующие новые источники поставок. Я надеюсь, что промышленному производству Соединенных Штатов будет дан новый сильный толчок и что к 1943 году могучая американская промышленность будет работать на полную мощность, как того требуют условия военного времени. Мы со своей стороны не только будем вносить все более значительные вклады из нашей предусмотренной планом продукции, но также попытаемся добиться, чтобы наш народ еще больше напряг свои усилия для удовлетворения наших общих нужд. Вы, однако, понимаете, что наша армия и то снабжение, которое для нее было запланировано, составляют, вероятно, всего одну пятую или одну шестую вашей или немецкой армии. Первейшей необходимостью для нас и нашей первейшей обязанностью является поддерживать судоходство на морях, и наша вторая обязанность — достичь решительного превосходства в воздухе. Для достижения этих целей в первую очередь направляются людские ресурсы 44-миллионного населения Британских островов. Мы не можем надеяться когда-либо иметь такую же армию или такую же военную промышленность, как великие континентальные военные державы. Тем не менее мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам.

Генерал Исмей является моим личным представителем в комитете начальников штабов и детально знаком с нашей военной политикой во всем ее объеме. Он уполномочен рассмотреть вместе с вашими командующими любые планы практического сотрудничества, которые могут возникнуть.

Если нам удастся очистить от противника наш западный фланг в Ливии, у нас будут значительные силы, как воздушные, так и сухопутные, для взаимодействия с вами на южном фланге русского фронта.

Мне кажется, что, если бы удалось побудить Турцию отклонить немецкие требования о пропуске войск или, что еще лучше, если бы она вступила в войну на нашей стороне, это явилось бы наиболее быстрой и эффективной помощью вам. Я убежден, что вы поймете все значение этого.

Я всегда разделял вашу симпатию к китайскому народу, ведущему борьбу в защиту своей родной земли от японской агрессии. Мы, естественно, не хотим, чтобы Япония тоже выступила на стороне наших врагов, и позиция Соединенных Штатов, явившаяся результатом моего совещания с президентом Рузвельтом, уже заставила японское правительство более трезво смотреть на вещи. Я поспешил заявить от имени правительства Его Величества, что если Соединенные Штаты окажутся вовлеченными в войну с Японией, то Великобритания немедленно станет на их сторону. Я думаю, что наши три страны должны по мере возможности продолжать

оказывать помощь Китаю и что мы можем в этом отношении зайти довольно далеко, не провоцируя японцев на объявление войны.

Нет сомнения, что перед нашими народами лежит длительный период борьбы и страданий. Но я питаю большие надежды на то, что Соединенные Штаты вступят в войну в качестве воюющей державы, а в этом случае — я не сомневаюсь — нам понадобится только запастись терпением для того, чтобы победить.

Я надеюсь, что по мере продолжения войны широкие народные массы Британской империи, Советского Союза, Соединенных Штатов и Китая, которые составляют две трети всего человечества, будут выступать плечо к плечу против своих притеснителей, и я убежден, что тот путь, по которому они идут, приведет к победе.

С самыми сердечными пожеланиями успеха русским армиям и гибели нацистских тиранов, остаюсь, верьте мне,

искренне ваш

Уинстон С. Черчилль».

28 сентября наша миссия прибыла в Москву. Ее приняли холодно, и совещания проходили отнюдь не в дружественной атмосфере. Можно было подумать, что мы были виноваты в том тяжелом положении, в котором сейчас очутился Советский Союз. Советские генералы и должностные лица не давали никакой информации своим американским и английским коллегам. Они даже не сообщили им, на какой основе были исчислены потребности русских в наших драгоценных военных материалах. Членам миссии не было оказано никакого официального приема почти до последнего вечера, когда их пригласили на обед в Кремль. Не следует думать, что подобные встречи между людьми, занятыми самыми серьезными делами, не могут помочь ходу дела. Наоборот, неофициальный обмен мнениями создает ту атмосферу, которая позволяет достичь соглашения. Но сейчас подобного настроения почти не чувствовалось, и можно было подумать, что это мы приехали просить об одолжении.

Для того чтобы оживить это повествование, можно привести один случай, который рассказал генерал Исмей в апокрифической и довольно занятной форме. Его ординарцу, солдату морской пехоты, показывал Москву один из гидов Интуриста. «Это,— сказал русский,— отель Идена, бывший отель Риббентропа. А это улица Черчилля, бывшая улица Гитлера. А вот вокзал имени Бивербрука, бывший вокзал имени Геринга. Не хотите ли закурить, товарищ?» Солдат ответил: «Спасибо, товарищ, бывшая сволочь!» Этот рассказ, хотя и шутливый, тем не менее иллюстрирует ту странную атмосферу, в которой проходили эти заседания. <...>

* * *

В конце концов в Москве было достигнуто дружественное соглашение. Был подписан протокол, устанавливающий размеры поставок, которые Великобритания и Соединенные Штаты смогут выделить России в период с октября 1941 по июль 1942 года. Это влекло за собой значительное нарушение наших военных планов, осуществление которых и без того уже было значительно затруднено из-за мучительного недостатка вооружения. Вся тяжесть пала на нас, потому что мы должны были не только отдавать свою

собственную продукцию, но также обходиться без наиболее важного вооружения, которое американцы при других обстоятельствах послали бы нам. Ни американцы, ни мы не давали никаких обещаний относительно транспортировки этих поставок по трудным и опасным океанским и арктическим путям. Ввиду оскорбительных упреков, которые сделал Сталин, когда мы сказали, что конвоям не следует отплывать до тех пор, пока не сойдет лед, надо отметить, что мы гарантировали только то, что материалы будут «предоставлены Англией и Соединенными Штатами в местах их производства». Преамбула протокола заканчивалась словами: «Великобритания и Соединенные Штаты окажут помощь в перевозке этих материалов в Советский Союз и помогут осуществить их доставку».

4 октября лорд Бивербрук телеграфировал мне:

Лорд Бивербрук (из Москвы) —
премьер-министру

4 октября 1941 г.

«Результатом этого соглашения был огромный подъем духа в Москве. Поддержание его будет зависеть от доставки обещанных материалов...

Я не считаю, что военное положение здесь будет устойчивым в течение зимних месяцев. Но я полагаю, что твердость духа может сделать его устойчивым».

Мы отдавали свои сокровища, и их брали те, кто боролся за свою жизнь.

Премьер-министр —
лорду Бивербруку (Москва)

3 октября 1941 г.

«Шлю самые сердечные поздравления вам и всем остальным. Единство и достигнутый вами успех имеют огромное значение. Никто, кроме вас, не смог бы этого добиться. Теперь возвращайтесь домой и сделайте (несколько слов не расшифровано) дело. Мы здесь не можем предаваться оптимизму».

Премьер-министр —
лорду Бивербруку (находящемуся в море)

6 октября 1941 г.

«Мы не потеряли ни часа, стараясь оправдать ваши обещания. Я послал Сталину следующую телеграмму:

Премьер-министр — премьеру Сталину

6 октября 1941 г.

«1. Я был рад узнать от лорда Бивербрука об успехе конференции трех держав в Москве. Bis dat qui cito dat *. Мы собираемся отправлять вам конвои судов непрерывной вереницей через каждые 10 дней. В настоящее

* «Дает вдвое тот, кто дает быстро» (лат. пословица).— *Прим. перев.*

время находятся в пути и должны прибыть в Архангельск 12 октября: 20 тяжелых танков, 193 истребителя (дооктябрьская квота).

12 октября отправляются и прибудут 29 октября: 140 тяжелых танков; 100 «Харрикейнов»; 200 бронетранспортеров «Брен»; 200 противотанковых ружей и боеприпасы к ним; 50 двухфунтовых пушек и боеприпасы к ним.

22 октября будет отправлено: 200 истребителей, 120 тяжелых танков.

Перечисленное выше составляет полную октябрьскую квоту поставок самолетов, а к 6 ноября в Россию прибудет еще 280 танков. Октябрьская квота бронетранспортеров «Брен», противотанковых ружей и двухфунтовых противотанковых пушек прибудет полностью в октябре. 20 танков отправлено через Персию, а 15 должны отправиться из Канады через Владивосток. Общее количество отправленных танков составит, таким образом, 315, то есть до полной нормы будет не хватать 19 машин. Это количество будет компенсировано в ноябре. В вышеизложенной программе не учитываются поставки из Соединенных Штатов.

2. Организуя этот регулярный цикл конвоев, мы рассчитываем на Архангельск как на основную разгрузочную базу. Я надеюсь, что эта работа уже ведется. Шлю добрые пожелания».

Хотя генерал Исмей имел все полномочия и был достаточно компетентен для обсуждения и разъяснения советским руководителям военного положения во всех его вариантах, Бивербрук и Гарриман решили не усложнять своей задачи вопросами, по которым не могло быть достигнуто соглашения. Поэтому переговоры на эту тему в Москве не велись. Неофициально русские продолжали требовать немедленного открытия второго фронта и, казалось, оставались совершенно глухи ко всем доводам, доказывавшим его невозможность. Оправданием их являлись страдания, которые они переживали. В основном все это приходилось выносить нашему послу.

Была уже поздняя осень. 2 октября центральная группа армий фон Бока возобновила наступление на Москву. Две ее армии двигались прямо на столицу с юго-запада, а с обоих флангов угрожала охватом танковая группа. 8 октября был занят Орел, а через неделю Калинин — на железной дороге Москва — Ленинград. Ввиду опасности для своих флангов и испытывая сильное давление наступающих немцев в центре, маршал Тимошенко отвел свои войска на линию в 40 милях к западу от Москвы, где он снова приготовился к бою. Положение русских в этот момент было крайне тяжелым. Советское правительство, дипломатический корпус и вся промышленность, которую можно было перебросить, были эвакуированы из города на 500 миль восточнее, в Куйбышев. 19 октября Сталин объявил в Москве осадное положение и издал приказ: «Москва будет защищаться до последнего». Его приказы неуклонно выполнялись. Хотя танковая группа Гудериана, наступавшая из Орла, достигла Тулы, хотя Москва была на три четверти окружена и подвергалась бомбардировкам с воздуха, конец октября был отмечен заметным усилением сопротивления русских и явным прекращением дальнейшего продвижения немцев.

* * *

Я продолжал поддерживать нашего посла в тех многочисленных нспытаниях н трудностях, которые ему приходилось выноснть, выполняя в одиночестве свою тяжелую задачу.

Премьер-министр —
сэру Стаффорду Криппсу (Куйбышев)

28 октября 1941 г.

«1. Я вполне сочувствую вашему трудному положенню, а также Росснн в ее страданнях. Они, несомненно, не имеют права упрекать нас. Они сами подписалн свой приговор, когда, заключив пакт с Риббентропом, дали возможность Гнтлеру наброситься на Польшу и этим развязали войну. Они лишнли себя эффективного второго фронта, когда допустили уничтоженне французской армии. Еслн бы до 22 июня онн заранее проконсультировались с нами, можно было бы принять ряд мер для того, чтобы раньше оказать ту огромную помощь вооружением, которую мы сейчас предоставляем им. Однако до нападения на них Гнтлера мы не зналн, будут ли онн сражаться, и еслн будут, то на чьей стороне. Мы оставались в одиночестве в течение целого года, и все это время каждый коммунист в Англии по приказам из Москвы всячески старался мешать нашим военным усилням. Еслн бы мы подверглись вторжению и были уничтожены в июле или августе 1941 года или умерли от голода в этом году во время бнтвы за Атлантику, они отнеслись бы к этому совершенно безразлично. Если бы онн выступнлн, когда немцы напали на Балканы, многое можно было бы сделать, но онн предоставнли Гнтлеру выбирать по своему усмотрению время и противников. То, что правительство с подобным прошлым обвнняет нас в попытке завоевання территорий в Африке или в том, что мы стараемся получить преимущества в Перснн за их счет или что мы готовы «сражаться до последнего русского солдата», на меня совершенно не действует. Если они питают какне-лнбо подозрения в отношении нас, то только потому, что в душе они сознают свою вину и упрекают себя.

2. Мы действовали совершенно честно. Мы сделали все, что могли, чтобы помочь им, идя на нарушение своих собственных планов вооружения и подвергая себя огромному риску предстоящей весной, когда наступит благоприятный для вторжения период. Мы н в дальнейшем будем прнннмать любые разумные меры, которые только будут в наших снлах. Но было бы глупо посылать в внде символической жертвы две или три английские или англо-нндийские дивнзии в глубь Россин для того, чтобы их окружили и искрошнли там. У Росснн никогда не было недостатка в людских ресурсах, и сейчас у нее нмеются миллионы обученных солдат, для которых требуется современное вооружение. Это современное вооружение мы посылаем и будем посылать, используя в максимальной степенн пропускную способность портов и линий коммуникаций.

3. В блнжайшее время мы сами предпримем боевые операции в соответствнн с заранее разработанными планами, отказываться от которых было бы безумием. Мы предложили сменить пять русскнх днвизий в Северной Персин. Это можно было бы осуществнть с помощью нндийских войск, которые в состоянии поддерживать внутренний порядок, но не имеют сна-

ряжения для того, чтобы противостоять немцам. Я сожалею, что Молотов отклонил мысль о посылке наших небольших сил на Кавказ. Мы делаем все что можем, чтобы сохранить дружественный нейтралитет Турции и помешать ей поддаться на немецкие посулы территориальных приобретений за счет России. Мы, естественно, не ждем благодарности от людей, которые испытывают такие ужасные удары и так мужественно сражаются, но нас не должны огорчать и их упреки. Разумеется, вам нет смысла растравлять этими горькими истинами раны русских, но я рассчитываю, что вы сделаете все, что в ваших силах, чтобы убедить русских в верности, честности и мужестве британской нации.

4. Я не думаю, что есть какой-либо смысл вам и Макфарлану (глава нашей военной миссии в России) лететь сейчас на родину. Я могу повторить только то, что сказал здесь, и надеюсь, мне никогда не придется говорить об этом деле публично. Я убежден, что ваш долг — оставаться с этим народом в час его тяжелых испытаний, из которых он еще, может быть, выйдет победителем. Сейчас Гитлер может в любой день прекратить наступление на Востоке и бросить свои силы против нас».

Здесь мы пока́ можем прекратить дальнейшее изложение драмы Гитлера — Сталина. Зима теперь прикрыла своим щитом русские армии. <...>

Более тесные связи с Россией. Осень и зима 1941 года

Два обстоятельства определяли теперь наши отношения с Советским Союзом. Первым был неопределенный, неудовлетворительный ход наших консультаций по военным вопросам, вторым — требование русских о разрыве наших отношений с сателлитами держав «оси» — Финляндией, Венгрией и Румынией. Как мы видели, во время совещаний, состоявшихся незадолго перед тем в Москве, в первом направлении было мало что сделано.

1 ноября я послал по этому поводу следующую служебную записку министру иностранных дел:

Премьер-министр —
министру иностранных дел

1 ноября 1941 г.

«Я не знал, что мы когда-либо придерживались той точки зрения, что консультации по военным вопросам не нужны. Разве мы, напротив, не говорили им совершенно определенно, что хотим консультироваться по военным вопросам? Я написал для руководства лорда Бивербрука документ, касавшийся исключительно военного положения вне всякой связи с вопросом о снабжении. Генерал Исмей был послан в Россию, чтобы начать обсуждение военных вопросов. В сущности это ничего не могло изменить, так как в настоящий момент нельзя предпринять никаких серьезных практических шагов. Он мог бы объяснить с фактами и цифрами в руках, насколько глупым и практически неосуществимым было предложение, чтобы мы послали на русский фронт «25—30 дивизий». Он мог бы указать, что

переброска даже двух-трех дивизий в любой конец русского фронта загрузила бы коммуникации, нужные для поставки грузов в Россию. С другой стороны, я не понимаю, почему этот вопрос не обсуждался в тот или иной момент во время совещания. Лорд Бивербрук и Сталин, несомненно, касались военной проблемы.

Генерал Уэйвелл уже побывал в Тифлисе и не нашел там никого, уполномоченного переговорить с ним. Он хорошо говорит по-русски, и ему, возможно, следовало бы съездить в Москву. В течение многих месяцев мы могли бы выступить только на южном фланге.

Так или иначе, необходимо выяснить факты.

P. S. Вам следует ознакомиться с только что полученной от Уэйвелла телеграммой, показывающей, что размещение в Тавризе или севернее его хотя бы двух дивизий полностью закупорит Трансперсидскую железную дорогу».

Я считал, что, если только удастся наладить военные консультации, проблему совместных операций можно будет обсудить трезво, избежав при этом каких-либо недоразумений. Неудовлетворительный характер создавшегося положения ясен из следующей моей служебной записки:

Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов

5 ноября 1941 г.

«1. Мы не знаем, ни когда немцы придут на Кавказ, ни сколько времени пройдет, прежде чем они подойдут к горному барьеру. Мы не знаем, что сделают русские, какое количество войск они используют или как долго они будут оказывать сопротивление. Совершенно ясно, что, если немцы будут сильно нажимать, ни 50-я, ни 18-я английские дивизии не поспеют на место вовремя. Нас связывает задержка с операцией «Крусейдер» *, и в настоящий момент невозможно заглядывать дальше этого. Я совсем не уверен, что немцам не дадут занять бакинские нефтепромыслы или что русские эффективно разрушат эти промыслы. Русские ничего не говорят нам и с большой подозрительностью относятся ко всяким нашим расспросам по этому поводу.

2. Единственное, что мы можем сделать,— это разместить в Северной Персии четыре-пять эскадрилий тяжелых бомбардировщиков, чтобы помочь русским в обороне Кавказа, если это окажется возможным, или же, если случится худшее, эффективно бомбить бакинские нефтепромыслы и постараться сжечь их. Этим эскадрильям, конечно, потребуется прикрытие истребителей. Ни бомбардировщики, ни истребители нельзя предоставить, пока не закончится «Крусейдер» и пока мы не сможем судить о последствиях этой операции. Нужно, однако, составить план, основанный на переброске крупных воздушных сил из Ливии в Персию, чтобы как можно дольше не подпускать врага к нефтепромыслам. Прошу вас сделать это в течение следующей недели, чтобы мы знали, что для этого требуется. Нельзя предугадать, как долго русские сохранят свое господство на Черном море, хотя с их силами было бы непростительно потерять его».

---

* Операция в Западной пустыне, ноябрь 1941 года.— *Прим. перев.*

* * *

Как мы видели, вопрос о разрыве нами отношений с Финляндией был впервые поднят Майским в его беседе со мной 4 сентября. Я знал, что русские придерживаются совершенно определенной точки зрения на этот счет. Финны воспользовались нападением Германии на Россию, чтобы возобновить в июле 1941 года военные действия на Карельском фронте. Они надеялись вернуть территории, которых они лишились по Московскому договору в предыдущем году. Их военные операции осенью 1941 года представляли серьезную угрозу не только для Ленинграда, но также и для линий снабжения из Мурманска и Архангельска к русско-германскому фронту. Начиная с августа и американское правительство, и мы сами в суровых выражениях предостерегали финнов насчет возможных последствий такого положения. Финны заявляли, что нуждаются в спорной провинции Восточной Карелии для обеспечения своей собственной безопасности от России, и события двух предыдущих лет подкрепляли их точку зрения. Однако теперь, когда Россия вела с Германией войну не на жизнь, а на смерть, союзники явно не могли допустить, чтобы Финляндия, действуя как сателлит Германии, перерезала главные северные линии коммуникаций России с Западом.

Положение Румынии было аналогично положению Финляндии. В июне 1940 года русские оккупировали румынскую провинцию Бессарабию, приобретя тем самым контроль над устьем Дуная. Теперь под руководством маршала Антонеску и в союзе с Германией румынские армии не только снова заняли Бессарабию, но и глубоко вклинились в черноморские области России, подобно тому как финны делали это в Восточной Карелии. Венгры, занимавшие ключевую позицию на коммуникациях Центральной и Юго-Восточной Европы, также оказывали прямую помощь военным усилиям Германии.

Но я отнюдь не был уверен в том, что объявление войны будет правильным выходом из положения. Оставалась еще возможность, что под нажимом Соединенных Штатов и Великобритании Финляндия согласится на справедливые и разумные мирные условия. Во всяком случае, что касается Румынии, были все основания считать, что диктаторский режим Антонеску не вечен. Поэтому я решил снова поставить перед маршалом Сталиным вопрос о военном планировании и сотрудничестве и о том, чтобы избежать объявления войны этим сателлитам держав «оси». <...>

* * *

Ввиду настойчивой просьбы Сталина было решено принять меры к вручению финнам, а также Румынии и Венгрии ультиматума, ограниченного определенным сроком. Как показывают нижеприведенные памятные записки, я шел на это с большой неохотой.

Премьер-министр —
министру иностранных дел

28 ноября 1941 г.

«Вы, видимо, считаете решенным, что война всем трем державам (Финляндии, Румынии и Венгрии) будет объявлена 3 декабря. Я не хотел, чтобы такое решение было принято, пока мы не будем знать, как поступит Фин-

ляндия. К тому же, 3-е — слишком близкая дата. 5-го истекают две недели с того момента, как я отправил свою телеграмму Сталину. Я только сегодня вечером посылаю телеграмму Маннергейму. Мы должны дать ему достаточно времени для ответа.

Я не изменил своего мнения относительно неразумности этой меры и все еще надеюсь, что финны уйдут. Я не знал, что этот шаг будет предпринят при подобных обстоятельствах».

Премьер-министр —
министру иностранных дел

29 ноября 1941 г.

«Относительно Финляндии и К°. Я не хочу быть ограниченным в сроках, если имеется шанс, что Финляндия выйдет из большой войны. Смотрите также мою телеграмму Сталину (от 21 ноября), в которой говорится: «Если они не остановятся в ближайшие две недели *и вы все еще пожелаете, чтобы мы объявили им войну...»* Поэтому нужно придерживаться следующего образа действий: если до 5-го мы не узнаем, что финны собираются выйти из войны, или же узнаем, что они упорствуют, тогда мы телеграфируем Сталину и скажем ему, что, *«если он все еще хочет этого»*, мы тотчас объявим войну. Заявления о Румынии и Венгрии последуют также в соответствии с его пожеланиями».

* * *

В то же время я счел нужным обратиться, с ведома и согласия Советского правительства, с последним личным воззванием к финляндскому вождю фельдмаршалу Маннергейму.

Премьер-министр —
фельдмаршалу Маннергейму

29 ноября 1941 г.

«Я глубоко огорчен надвигающимися событиями, а именно тем, что через несколько дней мы будем вынуждены из чувства лояльности по отношению к нашему союзнику России объявить войну Финляндии. А уж если мы это сделаем, мы будем вести эту войну, насколько позволят обстоятельства. Ваши войска, несомненно, продвинулись достаточно далеко для обеспечения безопасности во время войны и могли бы теперь остановиться. Совершенно незачем делать какое-либо публичное заявление. Можно просто выйти из боя, прекратить военные операции, что будет вполне оправдано суровой зимой, и выйти из войны де-факто. Я был бы рад, если бы мне удалось убедить ваше превосходительство, что мы разобьем нацистов. Я чувствую себя гораздо более уверенным, чем в 1917 или 1918 году. Многочисленным друзьям вашей страны в Англии было бы очень тяжело, если бы Финляндия оказалась в одном лагере с побежденными нацистскими преступниками. Мои воспоминания о наших приятных беседах и переписке относительно прошлой войны побуждают меня послать, пока еще не поздно, для вашего рассмотрения это сугубо личное и частное послание».

2 декабря я получил ответ фельдмаршала Маннергейма:

*Фельдмаршал Маннергейм —
премьер-министру Черчиллю*

2 декабря 1941 г.

«Я имел честь получить вчера через американского посланника в Хельсинки ваше письмо от 29 ноября 1941 года, и я благодарю вас за любезность, которую вы проявили, послав это личное письмо. Вы, несомненно, поймете, что я не могу прекратить свои нынешние военные операции, пока мои войска не достигнут позиций, которые, по моему мнению, обеспечат нам требуемую безопасность. Было бы жаль, если бы эти операции, проводимые для того, чтобы оградить Финляндию, вовлекли мою страну в конфликт с Англией, и я буду глубоко огорчен, если вы сочтете себя вынужденным объявить войну Финляндии. С вашей стороны было очень любезно послать мне в эти тяжелые дни личное письмо, и я вполне оценил это».

Этот ответ показал, что Финляндия не собиралась отвести свои войска к границам 1939 года, и поэтому английское правительство начало готовиться к объявлению войны. Аналогичные меры были приняты в отношении Румынии и Венгрии.

В такой обстановке шли приготовления к поездке Идена в Москву. Идена должен был сопровождать заместитель начальника имперского генерального штаба генерал Най. Целью московских переговоров было обсуждение чисто военных, а также общих аспектов войны и, если возможно, оформление союза в виде официального письменного договора.

5 декабря я составил для министра иностранных дел общую директиву, в которой излагалась наша точка зрения на некоторые моменты военного положения. Битва в Пустыне *... была в это время уже в полном разгаре.

Премьер-министр — министру иностранных дел

5 декабря 1941 г.

«1. Затягивание военных действий в Ливии, отвлекающих столь большие силы держав «оси», вероятно, потребует от нас использования как 50-й, так и 18-й английских дивизий, которые мы надеялись выделить для обороны Кавказа или для действий на русском фронте. Поэтому в ближайшем будущем эти дивизии нельзя будет выделить. Лучший способ, каким мы можем помочь (не считая поставок),— это разместить на южном фланге русских армий сильное авиационное соединение, скажем 10 эскадрилий, которые могли бы, в частности, помогать защите русских военно-морских баз на Черном море. Эти эскадрильи будут переброшены из Ливии, как только там будет достигнут успех. Переброска аэродромного личного состава и материалов не вызовет такой загрузки Трансперсидской железной дороги, как переброска пехотных дивизий. Верховному командованию вооруженными силами на Среднем Востоке приказано разработать планы этой переброски, завершение которых будет, конечно, зависеть от того, будут ли предоставлены возможности для детальной разведки.

2. Все большее значение как для России, так и для Англии приобретает позиция Турции. Турецкая армия, состоящая из 50 дивизий, нуждается в

* Имеется в виду операция «Крусейдер».— *Прим. перев.*

поддержке авиации. Мы обещали, что предоставим Турции, если она подвергнется нападению, минимум 4 и максимум 12 эскадрилий истребителей. В этом случае мы могли бы потребовать отзыва части эскадрилий, которые предполагается послать на Южный фронт русских. Вопрос о том, как лучше всего использовать наши самолеты на обоих берегах Черного моря, и о типах этих машин должен решаться в зависимости от обстановки путем консультаций между английским и русским правительствами и штабами».

В течение этого периода острота военного кризиса на русском фронте несколько уменьшилась. Гитлер решился на еще одно большое усилие и 13 ноября издал приказы о проведении «осенней кампании», с тем чтобы занять Москву еще до конца года. Против этого плана возражали Бок и Гудериан, считавшие, что армии должны окопаться на зиму. С их мнением не посчитались. Во второй половине ноября были достигнуты некоторые небольшие успехи на флангах, но главное наступление в центре, начатое 4 декабря, полностью провалилось. Это было вызвано не только упорным сопротивлением гарнизона и жителей города, но и установившимися к этому времени сильными холодами. Автоматическое оружие не действовало. Авиационные и танковые моторы не заводились, а германские солдаты, не имевшие достаточно теплого обмундирования, сильно мерзли.

Подобно великому военному гению, прошедшему эту дорогу за сто лет до него, Гитлер теперь узнал, что такое русская зима. Он склонился перед неумолимыми фактами. Войскам было приказано отойти на более удобные линии в тылу, хотя во время отхода они должны были оказывать сопротивление любым атакам русских. Эти атаки не заставили себя ждать. Они продолжались до конца года. Германские танковые части как к югу, так и к северу от Москвы были отброшены, и наконец 31 декабря фронт стабилизировался на линии, проходившей на севере и юге в 60 милях от города, от которого немцы прежде были в 20 милях. На севере немцам также не повезло. Правда, Ленинград был полностью отрезан и осажден с юга немцами, а с севера финнами, но все штурмы были отбиты. На юге были достигнуты лучшие результаты. Рундштедт достиг Ростова и повернул на Кавказ. Здесь он слишком увлекся и был отброшен на 40 миль назад. Тем не менее он продвинулся на 500 миль. Южный промышленный район России и богатые хлебные поля Украины остались у него в тылу. Только в Крыму еще находились русские, которых нужно было выбить оттуда или уничтожить.

Таким образом, за шестимесячную кампанию немцы добились внушительных результатов и нанесли противнику потери, которых не выдержала бы никакая другая страна. Но три главных объекта, к которым они стремились,— Москва, Ленинград и нижнее течение Дона — все еще прочно находились в руках русских. Кавказ, Волга и Архангельск были еще далеко. Русская армия, отнюдь не разгромленная, сражалась лучше, чем когда-либо, и в следующем году ее численность должна была, несомненно, возрасти. Наступила зима. Затяжная война была неизбежной.

Все антинацистские государства, большие и малые, радовались первому провалу германского блицкрига. Пока германские армии вели смертельную борьбу на Востоке, угроза вторжения в Англию снималась. Никто не знал, сколько продлится эта борьба. Гитлер, во всяком случае, все еще был уверен в будущем. Многочисленные споры, которые он имел осенью со своими генералами, и тот факт, что они не осуществили его широких замыслов, при-

вели к сиятию Браухича с поста главнокомандующего. Ушел и Рундштедт. Отиыне Гитлер, уверенный в своих стратегических талаитах, взял в свои руки командоваиие армиями иа Востоке, питая большие надежды на скорый крах русских в 1942 году. <...>

Путешествие в разгар мировой войны

В этот момеит, когда столько вопросов еще оставалось иеразрешеиными, мое присутствие в Лоидоне было иеобходимо по ряду причин. Но я иикогда ие сомневался в том, что достижеиие полиого взаимопоиимаиия между Англией и Соедииеииыми Штатами имеет больше зиачения, чем что бы то ни было, и что я должен иемедлеиио отправиться в Вашингтон с самой сильной группой опытных экспертов, которая могла быть выделена для этой цели в данный момеит. Было решеио, что путешествие по воздуху в это время года в таком иебезопасиом иаправлеиии было бы для иас чересчур рисковаииым. Поэтому мы выехали 12 декабря на реку Клайд. Лиикора «Прииц Уэльский» уже не существовало. «Король Георг V» сторожил «Тирпица». Мы могли поехать иа виовь построеииом «Герцоге Йоркском», который кстати мог развить за время этого путешествия свою полную мощность. Осиовными участниками иашей группы были: члеи воеииого кабинета лорд Бивербрук, иачальник морского штаба адмирал Пауид; иачальиик штаба воеино-воздушных сил маршал авиации Портал и фельдмаршал Дилл, которого к этому времеии смеиил иа посту начальиика имперского геиерального штаба геиерал Брук. Я хотел, чтобы Брук остался в Лоидоие и вошел в курс тех сложиейших проблем, с которыми ему предстояло столкнуться. Вместо иего я пригласил поехать со миой в Вашиигтои Дилла, который все еще был в цеитре всей иашей деятельиости и пользовался всеобщим доверием и уважением. Здесь для него открывалась иовая сфера деятельиости.

Со миой поехал также сэр Чарльз Вильсои, который в 1941 году стал моим постояииым лечащим врачом. Это была его первая поездка со мной, ио впоследствии ои сопровождал меня во всех путешествиях. Я, вероятио, обязаи своей жизиью его иеустаниым заботам. Хотя мие ие удавалось убедить его следовать моим советам, когда ои сам бывал болен, а ои ие всегда мог рассчитывать на беспрекословиое исполнение миою всех его предписаиий, между иами установилась тесная дружба. Более того, мы оба остались в живых.

Мы иадеялись совершить это путешествие за семь дней, при средней скорости 20 узлов в час, учитывая, что иам придется делать миого зигзагов и крюков, чтобы избежать встречи с подводиыми лодками противника. Морское министерство иаправило нас через Ирландское море в Бискайский залив. Стояла неприятная погода. Дул штормовой ветер, и море было бурным. Небо было покрыто рваными тучами. Нам предстояло пересечь путь подводным лодкам противиика, двигавшимся потоком из портов иа западиом побережье Фраиции на охоту в воды Атлантики и возвращавшимся обратно иа базы. Их было кругом так миого, что морское министерство приказало иашему капитаиу ие отходить далеко вперед от сопровождавшей иас флотилии, флотилия же ие могла делать более 6 узлов в час в условиях бур-

ного моря, и мы целых 48 часов тащились этим темпом, огибая южное побережье Ирландии. Мы прошли на расстоянии 400 миль от Бреста, и я не мог не вспомнить, как за неделю до этого самолетами-торпедоносцами, базировавшимися на побережье, были уничтожены «Принц Уэльский» и «Рипалс». Из-за туч к нам изредка приближались только отдельные самолеты из числа сопровождавшей нас воздушной охраны, но когда я вышел на мостик, я с огорчением увидел, что на небе появляются большие голубые просветы. Однако ничего не случилось, и все шло хорошо. Огромный корабль с сопровождавшими его эсминцами медленно продвигался вперед. Однако его малая скорость начала нам надоедать. На вторые сутки ночью мы приблизились к трассе германских подводных лодок. Адмирал Паунд, слово которого было решающим в этом вопросе, заявил, что у нас больше шансов протаранить подводную лодку, чем быть самим торпедированными. Стояла кромешная тьма. Мы оторвались от сопровождавших нас эсминцев и двинулись вперед без эскорта, с максимальной скоростью, возможной при продолжавшейся штормовой погоде. Все люки на корабле были задраены, и огромные волны били о палубу. Лорд Бивербрук жаловался, что он мог бы с такими же удобствами совершить путешествие на подводной лодке.

Сопровождавший нас многочисленный штат шифровальщиков мог, конечно, обрабатывать документы, которые мы в большом количестве получали по радио. В ограниченной степени мы могли отвечать на них. Когда к нам присоединились новые эскортные корабли с баз на Азорских островах, они могли принимать от нас днем шифрованные сигналы Морзе, а затем, отойдя от нас на расстояние 100 миль или около этого, могли передавать их, не выдавая при этом нашего местонахождения. Наблюдалась какая-то маниакальная боязнь пользоваться радио: ведь мы путешествовали в мире, охваченном войной.

Все наши проблемы неотступно следовали за нами, и мыслями я был с министром иностранных дел, который также находился в это время в море, двигаясь в противоположном направлении. Самым срочным вопросом нашей политики был вопрос о том, должны ли мы просить Советское правительство объявить войну Японии. Я уже послал Идену телеграмму следующего содержания:

Премьер-министр —
министру иностранных дел

12 декабря 1941 г.

«1. Перед своим отъездом вы интересовались мнением нáчальников штабов относительно того, было ли бы для нас выгодно, если бы Россия объявила войну Японии. Тщательно продумав этот вопрос, начальники штабов пришли к следующему заключению: объявление Россией войны Японии было бы для нас очень выгодным при условии — но только при том условии,— если русские уверены в том, что это не отразится на положении на их Западном фронте теперь или будущей весной».

Затем подробно излагались все их доводы за и против. В общем они подчеркивали, что основное значение имеет необходимость избежать поражения России на Западе.

Далее я писал министру иностранных дел следующее:

«2. Если в ходе переговоров у вас сложится мнение, что русские гото-

вы объявить войну Японии, следует продумать вопрос о том, не лучше ли будет, если необходимый нажим окажут американцы, а не мы».

В качестве постскриптума к своему посланию после его прибытия в Москву я добавил:

«Ввиду явного сильного желания Соединенных Штатов, Китая и, как я полагаю, Австралии, чтобы Россия также выступила против Японии, вы не должны предпринимать ничего такого, что могло бы оказать расхолаживающее действие, если Сталин считает, что он располагает для этого достаточными силами. Мы не должны оказывать на него чрезмерного нажима, учитывая, как мало мы сами в состоянии были сделать для него».

На следующий день я написал:

«Вполне возможно, что в связи с недавними успехами на русском фронте Сталин проявит больше готовности к вступлению в войну с Японией. Положение с каждым днем все больше изменяется в нашу пользу, и вы сами должны решить на месте, насколько сильный нажим целесообразно оказать на него».

Во время нашего путешествия я получил от Идена, который вскоре прибыл в Москву, ряд сообщений, излагавших мнения Советского правительства по другим вопросам, с которыми он столкнулся по прибытии.

Суть этих сообщений изложена им самим в подробном донесении, датированном 5 января 1942 года, которое он написал по возвращении.

«Во время моей первой беседы со Сталиным и Молотовым, состоявшейся 16 декабря, Сталин довольно подробно изложил свои взгляды на то, какими должны быть послевоенные территориальные границы в Европе, и в особенности свою точку зрения относительно обращения с Германией. Он предложил восстановление Австрии в качестве самостоятельного государства, отделение Рейнской области от Пруссии в качестве самостоятельного государства или протектората и, возможно, создание самостоятельного баварского государства. Он также предложил, чтобы Восточная Пруссия отошла к Польше, а Судетская область была возвращена Чехословакии. Он указал, что Югославию следует восстановить как самостоятельное государство и даже передать ей некоторые дополнительные территории за счет Италии; что Албания должна быть восстановлена в качестве независимого государства и что Турция должна получить Додеканезы с возможным пересмотром в пользу Греции вопроса о судьбе островов в Эгейском море, имеющих важное значение для Греции. Турция могла бы также получить некоторые районы в Болгарии, а возможно, и в Северной Сирии. Вообще говоря, оккупированные страны, включая Чехословакию и Грецию, должны быть восстановлены в своих довоенных границах. Сталин выразил готовность поддержать любые специальные соглашения об обеспечении баз и т. д. для Соединенного королевства в западноевропейских странах, а именно во Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Дании. Что касается особых интересов Советского Союза, то Сталин желает, чтобы было восстановлено положение, существовавшее в 1941 году, до нападения Германии, в отношении Прибалтийских государств, Финляндии и Бессарабии. «Линия Керзона» должна быть положена в основу будущей советско-польской границы, а Румыния должна предоставить Советскому Союзу необходимые условия для создания там баз и т. п., взамен чего она получит компенсацию за счет территории, оккупированной в настоящее время Венгрией.

В ходе этой первой беседы Сталин в общем согласился с тем принципом, что Германия должна будет возместить ущерб, причиненный ею оккупированным странам, товарами, в частности станками и т. п., и исключил репарации в денежной форме как нежелательные. Он проявил интерес к созданию военного союза между «демократическими странами» после окончания войны и заявил, что Советский Союз не возражает против того, чтобы некоторые страны Европы объединялись в федерации, если они этого пожелают.

Во время второй беседы, состоявшейся 17 декабря, Сталин настаивал на том, чтобы Правительство Его Величества немедленно признало будущие границы СССР и, в частности, включение в состав СССР Прибалтийских государств и восстановление финляндско-советской границы 1941 года. Он заявил, что ставит заключение какого бы то ни было англо-советского соглашения в зависимость от достижения соглашения по этому вопросу. Я со своей стороны пояснил Сталину, что ввиду принятых нами ранее обязательств по отношению к правительству Соединенных Штатов Правительство Его Величества не может в настоящее время как-либо связывать себя в вопросе о послевоенных границах в Европе. Однако я обещал по возвращении проконсультироваться по этому вопросу с Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, с Правительством Соединенных Штатов и с Правительствами Его Величества в доминионах. Этот вопрос, которому Сталин придавал основное значение, обсуждался также во время нашей третьей встречи, 18 декабря».

Среди притязаний, выдвигавшихся русскими, на первом месте стояло требование о том, чтобы Прибалтийские государства, которые Россия подчинила себе в начале войны, окончательно вошли в состав Советского Союза. Были выдвинуты также и многие другие условия, касавшиеся расширения русской империи, наряду с горячими призывами о предоставлении неограниченной помощи поставками и о военных действиях, осуществить которые в тот момент было невозможно. Как только я прочел эти телеграммы, я решительно восстал против поглощения Прибалтийских государств.

Премьер-министр — лорду-хранителю печати

20 декабря 1941 г.

«1. Требования Сталина относительно Финляндии, Прибалтийских государств и Румынии прямо противоречат первой, второй и третьей статьям Атлантической хартии, к которой он присоединился. Не может быть и речи о том, чтобы мы заключили такое соглашение, тайное или открытое, прямое или косвенное, без предварительной договоренности с США. Еще не настало время для того, чтобы рассматривать вопрос о границах, который может быть разрешен только на мирной конференции после того, как мы выиграем войну.

2. Желание достичь соглашения, которое может быть опубликовано, не должно побуждать нас давать вредные обещания. Министр иностранных дел блестяще вышел из положения, и он не должен огорчаться, если ему придется уехать из Москвы без победного туша. Русские так или иначе должны продолжать борьбу за свое существование и зависят от нас в получении огромного количества материалов, которые мы наскребли с большим трудом и которые мы добросовестно им предоставим.

3. Я надеюсь, что кабинет согласится передать вышеизложенное министру иностранных дел. Он, без сомнения, будет действовать с необходимым тактом и осмотрительностью, но ему должно быть точно известно, какой позиции мы придерживаемся».

Кабинет согласился со мной и послал соответствующую телеграмму. Идену я ответил следующим письмом:

Премьер-министр (в море) —
министру иностранных дел (Москва)

20 декабря 1941 г.

«1. Вы, конечно, не будете резки в беседе со Сталиным. Мы связаны по отношению к Соединенным Штатам обязательством не заключать какие-либо тайные и особые пакты. Обратиться к президенту Рузвельту с подобными предложениями значило бы встретить категорический отказ. Это могло бы повести к длительным недоразумениям между нами.

2. Проблема стратегической безопасности России со стороны ее западной границы явится одним из предметов обсуждения на мирной конференции. События показали, что положение Ленинграда является особенно опасным. Первейшей нашей целью будет предотвратить возможность развязки Германией новой войны. Одним из важнейших вопросов, которые придется решать, будет отделение Пруссии от Южной Германии и фактическое определение Пруссии как таковой. Но все это, по-видимому, дело отдаленного будущего, которое теперь представляется еще неясным. В настоящее время перед нами стоит задача путем жестокой и длительной борьбы выиграть войну. Открыто подняв сейчас такие вопросы, мы лишь сплотили бы всех немцев вокруг Гитлера.

3. По-моему, в настоящее время было бы нецелесообразно даже поставить их перед президентом Рузвельтом в неофициальном порядке. Я избрал бы именно такую линию, избегая, таким образом, внезапного или окончательного прекращения переговоров. Вы не должны быть разочарованы, если вам не удастся привезти с собой совместную публичную декларацию, основанную на тех принципах, которые сформулированы в вашем донесении кабинету. Я уверен, что ваша поездка принесла большую пользу и что занятая вами позиция встретит всеобщее одобрение.

Мне кажется, что мы уже очень давно находимся в пути».

В своем сообщении Иден рассказывает, как закончились его беседы со Сталиным в Москве:

«Мы расстались в очень дружественной атмосфере. После моих объяснений Сталин, по-видимому, полностью понял, что в настоящее время мы не имеем возможности создать второй фронт в Европе. Он проявил значительный интерес к ходу нашего наступления в Ливии и нашел чрезвычайно желательным, чтобы Италия была выведена из строя, исходя из того, что выпадение самого слабого звена «оси» поведет к ее полному краху.

Он не считал, что у него уже достаточно сил для того, чтобы продолжать войну с Германией и в то же время начать военные действия против Японии. Он высказал надежду довести весной мощь своей дальневосточной армии до той численности, какую она имела, прежде чем ему пришлось обратиться к ней за подкреплениями для Западного фронта. Он не взял на себя обязательства объявить весной войну Японии, а обещал только пересмотреть тогда этот вопрос, хотя он предпочел бы, чтобы военные действия начали японцы,— что он, по-видимому, считает вероятным». <...>

1942

Визит Молотова

Когда в декабре 1941 года Иден посетил Москву, он столкнулся с конкретными требованиями русского правительства о признании советских границ на Западе и в том виде, в каком они существовали в то время. Русские в особенности хотели добиться в рамках любого общего договора о союзе определенного признания оккупации ими Прибалтийских государств и их новой границы с Финляндией. Иден отказался взять на себя какие-либо обязательства по этому поводу, подчеркнув, между прочим, наше обещание правительству Соединенных Штатов не вступать в ходе войны ни в какие тайные соглашения о пересмотре территориальных границ.

К концу этого совещания было решено, что Иден передаст советские требования как английскому кабинету, так и Соединенным Штатам и что они должны быть рассмотрены в ходе будущих переговоров о заключении официального англо-советского договора. Правительство Соединенных Штатов было полностью информировано о том, что произошло. Его позиция в отношении русских предложений была резкой и отрицательной. С американской точки зрения, принятие такого рода требований было бы прямым нарушением принципов Атлантической хартии.

Когда вскоре после вступления Америки в войну я прибыл в Вашингтон и Иден сообщил мне о желании Советского правительства поглотить Прибалтийские государства, моя реакция на это была отрицательной, как это уже показали телеграммы, приведенные в предыдущем томе. Но теперь, тремя месяцами позже, под давлением событий я не думал, что эту моральную позицию физически возможно сохранить. В борьбе не на жизнь, а на смерть неправильно брать на себя большее бремя, чем в состоянии нести те, кто сражается за великое дело. Мои взгляды в вопросе о Прибалтийских государствах были и остаются неизменными, но я считал, что в то время я не мог на них настаивать.

Из четвертого тома мемуаров Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».
Churchill W. S. The Second World War. Vol. IV. The Hinge of Fate. London — Toronto — Melbourne — Sydney — Wellington, 1951. P. 292—293, 295—301, 304—308, 428—435, 436—451.

Бывший военный моряк —
президенту Рузвельту

7 марта 1942 г.

«Если Уайнант сейчас с вами, он, несомненно, объяснит вам точку зрения английского министерства иностранных дел по поводу России. Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии не следует истолковывать таким образом, что они лишают Россию границ, которые она занимала, когда на нее напала Германия. Это было основой, на которой Россия присоединилась к хартии, и я полагаю, что русские, заняв эти районы в начале войны, провели суровый процесс ликвидации враждебных элементов в Прибалтийских государствах и т. п. Поэтому надеюсь, вы сможете предоставить нам свободу рук для подписания договора, которого Сталин желает как можно скорее. Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского вторжения в Россию, и мы очень мало что можем сделать, чтобы помочь этой единственной стране, ожесточенно сражающейся с германскими армиями».

Президент и государственный департамент, однако, оставались при своем мнении, и, как будет видно ниже, мы в конечном счете пришли к лучшему выводу.

* * *

Теперь в англо-русских отношениях наступил более сердечный период. <...>

Президент в то время также был в хороших отношениях с Советами, и в предыдущей главе мы видели его упоминание о визите Молотова в Вашингтон. Он предпочел бы, чтобы уполномоченный прибыл сначала в Соединенные Штаты, но Сталин запланировал иначе.

Премьер Сталин — премьер-министру

23 апреля 1942 г.

<...>«На днях Советское Правительство получило от г. Идена проекты двух договоров между СССР и Англией, существенно отличающиеся в некоторых пунктах от текста договоров, фигурировавших во время пребывания г. Идена в Москве. Ввиду того что это обстоятельство ведет к новым разногласиям, которые трудно исчерпать в порядке переписки, Советское Правительство решило, несмотря на все трудности, направить в Лондон В. М. Молотова для исчерпания путем личных переговоров всех вопросов, тормозящих подписание договоров. Это тем более необходимо, что вопрос о создании второго фронта в Европе, поставленный в последнем послании Президента США г. Рузвельта на мое имя с приглашением В. М. Молотова в Вашингтон для обсуждения этого вопроса, требует предварительного обмена мнений между представителями наших правительств.

Примите мой привет и пожелание успеха в борьбе с врагами Великобритании».

Бывший военный моряк —
президенту Рузвельту

24 апреля 1942 г.

«По поводу того, что вы указываете в вашей телеграмме о поездках Молотова, я получил от Сталина послание, в котором говорится, что он посылает М. сюда, чтобы обсудить некоторые расхождения в проектах нашего соглашения, которые он желает уладить как можно скорее. Возможно, что он уже в пути. Как вы понимаете, теперь я не могу предложить ему изменить порядок своих визитов. Поэтому в том случае, если Молотов будет сильно на нас нажимать, я предполагаю согласиться на обсуждение наших проектов и буду надеяться, что основные трудности удастся уладить. Но я предложу ему, чтобы он затем поехал в Вашингтон и повидал вас, прежде чем что-либо будет окончательно подписано».

Премьер-министр —
премьеру Сталину

24 апреля 1942 г.

«Я вам чрезвычайно благодарен за ваше послание от 23 апреля, и, конечно, мы будем рады видеть г-на Молотова, с которым, я уверен, мы сумеем выполнить много полезной работы. Я очень рад, что вы сочли возможным дозволить этот визит, который, я убежден, будет весьма ценным».

Молотов приехал только 20 мая, и на следующее же утро началось официальное обсуждение. В тот день и на двух следующих совещаниях русские придерживались своей первоначальной позиции и даже подняли конкретно вопрос о согласии на занятие русскими Восточной Польши. Это было отвергнуто как несовместимое с англо-польским соглашением от августа 1939 года. Молотов поднял также вопрос относительно признания в секретном соглашении претензий России к Румынии. Это также противоречило нашей договоренности с Соединенными Штатами. Переговоры в министерстве иностранных дел, которые вел Иден, хотя и происходили в самой дружественной обстановке, шли поэтому к тупику.

Помимо вопроса о договоре, Молотов приехал в Лондон, чтобы узнать наши взгляды по поводу открытия второго фронта. Ввиду этого утром 22 мая я имел с ним официальную беседу.

«Молотов начал с сообщения о том, что Советское правительство поручило ему поехать в Лондон для обсуждения вопроса о создании второго фронта. Это не было новой проблемой. Впервые она была поставлена около десяти месяцев назад, а затем сравнительно недавно толчок этому был дан президентом Рузвельтом, который предложил г-ну Сталину, чтобы он (г-н Молотов) отправился в Соединенные Штаты обсудить этот вопрос. Хотя в данном случае инициатива исходила от Соединенных Штатов, Советское правительство сочло целесообразным, чтобы он поехал в Соединенные Штаты через Лондон, поскольку именно на Великобританию должна выпасть первоначально главная задача по организации второго фронта. Ближайшие недели и месяцы на русском фронте чреваты серьезными последствиями для Советского Союза и его союзников. Советское правительство высоко ценит и благодарит за материальную помощь, оказанную Великобританией и Соединенными Штатами. Тем не менее самые неотложные проблемы связаны с созданием второго фронта.

Цель его визита — выяснить, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 году по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооруженных силах принадлежит, по-видимому, немцам.

Отвечая Молотову, я изложил ему суть наших общих взглядов по поводу будущих операций на континенте. Во всех предыдущих войнах контроль на море давал державе, обладавшей им, великое преимущество — возможность высадиться по желанию на неприятельском побережье, поскольку противник был не в состоянии подготовиться во всех пунктах к отражению вторжения с моря. Появление авиации изменило все положение. Например, во Франции, Бельгии и Голландии противник может за несколько часов перебросить свою авиацию к угрожаемым пунктам в любой части побережья, а горький опыт показал, что высадка десанта при наличии сильного неприятельского сопротивления в воздухе не является разумным военным предприятием. Неизбежным последствием этого является то, что значительные участки побережья континента не могут быть использованы нами в качестве мест для высадки войск и судов. Поэтому мы вынуждены изучать свои шансы на высадку в тех районах побережья, где наше превосходство в истребительной авиации дало бы нам контроль в воздухе. По сути дела, наш выбор сводится к Па-де-Кале, оконечности Шербурского полуострова и части района Бреста. Проблема высадки войск в этом году в одном или нескольких из этих районов изучается, и подготовка ведется. В своих планах мы исходим из предположения, что высадка последовательными эшелонами штурмовых войск вызовет воздушные бои, которые, в случае если они продолжатся неделю или десять дней, приведут к фактическому уничтожению неприятельской авиации на континенте. Когда это будет достигнуто и сопротивление в воздухе ликвидировано, в других пунктах побережья смогут быть высажены десанты под прикрытием нашего превосходящего по силе морского флота. Критическим моментом в разработке наших планов и приготовлениях является вопрос о специальных десантных судах, необходимых для осуществления первоначального десанта на весьма сильно обороняемом неприятельском побережье. К несчастью, наши ресурсы в отношении этого специального типа судов в данный момент строго ограниченны. Я сказал, что уже в августе прошлого года, во время встречи в Атлантическом океане, я доказал президенту Рузвельту неотложную необходимость постройки Соединенными Штатами как можно большего числа танкодесантных и других десантных судов. Позднее, в январе этого года, президент согласился на то, чтобы Соединенные Штаты предприняли еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы со своей стороны на протяжении более чем года выпускаем столько десантных судов, сколько это допускает наша потребность в строительстве судов для военного и торгового флотов, понесших тяжелые потери.

Однако следует иметь в виду два момента. Во-первых, что при всем желании и несмотря на все старания маловероятно, чтобы любой шаг, который мы смогли бы предпринять в 1942 году, будь он даже успешным, отвлек с Восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил. В воздухе, однако, положение другое: на различных театрах военных действий мы уже сковываем около половины истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации. Если наш план навязы-

вания воздушных сражений над континентом окажется успешным, немцы, возможно, столкнутся с необходимостью выбирать между уничтожением в боях всей их истребительной авиации на Западе и отвлечением части своих военно-воздушных сил с Востока.

Второй момент касается предложения г-на Молотова о том, что нашей целью должно быть отвлечение из России не менее 40 германских дивизий (включая те, которые сейчас находятся на Западе). Следует отметить, что в настоящий момент перед нами в Ливии стоят 11 дивизий «оси», из которых 3— германские, в Норвегии — эквивалент 8 германских дивизий и во Франции, Голландии и Бельгии —25 германских дивизий. Это составляет в общей сложности 44 дивизии.

Но мы этим не удовлетворяемся, и, если можно будет предпринять какие-то дальнейшие усилия или разработать план облегчения в этом году бремени, лежащего на России, мы не поколеблемся сделать это при условии, что этот план будет здравым и разумным. Ясно, что ни делу русских, ни делу союзников в целом не принесло бы пользы, если бы, действуя любой ценой только для того, чтобы действовать, мы предприняли операцию, которая кончилась бы катастрофой и дала бы противнику повод для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство.

Молотов сказал, что он не сомневается в том, что Англия искренне желает успеха Советской Армии в боях против немцев этим летом. Каковы же, с точки зрения английского правительства, перспективы на советский успех? Каковы бы ни были его взгляды, он будет рад услышать откровенное выражение мнения — будь то хорошего или плохого.

Я сказал, что без детального знания ресурсов и резервов обеих сторон трудно составить твердое суждение по этому вопросу. В прошлом году военные эксперты, включая германских, думали, что Советскую Армию можно подавить и одолеть. Оказалось, что они полностью ошиблись. В конечном результате советские силы нанесли поражение Гитлеру и чуть не привели его армию к катастрофе. Поэтому союзники России глубоко верят в силу и способности Советской Армии. Данные разведки, которыми располагает английское правительство, не указывают на то, что немцы сосредоточивают огромные силы на каком-то отдельном участке Восточного фронта. Кроме того, сейчас представляется маловероятным, чтобы широкое наступление, возвещенное на май, произошло раньше июня. Во всяком случае, не похоже на то, чтобы гитлеровское наступление в этом году могло быть таким сильным и таким угрожающим, как наступление 1941 года.

Тогда Молотов спросил, каково будет положение и позиция английского правительства в случае, если Советская Армия не выдержит в течение 1942 года.

Я сказал, что, если бы советская военная мощь серьезно сократилась в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебросил бы как можно больше войск и авиации на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также нанести удар на юг через Баку по Кавказу и Персии. Это последнее наступление подвергло бы нас величайшим опасностям, и мы отнюдь не должны быть уверены, что у нас достаточно сил, чтобы его отразить. Поэтому наша судьба связана с сопротивлением Советской Армии. Тем не менее, если вопреки ожиданиям она будет разбита и если наступит самое худшее, мы будем продолжать

борьбу дальше и с помощью Соединенных Штатов надеемся добиться подавляющего превосходства в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или двух лет даст нам возможность осуществить сокрушительное воздушное наступление на германские города и промышленность. Кроме того, мы продолжали бы блокаду и высаживали бы десанты на континенте, встречая все более слабое сопротивление. В конечном счете силы Великобритании и Соединенных Штатов взяли бы верх. Не следует упускать из виду, что после падения Франции Великобритания оставалась в одиночестве в течение целого года всего лишь с горсткой плохо снаряженных войск в качестве заслона между собой и победоносными многочисленными дивизиями Гитлера. Но какой бы трагедией для человечества явилось такое затягивание войны! Какие серьезные надежды возлагаются на русскую победу и как горячо стремление к тому, чтобы мы сыграли свою роль в победе над злобным врагом.

Под конец нашего разговора я попросил г-на Молотова помнить о трудностях вторжения через море. После того как Франция выпала из войны, Великобритания осталась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, менее сотни танков и менее 20 полевых орудий. И все же Гитлер не попытался предпринять вторжение в силу того, что он не мог добиться господства в воздухе. Те же трудности стоят перед нами в настоящее время».

* * *

23 мая Иден предложил заменить территориальное соглашение общим и открытым договором о союзе сроком на 20 лет, не содержащим никакого упоминания о границах. К вечеру того же дня русские проявили признаки уступчивости. На них произвела большое впечатление солидарность взглядов английского и американского правительств, с которой они столкнулись. На следующее утро Молотов запросил у Сталина разрешение вести переговоры на основе проекта Идена. Москва предложила мелкие изменения, в основном подчеркивавшие долгосрочный характер намечаемого союза. Договор без всяких территориальных статей был подписан 26 мая. Для меня это было великим облегчением и гораздо лучшим решением, чем я смел надеяться. Иден проявил большое искусство в выборе момента для того, чтобы выступить со своим новым предложением.

После урегулирования этого серьезного вопроса Молотов выехал в Вашингтон, чтобы начать с президентом и его советниками общие военные переговоры по вопросу об открытии второго фронта. Было решено, что, выслушав американскую точку зрения, он заедет в Лондон для окончательного обсуждения этого вопроса перед тем, как возвращаться в Москву.

* * *

Наши русские гости выразили желание, чтобы во время пребывания у нас их поместили за городом, за пределами Лондона. Поэтому я предоставил в их распоряжение Чекерс. Тем временем я оставался в Сториз Гейт Аннексе. Однако на две ночи я поехал в Чекерс. Там я имел возможность долго беседовать в частном порядке с Молотовым и послом Майским, который был замечательным переводчиком, переводившим быстро и легко и очень хорошо знавшим дело. При помощи хороших карт я старался объяснить то, что мы предпринимаем, а также пределы и характерные

особенности военных возможиостей островной державы. Я также подробно говорил о технике десантных операций и описывал опасности и трудности сохраиения нашей жизненной артерии через Атлантический океан в условиях угрозы нападения германских подводных лодок. Как мне кажется, иа Молотова все это произвело впечатление, и он понял, что стоящая перед нами проблема коренным образом отличается от проблемы, которая стоит перед огромиой сухопутной державой. Во всяком случае, мы подошли ближе друг к другу, чем в любое другое время.

Глубоко вкоренившаяся подозрительность, с которой русские относились к иностранцам, проявилась в ряде замечательных инцидентов во время пребываиия Молотова в Чекерсе. По прибытии русские немедленно попросили ключи от всех спален. С некоторым трудом эти ключи раздобыли, и в дальнейшем наши гости все время держали свои двери на запоре. Когда обслуживающему персоналу Чекерса удалось забираться в спальни, чтобы убрать постели, люди были смущены, обнаружив под подушками пистолеты. Трех главиых членов миссии сопровождали не только их собственные полицейские, но также две женщины, которые заботились об их одежде и убирали их комнаты. Когда советские представители уезжали в Лондон, эти женщины все время сторожили комнаты своих хозяев, спускаясь вниз поодиночке, чтобы поесть. Мы можем, однако, утверждать, что затем они несколько оттаяли и даже болтали с прислугой на ломаном французском языке и при помощи жестов.

Чрезвычайные меры предосторожности принимались для обеспечения личной безопасности Молотова. Его комната была тщательно обыскана его полицейскими, опытные глаза которых самым внимательным образом осматривали до мелочей каждый шкаф, каждый предмет меблировки, стеиы и полы. Объектом особенного внимания была кровать; все матрацы были прощупаиы иа тот случай, ие окажется ли там адских машин, а простыни и одеяла были перестланы русскими так, чтобы ее обитатель мог выскочить в одну секунду, а не оказаться закутанным наглухо. На ночь револьвер клали рядом с его халатом и портфелем. Принимать меры предосторожности на случай опасности всегда правильно, в особенности во время войны, ио каждое усилие должно соответствовать реальности этой опасности. Простейший метод проверки — это спросить себя, заинтересована ли другая сторона в убийстве данного лица. Что касается меня, то при моих посещениях Москвы я полностью доверял русскому гостеприимству. <...>

* * *

Когда Молотов вернулся в Лондон после своего американского визита, он, естественно, был полон планов создания второго фронта при помощи операции через Ла-Манш в 1942 году. Мы сами по-прежнему активно изучали эту идею совместно с американским штабом, но пока что не выявилось ничего, кроме трудиостей. Публичное заявление, которое могло бы внушить немцам опасеиия и, следовательно, задержать как можно больше их войск на Западе, не причинило бы вреда. Поэтому мы договорились с Молотовым опубликовать коммюнике, обнародованное 11 июня, в котором содержалась следующая фраза: «Во время переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Я считал чрезвычайно важным, чтобы при этой попытке ввести в заблуждение врага мы не ввели в заблуждение нашего союзника. Поэтому в то время, как составлялось коммюнике, я лично вручил Молотову в зале заседаний кабинета в присутствии ряда моих коллег памятную записку, из которой ясно следовало, что, хотя мы делаем все от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать и мы не можем дать никакого обещания. Когда в дальнейшем Советское правительство выступало с упреками и когда Сталин лично ставил передо мной этот вопрос, мы всегда вынимали эту памятную записку и указывали на слова «следовательно, мы не можем дать обещания».

«Памятная записка

Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было бы полезно, если бы мы, ради действий любой ценой, предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении, но если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

Молотов поднялся на самолете в воздух и отправился в свой несколько опасный обратный полет на родину, по-видимому, вполне удовлетворенный результатами своей миссии. Безусловно, между нами создалась атмосфера дружелюбия. Его визит в Вашингтон возбудил в нем большой интерес. Был заключен англо-русский договор сроком на 20 лет, на который в то время все возлагали большие надежды.

* * *

В то время как шли переговоры, на Восточном фронте вспыхнули активные операции. На всем протяжении первых месяцев года русские, не ослабляя давления, оттеснили неприятельский фронт во многих пунктах. Немцы, не подготовившиеся к трудностям зимней кампании, терпели большие лишения и несли тяжелые потери.

Когда наступила весна, Гитлер опубликовал директиву, датированную 5 апреля, в вводной части которой говорилось:

«Зимняя кампания в России близится к концу. Выдающееся мужество и самопожертвование наших войск на Восточном фронте принесли великий успех в обороне. Враг понес весьма тяжелые потери в людях и технике. В попытке использовать то, что казалось первоначальными успехами, Россия в ходе зимы также израсходовала основную массу своих резервов, предназначавшихся для будущих операций.

Как только условия погоды и местности станут благоприятными, германское верховное командование и германские вооруженные силы

должны снова взять в свои руки инициативу, чтобы навязать противнику нашу волю.

Задача заключается в истреблении всего оборонного потенциала, оставшегося у Советов, и в том, чтобы отрезать их насколько возможно от их важнейших источников снабжения».

«Для осуществления этого,— продолжал он,— намечено удерживать центральный участок фронта на Севере, чтобы добиться падения Ленинграда... а на южном фланге армейского фронта форсировать прорыв на Кавказ... Для начала все имеющиеся в наличии силы должны быть объединены для основных операций в южном секторе, целью которых является уничтожение противника перед Доном, с тем чтобы достигнуть нефтяного района Кавказа и перевалить за Кавказские горы... Мы должны попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть этот город бомбардировке нашим тяжелым вооружением в такой степени, чтобы в будущем он был уничтожен как центр производства вооружений и транспортный узел».

В качестве подготовки к этим основным операциям Севастополь должен был быть захвачен 11-й армией Манштейна, а русские выбиты из Крыма.

Южной армейской группе под командованием фельдмаршала фон Бока были предоставлены весьма крупные силы для выполнения возложенной на нее задачи. В нее входила сотня дивизий, сведенных в пять армий, из которых около 60 дивизий были германские (включая восемь танковых дивизий), а остальные были румынские, итальянские и венгерские дивизии. Из имевшихся у немцев на Восточном фронте в общей сложности 2750 самолетов 1500 были выделены для поддержки операций на юге.

По-видимому, эту великую кампанию намечалось начать в конце мая, но русские нанесли удар первыми. 12 мая Тимошенко начал ожесточенное наступление на Харьков и к югу от него, врезавшись глубоким выступом в линию фронта немцев. Но его южный фланг был уязвимым, и серия германских атак вынудила его оставить всю захваченную им территорию. Это «сокрушительное» наступление, хотя оно и стоило русским тяжелых жертв, вероятно, замедлило на месяц выполнение планов; а если так, то выигранное таким образом время в дальнейшем оказалось драгоценным.

Эта битва еще продолжалась, когда германская 11-я армия начала штурм Севастополя. Эта великая крепость пала после месяца осады и ожесточенных боев. <...>

Москва. Первая встреча

Во время моего пребывания в Каире продолжались приготовления к поездке в Москву.

4 августа я телеграфировал Сталину:

Премьер-министр — премьеру Сталину

4 августа 1942 г.

«Мы намечаем выехать отсюда, с тем чтобы прибыть в Москву на следующий день с промежуточной остановкой в Тегеране.

Детали должны быть подготовлены частично иашими представителями английских воеиио-воздушиых сил в Тегеране при коисультации с вашими. Я иадеюсь, что вы дадите указаиия последним оказать всяческую помощь.

Я ие могу еще дать какие-либо указания относительио дат помимо того, что я уже предлагал вам».

Мне хотелось также, чтобы американцы принимали иепосредственное участие в предстоящих переговорах.

Бывший военный моряк —
президенту Рузвельту

5 августа 1942 г.

«Мие бы очеиь хотелось иметь вашу помощь и поддержку в моих переговорах с Джо. Не сможете ли вы сделать так, чтобы Аверелл поехал со мной? Мие кажется, дело пойдет успешиее, если будет казаться, что мы все вместе. У меня иесколько иеприятиая задача. Пожалуйста, пошлите копию вашего ответа в Лоидои. Я сохраняю иеопределеииость по поводу моих ближайших передвижений».

Президент Рузвельт —
бывшему военному моряку (Каир)

5 августа 1942 г.

«Я просил Гарримаиа возможио скорее выехать в Москву. Я считаю, что ваша идея правильиа, и я сообщаю Сталину, что Гарримаи будет иаходиться в его и вашем распоряжеиии для любой помощи».

Гарриман присоединился ко мие в Каире вовремя, чтобы поехать вместе с иами.

* * *

Поздио вечером 10 августа, после обеда с видиыми деятелями в гостеприимном каирском посольстве, мы вылетели в Москву. В мою группу, которая разместилась в трех самолетах, входили теперь начальиик имперского геиеральиого штаба, геиерал Уэйвелл (который говорил порусски), маршал авиации Теддер и сэр Александр Кадоган. Аверелл Гарримаи иаходился в одиом самолете со миой. К рассвету мы приближались к горам Курдистаиа. Погода была хорошей, и Ваидерклот был в веселом иастроении. Когда мы приблизились к этим зубчатым вершииам, я спросил его, иа какой высоте ои намереи пролететь над иими. Ои ответил, что 9 тыс. футов будет достаточно. Однако, посмотрев иа карту, я иашел иесколько вершии высотой 11 и 12 тыс. футов, и там оказалась еще одна большая вершииа высотой 18—20 тыс. футов, хотя она была дальше в стороие. Если не оказаться внезапио в облаках, то можио безопасио пролететь между гор. Все же я попросил подияться до 12 тыс. футов, и мы

иачали потягивать из иаших кислородиых трубок. Когда примерио в 8 ч 30 мин утра мы опускались на аэродром в Тегеране и когда мы уже были близко от земли, я заметил, что альтиметр показывает 4,5 тыс. футов. Я наивно заметил: «Вам бы следовало исправить его, прежде чем мы опять вылетим». Однако Вандерклот сказал: «Тегеранский аэродром находится иа высоте свыше 4 тыс. футов над уровнем моря».

По прибытии меня встретил послаиник Его Величества в Тегеране сэр Ридер Буллард. Это был крепкий англичанин, давно знавший Персию и не имевший иллюзий.

Было слишком поздно, чтобы мы могли перелететь до наступления темноты через северный хребет Эльбурса, и я был любезно приглашен иа завтрак к шаху во дворец с красивым бассейном для плаваиия среди высоких деревьев иа обрывистом отроге гор. Высокий пик, который я увидел этим утром, сиял ярко-розовыми и желтыми цветами. Днем в саду английской миссии состоялось длительное совещание с Авереллом Гарриманом и различными высшими английскими и америкаискими железнодорожными властями. На этом совещаиии было решеио, что Соедииеииые Штаты должны взять в свои руки всю Траисперсидскую железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря. Эта железная дорога, только что построениая английской фирмой, была замечательным техническим достижением. На железнодорожном пути, проходящем через горные ущелья, было построеио 390 крупных мостов. Гарриман заявил, что президент готов принять полную ответствеиность за то, чтобы эта дорога работала с полной иагрузкой, и что он может предоставить паровозы, подвижной состав, квалифицированных работников, находящихся в военных частях, в таком количестве, в каком мы не могли бы их предоставить.

Поэтому я согласился на эту передачу при условии, что иаши важнейшие военные потребности будут пользоваться приоритетом. В связи с жарой и шумом в Тегераие (где создается впечатление, что каждый перс имеет автомобиль и беспрерывио дает гудки) я спал среди высоких деревьев в летией резиденции английского посольства, иаходящейся примерно на тысячу футов выше над городом.

На следующее утро, в среду 12 августа, мы вылетели в 6 ч 30 мин утра и постепеино набирали высоту, пока летели иад большой долиной, ведущей к Тебризу. Затем мы повернули на север к Энзели иа Каспийском море. Мы перелетели через второй горный хребет на высоте примерно 11 тыс. футов и избежали как облаков, так и горных вершин. В самолете теперь находились два русских офицера, и Советское правительство взяло иа себя ответствениость за наш перелет и благополучное прибытие. На востоке блистал покрытый снегом гигаит. Я заметил, что мы летели одии, и сообщение по радио разъяснило, что наш второй самолет, в котором находились иачальник имперского генерального штаба, Уэйвелл, Кадоган и другие, должен был вернуться в Тегераи из-за неисправиости мотора. Через два часа впереди показались воды Каспийского моря. Под нами был Энзели. Я никогда не видел Каспийского моря, однако я вспомнил о том, как за четверть века до этого я в качестве воеиного министра унаследовал на этом море флот, который почти год господствовал иа его тусклых спокойных водах. Теперь мы спустились до такой высоты, когда кислород уже больше не был нужен. На западном берегу, который

мы могли неясно различить, находился Баку и его нефтепромыслы. Германские армии были теперь так близко от Каспийского моря, что мы полетели в Куйбышев, держась далеко в стороне от Сталинграда и района боев. Поэтому мы оказались поблизости от дельты Волги. Насколько мог охватить глаз, простирались громадные просторы России, коричневые и плоские и почти без признаков того, что здесь живут люди. То там, то здесь резкие прямоугольные участки возделанной земли временами свидетельствовали о наличии государственной фермы. На большом участке пути могучая Волга блистала, то изгибаясь, то растягиваясь в своем течении среди широких, темных, болотистых берегов. Временами дорога прямая, как линейка, тянулась от одного широкого горизонта к другому.

Примерно час я наблюдал все это, а затем пробрался вдоль бомбового отсека в кабину и заснул.

Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году». Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников. Это, по крайней мере, показывало, что об их судьбе заботятся и понимают, что означает их борьба для войны вообще. Мы всегда ненавидели их безнравственный режим, и, если бы германский цеп не нанес им удара, они равнодушно наблюдали бы, как нас уничтожают, с радостью разделили бы с Гитлером нашу империю на Востоке.

Поскольку была ясная погода, благоприятный ветер и мне срочно надо было попасть в Москву, было решено срезать угол у Куйбышева и лететь прямо к столице. Боюсь, что таким образом мы оставили в стороне великолепный банкет и прием в духе истинно русского гостеприимства. Примерно в пять часов показались шпили и купола Москвы. Мы кружились вокруг города по тщательно указанным маршрутам, вдоль которых все батареи были предупреждены, и приземлились на аэродроме, на котором мне предстояло побывать еще раз во время войны.

Здесь находился Молотов во главе группы русских генералов и весь дипломатический корпус, а также, как и всегда в подобных случаях, много фотографов и репортеров. Был произведен смотр большого почетного караула, безупречного в отношении одежды и выправки. Он прошел перед нами после того, как оркестр исполнил национальные гимны трех великих держав, единство которых решило судьбу Гитлера. Меня подвели к микрофону, и я произнес короткую речь. Аверелл Гарриман говорил от имени Соединенных Штатов. Он должен был остановиться в американском посольстве. Молотов доставил меня в своей машине в предназначенную для меня резиденцию, находящуюся в восьми милях от Москвы,— в государственную дачу № 7. Когда мы проезжали по улицам Москвы, которые казались очень пустынными, я опустил стекло, чтобы дать доступ воздуху, и, к моему удивлению, обнаружил, что стекло толщиной более

двух дюймов. Это превосходило все известные мне рекорды. «Министр говорит, что это более надежно»,— сказал переводчик Павлов. Через полчаса с небольшим мы прибыли на дачу.

* * *

Все было подготовлено с тоталитарной расточительностью. В мое распоряжение был предоставлен в качестве адъютанта огромный офицер, обладавший великолепной внешностью (я думаю, что он принадлежал к княжеской фамилии при царском режиме), который выступал также в роли нашего хозяина и являлся образцом вежливости и внимания. Много опытных слуг в белых куртках и с сияющими улыбками следили за каждым пожеланием или движением гостей. Длинный стол в столовой и различные буфеты были заполнены всякими деликатесами и напитками, какие только может предоставить верховная власть. Меня провели через обширную приемную комнату в спальню и ванную, которые имели почти одинаковые размеры. Яркий, почти ослепительный электрический свет показывал безупречную чистоту. Хлынула горячая и холодная вода. Я с нетерпением ждал горячей ванны после продолжительного путешествия в жаре. Все было приготовлено моментально. Я заметил, что над раковинами не было отдельных кранов для холодной и горячей воды и что в раковинах не было затычек. Горячая и холодная вода вытекала вместе через один кран, смешанная до желательной температуры. Кроме того, не приходилось мыть руки в раковине, а можно было это сделать под струей воды, вытекающей из крана. В скромной форме я применил эту систему у себя дома. Если нет недостатка в воде, то это самая лучшая система.

После всех необходимых погружений и омовений нас угощали в столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Но, кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть. К тому же у нас оставалось мало времени до отъезда в Москву. Я сказал Молотову, что я буду готов встретиться со Сталиным этим вечером, и он предложил, чтобы встреча произошла в семь часов.

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. Наше совещание продолжалось около четырех часов. Поскольку наш второй самолет, в котором находились Брук, Уэйвелл и Кадоган, не прибыл, присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман, а также наш посол и переводчики. Я составил этот отчет на основании записей, которые мы вели, на основании моих собственных воспоминаний, а также телеграмм, которые я посылал в Англию в то время.

Первые два часа были унылыми и мрачными. Я сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову, что не могу дать никаких обещаний относительно 1942 года, и я вручил Молотову меморандум по этому вопросу. После этого англичанами и американцами

было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают для себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду. Однако, как это известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной 1943 года, что составит экспедиционную армию в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединенное Королевство прибыли только 2,5 американской дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

Я сказал Сталину, что хорошо понимаю, что этот план не дает никакой помощи России в 1942 году, но считаю возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь. В этот момент лицо Сталина нахмурилось, но он не прервал меня. Затем я сказал, что у меня есть серьезные доводы против атаки на французском побережье в 1942 году. Имеющихся у нас десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье — их хватит для того, чтобы высадить шесть дивизий и поддерживать их. Если высадка окажется успешной, могли бы быть посланы и другие дивизии, но лимитирующим фактором являются десантные суда, которые теперь строятся в очень большом количестве в Соединенном Королевстве, а особенно в Соединенных Штатах. Вместо одной дивизии, которая могла бы быть доставлена в этом году, в будущем году окажется возможным доставить восемь или десять.

Сталин становился все мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убежден моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья. Я показал ему карту, из которой было видно, насколько трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как непосредственно по ту сторону Ла-Манша. Он, казалось, не понял этого и задал несколько вопросов о радиусе действия самолетов-истребителей.

Разве они не могли бы, например, все время прилетать и улетать? Я разъяснил, что они, конечно, могли бы прилетать и улетать, но при таком радиусе у них не оставалось бы времени, чтобы сражаться, и я добавил, что воздушное прикрытие необходимо держать развернутым для того, чтобы оно приносило какую-то пользу. Он затем сказал, что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей какую-нибудь ценность. Я возражал против этого заявления. Во Франции находится 25 германских дивизий, причем девять из них являются дивизиями первой линии. Он покачал головой. Я сказал, что взял с собой начальника имперского генерального штаба и генерала сэра Арчибальда Уэйвелла для того, чтобы подобные вопросы могли быть подробно рассмотрены с русским генеральным штабом. Существует граница, за пределами которой государственные деятели не могут вести переговоры такого рода.

Сталин, мрачное настроение которого к этому времени значительно усилилось, сказал, что, насколько он понимает, мы не можем создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотим даже высадить шесть дивизий. Я сказал, что дело обстоит так. Мы могли бы высадить

шесть дивизий, но их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, намечаемой на будущий год. Война — это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользы никому. Я сказал, что опасаюсь, что привезенные мною известия не являются хорошими известиями. Если бы, бросив в дело 150—200 тыс. человек, мы могли оказать ему помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако, если это не отвлечет с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. Я спросил, задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только 20 тыс. обученных солдат, 200 пушек и 50 танков. Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш. Сталин ответил, что здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан. Я указал, что поэтому тем более важно, чтобы в результате отступления народ Франции не был предоставлен мести Гитлера и чтобы не потерять зря этих людей, которые будут нужны во время большой операции в 1943 году.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов Сталин сказал, что, если мы не можем произвести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что он не согласен с моими доводами.

* * *

Затем я развернул карту Южной Европы, Средиземного моря и Северной Африки. Что представляет собой второй фронт? Представляет ли он собой только высадку на укрепленном побережье против Англии? Или он может принять форму какого-нибудь другого большого предприятия, которое может быть полезным для общего дела? Я считал, что лучше постепенно обратить его внимание на Юг. Если бы, например, мы могли удерживать врага у Па-де-Кале путем концентрации наших войск в Англии и в то же время атаковать в другом месте, например, на Луаре, на Жиронде или, возможно, на Шельде,— это было бы многообещающим делом. Была, конечно, дана общая картина большой операции будущего года. Сталин опасался, что она неосуществима. Я сказал, что, конечно, будет трудно высадить миллион солдат, однако нам придется проявить настойчивость и попытаться.

Затем мы перешли к бомбардировкам Германии, что вызвало общее удовлетворение. Сталин подчеркнул, что важно наносить удары моральному состоянию германского населения. Он сказал, что придает величайшее значение бомбардировкам и что ему известно, что наши налеты имеют громадные последствия в Германии.

После разговора на эту тему, который ослабил напряжение, Сталин заметил, что в результате нашей долгой беседы создается впечатление, что мы не собираемся предпринять ни «Следжхэммер», ни «Раунд-ап» * и что мы хотим довольствоваться бомбардировками Германии. Я решил покончить с самым худшим вначале и создать подходящую атмосферу для проекта, сообщить о котором я прибыл. Поэтому я не пытался сразу же рассеять мрачную атмосферу. Я специально просил, чтобы в момент опасности между друзьями и товарищами проявлялась полная откровенность. Однако во время беседы господствовала обстановка вежливости и достоинства.

* * *

Наступил момент пустить в ход «Торч». Я сказал, что хочу вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего я приехал. Я не считаю, что Франция является единственным местом для такой операции. Есть другие места, и мы с американцами приняли решение относительно другого плана, который американский президент разрешил мне сообщить секретно Сталину. Сейчас я приступил к этому. Я подчеркнул большое значение секретности. При этом Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати.

Я затем точно разъяснил операцию «Торч».

Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес. Прежде всего он задал вопрос, что случится в Испании и вишистской Франции. Несколько позднее он заметил, что операция правильна с военной точки зрения, однако у него есть политические сомнения относительно ее влияния на Францию. Он, в частности, спросил о сроках, и я сказал — не позднее 30 октября, однако президент и все мы стараемся передвинуть срок на 7 октября. Это, казалось, вызвало большое облегчение у троих русских.

Я затем говорил о том, какие военные преимущества даст освобождение Средиземного моря, что даст возможность открыть еще один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре — в Северной Африке, все время удерживая врага в Северной Франции.

Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американцами решили сделать.

Чтобы проиллюстрировать свои разъяснения, я тем временем нарисовал крокодила и объяснил Сталину с помощью этого рисунка, как мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как мы атакуем его жесткую морду. Сталин, который был теперь очень заинтересован, сказал: «Дай бог, чтобы это предприятие удалось».

Я подчеркнул, что мы хотим облегчить бремя русских. Если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, мы натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе. Если бы мы могли овладеть

* «Следжхэммер» — план атаки на Брест или Шербур в 1942 году, «Раунд-ап» — план освобождения Франции в 1943 году.— *Прим. перев.*

Северной Африкой, то Гитлеру пришлось бы отозвать свои воздушные силы или же в противном случае мы уничтожили бы его союзников, даже, например, Италию, и произвели бы высадку. Операция окажет серьезное влияние на Турцию и на всю Южную Европу, и я боюсь только того, что нас могут опередить. Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году. Это явилось поворотным моментом в нашем разговоре.

Сталин затем начал говорить о различных политических трудностях. Не будет ли неправильно истолкован во Франции захват англичанами и американцами районов, где намечена операция «Торч»? Что мы предпримем в отношении де Голля? Я сказал, что мы не хотим, чтобы на этом этапе он вмешивался в операцию. Французы (вишистские), вероятно, станут стрелять в деголлевцев, но вряд ли они будут стрелять в американцев. Гарриман очень настойчиво поддержал это, сославшись на сообщения, которым президент доверяет, от американских агентов на всей территории «Торч», а также на мнение адмирала Леги.

* * *

В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества «Торч». Он перечислил четыре основных довода в пользу «Торч». Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.

Я упомянул пятую причину, а именно сокращение морского пути через Средиземное море. Сталину хотелось знать, можем ли мы пройти через Гибралтарский пролив. Я сказал, что все будет в порядке. Я сообщил ему также об изменениях в командовании в Египте и о нашей решимости дать там решающий бой в конце августа или в сентябре. Наконец, стало ясно, что всем им нравится «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли осуществить эту операцию в сентябре.

Затем я добавил: «Франция подавлена, и мы хотим подбодрить ее». Франция поняла значение событий на Мадагаскаре и в Сирии. Прибытие американцев приведет к тому, что французская нация перейдет на нашу сторону. Это испугает Франко. Немцы, может быть, сразу же скажут французам: «Отдайте нам ваш флот и Тулон». Это вновь возбудило бы антагонизм между Виши и Гитлером.

Я затем коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге русских армий, чтобы защитить Каспийское море и Кавказские горы и вообще сражаться на этом театре. Однако я не говорил о деталях, поскольку нам, конечно, надо было сначала выиграть нашу битву в Египте и я не был знаком с планами президента относительно участия американцев. Если Сталину понравится эта идея, мы займемся детальной ее разработкой. Он ответил, что они будут очень благо-

дарны за эту помощь, но что детали о расположении и т. д. потребуют изучения. Я был очень заинтересован этим проектом, ибо он привел бы к более ожесточенным боям между англо-американской авиацией и немцами и все это помогло бы завоевать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем тогда, когда надо сидеть и ждать возникновения опасности над Па-де-Кале.

Затем мы собрались около большого глобуса, и я разъяснил Сталину, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря. Я сказал Сталину, что если он захочет опять увидеться со мной, то я в его распоряжении. Он ответил, что по русскому обычаю гость должен сказать о своих желаниях и что он готов принять меня в любое время. Теперь он знал самое худшее, и мы все-таки расстались в атмосфере доброжелательства.

Встреча продолжалась почти четыре часа. Потребовалось полчаса с небольшим, чтобы добраться до государственной дачи № 7. Хотя я был сильно утомлен, я продиктовал после полуночи телеграммы военному кабинету и президенту Рузвельту, а затем крепко и надолго заснул с сознанием, что, по крайней мере, лед сломлен и установлен человеческий контакт.

Москва. Отношения установлены

Поздно следующим утром я проснулся в моем роскошном помещении. Был четверг 13 августа — этот день всегда являлся для меня «днем Бленгейма» *. Я договорился, что в полдень нанесу визит Молотову в Кремле, чтобы разъяснить ему полнее и яснее характер различных операций, которые мы имели в виду. Я указал, насколько было бы вредно для общего дела, если бы вследствие взаимных обвинений из-за отказа от «Следжхэммера» мы были бы вынуждены публично доказывать нецелесообразность таких операций. Я разъяснил также более подробно политическое значение «Торч». Он слушал вежливо, но ничего не говорил. Я предложил ему, чтобы состоялась моя встреча со Сталиным в 10 часов этим вечером. Позднее, днем, мне сообщили, что удобнее было бы устроить встречу в 11 часов. Меня спросили, не захочу ли я взять с собой Гарримана, поскольку речь будет идти о тех же вопросах, что и накануне вечером. Я ответил «да» и сказал, что мне хотелось бы также взять с собой Кадогана, Брука, Уэйвелла и Теддера, которые тем временем благополучно прибыли из Тегерана на русском самолете. На их самолете «Либерейтор» мог произойти очень опасный пожар.

Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы он обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин,— сказал он,— очень

* В битве при Бленгейме (Бавария) 13 августа 1704 года англичане и австрийцы под командованием Мальборо (предок Черчилля) и Евгения Савойского нанесли поражение французам и баварцам.— *Прим. ред.*

мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

* * *

На государственную дачу № 7 я вернулся вовремя, к завтраку.

Погода была прекрасной. Это была как раз такая погода, какую мы особенно любим в Англии,— когда она у нас случается. Я решил, что мы пойдем осмотреть местность. Государственная дача № 7 была красивым, большим, совершенно новым загородным домом, стоящим среди соснового леса площадью около 20 акров, окруженная лужайками и садами. Там были прекрасные дорожки и было приятно в хорошую августовскую погоду полежать на траве или на хвое. Там было несколько фонтанов и большой аквариум с многочисленными видами золотых рыбок, которые были такими ручными, что брали корм из рук. Я завел для себя порядок кормить их каждый день. Весь участок был окружен забором высотой, возможно, 15 футов, который охранялся с обеих сторон значительным числом полицейских и солдат. Примерно в 100 ярдах от дома находилось бомбоубежище. При первом же представившемся случае нас привели туда. Это было бомбоубежище самого последнего и самого роскошного типа. Лифты, расположенные на обоих концах бомбоубежища, опускают вас на 80—90 футов под землю. Там имелось восемь или десять больших комнат внутри бетонного помещения со стенами большой толщины. Комнаты отделены одна от другой тяжелыми скользящими дверями. Освещение было яркое. Мебель была модной, пышной и ярких цветов. Меня больше привлекали золотые рыбки.

* * *

Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Затем начался крайне неприятный разговор. Сталин передал мне документ. Когда он был переведен, я сказал, что отвечу на него в письменной форме и что Сталин должен понять, что мы приняли решение относительно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны. После этого мы спорили почти два часа. За это время он сказал очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами и что если бы мы попытались это сделать, подобно русским, то мы убедились бы, что это не так уж плохо; что мы нарушили наше обещание относительно «Следжхэммера»; что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По-видимому, эти жалобы были адресованы в такой же степени Соединенным Штатам, как и Англии.

Я решительно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили. Однако он вовсе не рассердился и даже не был возбужден. Он повторил свое мнение, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Я вмешался н заявнл, что согласеи с замечаниями Сталина по поводу храбрости русской армии. Предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-Маиша. Накоиец, Сталии сказал, что иет смысла продолжать разговор иа эту тему. Он вынуждеи принять наше решение. Затем ои отрывисто пригласил нас на обед в 8 часов следующего вечера.

Принимая приглашение, я сказал, что вылечу на самолете на рассвете следующим утром, то есть 15-го. Джо, казалось, был несколько озабочен этим и спроснл, ие смогу ли я остаться дольше. Я ответил, что, коиечно, могу, еслн это принесет какую-нибудь пользу, и что, во всяком случае, я останусь еще на день. Я воскликнул затем, что в его позицин не чувствуется уз товарищества. Я проделал большой путь, чтобы устаиовнть хорошие деловые отиошения. Мы сделалн все возможиое, чтобы помочь России, н будем продолжать это делать. Мы были покинуты в полном одиночестве в течение года в борьбе против Германии н Италнн. Теперь, когда трн великие нацин являются союзниками, победа обеспечеиа при условнн, еслн мы не разойдемся и т. д. Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное миою успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания. После этого начался разговор в иесколько меиее иапряжеииой атмосфере.

Сталии начал длнтельное обсуждеиие, касающееся двух русских минометов, стреляющих ракетами, действие которых, по его словам, было опустошительным. Ои предложил показать их иашнм экспертам, если оии могут обождать. Ои сказал, что ои предоставит иам всю иинформацию об этих миинометах, ио не будет ли даио что-иибудь взамен? Не должно ли существовать соглашение об обмеие ииформацией по поводу нзобретеиий? Я сказал, что мы дадим им все, ие торгуясь, за исключением лишь тех прнспособлений, которые, если они окажутся на самолетах над вражескими позициями н будут сбиты, сделают для иас более трудной бомбардировку Германии. Он согласился с этим. Он также согласнлся с тем, чтобы его военные представители встретились с нашими геиералами, и такая встреча была иамечена иа 3 часа дня. Я сказал, что им потребуется, по крайней мере, четыре часа, чтобы полностью разобраться в различных технических вопросах, связаиных с «Следжхэммером», «Раунд-ап» и «Торч». Он как-то заметил, что операция «Торч» «правильна с военной точки зрения», ио что политическая стороиа дела требует более деликатного, то есть более внимательного, отиошеиня. Время от времени он возвращался к «Следжхэммеру» н выражал свое иедовольство по этому поводу. Когда он сказал, что наше обещание ие было выполнеио, я ответил: «Я отвергаю это заявление. Каждое обещание было выполиено», и сослался на памятную запнску, которую я передал Молотову. Он как будто нзвинился, заявнв, что выражает свое искреинее и честное мнение, что между нами иет недоверня, а существует только расхождеиие во взглядах.

Накоиец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намереи ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При этом вопросе он послал за иаглядиой моделью и совершеиио откровеиио и с явным знанием дела разъясинл прочиость этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал иа различные проходы н сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплеиы ли они, и он ответил: «Да, коиечно». Линия фронта русских, до которой враг еще ие дошел, иаходилась севериее осиовиого хребта. Он сказал, что нм прндется держаться в тече-

ние двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать, а также подробно говорил о силе Черноморского флота, который был сконцентрирован в Батуми.

Вся эта часть беседы была менее напряженной, однако, когда Гарриман задал вопрос по поводу планов доставки американских самолетов через Сибирь, на что русские лишь недавно дали согласие после продолжительных настояний американцев, он ответил отрывисто: «Войны не выигрывают планами». Гарриман все время поддерживал меня, и ни один из нас не сделал ни малейшей уступки и не произнес ни одного горького слова.

Сталин раскланялся с нами и протянул мне на прощание свою руку, и я пожал ее.

* * *

14 августа я сообщил военному кабинету следующее:

«Мы спрашивали себя, какова причина этого явления и такой перемены после того, как накануне вечером мы достигли благоприятной почвы. Мне кажется наиболее вероятным, что его Совет Комиссаров воспринял известие, которое я привез, не так хорошо, как он. Возможно, они обладают большей властью, чем мы думаем, но меньше знают дело. Возможно, он фиксировал свою позицию для будущих целей и в их интересах, а также давал выход своему раздражению. Кадоган говорит, что переход на такой более жесткий тон последовал за открытием переговоров Идена в рождественские дни, а Гарриман говорит, что эта тактика была также использована в начале миссии Бивербрука.

Мое обдуманное мнение таково, что в душе, поскольку она есть у него, Сталин знает, что мы правы и что шесть дивизий в операции «Следжхэммер» не принесли бы ему пользы в этом году. Больше того, я убежден, что его уверенное и быстрое военное суждение делает его сильным сторонником операции «Торч». По-моему, не исключено, что он внесет поправки. Я не отказываюсь от такой надежды. Во всяком случае, я уверен, что лучше было объясниться так, а не как-либо иначе. Никогда за все время не было сделано ни малейшего намека на то, что они не будут продолжать сражаться, и я лично думаю, что Сталин вполне уверен в том, что он победит.

Когда я поблагодарил Сталина за 40 самолетов «Бостон», он сделал полупрезрительный жест и сказал: «Это американские самолеты. Когда я дам вам русские самолеты, тогда вы сможете благодарить меня». Этим он не хотел выразить пренебрежение к американским самолетам, а хотел сказать, что он рассчитывает на свои собственные силы.

Я делаю большую скидку, учитывая напряжение, которое они испытывают. Наконец, я думаю, что они хотят полной огласки нашего визита».

* * *

Ниже приводится меморандум, который Сталин вручил мне:

13 августа 1942 г.

«В результате обмена мнений в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что Премьер-Министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена

в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г.

Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне *и моим коллегам* * кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра».

Следующим утром, 14 августа, хорошо отдохнув, я подготовил с помощью начальника имперского генерального штаба и Кадогана следующий ответ, который казался мне подходящим и исчерпывающим:

«1. Самый лучший второй фронт в 1942 году и единственная возможная крупная операция с Атлантического океана — это операция «Торч». Если ее можно будет осуществить в октябре, она окажет больше помощи России, чем какой-либо другой план. Она также подготовляет почву для 1943 года и обладает четырьмя преимуществами, упомянутыми премьером Сталиным во время беседы 12 августа. Правительства Англии и Соединенных Штатов приняли решение по этому поводу, и все подготовительные мероприятия осуществляются самыми быстрыми темпами.

2. По сравнению с операцией «Торч» атака шестью или восемью англо-американскими дивизиями Шербурского полуострова и Нормандских островов явилась бы рискованной и бесплодной операцией. Немцы обладают достаточными войсками на Западе, чтобы блокировать нас на этом узком полуострове, имеющем линии укреплений, и они сосредоточили бы против

* Курсив мой.

нас все свои воздушные силы на Западе. По мнению всех английских морских, военных и авиационных авторитетов, эта операция может закончиться лишь катастрофой. Если даже мы закрепимся, это не отвлечет ни одной дивизии из России. Это принесет также гораздо больше неприятностей нам, чем врагу, и приведет к расточительному и бессмысленному расходованию отборных людей и десантных судов, которые требуются для настоящих действий в 1943 году. Таково наше согласованное мнение. Начальник имперского генерального штаба разъяснит детали русским командующим в любых подробностях, какие могут оказаться желательными.

3. Никакое обещание не было нарушено Великобританией или Соединенными Штатами. Я ссылаюсь на параграф 5 моей памятной записки, переданной г-ну Молотову 10 июня 1942 года, в которой ясно говорится, что, «следовательно, мы не можем дать обещания». Эта памятная записка была вручена после продолжительных бесед, во время которых было совершенно ясно заявлено, что шансы принятия такого плана очень малы. Некоторые из этих бесед записаны.

4. Однако всякого рода разговоры относительно англо-американского вторжения во Францию в этом году ввели в заблуждение врага и удерживали большие воздушные силы и значительные военные силы на французском берегу Ла-Манша. Было бы вредно для общих интересов, особенно для интересов русских, если бы возникли какие-либо публичные разногласия, во время которых для английского правительства стало бы необходимым сообщить народу сокрушающие аргументы против операции «Следжхэммер», которыми, по его мнению, оно располагает. Широко распространенное разочарование было бы вызвано в русских армиях, которые подбадривались по этому поводу, и враг мог бы отвести новые войска с Запада. Самый разумный курс — это использовать «Следжхэммер» для маскировки «Торч» и объявить «Торч» вторым фронтом, когда эта операция начнет осуществляться. Это то, что мы сами намерены сделать.

5. Мы не можем допустить, чтобы переговоры с г-ном Молотовым о втором фронте при всех тех оговорках, которые были сделаны как в устной, так и письменной форме, создали какие-либо основания для изменения стратегических планов русского высшего командования.

6. Мы вновь подтверждаем нашу решимость помогать нашим русским союзникам всеми имеющимися средствами».

* * *

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около сорока человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. «Несколько лет назад,— сказал он,— нас посетили Джордж Бернард Шоу и леди Астор». Леди Астор предложила пригласить Ллойд Джорд-

жа посетить Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае,— сказал Сталин,— Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено»,— заметила леди Астор. «Я не уверен,— ответил Сталин,— в критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся; тогда я спросил: «Вы простили мне?» «Премьер Сталин говорит,— перевел Павлов,— что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу».

* * *

Во время одной из моих последних бесед со Сталиным я сказал: «Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: «Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?» Да, я действительно заявил это,— сказал я,— имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года». И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с запозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого». Во имя нашего общего дела я удержался и не спросил, что произошло бы с нами всеми, если бы мы не выдержали натиска, пока он предоставлял Гитлеру так много ценных материалов, времени и помощи.

* * *

Как только я смог, я послал более официальный отчет о банкете Эттли и президенту.

Бывший военный моряк —
заместителю премьер-министра
и президенту Рузвельту

17 августа 1942 г.

«1. Обед прошел в весьма дружественной атмосфере при обычных русских церемониях. Уэйвелл произнес великолепную речь на русском языке. Я предложил выпить за здоровье Сталина, а Александр Кадоган предложил тост за гибель и проклятие нацистов. Хотя я сидел по правую руку от Сталина, я не имел возможности поговорить с ним о серьезных вещах. Сталина и меня сфотографировали вместе, а также с Гарриманом. Сталин произнес довольно длинную речь в честь «Интеллидженс сервис», в которой он сделал любопытное упоминание о Дарданеллах в 1915 году, сказав, что англичане победили, а немцы и турки уже отступали, но мы не знали этого, потому что наша разведка была несовершенной. Нарисованная им картина, хотя и была неточной, по-видимому, предназначалась для меня в качестве комплимента.

2. Я уехал примерно в час тридцать минут утра, так как боялся, что нам придется застрять на просмотре длинного фильма, а я был утомлен. Когда я прощался со Сталиным, он сказал, что существующие разногласия касаются только методов. Я сказал, что мы попытаемся устранить даже и эти разногласия своими делами. После сердечного рукопожатия я направился к выходу и уже сделал несколько шагов по заполненной людьми комнате, но он поспешил вслед за мной и проводил меня очень далеко по коридорам и лестницам до парадной двери, где мы снова пожали друг другу руки.

3. В своем отчете вам о встрече в четверг вечером я, быть может, смотрел на вещи слишком мрачно. Я считаю, что я должен сделать скидку на действительно прискорбное разочарование, которое они испытывают здесь в связи с тем, что мы ничего не можем сделать, чтобы помочь им в их колоссальной борьбе. В конце концов они проглотили эту горькую пилюлю. Теперь мы должны обратить все свое внимание на ускорение операции «Торч» и на разгром Роммеля».

* * *

Мы со Сталиным договорились о встречах между руководящими военными представителями обеих сторон. 15 августа состоялось два совещания.

Я послал следующее сообщение об их результатах Эттли и президенту Рузвельту:

«На совещании в Москве в субботу [15 августа] Ворошилов и Шапошников * встретились с Бруком, Уэйвеллом и Теддером, которые подробно изложили причины отказа от операции «Следжхэммер». Это не произвело никакого впечатления, поскольку русские, хотя и были настроены вполне благосклонно, действовали по строгим инструкциям. Они даже не пытались сколько-нибудь серьезно и подробно обсуждать этот вопрос. Через некоторое время начальник имперского генерального штаба попросил сообщить ему подробно о положении на Кавказе, на что Ворошилов ответил, что он не уполномочен говорить на эту тему, но попросит соответствующих полномочий. В связи с этим днем состоялось второе заседание, на котором русские повторили то, что Сталин сообщил нам, а именно, что 25 дивизий будет выделено для обороны кавказских горных позиций и проходов по обе стороны и что, как они полагают, им удастся удержать Батум, Баку и кавказскую горную цепь до тех пор, пока зимние снега значительно не улучшат их положение. Однако начальник имперского генерального штаба не успокоился. Так, например, Ворошилов заявил, что все проходы укреплены, но когда начальник имперского генерального штаба летел на высоте 150 футов вдоль западного берега Каспийского моря, он видел, что северная линия обороны только начала возводиться вместе с противотанковыми заграждениями, дотами и т. п. В частной беседе со мной Сталин открыл мне другие веские основания своей уверенности, в том числе и план широкого контрнаступления, но он просил меня держать это в особом секрете, и я не буду дальше об этом распространяться здесь. Я лично считаю, что существуют равные шансы и на то, что они выдержат, но начальник имперского генерального штаба не уверен в этом».

---

* Начальник русского штаба.

* * *

Меня обижало многое, что говорилось на наших совещаниях. Я делал всяческие скидки на то напряжение, которое испытывали советские руководители в условиях, когда они вели кровопролитные сражения на фронте почти в 2 тыс. миль, а немцы находились в 50 милях от Москвы и двигались к Каспийскому морю. Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование Советов было — «второй фронт сейчас». В конце концов Брук даже повёл себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно.

Нам предстояло вылететь на рассвете 16-го. Накануне вечером, в 7 часов, я отправился попрощаться со Сталиным. Состоялась полезная и важная беседа. В частности, я спросил, сможет ли он удержать кавказские горные проходы и помешать немцам достигнуть Каспийского моря, захватить нефтепромыслы в районе Баку, воспользоваться связанными с этим преимуществами и затем рвануться на юг через Турцию или Персию. Он разостлал на столе карту и сказал со спокойной уверенностью: «Мы остановим их. Они не перейдут через горы». Он добавил: «Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане *. Если это верно, то я смогу расправиться и с ними». Я сказал, что нет такой опасности. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией.

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он мне показал свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью». Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить». Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче № 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Скоро прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично

---

* Так в оригинале.— *Прим. ред.*

понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 ч 30 мин до 2 ч 30 мин следующего утра, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне. В свое время я уже рассказал об этом инциденте. В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

«Г-н Сталин спрашивает,— сказал Павлов несколько нерешительно,— разве у английского флота нет чувства гордости?» Я ответил: «Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне».— «Это означает,— вмешался Сталин,— что я ничего не знаю». «Россия сухопутный зверь,— сказал я,— а англичане морские звери». Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение. Я перевел разговор на Молотова: «Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной».

Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: «Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры».

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась. Я заговорил о высадке англичан в Норвегии при поддержке русских и объяснил, что, если бы нам удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев. Этот план, как можно заключить из предыдущего, всегда был одним из моих излюбленных планов. Казалось, что Сталину он понравился, и, обсудив средства его осуществления, мы договорились, что нам следует выполнить его по мере возможности.

* * *

Было уже за полночь, а Кадоган не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне,— спросил я,— на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет,— сказал он,— политика коллективизации была страшной борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой,— сказал я,— ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С 10 миллионами,— сказал он, подняв руки.— Это было что-то страш-

ное, это длилось четыре года, но для того чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны были механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали тракторы крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском». Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да,— сказал он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» — спросил я.

«Что ж,— ответил он,— многие из них согласились пойти с нами. Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области или в Иркутской или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но мы неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух.

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров. До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но теперь было уже больше половины второго утра, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после двух часов утра. Он возвратился минут через двадцать, и к тому времени мы согласовали коммюнике. Наконец в 2 ч 30 мин утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно

был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?»

Ниже я привожу опубликованный текст коммюнике:

«Англо-советское коммюнике о переговорах Премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля с Председателем Совнаркома СССР И. В. Сталиным.

В Москве происходили переговоры между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталиным и Премьер-министром Великобритании г-ном У. Черчиллем, в которых участвовал господин Гарриман как представитель Президента США. В беседах приняли участие Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, маршал К. Е. Ворошилов — с советской стороны, Британский посол сэр А. Кларк Керр, Начальник Имперского генерального штаба сэр А. Брук и другие ответственные представители британских вооруженных сил, постоянный заместитель Министра Иностранных Дел сэр Александр Кадоган — с английской стороны.

Был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями».

* * *

Мы вылетели в 5 ч 30 мин утра. Я с радостью заснул в самолете, и ничего не помню о местности, над которой мы летели, и о самом полете, до тех пор пока мы не достигли Каспийского моря и не начали подниматься над Эльбурсом. В Тегеране я не отправился в здание миссии, а поехал в прохладную и спокойную летнюю резиденцию высоко в горах над городом. Здесь меня ждало множество телеграмм. Я предполагал на следующий день провести в Багдаде совещание с большинством наших высокопоставленных представителей в Персии и Ираке, но я думал, что не вынесу багдадской жары в августовский день, а было очень легко изменить план и перенести совещание в Каир. Я пообедал вместе с членами миссии в тот вечер в приятной лесистой местности и с радостью отложил все заботы до утра.

Из Тегерана я направил Сталину следующую телеграмму:

Премьер-министр —
премьеру Сталину

16 августа 1942 г.

«По прибытии в Тегеран после быстрого и благополучного перелета я пользуюсь случаем поблагодарить вас за ваше товарищеское отношение и гостеприимство. Я очень доволен тем, что побывал в Москве, во-первых,

потому, что моим долгом было рассказать обо всем, и, во-вторых, потому, что я уверен в том, что наш контакт будет играть полезную роль в содействии нашему делу. Передайте мой привет г-ну Молотову».

Я также направил, как обычно, отчет военному кабинету и президенту Рузвельту.

16 августа 1942 г.

«Я отправился попрощаться с г-ном Сталиным вчера в семь часов вечера, и мы имели приятную беседу, в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое казалось весьма отрадным. Он, безусловно, весьма уверенно говорит о том, что удержится до зимы. В 8 ч 30 мин вечера, когда я собрался уходить, он спросил, когда он увидит меня в следующий раз. Я ответил, что уезжаю на рассвете. Тогда он сказал: «Почему бы вам не зайти ко мне на квартиру в Кремле и не выпить немного?» Я отправился к нему и остался на обед, на который был приглашен также г-н Молотов. Г-н Сталин представил меня своей дочери, славной девушке, которая робко поцеловала его, но которой не было разрешено остаться на обед. Обед и редактирование коммюнике продолжались до трех часов утра. У меня был очень хороший переводчик, и я имел возможность говорить более свободно. Преобладала атмосфера особенной доброжелательности, и мы впервые установили непринужденные и дружелюбные отношения. Мне кажется, я установил личные взаимоотношения, которые будут полезны. Мы много говорили о «Юпитере» *, который, по его мнению, будет необходим в ноябре или декабре. Без него я не представляю себе, как мы сможем доставлять материалы, которые будут необходимы для дальнейшего оснащения этой колоссальной сражающейся армии. Транспередская дорога пропускает лишь половину того, на что мы надеялись. Больше всего ему необходимы грузовики. Он предпочел бы иметь грузовики, а не танки, которых он выпускает 2 тысячи в месяц. Он также хочет получить алюминий».

«В целом,— закончил я,— я определенно удовлетворен своей поездкой в Москву. Я убежден в том, что разочаровывающие сведения, которые я привез с собой, мог передать только я лично, не вызвав действительно серьезного расхождения. Эта поездка была моим долгом. Теперь им известно самое худшее, и, выразив свой протест, они теперь настроены совершенно дружелюбно, и это несмотря на то, что сейчас они переживают самое тревожное и тяжелое время. Кроме того, г-н Сталин абсолютно убежден в больших преимуществах операции «Торч», и я надеюсь, что «Торч» продвигается вперед с нечеловеческой энергией по обе стороны океана».

---

* Операции в Северной Норвегии.— *Прим. перев.*

Шарль де Голль

Сражающаяся Франция

Голль, Шарль Андре Жозеф Мари де (1890—1970) — французский государственный, военный и политический деятель, бригадный генерал (с 19 мая 1940 г.). Участник первой мировой войны, был три раза ранен, находился в плену. В 1919—1921 годах — член французской военной миссии в Польше. В 1932—1936 годах — секретарь Высшего военного совета Постоянного комитета национальной обороны. Полковник (с 1937 г.). Командовал 507-м танковым полком, танковой бригадой в 5-й армии. С 15 мая 1940 года — командир 4-й танковой дивизии. 5 июня 1940 года назначен заместителем министра национальной обороны. 18 июня обратился по радио из Лондона с призывом к французскому народу продолжать борьбу против фашистской Германии. Возглавил движение «Свободная Франция». 2 августа 1940 года был приговорен коллаборационистским военным трибуналом к смертной казни. С июля 1943 года — сопредседатель, а с ноября 1943 года — председатель Французского комитета национального освобождения (ФКНО). С июня 1944 до января 1946 года — председатель Временного правительства Французской Республики. В 1958—1959 годах — премьер-министр, в 1959—1969 годах — президент Франции.

ПОРАЖЕНИЕ

По наклонной плоскости

За годы моей жизни я составил себе собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувством. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит

Из первого тома «Военных мемуаров» Шарля де Голля.

Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. L'Appel. 1940—1942. Paris, 1954. Печатается по: *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Призыв. 1940—1942 годы. М., 1957. С. 29—131.

печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы, но не гений самой нации.

Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией.

В юности меня особенно волновало все связанное с судьбами Франции, будь то события ее истории или ее политической жизни. Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг и что наступит день, когда мне представится такая возможность.

Когда я поступил на военную службу, армия занимала очень большое место в жизни народов. Подвергаясь нападкам и оскорблениям, она спокойно и с тайной надеждой ждала, что настанут дни, когда все будет зависеть от нее. Окончив Сен-Сирское военное училище, я поступил в 33-й пехотный полк в Аррасе, где началась моя офицерская служба. Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника. Впоследствии, когда, подобно соломинке, я был захвачен ураганом войны и пережил все перипетии этой драмы — боевое крещение, тяготы и лишения окопной жизни, атаки, обстрелы, ранения, плен, я мог убедиться в том, что Франция, в результате низкой рождаемости, бессодержательных идей и беспечности властей лишенная значительной части необходимых для ее обороны средств, все-таки сумела сделать невероятное усилие и своими неисчислимыми жертвами восполнить то, чего ей недоставало, чтобы выйти победительницей из этого испытания.

В последующие годы моя карьера прошла ряд различных этапов: командировка в Польшу и участие в польской кампании, преподавание истории в Сен-Сирском военном училище, затем в Военной академии, служба в канцелярии маршала Петэна, командование 19-м егерским батальоном в Треве, служба в штабах на Рейне и в Леванте. Повсюду я наблюдал восстановление французского престижа в результате недавних успехов Франции и в то же время чувство неуверенности за ее будущее, порождаемое непоследовательностью ее руководителей. Между тем военная служба давала огромное удовлетворение моему сердцу и уму. В армии, пребывавшей в состоянии бездействия, я видел силу, предназначенную для великих свершений в ближайшем будущем.

Было ясно, что окончание войны не обеспечило мира. По мере того как Германия восстанавливала свои силы, она возвращалась к своим прежним притязаниям.

В то время как Россия была всецело занята своей революцией, а Америка держалась в стороне от европейских дел, в то время как Англия попустительствовала Берлину, чтобы Париж нуждался в ее помощи, а вновь созданные государства Европы были еще слабы и разрознены, Франции одной приходилось сдерживать Германию. И она действительно старалась это

делать, но делала иепоследовательио. Вначале наша политика под руководством Пуанкаре применяла по отношенню к Германии прннуждение, затем по инициатнве Бриана делала попытки к примиренню с ней и наконец стала искать спасения в Лиге Наций. Однако германская угроза становилась все более реальной. Гнтлер шел к власти.

В этот период я был назначен секретарем Высшего совета нацнональной обороиы — постоянного органа прн премьер-мнинстре, ведавшего подготовкой государственного аппарата н всей нацнн к войне. С 1932 по 1937 год, при четырнадцати различных кабннетах, я прнннмал участне в работе по изучению всевозможных политнческнх, техннческих и административных меропрнятнй, связаиных с обороной страны. В частностн, я ознакомился с плаиами обеспечения безопасности н ограничения вооруженнй, которые были предложены в Женеве: первый — Андре Тардье, а второй — Поль-Бонкуром. Я готовил материалы, необходнмые для прннятня решений правнтельством Думерга в связи с его намерением изменнть внешнеполитический курс после прихода Гитлера к властн. Мне прншлось бесконечное чнсло раз переделывать проект закона об организации государства во время войны. Я заиимался разработкой меропрнятнй по мобилнзацин гражданских административных органов, различных отраслей промышлениостн, коммунального обслуживаиия. Выполнение этих обязанностей, участие в совещаниях, общение с различными политнческими деятелямн позволили мие убедиться в огромных возможностях иашей страны, но в то же время и в иемощи ее государственного аппарата.

В областн иациональной обороиы подобиые условня препятствовали выработке стройного плана, принятию обдуманных решенй н осуществлению необходимых мероприятнй, которые в своей совокупиостн составляют то, что изывается последовательной полнтикой.

Вот почему командные кадры, лишениые систематического и планомериого руководства со стороны правительства, оказалнсь во власти рутины. В армии господствовалн концепции, которых прндерживались еще до окончания первой мировой войиы. Этому в значнтельной мере способствовало и то обстоятельство, что воеиные руководители дряхлели на свонх постах, оставаясь прнверженцами устаревшнх взглядов, прннесших нм в свое время славу.

Идея позиционной войны составляла основу стратегин, которой собирались руководствоваться в будущей войие. Она же определяла органнзацию войск, их обучение, вооружение и всю воеиную доктрину в целом.

Предполагалось, что в случае войны Франция мобнлнзует свои резервы н сформирует нз них макснмальиое колнчество дивизнй, предназначенных ие для маневрнрования, иаступлення н развитня успеха, а для того, чтобы удерживать оборонительные участкн. Предполагалось, что этн дивнзнн займут позицин вдоль французской и бельгийской границ — при этом нсходили из того, что Бельгия будет нашнм союзником,— и на этнх познциях будут ждать иаступления противника.

Что касается таких средств, как танки, самолеты, орудня на механнческой тяге с круговым обстрелом, которые в последних сражениях мировой войны показали свою прнгодность для нанесення внезапных ударов и осуществлеиия прорыва фронта и мощь которых с тех пор непрерывно возрастала, то нх собнралнсь использовать лишь для уснлення обороны или, в случае необходимостн, для восстановления линни фронта с помощью

местных коитратак. В связи с этим определялись и соответствующие виды вооружения: тихоходные танки, вооруженные легкими малокалиберными пушками и предназначенные для сопровождения пехоты, а отнюдь не для стремнтельных и самостоятельных действнй; истребители для защиты воздушного простраиства. И в то же время бомбардировочиая авиация была слаба, а штурмовики полностью отсутствовали; артиллерийские орудия с узким горизонтальным сектором обстрела, приспособленные для ведеиия огня с определенной позиции и вовсе ие пригодные для передвижеиия по любой местности и для ведения кругового обстрела.

К тому же заранее предполагалось, что фронт пройдет по «линии Мажино», продолжением которой будут служить бельгийские укреплеиия. Таким образом, мыслилось, что вооруженная иация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидаиии, когда, истощенный блокадой, он потерпит крах под натиском свободиого мира.

Такая воеииая доктриuа соответствовала самому духу режима. Обречеиный на застой из-за слабости государственной власти и постоянных политических разногласий, он неизбежио должеи был придерживаться этой пассивной воеиной доктрины. Она играла роль обнадеживающей панацеи и настолько соответствовала умоиастроениям в стране, что любой деятель, добнвавшийся своего избрания, рукоплесканий по своему адресу или возможности выступить в печати, должен был публично признать ее высокие качества.

Пребывая во власти иллюзии, что, объявив войну войие, якобы можио помешать агрессорам развязать ее, помня об атаках, за которые пришлось заплатить столь дорогой ценой, и ие представляя себе отчетливо всей той революции, которую за это время произвел в военном деле мотор, общественное мнеиие даже и ие помышляло о наступательных действиях.

Словом, все способствовало тому, чтобы положить принцип пассивностн в осиову нашей иациональиой обороны.

Мне личио такое направление представлялось крайие опасным. Я считал, что в стратегическом отиошении оио целиком и полиостью отдает инициативу в руки противника. С политической точки зреиия я полагал, что широковещательные заявления о иашем иамерении ие выводить свои армии за пределы границ поощряют Германию к действиям против слабых и изолированных стран: Саара, Рейнских государств, Австрии, Чехословакии, Прибалтийских государств, Польши и т. д. Мие казалось, что тем самым мы отдаляем Россию от союза с иами и даем Италии поиять, что при любых обстоятельствах мы ие собираемся пресекать ее злоиамеренных действий. И наконец, с моральиой точки зреиия мне представлялось пагубным убеждать страну в том, что в случае войны участие Франции сведется к тому, чтобы драться как можно меньше.

Надо сказать, что философия действия, вопросы подготовки вооруженных сил и их использоваиия со стороны государства, проблема взаимоотношений между правительством и командоваиием интересовали меня уже давно, и я имел возможность высказать свои мысли по этому поводу в таких работах, как «Разлад в лагере противника», «На острие шпаги», а также в ряде журиальных статей. В частности, я прочитал в Сорбонне несколько публичных лекций по вопросам ведения войны.

Но вот в январе 1933 года Гитлер стал полновластиым хозяином Германии. С этого момеита события иеизбежно должиы были развиваться в

стремительном темпе. Так как не нашлось никого, кто бы предложил что-либо, отвечающее сложившейся обстановке, то я счел своим долгом обратнться к общественному мнению н нзложить свой собствеииый план. Но поскольку это могло повлечь за собой определениые последствия, иадо было ожидать, что наступит день, когда на меня будет обращено внимание общественного мнения. Не без колебанні я решил выступить после 25 лет подчинення официальной военной доктриие.

В кннге, озаглавлеииой «За профессиоиальную армию», я изложил свой плаи н свои нден. Я предлагал иемедлеино приступить к созданию ударной маневренной армин, в состав которой входили бы отборные механизированные н бронетанковые войска н которая должиа была существовать иаряду с соедниеииями, комплектуемыми на осиове мобилизации.

В 1933 году я поставнл этот вопрос в журнале «Ревю политик э парлемаитер». Весной 1934 года вышла моя кинга, в которой приводились доводы в пользу создания армии, приспособлеииой к иашим условиям, и обосиовывались принципы ее организацин.

Почему нужна такая армия? Останавлнваясь прежде всего иа обеспечении обороиы Фраиции, я указывал на то, что географические условия, предопределяющие возможность вторжения на нашу территорию с севера и северо-востока, иациоиальные особенности иемецкого иарода со свойствеиными ему иепомериыми притязаииями, влекущими его иа запад, через Бельгню к Парижу, наконец, характер фраицузского иарода, в силу которого он оказывается застигнутым врасплох в начале каждой войиы,— все это, подчеркивал я, вынуждает нас постоянно держать часть иаших сил иаготове, чтобы в любой момеит можно было иачать боевые действня.

«Мы ие можем,— пнсал я,— рассчнтывать иа то, что плохо укомплектованные и слабо осиащенные войска, занимающие иаспех созданные оборонительиые рубежи, смогут отразить первый удар. Настало время, когда наряду с армией, комплектуемой за счет массы резервистов и призывников и составляющей осиовиой элемеит национальной обороиы, требующей, однако, много времени для сосредоточеиия н введения в дело, иеобходимо нметь сплоченную, хорошо обученную маиевреиную армию, способную действовать без промедления, то есть армию, иаходящуюся в постояиной боевой готовиостн».

Затем я коснулся вопроса о техиике. С тех пор как машииа заняла господствующее место в боевых порядках, так же как н во всех остальных сферах человеческой деятельиости, основным фактором, определяющим эффектнвность техникн, становнтся высокая квалификация тех, кто ею пользуется. Это в первую очередь было применимо в отиошении таких иовых средств борьбы, появнвшихся в результате нспользования мотора, как танки, самолеты, военные кораблн, которые очень быстро совершеиствовались и возрождалн прнменение маиевра. «Отныие ие может быть сомнения в том,— указывал я,— что иа суше, на море и в воздухе отборные кадры, способные нзвлечь макснмум из исключительио мощиой и разнообразной боевой техники, обладают огромиым превосходством иад слабо организованными, хотя н многочисленными войсками».

Я указывал цель, к которой следовало стремиться: «Шесть лииейиых н одна легкая полностью моторизованных дивизий, имеющих также и танки, составят армию, способную сыграть решающую роль».

Предполагаемая организация такой армии определялась миою совер-

шенно точно. Каждая линейная дивизия должна была включать: одну танковую бригаду в составе двух полков — одного полка тяжелых танков и одного средних, а также один батальон легких танков; одну мотострелковую бригаду в составе двух мотострелковых полков и одного егерского батальона, оснащенную вездеходами; одну артиллерийскую бригаду, имеющую на вооружении орудия с круговым обстрелом, в составе двух артиллерийских полков — пушечного и гаубичного и одного зенитного дивизиона. Для обеспечения боевых действий этих трех бригад дивизия должна была дополнительно включать: разведывательный полк, саперный батальон, батальон связи, маскировочный батальон и различные службы.

Легкая моторизованная дивизия, предназначаемая для ведения разведки и охраны на большом удалении, должна была иметь более быстроходные машины. Помимо этого сама армия должна была располагать резервами общего назначения: тяжелыми танками, артиллерией очень крупного калибра, саперными и маскировочными средствами, средствами связи. И наконец, эта мощная армия должна была иметь в своем распоряжении крупные силы разведывательной, истребительной и штурмовой авиации: по одной авиагруппе на каждую дивизию и один авиационный полк на армию в целом, не считая самолетов, которые могли быть использованы для ведения совместных действий авиации с наземными мотомеханизированными войсками.

Однако для того чтобы ударная армия была в состоянии полностью использовать возможности, которые обеспечивает ей вся эта сложная и дорогостоящая техника, чтобы она была готова действовать в любой момент, на любом театре, не ожидая пополнения и не нуждаясь в обучении своего личного состава, ее следовало укомплектовать профессиональными кадрами. Общая численность такой армии должна была составлять 100 тыс. человек. Ее части должны были комплектоваться за счет добровольцев. Проходя в течение шести лет службу в отборных войсках, личный состав такой армии получил бы хорошую подготовку благодаря наличию техники, духу соревнования и спаянности. В дальнейшем этот личный состав мог бы быть использован в качестве кадров для частей, комплектуемых на основе призыва, и для резервов.

Я писал о том, что авиация, нанося бомбовые удары по врагу с воздуха, подготавливает и дополняет успех боевых действий, которые ведет на земле механизированная армия, а последняя, в свою очередь, вторгаясь в районы, подвергшиеся опустошению авиации, делает стратегически целесообразными разрушительные действия воздушных эскадр.

При разработке моего проекта я, конечно, использовал взгляды и идеи, которые получили распространение в связи с появлением боевых машин. Генерал Этьенн, горячий сторонник механизированной армии и первый инспектор танковых войск, еще в 1917 году высказывал мысль, что следует использовать значительное количество танков на большом удалении от танков непосредственного сопровождения пехоты. В связи с этим в конце 1918 года заводы начали выпускать огромные боевые машины весом в 60 тонн. Однако после заключения перемирия производство танков было прекращено, а теория свелась к формуле «согласованных действий пехоты и танков», которая дополнила формулу «танков сопровождения». Англичане, впервые массированно использовавшие в 1917 году в Камбре королевский танковый корпус и на большую глубину, явились зачинателями в этой облас-

ти. Они продолжали отстаивать теорию самостоятельного применения бронетанковых войск, горячими приверженцами которой были генерал Фуллер и Лиддел Гарт. Во Франции в 1933 году военное командование, объединив в лагере Сюип разрозненные танковые подразделения, создало ядро легкой дивизии, имеющей целью разведку и охранение.

Некоторые в этой области шли еще дальше. В своей книге «Мысли солдата», опубликованной в 1929 году, генерал фон Сект указывал на огромное превосходство, которым будет обладать хорошо обученная армия над плохо организованными войсками. При этом он имел в виду, с одной стороны, стотысячную германскую армию, солдаты которой проходили долгосрочную службу, а с другой стороны — многочисленную, но, по его мнению, плохо спаянную французскую армию. Итальянский генерал Дуэ, определяя эффект, который могли бы дать воздушные бомбардировки промышленных и других жизненно важных центров, приходил к выводу, что авиация сама по себе способна решить исход войны. И наконец, «план-максимум», который Поль-Бонкур отстаивал в 1932 году в Женеве, предполагал создать при Лиге Наций профессиональную армию, передав в ее распоряжение все танки и всю авиацию европейских стран, и возложить на эту армию обеспечение коллективной безопасности. Мой план приводил в систему все эти разрозненные, но единые в своей основе взгляды и ставил целью воспользоваться ими в интересах Франции.

Моя книга «За профессиональную армию» вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма. Поскольку она была воспринята как чисто теоретический труд, которым соответствующие инстанции могут воспользоваться по своему усмотрению, в ней видели изложение весьма оригинальных взглядов. Никому и в голову не приходило, что на основе этих взглядов можно произвести практическую перестройку всего нашего военного аппарата. Если бы я считал, что время терпит, то я мог бы ограничиться отстаиванием своей концепции в кругах специалистов в расчете на то, что самый ход событий заставит признать обоснованность моих доводов. А между тем Гитлер не терял времени.

Уже в октябре 1933 года он порвал с Лигой Наций и произвольно предоставил себе полную свободу действий в области вооружений. В 1934—1935 годах Германия предприняла огромные усилия в производстве оружия и укомплектовании своих вооруженных сил. Национал-социалистский режим открыто заявлял о своем намерении разорвать Версальский договор и завоевать «жизненное пространство». Для осуществления такой политики необходимо было располагать ударной армией. Гитлер, разумеется, готовил всеобщую мобилизацию. Вскоре после прихода к власти он ввел трудовую повинность, а затем и всеобщую воинскую повинность. Но помимо этого ему нужна была армия вторжения, чтобы разрубить гордиевы узлы в Майнце, Вене, Праге, Варшаве и одним ударом вонзить германский меч в сердце Франции.

Для людей осведомленных не было секретом, что фюрер намерен воспитать новую германскую армию в духе своих идей, что он охотно прислушивался к мнению офицеров, группировавшихся ранее вокруг генерала фон Секта, таких, как Кейтель, Рундштедт, Гудериан, сторонников стремительного маневра и высокого уровня подготовки войск, которые в связи с этим ориентировались на бронетанковые силы. Было, наконец, известно, что, разделяя взгляды Геринга, Гитлер стремился создать авиацию,

которая могла бы тесно взаимодействовать с наземными войсками. Вскоре мне сообщили, что он ознакомился с моей книгой, которая обратила на себя внимание его советников. В ноябре 1934 года стало известно, что Германия создает первые три танковые дивизии. Книга полковника генерального штаба германской армии Неринга, опубликованная в этот период, свидетельствовала о том, что их организация, по сути дела, совпадает с той, какую я предлагал для наших будущих бронетанковых соединений. В марте 1935 года Геринг заявил, что вскоре Германия будет располагать сильным воздушным флотом, в состав которого помимо большого количества истребителей войдет также много бомбардировщиков и мощная штурмовая авиация. И хотя каждое из этих мероприятий являлось вопиющим нарушением договоров, свободный мир ограничился лишь платоническими протестами Лиги Наций.

Мне было невыносимо тяжело наблюдать, как наш будущий противник обеспечивает себя средствами, необходимыми для достижения победы, в то время как Франция по-прежнему лишена их. А между тем в обстановке невероятной апатии, в которой пребывала нация, не нашлось ни одного авторитетного деятеля, который бы поднял свой голос и потребовал принятия необходимых мер. Дело было настолько серьезным, что я не счел себя вправе молчать, хотя и занимал скромное положение и не имел большого влияния. Ответственность за состояние национальной обороны лежала на правительстве, и я решил поставить этот вопрос перед ним.

Прежде всего я связался с Андре Пиронно, редактором «Эко де Пари», впоследствии главным редактором газеты «Эпок». Он согласился пропагандировать проект создания бронетанковой армии и не давать правительству передышки в этом вопросе, постоянно напоминая ему о нем на страницах издаваемой им крупной газеты. Связав начатую кампанию со злободневными событиями, Андре Пиронно опубликовал сорок редакционных статей, которые способствовали популяризации этого вопроса. Всякий раз, когда те или иные события привлекали внимание общественности к проблемам национальной обороны, мой единомышленник на страницах своей газеты доказывал необходимость создания механизированной армии. Поскольку было известно, что в области вооружения главные усилия Германии направлены на создание средств нападения и развития успеха, Пиронно усиленно бил тревогу, но его голос тонул в обстановке всеобщего равнодушия. Десятки раз он доказывал, что может наступить момент, когда немецкие бронетанковые силы при поддержке авиации смогут внезапно сокрушить нашу оборону и вызвать среди нашего народа панику, которую уже нельзя будет ничем сдержать.

В то время как Андре Пиронно делал свое благородное дело, целый ряд других журналистов и критиков так или иначе ставили тот же вопрос. В конце концов накопилось столько веских фактов, что одними газетными статьями столь важная проблема уже не могла быть разрешена. Необходимо было, чтобы ею занялись руководящие политические инстанции страны.

Я считал, что исключительно подходящей для этой цели фигурой являлся Поль Рейно. Он мог оценить всю важность проблемы, он обладал талантом, позволявшим убедить в этом других, и достаточной смелостью, чтобы настаивать на ее решении. К тому же Поль Рейно — хотя он и тогда уже пользовался известностью — производил впечатление человека с большим будущим. Я встретился с ним, убедил его и с тех пор стал работать с ним вместе.

15 марта 1935 года он выступил в палате депутатов с убедительной речью, в которой говорил о том, почему и каким образом наши вооруженные силы должны быть дополнены первоклассной механизированной армией. Вскоре после этого, в связи с тем, что правительство внесло законопроект о продлении срока воинской повинности до двух лет, Поль Рейно, полностью соглашаясь с этим законопроектом, внес проект закона о «немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной легкой моторизованной дивизии, резервов общего назначения и служб. Эта армия должна комплектоваться за счет личного состава, поступающего на службу по контракту, и должна быть полностью приведена в готовность не позднее 15 апреля 1940 года». В течение трех лет Поль Рейно отстаивал свою позицию. Он это делал в многочисленных речах, которые производили глубокое впечатление на инертных парламентариев, в своей книге «Французская военная проблема», в ярких статьях и интервью и, наконец, в беседах по этому вопросу с влиятельными политическими и военными деятелями. Постепенно за ним утвердилась репутация решительного государственного деятеля, человека новых взглядов, который как будто создан для того, чтобы взять в свои руки власть в случае серьезных осложнений.

Между тем официальные органы и официозная пресса, вместо того чтобы признать очевидную необходимость реформы и пойти на ее проведение, хотя бы и ограничиваясь принятием ее только в принципе и лишь намечая пути ее проведения, продолжали цепляться за существующую систему. К несчастью, при этом они проявили столько упорства, что себе же самим закрыли пути к отступлению. Чтобы дискредитировать идею механизированной армии, они пытались представить ее в искаженном свете. Чтобы заставить усомниться в техническом прогрессе, они пошли по пути его отрицания. Чтобы противодействовать ходу событий, они старались его не замечать. На этом примере я убедился в том, что всякий раз, когда столкновение различных идей и мнений требует отказа от привычных заблуждений и чревато опасностями для людей с положением, оно неизбежно приобретает непримиримый характер теологических споров.

Генерал Дебеней, прославленный командующий армией в войне 1914—1918 годов, разработавший в 1927 году, будучи начальником генерального штаба, законы об организации вооруженных сил, решительно осуждал выдвинутый проект. В «Ревю де дё монд» он авторитетно утверждал, что любой вооруженный конфликт в Европе будет окончательно решен на нашей северо-восточной границе и что задача состоит в том, чтобы эту границу упорно оборонять. Ни в принципах нашей национальной обороны, ни в методах их осуществления он не видел ничего такого, что следовало бы изменить, и настаивал лишь на усилении системы, которая зиждилась на этих принципах. В том же журнале выступал и генерал Вейган. Считая априори, что моя концепция ведет к разделению армии на две части, он категорически возражал: «Две армии? — Ни в коем случае!» Что касается задач механизированной армии, о которых я говорил, то Вейган не отрицал их целесообразности, но утверждал, что эти задачи могут быть выполнены уже имеющимися у нас средствами. «Мы имеем,— указывал он,— механизированный, моторизованный и кавалерийский резерв. Заново создавать нечего, ибо все уже имеется». Выступая 4 июля 1939 года в Лилле, генерал Вейган еще раз заявил, что, с его точки зрения, мы ни в чем не нуждаемся.

Маршал Петэн также счел нужным выступить. Он это сделал в предисловии к книге генерала Шовнно «Возможно ли еще вторженне?». Маршал высказывал убежденне, что танки и авиация не меняют характера войны и что основным условием безопасности Франции является сплошной фронт, усиленный фортнфнкационными сооружениями. За подписью Жана Рнвьера «Фигаро» опубликовала целую серню ннспирированных и успокаивающих статей: «Танки не являются непобедимыми», «Слабость танков», «Когда политики заблуждаются» н т. п. В «Меркюр де Франс» некий генерал, пнсавший под псевдонимом «Трн звездочки», отвергал самый принцип моторизацин армии: «Немцы с присущим им наступательным духом, естественно, должны иметь танковые дивизии. Но миролюбивая Франция, перед которой стоят оборонительные задачн, не может быть сторонницей моторизации».

Иные критики прнбегалн к насмешкам. Так, один из них писал в толстом литературном журнале: «Стремясь оставаться в рамках учтивости, весьма затруднительно оценить идеи, которые граничат с безумием. Скажем прямо, господин де Голль с его современными идеями имеет предшественника в лице короля Юбю *, который, также будучи великим стратегом, уже давным-давно предвосхитнл его мысль. «Когда мы вернемся из Польши,— говорил он,— мы благодаря нашим познаниям в области физики изобретем ветряную машнну, способную перевозить всю нашу армию».

Если консерваторы с нх рутиной были настроены глубоко враждебно к моему проекту, то н доктринеры из числа сторонников прогресса были расположены к нему не лучше. В ноябре — декабре 1934 года в газете «Попюлер» Леон Блюм открыто заявлял о непрнязни и тревоге, которую внушает ему мой план. Во многих статьях — «Профессиональные солдаты н профессиональная армия», «Нужна ли нам профессиональная армия?», «Долой профессиональную армию!» — он также выступал противником создания специалнзированной армин. Прн этом он вовсе не исходил из интересов национальной обороны, а действовал во имя каких-то идеологических принципов, которые он именовал демократическими н республиканскими и которые по традиции во всем военном усматривали угрозу существующему режиму. Поэтому Леон Блюм предавал анафеме профессиональную армию, которая, как он утверждал, по своему составу, по своему духу и по своему вооружению автоматически будет представлять угрозу республике.

Так, получая поддержку справа и слева, официальные инстанции упорно отказывались что-либо изменить. Законопроект Поля Рейно был отвергнут комиссией палаты по вопросам вооруженных сил. В соответствующем докладе, который представил Сенак и который был составлен при непосредственном участии штаба сухопутных войск, говорилось, что предлагаемая реформа «бесполезна, нежелательна и противоречит логике и нсторин». С парламентской трибуны военный министр генерал Морэн возражал депутатам, выступавшнм за маневренную армию: «Неужели вы думаете, что, потратив огромные усилия на создание укрепленного барьера, мы будем настолько безумными, что выйдем за этот барьер и ввяжемся в какую-то авантюру?» И дальше он сказал: «Я здесь высказываю точку зрения правнтельства, которое, в моем лнце во всяком случае, отлично знакомо с нашнм

* Король Юбю — персонаж комедии-фарса Альфреда Жарри. Тип короля Юбю стал символом эгоистического глупого буржуа.— *Прим. ред.*

планом действий на случай войны». Это заявление, решавшее судьбу механизированной армии, в то же время говорило всем в Европе, кто умел слушать, что Франция при любых обстоятельствах ограничится лишь выдвижением войск на «линию Мажино».

Как это и следовало ожидать, министерский гнев обрушился на мою голову. Однако он не принял характера официального осуждения, а проявлялся в виде эпизодических выпадов. Однажды, например, в Елисейском дворце после одного из заседаний Высшего совета национальной обороны, секретарем которого я являлся, генерал Морэн обратился ко мне со следующими словами: «Прощайте, де Голль! Там, где нахожусь я, вам больше не место!» В своем кабинете, когда заходила речь обо мне, он говорил своим посетителям: «Пером ему служит Пиронно, а граммофоном — Рейно. Я отправляю его на Корсику!» И все же генерал Морэн лишь пугал меня громом: у него хватило великодушия не поражать меня ударами молний.

Фабри, сменивший через некоторое время Морэна на улице Сен-Доминик, и генерал Гамелен, занявший после генерала Вейгана пост начальника генерального штаба, оставаясь в то же время во главе штаба сухопутных войск, унаследовали от своих предшественников отрицательное отношение к моему проекту, а ко мне лично испытывали чувство неловкости и раздражения.

События шли своим чередом. Гитлер, который теперь знал, как вести себя по отношению к нам, приступил к осуществлению целой серии насильственных актов. Уже в 1935 году в связи с проведением плебисцита в Саарской области он создал настолько угрожающую атмосферу, что французское правительство предусмотрительно решило выйти из игры, а население Саара, напуганное неистовством немцев, под их нажимом в огромном большинстве высказалось за присоединение к Германии. Муссолини со своей стороны благодаря поддержке правительства Лаваля и терпимости кабинета Болдуина, не побоявшись санкций Женевы, начал завоевание Абиссинии. 7 марта 1936 года немецкая армия внезапно перешла Рейн.

Версальский договор запрещал германским войскам доступ на территории, расположенные по левому берегу Рейна, которые к тому же по Локарнскому соглашению были демилитаризованы. В соответствии с договором мы имели право вновь занять эти территории, как только Германия откажется от своей подписи под соглашением. Если бы у нас к тому времени хотя бы частично была создана танковая армия с ее быстроходными боевыми машинами и личным составом, готовым выступить немедленно, то естественный ход событий двинул бы эту армию на Рейн. Поскольку наши союзники — поляки, чехи, бельгийцы — готовы были нас поддержать, а англичане обязались это сделать еще раньше, Гитлеру, несомненно, пришлось бы отступить. Действительно, он только что начал осуществление программы вооружений и еще не был в состоянии вести войну большого масштаба. А для Гитлера такое поражение, нанесенное Францией в данный период на данной территории, могло иметь роковые последствия в его собственной стране. Идя на подобный риск, он мог проиграть все разом.

Он выиграл в этой игре все. Организация нашей национальной борьбы, характер ее средств, сам дух ее — все это способствовало бездействию нашего правительства, которое по своей природе охотно шло по этому пути и помешало нам выступить. Поскольку мы были готовы лишь к обороне нашей границы и ни при каких условиях не допускали возможности пе-

реступить ее, не могло быть сомнения, что Франция не окажет противодействия. Фюрер был в этом уверен. Весь мир это констатировал. Вместо того чтобы заставить Германию вывести свои войска из Рейнской области, поставив их под угрозу, ей дали возможность без единого выстрела оккупировать эту область и занять позиции непосредственно у границ Франции и Бельгии. Ну а после этого оскорбленный до глубины души министр иностранных дел Фланден мог отправляться в Лондон, чтобы выяснить намерения англичан; премьер-министр Сарро со своей стороны мог заявлять, что французское правительство «не допустит, чтобы Страсбург находился в пределах досягаемости германских орудий»; французская дипломатия могла добиваться от Лиги Наций принципиального осуждения Гитлера — все это были пустые слова и бесцельное размахивание руками перед лицом свершившегося факта.

Мне казалось, что тревога, вызванная в общественном мнении оккупацией Рейнской области, может оказаться спасительной. Правительство могло этим воспользоваться, чтобы восполнить чреватые смертельной опасностью пробелы. Несмотря на то что все внимание страны было поглощено выборами и последовавшим за ними социальным кризисом, все соглашались с необходимостью укрепить оборону страны. Если бы все усилия были направлены на создание именно той армии, которой нам не хватало, главное еще могло быть спасено. Но ничего сделано не было. Значительные военные кредиты, полученные в 1936 году, использовали на усовершенствование существующей системы, а не на изменение ее.

Однако я еще не потерял надежды. В обстановке невероятного брожения, царившего в тот период в стране и которое нашло свое политическое выражение на выборах и в парламенте в виде комбинации, именуемой «народным фронтом»,— в этой обстановке наличествовал, как мне казалось, определенный психологический элемент, позволявший покончить с пассивностью. Вполне естественно было предположение, что в условиях торжества национал-социализма в Берлине, господства фашизма в Риме, наступления фалангизма на Мадрид Франция пожелает перестроить как свою социальную структуру, так и свою военную организацию.

В октябре 1936 года председатель Совета министров Леон Блюм пригласил меня к себе. Наша беседа состоялась вечером того же дня, когда бельгийский король заявил, что он разрывает союз с Францией и с Англией. Он мотивировал свои действия тем, что в случае, если Германия нападет на его страну, этот союз не сможет ее защитить. «В самом деле,— заявлял он,— при современных возможностях танковых армий мы были бы одинокими при любых обстоятельствах».

Леон Блюм горячо убеждал меня, что он с большим интересом относится к моим идеям. «Однако,— заметил я,— вы против них боролись».— «Когда становишься главой правительства, взгляд на вещи меняется»,— ответил он. Сначала мы говорили о том, что может произойти, если Гитлер, как это следовало предполагать, пойдет на Вену, Прагу или Варшаву. «Очень просто,— заметил я,— в зависимости от обстановки, мы призовем людей либо из резерва первой очереди, либо из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуры наших укреплений, будем безучастно созерцать, как порабощают Европу».— «Как? — воскликнул Леон Блюм.— Разве вы сторонник того, чтобы мы направили экспедиционный корпус в Австрию, в Богемию, в Польшу?» — «Нет! — ответил я.— Но если вермахт будет наступать вдоль Дуная

или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии предпринять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. И наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к действию. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?» Премьер-министр охотно со мною согласился, но заметил: «Было бы, конечно, прискорбно, если бы нашим друзьям в Центральной и Восточной Европе пришлось стать жертвами вторжения. Однако в конечном счете Гитлер ничего не добьется до тех пор, пока не нанесет поражения нам. А как он может это сделать? Вы согласитесь с тем, что наша система, мало пригодная для наступательных действий, блестяще приспособлена для обороны».

Я доказывал, что это вовсе не так. Напомнив заявление, опубликованное утром Леопольдом III, я заметил, что именно из-за превосходства немцев ввиду отсутствия у нас отборной механизированной армии мы и лишились союза с Бельгией. Глава правительства не возражал, хотя и считал, что позиция Брюсселя объясняется не только стратегическими соображениями. «Во всяком случае,— сказал он,— наша оборонительная линия и фортификационные сооружения смогут обеспечить безопасность нашей территории».— «Нет ничего более сомнительного,— ответил я.— Уже в 1918 году не существовало непреодолимой обороны. А ведь какой прогресс достигнут с тех пор в развитии танков и авиации! В будущем массированное использование достаточного количества боевых машин позволит прорвать на избранном участке любой оборонительный барьер. А как только брешь будет проделана, немцы смогут при поддержке авиации двинуть в наш глубокий тыл массу своих быстроходных танков. Если мы будем располагать танками в равном количестве, все можно будет исправить, если же нет — все будет проиграно».

Премьер-министр сообщил мне, что правительство с одобрения парламента приняло решение помимо обычных бюджетных ассигнований дополнительно израсходовать крупные суммы на национальную оборону и что значительная часть этих средств будет выделена на производство танков и самолетов. Я обратил его внимание на тот факт, что из числа самолетов, производство которых было предусмотрено, почти все предназначены для обороны, а не для нападения. Что касается танков, то на девять десятых предполагалось создать машины марки «рено» и «гочкисс» образца 1935 года, которые, хотя и модернизированы, все же обладают большим весом, малой скоростью, вооружены малокалиберным короткоствольным орудием и предназначены для сопровождения пехоты, а отнюдь не для выполнения самостоятельных задач в составе специальных танковых соединений. Впрочем, об этом никто и не думает. В результате наша военная организация останется такой же, какой она и была. «Мы построим,— сказал я,— столько же танков и израсходуем столько же средств, сколько потребовалось бы для создания танковой армии, а иметь этой армии все-таки не будем».— «Как используются кредиты, ассигнованные военному министерству,— заметил премьер-министр,— это дело Даладье и генерала Гамелена».— «Несомненно,— ответил я.— Однако я позволяю себе заметить, что за состояние национальной обороны отвечает правительство». Во время нашей беседы раз десять звонил телефон: Леона Блюма отвлекали по мелким парламент-

ским и административным вопросам. Когда я собирался уходить, вновь раздался телефонный звонок. Леон Блюм сделал усталый жест и сказал: «Судите сами, легко ли главе правительства придерживаться вашего плана, если он и пяти минут не может сосредоточиться на одном и том же!»

Вскоре я узнал, что, хотя наша беседа и произвела на премьер-министра сильное впечатление, он не собирается потрясать основы здания и что ранее предусмотренный план не будет изменен. Отныне наши шансы на то, чтобы своевременно уравновесить свои силы с новыми возможностями Германии, казались мне значительно подорванными. Я был убежден, что характер Гитлера, его воззрения, его возраст, то возбуждение, в которое он привел немецкий народ, заставляют его действовать без промедления. Теперь дело пойдет настолько быстро, что Франция уже не сможет ликвидировать своего отставания, если бы даже ее руководители этого и захотели.

1 мая 1937 года на параде в Берлине впервые приняла участие полностью укомплектованная танковая дивизия и сотни самолетов. На зрителей — и в первую очередь на французского посла Франсуа-Понсэ и наших атташе — эта военная техника произвела впечатление такой мощной силы, которой может противостоять только равноценная сила. Но их донесения не заставили французское правительство пересмотреть ранее принятые решения. 11 марта 1938 года Гитлер осуществил аншлюс. Он бросил на Вену механизированную дивизию, один вид которой склонил всех к безоговорочному подчинению. Вместе с этой дивизией он к вечеру того же самого дня победоносно вступил в австрийскую столицу. Франция не сделала для себя никаких выводов из грубого гитлеровского выступления. Все старания были употреблены на то, чтобы утешить публику ироническими описаниями аварий, которые потерпели несколько немецких танков во время этого форсированного марша. Не было извлечено уроков также и из опыта гражданской войны в Испании, где итальянские танки и немецкая штурмовая авиация, даже при очень ограниченном их количестве, решали исход боя всюду, где бы они ни появлялись.

В сентябре с согласия Лондона, а затем и Парижа Гитлер захватил Чехословакию. За три дня до Мюнхена, выступая в берлинском Спортпаласе, рейхсканцлер поставил все точки над «и», вызвав бурю восторженного ликования и энтузиазма. «Теперь,— кричал он,— я могу открыто заявить о том, что всем вам уже известно. Мы создали такое вооружение, какого мир еще никогда не видел!» 15 марта 1939 года он добился от президента Гаха полной капитуляции и в тот же день занял Прагу. Затем, 1 сентября, Гитлер выступил против Польши. Во всех актах этой трагедии Франция играла роль жертвы, ожидающей, когда наступит ее очередь.

Все эти события не удивляли, но чрезвычайно огорчали меня. В 1937 году я преподавал в школе усовершенствования офицерского состава, после чего был назначен командиром 507-го танкового полка в Меце. Занятость в полку и удаленность от Парижа лишали меня необходимых условий и связей для продолжения начатой мною борьбы. К тому же весной 1938 года Поль Рейно вошел в состав кабинета Даладье вначале в качестве министра юстиции, а затем — министра финансов. Не говоря уже о том, что отныне его связывала министерская солидарность, теперь все внимание министра поглощали неотложные задачи по восстановлению экономического и финансового равновесия в стране. Но главное заключалось в том, что упорство правительства в отстаивании оборонительной военной системы, в то время

как немцы проявляли в Европе крайний динамизм, слепота политического режима, занятого всякими пустяками перед лицом готовой ринуться на нас Германии, глупость ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию,— все это, по сути дела, было результатом глубочайшего национального самоотречения, против которого я был бессилен. И все-таки в 1938 году, предчувствуя надвигающуюся бурю, я опубликовал книгу под названием «Франция и ее армия». В ней я показывал, как на протяжении столетий армия являлась зеркалом, в котором неизменно отражаются душа страны и ее будущее. Это было моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы.

Когда в сентябре 1939 года французское правительство по примеру английского кабинета решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я нисколько не сомневался, что в нем господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет. Являясь командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, я отнюдь не удивлялся полнейшему бездействию наших отмобилизованных сил, в то время как Польша в течение двух недель была разгромлена бронетанковыми дивизиями и воздушными эскадрами немцев. Вмешательство Советского Союза, несомненно, ускорило поражение поляков. Но в позиции, которую занял Сталин, неожиданно выступив заодно с Гитлером, отчетливо проявилось его убеждение, что Франция не сдвинется с места и у Германии, таким образом, руки будут свободными и что лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой. В то время как силы противника почти полностью были заняты на Висле, мы, кроме нескольких демонстраций, ничего не предприняли, чтобы выйти на Рейн. Мы также ничего не предприняли, чтобы обезвредить Италию, чего можно было достичь, предложив ей выбор между угрозой французского вторжения и нашими уступками за ее нейтралитет. Мы ничего не предприняли, наконец, для того, чтобы теснее соединиться с Бельгией путем выдвижения наших сил к Льежу и каналу Альберта.

Вдобавок ко всему официальная военная школа считала эту выжидательную политику весьма удачной стратегией. Выступая по радио и в печати, члены правительства и в первую очередь его глава, а также многие другие видные деятели всячески подчеркивали преимущества стабильной обороны, благодаря которой, говорили они, нам удается без потерь сохранять нашу территориальную целостность. Главный редактор газеты «Фигаро» Бриссон, посетивший меня в Вангенбурге, спросил о моем мнении по этому вопросу. Когда я выразил сожаление по поводу бездействия наших вооруженных сил, он воскликнул: «Разве вам не ясно, что воды Марны теперь уже не будут красны от крови?» В один из январских дней, будучи в Париже, я присутствовал на обеде у Поля Рейно на улице Риволи, где встретился с Леоном Блюмом. «Каковы ваши прогнозы?» — обратился он ко мне. «Весь вопрос теперь в том, нанесут ли немцы весною удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве».— «Вы так думаете? — удивился Леон Блюм.— Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязнуть в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бессильны против «линии Мажино»!» Когда президент Лебрен приезжал в 5-ю армию, я ему показал мои танки. «Я знаком с вашими идеями,— любезно сказал он.— Но, по-видимому, уже слишком поздно, чтобы противник смог ими воспользоваться».

На самом же деле слишком поздно было для нас. И все-таки 26 января я попытался сделать последнее усилие. Я направил меморандум 80 наиболее видным деятелям правительства, командования и политических кругов. Я стремился убедить их в том, что противник предпримет наступление, располагая мощной механизированной армией и сильной авиацией; что наш фронт в связи с этим может быть в любой момент прорван; что, поскольку мы не имеем в своем распоряжении равноценных средств для отпора, нас могут разгромить; что необходимо немедленно же принять решение о создании таких средств; что одновременно с производством соответствующих видов вооружения необходимо срочно свести в единый механизированный резерв те из уже существующих или формируемых подразделений, которые могли бы на худой конец войти в его состав. Я заканчивал меморандум следующими словами: «Французский народ ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапных атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом... Не следует заблуждаться! Начавшаяся война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю. Породивший ее политический, экономический, социальный и моральный кризис носит столь глубокий и всеобъемлющий характер, что он неизбежно приведет к коренному перевороту в положении народов и в структуре государств. В силу непостижимой гармонии вещей орудием этого переворота, вполне соответствующим его гигантским масштабам, становится армия моторов. Уже давно пора Франции сделать из этого вывод».

Мой меморандум не вызвал сенсации. Однако высказанные мною идеи и очевидность самих фактов стали оказывать некоторое воздействие. К концу 1939 года были созданы две легкие механизированные дивизии; третья дивизия находилась в стадии формирования. Но и это были соединения, предназначенные для прикрытия. Они могли оказаться весьма полезными в качестве средств, приданных бронетанковым силам и используемых для разведки, но были малоэффективными при отсутствии таковых. 2 декабря 1938 года по настоянию генерала Бийота Высший военный совет принял решение создать две бронетанковые дивизии. Одна из них была сформирована в начале 1940 года, вторую предполагалось сформировать в марте. Дивизии эти оснащались тридцатитонными танками типа «В», первые образцы которых были созданы еще 15 лет назад. Наконец-то их было выпущено около 300 штук! Однако по своей боевой мощи каждая из этих дивизий, независимо от качества боевых машин, была весьма далека от того, что я предлагал. В ее состав предполагалось включить 120 танков, я же говорил о 500. Она имела всего лишь один батальон мотопехоты, перевозимый на автомашинах, тогда как в соответствии с моим планом их следовало иметь семь и оснастить вездеходами. Дивизия включала два артиллерийских дивизиона, я же считал, что в ее состав надо включить семь дивизионов, вооруженных орудиями с круговым обстрелом. В дивизию не предполагалось включать разведывательный батальон. Я же считал, что он ей необхо-

дим. И наконец, я имел в виду использовать механизированные войска исключительно в качестве самостоятельной силы, исходя из чего и строилась их организация и командование ими. Здесь же речь шла совсем о другом: предполагалось придать бронетанковые дивизии различным армейским корпусам прежнего типа. Иначе говоря, намеревались растворить их в общем боевом порядке.

В области политики делались столь же робкие и нерешительные попытки внести некоторые изменения, что и в деле организации национальной обороны. Состояние безмятежного спокойствия, охватившее руководящие круги в начале «странной войны», стало постепенно исчезать. Мобилизация миллионов людей, переключение промышленности на производство вооружения, большие военные расходы вызывали в стране брожение, результаты которого становились уже очевидными для встревоженных политиков. В то же время не было заметно каких-либо признаков постепенного ослабления противника, чего так ждали от блокады. Никто открыто не ратовал за иную военную политику, для проведения которой не было необходимых средств, однако все выражали тревогу и едко критиковали политику, которая проводилась. В конце концов, как обычно, разразился правительственный кризис. Режим, не способный принять меры, которые обеспечили бы спасение, попытался обмануть самого себя и общественное мнение. 21 марта палата свергла кабинет Даладье. 23 марта Поль Рейно сформировал новое правительство.

Новый премьер-министр вызвал меня в Париж. По его поручению я написал ясную и краткую декларацию для зачтения в парламенте, которую он полностью одобрил. За кулисами уже плелись различные интриги. В этот период мне довелось быть в Бурбонском дворце и присутствовать на заседании, на котором правительство представлялось парламенту.

Это заседание было ужасным. После того как глава правительства выступил перед скептически настроенной и мрачной палатой с правительственной декларацией, начались прения. В ходе их выступили представители группировок и отдельных лиц, считавших себя обойденными в результате очередной министерской комбинации. Опасность, переживаемая родиной, необходимость усилий со стороны нации, содействие свободного мира — все это упоминалось только для того, чтобы облечь в нарядные одежды свои претензии и свое озлобление. Леон Блюм, также не получивший места в правительстве, был единственным оратором, который выступил с подъемом. Благодаря ему Поль Рейно, правда, с большим трудом, но все же одержал верх. Правительство получило вотум доверия большинством в один голос. «Я еще не вполне уверен,— говорил мне потом председатель палаты Эррио,— что этот голос действительно был получен».

Прежде чем вернуться к месту службы в Вангенбург, я провел несколько дней у премьер-министра на Кэ д'Орсэ. Этого времени было вполне достаточно, чтобы убедиться, до какой степени деморализации дошел режим. Во всех партиях, в печати и в государственных учреждениях, в деловых и профсоюзных кругах весьма влиятельные группировки открыто склонялись к мысли о необходимости прекратить войну. Люди осведомленные утверждали, что такого мнения придерживается маршал Петэн, посол в Мадриде, которому через испанцев якобы известно, что немцы охотно пошли бы на соглашение. Повсюду говорили: «Если Рейно падет, власть возьмет Лаваль, рядом с которым будет Петэн. В самом деле, маршал сможет заставить

командование заключить перемирие». В тысячах экземпляров распространялась листовка с тремя изображениями Петэна. Сначала он был изображен в виде полководца — победителя первой мировой войны. Под рисунком было написано: «Вчера — великий солдат!..» Под вторым рисунком, на котором его изобразили в форме посла, стояла подпись: «Сегодня — великий дипломат!..» И наконец, на третьем рисунке он был изображен очень крупно, но в каком-то неопределенном виде. Под рисунком было написано: «А завтра?..»

Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России: оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией. Многие открыто восхищались Муссолини. Кое-кто даже внутри самого правительства выступал за то, чтобы Франция добилась благосклонного отношения дуче, уступив ему Джибути и Чад и согласившись на создание франко-итальянского кондоминиума в Тунисе. Со своей стороны коммунисты, которые с большим шумом выступали в поддержку национальных интересов, пока Берлин был не в ладах с Москвой, принялись поносить «капиталистическую» войну сразу же после того, как Молотов договорился с Риббентропом. Что касается совершенно дезориентированной массы, чувствовавшей, что ничто и никто во главе государства не в состоянии руководить событиями, то она находилась в состоянии сомнения и неуверенности. Ясно было, что серьезное испытание вызовет в стране волну отчаяния и ужаса, которая может погубить все.

В такой напряженнейшей обстановке Поль Рейно пытался утвердить свою власть. Положение еще более осложнялось тем, что он находился в постоянном конфликте с Даладье, своим предшественником на посту главы правительства, который, однако, вошел в кабинет Рейно в качестве министра национальной обороны и военного министра. Но такое странное положение нельзя было изменить, поскольку радикальная партия, без поддержки которой кабинет не мог бы существовать, настаивала на том, чтобы ее лидер оставался в правительстве, надеясь при первой возможности вновь возглавить кабинет. С другой стороны, Поль Рейно, желая расширить ничтожное правительственное большинство, пытался рассеять то предубеждение, с каким относились к нему умеренные. Сделать это было очень трудно, так как значительная часть правых стремилась к миру с Гитлером и соглашению с Муссолини. Таким образом, председатель Совета министров был вынужден поручить пост статс-секретаря Полю Бодуэну, весьма влиятельному в этих кругах человеку, и назначить его секретарем вновь учрежденного Военного комитета.

Поль Рейно предполагал доверить этот пост мне. Военный комитет, занимавшийся вопросами ведения войны, в состав которого в связи с этим входили руководители основных министерств, а также командующие сухопутной армией, военно-морским флотом и военно-воздушными силами, мог играть очень важную роль. Подготавливать различные вопросы к обсуждению в комитете, участвовать в его заседаниях, сообщать о его решениях и наблюдать за их выполнением — таковы были обязанности секретаря Военного комитета. Многое могло зависеть от того, как эти обязанности будут исполняться. Но если Поль Рейно, казалось, хотел поручить исполнение этих обязанностей мне, то Даладье не соглашался на это. Представи-

телю премьер-министра, который прибыл к нему на улицу Сен-Доминик, чтобы сообщить об этом намерении главы правительства, он ответил без обиняков: «Если сюда придет де Голль, я оставлю этот кабинет, спускаюсь вниз и передаю по телефону Рейно, чтобы он посадил его на мое место».

Даладье вовсе не был настроен ко мне враждебно. Он это доказал в свое время, когда, будучи министром, принял решение о внесении меня в список лиц, представляемых к очередному производству, чему всячески препятствовали различные ведомственные интриганы. Но Даладье, который в течение многих лет нес ответственность за состояние национальной обороны, слишком свыкся с существующей системой. Чувствуя, что не сегодня-завтра события вынесут свой приговор, заранее понимая все последствия этого, считая, что все равно уже поздно предпринимать реорганизацию, он тем не менее упорнее, чем когда-либо, цеплялся за свои старые позиции. А для меня занять должность секретаря Военного комитета вопреки желанию министра национальной обороны было, конечно, невозможно. И я снова уехал на фронт.

Перед отъездом я побывал у генерала Гамелена, который вызвал меня в свою ставку в замке Венсенн. Он жил там как отшельник. При нем находилось всего несколько офицеров, и он работал и размышлял, не вмешиваясь в текущие дела. Командование северо-восточным фронтом Гамелен поручил генералу Жоржу. Так могло продолжаться до тех пор, пока на фронте царило спокойствие, но это, безусловно, стало бы невозможным, если бы начались бои. Сам генерал Жорж с частью своего штаба разместился в Ла-Ферте-су-Жуар, в то время как другие отделы во главе с начальником штаба главнокомандующего генералом Думанком находились в Монтри. Таким образом, штаб главного командования был разделен на три части. В своем венсеннском уединении генерал Гамелен произвел на меня впечатление ученого, который, замкнувшись в лаборатории, комбинирует различные элементы своей стратегии.

Прежде всего он сказал мне, что намерен увеличить количество бронетанковых дивизий с двух до четырех, и сообщил о своем решении доверить мне командование 4-й бронетанковой дивизией, которая должна быть сформирована к 15 мая. Независимо от чувств, которые я испытывал в связи с нашей, по-видимому, безнадежной отсталостью в отношении механизированных войск, для меня, в то время полковника, было очень лестно получить командование дивизией. Я сказал об этом генералу Гамелену. Он ответил: «Я понимаю ваше удовлетворение. Что же касается вашего беспокойства, то для него, по-моему, нет никаких оснований».

Главнокомандующий обрисовал мне положение, как он его себе представлял. Раскрыв карту, на которую была нанесена дислокация противника и наших войск, он сказал, что в ближайшее время ожидает наступления немцев. По его мнению, это наступление в основном должно быть направлено против Голландии и Бельгии, с тем чтобы выйти к Па-де-Кале и отрезать нас от англичан. На основании различных признаков он предполагал, что до этого противник предпримет диверсию или отвлекающую операцию в направлении Скандинавских стран. Гамелен не только считал свою диспозицию вполне надежной и верил в высокие качества своих войск. Больше того, он был доволен, что им придется сражаться, и даже с нетерпением ждал этого момента. Слушая его, я убедился в том, что этот человек, воплощавший определенную военную систему и много потрудившийся над ее

разработкой, безгранично уверовал в ее достоинства. Мне показалось также, что, обращаясь к примеру Жоффра, ближайшим помощником, а отчасти и вдохновителем которого он был в начале первой мировой войны, генерал Гамелен убедился в том, что на его посту главное — это раз и навсегда принять определенный план и в дальнейшем ни при каких обстоятельствах от него не отклоняться. Человек большого и тонкого ума и огромного самообладания, он, конечно, не сомневался, что в приближающемся сражении победу в конце концов одержит он.

С чувством уважения, но в то же время и некоторой досады я покинул этого выдающегося военачальника, замкнувшегося в своей келье, которому предстояло внезапно нести огромную ответственность и все поставить на карту в игре, заведомо обреченной, как я полагал, на поражение.

Через пять недель разразилась гроза. 10 мая противник, предварительно захватив Данию и почти всю Норвегию, начал большое наступление. Повсюду наступление вели механизированные войска и авиация. Основные силы следовали за ними, но ни разу они не были введены в серьезные бои. Двумя группами, под командованием Гота и Клейста, десять бронетанковых и шесть моторизованных дивизий ринулись на запад. Семь из десяти бронетанковых дивизий, пройдя Арденны, через три дня вышли к реке Маас. 14 мая они форсировали ее в пунктах Динан, Живе, Монтерме и Седан. Их действия постоянно поддерживали и прикрывали четыре моторизованные дивизии, их непрерывно сопровождала штурмовая авиация, а немецкие бомбардировщики одновременно бомбили железнодорожные линии и стыки дорог в нашем тылу, парализуя тем самым наш транспорт. 18 мая, пройдя «линию Мажино», прорвав наши боевые порядки, уничтожив одну из наших армий, эти семь бронетанковых дивизий сосредоточились вокруг Сен-Кантена, готовые в любую минуту двинуться на Париж или на Дюнкерк. Тем временем остальные три дивизии в сопровождении двух моторизованных дивизий, действуя в Голландии и в Брабанте, где союзники располагали голландской, бельгийской и английской армиями, а также двумя французскими армиями, внесли непоправимый разброд и смятение в ряды всей этой массы из 800 тыс. человек. Можно сказать, что в течение недели судьба войны была предрешена. Армия, государственный аппарат, вся Франция теперь уже с головокружительной быстротой катились вниз по наклонной плоскости, на которой мы очутились уже давно в результате допущенной роковой ошибки.

Между тем армия имела 3 тыс. современных французских танков и 800 бронеавтомобилей. У немцев их было не больше. Но дело в том, что в соответствии с планом у нас они были рассредоточены по отдельным участкам фронта. К тому же по своей конструкции и вооружению они совершенно не годились для того, чтобы выступать в качестве маневренной силы. Даже те несколько бронетанковых дивизий, которыми мы располагали, были введены в бой изолированно. Три легкие механизированные дивизии, направленные с целью разведки к Льежу и Бреда, были вскоре вынуждены отступить и занять оборону. 1-я бронетанковая дивизия, которую придали армейскому корпусу и 16 мая бросили в контратаку западнее Намюра, была окружена и уничтожена. В тот же день части 2-й бронетанковой дивизии, переброшенные по железной дороге в район Ирсона, по мере их выгрузки вовлекались в поток общего хаоса. Силы только что сформированной 3-й бронетанковой дивизии сразу же были распределены между баталь-

онами одной из пехотных дивизий и еще накануне увязли в безуспешной контратаке южнее Седана. Если бы эти бронетанковые дивизии были заранее объединены, то даже при всем их несовершенстве они могли бы нанести захватчику тяжелые удары. Но они действовали изолированно друг от друга, и уже спустя шесть дней после начала немецкого наступления под натиском германских танковых колонн от них сохранились лишь жалкие остатки.

Догадываясь о действительном положении вещей на основании доходивших до меня обрывочных сведений, я дорого дал бы, чтобы оказалось, что я ошибался в своих догадках.

Но в сражении, даже и проигранном, солдат уже не принадлежит себе. В свою очередь и я оказался целиком во власти событий. 11 мая я получил приказ принять командование 4-й бронетанковой дивизией, которой, впрочем, еще не существовало, но отдельные ее подразделения, прибывавшие откуда-то издалека, должны были постепенно поступать в мое распоряжение. Из Везине, где находился мой командный пункт, меня вызвали в ставку главнокомандующего за получением боевого задания.

С ним меня ознакомил начальник штаба главнокомандующего генерал Думанк. Задача эта была очень сложной. «Командование,— сказал мне генерал,— хочет создать фронт обороны по рекам Эн и Элет, чтобы преградить путь к Парижу. На этом фронте развернется 6-я армия, сформированная из частей, снятых с восточного участка фронта. Командовать ею будет генерал Тушон. Задача вашей дивизии состоит в том, чтобы, выдвинувшись вперед и действуя самостоятельно в районе Лаона, обеспечить выигрыш времени, необходимый для ее развертывания. В отношении выбора средств, которые необходимы для выполнения этой задачи, командующий северо-восточным фронтом генерал Жорж целиком полагается на вас. Подчиняться вы будете непосредственно ему, и никому больше. Связь с ним будет обеспечивать майор Шомель».

Принимая меня, генерал Жорж был спокоен, приветлив, но явно подавлен. Он сказал, чего он от меня хочет, и добавил: «Приступайте к делу, де Голль! Для вас, уже давно высказывавшего идеи, которые осуществляет противник, представляется возможность действовать». Соответствующие инстанции поторопились, поскольку это было возможно, направить в район Лаона предназначенные мне части. Я должен отметить, что в эти страшные дни, когда внезапные удары врага приводили к непрерывному изменению обстановки и приходилось решать бесчисленное количество вопросов, связанных с передвижением и переброской войск, штаб превосходно справлялся со своей задачей. Однако чувствовалось, что надежда иссякает и что пружина уже лопнула.

Я мчусь в Лаон, располагаю свой командный пункт в северо-восточной части города Брюйера, знакомлюсь с окрестностями. Из французских войск я нашел в этом районе лишь разрозненные подразделения 3-й кавалерийской дивизии, горсточку людей, удерживавшую крепость Лаон, и случайно застрявший здесь 4-й отдельный артиллерийский дивизион, получивший приказ в случае необходимости применить химические средства. Я присоединил к себе этих молодцов, вооруженных одними карабинами, и назначил их в охранение вдоль Сиссонского канала. В тот же вечер разведка противника вошла в соприкосновение с ними.

16 мая вместе с сотрудниками моего зарождающегося штаба я производил разведку и собирал необходимые сведения. У меня сложилось впечатле-

ние, что крупные силы немцев, вышедшие из Арденн через Рокруа и Мезьер, двигаются не на юг, а на запад, к Сен-Кантену, прикрыв свой левый фланг боковым охранением, выдвинутым в район южнее реки Сер. По всем дорогам, идущим с севера, нескончаемым потоком двигались обозы несчастных беженцев. В их числе находилось немало безоружных военнослужащих. Они принадлежали к частям, обращенным в беспорядочное бегство в результате наступления немецких танков в течение последних дней. По пути их нагнали механизированные отряды врага и приказали бросить винтовки и двигаться на юг, чтобы не загромождать дорог. «У нас нет времени брать вас в плен!» — говорили им.

При виде охваченных паникой людей, беспорядочно отступающей армии, слыша рассказы о возмутительной наглости врага, я почувствовал, как растет во мне безграничное негодование. О, как все это нелепо! Война начинается крайне неудачно. Что ж, нужно ее продолжать. На земле для этого достаточно места. Пока я жив, я буду сражаться там, где это потребуется, столько времени, сколько потребуется, до тех пор, пока враг не будет разгромлен и не будет смыт национальный позор. Именно в этот день я принял решение, предопределившее всю мою дальнейшую деятельность.

Прежде всего я решил, что завтра же утром буду наступать любыми средствами, которые прибудут в мое распоряжение. Продвинувшись километров на двадцать в северо-восточном направлении, я попытаюсь выйти к Монкорне на реке Сер, узлу дорог, ведущих на Сен-Кантен, Лаон и Реймс. Тем самым я перережу первую из них, так что враг уже не сможет воспользоваться ею для продвижения на запад, и оседлаю две другие, которые в ином случае могли бы дать возможность противнику подойти прямо к оборонительным позициям 6-й армии.

На рассвете 17 мая я получил три танковых батальона. Один из них (46-й батальон) имел танки типа «В» и был усилен танковой ротой, включавшей танки типа «Д-2». Он входил в состав 6-й полубригады. Два других батальона (2-й и 24-й) имели танки «Рено-35» и входили в состав 8-й полубригады. На рассвете я двинул эти силы вперед. Опрокидывая на своем пути вражеские подразделения, уже вторгшиеся в этот район, они достигли Монкорне. До вечера мои батальоны вели бои на окраинах, а затем в самом населенном пункте, подавив при этом многие очаги сопротивления врага и обстреляв из своих орудий немецкие части, пытавшиеся пройти через Монкорне. Однако реку Сер противник удерживал очень прочно. Наши танки, лишенные какой бы то ни было поддержки, не могли, конечно, форсировать ее.

Днем прибыл 4-й егерский батальон. Едва он успел выгрузиться, как я тут же использовал его, чтобы ликвидировать в районе Шивр вражеский авангард, который пропустил наши танки, а затем обнаружил себя. Эта задача была быстро выполнена. Но с северного берега реки Сер нас обстреливала немецкая артиллерия, в то время как наша даже не была еще установлена на огневых позициях. Всю вторую половину дня немецкие бомбардировщики непрерывно появлялись в воздухе и с пикирующего полета бомбили наши танки и автомашины. Нам нечем было ответить. Наконец все чаще и все более многочисленные механизированные отряды врага стали действовать в нашем тылу. Выдвинувшись на 30 километров вперед за реку Эн, мы были одиноки на нашем участке, и надо было покончить с таким по меньшей мере рискованным положением.

С наступлением ночи я поставил задачу только что прибывшему 10-му кирасирскому разведывательному полку средних танков войти в непосредственное соприкосновение с противником и направил в Шивр танки и пехоту. Повсюду можно было видеть сотни убитых немецких солдат и множество сгоревших вражеских автомашин. Мы захватили 130 пленных. Наши потери не составляли и 200 человек. По тыловым дорогам прекратился поток беженцев. Некоторые стали даже возвращаться обратно, ибо среди них прошел слух о том, что французские войска продвинулись вперед.

Теперь надо было действовать уже не северо-восточнее, а севернее Лаона, поскольку значительные силы противника, прибывавшие из района Марль, двигались вдоль реки Сер к западу на Ла-Фер. В то же время отряды бокового охранения немцев стали двигаться в южном направлении, угрожая выйти к реке Элет. 4-я бронетанковая дивизия использовала ночь с 18 на 19 мая, чтобы занять позиции на северной окраине Лаона. Тем временем я получил подкрепление — 3-й кирасирский полк, состоящий из двух эскадронов танков «Сомюа», и 322-й артиллерийский полк в составе двух дивизионов 75-миллиметровых орудий. Кроме того, командир 3-й легкой кавалерийской дивизии генерал Петье обещал поддержать меня огнем своих орудий, занимавших позиции на высоте Лаон.

Правда, из 150 танков, которыми я располагал, было только 30 машин типа «В», вооруженных 75-миллиметровой пушкой, и около сорока машин типа «Д-2» или марки «Сомюа» с малокалиберными 47-миллиметровыми орудиями, а все остальные танки «Рено-35» имели 37-миллиметровые орудия, способные вести эффективный огонь на дистанцию не более 600 метров. Однако во главе экипажей танков «Сомюа» были командиры, которые никогда раньше не стреляли из орудий, а водители имели за плечами в общей сложности не более четырех часов вождения танка. К тому же дивизия имела всего один пехотный батальон, перевозимый на автобусах, а потому крайне уязвимый при перебросках. Кроме того, артиллерия была укомплектована за счет подразделений, прибывших из самых различных парков, и многие офицеры знакомились со своими солдатами буквально на поле боя. К тому же у нас не было средств радиосвязи, и мне приходилось командовать дивизией, отдавая распоряжения подчиненным командирам через связных-мотоциклистов или лично отправляясь в части. В довершение всего все части испытывали крайний недостаток в транспортных средствах, в средствах снабжения и ремонта, которыми при нормальных условиях они должны были бы располагать. И все-таки эти наспех сколоченные войска были охвачены боевым духом. Вперед! Источники энергии еще не иссякли!

19 мая на рассвете — в бой! Танки дивизии, преодолевая ряд последовательных рубежей, двинулись к Креси, Мортье и Пуйи. Они должны были овладеть мостами и преградить противнику путь на Ла-Фер. Танки сопровождала артиллерия. Разведывательный полк и пехотный батальон обеспечивали прикрытие правого фланга со стороны реки, у Барантона. В направлении Марль была выслана разведка. Утро прошло благополучно. Мы вышли к реке Сер, обратив в бегство различные вражеские подразделения, которые просочились в этот район. Но на северном берегу реки противник занимал оборону. Он прочно удерживал переправы и уничтожал наши танки, которые пытались к ним приблизиться. В бой вступила тяжелая артиллерия противника. В сущности, мы вошли в соприкосновение с крупными соедине-

ниями немцев, двигавшихся к Сен-Кантену. Чтобы форсировать водную преграду и выдвинуть вперед танки, нам не хватало пехоты и мощной артиллерии. В эти минуты я не мог не думать, на что была бы способна механизированная армия, о которой я так долго мечтал. Если бы я располагал сейчас такой армией, чтобы внезапно вырваться к Гюизу, сразу было бы остановлено продвижение немецких танковых дивизий, их тылы оказались бы охвачены смятением, Северная группа армий смогла бы вновь соединиться с армиями Центрального и Восточного фронтов.

Однако наши силы в районе севернее Лаона крайне ничтожны. Поэтому немцам удается форсировать реку Сер. Еще накануне они начали переправляться через нее в Монкорне, который мы уже оставили, а с полудня переправлялись также и в пункте Марль. Они атаковали наш правый фланг на реке в пункте Барантон и наши тылы в Шамбри, бросив в наступление большое количество танков, самоходных орудий, минометов на автомашинах и мотопехоты. А тут еще появились их пикирующие бомбардировщики. Они совершали налеты до самой ночи, держа под угрозой автомашины, которые не могли передвигаться вне дорог, и открыто расположенные артиллерийские орудия. Во второй половине дня я получил приказ генерала Жоржа прекратить сопротивление. Развертывание 6-й армии было закончено, и мою дивизию предполагалось немедленно использовать для выполнения других задач. Я решил задержать противника еще на сутки, для чего сосредоточил дивизию вокруг Ворж, с тем чтобы иметь возможность нанести немцам фланговый удар, если они попытаются наступать из Лаона на Реймс или на Суассон. Переправу через Эн я отложил на следующий день.

Перегруппировка прошла организованно, хотя повсюду противник пытался нас атаковать. Всю ночь у выходов из района расположения войск не прекращались стычки. 20 мая 4-я бронетанковая дивизия выступила в направлении Фим и Брен. Ей пришлось двигаться буквально среди немцев, которыми кишели все дороги. Противник имел здесь много опорных пунктов, и большое количество немецких танков атаковало наши колонны. Благодаря нашим танкам, которые постепенно расчищали пути и подходы, мы достигли реки Эн относительно благополучно. Однако разведывательному полку (10-й кирасирский полк), который вместе с одним танковым батальоном составлял арьергард, с большим трудом удалось выйти из Фестье. На возвышенности Краон обозы дивизии подвергались сильному обстрелу и вынуждены были бросить охваченные пламенем грузовики.

В то время как 4-я бронетанковая дивизия действовала в районе Лаона, к северу от этого района события развивались с той же стремительностью, с какой продвигались немецкие танковые колонны. Германское командование, приняв решение уничтожить союзные армии Северной группы раньше, чем будет покончено с войсками Центрального и Восточного фронтов, двинуло свои механизированные силы на Дюнкерк. От Сен-Кантена они снова начали наступление двумя колоннами: одна шла прямо к цели через Камбре и Дуэ, другая двигалась вдоль побережья через Этапль и Булонь. Тем временем две бронетанковые дивизии врага овладели Амьеном и Абвилем и создали на южном берегу Соммы предмостные укрепления, которыми и воспользовались в дальнейшем. Что же касается союзников, то к вечеру 20 мая голландской армии уже не существовало, бельгийские войска отступали на запад, английские экспедиционные силы вместе с 1-й французской армией оказались отрезанными от Франции.

Французское командование, несомненно, стремилось восстановить контакт между двумя группировками своих снл, двинув в наступление Северную группу армий от Арраса на Амьен, а левый фланг Центральной группы от Амьена на Аррас. Именно такой приказ 19 мая отдал генерал Гамелен. Сменивший его 20 мая генерал Вейган, который на следующий день собирался отправиться в Бельгию, согласился с таким замыслом. Теоретически этот план был вполне логичен. Но для его осуществления само командование должно было верить в возможность победы н стремиться к ее достижению. Однако крах всей военной доктрины и организационных прннципов наших руководителей лишал их необходимой энергии. Находясь в состоянии моральной депрессии, они стали сомневаться решительно во всем и особенно в самих себе. И тут сразу же начали действовать центробежные силы. Бельгнйский король немедленно стал подумывать о капитуляции, лорд Горт — об эвакуации английских войск, генерал Вейган — о перемирии.

В то время как в обстановке полного разгрома начался развал командования, 4-я бронетанковая дивизия двигалась на запад. Сначала вопрос ставился так, что она форсирует Сомму и возглавнт наступление, которое намечалось осуществить в северном направлении. Но от этой мысли отказались. Предполагалось использовать ее вместе с другнми силами, чтобы отбросить немцев, которые переправились через Сомму у Амьена. Но затем отказались прнвлечь ее к участию в данной операцин, взяв, однако, для этой цели один из ее танковых батальонов. В конце концов в ночь с 26 на 27 мая командир дивизии, произведенный за два дня до этого в генералы, получил от генерала Робера Альтмайера, командующего 10-й армией, объединявшей силы, спешно сосредоточенные в районе нижнего течения Соммы, приказ немедленно выступить в направлении на Абвиль и атаковать противника, создавшего южнее города упорно обороняемый плацдарм.

К этому времени дивизия дислоцировалась вокруг Гранвилье. Выступив 22 мая и пройдя через Фим, Суассон, Виллер-Котре, Компьень, Мондидье, Бове, дивнзия за пять суток покрыла расстояние в 180 километров. Можно сказать, что с момента ее рождения на полях Монкорне дивизия непрерывно находилась в бою или на марше. Это сказалось на состоянни танков, из которых около 30 вышли нз строя. Но по путн следования мы получили отличное пополнение: батальон танков «В» (47-й батальон), батальон двадцатитонных танков типа «Д-2» (19-й батальон), который мне пришлось, к сожалению, оставить в районе Амьена, 7-й моторизованный драгунский полк, дивизион 105-миллиметровых орудий, батарею зенитных орудий, пять батарей 47-миллиметровых противотанковых пушек. За исключением 19-го батальона, все подразделения были сформированы наспех. Но боевой дух, который царил в дивизин, охватил и личный состав этих подразделений сразу же по прнбытин на место. Наконец, для выполнения вновь поставленной задачи я получил в свое распоряжение 22-й пехотный полк колониальных войск и артиллерию 2-й кавалерийской дивизии. В общей сложности 140 исправных танков и шесть пехотных батальонов при поддержке шести артиллернйскнх дивизионов должны были нанести удар на южном участке немецкого плацдарма.

Я принял решение атаковать в тот же вечер, поскольку германская авиация не переставала выслеживать дивизию и единственным шансом использовать эффект неожиданности было форсирование атаки. Немцы

действительно ожидали нас в полной готовности. Уже в течение недели, обороняясь фронтом к югу и занимая населенный пункт Юппи на своем западном фланге и пункт Брэ — ле-Марёй на Сомме с восточного фланга, они удерживали расположенные между этими пунктами рощи Лиме и Байель. Позади они укрепили пункты Бьенфе, Виллер, Юшенвиль, Марёй. И наконец, высота Мон-Кобер, находящаяся на том же берегу Соммы и господствующая над Абвилем и его мостами, служила укрепленным пунктом в глубине обороны. Овладеть этими тремя последовательными рубежами — такую задачу я поставил перед дивизией.

Дивизия вступила в бой в 18 часов. 6-я полубригада тяжелых танков с 4-м егерским батальоном атаковала Юппи, 8-я полубригада легких танков вместе с 22-м пехотным полком колониальных войск наступала в направлении рощ Лиме и Байель, 3-й кирасирский полк средних танков с 7-м моторизованным драгунским полком атаковал Брэ. Основной огонь артиллерии был сосредоточен на поддержку центра. С наступлением ночи первый рубеж был взят. В районе Юппи сдались остатки оборонявшего этот пункт немецкого батальона. В районе Лиме среди прочих трофеев мы захватили несколько противотанковых батарей и обнаружили остатки танков английской механизированной бригады, которые были уничтожены этими батареями несколько дней тому назад.

На рассвете мы вновь двинулись вперед. Левому флангу предстояло овладеть пунктами Муайенвиль и Бьенфе, центру — занять Юшенвиль и Виллер, правому флангу — пункт Марёй, причем «гвоздем» всего замысла были действия танков «В», задача которых состояла в том, чтобы, двигаясь с запада на восток, перерезать немецкие линии с тыла. Конечной целью для всех была высота Мон-Кобер. День выдался исключительно тяжелый. Получив подкрепления, противник начал оказывать еще более ожесточенное сопротивление. Его тяжелая артиллерия на правом берегу Соммы яростно обстреливала нас. Другие батареи, ведущие огонь с высоты Мон-Кобер, также наносили нам большие потери. Но к вечеру цель была достигнута. Только гарнизон Мон-Кобер держался по-прежнему упорно. Как с той, так и с другой стороны было много убитых. Наши танки сильно пострадали. В строю их оставалось не более сотни. И несмотря на все, над полем сражения витал дух победы. Каждый высоко держал голову. Даже раненые улыбались. Казалось, что и орудия стреляют весело. В результате упорного боя немцы не выдержали нашего натиска и отступили.

В книге «Абвиль», посвященной описанию боевых действий немецкой дивизии Блюмма, которая обороняла плацдарм на Сомме, майор Геринг несколько недель спустя после этих событий писал:

«Что же произошло 28 мая? Противник атаковал нас крупными бронетанковыми силами. Наши противотанковые подразделения сражались героически. Однако эффективность их ударов сильно уменьшалась ввиду прочности французской брони. Танкам противника удалось прорваться между Юппи и Комоном. После того как наша противотанковая оборона была уничтожена, пехота отступила... Когда тревожные вести дошли до штаба дивизии, командир дивизии сам отправился на передний край, так как под непрерывным огнем французской артиллерии он не мог связаться ни с одним из ведущих бой батальонов... Он встретил беспорядочно отступающие войска, перегруппировал их, привел в порядок и направил на оборонительные позиции, подготовленные в тылу, в нескольких километрах поза-

ди передовых линий... Ужас перед наступлением танков охватил солдат... Потери тяжелые... нет ни одного солдата, который не потерял бы близкого товарища...»

Тем временем немцы получили подкрепление. В ночь с 27 на 28 мая они уже смогли сменить все свои подразделения. Об этом свидетельствовали подобранные трупы и показания пленных. В ночь с 28 на 29 мая противник опять сменил войска. Таким образом, на третий день боя, так же как и на второй, нам предстояло столкнуться со свежими силами. Мы же никаких подкреплений не получали. А между тем, чтобы завершить успех, не хватало немногого. Ну что ж, 29 мая этими же силами будем атаковать еще раз!

На сей раз предстоял штурм высоты Мон-Кобер. Главный удар предполагалось направить на ее западные скаты. Из Муайенвиля и Бьенфе должны были действовать оставшиеся у нас танки «В», а также танки «Сомюа», переброшенные с правого фланга на левый. За ними должны были следовать егерский батальон, в котором не осталось и половины состава, разведывательный полк, потерявший две трети своего состава, и дивизион драгун. Из района Виллера предполагалось двинуть оставшиеся танки «Рено» вместе с 22-м пехотным полком колониальных войск. Чтобы оказать нам поддержку, генерал Альтмайер приказал 5-й легкой кавалерийской дивизии, растянувшейся вдоль Соммы вниз по течению от абвильского плацдарма, выдвинуть свой правый фланг к Камброну. Однако наступать эта дивизия не смогла. Генерал просил прислать бомбардировочную авиацию для нанесения ударов по выходам из Абвиля, но самолеты были заняты на других участках.

В 17 часов мы перешли в атаку. Нам удалось занять склоны высоты Мон-Кобер, но ее гребень оставался в руках противника. Вечером при поддержке мощной артиллерии немцы контратаковали Муайенвиль и Бьенфе, однако вновь овладеть этими пунктами им не удалось.

30 мая на смену 4-й бронетанковой дивизии пришла только что прибывшая во Францию абсолютно свежая и молодцеватая 51-я шотландская дивизия во главе с генералом Форчуном. 4-я бронетанковая дивизия сосредоточилась вблизи от Бове. Вместе со мною командиры полков подводили итог операции... Нам не удалось полностью ликвидировать абвильский плацдарм противника, но мы все-таки на три четверти уменьшили его размеры. В таком виде он уже был непригоден в качестве базы для наступления крупных сил: для этого его пришлось бы предварительно вновь расширить. Мы понесли тяжелые потери, но все же меньшие, чем противник, и захватили 500 пленных, не считая взятых нами под Монкорне. В наши руки попало большое количество оружия и военной техники.

Но 30 мая сражение фактически уже было проиграно. За два дня до этого бельгийский король и его армия капитулировали. Английская армия начала эвакуацию из Дюнкерка. Остатки французских войск в департаменте Нор тоже пытались эвакуироваться морем. Этот отход был сопряжен с огромными потерями. Вскоре враг начал второй этап наступления в южном направлении, имея перед собой противника, силы которого уже сократились на одну треть и который больше, чем когда-либо, был лишен средств оказывать сопротивление немецким механизированным войскам. Я находился в Пикардии и не тешил себя иллюзиями. Но я старался в то же время не терять надежды. Если в конечном счете невозможно исправить положение в метрополии, то надо это сделать в другом месте. У нас есть империя. У нас

есть флот, который может ее защищать. У нас есть народ, который хотя и станет неизбежно жертвой вторжения, но тем не менее, верный своим республиканским принципам, не откажется от сопротивления: тяжкое испытание породит в нем дух единства. Наконец, есть свободный мир, который может снабдить нас новым оружием, а в дальнейшем оказать мощную поддержку. Весь вопрос в том, сумеют ли общественные власти в самых тяжелых обстоятельствах сохранить государство, защитить независимость и отстоять будущее? Или же, охваченные паникой, вызванной поражением, они все отдадут врагу?

В этом отношении, как я это предвидел, многое будет зависеть от позиции командования. Оно может стать якорем спасения гибнущего государства, если высоко будет держать знамя до тех пор, пока в соответствии с предписанием устава «не будут исчерпаны все средства, которые диктуются долгом и честью», короче говоря, если оно в случае крайней необходимости решит продолжать сопротивление в Африке. Если же оно само откажется от продолжения борьбы и тем самым толкнет к капитуляции ослабленный государственный аппарат, то ничто не сможет смыть с него позор за унижение Франции!

Такие мысли владели мною, когда 1 июня по вызову генерала Вейгана я явился к нему. Главнокомандующий принял меня в замке Монтри. В его словах, в манере держаться были обычно свойственные ему ясность и простота. Прежде всего он высоко оценил абвильскую операцию, за которую весьма лестно отметил меня незадолго до этого в приказе по войскам. Затем он поинтересовался моим мнением относительно использования тех 1200 современных танков, которые еще оставались в нашем распоряжении.

Я ответил главнокомандующему, что, по-моему, эти танки следует немедленно объединить в две группы: одну группу, основную, надо создать севернее Парижа, а вторую — южнее Реймса. Ядро этих групп должны составить танки, оставшиеся от наших бронетанковых дивизий. В качестве командующего первой группой я предложил инспектора танковых войск генерала Делестрэна. Этим группам должны быть приданы соответственно три и две пехотные дивизии, обеспеченные транспортными средствами и удвоенным количеством артиллерии. Таким образом, мы имели бы возможность наносить неожиданные удары на флангах того или иного из немецких механизированных корпусов, которые, продвигаясь вперед после прорыва наших оборонительных линий, оказались бы расчлененными по фронту и растянутыми в глубину. Генерал Вейган принял мои предложения к сведению. После этого он обрисовал мне перспективу хода боев.

«Шестого июня,— сказал он,— меня атакуют на Сомме и на Эн. Против меня будет действовать в два раза больше немецких дивизий, чем имеется у нас. А это значит, что наше положение почти безнадежно. Если события будут развиваться не слишком бурно, если я успею вернуть в строй французские части, вырвавшиеся из Дюнкерка, если мне удастся их вооружить, если заново оснащенные английские войска вновь вступят в борьбу, если, наконец, англичане согласятся ввести в бой на континенте значительные силы своей авиации, тогда у нас еще есть шансы на успех». И, покачав головой, главнокомандующий добавил: «В противном случае!..»

Теперь мне все стало ясно. В подавленном состоянии я ушел от генерала Вейгана.

Внезапно на его плечи свалилось тяжкое бремя, нести которое ему было не по силам. Когда 20 мая он принял пост главнокомандующего, выиграть битву за Францию, несомненно, уже было невозможно. По-видимому, генерал Вейган убедился в этом неожиданно для самого себя. Так как он никогда не предвидел истинных возможностей механизированной армии, огромные успехи, которых так молниеносно добился противник при помощи этой силы, поразили его. Чтобы противостоять несчастью, он должен был переродиться. Ему следовало порвать с отжившими представлениями, изменить самый темп действий. В своей стратегии он должен был выйти за узкие рамки метрополии, обратить против врага то самое смертоносное оружие, которое применил враг, и использовать в своих интересах такие козыри, как огромные пространства, огромные ресурсы и огромные скорости, отдаленные территории, силы союзников и морские просторы. Но Вейган не был тем человеком, который мог это сделать. Не таков был его возраст и склад ума, а главное — ему не хватало соответствующего темперамента.

По своей натуре Вейган был блестящим исполнителем. В этой роли он замечательно служил Фошу. В 1920 году именно он настоял на том, чтобы Пилсудский принял план, который спас Польшу. В качестве начальника генерального штаба он последовательно и смело добивался от целого ряда министров, которым был подчинен, учета жизненных интересов армии. Однако если качества, необходимые для штабной службы, и качества, необходимые для командования войсками, и не противоречат друг другу, то между ними не следует все же ставить знак равенства. Решительность в действиях, самостоятельность в решениях, бесстрашие перед лицом судьбы, та напряженная и особая страстность, что присуща истинному военачальнику,— всего этого Вейган был лишен, и к этому он не был подготовлен. В результате ли личных склонностей или в силу обстоятельств, но на протяжении всей своей военной карьеры он никогда и ничем не командовал. Ни один полк, ни одна бригада, ни одна дивизия, ни один корпус, ни одна армия не видели его в качестве своего командира. Остановив свой выбор на генерале Вейгане, пошли на самый отчаянный риск за всю нашу военную историю, причем сделали это не потому, что считали его пригодным для порученной роли, а под тем предлогом, что «Вейган — это знамя». Все это было следствием ошибки, свойственной нашей политике, которая склонна избирать наиболее легкие пути.

Во всяком случае, после того как было признано, что генерал Вейган не подходит для роли главнокомандующего, нужно было, чтобы он оставил этот пост,— либо подав в отставку, либо по решению правительства. Ничего подобного не произошло. Захваченный потоком событий, главнокомандующий мирился с ними и стал искать выход на доступном для себя пути — на пути капитуляции. Но так как ответственность за нее брать на себя он не хотел, то его действия свелись к тому, чтобы склонить к капитуляции правительство. Он нашел поддержку в лице маршала Петэна, который по другим причинам настаивал на таком же решении. Ни во что не веривший и ни на что не способный режим пошел по наихудшему пути. Таким образом, Франции предстояло расплачиваться не только за военное поражение, но также и за порабощение государства. Это еще раз подтверждает ту истину, что, только отстояв величие страны перед лицом великих испытаний, можно спасти ее.

5 июня я узнал, что противник возобновляет наступление. Днем я направился за указаниями к генералу Фрэру, командующему 7-й армией, в зоне которой находилась моя дивизия. В то время как сотрудники штаба разбирались в тревожных донесениях, этот настоящий солдат, за внешним хладнокровием которого сквозили сомнение и недоговоренность, сказал мне: «Нас одолел недуг. Говорят, что вас назначат министром. Но надеяться на выздоровление уже поздно. Если бы удалось спасти хотя бы честь!»

Падение

В ночь с 5 на 6 июня, реорганизовав свой кабинет, Поль Рейно ввел меня в состав правительства в качестве заместителя министра национальной обороны. Эту новость сообщил мне утром генерал Делестрэн, инспектор танковых войск, который узнал о ней по радио. Вскоре пришла телеграмма с официальным подтверждением. Простившись с дивизией, я направился в Париж.

Явившись на улицу Сен-Доминик, я застал там премьер-министра. Он был, как всегда, уверен в себе, подвижен, язвителен, внимательно выслушивал собеседника, быстро решал. Он объяснил мне, почему несколько дней тому назад счел необходимым ввести в состав своего кабинета маршала Петэна, который — мы оба были в этом уверены — служил ширмой для сторонников перемирия. «Лучше уж иметь его внутри, чем снаружи»,— заметил Поль Рейно, повторяя известное выражение.

«Боюсь, как бы вам не пришлось изменить точку зрения,— ответил я.— Тем более что теперь события будут развиваться стремительно, а волна пораженческих настроений угрожает захлестнуть все. Немцы настолько превосходят нас в силах, что, если не произойдет чуда, у нас нет ни малейшей надежды на победу в метрополии, ни даже на то, чтобы удержаться в ней. К тому же командование, парализованное внезапностью событий, уже ни на что не способно. Наконец, вам лучше, чем кому-либо, известно, до какой степени в правительственных кругах сильны пораженческие настроения. Это создает благоприятные условия для Петэна и для тех, кто за ним стоит. Однако, если нами проиграна война 1940 года, мы можем победить в другой войне. Не прекращая борьбу в Европе, пока это возможно, необходимо в то же время решиться на продолжение войны в наших заморских владениях и подготовиться к ней. Такое решение требует и соответствующей политики: переброски необходимых средств в Северную Африку, отбора командных кадров, способных руководить операциями, сохранения тесных связей с англичанами, не считаясь с прошлыми обидами. Я готов заняться разработкой необходимых мероприятий».

Поль Рейно согласился со мной. «Прошу вас,— сказал он,— как можно скорее отправиться в Лондон. Во время переговоров с английским правительством, которые я вел 26 и 31 мая, в Лондоне могло создаться впечатление, что мы не исключаем возможности перемирия. Однако теперь необходимо убедить англичан в том, что мы будем продолжать борьбу любой ценой и если понадобится, то даже за пределами метрополии. Когда вы встретитесь с Черчиллем, скажите ему, что реорганизация моего кабинета и ваше в нем участие свидетельствуют о нашей решимости».

Кроме этой общей задачи я должен был в Лондоне добиться согласия на то, чтобы английские военно-воздушные силы, главным образом истреби-

тельная авиация, продолжали участвовать в операциях во Франции. И наконец, я должен был настаивать, как это раньше делал премьер-министр, на предоставлении точных сведений о том, сколько времени понадобится, чтобы перевооружить и вновь переправить на континент английские войска, избежавшие разгрома в Дюнкерке. Для ответа на эти два вопроса требовались определенные технические данные, которые могли быть предоставлены соответствующими штабами, но также нужно было и решение Уинстона Черчилля, как министра обороны.

В то время как велась подготовка к переговорам, которые мне предстояло вести в английской столице, я встретился 8 июня в замке Монтри с генералом Вейганом. Главнокомандующий был спокоен и сохранял самообладание. Но нескольких минут беседы было достаточно, чтобы понять, что он примирился с мыслью о поражении и принял решение о перемирии. Вот почти дословно содержание нашего разговора, который — и это вполне понятно! — глубоко запечатлелся в моей памяти.

— Как видите,— сказал мне главнокомандующий,— я не ошибался, когда несколько дней тому назад говорил вам, что немцы начнут наступление на Сомме 6 июня. Они действительно наступают. В настоящее время они переходят Сомму. Я не в состоянии им помешать.

— Ну что ж, и пусть переходят. А дальше?

— Дальше последуют Сена и Марна.

— Так. А затем?

— Затем? Но ведь это же конец!

— Конец? А весь мир? А наша империя?

Генерал Вейган горестно рассмеялся.

— Империя? Это несерьезно! Что же касается остального мира, то не пройдет и недели после того, как меня здесь разобьют, а Англия уже начнет переговоры с Германией.— И, посмотрев мне прямо в глаза, главнокомандующий добавил: — Ах! Если бы я только был уверен в том, что немцы оставят мне достаточно сил для поддержания порядка!..

Спорить с Вейганом было бесполезно. Перед уходом я сказал главнокомандующему, что его взгляды не соответствуют намерениям правительства. Оно решило не прекращать борьбы, даже если борьба и не сулит надежды на успех. Генерал ничего на это не ответил и очень любезно попрощался со мной.

До отъезда в Париж я побеседовал с несколькими знакомыми офицерами различных штабов, которые в это утро явились с докладом к генералу Вейгану. Эти беседы еще больше убедили меня в том, что в наших командных сферах считают войну проигранной и что, продолжая механически выполнять свои обязанности, каждый про себя думает, а вскоре и открыто будет говорить о необходимости любым путем положить конец битве за Францию. Для того чтобы направить устремление людей и их энергию на продолжение войны во Французской империи, правительство должно было принять решительные меры.

Об этом я доложил по возвращении Полю Рейно и настаивал на том, чтобы генерал Вейган, который примирился с мыслью о поражении, был отстранен от командования.

— Сейчас этого сделать нельзя,— ответил председатель Совета министров.— Но надо подумать о замене. Каково ваше мнение?

— Что касается замены,— сказал я,— то в настоящий момент я не

вижу никого, кроме Хюнтцигера. Хотя он и не обладает всем необходимым для этой роли, но, по-моему, может подняться до понимания необходимости мыслить масштабами мировой стратегии.

Поль Рейно в принципе согласился с моей рекомендацией. Однако он не захотел немедленно предпринять соответствующие шаги.

Я же, решив в ближайшем будущем вновь поставить вопрос относительно продолжения борьбы, взялся за разработку плана переброски в Северную Африку всего того, что можно было туда перебросить. Штаб сухопутных войск совместно со штабами военно-морского флота и военно-воздушных сил уже начал подготовку к эвакуации через Средиземное море в Африку всех сил и средств, которые не принимали участия в боях. В частности, необходимо было вывести два контингента новобранцев, проходивших подготовку на учебных пунктах в западных и южных районах страны, и ту часть личного состава механизированных войск, которая уцелела после разгрома на севере. В целом это составляло 500 тыс. обученных солдат. В дальнейшем, несомненно, можно было бы эвакуировать морским путем остатки наших разбитых армий, большое количество боевых частей, отходивших к морскому побережью. Остатки бомбардировочной авиации, радиус действия которой давал возможность преодолеть морское пространство по воздуху, уцелевшие эскадрильи истребителей, личный состав авиационных баз, военно-морского флота и, наконец, наш флот — все это в любом случае можно было бы перебазировать в Африку. Общий тоннаж транспортных судов, которого не хватало нашему флоту для осуществления этих перевозок, исчислялся в 500 тысяч тонн. Недостающие суда, в дополнение к тому, чем располагал французский флот, можно было попросить у Англии.

9 июня рано утром самолет доставил меня в Лондон. Со мною прибыли мой адъютант Жоффруа де Курсель и начальник дипломатической канцелярии премьер-министра Ролан де Маржери. Было воскресенье. Английская столица дышала покоем, почти безмятежностью. Улицы и парки, заполненные мирно гуляющей публикой, вереницы людей у входов в кино, потоки автомобилей, почтенные швейцары у дверей отелей и клубов — все это принадлежало к миру, который не был охвачен войной. Конечно, в газетах иногда проскальзывали сведения об истинном положении вещей, несмотря на приукрашенные сообщения и наивные анекдоты, которыми оптимисты по долгу службы здесь, как и в Париже, заполняли газетные столбцы. Конечно, объявления, которые читало население, убежища, которые оно строило, и противогазы, которые носило с собой, напоминали о грозящей опасности. Однако бросалось в глаза, что подавляющая масса населения еще не представляла себе всей серьезности происходивших во Франции событий, настолько стремителен был их темп. Во всяком случае, было ясно, что, по мнению англичан, Ла-Манш еще достаточно широк.

Черчилль принял меня на Даунинг-стрит. Это была моя первая встреча с ним. Впечатление от нее укрепило мое убеждение в том, что Великобритания, руководимая таким борцом, как он, никогда не покорится. Черчилль показался мне человеком, которому по плечу самая трудная задача, только бы она была при этом грандиозной. Уверенность его суждений, широкая эрудиция, знание большинства проблем, стран, людей, о которых шла речь, наконец, огромный интерес к военным вопросам проявились в ходе беседы в полной мере. Кроме всего прочего по своему характеру Черчилль

был создан для того, чтобы действовать, рисковать, влиять на ход событий, причем решительно и без стеснений. Словом, я нашел, что ему вполне соответствует роль вождя и военачальника. Таковы были мои первые впечатления. Впоследствии они подтвердились. Кроме того, я убедился также в том, что Черчилль одарен большим красноречием и великолепно умеет пользоваться им. Обращался ли он к толпе, к парламенту, к Совету министров или к отдельному собеседнику, говорил ли он перед микрофоном, с трибуны, за обеденным или письменным столом — вдохновенный поток его возвышенных и оригинальных мыслей, аргументов, чувств всегда обеспечивал ему почти непререкаемый авторитет в той трагической обстановке, в которой задыхался несчастный мир. Испытанный политик, он пользовался этим божественным и демоническим даром как для того, чтобы приводить в движение инертных англичан, так и для того, чтобы изумлять иностранцев. Юмор, которым он умел окрашивать свои слова и поступки, его умение проявлять то великодушие, то гнев — во всем чувствовалось, до какой степени этот человек способен подчинить себе страшную игру, в которую он вовлечен.

Острые и неприятные столкновения, неоднократно происходившие между нами из-за различия в наших характерах, из-за некоторых противоречий между интересами наших стран и в результате несправедливости, которую Англия допускала в ущерб истекающей кровью Франции, повлияли на мое отношение к премьер-министру, но отнюдь не изменили моего мнения о нем. На протяжении всей трагедии Уинстон Черчилль представлялся мне великим поборником великого дела и великим деятелем великой истории.

В этот день я изложил английскому премьеру то, что мне было поручено председателем Совета министров Франции сообщить ему относительно готовности французского правительства продолжать борьбу, даже если ее придется продолжать в наших заморских владениях. Черчилль выразил большое удовлетворение по поводу такого решения. Однако приведет ли это к каким-либо практическим результатам? Он дал мне понять, что он в этом не уверен. Во всяком случае, он уже не верил в возможность восстановить военное положение в самой Франции, что явствовало из его категорического отказа бросить нам на помощь основные силы английской военной авиации.

После эвакуации английских войск из Дюнкерка английская авиация принимала лишь эпизодическое участие в сражении. За исключением отряда истребителей, который сражался вместе с нашей авиацией, английские эскадрильи базировались на территории Великобритании и находились слишком далеко, чтобы оказать действенную поддержку нашим войскам, непрерывно отходившим к югу. Мою настойчивую просьбу перебазировать хотя бы часть английской авиации взаимодействия на аэродромы южнее Луары Черчилль категорически отклонил. Что касается сухопутных войск, то он обещал направить в Нормандию одну канадскую дивизию, прибывшую из Канады, и оставить во Франции 51-ю шотландскую дивизию, а также остатки механизированной бригады, которая продолжала сражаться вместе с нами. Но он не мог даже приблизительно сказать, когда экспедиционный корпус, которому недавно удалось избежать разгрома в Бельгии, оставив там, впрочем, всю свою материальную часть, сможет вновь принять участие в сражении.

Таким образом, совместные военные действия Лондона и Парижа фак-

тически прекратились. Достаточно было одной неудачи на континенте, и Великобритания целиком занялась вопросами своей собственной обороны. Это являлось победой германского плана, вдохновителем которого даже после своей смерти оставался Шлиффен. Этот план после неудач Германии в 1914 и в 1918 годах привел наконец к разобщению французских и английских вооруженных сил, а вместе с тем и к расколу франко-английского союза. Нетрудно было предвидеть, какие выводы сделают из этого сторонники капитуляции во Франции.

Кроме беседы с Черчиллем в тот же день я встретился с военным министром Иденом, морским министром Александером, министром авиации сэром Арчибальдом Синклером, начальником имперского генерального штаба генералом сэром Джоном Диллом. Я также совещался с нашим послом Корбэном, председателем франко-английского координационного комитета по закупке военных материалов Моннэ и с главами наших миссий: военной, военно-морской и военно-воздушной. Было очевидно, что если в Лондоне массы не испытывали никакого беспокойства, то, наоборот, люди искушенные опасались поражения и сомневались в решимости французского правительства.

Вечером самолет с трудом доставил меня обратно в Париж, на аэродром Бурже, который незадолго до этого подвергся бомбардировке.

В ночь с 9 на 10 июня Поль Рейно вызвал меня к себе домой. Он только что получил тревожные известия: враг вышел к Сене ниже Парижа. Вместе с тем, по всем данным, с часу на час следовало ожидать перехода немецких бронетанковых сил в решительное наступление в Шампани. Таким образом, столице угрожала непосредственная опасность с запада, с востока и с севера. Наконец, Франсуа-Понсэ сообщал из Рима, что в любой момент можно ожидать объявления войны со стороны итальянского правительства. Перед лицом столь неблагоприятных известий я мог предложить только одно: пойти на крайние усилия, немедленно перебазироваться в Африку и присоединиться к коалиционной войне со всеми вытекающими из этого последствиями.

За те несколько часов, которые я за эти сутки провел на улице Сен-Доминик, я получил более чем достаточно оснований лишний раз убедиться в том, что иного выхода нет. События развивались настолько быстро, что трудно было поспеть за ними. Только что принятое решение тут же устаревало. Попытки использовать опыт войны 1914—1918 годов уже не давали никаких результатов. Считалось, что еще существует фронт, дееспособное командование, готовый на жертвы народ. Однако все это было лишь мечтой и воспоминанием. В действительности же потрясенная нация находилась в оцепенении, армия ни во что не верила и ни на что не надеялась, а государственная машина крутилась в обстановке полнейшего хаоса.

Я это особенно хорошо почувствовал во время кратких визитов, которые, в соответствии с принятым этикетом, нанес видным деятелям республики — сначала президенту Лебрену, которому меня представили одновременно с новыми министрами, затем председателям палат и, наконец, членам правительства. Внешне они держались спокойно и с достоинством. Но ясно было, что среди этого традиционного декорума они уже не более чем статисты. В вихре происходивших событий все эти заседания кабинета министров, направляемые вниз инструкции, получаемые в верхах донесения, публичные заявления, поток офицеров, чиновников, дипломатов, парламен-

тариев, журналистов, которые о чем-то спрашивали или о чем-то сообщали,— все это производило впечатление какой-то бессмысленной, никому не нужной фантасмагории. При данных условиях и в данных территориальных рамках единственным выходом являлась капитуляция. Либо надо было с этим примириться — к чему уже склонялись многие,— либо следовало изменить рамки и условия борьбы. «Новая Марна» была возможна, но только на Средиземном море.

10 июня наступила предсмертная агония. Правительство должно было выехать из Парижа вечером. Отступление на фронте ускорялось. Италия объявила нам войну. Теперь неизбежность катастрофы ни у кого уже не вызывала сомнения. Однако руководителям государства вся эта трагедия казалась тяжелым сном. Временами создавалось впечатление, что падение Франции с высоты исторического величия в глубочайшую бездну сопровождается каким-то демоническим смехом.

Так, например, утром посол Италии Гуарилья явился на улицу Сен-Доминик с довольно странным визитом. Он был принят Бодуэном, который так передавал слова итальянского дипломата: «Вы убедитесь в том, что объявление войны в конце концов прояснит отношения между нашими двумя странами! Оно создает ситуацию, которая в конечном счете принесет большую пользу...»

Через некоторое время я зашел к Полю Рейно и застал у него У. Буллита. Я думал, что посол Соединенных Штатов явился, чтобы сообщить председателю Совета министров о помощи, которую Вашингтон намерен оказать в будущем. Совсем нет! Он пришел с прощальным визитом. Американский посол оставался в Париже, с тем чтобы при случае предпринять шаги в интересах французской столицы. Но как бы ни были похвальными мотивы, которыми руководствовался Буллит, тем не менее в самые тяжелые дни американский посол при французском правительстве отсутствовал. Пребывание Биддла, осуществлявшего связь с эмигрантскими правительствами, при всех замечательных достоинствах этого дипломата, не могло изменить убеждения наших руководителей в том, что в Соединенных Штатах Франция уже невысоко котируется.

Между тем Поль Рейно спешно готовил заявление, с которым собирался выступить по радио. В тот момент, когда он советовался со мною по этому вопросу, на улицу Сен-Доминик прибыл генерал Вейган. Едва только доложили о его прибытии, как он уже был в кабинете премьер-министра. Заметив некоторое удивление Поля Рейно, главнокомандующий сослался на то, что явился якобы по вызову. «Я вас не вызывал!» — заметил Поль Рейно. «Я тоже!» — добавил я со своей стороны. «В таком случае получилось недоразумение,— сказал генерал Вейган.— Но об этой ошибке сожалеть не приходится, поскольку у меня есть важное сообщение». Он сел и тут же приступил к изложению своей точки зрения по поводу сложившейся обстановки. Вывод его был очевиден: мы должны немедленно просить перемирия. «Положение таково,— заявил он, положив на стол какую-то бумагу,— что ответственность каждого должна быть точно определена. Поэтому я изложил свое мнение в записке, которую и вручаю вам».

Хотя председатель Совета министров очень торопился, так как приближалось время его выступления, о котором уже было объявлено, он все же попытался оспаривать мнение главнокомандующего. Но последний упрямо настаивал на своем: сражение в метрополии проиграно, необходимо капи-

тулировать. «Но ведь есть и другие возможности»,— заметил я по ходу разговора. Вейган спросил с иронией: «Вы хотите что-то предложить?» — «Правительство не предлагает, а приказывает. И я надеюсь, что оно прикажет»,— ответил я.

Дело кончилось тем, что Поль Рейно распрощался с главнокомандующим, который в очень тягостной обстановке покинул кабинет.

Последние часы пребывания правительства в Париже были заняты мероприятиями, необходимыми при подобной массовой эвакуации. Фактически многое уже было подготовлено в соответствии с планом отступления, разработанным генеральным секретариатом по делам национальной обороны. Однако всего предусмотреть было невозможно.

Кроме того, неумолимое движение немцев к Парижу выдвигало очень сложные проблемы. С момента моего назначения заместителем министра национальной обороны я отстаивал необходимость оборонять столицу и поэтому просил председателя Совета министров, бывшего в то же время министром обороны и военным министром, назначить начальником гарнизона города решительного человека. Я предлагал на этот пост кандидатуру генерала де Латтра, отличившегося вместе со своей дивизией в боях в районе города Ретель. Но вскоре главнокомандующий объявил Париж «открытым городом», а Совет министров утвердил это решение. Необходимо было в срочном порядке организовать эвакуацию массы людей и большого количества различного имущества. Этим я и занимался до самого вечера. Вокруг упаковывали вещи, заколачивали ящики, суетились прибывшие в последний момент посетители и безнадежно надрывались телефоны. Около полуночи вместе с Полем Рейно мы сели в машину. Ехали медленно, так как дорога была забита. На рассвете мы прибыли в Орлеан, в городскую префектуру, откуда по телефону была установлена связь со ставкой, находившейся в Бриаре. Вскоре позвонил генерал Вейган с просьбой переговорить с премьер-министром. Последний взял трубку и был крайне удивлен, узнав о том, что во второй половине дня должен прибыть Черчилль. Оказалось, что главнокомандующий через военную связь просил его срочно приехать в Бриар. «Необходимо,— добавил генерал Вейган,— чтобы Черчилль лично ознакомился с действительным положением на фронте».— «Как? — обратился я к главе правительства.— Вы позволяете, чтобы главнокомандующий по собственной инициативе вызывал английского премьер-министра? Разве вы не видите, что генерал Вейган занят отнюдь не осуществлением оперативного плана, а проведением в жизнь политики, которая расходится с политикой вашего правительства? Неужели вы намерены оставить его на прежнем посту?» — «Вы правы! — ответил Поль Рейно.— Такому положению пора положить конец. Мы с вами уже говорили о генерале Хюнтцигере как о возможном преемнике Вейгана. Немедленно едем к Хюнтцигеру!»

Но когда машины были поданы, премьер-министр сказал мне: «Пожалуй, лучше будет, если вы поедете к Хюнтцигеру один. Я же займусь подготовкой к переговорам с Черчиллем и англичанами. Мы встретимся в Бриаре».

Командующего Центральным фронтом генерала Хюнтцигера я застал на его командном пункте в Арси-сюр-Об. Это было в тот самый момент, когда бронетанковый корпус Гудериана атаковал и прорвал фронт его армий в Шампани. Я был поражен хладнокровием Хюнтцигера. Он информировал меня о тяжелом положении своих войск. Я сообщил ему о положении дел в целом. В заключение я сказал:

— Правительству ясно, что сражение во Франции фактически проиграно. Но оно намерено продолжать войну, в связи с чем хочет перебазироваться в Африку со всеми средствами, какие можно туда перебросить. Такое решение предполагает полное изменение всей нашей стратегии и коренную реорганизацию. Нынешний главнокомандующий — не тот человек, который способен это сделать. Может быть, это сделаете вы?

— Сделаю! — просто ответил Хюнтцигер.

— Прекрасно! Вы получите соответствующие указания правительства.

В Бриар я направился через Ромийи и Санс, чтобы попутно встретиться с командирами различных соединений. Повсюду были заметны признаки беспорядка и паники. Повсюду войсковые части вперемежку с беженцами отходили на юг. Дорога была настолько загромождена, что моя скромная машина вынуждена была целый час простоять около Мери. Необычный туман, который многие принимали за газовое облако, усугублял тревожное состояние беспорядочной толпы военных, напоминавшей бегущее стадо.

Прибыв в ставку, я тотчас направился к Полю Рейно и передал ответ Хюнтцигера. Однако мне сразу же стало ясно, что немедленное смещение Вейгана уже не входит в намерения премьер-министра и что он снова решил продолжать войну вместе с главнокомандующим, который стремится к перемирию.

Проходя по галерее, я встретился с маршалом Петэном, которого не видел с 1938 года. «Вы уже генерал! — обратился он ко мне.— Не могу вас с этим поздравить. К чему при поражении чины?» — «Но ведь и вас же, господин маршал, произвели в генералы во время отступления 1914 года? А спустя несколько дней мы одержали победу на Марне».— «Не вижу ничего общего!» — пробурчал в ответ Петэн. В этом он был прав. Вскоре прибыл английский премьер-министр, и началось совещание.

На этом заседании открыто столкнулись взгляды и настроения, которые должны были характеризовать новую фазу войны. Все принципы, на которых строились до сих пор действия и взаимоотношения, отошли в прошлое. Англо-французская солидарность, мощь французской армии, авторитет правительства, доверие к командованию уже не могли служить отправными моментами. Каждый из участников совещания отныне действовал не в качестве партнера в игре, которая ведется сообща, а как человек, ориентирующийся только на себя и ведущий игру в своих личных интересах.

Что касается генерала Вейгана, то он стремился к тому, чтобы поскорее прекратить сражение и закончить войну. Опираясь на информацию генералов Жоржа и Бессона, он нарисовал перед участниками совещания картину совершенно безнадежного военного положения. Главнокомандующий, который, между прочим, с 1930 по 1935 год являлся начальником генерального штаба, излагал причины поражения своих армий спокойно, хотя и несколько агрессивно, упрекая в этом других и умалчивая о своей собственной ответственности. Его вывод сводился к тому, что бессмысленное испытание необходимо прекратить, ибо вся военная система может неожиданно рухнуть, открыв тем самым широкий простор для анархии и революции.

Маршал Петэн выступил в поддержку пессимистического взгляда. Желая разрядить атмосферу, Черчилль обратился к нему в несколько шутливом тоне: «Ну что вы, господин маршал! Припомните амьенское сра-

жение в марте 1918 года. Ведь как были плохи тогда дела! В то время я вас посетил в вашей ставке. Вы мне изложили свой план, а через несколько дней фронт был восстановлен». Петэн сурово ответил: «Вы правы, фронт был восстановлен. Тогда прорыв был на вашем, английском участке фронта. Однако я послал сорок дивизий, чтобы выручить вас из беды. Сегодня разбитыми оказались мы. Где же ваши сорок дивизий?»

Глава французского правительства неоднократно повторял, что Франция не прекратит борьбы, и убеждал англичан послать нам на помощь основные силы своей авиации. И, несмотря на все это, было ясно, что он не намерен расставаться с Петэном и Вейганом, словно еще надеясь в один прекрасный день сделать их сторонниками своей политики.

Черчилль казался непоколебимым и полным энергии. По отношению к французам, находящимся в критическом положении, он вел себя настороженно, заняв позицию сочувственного выжидания. Мне казалось, что он уже был во власти страшной, но заманчивой перспективы, представляя — и, возможно, не без тайного удовлетворения — одинокую на своем острове Англию и себя, который ценою героических усилий становится ее спасителем.

Что касается меня, то, заглядывая вперед, я прекрасно понимал, что все эти словопрения бесполезны и бесперспективны, поскольку они не рассматривают единственно приемлемое решение: организацию сил в империи.

После трехчасовой дискуссии, не давшей никаких результатов, за тем же столом сели обедать. Я оказался рядом с Черчиллем. Наш разговор укрепил мое убеждение в том, что это человек непреклонной воли. Черчилль в свою очередь, несомненно, понял, что обезоруженный де Голль не стал от этого менее решительным.

Адмирал Дарлан, который отсутствовал на совещании, появился после обеда. Пропустив впереди себя начальника штаба военно-воздушных сил генерала Вюйлемена, он подошел к Полю Рейно. То, что сообщил Дарлан, заставляло призадуматься. Дело заключалось в том, что против Генуи была подготовлена комбинированная операция с участием военно-морского флота и бомбардировочной авиации. В соответствии с планом, действия должны были начаться ночью. Но Дарлан уже переменил свое решение и хотел отменить приказ, выдвигая в качестве аргумента колебание генерала Вюйлемена, который опасался, что итальянцы предпримут ответные меры и уничтожат склады с горючим в пункте Бер. Тем не менее он просил согласия правительства на отмену приказа. «Каково ваше мнение?» — обратился ко мне Поль Рейно. «При нашем нынешнем положении,— ответил я,— самым разумным было бы, наоборот, ничего не щадить. Надо осуществить задуманную операцию».

Дарлан, однако, одержал верх, и приказ о проведении операции был отменен. И все-таки, несмотря на это, с опозданием на три дня против намеченного срока, Генуя была обстреляна небольшим отрядом кораблей. Этот случай убедил меня, что и Дарлан проводит теперь свою собственную линию.

День 12 июня я провел в замке Бове, принадлежавшем г-ну Ле Прово де Лонэ, и вместе с генералом Кольсоном занимался разработкой плана эвакуации в Северную Африку. Должен признаться, что, очутившись в уединении и задумываясь над событиями, свидетелем которых я был накануне, я имел все основания опасаться того, что пораженческие настроения зашли

слишком далеко и что разрабатываемый мною план никогда не будет осуществлен. Тем ие меиее я был полон решимости сделать все, что было в моих силах, чтобы правительство взялось за его реализацию и обязало к этому командование.

Закончив основную часть работы, я направился в Шиссе, резиденцию Поля Рейно. Было уже поздно. По окончании заседания Совета министров в Канже, на которое я не был приглашен, премьер-министр возвратился около 11 часов ночи в сопровождении Бодуэна. В то время как оии и их окружающие сели ужинать, я, заняв место за столом, со всей определенностью поставил вопрос относительно Северной Африки. Но мои собеседники склонны были говорить лишь о вопросе, который обсуждался советом министров. Вопрос этот, связанный, впрочем, с поставлеиной мною проблемой и очеиь срочный, касался местопребывания правительства на ближайшее будущее. В самом деле, форсировав Сену, немцы вскоре могли выйти к Луаре. Предлагалось два варианта: либо Бордо, либо Кемпер. Тут же за столом завязался спор, беспорядочный и шумный, потому что все устали и были в нервозном состоянии. Никакого определенного решения не было принято. Поль Рейно ушел, изиачив мне встречу на утро.

Я, конечно, стоял за Кемпер. Дело было вовсе не в том, что я льстил себя какими-то надеждами на возможность удержаться в Бретани. Но если бы правительство перебралось туда, то раио или поздно у него не оказалось бы иного выхода, кроме эвакуации морем. Поскольку немцы, чтобы действовать против Англии, неизбежно должны были занять Бретань, этот полуостров никак ие мог стать «свободной зоной». Выйдя в море, министрам, по всей вероятности, пришлось бы иаправиться в Африку либо прямым путем, либо сделав предварительно остановку в Англии. В любом случае Кемпер был бы этапом на пути к энергичным действиям. Вот почему, когда Поль Рейно сразу же после того, как я вошел в состав правительства, говорил со мною о проекте «бретонского бастиона», я присоедииился к этому проекту. Наоборот, такие люди, как Петэн, Вейган, Бодуэн, которые вели дело к капитуляции и, вопреки их утверждениям, руководствовались своими политическими соображениями, а вовсе не мотивами военного характера, возражали против подобного варианта.

Рано утром 13 июня я возвратился в Шиссе. После долгих дебатов, иесмотря на приведенные миою доводы, премьер-министр решил перевести правительство в Бордо, ссылаясь на то, что таково было мнение, высказанное накануне министрами. Тогда я стал еще более настойчиво требовать, чтобы по меньшей мере был отдан приказ, обязывающий главнокомандующего готовиться к переброске войск в Африку. Я знал, что так именно иамерен был поступить Поль Рейно в крайнем случае. Но атмосфера различных влияний и интриг, которая его окружала, оказывала на него такое влияние, что эта единствениая иадежда исчезала буквально на глазах.

Однако в тот же деиь, часов около двенадцати, премьер-министр подписал письмо, адресованное геиералу Вейгану, в котором указывалось, что правительство ждет от него прежде всего «организации самой упорной обороны в Центральиом массиве и в Бретани», а затем, «в случае нашего поражения... перебазирования за пределы метрополии для организации там борьбы, используя при этом свободу морей». Это письмо, несомиенно, свидетельствовало о иамерении принять меры к спасению. Но мне казалось, что оно не было составлено в том категорическом тоне, который диктовался

обстоятельствами. К тому же уже после того, как это письмо было подписано, оно еще некоторое время обсуждалось в кулуарах и было отправлено лишь на следующий день.

Утром того же дня, 13 июня, в Шиссе прибыли председатель сената Жаннено и председатель палаты Эррио. Первый не терял присутствия духа в обстановке общего смятения и напоминал Клемансо, непосредственным и близким сотрудником которого он был в тяжелые дни 1917—1918 годов. Второй, приветливый и речистый, с увлечением говорил о разнообразных чувствах, которыми был охвачен. Оба являлись сторонниками премьер-министра, противниками капитуляции и готовы были вместе с правительством переехать в Алжир. Лишний раз я убедился в том, что, несмотря на все происки капитулянтов, которые окружали Поля Рейно, он мог бы одержать верх, если бы только ни в чем не уступал им.

Я уже был в Бове, когда во второй половине дня мне позвонил по телефону де Маржери, начальник дипломатического кабинета Поля Рейно. Вот что он мне сообщил: «Через некоторое время в Туре, в здании префектуры, начнется совещание между председателем совета министров и Черчиллем, который только что прибыл с несколькими министрами своего кабинета. Я был об этом предупрежден тоже в последний момент. Хотя вы и не получили приглашения, я хочу, чтобы вы присутствовали. Бодуэн действует активно, и мне это очень не нравится».

Я выехал в Тур, встревоженный столь неожиданным совещанием, о котором премьер-министр счел нужным умолчать, хотя я и провел вместе с ним несколько часов. Во дворе и в кулуарах префектуры толпилось множество депутатов, чиновников, журналистов, съехавшихся за новостями. Шумная толпа напоминала хор античной трагедии, приближающейся к развязке. Я вошел в кабинет, в котором находились Поль Рейно, Бодуэн и Маржери. Был перерыв в заседании. Но как раз в этот момент в кабинет вошли Черчилль и его коллеги. Маржери успел сообщить мне, что английские министры совещались в парке, подготовляя ответ на следующий вопрос, поставленный французами: «Согласна ли Англия с тем, чтобы, вопреки соглашению от 28 марта 1940 года, запрещающему сепаратное заключение перемирия, Франция запросила у противника, на каких условиях он готов прекратить военные действия?»

Черчилль опустился в кресло. Лорд Галифакс, лорд Бивербрук, сэр Александр Кадоган, а также сопровождавший их генерал Спирс заняли свои места. Наступила минута тягостного молчания. Наконец английский премьер заговорил по-французски. Монотонно и грустно, держа сигару в зубах и мерно покачивая головой, он начал с выражения своего личного сочувствия, сочувствия своего правительства и своего народа по поводу постигшей Францию судьбы. «Мы вполне сознаем,— сказал он,— то положение, в котором находится Франция. Нам ясно, что вы не видите выхода из тупика. Наши дружеские чувства к вам остаются неизменны. Можете быть уверены, что в любом случае Англия не прекратит борьбы. Каковы бы ни были условия и где бы нам ни пришлось вести борьбу, мы будем сражаться до конца, даже в том случае, если вы оставите нас одних».

Касаясь перспективы перемирия между французами и немцами, которая, как я полагал, приведет его в негодование, Черчилль, напротив, выразил по этому поводу сочувственное понимание. Но, перейдя к вопросу о военно-морском флоте, он неожиданно проявил исключительную требовательность

н стремление к полной ясности. Нет никакого сомнения в том, что английское правительство до такой степенн боялось передачн французского флота в руки немцев, что оно было склонно, пока еще не поздно, освободить нас от условий, вытекавших нз соглашения от 28 марта, лишь бы получить гарантии относнтельно судьбы наших кораблей. Фактнческн нменно такой вывод напрашивался нз этого ужасного совещания. Прежде чем покинуть зал, Черчилль, кроме того, настойчиво попроснл, чтобы Франция в случае прекращения борьбы предварнтельно передала Англии всех 400 военнопленных немецких летчиков. Это сразу же было ему обещано.

В сопровождении Поля Рейно англнчане перешли в соседнюю комнату, где находнлнсь председатели обеих палат, а также многие миннстры. Здесь царнла совершенно нная атмосфера. В частностн, Жанненэ, Эррно, Луи Марэн говорнли только об одном: о необходимостн продолжать войну. Я подошел к Полю Рейно н несколько возбужденным тоном спросил: «Неужелн вы согласнтесь на то, чтобы Францня запросила перемирня?» — «Конечно, нет! — ответил он.— Но необходимо повлнять на англичан, чтобы добнться от них более широкой помощи». Прннять этот ответ всерьез, разумеется, я не мог. После шумного прощания во дворе префектуры все разошлись н я, совершенно подавленный, возвратился в Бове. Тем временем председатель Совета мннистров послал телеграмму презнденту Рузвельту. Он умолял его оказать нам помощь, давая понять, что в противном случае для нас все будет кончено. Вечером Поль Рейно заявил по радио: «Если для спасения Францин должно совершиться чудо, я верю в это чудо».

Я не сомневался в том, что дело уже ндет к развязке. Если комендант осажденной крепости поговарнвает об ее сдаче, то уже можно с уверенностью сказать, что дни крепостн сочтены. Точно так же н Франция шла к капитуляции, поскольку глава французского правнтельства официально прнзнавал, что такая возможность не нсключена. Дальнейшее пребывание в составе кабннета, прн всей скромностн моего поста, становилось для меня невозможным. Однако ночью, как раз в тот момент, когда я уже собнрался направить письмо с просьбой об отставке, Жорж Мандель, предупрежденный об этом начальником моей канцелярнн Жаном Лораном, вызвал меня к себе.

В кабннет министра внутреннних дел ввел меня Андре Дьетельм. Мандель говорнл со мною серьезно н решительно, что пронзвело на меня впечатленне. Так же как н я, он был убежден, что отстоять независнмость н честь Францин возможно, лишь продолжая войну. Именно нсходя нз этнх национальных нитересов, он н рекомендовал мне не покидать заннмаемого поста. «Как знать,— сказал он,— может быть, в конце концов мы все-таки добьемся переезда правнтельства в Алжир?» Он мне рассказал о том, что пронзошло после отъезда англичан в совете министров, где возобладал дух решимости, хотя Вейган н устронл там целую сцену. От Манделя я узнал, что как раз в тот самый момент, когда мы беседовали, первые немецкне части вступалн в Парнж. Затем, говоря о будущем, Мандель добавнл: «Во всяком случае, мнровая война только начннается. Вам, генерал, еще предстоит выполннть большие задачи. Прнчем среди всех нас вы имеете преимущество человека с безукорнзненной репутацией. Стремитесь лишь к тому, чтобы действовать в ннтересах Францин, н помните, что, если к этому представнтся случай, ваша нынешняя должность сможет вам многое облегчить». Должен сказать, что этот довод убедил меня повременнть с моей отставкой. По всей вероятности,

именно благодаря этому и стало практически возможным то, что мне удалось сделать в дальнейшем.

14 июня правительство переезжает в Бордо. Я простился с моими хозяевами Ле Прово де Лонэ. Вместе со всеми членами семьи, которые не были мобилизованы, они решили не покидать своего дома, где и оставались во время отступления наших войск, а затем в период оккупации. После мучительной поездки по заполненной беженцами дороге я к вечеру прибыл в Бордо, в штаб военного округа, где должна была находиться резиденция Поля Рейно. Там я застал Марке — мэра города и депутата. Мне первому он сообщил о содержании обескураживающего заявления, которое он собирался сделать премьер-министру.

Когда явился Поль Рейно, я сказал ему: «В течение трех дней я убеждаюсь, с какой невероятной быстротой мы катимся к капитуляции. По мере сил я пытался вам помочь, но я действовал в интересах продолжения войны. Согласиться на перемирие я отказываюсь. Если вы останетесь здесь, то вас захлестнет волна поражения. Необходимо как можно скорее эвакуироваться в Алжир. Готовы вы к этому или нет?» — «Да!» — ответил Поль Рейно. «В таком случае я лично должен срочно направиться в Лондон, чтобы договориться с англичанами о той помощи, которую они нам окажут в транспортировке. Я отправлюсь туда завтра. Где я найду вас по возвращении?» — «В Алжире»,— ответил председатель Совета министров.

Мы договорились, что я выеду ночью и по пути побываю в Бретани, чтобы выяснить, что можно будет вывезти оттуда морем. Поль Рейно попросил меня вызвать к нему Дарлана на утро следующего дня. Он сказал, что хочет поговорить с ним относительно флота.

Дарлан в это время был на пути в Ла Геритульд. Вечером мне удалось связаться с ним и условиться о встрече. Он ответил раздраженно: «Прибыть завтра в Бордо? Не могу понять, чем там занимается премьер-министр. Что касается меня, то я командую и не могу напрасно терять времени». В конце концов он все-таки подчинился. Однако тон, каким разговаривал Дарлан, не сулил ничего хорошего. Спустя несколько минут во время короткой беседы с министром без портфеля Жаном Ибарнегарэ, который до сих пор выступал сторонником борьбы до победного конца, я имел возможность убедиться в том, насколько изменились умонастроения некоторых деятелей. Ибарнегарэ явился ко мне в гостиницу «Сплендид», где я наспех обедал вместе с Жоффруа де Курселем. «Для меня, старого солдата,— сказал он,— существует один закон: подчиняться своим начальникам — Петэну и Вейгану».— «Может быть, настанет день, когда вы убедитесь, что для министра забота о спасении страны должна преобладать над всеми другими чувствами»,— ответил я. Петэна, который обедал в этом же зале, я приветствовал молча. Не говоря ни слова, он пожал мне руку. С тех пор я никогда больше не видел его.

Какая сила влекла его навстречу столь роковой судьбе! Вся жизнь этого незаурядного человека была сплошным самоотречением. Слишком гордый для того, чтобы заниматься интригами, слишком значительный, чтобы мириться с второстепенной ролью, слишком самолюбивый, чтобы выслуживаться, в душе он был одержим жаждой власти, которую в нем разжигали сознание собственного превосходства, препятствия на его пути, высокомерное презрение к другим. Было время, когда военная слава щедро осыпала его своими коварными дарами. Но это не принесло ему удовлетво-

рения, потому что он был не единственным ее баловнем. И вот внезапно, уже на склоне лет, события предоставили его талантам и его честолюбию столь вожделенную возможность развернуться во всю ширь. Однако он мог достигнуть своего возвышения лишь ценою падения Франции, увенчав ее позор своею славой.

Надо сказать, что вообще маршал Петэн считал войну проигранной. Этот старый солдат, одевший военный мундир вскоре после окончания войны 1870 года, склонен был и нынешнюю войну рассматривать как очередной франко-германский конфликт. Потерпев поражение в первой схватке с немцами, мы одержали победу над ними во второй, то есть в войне 1914—1918 годов. Нам, конечно, помогли союзники, но они сыграли второстепенную роль. Теперь мы терпим поражение в третьей войне. Это очень тяжело, но вполне закономерно. После Седана и падения Парижа, по мнению Петэна, следовало кончать войну, заключать перемирие и в случае необходимости расправиться с Коммуной, как в свое время в подобных же обстоятельствах расправился с нею Тьер. Для старого маршала такие факторы, как мировой характер войны, возможность использования заморских территорий, идеологические последствия победы Гитлера, не имели никакого значения. Такие моменты он не имел обыкновения принимать в расчет.

И все-таки я убежден, что в другое время маршал Петэн не согласился бы взять на себя роль главы государства в условиях поражения Франции. Я уверен в том, что, оставаясь самим собою, он возобновил бы борьбу, как только убедился бы, что он заблуждался, что победа возможна, что Франция способна внести в нее свой вклад. Но увы! годы подточили его. На склоне лет он уже легко поддавался влиянию людей, которые, ловко пользуясь усталостью маршала, прикрывали свои махинации его громким именем. Старость — это крушение. И раз уж нам суждено было испить чашу до дна, старость маршала Петэна должна была символизировать крушение Франции.

Именно об этом я думал ночью по дороге в Бретань.

В то же время во мне крепла решимость продолжать войну во что бы то ни стало. Прибыв в Ренн утром 15 июня, я встретился там с генералом Рене Альтмайером, который командовал различными соединениями, сражавшимися к западу от реки Майенн, с командующим военным округом генералом Гитри и префектом департамента Иль и Вилен. Все трое проявляли максимум добросовестности, каждый на своем участке. Я постарался согласовать их усилия и их возможности в интересах обороны данного района. Затем я добрался до Бреста, обогнав по пути английские эшелоны, которые двигались к Бресту, откуда должны были эвакуироваться морем. В морской префектуре вместе с адмиралом Тробом и командующим западным военно-морским районом де Лабордом я изучал, какими возможностями располагает военно-морской флот и в чем он нуждается для погрузки войск в портах Бретани. Во вторую половину дня я уже находился на борту эскадренного миноносца «Милан», который должен был доставить меня в Плимут. Туда же направлялась группа химиков во главе с генералом Лемуаном, командированная министром вооружения Раулем Дотри в Англию, для того чтобы доставить в безопасное место «тяжелую воду». Когда мы покидали брестский рейд, мне салютовал линкор «Ришелье», уже готовый взять курс на Дакар. Из Плимута я выехал в Лондон, куда прибыл 16 июня на рассвете.

Уже через несколько минут в номер гостиницы «Гайд-парк», где я с дороги приводил себя в порядок, явились Корбэн и Моннэ. Посол известил меня, что встречи с различными английскими деятелями, с которыми мне предстояло вести переговоры по вопросу транспортировки войск, уже назначены на утро. Кроме того, было условлено, что если Франция не обратится к Германии с просьбой о перемирии, то на следующий день Поль Рейно и Черчилль встретятся утром в Конкарно, чтобы совместно дать указания о погрузке войск на суда. Затем мои собеседники перешли к другому вопросу.

«Нам известно,— говорили они,— что пораженческие настроения в Бордо растут очень быстро. Пока вы были в пути, французское правительство подтвердило телеграммой просьбу, с которой Поль Рейно устно обратился к Черчиллю 13 июня, о том, чтобы Франция была освобождена от обязательств, налагаемых на нее соглашением от 28 марта. Каков будет ответ англичан, который ожидается сегодня утром, мы еще не знаем. Однако мы думаем, что они не станут возражать при условии, если будут даны гарантии, касающиеся французского военно-морского флота. Таким образом, наступают последние минуты. Тем более что днем в Бордо должно состояться заседание Совета министров, а заседание это, по всей видимости, будет решающим».

«Нам показалось,— продолжали Корбэн и Моннэ,— что только какое-нибудь неожиданное событие, резко меняющее обстановку, было бы способно изменить общее настроение и, во всяком случае, укрепить намерение Поля Рейно отправиться в Алжир. Вот почему вместе с сэром Робертом Ванситтартом, постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании, мы подготовили проект, который, по-видимому, может произвести надлежащий эффект. Речь идет о слиянии Франции и Англии, с предложением о котором английское правительство должно торжественно обратиться к правительству Бордо. В соответствии с этим проектом оба государства решают создать единое правительство, совместно использовать свои возможности в равной степени идти на жертвы, говоря короче, полностью связать свои судьбы. Не исключено, что такое предложение, сделанное в данной обстановке, склонит наших министров к попытке усилить сопротивление или заставит по крайней мере повременить с капитуляцией. Однако нужно еще, чтобы наш проект получил одобрение английского правительства. Только вы можете добиться этого от Черчилля. Условлено уже, что вскоре вы с ним встретитесь на завтраке. Таким образом, имеется превосходная возможность говорить с ним на эту тему, если, конечно, вы сами одобряете подобную идею».

Меня ознакомили с проектом заявления. Сразу же я подумал о том, что сама грандиозность задуманного плана исключала возможность немедленного его осуществления. Бросалось в глаза то обстоятельство, что если и признать целесообразность слияния Англии и Франции, то невозможно путем одного лишь обмена нотами объединить в одно целое, пусть даже в принципе, обе эти страны с их учреждениями, интересами и владениями. Даже те пункты проекта, которые могли быть практически решены, как, например, вопрос о совместных военных усилиях, потребовали бы длительных переговоров. Но это предложение английского правительства правительству Франции явилось бы выражением солидарности и само по себе могло иметь вполне реальное значение. А главное, я, так же как Корбэн и Моннэ, считал, что в том критическом положении, в каком находился

Поль Рейио, этот проект мог явиться для него моральной поддержкой и аргумеитом против министров его кабииета, иастаивавших иа прекращении борьбы. Вот почему я согласился убедить Черчилля поддержать даиный проект.

Утром было очеиь миого всяких дел. Прежде всего я урегулнровал вопрос относительио дальиейшего следования транспортиого судиа «Пастер», которое везло из Соедииеиных Штатов Америки тысячу 75-миллиметровых пушек, иесколько тысяч стаиковых пулеметов и боеприпасы. В связи с докладом иашей воениой миссии я приказал измеиить маршрут этого судна, иаходившегося уже в путн, н доставить груз ие в Бордо, как предполагалось, а в одии из портов Великобритании. Учитывая обстаиовку, ни в коем случае иельзя было допустить, чтобы этот цеииейший груз попал в руки врага. И действительно, пушки и пулеметы, доставлеииые «Пастером», позволили перевооружить аиглийские войска, которые потеряли под Дюнкерком почти все свое вооружение.

Что касается переброски наших войск, то со стороиы англичаи я встретил нскреинюю готовность помочь иам судами н обеспечить безопасиость морскнх перевозок. Причем всю подготовку к этой операции должно было провести английское мииистерство воеиио-морского флота совместно с иашей военно-морской мнссией, которую возглавлял адмирал Одандаль. Но было совершеиио очевидно, что иикто в Лондоие уже ие верил в способность официальиой Франции воспряиуть духом. Встречи с различиыми деятелями убедили меия, что во всех своих планах наши союзники исходят из иеминуемого отказа Франции от продолжеиия борьбы в самом ближайшем будущем. Всех особенно беспокоила судьба иашего флота. Мысль об этом буквальио ии у кого ие выходила из головы. При встрече с англичаиами в эти иапряжеииые часы каждый француз чувствовал иа себе вопрошающий взгляд или слышал прямо поставленный вопрос: «Что будет с вашим флотом?»

Об этом же думал н английский премьер-мииистр, когда я вместе с Корбэиом и Моииэ завтракал с иим в «Карлтои клаб». «Что бы ии случилось,— обратился я к нему,— французский воеиио-морской флот добровольио сдан не будет. Сам Петэн иа это ие согласнтся. К тому же флот — это владеиие Дарлаиа, а феодал своего владения никому ие уступает. Одиако гаратию того, что французский воеиио-морской флот иикогда ие попадет в руки к иемцам, могло бы дать только одио условие: продолжение войны иами. В этой связи я должеи признаться, что позиция, которую вы заняли на совещаиии в Туре, меия неприятио поразила. Сложилось такое впечатление, что вы ни во что ие ставите иаш союз. Ваша уступчивость играет иа руку тем нз иаших людей, которые склоияются к капитуляции. «Вы же видите, что иас к этому вынуждают,— говорят оии.— Сами аигличане против этого ие возражают». Нет! Вовсе ие так должиы вы действовать, чтобы оказать иам поддержку в момент величайшего кризиса».

Мие показалось, что Черчилль заколебался. Он о чем-то посовещался с начальииком своей каицелярии майором Мортоиом. Я подумал, что в последний момеит он хочет прннять меры, чтобы измеиить свое прежиее решеиие. И, может быть, имеино по этой причиие спустя полчаса в Бордо аиглийский посол явился к Полю Рейио н взял обратио раиее вручеииую ему ноту, в которой английское правительство в прииципе соглашалось с тем, чтобы Франция запросила у иемцев, на каких условиях оии готовы заключить перемирие.

Затем я коснулся проекта объединения обоих наших народов. «Лорд Галифакс уже говорил мне об этом,— сказал Черчилль.— Но это дело чрезвычайно сложное».— «Верно,— ответил я.— Поэтому осуществление такого плана потребовало бы много времени. Но сделать заявление по этому вопросу можно немедленно. При существующем положении вещей вы не должны пренебрегать ничем, что могло бы поддержать Францию и способствовать сохранению нашего союза». После короткой дискуссии премьер-министр согласился со мной. Он тут же дал указание созвать английский кабинет и отправился на Даунинг-стрит председательствовать на его заседании. Вместе с ним туда же поехал и я. Пока шло заседание совета министров, я и французский посол в Англии находились в комнате, расположенной рядом с залом заседаний. Связавшись тем временем по телефону с Полем Рейно, я предупредил его, что, по договоренности с английским правительством, рассчитываю еще до вечера направить ему очень важное сообщение. Он ответил, что в связи с этим перенесет заседание Совета министров на 17 часов. «Но больше откладывать,— сказал он,— я не смогу».

Английский кабинет заседал два часа. Время от времени из зала заседания выходил тот или иной министр, чтобы уточнить с нами, французами, нужный вопрос. Но вот наконец вышли все министры во главе с Черчиллем. «Мы согласны!» — заявили они. И действительно, если не считать деталей, составленный ими текст заявления ничем не отличался от того, который мы им предложили. Я тут же вызвал по телефону Поля Рейно и продиктовал ему текст документа. «Это очень важно! — заметил председатель Совета министров.— И я немедленно воспользуюсь этим на заседании, которое начнется с минуты на минуту». В нескольких словах я постарался, как только мог, ободрить его. Черчилль взял трубку: «Алло! Рейно! Де Голль прав! Наше предложение может иметь очень важные последствия. Нужно держаться!»

Затем, выслушав ответ французского премьера, он сказал: «Итак, до завтра, до встречи в Конкарно!»

Я простился с Черчиллем. Он предоставил мне самолет, для того чтобы я мог немедленно вернуться в Бордо. Мы условились, что самолет останется в моем распоряжении, так как события, возможно, заставят меня еще раз вернуться в Англию. Черчилль сам должен был выехать поездом, чтобы затем на эсминце направиться в Конкарно. В 21 ч 30 мин я приземлился в Бордо. На аэродроме меня встречали полковник Юмбер и Обюртэн, сотрудники моей канцелярии. Они сообщили мне, что председатель совета министров подал в отставку и что президент Лебрен поручил маршалу Петэну сформировать правительство. Это предвещало явную капитуляцию. Я тут же принял решение уехать завтра утром.

Я отправился к Полю Рейно и увидел, что он не питает иллюзий относительно последствий прихода к власти маршала Петэна. Но в то же время он производил впечатление человека, почувствовавшего облегчение от того, что с него свалилась такая огромная ответственность. Он показался мне человеком, потерявшим всякую надежду. Лишь очевидцы могут понять, что представляло собой бремя власти в этот ужасный период. На протяжении многих напряженных дней и бессонных ночей председатель Совета министров чувствовал на себе всю тяжесть ответственности за судьбу Франции. Ибо глава правительства всегда одинок под ударами судьбы. Ведь именно Полю Рейно пришлось пережить все этапы нашего падения: прорыв немцев под Седаном, дюнкеркскую катастрофу, эвакуацию Парижа, панику

в Бордо. Однако он возглавил правительство лишь накануне наших несчастий, абсолютно не имея времени для того, чтобы встретить их во всеоружии. Еще задолго до этого он выступал за такую военную политику, которая помогла бы избежать катастрофы. Он встретил бурю с душевной стойкостью. Ни разу в эти драматические дни Поль Рейно не потерял самообладания. Никогда он не горячился, не возмущался, не жаловался. Трагическое зрелище представлял собой этот выдающийся человек, незаслуженно раздавленный огромными событиями.

В сущности, личность Поля Рейно была вполне подходящей для продолжения войны при существовании в государстве известного порядка и на основе традиций, сложившихся в процессе исторического развития Франции. Но все было сметено. Глава правительства видел, как разваливается государство, как паника овладела народом, как отрекаются союзники и теряют присутствие духа самые выдающиеся руководители. С того дня, как правительство покинуло столицу, государственная власть находилась в состоянии агонии, что выражалось в беспорядочном бегстве по дорогам, в расстройстве всех тыловых служб, в нарушении дисциплины во всех областях жизни и во всеобщей растерянности. В таких условиях ум Поля Рейно, его мужество, его авторитет растрачивались впустую. Он больше уже не мог совладать с бурной лавиной событий.

Для того чтобы вновь взять бразды правления в свои руки, ему нужно было вырваться из водоворота, перебраться в Африку и начать там все сызнова. Поль Рейно понимал это. Но для этого необходимо было принять ряд чрезвычайных мер: сменить главное командование, сместить маршала Петэна и добрую половину министров, покончить с некоторыми влияниями, примириться с полной оккупацией Франции, короче говоря, в этой невиданно тяжелой обстановке пойти на ряд чрезвычайных и выходящих за обычные рамки мер.

Поль Рейно не решился взять на себя ответственность за принятие столь чрезвычайных решений. Он попытался достигнуть цели путем маневров. Именно этим объясняется, например, тот факт, что он допускал возможность обсуждения условий противника, если Англия согласится на это. Конечно, он думал, что даже те, кто настаивал на заключении перемирия, откажутся от него, когда узнают условия, и что тогда произойдет объединение всех людей, выступающих за продолжение войны и за спасение отечества. Но драма была слишком сложной для того, чтобы здесь можно было заниматься комбинациями. Вести войну, не жалея усилий, или немедленно капитулировать — третьего выхода не было. Будучи не в силах твердо поддержать первое решение, он уступил место Петэну, который целиком и полностью поддержал второе.

Необходимо отметить, что в этот критический момент сам государственный строй Третьей республики сковывал деятельность главы последнего правительства. Безусловно, у многих ответственных должностных лиц капитуляция вызывала отвращение. Но представители государственной власти, растерявшиеся перед лицом катастрофы, за которую они чувствовали себя ответственными, совершенно бездействовали. В то время, когда встал вопрос, от которого зависело настоящее и будущее Франции, парламент не заседал, правительство оказывалось не способным принять единодушное решение, президент республики не поднимал свой голос даже в совете министров в защиту высших интересов страны. В конечном счете развал

государства лежал в основе национальной катастрофы. В блеске молний режим представал во всей своей ужасающей немощи и не имел ничего общего с защитой чести и независимости Франции.

Поздно вечером я отправился в отель, где проживал английский посол сэр Рональд Кэмпбелл, и сообщил ему о своем намерении выехать в Лондон. Генерал Спирс, принявший участие в разговоре, заявил, что он будет сопровождать меня. Я предупредил Поля Рейно. Он передал мне из секретных фондов 100 тыс. франков. Я попросил де Маржери послать без промедления моей жене и детям, находившимся в Карантеке, документы, необходимые для отъезда в Англию. Им удалось выехать из Бреста на последнем пароходе. 17 июня, в 9 часов утра, я вылетел вместе с генералом Спирсом и лейтенантом де Курсель на английском самолете, на котором я прибыл накануне. Отъезд прошел без каких-либо происшествий и помех.

Мы пролетели над Ла-Рошелью и Рошфором. В этих портах горели суда, подожженные немецкими самолетами. Мы прошли над Пемпоном, где находилась моя тяжелобольная мать. Лес был окутан дымом: это горели взорванные склады боеприпасов. Сделав остановку на острове Джерси, после полудня мы прибыли в Лондон. В то время как я устраивался на квартире, а лейтенант Курсель, звонивший в посольство и миссии, уже получал всюду сдержанные ответы, я, одинокий и лишенный всего, чувствовал себя в положении человека на берегу океана, через который он пытается перебраться вплавь.

Свободная Франция

Продолжать войну? Да, конечно, продолжать! Но с какой целью и в каком масштабе? Многие, даже когда они и одобряли такое решение, хотели, чтобы это ограничивалось лишь поддержкой, которую горстка французов оказывает Британской империи, несломленной и сражающейся. Я никогда не рассматривал в этом плане наше стремление продолжать борьбу. Для меня речь шла прежде всего о спасении нации и государства.

Я считал, что навеки будут потеряны честь, единство и независимость Франции, если в этой мировой войне одна лишь Франция капитулирует и примирится с таким исходом. Ибо в этом случае, чем бы ни кончилась война, независимо от того, будет ли побежденная нация освобождена от захватчиков иностранными армиями или останется порабощенной, презрение, которое она испытала бы к самой себе, и отвращение, которое она внушила бы другим нациям, отравили бы надолго ее душу и жизнь многих поколений французов. Что касается настоящего момента, то во имя чего же повести некоторых ее сынов в бой, который не будет битвой за Францию? Зачем предоставлять дополнительные части для вооруженных сил иностранной державы? Нет! Для того чтобы усилия не пропали даром, нужно было добиться, чтобы в войне приняли участие не только отдельные французы, но и Франция.

Это предполагало: возвращение наших армий на поля битв, возобновление военных действий на наших территориях, участие самой страны в этой борьбе, признание иностранными державами того факта, что подлинная Франция не прекратила борьбы. Иными словами, надо было передать

суверенитет, отобрав его у виновников катастрофы и пораженчества, тем, кто стоит за продолжение войны и в будущем одержит победу. Мое знание людей и обстановки не оставляло во мне иллюзий относительно препятствий, которые предстояло преодолеть. Придется столкнуться с мощным врагом, которого можно сломить лишь длительной войной на истощение и который в своем стремлении подавить у французов волю к борьбе получит поддержку нового французского правительства. Предстоят трудности морального и материального характера. С ними неизбежно столкнутся в длительной и ожесточенной борьбе те, кто будет вести ее на положении париев и не располагая никакими средствами. Придется натолкнуться на уйму возражений, обвинений, клеветнических утверждений, выдвинутых скептиками и малодушными против ведущих борьбу, чтобы оправдать свою пассивность. Будут иметь место так сказать «параллельные» выступления, но на деле враждебные друг другу и преследующие противоположные цели; эти выступления неизбежно пробудят у французов их страсть к спорам и, как это водится, будут использованы политическими кругами и разведывательными органами союзников в своих интересах. Те, кто стремился к ниспровержению существующего строя, будут пытаться направить движение национального сопротивления в сторону революционного хаоса, который может породить их диктатуру. Наконец, великие державы могут попытаться воспользоваться нашей слабостью в своих интересах, в ущерб интересам Франции.

Что касается меня лично, то я, намеревавшийся преодолеть все эти препятствия, вначале ничего собою не представлял. Я не располагал никакой, даже самой минимальной силой, и меня не поддерживала ни одна организация. Во Франции — никого, кто бы мог за меня поручиться, и я не пользовался никакой известностью в стране. За границей — никакого доверия и оправдания моей деятельности. Но тот факт, что у меня ничего этого не было, указывал мне линию поведения. Лишь отдав все свои силы делу спасения отечества, я смог бы создать себе авторитет. Лишь выступая в роли непоколебимого защитника нации и государства, мне удалось бы привлечь французов к ведению борьбы, даже вызвать у них энтузиазм и добиться признания и уважения иностранных держав. Люди, которых на всем протяжении трагических событий смущала моя непримиримость, не хотели понять, что для меня, стремившегося преодолеть бесчисленные противоречивые влияния, малейшая уступка привела бы к крушению моих планов. Иными словами, каким бы ограниченным в своих средствах и одиноким я ни был, и, пожалуй, именно вследствие этого, мне нужно было возглавить движение и уже не выпускать власть из своих рук.

Первое, что необходимо было сделать,— это вновь поднять боевое знамя Франции. Мне представилась возможность сделать это с помощью радио. Днем 17 июня я сообщил о своих намерениях Уинстону Черчиллю. Очутившись после кораблекрушения на английском берегу, мог ли я что-либо предпринять без его поддержки? Черчилль оказал мне поддержку без промедления и для начала предоставил в мое распоряжение Би-би-си. Мы условились, что я использую Би-би-си, как только правительство Петэна запросит перемирия. А в тот же вечер стало известно, что оно это сделало. На следующий день, в 18 часов, я прочитал перед микрофоном всем известное теперь воззвание. По мере того как в микрофон летели слова, от которых уже нельзя было отречься, я чувствовал, что я заканчиваю одну жизнь, ту,

которую я вел в условиях твердо стоящей на ногах Франции и единой армии. В сорок девять лет я вступил в неизвестность, как человек, которому судьба указывала необычный путь.

Однако, предпринимая первые шаги на этом необычном поприще, я должен был выяснить, не собирается ли кто-нибудь другой, пользующийся большим авторитетом, увлечь за собой в борьбу Францию и империю. Поскольку перемирие еще не вступило в силу, можно было предположить, хотя это было и маловероятно, что правительство Бордо в конечном счете пойдет на продолжение войны. Какой бы малой ни была надежда, ее нельзя было терять. Именно поэтому, когда я прибыл в Лондон днем 17 июня, я сразу же телеграфировал в Бордо, предложив свои услуги для продолжения в английской столице переговоров, которые были начаты мной накануне, о закупках в Соединенных Штатах, о немецких военнопленных и о перевозках в Африку.

В ответ пришла телеграмма, требующая моего немедленного возвращения. 20 июня я написал Вейгану, который при капитуляции вдруг неожиданно стал «министром национальной обороны», что звучало насмешкой, умоляя его возглавить движение Сопротивления и заверяя его, если он так поступит, в своем полном повиновении. Но это письмо было возвращено мне адресатом несколько недель спустя с припиской, составленной по меньшей мере в недоброжелательном тоне. 30 июня «французское посольство» известило меня о приказе явиться в тюрьму Сен-Мишель в Тулузе, с тем чтобы предстать перед военным судом. Сначала военный суд приговорил меня к одному месяцу тюремного заключения. Затем по апелляции, поданной «министром» Вейганом, который был недоволен решением, я был приговорен к смертной казни.

Учитывая — впрочем, не без основания! — эту позицию правительства Бордо, я решил установить контакт с властями французских колоний. Еще 19 июня я направил телеграмму главнокомандующему войсками в Северной Африке и генеральному резиденту в Марокко генералу Ногесу с предложением поступить в его распоряжение, если он отвергнет перемирие. В тот же вечер, выступая по радио, я призывал «Африку Клозеля, Бюжо, Лиоте, Ногеса отклонить условия противника». 24 июня я вторично телеграфировал Ногесу и обратился к главнокомандующему войсками в Леванте генералу Миттельхаузеру и Верховному комиссару в Леванте Пюо, а также к генерал-губернатору Индокитая генералу Катру. Я предлагал этим высоким должностным лицам создать орган обороны Французской империи и сообщал им, что я мог бы немедленно обеспечить установление связи этого органа с Лондоном. 27 июня, узнав о довольно воинственном выступлении генерального резидента в Тунисе Пейрутона, я стал призывать его также войти в «Комитет обороны» и возобновил свои предложения генералу Миттельхаузеру и Пюо. В тот же день я попросил на всякий случай оставить за мной и моими офицерами места на французском грузовом судне, которое должно было идти в Марокко.

В ответ я получил лишь телеграмму от командующего военно-морским флотом в Леванте адмирала де Карпантье. Он сообщал мне, что Пюо и генерал Миттельхаузер отправили генералу Ногесу телеграмму, аналогичную моей. Кроме того, один из сыновей генерала Катру, находившийся в то время в Лондоне, принес мне телеграмму от своего отца, который приветствовал его решение сражаться и просил выразить мне свое сочувствие

и одобрение. Но в то же время Дафф Купер, член кабинета, и генерал Горт, направленные английским правительством в Северную Африку, для того чтобы предложить Ногесу поддержку вооруженных сил Англии, не были даже им приняты и возвратились ни с чем в Лондон. Наконец, генерал Диллон, глава британской группы связи в Северной Африке, был выслан из Алжира.

Однако первой реакцией Ногеса, по-видимому, было решение снова поднять знамя Франции. Известно, что в связи с условиями перемирия, выдвинутыми немцами, он 25 июня телеграфировал в Бордо, заявляя о своей готовности продолжать войну. Употребляя выражение, которое я сам использовал в своем выступлении по радио за шесть дней до этого, он говорил о «панике в Бордо», не позволявшей правительству «объективно оценить возможности сопротивления Северной Африки». Он призывал Вейгана «пересмотреть свои распоряжения о выполнении условий перемирия» и заявлял, что если эти распоряжения не будут отменены, то «он сможет их выполнить, лишь испытывая невыносимое чувство стыда». Ясно, что, если бы Ногес избрал путь сопротивления, вся Франция последовала бы за ним. Но вскоре стало известно, что он сам, так же как и другие резиденты, губернаторы и главнокомандующие, подчинился требованиям Петэна и Вейгана и перестал возражать против перемирия. Лишь генерал-губернатор Индокитая генерал Катру и командующий войсками в Сомали генерал Лежантийом не изменили своего отрицательного отношения к перемирию. Оба они были заменены, а их подчиненные мало что сделали для поддержки их.

Впрочем, эта мягкотелость большинства «проконсулов» совпадала с общим политическим крахом в метрополии. Газеты, приходившие к нам из Бордо и затем из Виши, выражали свое согласие с перемирием и сообщали о том, что перемирие принято всеми партиями, группировками, видными общественными деятелями и различными организациями. Национальное собрание, заседавшее 9 и 10 июля, передало почти без дебатов всю власть Петэну. Правда, 80 из присутствовавших на заседании депутатов смело голосовали против такого самоотречения. С другой стороны, те парламентарии, которые отправились на корабле «Массилия» в Северную Африку, показали тем самым, что они считают, что Французская империя не должна прекращать борьбу. Тем не менее остается фактом, что ни один общественный деятель не поднял своего голоса в осуждение перемирия.

К тому же, если крушение Франции словно удар грома поразило мир, если народы на всей земле увидели с тоской, как угасает этот великий светоч, если поэма Шарля Моргана и статья Франсуа Мориака вызывали у многих слезы на глазах, то многие державы не замедлили примириться со свершившимся фактом. Конечно, правительства стран, находившихся в состоянии войны со странами «оси», отозвали из Франции своих представителей; это произошло либо по инициативе самих правительств, как это было с сэром Рональдом Кэмпбеллом или с генералом Ванье, либо по требованию немцев. Но в Лондоне оставался в помещении французского посольства консул, который поддерживал связь с метрополией, в то время как Дюпюи, генеральный консул Канады, находился при маршале Петэне. Не отзывал также своего представителя при правительстве Виши Южно-Африканский Союз. В Виши вокруг папского нунция Валерио Валери, посла Советского Союза Богомолова и вскоре посла Соединенных Штатов адмирала Леги

образовался внушительный дипломатический корпус. Все это могло весьма охладить энтузиазм французов, первые помыслы которых были обращены к Лотарингскому кресту *.

Страх, отчаяние и личные интересы как французов, так и представителей других народов обрекали Францию на полное одиночество. И если чувства многих были верны ее прошлому, а другие по расчету стремились извлечь выгоду из того, что осталось от Франции, то во всем мире не было ни одного человека с именем, который действовал бы, не утратив веры в независимость, гордость, величие Франции. Какой она должна была казаться отныне порабощенной, обесчещенной, попранной, раз все, кто имел вес на земле, примирились со свершившимся фактом. В обстановке этого всеобщего отступничества моя миссия внезапно представилась мне ясной и в то же время тяжкой. В этот самый трагический период истории Франции я брал на себя ответственность за ее судьбу.

Но Франция немыслима без меча. Прежде всего необходимо было создать армию. Я приступил к этому без промедления. В Англии находились некоторые французские военные части. В первую очередь речь идет о частях легкой горной дивизии, которые после блестящей кампании, проведенной в Норвегии под командованием генерала Бетуара, были в середине июня переброшены в Бретань и затем переправлены в Англию с последними английскими частями. Затем корабли военно-морского флота общим водоизмещением около 100 тыс. тонн, которые ушли из Шербура, Бреста, Лориана. На их борту кроме команды находилось немало матросов с других кораблей и моряков вспомогательного флота, всего около 10 тыс. человек. Кроме того, в госпиталях Англии находились на излечении несколько тысяч солдат, раненных недавно в Бельгии. Французские военные миссии взяли на себя командно-административные функции, с тем чтобы держать все эти силы в подчинении Виши и подготовить их общую репатриацию.

Даже установление одного лишь контакта с этими многочисленными и находившимися в разных местах группами представляло для меня немалые трудности. Вначале я имел в своем распоряжении лишь незначительное количество офицеров, почти исключительно младших, которые были исполнены самых добрых намерений, но были бессильны бороться со своим начальством. Пропаганда среди унтер-офицеров и солдат, с которыми им удавалось встречаться,— вот и все, что они могли сделать и что они делали. Результаты были не блестящи. Восемь дней спустя после моего воззвания 18 июня число добровольцев, размещенных в зале Олимпия, предоставленном нам англичанами, равнялось нескольким сотням.

Следует сказать, что английские власти совсем не оказывали содействия нашим усилиям. Правда, ими были распространены листовки, извещавшие французских военнослужащих, что они могут выбирать между репатриацией, присоединением к генералу де Голлю и службой в войсках Его Величества. Правда, инструкции, данные Черчиллем, выступления Спирса, которому премьер-министр поручил быть посредником между Свободной

---

* Лотарингский крест — средневековый геральдический знак и одновременно символ христианской веры — крест особой формы с двумя горизонтальными перекладинами, расположенными под прямым углом по отношению к вертикальной, из которых верхняя короче нижней. Этот знак де Голль избрал эмблемой своего движения.— *Прим. ред.*

Францией и английскими учреждениями, в ряде случаев побеждали инертность или сопротивление. Правда, пресса, радио, многие организации, многочисленные частные лица широко рекламировали наше дело. Но английское командование, ожидавшее со дня на день немецкого наступления и, возможно, вторжения, было слишком поглощено своими собственными приготовлениями, чтобы заниматься делом, по его мнению, весьма второстепенным. К тому же, следуя удобной профессиональной привычке, оно было более склонно признавать законную власть, то есть правительство Виши и его миссии. Наконец, оно относилось не без недоверия к своим вчерашним союзникам, униженным в своем несчастье, недовольным самими собой и другими и подвергавшимся со всех сторон нападкам. Как поступят они, если нагрянет враг? Не было ли самым разумным как можно скорее выпроводить их из Англии? И что могли сделать в конечном счете несколько батальонов и экипажей без командного состава, которые пытался привлечь к делу союзников генерал де Голль?

29 июня я отправился в Трентем-парк, где разместилась наша легкая горная дивизия. Командир дивизии хотел возвратиться во Францию с твердым намерением включиться со временем в борьбу, что он, впрочем, впоследствии и сделал, проявив мужество и доблесть. Он принял меры, чтобы я смог познакомиться с каждым подразделением. Мне удалось привлечь на свою сторону основную часть обоих батальонов 13-й полубригады Иностранного легиона с их командиром подполковником Магреном-Вернерэ (Монклар) и его помощником капитаном Кёнигом, две сотни горных стрелков, две трети танковой роты, несколько подразделений артиллерии, инженерных войск и войск связи, несколько офицеров штаба и различных служб, среди которых находились майор Коншар, капитаны Деваврен и Тиссье. Таковы были мои успехи, хотя после моего отъезда из лагеря английские полковники Чейр и Вильямс, посланные военным министерством, в свою очередь собрали подразделения, чтобы заявить им буквально следующее: «Вы совершенно свободны в своем выборе, если пожелаете служить под командованием генерала де Голля. Но мы должны вас предупредить, говоря с вами откровенно, что если вы решитесь на это, то станете бунтовщиками по отношению к своему правительству».

На следующий день я решил посетить лагери в Эйнтри и Хейдоке, где находилось несколько тысяч французских матросов. Как только я прибыл, английский адмирал, командующий военно-морской базой Ливерпуля, заявил мне, что он против моей встречи с матросами, так как это может нарушить порядок. Я был вынужден уехать ни с чем. Мне больше повезло в Харроу-парке несколько дней спустя. Несмотря ни на что, среди французских матросов возникло движение добровольцев. Несколько решительных офицеров, сразу же примкнувших ко мне, например капитаны 3-го ранга д'Аржанльё, Витзель, Мулек, Журдан, приняли самое активное участие в этом движении. Офицеры и матросы трех небольших военных кораблей сразу же перешли на мою сторону. В их число входили подводная лодка «Рюби» (командир Кабанье), крейсировавшая вдоль берегов Норвегии; подводная лодка «Нарваль» (командир Дрогу), которая немедленно после моего воззвания покинула Сфакс и возвратилась на Мальту (позже она была потоплена во время боевой операции в Средиземном море); траулер, переоборудованный в сторожевой корабль «Президан Ондюс» (командир

Дешатр). Прибытие вице-адмирала Мюзелье, которого во флоте многие недолюбливали за его характер и из-за его служебной карьеры, но знания и опытность которого представляли ценность в этот бурный период, позволило мне поставить во главе наших зарождавшихся военно-морских сил хорошо знакомого со своим делом и ответственного командира. В это же время несколько десятков летчиков, которых я посетил в лагере в Сент-Атем, объединились вокруг капитанов де Ранкур, Астье де Вийат, Бекур-Фош и ожидали, когда майор Пижо примет командование.

Тем временем в Англию ежедневно прибывали отдельные добровольцы. Они приезжали обычно из Франции на последних судах, регулярно уходивших в Англию, или бежали на лодках, которые им удавалось раздобыть, или же пробирались с большими трудностями через Испанию, ускользая от испанской полиции, отправлявшей задержанных ею лиц в лагерь Миранда. Летчикам, завладевшим самолетами, вопреки мерам правительства Виши, удалось бежать из Северной Африки и приземлиться в Гибралтаре. Моряки торгового флота, случайно оказавшиеся вдали от французских портов, а также корабли, не подчинившиеся режиму Виши, как, например, судно «Капо Ольмо» (командир Вюйлемен), выражали желание участвовать в боевых действиях. Французы, проживавшие за границей, также предлагали свои услуги. Я собрал в Уайт-Сити 2 тыс. французов, раненных под Дюнкерком и находившихся на излечении в английских госпиталях, и из этого числа ко мне примкнуло 200 добровольцев. На мою сторону перешел также вместе со своим командиром майором Лороттом колониальный батальон, находившийся на Кипре, куда он был переведен из армии Леванта. В последних числах июня к Корнуэллу причалила целая флотилия рыболовных судов, доставив генералу де Голлю всех годных к военной службе мужчин с острова Сен. Наша решимость возрастала, по мере того как к нам день за днем присоединялись исполненные энтузиазма молодые люди. Многие из них, для того чтобы пробраться к нам, совершали подвиги. На моем столе грудой лежали прибывшие со всех концов земного шара телеграммы: отдельные лица и небольшие группы людей направляли мне волнующие просьбы принять в качестве добровольцев. Мои офицеры и офицеры группы Спирса проявляли чудеса упорства и изобретательности, чтобы устроить их приезд.

И вдруг горестное событие приостановило поток добровольцев. 4 июля радио и газеты сообщили, что накануне английский средиземноморский флот совершил нападение на французскую эскадру, стоявшую на якоре в Мерс-эль-Кебире. Одновременно нам стало известно, что англичане внезапно захватили французские военные корабли, укрывшиеся в английских портах, и насильно высадили на берег и интернировали — не без кровавых инцидентов — офицеров и матросов. Наконец 10 июля было опубликовано сообщение о торпедировании английскими самолетами линкора «Ришелье», стоявшего на рейде Дакара. Лондонские газеты и официальные коммюнике стремились изобразить эти агрессивные действия как победу, одержанную на море. Было ясно, что у английского правительства и морского министерства страх за будущее, отзвуки старинного соперничества на море, обиды, накопившиеся с начала битвы за Францию и особенно обострившиеся в связи с перемирием, заключенным правительством Виши, вылились в один из тех диких порывов, когда долго сдерживаемый инстинкт этого народа ломает все на своем пути.

Между тем было совершенно ясно, что французский военно-морской флот никогда не замышлял враждебных действий против англичан. С момента моего прибытия в Лондон я постоянно доказывал это английскому правительству, а также морскому министерству. Впрочем, было очевидно, что Дарлан, считающий флот своей собственностью независимо ни от каких соображений национальных интересов страны, не уступит флот немцам до тех пор, пока он им командует. Если Дарлан и его помощники не захотели играть ту замечательную роль, которую им предоставляли события, и стать спасителями Франции, так как в отличие от армии флот еще существовал нетронутым, то это объясняется тем, что они считали свои корабли в безопасности. Лорд Ллойд, английский министр по делам колоний, и адмирал сэр Дадли Паунд, морской лорд, прибывшие в Бордо 18 июня, получили от Дарлана заверение, что наши корабли не будут переданы немцам. Петэн и Бодуэн со своей стороны решительно подтвердили это. Наконец, вопреки той версии, которую распространили вначале английские и американские агентства, в условиях перемирия не содержалось никаких прямых посягательств немцев на французский военно-морской флот.

Но все-таки следует признать, что в связи с капитуляцией правителей Бордо и возможной уступчивостью с их стороны в будущем Англия могла опасаться, что врагу удастся впоследствии захватить наш флот. В этом случае над Англией нависла бы смертельная опасность. Несмотря на чувство боли и негодования, которое я и мои товарищи испытывали в связи с драмой в Мерс-эль-Кебире, поведением англичан и их самовосхвалением, я считал, что спасение Франции превыше всего, превыше даже судьбы ее военно-морского флота, и что наш долг заключается в том, чтобы ни на минуту не прекращать борьбы.

8 июля я высказал это открыто по радио. Английское правительство, заслушав доклад министра информации Дафф Купера, сделало красивый жест, предоставив в мое распоряжение Би-би-си, несмотря на то что отдельные места моего заявления были весьма неприятны для англичан.

Но нашим надеждам был нанесен страшный удар. Последствия его сразу же сказались на вербовке добровольцев. Многие военные и гражданские лица, собиравшиеся к нам присоединиться, отвернулись от нас. Кроме того, отношение к нам властей во Французской империи, а также отношение сухопутных и морских сил в большинстве случаев изменилось: от колебаний перешли к осуждению. Конечно, правительство Виши не упустило случая максимально использовать инцидент в своих интересах. Возникали серьезные трудности в вопросе о присоединении к нам территорий Африки.

Тем не менее мы продолжали наше дело. 13 июля я рискнул объявить: «Французы! Знайте, что у вас еще есть армия». 14 июля в Уайтхолле в присутствии взволнованной толпы я принимал парад наших первых отрядов, а затем повел их возложить венок, перевитый трехцветной лентой, к подножию статуи маршала Фоша. 21 июля мне удалось добиться того, что многие наши летчики приняли участие в бомбардировке Рура, и я поручил опубликовать сообщение, что свободные французы вновь принимают участие в военных действиях. В этот же период все наши силы по предложению д'Аржанльё приняли в качестве своей эмблемы Лотарингский крест. 24 августа в нашу маленькую армию прибыл с визитом король Георг VI. При виде этой армии можно было сказать, что «обломок меча» получит сильную закалку. Но, боже мой, каким коротким был этот меч!

В конце июля общая численность наших сил не достигала и 7 тыс. человек. Это было все, что мы могли собрать в самой Англии; те французские подразделения, которые не присоединились к нам, были теперь репатриированы. С большим трудом мы получили оружие и снаряжение, оставленное ими в Англии. Это оружие и снаряжение зачастую переходило в руки англичан либо в руки других союзников. Что касается военно-морских сил, то мы были в состоянии оснастить лишь несколько кораблей, и с болью в сердце мы видели, что другие наши корабли ходят под иностранным флагом. Однако, несмотря на все препятствия, постепенно формировались наши первые части. Они были плохо вооружены, но состояли из решительных людей.

Эти люди были из той крепкой породы людей, к которой принадлежали борцы французского Сопротивления повсюду, где бы они ни находились. Жажда риска и приключений, презрение к малодушным и равнодушным, склонность к меланхолии и ссорам в периоды затишья, крепкая товарищеская спайка в бою, чувство национальной гордости, которое болезненно обострялось в связи с несчастьем их родины и при контакте с хорошо обеспеченными союзниками, а главное, твердая вера в успех их собственного дела — таковы были психологические черты характера этой горстки лучших сынов Франции. Постепенно их становилось все больше, и они увлекли за собой всю нацию и всю империю.

По мере того как мы пытались создать небольшую армию, возникла необходимость урегулировать наши отношения с английским правительством. Последнее, впрочем, стремилось к этому не столько из любви к юридической пунктуальности, сколько из желания, чтобы на территории Его Величества права и обязанности сражающихся французов, этих симпатичных, но причинявших немало неприятностей людей, были точно определены.

С самого начала я поставил в известность Черчилля о своем намерении создать, если это окажется возможным, Национальный комитет для руководства нашими военными усилиями. С целью оказать нам поддержку в этом вопросе английское правительство опубликовало 23 июня два заявления. В первом заявлении говорилось об отказе признать независимый характер правительства Бордо. Во втором — сообщалось о проекте создания французского Национального комитета и заранее говорилось о намерении признать его и сотрудничать с ним по всем вопросам, касающимся ведения войны. 25 июня английское правительство опубликовало коммюнике, в котором оно сообщало, что целый ряд высоких должностных лиц Французской империи выразили свое желание примкнуть к движению Сопротивления, и предлагало им свою поддержку. Но затем, поскольку никто не откликнулся на это обращение, лондонский кабинет, имея перед собой одного лишь генерала де Голля, 28 июня решил официально признать его «главой свободных французов».

В этом качестве я и начал необходимые переговоры с премьер-министром и с министерством иностранных дел. Переговоры начались с меморандума, который был направлен мною 26 июня Черчиллю и лорду Галифаксу. Переговоры завершились подписанием соглашения от 7 августа 1940 года. Некоторые статьи соглашения, на которых я настаивал, вызвали довольно щекотливую дискуссию между представителем союзников Стрэнгом и нашим представителем профессором Рене Кассэном.

Считая, что не исключена возможность, что превратности войны заставят Англию заключить компромиссный мир, а также учитывая, что англичане могут, чего доброго, польститься на то или иное из наших заморских владений, я настаивал на том, чтобы Великобритания гарантировала восстановление границ метрополии и Французской империи. Англичане согласились в конечном счете обещать «полное восстановление независимости и величия Франции», но не взяли на себя никаких обязательств относительно нашей территориальной неприкосновенности. Хотя я и был убежден, что руководство общими военными операциями на суше, на море и в воздухе, естественно, должно осуществляться английскими военачальниками, принимая во внимание соотношение сил, я оставил за собой при всех обстоятельствах «верховное командование» французскими силами, признавая лишь «общие директивы английского командования». Так был установлен чисто национальный характер этих сил. Кроме того, я настоял на оговорке — не без возражений со стороны англичан,— что ни в коем случае добровольцы «не обратят своего оружия против Франции». Это не означало, что они не должны были никогда сражаться с французами. Увы! Нужно было предвидеть как раз обратное, поскольку Виши было только Виши, а отнюдь не Франция. Но эта оговорка должна была гарантировать, что наша армия, ведя военные действия совместно с союзниками, не будет использована в случае столкновения с силами официальной Франции против подлинной Франции и не нанесет ущерба ее национальному достоянию, а также ее интересам.

Хотя расходы на вооруженные силы Свободной Франции по соглашению временно брало на себя английское правительство, ибо вначале мы не располагали никакими средствами, я настоял на том, чтобы было оговорено, что речь идет лишь об авансе, который будет возмещен впоследствии, учитывая поставки с нашей стороны. Этот долг был полностью возвращен еще в ходе войны, так что в конечном счете вооруженные силы Свободной Франции ни в коей мере не находились на иждивении у Англии.

Наконец, несмотря на страстное стремление к увеличению тоннажа торгового флота, страсть, которой — вполне законно! — были охвачены англичане, мы не без труда добились их согласия на то, чтобы между английскими и французскими соответствующими органами была установлена «постоянная связь» для урегулирования вопросов об «использовании французских торговых судов и их команд».

Этот документ был подписан Черчиллем и мной в Чекерсе.

Соглашение от 7 августа имело для Свободной Франции немаловажное значение не только потому, что избавляло нас в ближайшем будущем от материальных затруднений, но также и потому, что британские власти, имевшие отныне официальную базу для взаимоотношений с нами, теперь без колебания оказывали нам помощь. Но главное — весь мир узнал, что, несмотря на все препятствия, заложены основы франко-английского сотрудничества. Это не замедлило сказаться на отношении к нам некоторых территорий Французской империи и французов, проживавших за границей. Кроме того, другие государства, видя, что Великобритания признала Свободную Францию, сделали некоторые шаги в этом направлении. Это относилось в первую очередь к правительствам, нашедшим свое убежище в Англии. Конечно, их возможности были чрезвычайно ограниченны, но зато они сохранили свое международное представительство и международное влияние.

Ибо каждая европейская страна, подвергшаяся вторжению гитлеровских армий, спасла на свободной земле свою независимость и суверенитет. Также поступили и те страны, территории которых были впоследствии оккупированы Германией и Италией. Ни одно правительство не согласилось надеть ярмо захватчика, ни одно, за исключением лишь правительства, объявившего себя правительством Франции и имевшего в своем распоряжении обширную империю, охраняемую крупными вооруженными силами, и один из сильнейших флотов мира!

В июне, когда одна катастрофа следовала за другой, на землю Великобритании ступили монархи и министры Норвегии, Голландии, Люксембурга, затем президент Польской Республики и польские министры и некоторое время спустя — бельгийский кабинет. Чехи стремились к объединению. Король Албании устанавливал некоторые контакты. Англия гостеприимно принимала у себя представителей этих правительств в изгнании, руководствуясь чувством великодушия, смешанного с расчетом. Как бы ни были они теперь бедны, у них все же еще кое-что оставалось. Многие из них привезли золото и валюту своих банков. У голландцев была Индонезия и значительный флот, у бельгийцев — Конго, у поляков — небольшая армия, у норвежцев — многочисленные торговые суда, у чехов, или, вернее, у Бенеша,— информационная сеть в Центральной и Восточной Европе и активные связи с американцами. Помимо всего прочего Англии, заботившейся о своем престиже, было лестно выступить в роли последнего оплота рушившегося старого мира.

Для этих изгнанников Свободная Франция, не имевшая ничего, являлась интересным экспериментом. Но в особенности она привлекала к себе внимание несчастных поляков и чехов, имевших наибольшие основания для беспокойства. Мы, сохранившие верность традициям Франции, олицетворяли для них надежду, и их симпатии были всецело на нашей стороне. В частности, Сикорский и Бенеш, несмотря на всю их подозрительность, возникшую вследствие интриг и обид, которые усугубляли их несчастье, установили со мной прочную и постоянную связь. Может быть, лишь в этот страшный период я понял по-настоящему, чем является Франция для всего мира.

В то время как мы стремились вывести Свободную Францию на международную арену, я пытался создать зачатки власти и администрации. Было бы смешно, если бы я, почти никому не известный и полностью лишенный средств, провозгласил в качестве «правительства» тот элементарный аппарат, который я создавал. К тому же, несмотря на то, что я был убежден, что правительство Виши будет катиться по наклонной плоскости вплоть до своего окончательного падения, несмотря на то, что я заявил о незаконности правительства, находящегося в зависимости от врага, я хотел сохранить возможность для смены власти во время войны, если когда-нибудь представился бы для этого случай. Поэтому я весьма остерегался что-либо создавать даже на словах, так как это могло помешать возрождению государства. Я лишь призывал представителей властей Французской империи объединиться для ее защиты. Затем, когда стало известно об их отказе, я решил при первой же возможности создать всего-навсего «Национальный комитет».

Теперь было необходимо, чтобы достаточно влиятельные лица оказали мне поддержку. В первые дни некоторые оптимисты считали, что таких окажется немало. Ежечасно сообщалось о проезде через Лиссабон или о

высадке в Ливерпуле такого-то выдающегося политического деятеля, известного генерала, академика. Но вскоре поступало опровержение. В самом Лондоне влиятельные французы, находившиеся здесь на службе или случайно, за редким исключением, не примкнули к Свободной Франции. Многие выехали во Францию, другие остались в Англии, заявив о своей верности правительству Виши. Что касается тех, кто выступил против капитуляции, то одни отправились в Англию или Соединенные Штаты, другие поступили на службу английского или американского правительства. Очень мало выдающихся людей становилось под мое знамя.

«Вы правы! — говорил мне, например, Корбэн, французский посол.— Я, посвятивший лучшие годы своей служебной карьеры делу франко-английского союза, открыто заявил о своем решении, подав в отставку на следующий день после вашего воззвания. Но я старый чиновник. В течение сорока лет я живу и действую по заведенному образцу. Быть в оппозиции — свыше моих сил!»

«Вы не правы,— писал мне Жан Моннэ,— создавая организацию, о которой во Франции могут подумать, что она родилась под покровительством Англии... Я полностью разделяю вашу решимость помешать Франции выйти из борьбы... Но не из Лондона должны осуществляться усилия к возрождению...»

«Я должен возвратиться во Францию,— говорил Рене Мейер,— для того чтобы связать свою судьбу с судьбой моих единоверцев, которых ожидают преследования»...

«Мы уезжаем в Америку,— заявили мне Андре Моруа, Анри Боннэ и де Кериллис.— Именно там мы сможем быть вам более всего полезны».

«Я назначен генеральным консулом в Шанхай,— сообщил мне Ролан де Маржери,— и нахожусь в Лондоне не для того, чтобы присоединиться к вам, а с тем чтобы отправиться отсюда в Китай. Там я буду служить интересам Франции, как вы это делаете здесь».

Наоборот, Пьер Кот, потрясенный событиями, умолял меня использовать его на какой угодно работе, «хоть подметать лестницу». Но его взгляды были достаточно известны, чтобы его было возможно использовать.

Вполне естественно, что этот почти всеобщий отказ крупных французских деятелей присоединиться ко мне, независимо от причин, не повышал престиж моего дела. И я вынужден был отложить на более позднее время создание комитета. Чем меньше выдающихся людей присоединялось ко мне вначале, тем труднее было привлечь их в дальнейшем.

Однако некоторые французы сразу же перешли на мою сторону и стали выполнять внезапно свалившиеся на них обязанности с таким рвением и с такой энергией, что, несмотря на многочисленные препятствия, наш корабль вышел в море и поплыл. Профессор Кассэн был моим неоценимым сотрудником в области подготовки всевозможных актов и документов, которые положили начало внутренней и внешней структуре нашей организации. Антуан руководил нашими первыми гражданскими органами, что являлось исключительно неблагодарной задачей в этот период, когда приходилось заниматься всем без достаточного опыта и знаний. Лапи, Эскарра, затем Аккен (последний вместе со своей женой вскоре погиб в море во время одного задания) поддерживали связь с министерством иностранных дел Англии и с европейскими правительствами, находившимися в изгнании. Кроме того, они устанавливали контакт с французами, проживающими

за границей, к которым я обратился с призывом. Плевен и Дени заведовали нашими мизерными финансами и подготавливали условия, в которых смогли бы существовать колонии в случае их присоединения к нам. Шуман выступал по радио от имени Свободной Франции, Массип следил за прессой и снабжал ее касающейся нас информацией. Бенжан согласовывал с нашими союзниками вопрос об использовании французских судов и моряков торгового флота.

В военной области Мюзелье с помощью д'Аржанльё, Магрен-Вернерэ, Кёнига, Пижо и Ранкура формировали соответственно наши первые морские, сухопутные и авиационные части. Морэн ведал вопросами вооружения. Тиссье, Деваврен, Эттье де Буаламбер составляли мой штаб. Жоффруа де Курсель выполнял функции начальника канцелярии, адъютанта, переводчика и нередко доброго советчика. Таковы были люди моего «окружения», которых враждебная пропаганда изображала как сборище изменников, наемников и авантюристов. Но они, воодушевленные величием стоявшей перед ними задачи, тесно сплотились вокруг меня, готовые на все.

Генерал Спирс защищал наши интересы перед английскими учреждениями, помощь которых нам была тогда необходима. Он это делал энергично и умело, и я должен сказать, что эти его качества представляли для нас большую ценность в этот тяжелый период. Однако со стороны англичан он не получал большого содействия. Этот человек, являясь членом парламента, офицером, дельцом, дипломатом, писателем, принадлежал одновременно к различным категориям людей, не причисляя себя ни к одной из них, и внушал недоверие начальству. Но в борьбе с рутиной он использовал свой ум, свое язвительное остроумие, которого опасались, и, наконец, свое обаяние, которое он умел при случае проявлять. При всем этом он испытывал к Франции, которую знал настолько, насколько может ее знать иностранец, чувство взволнованной и требовательной любви.

В то время когда столько людей считали мое дело авантюрой, причинявшей много хлопот, Спирс сразу же понял его характер и значение. С большим энтузиазмом он стал выполнять свою миссию при Свободной Франции и ее главе. Но желание служить им лишь сделало его еще более ревнивым. Признавая независимость движения по отношению к другим, он с трудом мог примириться с ней, когда она проявлялась по отношению к нему самому. Вот почему, несмотря на все то, что сделал для нас генерал Спирс вначале, он впоследствии отвернулся от нашего дела и начал с ним бороться. И не было ли в ожесточении, с которым он на нас обрушился, отчасти сожаления о том, что он не мог участвовать в нашем деле, и сожаления, что он нас покинул?

Но Свободная Франция не встречала еще в период своего возникновения таких противников, которых порождает успех. Она боролась лишь с невзгодами, являющимися уделом слабых. Я работал вместе со своими сотрудниками в Сент-Стефенс хауз, на набережной Темзы, в помещении, где имелось лишь несколько столов и стульев. Впоследствии английская администрация предоставила в наше распоряжение в Карлтон-гарденс более удобное помещение, где мы устроили нашу штаб-квартиру. Именно там на нас ежедневно обрушивалось немало разочарований. Но там же многочисленные ободряющие заверения вселяли в нас бодрость. Ибо мы получали выражения симпатии из Франции. Проявляя большую находчивость, не-

редко с согласия цензуры, простые люди присылали нам письма и телеграммы. Примером может служить фотография, сделанная 14 июня на площади Этуаль во время вступления в город немцев. На этой фотографии, отправленной 19 июня с надписью «Де Голль! Мы вас услышали. Теперь мы вас будем ждать!», была снята группа сраженных горем мужчин и женщин, стоящих возле могилы Неизвестного солдата. Среди фотографий был снимок могилы, которую незнакомые люди украсили множеством цветов; это была могила моей матери, скончавшейся 16 июля в Пемпоне.

Таким образом, мы могли представить себе, какой отклик находил в самой гуще народа наш отказ примириться с поражением. В то же время мы знали, что по всей Франции люди слушают лондонское радио, и это неизмеримо повышало нашу боеспособность. Впрочем, французы, проживавшие за границей, также выражали нам свои патриотические чувства. Многие из них по моему призыву устанавливали со мной связь и объединялись, чтобы помочь Свободной Франции... Вскоре я убедился, что, несмотря на давление, оказываемое властями Виши, несмотря на клевету, распространяемую их пропагандой, и инертность значительных слоев населения, чувства народа — все то, что осталось у него от гордости и надежды,— были обращены к Свободной Франции. Ни на одно мгновение в тех испытаниях, через которые мне пришлось пройти, не покидала меня мысль о том, к чему меня обязывал этот величественный призыв народа.

В самой Англии свободные французы пользовались симпатией и уважением. Сначала эти чувства пожелал им выразить король. Так же поступили все члены королевской семьи. Министры и представители власти также никогда не упускали случая проявить свои добрые чувства. Но трудно даже себе представить, с каким великодушным вниманием относился повсюду к нам английский народ. Создавались различные общества для оказания помощи нашим добровольцам. К нам являлось множество людей с предложением помочь нам своим трудом, своим временем, своими деньгами. Когда я появлялся в публичных местах, я неизменно сталкивался с самыми ободряющими выражениями симпатии. Когда лондонские газеты сообщили, что правительство Виши вынесло мне смертный приговор и конфисковало мое имущество, в Карлтон-гарденс поступило множество драгоценностей от неизвестных лиц; десятки вдов прислали свои обручальные кольца, с тем чтобы это золото было использовано для дела генерала де Голля.

Нужно сказать, что Англия переживала тогда тревожное время. С часу на час ожидалось наступление немцев, и англичане в такой обстановке проявляли изумительную стойкость. Поистине замечательное зрелище являл собою каждый англичанин, который вел себя так, как будто был убежден, что спасение родины зависело от его личного поведения. Это чувство всеобщей ответственности было особенно волнующим потому, что в действительности все зависело только от авиации.

В самом деле, если бы врагу удалось завоевать господство в воздухе, с Англией было бы покончено! Военно-морской флот, подвергнутый бомбардировке с воздуха, не сумел бы помешать немецким военным транспортам переплыть Северное море. Армия численностью около десяти дивизий, понесших значительные потери в битве за Францию и лишенных вооружения, не была в состоянии помешать высадке вражеского десанта. А затем соединения германской армии без труда оккупировали бы всю тер-

риторию, иесмотря на очаги местного сопротивления, организованиые войсками внутреиией обороиы. Разумеется, король и правительство заблаговременно выехали бы в Каиаду. Осведомлеииые люди шепотом изывали имеиа политических деятелей, епископов, писателей, дельцов, которые в случае вторжеиия постарались бы договориться с иемцами, чтобы осуществить под их эгидой управлеиие страиой.

Но это были замыслы лишь ограиичеииого круга людей. Аигличане в своей массе готовились к борьбе не иа жизнь, а иа смерть. Каждый мужчина и каждая жеищина участвовали в оборонительиых мероприятиях. С большой самоотвержеииостью и дисциплинированиостью переносили аигличане все тяготы воеииого времеии: сооружеиие убежищ, распределение оружия, инструментов и материалов, работу на заводах и иа полях, трудовую повинность, обязанности воениого времеии, карточиую систему. В этой страие ие хватало лишь средств для ведеиия войны, ибо она также долгое время преиебрегала вопросами своей обороиы. Но создавалось впечатление, что англичаие иамереваются восполнить все иедостающее ценой собствеииой самоотвержеииости. Впрочем, в чувстве юмора иедостатка не было. Так, иапример, одиа карикатура в газете изображала грозную германскую армию, достигшую берегов Великобритании, ио остановившуюся иа дороге со своими таиками, пушками, полками, геиералами перед деревяииым шлагбаумом. Надпись указывала, что для того, чтобы проникиуть за шлагбаум, иужно было уплатить один пеини. Не получив от иемцев всех полагающихся пеиии, аиглийский сторож, собирающий пошлину, учтивый, ио иепреклониый старичок, отказывался поднять шлагбаум, иесмотря иа возмущеиие, охватившее чудовищную колонну завоевателей.

Между тем иаходившиеся в боевой готовиости иа аэродромах аиглийские воеиио-воздушиые силы были готовы к действиям.

Народ находился в состоянии почти невыносимого напряжения, и поэтому многие, стремясь избавиться от этого, открыто желали, чтобы враг предпринял нападение. Первым выражал свое иетерпеиие Черчилль. Я и теперь вижу, как в один из августовских дней, в Чекерсе, ои кричит, потрясая в воздухе поднятыми кулаками: «Неужели оии ие придут!» — «Вам так ие терпится,— возразил я ему,— чтобы немцы разрушили ваши города?» — «Поймите,— ответил он мие,— что бомбардировки Оксфорда, Ковеитри, Кентербери вызовут в Соедииеииых Штатах такую волиу возмущеиия, что Америка вступит в войиу!»

Я выразил иа этот счет иекоторые сомиеиия, иапомиив, что два месяца тому иазад крушеиие Фраиции ие заставило Америку отказаться от своего нейтралитета. «Это потому, что Фраиция потерпела крах! — воскликиул премьер-мииистр.— Раио или поздио американцы вступят в войиу, но лишь при условии, если мы здесь будем держаться. Вот почему истребительиая авиация занимает все мои мысли». Затем ои добавил: «Вы видите, что я был прав, не дав вам авиации в коице битвы за Фраицию. Если бы оиа была теперь уиичтожеиа, все было бы для вас потеряио, так же как и для нас».— «Но,— заметил я в свою очередь,— если бы ваши истребители были введены в действие, это, возможно, вдохнуло бы жизнь в иаш союз и позволило бы французам продолжать войиу в Средиземиом море. Аигличаие в этом случае подверглись бы меиьшей угрозе, а америкаицы были бы более настроеиы вступить в войиу в Европе и в Африке».

Мы с Черчиллем пришли в конце концов к банальному, но окончательному выводу из событий, которые потрясли Запад, что в конечном счете Англия — это остров, Франция — мыс континента, а Америка — другая часть света.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Дипломатия

Дипломатия, при всей условности ее форм, признает только реальные факты. Пока мы были всего лишены, нас могли жалеть, но мало нам помогали. А теперь возродилось единство французских сил — это уже было нечто весомое, с этим следовало считаться. Постепенно Франция вновь появляется на мировой сцене. Французы уже не сомневались, что их страна будет спасена, а союзники признавали бесспорным, что когда-нибудь придется вернуть Франции прежнее ее место. И предвидя это обстоятельство, они в своей политике уделяли нам немало внимания.

К тому же наше содействие с каждым днем становилось для них все более ощутимым. Прежде всего без наших войск битва за Тунис кончилась бы поражением. А вскоре военные операции французов в ключевом секторе Италии привели к победе. Что касается предстоящей борьбы во Франции, правительства и военные штабы учитывали, что в ней примут участие наши внутренние силы, армия, прибывшая из империи, и остатки нашего флота. А как ценны были для союзников наши военно-воздушные базы, расположенные в Африке и на Корсике, какую действенную помощь они оказали им! Да и то, что мы боремся плечом к плечу с союзниками, само по себе имело большое моральное значение, было для них выигрышным обстоятельством. Вот почему Франция, ее интересы, ее чувства играли теперь все более важную роль при обсуждении возникавших вопросов.

И все же, хотя Вашингтон, Лондон и Москва думали о нас, свои официальные отношения с нами они ограничивали самым необходимым. Соединенные Штаты, опасаясь, что в Европе начнется путаница, собирались урегулировать в дальнейшем вопрос о мире прямым соглашением с Советской Россией и отнюдь не намеревались допустить Францию в тесный круг руководящих держав. Уже присутствие в этом кругу Англии зачастую казалось им неуместным, несмотря на то что Лондон всячески старался ни в чем не перечить Америке. А как мешала бы там Франция со своими принципами и своими руинами! Да кроме того, она оказалась бы глашатаем средних и малых наций. Как же тогда удастся добиться от Советов сотрудничества, о котором мечтал Белый дом и ради которого неизбежно пришлось бы пожертвовать независимостью привисленских, придунайских и балканских государств? Что касается Азии и ее рынков,

---

Из второго тома «Военных мемуаров» Шарля де Голля.

Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. L'Unité. 1942—1944. Paris, 1956. Печатается по: *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Единство. 1942—1944 годы. М., 1960. С. 220—374.

то по американскому плану предусматривалось положить там конец империям европейских государств. В отношении Индии вопрос, по-видимому, уже был решен. В Индонезии Голландия вряд ли может долго продержаться. Но вот как быть с Индокитаем, если Франция оживет и вновь займет место среди великих держав? Итак, охотно констатируя наше возрождение, договариваясь с нами, когда это бывало полезно для дела, Вашингтон старался сколь возможно дольше рассматривать Францию как поле, оставленное под паром, а на правительство де Голля смотреть как на явление случайное, неудобное и, в общем, не стоящее того, чтобы с ним считались как с настоящей государственной властью.

Англия не позволяла себе такой упрощенной оценки положения. Она знала, что присутствие, сила и влияние Франции будут завтра, так же как это было вчера, необходимы для европейского равновесия. Она никак не могла примириться с отречением от Франции, каким являлся режим Виши, причинивший ей к тому же много зла. И по инстинкту и по соображениям политики она желала, чтобы Франция вновь стала ее партнером, таким же покладистым и хорошо знакомым, как прежде. Но к чему ускорять события? Победа теперь уже несомненна, и уже решено, что французские силы будут всемерно помогать союзникам. Что касается урегулирования в дальнейшем ряда вопросов, то, пожалуй, пусть в этом примет участие и Франция, но лишь при условии, что она согласится выступать в качестве величины вспомогательной и подчинится политической игре Соединенных Штатов, которую Англия всецело поддерживает. Но проявит ли генерал де Голль надлежащую податливость! Это более чем сомнительно. Словом, учитывая все обстоятельства, выгоднее будет, если суверенитет Франции пока что останется несколько расплывчатым. Тем более что, пользуясь этой неопределенностью, можно покончить на Востоке с остатками французской конкуренции.

Советская Россия наблюдала, рассчитывала и остерегалась. Конечно, все склоняло Кремль к желанию возродить Францию, способную помочь ему сдержать германскую стихию и остаться независимым от Соединенных Штатов. Но торопиться не к чему. Сейчас надо победить, добиться, чтобы открылся второй фронт — от Ла-Манша до Адриатики,— и не занимать политическую позицию, слишком отличную от позиции англосаксов. К тому же, если Франция генерала де Голля примет непосредственное участие в урегулировании европейских дел, согласится ли она, чтобы исчезла независимость Польши, Венгрии, Балканских государств и — как знать,— может быть, и независимость Австрии и Чехословакии? И наконец, какою будет Франция завтра? От ее внутреннего положения будет в значительной мере зависеть ее внешняя политика, в частности в отношении Советов. Кто поручится, что политика эта не будет враждебной под воздействием тех самых элементов, которые создали Виши? И наоборот, разве невозможно такое положение, что в Париже придут к власти коммунисты? И в том и в другом случае лучше будет не делать сейчас больших авансов алжирскому правительству. Короче говоря, выказывая нам любезность и сочувствие, Россия, по сути дела, считала, что надо подождать и посмотреть.

В общем, если дипломаты Вашингтона, Лондона и Москвы таили про себя далеко не одинаковые задние мысли, они были согласны в том, что за нами надо числить наше прежнее место в кругу держав, но не спешить с его возвращением. В отношении де Голля следует учесть, что он стал

руководителем и символом возрождения Франции. Однако надо немножко сократить его размах — это весьма существенно. Уже тот факт, что де Голль пошел по пути объединения французского народа, который был так расколот, что ему удалось создать прочную и сплоченную власть, казался иностранным экспертам ненормальным и даже скандальным. Пусть под его воздействием Франция выберется из бездны. Но зачем же ей взбираться к вершинам?

Итак, официально с де Голлем обращались уважительно, но без особой готовности помочь ему. Зато неофициально поощряли все, что говорилось, писалось, замышлялось против намерений де Голля. А позднее стали делать все, чтобы Франция повела прежнюю свою, привычную для всех политику, легко поддающуюся давлениям извне.

Надо, однако, сказать, что продолжавшаяся неопределенность в дипломатическом положении алжирского правительства мало меня беспокоила. Я чувствовал, что самое главное уже сделано и что, если мы и дальше будем так же упорны, как прежде, формальное признание, которого нам еще надо добиться, рано или поздно придет, так сказать, само собой. Да и совсем не подобает, чтобы наше положение сейчас и в дальнейшем зависело от чужой воли. Мы уже и теперь достаточно утвердились, чтобы заставить себя слушать, когда это нам понадобится. Будущность Франции в ее собственных руках, а не в руках союзников. Как только рейх будет разгромлен, крупнейшие государства займутся преодолением трудностей, которые встанут перед нами, и ничто не помешает Франции играть ту роль, какую она захочет — лишь бы она захотела. Я был в этом так уверен, что равнодушно смотрел на хмурые мины союзников. Я не скрывал, что с точки зрения общего нашего дела сожалею о некоторой сдержанности в их сотрудничестве с нами, но никогда не вставал в позу просителя.

Конечно, гораздо меньше спокойствия проявляли мои сотрудники: в Алжире — Массигли, который постоянно находился в контакте с дипломатическим корпусом и по роду своей профессии страдал из-за недостаточной определенности нашего внешнего положения; в Лондоне — Вьено, который всю жизнь был проповедником франко-английского союза, а теперь печалился, видя уклончивость Англии; в Вашингтоне — Моннэ, которому никак не удавалось завершить переговоры «о помощи и восстановлении», поскольку вопрос о франко-американских отношениях повис в воздухе; или Оппено, который и умом и сердцем болезненно воспринимал отрицательное отношение к нам Соединенных Штатов; в Москве — Гарро, который сравнивал благоприятные для Франции заявления народных комиссаров с их осторожными действиями. Я позволял им при случае проявлять свое раздражение. Я сочувствовал нетерпению, которое испытывали наши делегаты при других союзниках: Дежан — делегат при правительствах, нашедших убежище в Англии; Баэлен, осуществлявший отношения с правительствами Греции и Югославии в Каире; Куаффар — посланник в Чунцине; Бонно — наш представитель в Оттаве; Пешков, а затем Гранден де л'Эпервье — представители в Претории; Кларак и сменивший его Монмайу — в Канберре; Гарро-Домбаль, Леду, Ленсиаль, Арвенга, Ро, Кастеран, Лешне — находившиеся в Латинской Америке... Однако сам я сознательно занимал позицию главы государства, который готов договориться с другими, если они предложат ему это, но который ничего не хочет просить сегодня, ибо уверен, что завтра он все получит без всяких просьб.

Вот каковы были условия игры. Они хорошо видны в итальянском вопросе: в результате компромисса союзники держали нас в стороне от переговоров, но все же не хотели исключить нас совсем. 27 сентября 1943 года представители Англии и Соединенных Штатов принесли Массигли полный текст соглашения о перемирии, который в тот же день должен был быть вручен для подписи маршалу Бадолью. Англосаксонские дипломаты указали — и это было верно,— что в тексте соглашения учтены высказанные нами прежде пожелания. Но они ничего не могли ответить на вопрос французского министра: «Почему вы не привлекли Францию?» Через несколько дней Бадольо объявил войну рейху — по договоренности с Великобританией, Америкой и Россией, причем тут и речи не заходило о нашем одобрении. В то же время мы узнали, что скоро в Москве откроется конференция для обсуждения итальянской проблемы — конференция министров иностранных дел: английского, американского и русского — и что нас не приглашают. Когда Корделл Хэлл, направляясь на эту конференцию, проезжал через Алжир, я в беседе с ним не позволил себе выразить ни малейшего неудовольствия, но сказал, что просто так мы не окажем содействия — ни своим именем, ни своими силами. «Мы очень рады за вас,— заметил я,— что вы, в интересах своей страны, установите непосредственный контакт с Советской Россией. Я со своей стороны тоже предполагаю когда-нибудь отправиться в Москву — в интересах Франции». На вопрос государственного секретаря, какова наша позиция в итальянских делах, я ответил: «Я не премину со всей точностью изложить нашу точку зрения, когда получу возможность ознакомиться с точкой зрения других государств».

Тогда Корделл Хэлл сообщил мне, что, вероятно, в Москве будет решено создать межсоюзную комиссию по итальянским делам. «Может быть,— добавил он,— и вы в нее войдете».— «Посмотрим,— заметил я.— Во всяком случае, для того чтобы решить судьбу итальянского государства, прежде всего нужно отбить у немцев его территорию, а для этого потребуется содействие французских вооруженных сил и французских баз. Я знаю, что Эйзенхауэр предполагает просить у нас этого содействия. Мы расположены его оказать. Но для этого, разумеется, надо, чтобы мы вместе с вами и на равных с вами правах решили, как быть с Италией. Мы согласимся ввести в бой наших солдат только ради той цели, с которой будем согласны». Корделл Хэлл понял, что я занимаю совершенно твердую позицию. Понял это и Иден, с которым я увиделся 10 октября. Что касается Богомолова, то он опередил меня — сам сказал, что Средиземноморская комиссия создается по советскому предложению и что его правительство потребует, чтобы нас включили в эту комиссию. Действительно, 16 ноября Массигли принял Макмиллана, Мэрфи и Богомолова. Они сообщили ему, что их правительства имеют намерение создать «Консультативный совет по вопросам Италии». Этот совет должен представлять на месте интересы всех союзников, предлагать правительствам мероприятия для совместного их осуществления и давать от имени союзников указания военному командованию во всем, что касается политики и управления. Нас просят войти в эту комиссию. Комитет освобождения ответил согласием. 29 ноября я принял Вышинского, который заверил меня, что его правительство желает установить тесное сотрудничество с нами в рамках этой организации. Тогда она начала свою работу; в ее состав вошли:

Макмиллан, Массигли, Мэрфи и Вышинский. Вскоре вместо Массигли, поглощенного делами своего министерства, Комитет освобождения назначил Кув де Мюрвиля. Таким образом, мы могли теперь быть в курсе событий, происходивших на Апеннинском полуострове. Мы могли также принимать участие в разработке мер, из которых одни имели целью наказать Италию за ее вину, а другие — дать ей возможность преодолеть постигшие ее бедствия. Таким образом, мы будем в состоянии вести свою политику, весьма важную как для судеб Италии, так и для судеб Франции и всего Запада.

Характер этой политики я изложил графу Сфорца, который однажды вечером пришел в мой кабинет на вилле «Оливье». Этот старый государственный деятель возвращался на родину после двадцатилетнего изгнания. На развалинах фашистского режима, против которого он неустанно боролся, он собирался руководить внешней политикой своей многострадальной родины. Меня порадовали благородные и мужественные взгляды Сфорца на предстоящую задачу. «Вы видите меня сейчас у себя,— сказал он,— это является доказательством моего желания сделать все возможное для установления франко-итальянского сотрудничества — ведь мы с вами дорого поплатились за его отсутствие в прошлом, а оно будет нужно Европе больше, чем когда бы то ни было». Я указал графу Сфорца, что в этом важнейшем вопросе мы с ним единомышленники, но что после всего случившегося для французов невозможно примириться с Италией без всякой компенсации с ее стороны, хотя мы и очень желали бы отнестись к ней весьма бережно.

Ликвидировать привилегии, которыми пользовались в Тунисе итальянские подданные, вернуть Франции кантоны Тенда и Бриг, которые после плебисцита 1860 года отошли к Италии, хотя это французские земли; выправить границу в ущельях Ларша, у Мон-Женвер и Мон-Сени, у Пти-Сен-Бернар, для того чтобы не было досадного захвата нашего склона хребта; предоставить Валь д'Аоста право быть тем, чем этот район фактически и является, то есть районом чисто французским по своему духу, потребовать некоторых репараций, в частности в виде военных и торговых судов,— вот и все преимущества, весьма ограниченные, но вполне определенные, которых я решил добиться для Франции.

С другой стороны, учитывая то обстоятельство, что Югославия перешла в лагерь союзников и теперь войска генерала Михайловича и Тито неустанно сражались на их стороне, было ясно, что Италия не могла сохранить на восточном берегу Адриатического моря свои довоенные владения. Однако мы готовы были помочь ей удержать за собой Триест. Изложив графу Сфорца свое мнение по всем пунктам, касающимся итальянских границ, я добавил: «Что касается ваших колоний, то если Киренаика, где англичане хотят закрепиться, для вас потеряна, а мы сами намереваемся остаться в Феццане, то мы желаем, чтобы вы оставались не только в Сомали, но и в Эритрее и в Триполитании. В отношении последней вам, несомненно, надо найти способ привлечь к себе местные народности; а в Сомали взамен тех прав, какие будут вам предоставлены, вы должны будете признать верховную власть негуса. Но мы считаем справедливым, чтобы у вас были африканские территории. Если вы этого потребуете, мы вас энергично поддержим».

В декабре по просьбе генерала Эйзенхауэра Комитет освобождения

направил в Италию первые части французского экспедиционного корпуса. Он постепенно усиливался и наконец оказал решающую поддержку союзникам в боях за овладение Римом. По мере того как увеличивалось наше участие в военных действиях, мы громче стали говорить в области политики. Это было просто необходимо. Ведь англосаксы, применяя к Италии систему всяческих уловок и стараясь сохранить власть короля Виктора Эммануила и маршала Бадольо, ставили тем самым преграды на пути к франко-итальянскому примирению и сами же создавали предпосылки для революции на Апеннинском полуострове.

В 1940 году при попустительстве короля Италия объявила Франции войну — как раз в тот момент, когда наша страна пала под натиском немецких полчищ; а ведь именно Франция в кровопролитных боях освободила Италию в 1859 году и обеспечила ее объединение; в 1917 году французская армия помогла остановить у реки Пьявы отступление итальянских войск после разгрома у Капоретто. Король принял и терпел власть Муссолини до тех пор, пока события не смели дуче. Бадольо, воспользовавшись победой Германии, заставил уполномоченных Петэна и Вейгана подписать перемирие, в силу которого итальянцы оккупировали часть французской территории и контролировали вооруженные силы нашей империи. Кроме того, именно фашистский режим осыпал премьер-министра — маршала почестями и дал ему пост главнокомандующего. Как же мог бы такой монарх и такой глава правительства осуществлять сотрудничество своей страны с нашей страной и повести Италию по новому пути? 22 января 1944 года Комитет освобождения обо всем этом сообщил в Вашингтон, Лондон и Москву, заявив, что в Италии необходимы перемены как на троне, так и в правительстве.

В марте, в мае и в июне я сам был в Италии, инспектируя наши войска, и заметил в стране, особенно в Неаполе, многие тревожные признаки. Я наблюдал там картину крайней нищеты и видел, какое плачевное действие оказывает на моральное состояние населения контакт с сытыми, хорошо одетыми, хорошо снабжавшимися оккупантами. Как христианин, как латинянин, как европеец, я жестоко страдал, видя бедственное положение великого народа, которого заблуждения сбили с правильного пути, но которому мир обязан очень многим. Быть может, итальянская толпа инстинктивно угадывала мои чувства. Быть может, в дни горьких испытаний она обращала свои надежды к Франции, как это свойственно несчастным странам. Как бы то ни было, лишь только я появлялся на улице, ко мне — к великому моему удивлению — тотчас стекались люди и восторженно приветствовали меня. Наш представитель Кув де Мюрвиль, располагавший широкими и достоверными сведениями, нарисовал мне картину политического положения в Италии, раздираемой противоречивыми течениями, ибо уже тогда чувствовалось, что судьбу страны решит борьба между коммунизмом и влиянием папы. Во время своих поездок в Италию я должен был с некоторым сожалением отказаться от встреч с Умберто и Бадольо. В самом деле, не мог же я примириться с тем, что отец принца все еще носит корону, а маршал Бадольо по-прежнему является главой правительства.

Но в то время как на Западе, на берегах Средиземного моря, мы уже начали собирать плоды долгих усилий, на Востоке нам пришлось испытать большие огорчения. В государствах Леванта усилиями местных политиканов

был создан кризис, которым воспользовалась Англия — там желали, пока еще не поздно, извлечь выгоду из того, что силы Франции ослабли.

На этот раз полем действия стал Ливан. В июле 1943 года там произошли выборы. После злосчастных событий, столь подорвавших престиж Франции, новый ливанский парламент, разумеется, проявил безудержный национализм. Англичане, вмешательство которых весьма повлияло на результаты выборов, хотели теперь воспользоваться этим. Возле Бишара эль Хури, избранного президентом республики, и премьер-министра Риада Сольха маячила теперь фигура Спирса, явного противника Франции, который старался набить себе цену и обещал Ливану при любых обстоятельствах покровительство Англии.

Надо сказать, что действия Спирса в Сирии и в Ливане отвечали общей линии политики, которую Великобритания задумала вести на Востоке в последний период войны. Благодаря победоносным операциям в Африке у англичан освободились многочисленные войска. Часть их отправили сражаться в Италию, а другую расположили по обоим берегам Красного моря. 700 тыс. английских солдат оккупировали Египет, Судан, Киренаику, Палестину, Трансиорданию, Ирак и государства Леванта. Кроме того, Лондон создал в Каире «экономический центр», и благодаря кредитным махинациям, монополии в области транспорта, могущественным блокам эта организация держала в своих руках всю внешнюю торговлю арабских стран, то есть фактически всю жизнь населения, определяла мнение видных деятелей и позицию правительств. И наконец, присутствие в этих странах целой армии специалистов, широко снабжаемых финансовыми средствами, проникновение англичан в высшие круги, воздействие дипломатии и прекрасно организованной пропаганды — все это усиливало влияние Англии; освободившись на Востоке от угроз вражеского вторжения, она рассчитывала утвердиться там в качестве единственного сюзерена.

Мы не в состоянии были противостоять такому натиску. Три батальона сенегальцев, несколько пушек, несколько танков, два вестовых судна, дюжина самолетов — вот и все французские вооруженные силы в Леванте. Правда, к этому надо добавить сирийские и ливанские войска, то есть 18 тыс. хороших солдат под нашим командованием. Но как-то они поведут себя, если в Дамаске и в Бейруте правительства займут в отношении нас недвусмысленно враждебную позицию? К тому же крайняя наша бедность лишала нас возможности предложить что бы то ни было кому бы то ни было. И, конечно, нам было бы не под силу бороться против потока тенденциозной информации, которую в случае чего все англосаксонские агентства распространили бы по всему свету. А главное, самое главное — на горизонте уже вырисовывалось освобождение Франции, и я не желал ни в коем случае, никакими средствами вести французов, начиная с моих министров, к какой-либо иной цели. В общем, мы были слишком слабы и слишком поглощены своей основной задачей, чтобы пытаться подавить на месте все возможные посягательства на позиции Франции.

Это и произошло в ноябре. В Бейруте по причинам внутреннего порядка, вызвавшим оппозицию в парламенте, правительство оказалось в крайне затруднительном положении. В качестве отвлекающего маневра Риад Сольх, председатель Совета министров, и Камиль Шамун, министр иностранных дел, выступили с громогласными требованиями по адресу державы, имеющей мандат на Ливан. Наш генеральный делегат в Леванте

посол Жан Эллё, видя приближение кризиса, отправился в Алжир, чтобы уведомить обо всем правительство. 5 ноября он сделал мне доклад в присутствии Катру и Массигли и получил от нас инструкции. Ему предлагалось в бурю сбросить балласт — начать в Бейруте и в Дамаске переговоры в целях передачи местным правительствам некоторых прав экономических и административных, которыми до тех пор располагали французские власти.

В то же время Эллё видел, что в принципе мы разделяем его отношение к делу и считаем, что мандат, который доверен Франции Лигой Наций, может быть сдан ею только будущим международным инстанциям и сделать это может только такое французское правительство, которое уже не будет временной властью. Именно такова была наша позиция, и мы неоднократно знакомили с нею союзников, в частности Англию, и ни разу не получали от нее никакого принципиального возражения. Если юридически независимость Сирии и Ливана имела международное признание, то лишь потому, что мы сами ей даровали эту независимость в силу своего мандата. Но по тем же самым основаниям мы и теперь вынуждены были нести некоторую ответственность за положение в Ливане, вытекающее из состояния войны, охватившей весь мир. Памятуя о трагических бедствиях, переживаемых сейчас человечеством, мы полагали, что правительства Дамаска и Бейрута могут подождать со своими претензиями до конца войны, а тогда будут улажены последние формальности, которые еще ограничивают суверенность этих государств. Несомненно, и Сирия и Ливан подождали бы, если бы Лондон не поощрял их требования и не предложил навязать их нам при поддержке английских войск.

Пока Эллё был в Алжире, ливанский парламент внес поправки в текст конституции страны, выбросив из нее как раз то, что имело отношение к мандату, как будто он был ликвидирован. Когда наш посол, возвращаясь на свой пост, пролетал через Каир, он сообщил в Бейрут ливанскому правительству, что везет предписание французского правительства начать переговоры, и попросил отсрочить провозглашение нового конституционного закона. Но Ливан не посчитался с этим. Возвратившись в Бейрут, Эллё, возмущенный такими провокационными действиями, 12 ноября наложил свое вето на конституцию, распустил парламент и арестовал главу ливанского государства, председателя Совета министров и нескольких министров, а Эмиль Эдде стал временным президентом республики.

Считая вполне оправданными меры, принятые нашим делегатом, и, главное, те чувства, которыми они были продиктованы, Комитет освобождения, однако, пришел к выводу, что Эллё вышел за пределы действий, допустимых в данной ситуации. Тем более что, не отказываясь в принципе от мандата, мы не собирались нарушать независимость, уже дарованную стране. Поэтому утром 13 ноября, получив сведения о событиях, происшедших накануне в Бейруте, мы приняли решение послать туда генерала Катру и поручили ему восстановить нормальное конституционное положение, не дезавуируя, однако, действий Эллё. Это означало, что Катру, посовещавшись в Бейруте, прикажет освободить Бишара эль Хури, Риада Сольха и их министров и восстановит президента в его правах. После этого надлежало произвести перемены в составе ливанского правительства и уж в последнюю очередь созвать палату депутатов. Что касается нашего делегата, то его присутствие в Ливане больше не имело смысла, поскольку

туда направлен был Катру с соответствующими полномочиями. Мы решили через несколько дней вызвать Эллё в Алжир «на предмет консультации».

Для того чтобы всем было ясно, с какой миссией послан Катру, я лично выступил 16 ноября в Консультативной ассамблее с успокоительной декларацией. «То, что произошло в Ливане,— заявил я,— нисколько не отразится ни на политике, которую Франция проводит там, ни на взятых нами обязательствах, ни на нашем твердом намерении сдержать их. Мы хотим, чтобы в Ливане установился нормальный конституционный порядок, чтобы мы могли обсуждать с правительством страны наши общие дела и чтобы это обсуждение совершалось в условиях полной независимости, как его, так и нашей». А в заключение я сказал: «Набежавшее облако не омрачит горизонта». На следующий день Катру, проезжая через Каир, увиделся с Кэйзи, английским государственным министром, и сообщил ему, что Хури и Риад Сольх будут скоро выпущены на свободу. 19 ноября, прибыв в Бейрут, он имел беседу с Бишара эль Хури, выслушал горячие заверения президента относительно его дружеских чувств к Франции и сообщил ему, что он скоро будет освобожден из-под стражи и возвратится на свой пост. После этого уже никто не мог сомневаться в нашем добром желании как можно скорее утихомирить страсти и прийти к примирению.

Но английскую политику такой выход не устраивал. Право, можно было подумать, что Лондон нарочно подливает масла в огонь и хочет внушить мысль, будто мы не по собственной воле стараемся уладить столкновение с Ливаном, а благодаря энергичному вмешательству Англии. Не было ли тут еще и желания насолить де Голлю за недавно произведенную перемену в составе Комитета освобождения? Уже 13 ноября Мекинс, заменявший отсутствующего Макмиллана, явился к Массигли и вручил ему «вербальную», но грозную ноту, в которой предъявлялось требование немедленного созыва англо-франко-ливанской конференции для урегулирования инцидента и заявлялось, что, по мнению английского правительства, мы должны отозвать Эллё. А 19 ноября, когда уже всем было ясно, что путь, избранный нами, есть путь к соглашению, Англия вдруг стала метать громы и молнии. Разумеется, это могло быть сделано только «для галерки» и с намерением унизить Францию.

В этот день Кэйзи прибыл в Бейрут, явился в сопровождении генерала Спирса к генералу Катру и предъявил ему самый настоящий ультиматум, нисколько не думая о союзе, соединявшем нас, и взятых Англией обязательствах, в которых она заявляла о политической своей незаинтересованности в государствах Леванта; позабыв о соглашениях со мною, которые от ее имени подписал Оливер Литтлтон, Англия предъявляла теперь представителю Франции требование согласиться на созыв трехсторонней конференции и в течение 36 часов предоставить свободу президенту и министрам Ливанской Республики. В противном случае англичане под предлогом поддержания порядка — а это их вовсе не касалось — собирались объявить страну, как они говорили, на «военном положении», силой захватить власть и послать свои войска для освобождения любыми средствами заключенных, которых охраняли наши солдаты.

«Итак, мы вернулись ко временам Фашоды»,— ответил Кэйзи и Спирсу генерал Катру. Правда, была маленькая разница: во времена Фашоды Франция имела возможность дойти до вооруженного конфликта с

Англией, а сейчас такая опасность Англии не угрожает. Комитет освобождения предписал генералу Катру отказаться от участия в трехсторонней конференции, освободить, как было условлено, президента Бишара эльХури и его министров и, если Англия выполнит свою угрозу о захвате ею власти в Ливане, собрать наших чиновников и наши войска в один из портов и перевезти их в Африку. Я беру тогда на себя объяснить Франции и всему миру причины ухода наших людей.

В конце концов в Ливане восстановился своего рода modus vivendi. Англичане немножко притихли, генерал Катру вел переговоры с Дамаском и Бейрутом о передаче в ведение того и другого государства учреждений общественного значения, правители продолжали колебаться и торговаться, а против них вели агитацию те, кто метил на их место; «лидеры» соседних арабских стран по тем же самым подспудным причинам выступали с шумными протестами против Франции. В Каире требования исходили от Нахас-паши, которого английский посол навязал королю Фаруку в качестве председателя Совета министров; в Багдаде — от Нури Саида, возвратившегося к власти только благодаря воздействию английских войск; в Аммане — от эмира Абдуллы, бюджет которого составлялся в Лондоне и армией которого командовал генерал Пик и полковник Глабб, именовавшиеся «Пик-паша» и «Глабб-паша».

В феврале Катру вернулся в Алжир; Комитет освобождения назначил генеральным и полномочным представителем Франции в Леванте генерала Бейне. Эллё туда не вернулся; Кэйзи уехал из Каира, а Шамун — из Бейрута. Спирс сидел на своем месте и подготовлял очередной кризис. Действуя с большим искусством и твердостью, новый представитель Франции выправил положение. Однако стало совершенно ясно, что нельзя постоянно вести подобные схватки, проявляя в них все новые чудеса стратегии. Тем более что и наши скромные силы, и скорбные страсти французов, и внимание всего мира поглощало теперь нечто большее — военные действия, от которых зависела судьба Европы.

Тут политика даже опережала события: все ее соображения были теперь устремлены к тому, что произойдет вслед за победой. В лагере союзников прежде всего заволновались средние и малые государства. К нам в Алжир долетали только отзвуки дебатов, предметом которых они являлись; ведь их короли и министры пребывали в Лондоне, их дипломаты пытались действовать главным образом в Вашингтоне, а пропаганду свою они вели больше всего в англосаксонских странах. Все же мы знали их достаточно хорошо, чтобы понять их тревоги. Кстати сказать, их беспокойство являлось ясным и печальным доказательством того, что падение Франции и нынешнее намерение трех других великих держав держать ее в стороне завтра тяжело отзовутся на условиях мира, который уже подготовлялся.

По правде сказать, Бельгия и Люксембург, имея на Западе добрых соседей, не сомневались, что после освобождения будут восстановлены и прежние их границы и независимость. Им предстояло столкнуться только с проблемами экономического характера. От разоренной Франции и от Англии, которая и сама сильно пострадала, ждать помощи можно было еще не скоро. В ближайшем будущем они рассчитывали на Америку. Поэтому Спаака, Гутта и Беша видели и в Атлантик-Сити, и в Хот-Спрингсе, и в Думбартон-Оксе — словом, на всех конференциях, где складывались

планы Соединенных Штатов по вопросам снабжения, восстановления и развития Европы; а Ромре, бельгийского посла при Французском комитете освобождения, интересовали главным образом проекты, касавшиеся конфедерации Западной Европы. Голландцы тоже не ведали политических забот относительно своей метрополии, зато очень беспокоились о судьбе своих владений в Меланезии. Уже тогда Америка оказывала давление на правительство Голландии, а в дальнейшем заставит ее отказаться от господствующего положения на Яве, Суматре и Борнео. Из слов голландского посланника Ван-Вийка, а также из докладов, которые посылал нам из Лондона Дежан, видно было, что Ван-Клеффенс с горечью предсказывал, что победа союзников на Тихом океане повлечет за собой ликвидацию Нидерландской империи. А норвежцы уже будто почувствовали, как через нейтральную Швецию и побежденную Финляндию на них давит сокрушительный вес всея Руси. Трюгве Ли уже создавал план Атлантического союза, о котором с нами беседовал норвежский посол в Алжире Хауген. Но больше всего беспокойство проявляли эмигрантские правительства стран Центральной Европы и Балкан. Они предвидели, что вслед за изгнанием немцев на территории их государств появятся советские войска, и испытывали страх за свое будущее.

Конференция, происходившая в Тегеране в ноябре 1943 года, только усилила их опасения. Разумеется, участники конференции — Рузвельт, Сталин и Черчилль — не скупились на успокоительные декларации и утверждали, что они встретились для обсуждения стратегических вопросов. Однако просочившиеся сведения были отнюдь не утешительными для эмигрантских правительств. Вопреки официальным секретам они выведали самое существенное из того, что происходило в Тегеране. Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии. Нас, французов, держали в стороне от всех этих дел, и до такой степени, что, когда Черчилль и Рузвельт направлялись в Тегеран, один в самолете над французскими владениями Северной Африки, а другой — вдоль ее берегов, оба они и не подумали установить с нами связь.

И вот перспективы, так пугавшие монархов и министров придунайских, привисленских и балканских стран, теперь определились яснее. Так, в Греции значительная часть элементов Сопротивления, подпавших под влияние коммунистов, образовала единую организацию ЭАМ, которая поставила целью вести борьбу против захватчиков и вместе с тем проложить путь революции. ЭЛАС — военная организация этого движения, объединяла многие партизанские отряды, действовавшие в горах Греции, а также глубоко проникала в армейские и военно-морские соединения, стоявшие на Среднем Востоке. Для того чтобы легче было держать связь с солдатами и матросами и сообщаться с внутренними областями страны,

премьер-министр Цудерос и большинство министров избрали своей резиденцией Каир. Вскоре туда направился и король Георг II; но по его прибытии разразился бурный кризис. В апреле 1944 года Цудеросу пришлось выйти в отставку. Заместивший его Венизелос тоже вынужден был оставить свой пост. Папандреу с большим трудом удалось сформировать правительство. И как раз в это время начались серьезные мятежи в войсковых частях и на кораблях. Для их подавления понадобилось ни больше ни меньше, как кровавое вмешательство английских войск. И хотя представители всех политических течений Греции, собравшиеся вслед за этим в Бейруте, провозгласили лозунг национального единства, вскоре опять начались распри. Было очевидно, что в Греции уход немцев окажется сигналом к гражданской войне.

По-видимому, Соединенные Штаты старались как-то выпутаться из этой неприятной истории. Но Советы оказывали воздействие на греков, англичане же, стремившиеся установить свою гегемонию в восточной части Средиземного моря, не скрывали, что вопросы, касающиеся Греции, относятся к их сфере. Поэтому французское правительство никогда в эти дела не вмешивалось. Однако в интересах Европы было бы лучше, если бы Франция и Англия действовали тут совместно, соединив свои силы и влияние, как это часто бывало в прошлом. И Аргиропуло, представитель Греции при Комитете, вполне был в этом убежден. Этот патриот и политик, которому не давала покоя угроза, нависшая над его страной, был убежден, что, отбросив от себя Францию, Европа рискует пойти по неверному пути, и потому он горько сожалел, что под воздействием извне спустилась непроницаемая завеса между его правительством и правительством Французской Республики.

Точно так же действовали наши союзники и в отношении Югославии. В этом сербо-хорвато-словенском королевстве еще и до войны царили жестокие раздоры между различными его народами, а теперь в нем все было перевернуто, все кипело. Итальянцы образовали там хорватское государство, прирезали к нему Далмацию и словенскую провинцию Любляны. Полковник Михайлович вел в сербских горах смелую партизанскую войну; позднее повел войну в интересах коммунистов Иосип Броз, именуемый Тито. Оккупанты мстили за их выступление неслыханными зверствами, массовым уничтожением людей, нелепыми разрушениями, а между тем Михайлович и Тито стали враждовать друг с другом и превратились в противников. В Лондоне совсем еще юный король Петр II и его неустойчивое правительство не только были бессильны справиться с тягчайшими трудностями внутри страны, но и оказались под властным давлением Англии.

В самом деле, англичане смотрели на Югославию как на главную арену их политики на Средиземном море. Кроме того, Уинстон Черчилль считал эту политику своим кровным делом. Лелея планы широких операций на Балканах, он намеревался обратить Югославию в их плацдарм. С самого же начала действий Михайловича Лондон помогал ему оружием и советами, направил к нему английскую миссию. Позднее премьер-министр делегировал к Тито своего сына Рандольфа. В конце концов Тито было отдано предпочтение, и правительство Англии послало ему снаряжение и обмундирование для его войск. Михайловича же лишили помощи, всячески поносили его в выступлениях по радио из Лондона, а представитель Форин

офис с трибуны лондонской палаты общин даже обвинял его в измене. Мало того, в июне 1944 года Черчилль потребовал от несчастного Петра II распустить кабинет Пурича, в который Михайлович входил в качестве военного министра, и доверить власть Шубашичу, предварительно получившему свои полномочия от Тито. Москва, разумеется, одобряла такой образ действий, а в Вашингтоне югославский посол Фотич не мог добиться, чтобы Соединенные Штаты оказали поддержку его монарху.

Французский комитет национального освобождения систематически держали в стороне от развития этих событий. Я лишь эпизодически мог устанавливать связь с генералом Михайловичем, который проявлял горячее желание поддерживать отношения со мною. Мы обменивались с ним посланиями. В феврале 1944 года я наградил его военным крестом и приказал опубликовать извещение об этом, желая ободрить Михайловича в тот момент, когда почва уходила у него из-под ног. Но ни разу офицеры, которых я пытался посылать к Михайловичу, не смогли пробраться к нему. Что касается Тито, то он никогда не оказывал нам ни малейшего знака внимания. С королем Петром II и его министрами я во время своего пребывания в Англии сохранял сердечные отношения. Дипломатический обмен мнениями и информацией мы вели через Мориса Дежана, нашего представителя при югославском правительстве, и Иовановича, представителя Югославии при Французском комитете. Но ни разу югославское правительство, вероятно, не имевшее свободы действий, не обращалось к нам с просьбой о какой-либо услуге. Что касается Англии, то она не считала себя обязанной хотя бы один-единственный раз посоветоваться с нами. И я твердо решил отдать делу освобождения Франции все силы, какие мы могли сосредоточить, не допуская, чтобы они принимали участие в балканских операциях. Зачем нам было вмешиваться и предлагать военную помощь для политического предприятия, из которого нас исключили?

Если продвижение Советов и деятельность их агентов вызвали у некоторых эмигрантских правительств мучительный страх, то президент Бенеш и его министры подчеркивали, что они нисколько не опасаются за Чехословакию. Вряд ли в глубине души чехи были так уж спокойны. Но они полагали, что бороться против неизбежного бессмысленно и лучше постараться извлечь из него пользу для себя. Кстати сказать, их представитель Черни сам изложил нам такую точку зрения. В декабре 1943 года Бенеш отправился в Москву и заключил со Сталиным договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. На обратном пути в Лондон он 2 января остановился в Алжире. Мы приняли главу чехословацкого государства самым почтительным образом, памятуя, что среди жестоких превратностей в судьбе Франции он всегда оставался ее другом.

Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную. Затем Бенеш разъяснил мне свою политику. «Взгляните на карту,— сказал он.— Русские подходят к Карпатам. Но на Западе союзнические войска еще не готовы к высадке во Франции. Значит, именно Красная Армия освободит мою страну от немцев. И для того, чтобы я мог сформировать нашу администрацию, я должен войти в соглашение со Сталиным. Я и сделал это, да еще на таких усло-

виях, которые не затрагивают независимости Чехословакии. Ведь на основании нашей с ним договоренности русское командование нисколько не будет вмешиваться в наши политические дела».

Перейдя к общему положению страны, президент стал мне доказывать, как он делал это уже не раз, что Чехословакия может возродиться только путем союза с Москвой. Он водил пальцем по карте и восклицал: «Вот Судетская область, которую нам надо отобрать у немцев. Вот Тешин, на который зарятся поляки. Вот Словакия, которую венгры мечтают опять забрать себе,— там монсеньор Тисо уже создал свое сепаратное правительство. А ведь завтра Восточная Германия, Польша и Венгрия будут в руках Советской России. Стоит ей поддержать их претензии — и неизбежно последует расчленение Чехословакии. Как видите, союз с русскими для нас совершенно необходим». Я попробовал было напомнить о возможности обратиться к Западу, но Бенеш отнесся к этому очень скептически. «Рузвельт,— сказал он,— хочет договориться со Сталиным и после победы увезти поскорее свои войска домой. Черчилль очень мало беспокоится о нас. По его мнению, линия обороны Англии — на Рейне и в Альпах. Как только он этого добьется, его уже ничто не будет волновать, кроме Средиземного моря. В отношении нас он готов равняться на позицию Рузвельта, получив за это некоторые преимущества на Востоке. Как мне известно, в Тегеране с общего согласия ни слова не было сказано о Чехословакии. Правда, существуете вы, генерал де Голль, строитель твердой и сильной Франции, необходимой для европейского равновесия. Если б вы не появились после поражения вашей страны и не повели ее по пути возрождения, больше не было бы надежды на свободу Европы. Поэтому никто так горячо не желает вам полного успеха, как я. Но приходится убеждаться в том, что Вашингтон и Лондон не очень-то ему способствуют. Что же будет завтра? Да следует еще вспомнить о том, что французский парламент дал отставку Клемансо, лишь только окончилась война. Когда весть об этом пришла в Прагу, я сидел за работой с великим Масариком. И обоим нам пришла одна и та же мысль: «Это — самоотречение Франции!»

Мнение Бенеша о позиции Вашингтона и Лондона в отношении советских стремлений уже подтвердилось в польском вопросе. Чем ближе Красная Армия подходила к Варшаве, тем яснее выступало намерение Москвы оказывать свое влияние на Польшу и изменить ее границы. Уже угадывалось, что Сталин хотел, с одной стороны, присоединить территории Литвы, Белоруссии и Восточной Галиции, а с другой — расселить поляков до Одера и Нейсе за счет немцев. Но не менее ясно было, что хозяин Кремля намеревается учредить на Висле режим по своему усмотрению и что англосаксы не собираются наложить тут свое вето.

Перед польским правительством в Лондоне встали тяжелые проблемы. Оно не имело материальных возможностей воспротивиться решениям Москвы, зато морально было вооружено той мрачной решимостью, которую века угнетения сообщили польским сердцам. По правде сказать, генерал Сикорский, председатель Совета министров и главнокомандующий, сначала попытался достигнуть соглашения с Советами. В то время когда вермахт находился у ворот Москвы, это соглашение казалось возможным. Большому количеству польских солдат, взятых в плен русскими в 1939 году, было разрешено отправиться на Средний Восток вместе с их командующим генералом Андерсом, а Сталин принял более умеренный тон в переговорах

о границах и будущих отношениях. Теперь же картина была совсем иная, так же как иной была и карта военных действий. И поляков снова охватили неприязнь и страх, которые внушали им русские. Весною 1943 года они официально — с некоторой видимостью оснований — обвинили их в том, что три года назад они уничтожили в Катынском лесу 10 тыс. военнопленных польских офицеров. Сталин в негодовании порвал дипломатические отношения с Польшей. В это время, то есть в июле 1943 года, генерал Сикорский, возвращаясь из Египта, где он инспектировал войска Андерса, погиб в результате воздушной катастрофы, происшедшей в Гибралтаре. Этот выдающийся человек пользовался достаточно большим престижем, чтобы усмирять страсти своих соотечественников, и достаточно большой международной известностью, с которой приходилось считаться. Он был незаменим. Сразу же после его смерти кризис в отношениях между Россией и Польшей принял характер острого конфликта.

Однако новое польское правительство устами своего главы Миколайчика обещало, что после освобождения власть в Варшаве будет учреждена в таком составе, который гарантирует Москве добрососедские отношения. Что касается границ, то он не отвергал заранее никаких проектов, а только заявлял, что этот вопрос может быть разрешен лишь при заключении мирного договора. Миколайчик дал приказ вооруженным силам Сопротивления сотрудничать с Советской Армией. Наконец, он обратился к Соединенным Штатам и Англии, желая покончить с разногласиями и прийти к решению всех вопросов, повисших в воздухе. Но эти миролюбивые настроения не нашли отклика в Кремле. Наоборот, недовольство русских все усиливалось по мере их продвижения. В январе, по случаю вступления своих войск на польскую территорию, Советы опубликовали декларацию, согласно которой так называемая «линия Керзона» должна была стать восточной границей Польши, а состав лондонского правительства полякам полагалось полностью изменить. В то же время заботами русских был сформирован польский армейский корпус, глава которого Берлинг не признавал власти законного правительства; а в Галицию вслед за советскими войсками явился образованный в Москве Польский комитет национального освобождения под председательством Осубка-Моравского.

Было очевидно, что поддержка англосаксами польской независимости была весьма шаткой. В январе 1944 года Корделл Хэлл дал уклончивый ответ на просьбу Миколайчика о посредничестве. Рузвельт, которому в этом году предстояло вновь выступить в качестве кандидата на президентских выборах, держался в польском вопросе осторожно, сообразуясь с чувствами поляков, имевшихся среди его избирателей. Но можно было предугадать, что, как только выборы останутся позади, он не захочет связывать руки Сталину. Англичане оказались менее послушными. Но было весьма вероятно, что поскольку они равняются на американцев, то в конце концов, по сути дела, уступят, соблюдая, однако, некоторые внешние приличия.

В самом деле, Черчилль и Иден, произнося всякие хорошие слова в защиту независимости Польши, торопили Миколайчика с поездкой в Москву. Посещение состоялось 1 августа — в то самое время, как Советская Армия подошла к Варшаве, а в городе подпольная польская армия под командованием генерала Комаровского, именуемого «Буром», начала действия против немцев. После героических боев поляки были раздавлены и обвиняли русских в том, что те не оказали им никакой помощи и даже не

разрешили английским самолетам воспользоваться советскими базами, чтобы производить оттуда боевые вылеты для поддержки защитников Польши. За несколько дней до этого польские министры, прибывшие в Москву, услышали от Сталина и Молотова совсем не обнадеживающие ответы на свои просьбы и были уведомлены в том, что между Советским Союзом и Польским комитетом национального освобождения заключено соглашение, которое предоставляло Комитету право управлять освобожденными территориями.

Наше правительство не в состоянии было помешать этому порабощению Польши. Раз мы не действовали совместно с нашими великими союзниками в области дипломатии и не участвовали на равных правах в выработке общих для всех нас стратегических планов, как же могли бы мы добиться от западных держав, чтобы они заняли определенную политическую позицию и приняли определенные решения, которые наверняка спасли бы независимость Польши и в то же время обеспечили бы России ту границу, какой она требовала. Лично я считал вполне приемлемой идею Сталина компенсировать Польше ту ампутацию, которой ее территория подвергнется на востоке, приобретением ею земель Пруссии и Силезии. Я хотел только, чтобы неизбежная при этом переброска населения производилась с полной гуманностью. Но я считал необходимым воспрепятствовать намерению Сталина установить в Варшаве диктатуру его почитателей. Я думал, что если бы Америка, Англия и Франция перед лицом всего мира пришли совместно к определенным выводам, и если бы они стали действовать согласованно в этом направлении, влияя на советское и польское правительства, и если бы они в дальнейшем предоставили судам Запада доступ в порты Балтийского моря, а русским судам — в порты Северного моря, то в конце концов им удалось бы возвратить свободу благородной и мужественной Польше.

Но перед требованиями Советской России Америка предпочла молчать. Англия искала формулу. Франция в этом вопросе не имела права голоса. Деятельному и достойному послу Польши при Французском комитете освобождения Моравскому, с которым мне не раз приходилось беседовать, генералу Соснковскому, который занял после смерти Сикорского пост главнокомандующего и которого я принял в Алжире в декабре, генералу Андерсу, которого я видел с его войсками у горы Кассино, президенту Польской Республики Рачкевичу, с которым я обменялся визитами, будучи проездом в Лондоне в июне 1944 года, министру иностранных дел Ромеру, которого я видел на приеме у президента, я мог только указать, какую мы занимаем позицию, и заверить, что мы всех заставили бы посчитаться с ней, если бы имели к этому возможность.

Однако же был случай, когда мы оказали помощь польскому правительству. Речь идет о значительном золотом запасе, который Государственный банк Польши в сентябре 1939 года доверил Французскому банку, а тот в июне 1940 года переправил его в Бамако. В марте 1944 года Комитет освобождения по настоятельной просьбе правительства Миколайчика решил возвратить полякам их золото. Богомолов не преминул обратиться к нам с настойчивыми заявлениями о необходимости отсрочить передачу золота, а в конце концов попросил у меня приема и тогда сказал мне: «Советское правительство заявляет решительный протест против передачи польского золотого запаса эмигрантскому правительству Польши в Лондо-

не. Ведь завтра оио уже ие будет правительством Польши». Я ответил, что пока оно еще является правительством, что оио призиаио всеми иашими союзниками, включая и Россию, что по его приказу польские войска в иастоящее время сражаются в Италии рядом с нашими войсками и что, иакоиец, я ие поиимаю, по какому праву Советский Союз вмешивается в дела, касающиеся только Польши и Франции. Богомолов ушел, ие скрывая своего иеудовольствия.

Итак, иесмотря на советы Вашиигтоиа, Лоидоиа и Москвы воздерживаться от сближеиия с иами, средние и малые государства Европы стремились к этому; хотели быть ближе к иам моральио и те, кого отделяла от иас дальиость расстояния. Геиерал Ванье, представитель Каиады, привез иам слова привета своей родины, являвшейся примером для других в воеииых усилиях, и повел переговоры отиосительио экоиомической помощи, которую Каиада иам оказывала, и о той помощи, которую оиа соглашалась оказывать и в будущем по мере освобождения Фраиции... Наконец, искусиый, тоикий дипломат, делегат Испаиии де Сангрониз, хоть ои и был едииствеииым представителем иейтральиой страиы среди делегатов воюющих страи и чувствовал себя связаиным довольио тумаииым статутом, с готовиостью занимался урегулироваиием вопросов, касающихся Марокко, судьбы Танжера, переправки фраицузов, перешедших через Пиреиеи, и торгового обмеиа между Французской Африкой и Иберийским полуостровом. Мы действительио старались устаиовить с испаицами иеобходимые отиошения. Оии и сами этого желали. Я рассчитывал, что в ближайшем будущем произойдет возобиовлеиие дипломатических отношений между Парижем и Мадридом в условиях, достойиых двух великих соседствующих народов.

Но в Алжире иаша дипломатическая деятельиость сосредоточивалась иа отиошеииях с тремя великими союзиыми державами. Теперь мне уже не приходилось во всех случаях самому вести их, как в те времена, когда у иас, собствеиио говоря, ие было министерств, но все же я должен был иаблюдать за общим ходом этих дел. Поэтому я постоянно встречался с представителями США, Великобритаиии и Советской России. Ведь если считалось, что их правительства еще ие решили вопроса, кто действительио является главою Фраиции, оии все же направляли к иам своих послов, и те иисколько ие скрывали, что оии серьезно рассчитывают в иедалеком будущем переехать вместе с иами в Париж.

После реоргаиизации Комитета освобождеиия, когда я стал едииственным его председателем, Вашиигтон и Лоидои скрепя сердце примирились с этим фактом и сделали соответствующее распоряжеиие. Роберт Мэрфи, иосивший иеопределенный титул представителя президеита Рузвельта, был переведеи в Италию. Его замеиил Эдвин Вильсои, имевший вполие определеииые полномочия представителя своего правительства при иашем Комитете. Отъезд Мэрфи и поведеиие его преемиика вызвали, к счастью, разрядку в иаших отиошеииях с америкаиским посольством. Мэрфи очень мало цеиил успехи «голлистов», зато Вильсоиа оии, по-видимому, радовали. Насколько редкими и натянутыми были наши беседы с Мэрфи, иастолько же частыми и приятиыми были визиты Вильсоиа. Он был выдающимся дипломатом и человеком сердца. Лояльиость ие позволяла ему осуждать позицию, заиятую Белым домом и государствеииым департамеитом, ио оиа глубоко огорчала его. Своим личиым посредничеством он не раз

достигал того, что точка зрения одной стороны бывала если не воспринята, то хотя бы понята другой стороною, и при случае он умело предотвращал вспышку, назревавшую то у американцев, то у нас.

Дафф Купер делал то же в наших отношениях с англичанами. До декабря 1943 года представителем Великобритании в Алжире был Макмиллан, исполнявший вместе с тем и другие обязанности. Теперь он уезжал в Италию в качестве английского государственного министра. В свое время Черчилль, посылая его в Алжир, полагал, что, хоть и с некоторой сдержанностью, он все же присоединится к политике, проводимой в Северной Африке американцами. Однако Макмиллан понял, что это не самая лучшая линия. У этого человека возвышенной души и светлого ума возникла симпатия к группе французов, желавших видеть Францию свободной от пут. Я замечал, как по мере развития наших отношений рассеивается его предубеждение против нас. И я отвечал ему чувством глубокого уважения. Теперь, когда он должен был уехать, Лондон решил дать ему достойного преемника и вместе с тем нормализовать положение представителя Англии. Даффа Купера назначили послом в Алжир с последующим переводом его в Париж. Это был один из самых любезных и разумных жестов, сделанных правительством Его Величества в отношении Франции.

Дафф Купер был человек незаурядный, натура даровитая. Шла ли речь о политике, истории, литературе, искусстве, науке — он во всем превосходно разбирался и все его интересовало. Но во все свои суждения он вносил какую-то сдержанность, вероятно объяснявшуюся его скромностью,— это качество придавало ему особое обаяние, не позволяло ему навязывать другим свои мнения. Однако у него были твердые убеждения, непоколебимые принципы — об этом свидетельствовал весь его жизненный путь. В годы, когда события требовали, чтобы выдвигали лучших, он мог бы быть на своей родине премьер-министром. Можно думать, что этому помешала одна черта его натуры — щепетильность и одно обстоятельство — наличие Уинстона Черчилля. Но если он не стал премьер-министром в Лондоне, он должен был стать английским послом в Париже. Как истый гуманист, он любил Францию; как истый дипломат, он обсуждал дела с благородным спокойствием; как истый англичанин, служил своему королю чистосердечно. Будучи посредником между Черчиллем и мною, он старался смягчать наши столкновения. Иногда это ему удавалось. Если бы возможно было кому-нибудь из смертных всегда достигать этого, то, конечно, только такому человеку, как Дафф Купер.

С русской стороны мы, как и прежде, имели дело с Богомоловым, который стремился все знать, а своих секретов никому не открывал и вдруг становился жестким, когда формулировал какое-нибудь категорическое мнение своего правительства. Иногда мы встречались с Вышинским, который временно занимался итальянскими делами, но был весьма сведущ в самых разнообразных областях. Он проявлял широту мысли и вдобавок черту, казалось бы, удивительную для бывшего советского прокурора,— приятную жизнерадостность. Однако иной раз внезапно проглядывало, как неумолимы приказы, связывающие его. Как-то раз, когда мы беседовали недалеко от других, так что нас могли слышать, я сказал ему: «С нашей стороны было большой ошибкой, что мы до 1939 года не действовали в открытом союзе с вами против Гитлера. Но как вы сами-то виноваты, что заключили с ним договор и позволили ему раздавить нас!» Вышинский

выпрямился, побледнел. Сделал такой жест, как будто отметал некую таинственную угрозу. «Нет! Нет!..— пробормотал он.— Никогда, никогда этого не следует говорить!»

В общем отношения между Францией и ее союзниками развивались вопреки правилу сугубой осторожности, указанному в кодексе дипломатии. 1 января 1944 года имело место весьма показательное зрелище. В этот день дипломатический корпус явился с большой помпой на виллу «Оливье» поздравить меня и принести новогодние пожелания, какие принято делать главе правительства. В приемной даже произошел горячий спор между русским и английским послами, кто из них является старейшиной дипломатического корпуса и должен поэтому зачитать традиционный адрес. Дафф Купер взял верх. Но этот торжественный визит и это соперничество были знаком нашего восхождения.

И все же намерения союзных руководителей в отношении Франции держали дипломатов в состоянии хронической напряженности. Рузвельт упорно отрицал право нашего Комитета быть в период освобождения французской государственной властью. Англия позволяла своим дипломатам говорить, что она считает такую позицию Америки чересчур строгой, но тем не менее мирилась с ней. Если бы тут дело шло о терминологии, это нас нисколько не волновало бы. Но за этим отказом признать нас французской национальной властью в действительности скрывалось упорное желание президента Соединенных Штатов установить во Франции свой арбитраж. Я чувствовал, что практически могу сделать совершенно бесплодными его попытки посягнуть на нашу независимость. В подходящем случае Рузвельт мог бы в этом убедиться. Однако проволочки, вызванные его упрямством, мешали военному командованию заранее знать, с кем ему надо иметь дело в своих отношениях с французами. А кроме того, до последней минуты между нами и нашими союзниками происходили обострения и всякие неприятности, которых вполне можно было бы избежать.

Ведь Комитет освобождения еще в сентябре 1943 года направил в Вашингтон и в Лондон меморандум, точно определяющий те условия, в каких должно было происходить во время битвы за Францию сотрудничество французских властей с вооруженными силами союзников. Там было указано, что в зоне боев военное командование должно обращаться к местным властям и те обязаны предоставлять в его распоряжение средства сообщения, радио, все виды связи и обслуживания. В тылу французское правительство примет все меры для выполнения требований генерала Эйзенхауэра. Для обеспечения контакта с вооруженными силами предусматривалось, что вместе с каждой воинской частью будут идти французские офицеры административной связи; что в помощь Эйзенхауэру нами будет прикомандирован генерал, имеющий определенные полномочия и необходимый персонал; что до прибытия правительства на территорию метрополии туда будет отправлен один из членов правительства для принятия необходимых мер. И фактически корпус административной связи уже был сформирован в сентябре 1943 года, поставлен под команду Эттье де Буаламбера, укомплектован, обучен и переправлен в Англию. В марте 1944 года я назначил генерала Кёнига и генерала Коше помощниками главнокомандующего союзными войсками — одного на Северном театре военных действий, а другого — на Средиземном море. В тот же день Андре Ле Трокер был назначен национальным комиссаром на освобожденной территории. На-

меченные нами меры встретили одобрение союзных штабов. Для их осуществления недоставало только согласия вашингтонского и лондонского правительств. А они все не давали ответа на наш меморандум.

Президент из месяца в месяц держал этот документ на своем столе. А тем временем в Соединенных Штатах подготовлялось некое «союзное военное правительство» (АМГ), которому надлежало взять в свои руки управление Францией. В эту организацию нахлынули всякого рода теоретики, техники, деловые люди, пропагандисты, вчерашние французы, превратившиеся по своему новому подданству в американцев. Ни заявления, которые Моннэ и Оппено считали своим долгом делать в Вашингтоне, ни замечания, которые английское правительство направляло в Соединенные Штаты, ни настойчивые просьбы Эйзенхауэра, с которыми он обращался в Белый дом, не вызывали никакого движения воды. Но так как необходимо было прийти к какому-нибудь заключению, Рузвельт решился наконец дать Эйзенхауэру указания, в силу которых высшая власть во Франции должна принадлежать главнокомандующему. На основании своих прав ему надлежало по собственному усмотрению выбрать французскую власть, а ей — сотрудничать с ним. Вскоре мы узнали, что Эйзенхауэр умолял президента не возлагать на него этой политической ответственности и что англичане не одобряли такой произвольной системы. Но Рузвельт, подправив в мелочах свою инструкцию, оставил в силе ее суть.

По правде сказать, намерения президента напоминали мне грезы Алисы в стране чудес. В Северной Африке, в обстановке куда более благоприятной для намерений Рузвельта, он уже попробовал было провести ту политику, которую задумал осуществить во Франции. Из его попытки ничего не вышло. Мое правительство пользовалось на Корсике, в Алжире, Марокко, Тунисе, Черной Африке независимой властью; люди, на которых Вашингтон рассчитывал, надеясь воспрепятствовать этому, сошли со сцены. Никто уже больше и не вспоминал о соглашении Дарлана — Кларка. Национальный комитет признал его недействительным, а я во всеуслышание заявил с трибуны Консультативной ассамблеи, что в глазах Франции его и не существовало. Однако провал политики Рузвельта в Африке все же не рассеял его иллюзий, о чем я сожалел как с точки зрения его интересов, так и с точки зрения наших отношений. Но я был уверен, что о применении его проекта в метрополии нечего и думать. Союзники не нашли бы во Франции иных министров и иных чиновников, кроме тех, которых я назначил. Не нашли бы они и иных французских войск, кроме тех, которые своим главой признают меня. Без всякого сомнения, я мог бы сказать генералу Эйзенхауэру: действительную силу будет иметь ваша договоренность только с теми людьми, которых я укажу.

Впрочем, Эйзенхауэр и сам так думал. Он заявил об этом 30 декабря, когда пришел ко мне перед своей поездкой в Вашингтон, откуда он должен был вылететь в Лондон для приготовлений к высадке союзных войск во Францию. «Меня неблагожелательно настроили в отношении вас,— сказал он.— Теперь я признаю свое мнение ошибочным. В предстоящей битве я буду нуждаться не только в помощи ваших вооруженных сил, но также и в содействии ваших должностных лиц и в моральной поддержке со стороны населения Франции. Словом, мне нужна ваша помощь. Я пришел просить вас об этом».— «В добрый час,— ответил я.— Вы настоящий человек! Ведь вы способны сказать: я был не прав».

Мы заговорили о той неопределенности, в какой все еще пребывал вопрос о необходимом сотрудничестве во Франции между нашими властями и военным командованием. Эйзенхауэр не скрыл от меня, что это его очень беспокоит.

«Но помимо принципов,— сказал он,— есть еще реальные факты. Могу вас заверить, что, какую бы позицию мне ни навязали для внешнего декорума, в действительности я буду признавать во Франции французской властью только вас...» Тогда я указал, что, вероятно, нам представится случай проявить свое единство при решении вопроса, как должен быть освобожден Париж. «Именно французские войска должны отвоевать столицу Франции,— заметил я.— И для этого нужно только вовремя перебросить в Англию одну французскую дивизию, о чем мы, французы, и просили вас». Эйзенхауэр согласился.

С приближением срока высадки (май — июнь), намеченного штабами, англичане проявили желание вывести политическую проблему из тупика, в котором она оказалась. Черчилль решил взять на себя роль маклера, намеревающегося согласовать претензии Рузвельта и протесты генерала де Голля. Но так как у американцев был подавляющий перевес в силе и в средствах рекламы, усилия премьер-министра вскоре свелись к тому, чтобы заставить меня удовлетворить требования Рузвельта.

В начале января ко мне явился Дафф Купер и сказал: «Вы знаете, что Черчилль заболел, возвращаясь из Тегерана. Его перевезли в Марракеш. Он очень хотел бы увидеться с вами, но по состоянию здоровья не может никуда двинуться. Не согласитесь ли вы навестить его?» Было бы естественно, если бы английский премьер-министр, находясь на французской территории, нанес визит главе французского правительства. Однако из уважения к особе Черчилля и считаясь с обстоятельствами, я отправился к нему и 12 января был у него на завтраке. Он уже почти выздоровел. Мы с ним долго беседовали — в первый раз за полгода. При разговоре присутствовали Дафф Купер, лорд Бивербрук и Гастон Палевский.

Премьер-министр говорил оживленно и горячо, усердно расписывая выгоды, какие мне даст мое согласие с намерением президента. В общем все сводилось к тому, что я должен признать первенство Рузвельта во французских делах — под тем предлогом, что он публично занял определенную позицию, а потому не может от нее отказаться, да, кроме того, взял на себя определенные обязательства в отношении некоторых французских сановников, скомпрометированных сотрудничеством с Виши, и должен эти обязательства выполнить. Перейдя к конкретным фактам, Черчилль посоветовал мне уже сейчас приостановить подготовку процесса над Фланденом, Пейрутоном и Буассоном. «Я ознакомился с материалами по делу Фландена,— сказал мне Черчилль.— Против него нет ничего серьезного. А раз он находится в Северной Африке, это доказывает, что он порвал с Виши. Что касается Пейрутона, он приехал в Алжир, чтобы занять пост губернатора по приглашению президента Соединенных Штатов. Буассону президент когда-то гарантировал, что он сохранит свое место, а я велел передать ему: «Сражайтесь хорошенько, а об остальном не заботьтесь!» Черчилль назвал прискорбным то обстоятельство, что генералам Жиро и Жоржу пришлось выйти из состава французского правительства. «Ведь первого,— сказал он,— выбрал сам Рузвельт. А второго пригласил сюда я». Послушать Черчилля, так сразу стало бы ясно (если кто раньше этого не

знал), что президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр считают Францию своей вотчиной, где они могут распоряжаться как им угодно, а генералом де Голлем они недовольны главным образом из-за того, что он не хочет с этим мириться. Я весьма любезно ответил Черчиллю, что интерес к нашим внутренним делам, который проявляют Черчилль и Рузвельт, является в моих глазах доказательством начавшегося возрождения Франции. И поэтому, не желая их разочаровывать, я не хочу допустить революционных волнений в моей стране, а волнения произойдут неизбежно, если не будет совершено правосудие. Я не желал зла ни Фландену, ни Пейрутону. Что касается Фландена, я не отрицал его ценных качеств и благих намерений. Не забывал я также, что Пейрутон оказал услугу объединению наших сил, предоставив свою радиостанцию в мое распоряжение, когда я прибыл в Алжир. Но я считаю, что ради интересов нации они оба должны ответить в Верховном суде за свои действия в качестве министров Виши. Назначение Буассона генерал-губернатором зависело только от его начальства. Входят или не входят в состав моего правительства генералы Жиро и Жорж — это уж мое дело. Я буду и впредь следовать по тому пути, которым шел до сих пор,— по пути независимости, так как убежден, что это лучше всего не только для государства и для нации, за которые я несу ответственность, но также и для наших союзников, с которыми я связан.

Для того чтобы разрядить атмосферу, я пригласил Черчилля произвести на другой день вместе со мной смотр гарнизону. Он охотно согласился. Церемония смотра состоялась и вызвала восторг населения Марракеша. Для толпы любопытных, собравшихся тут, да и для любых зрителей в любом другом месте, для всех людей, которые видели бы перед собою эту картину, не ведая ничего о ее изнанке, раз Черчилль и де Голль появились вместе и стоят бок о бок, это значит, что вскоре союзные армии двинутся вместе добиваться победы — а это самое главное. Я сказал это премьер-министру, и мы с ним пришли к выводу, что в конце концов толпа зрителей была тут совершенно права. <...>

14 и 17 апреля Дафф Купер явился ко мне, чтобы передать сообщение премьер-министра. Черчилль, по словам посла, был крайне огорчен дурным состоянием моих отношений с Рузвельтом. Но он был убежден, что, если я поговорю с президентом как человек с человеком, отношения эти улучшатся. В частности, наверняка будет разрешен вопрос о признании Комитета освобождения. Черчилль заявлял, что он готов немедленно передать Рузвельту просьбу о моей поездке в Вашингтон и гарантирует мне благоприятный ответ. Я заявил Даффу Куперу, что это приглашение, так же как и прежние приглашения, мало меня привлекает. Если президент Соединенных Штатов действительно желает принять у себя главу французского правительства, ему ничего не стоит попросить де Голля приехать к нему. В этом случае я обязательно предприму поездку в Соединенные Штаты. Но зачем мне просить, хотя бы и через посредничество Черчилля, чтобы президент выразил согласие на мой визит? Как он истолкует мое ходатайство? Ведь Рузвельт открыто заявляет, что властью во Франции может облечь только он. Но мне нечего просить у него. Формальное признание больше не интересует французское правительство. Для него важно только, чтобы его признала французская нация. А это уже достигнуто. Союзники могли в свое время с пользою для дела помочь нам

своим признанием. Они так не поступили. А теперь для нас это не имеет значения.

Что же касается взаимоотношений между французскими властями и военным командованием, сказал я послу, вопрос этот разрешится очень легко, если только командование ничего не станет тут узурпировать. В противном случае во Франции водворится хаос. А хаос этот будет гибельным и для военных операций, и для политики союзников. В заключение я сказал, что, конечно, когда-нибудь для меня окажется вполне возможной поездка в Вашингтон, но лишь тогда, когда сами события разрешат наш спор; когда на первом освобожденном клочке французской земли будет установлена власть моего правительства; когда американцы докажут, что во Франции они, кроме военных операций, ни во что больше вмешиваться не желают, и когда самым решительным образом будет принят принцип, что Франция едина и неделима. А пока что я могу лишь выразить пожелание, чтобы все это произошло как можно скорее, и надеяться, что тогда обстоятельства позволят мне со спокойной душой отправиться в Соединенные Штаты. Во всяком случае, я признателен Черчиллю за то, что он хлопочет о моей поездке, и заранее приношу ему благодарность за все, что он пожелал бы сделать в этом направлении.

Поскольку я постарался оставить без последствий авансы союзников, мне, по закону качания маятника, следовало ждать теперь неприятных мер воздействия. И в самом деле, 21 апреля мы получили уведомление, что передача шифрованных телеграмм, которыми мы обменивались с нашими дипломатическими и военными представительствами, впредь производиться не будет. Это якобы объяснялось необходимостью держать в глубочайшей тайне происходящую подготовку к высадке. Однако мы не могли не считать оскорблением такую одностороннюю предосторожность, принятую англичанами лишь в отношении французов, чьим вооруженным силам, так же как и английским войскам, вскоре предстояло сыграть важную роль в военных операциях и чья территория должна была стать ареной сражений. И тогда Комитет освобождения запретил своему послу Вьено и своему военному делегату Кёнигу разрешать с союзниками какой бы то ни было вопрос до тех пор, пока англичане полагают, что им и без нас известно, какие приказы мы даем и какие донесения нам направляют. Такой абсентеизм очень затруднял работу Эйзенхауэра и его штаба. Разумеется, наши шифрованные сообщения продолжали прибывать по адресу благодаря французским офицерам и чиновникам, совершавшим рейсы между Лондоном и Алжиром.

Кризис дошел до высшей точки, а между тем срок высадки приближался — союзники не могли больше откладывать, они должны были найти выход. Поэтому я не был удивлен, когда 23 мая Дафф Купер попросил, чтобы я немедленно принял его. С того дня, как мы «в теории» больше уже не могли сообщаться по коду с Лондоном, я, к великому своему сожалению, вынужден был отказаться от приема английского посла. На этот раз дверь моя была для него открыта, так как он хотел известить меня о «новой ориентации». Он сказал мне, что английское правительство приглашает меня в Лондон для урегулирования вопроса о признании нас и вопроса о нашем административном сотрудничестве во Франции. Посол заявил также, что для его правительства желательно, чтобы я находился в Англии в момент высадки.

Я ответил Даффу Куперу, что очень тронут таким вниманием. В самом деле, я очень хотел находиться в месте отправки десанта в тот момент, когда армии освобождения ринутся в бой, и рассчитывал, что, как только будут освобождены первые пяди земли в нашей метрополии, я вступлю на них. Итак, я решил отправиться в Лондон. Но, что касается политического соглашения, мне следовало быть крайне осторожным. Я повторил послу свой прежний ответ — сказал, что совсем не заинтересован в признании нас нашими союзниками. И, между прочим, сообщил, что Комитет освобождения мы тотчас же переименуем в правительство Французской Республики, каково бы ни было мнение союзников на этот счет. Что касается условий нашего сотрудничества с военным командованием, то мы уже давно их определили в том меморандуме, на который нам не ответили. Теперь английское правительство, может быть, и расположено подписаться под нашими условиями. Но американское правительство к этому не склонно. Для чего же в таком случае французам и англичанам обсуждать мероприятия, которые невозможно применить из-за несогласия Рузвельта? Мы, конечно, готовы повести переговоры о практических формах сотрудничества, но надо, чтобы в обсуждении участвовали не две, а три стороны. В заключение я предупредил Даффа Купера, что отправлюсь в Лондон лишь при том условии, что мне будет гарантирована возможность сообщаться шифром с моим правительством.

26 мая Комитет освобождения выразил свое согласие с той позицией, которую я изложил английскому послу. Было решено, что ни один из министров не будет сопровождать меня,— надо было ясно показать, какова цель моей поездки: я вовсе не собираюсь вести переговоры, я хочу присутствовать при начале операций по высадке и, если возможно, посетить французское население в зоне боев. Затем Комитет единогласно утвердил ордонанс, в силу которого он стал уже и формально «Временным правительством Французской Республики». На следующий день я вновь принял Даффа Купера и подтвердил ему свой вчерашний ответ. Он дал мне надлежащее письменное заверение относительно пользования шифром.

Теперь Рузвельт счел за благо попробовать выправить положение, но, опасаясь, как бы эта эволюция не наделала шуму, он выбрал довольно окольный путь, чтобы сообщить мне о ней. Он выбрал гонцом адмирала Фенара, возглавлявшего нашу военно-морскую миссию в Соединенных Штатах. Адмирал прибыл из Соединенных Штатов 27 мая. Явившись ко мне, он сообщил следующее: «Президент настойчиво просил меня передать вам его приглашение приехать в Вашингтон. Учитывая позицию, которую он до сих пор занимал в этом вопросе, он не может сейчас без ущерба для своего престижа действовать официальным путем, а поэтому прибегает к полуофициальному приглашению. Если вы, тоже неофициально, примете приглашение, обычные посольские инстанции все уладят для вашей поездки и сделают так, что не надо будет опубликовывать, по чьей инициативе — вашей или Рузвельта — она состоялась». Сколь ни была странной процедура, к которой прибег президент, я не мог пренебречь его желанием встретиться со мною, выраженным так определенно, и не учесть того значения, которое, несомненно, могло иметь наше свидание. Итак, я признал, что вскоре мне необходимо будет поехать в Вашингтон. Но излияния чувств и мыслей тут были бы неуместны. Я поручил адмиралу Фенару ответить так, чтобы оттянуть время, сообщить, что приглашение

передано и было встречено с благодарностью, но указать, что сейчас невозможно строить твердых планов, поскольку я вылетаю в Лондон, а в заключение сказать, что разговор о поездке следует возобновить позднее.

Демарш президента окончательно просветил меня. Мне стало ясно, что моя долгая борьба с союзниками за независимость Франции приходит к желанной для нас развязке. Разумеется, еще придется преодолеть какое-нибудь последнее препятствие. Но исход борьбы уже не вызывает сомнений. 2 июня приходит послание Черчилля: он срочно вызывает меня в Англию. Любезно представляет в мое распоряжение свой личный самолет. На следующий день я выезжаю. Со мною отправились Палевский, Бетуар, Бийот, Жоффруа де Курсель, Тейсо. Посадка в Касабланке, вторая — в Гибралтаре, 4 июня утром мы — в Англии, около Лондона. И сразу же нас захватил поток событий.

Тотчас по прибытии мне передали письмо Черчилля — он приглашал меня приехать к нему в поезд (оригинальная идея), в котором он в ожидании дня и часа расположился где-то около Портсмута. Мы с Пьером Вьено отправились туда. Премьер-министр принял нас. При нем находились министры, в частности Иден и Бевин, генералы и среди них Исмей. Был там также маршал Смэтс, видимо, чувствовавший себя довольно неловко. В самом деле, за несколько месяцев до того он сказал, что, поскольку Франция уж больше не является великой державой, ей ничего не остается, как войти в состав Британского Содружества Наций. Англосаксонская пресса широко разгласила его слова. Всех пригласили к завтраку, и, как только сели за стол, Черчилль бросился в бой.

Прежде всего он поразительно ярко описал широкую операцию, которая вскоре развернется начиная от берегов Англии, и с удовлетворением констатировал, что начальная ее стадия будет осуществлена по преимуществу английскими средствами. «В частности,— сказал он,— английский флот должен будет сыграть важнейшую роль в переброске войск и защите транспортных судов». Я совершенно искренне выразил премьерминистру свое восхищение такими достижениями. После многих и многих испытаний, которые Англия переносила с необыкновенным мужеством, тем самым спасая Европу, она стала ныне базой наступления на континент и бросает в бой такие большие силы — вот неопровержимое доказательство правильности мужественной политики, олицетворением которой был Черчилль начиная с самых мрачных для Англии дней. И хотя предстоящие вскоре события будут дорого стоить Франции, она, несмотря на это, гордится, что стоит в боевых рядах и бок о бок с союзниками будет сражаться за освобождение Европы.

В этот исторический момент повеяло духом уважения и дружбы, объединившим всех собравшихся там французов и англичан. А затем мы перешли к делам. «Выработаем соглашение о нашем с вами сотрудничестве во Франции,— сказал мне Черчилль.— А затем вы повезете его в Америку и дадите на рассмотрение президенту. Возможно, что он согласится с ним, и тогда можно будет его применять. Во всяком случае, вы побеседуете с Рузвельтом. Он смягчится и в той или иной форме признает вашу администрацию». Я ответил: «Почему вам кажется, что я обязан просить Рузвельта утвердить мою кандидатуру, чтобы получить власть во Франции? Французское правительство существует. Мне в этом отношении нечего просить ни у Соединенных Штатов, ни у Англии. Это дело решенное, и для

всех союзников весьма важно установить систему отношений между французской администрацией и военным командованием. Девять месяцев тому назад мы предложили определенную систему. Поскольку скоро произойдет высадка союзных армий, я понимаю, что вы спешите урегулировать этот вопрос. Мы и сами этого хотим. Но для этого урегулирования необходим представитель Америки. Где же он? Его нет. А без него, сами понимаете, мы ничего в данный момент не можем решить. Впрочем, нужно отметить, что вашингтонское и лондонское правительства, как видно, склонны обойтись и без соглашения с нами. Я, например, только что узнал, что вопреки моим предупреждениям союзные войска и службы, приготовившиеся к высадке, везут с собою якобы французские деньги, изготовленные за границей,— деньги, которые правительство Французской Республики ни в коем случае признать не может; а между тем по приказу союзного командования эти деньги должны иметь принудительное хождение на французской территории. Я уже жду, что завтра генерал Эйзенхауэр, по указанию президента Соединенных Штатов и в согласии с вами, объявит, что он берет Францию под свою власть. Как же вы хотите, чтобы мы на такой основе вели с вами переговоры?»

«А вы? — воскликнул Черчилль.— Вы, кажется, хотите, чтобы мы, англичане, заняли позицию, отличную от позиции Соединенных Штатов?» Затем с горячей страстностью, предназначенной, несомненно, более для слушателей, чем для меня, Черчилль продолжал: «Скоро мы освободим Европу, но мы сможем это сделать лишь потому, что рядом с нами сражаются американцы. Запомните же: всякий раз, как нам надо будет выбирать между Европой и морскими просторами, мы всегда выберем морские просторы. Всякий раз, как мне придется выбирать между вами и Рузвельтом, я всегда выберу Рузвельта». Иден покачал головой — по-видимому, этот выпад не очень его убедил. А лейборист Бевин, министр труда, подошел ко мне и сказал довольно громко, чтобы все его слышали: «Премьер-министр заявил вам, что во всех случаях он всегда будет брать сторону президента Соединенных Штатов. Знайте, что он говорил от своего имени, но отнюдь не от имени английского кабинета».

Затем мы с Черчиллем поехали в ставку генерала Эйзенхауэра. Она находилась поблизости, в густом лесу. В бараке, где стены были увешаны картами, главнокомандующий с большой ясностью и самообладанием изложил нам план высадки и сообщил о подготовке к ней. Корабли в состоянии выйти из портов в любую минуту. Самолеты могут подняться в воздух по первому сигналу. Войска уже несколько дней погружены на суда. Огромная машина — отплытие, переправа, высадка первого эшелона, то есть восьми дивизий и военных материалов,— налажена; все продумано до мельчайших деталей. Поддержка операции военными кораблями, авиацией, парашютный десант — ничто не оставлено на волю случая. Я убедился, что в подготовке этого рискованного и очень сложного дела в полной мере проявилась способность англичан к тому, что они называют planning*. Однако главнокомандующий еще должен был назначить день и час, и тут он испытывал сильное беспокойство. В самом деле, все рассчитано так, чтобы высадка произошла между третьим и седьмым июня. После этой даты условия прилива и фазы луны изменятся, и операцию пришлось бы

* Планирование *(англ.)*.

отсрочить приблизительно на месяц. Однако погода стоит очень плохая. Для шаланд, понтонов, шлюпок при таком волнении плыть по морю и подходить к берегу — дело опасное. А ведь надо не позднее завтрашнего дня дать приказ о начале или отсрочке операции. Эйзенхауэр спросил меня: «Что вы об этом думаете?» Я ответил главнокомандующему, что решать тут может только он один, ибо ответственность лежит на нем, что мое мнение его ни к чему не обязывает и я заранее безоговорочно одобряю все, что он решит. «Скажу вам только,— добавнл я,— что на вашем месте я не стал бы откладывать. Падение атмосферного давления грозит меньшими неприятностями, чем отсрочка высадки на несколько недель: усилится моральное напряжение участников операции — может нарушиться тайна».

Когда я уже собрался уходить, Эйзенхауэр в явном смущении протянул мне какой-то документ, отпечатанный на машинке: «Вот,— сказал он,— прокламация, которую я собираюсь выпустить,— воззвание к народам Европы и, в частности, к французскому народу». Я пробежал текст прокламации и заявил Эйзенхауэру, что она меня не удовлетворяет. «Это только проект,— заверил меня главнокомандующий,— я готов изменить его согласно вашим замечаниям». Было условлено, что завтра я сообщу ему конкретно, какие изменения я считаю тут необходнмыми. Черчилль отвез меня в свой поезд, где я должен был встретиться со своими. Я не скрыл от него своего беспокойства. Хотя перед нами открылась светлая перспектива битвы, на нее уже легла черная тень коварной политики.

В самом деле, прокламация, составленная для Эйзенхауэра в Вашингтоне, была неприемлема. В ней главнокомандующий сначала обращался к народам Норвегии, Голландии, Бельгнн н Люксембурга и говорил как солдат, на которого возложена определенная военная задача и который не нмеет ннкакого отношения к политической судьбе народов. Затем он обращался к французской нацин н говорил уже совсем другим тоном. Он предлагал ей «выполнять все его приказы». Он уже решил, что «все должны остаться на местах и выполнять свои обязанности — впредь до особого распоряжения» и что, как только Франция будет освобождена, «французы сами выберут своих представителей и свое правнтельство». Короче говоря, он делал вид, будто на нем лежит ответственность за нашу страну, между тем как для нее он был всего лншь генералом союзной армии, умелым войсковым командиром, не имеющим, однако, никакого права управлять ею, да к тому же он оказался бы в крайне затруднительном положении, если бы ему действительно пришлось это делать. В его листовке ни слова не было сказано о той французской власти, которая вот уже несколько лет вдохновляла наш народ и руководнла его военными уснлиями. Она оказала Эйзенхауэру честь, отдав под его командование значительную часть французской армии. Утром 5 июня я на всякий случай послал в главную ставку текст воззвания в приемлемой для нас редакции. Как я и ожидал, мне ответили, что уже поздно — прокламация уже отпечатана (ее отпечаталн неделю назад) и ее вот-вот начнут разбрасывать с самолетов над территорией Франции. В самом деле, в следующую ночь должна была начаться высадка.

В Лондоне, как и прежде, я разместил свое бюро в Карлтон-гарденс, а сам жил в отеле «Коннот». С большим удовольствием я встретился с Чарльзом Пиком, которого Форин офис прикомандировал к нам для связи.

Этот дипломат, ставший моим другом, пришел ко мне 5 июня сообщить программу радиопередачи, которая должна была состояться на следующий день утром. Сначала, согласно расписанию, выступят с обращением к своим народам главы государств Западной Европы: норвежский король, голландская королева, великая герцогиня Люксембургская, премьер-министр Бельгии. Затем зачитает свою прокламацию Эйзенхауэр. Под конец выступлю я с воззванием к Франции. Я сказал Чарльзу Пику, что этот спектакль состоится без моего участия. Если я выступлю с речью после главнокомандующего, может показаться, что я одобряю его прокламацию, между тем как я с ней в корне не согласен; к тому же я займу тут место, совсем для меня не подобающее. Если я выступлю по радио, то только отдельно, в другой час, а не в хвосте вереницы ораторов.

В два часа ночи ко мне явился Вьено. Он только что вернулся от Черчилля, который вызывал его для того, чтобы накричать на него, изливая свой гнев против меня. Вслед за Вьено пришел Пик. Я ему заявил, что ораторский конвейер, который пустят в ход нынче утром, обойдется и без меня. Зато я хочу иметь возможность выступить по Би-би-си вечером.

После некоторых тайных столкновений, происшедших за кулисами, Лондонское радио действительно предоставили в мое распоряжение на тех условиях, которые я поставил. Я выступил отдельно, в шесть часов вечера, и с глубоким волнением сказал французам: «Началась решительная битва... Битва во Франции, конечно, будет битвой за Францию!.. Для сынов Франции, где бы они ни были и кто бы они ни были, простой и священный долг — разить врага всеми средствами, какими они располагают. Выполняйте в точности приказы французского правительства и руководителей, коих оно уполномочило давать распоряжения. Из-за туч, набухших нашей кровью и слезами, уже проглянуло солнце нашего величия!»

Несколько дней я провел в Англии. Вести о боях приходили хорошие. Высадка удалась. Вокруг Байё было теперь предмостное укрепление. Как и предусматривалось, у побережья оборудованы искусственные порты. В операции принимают участие французские вооруженные силы — корабли, эскадрильи самолетов, особые отряды, парашютисты,— и в отношении их всех поступают превосходные донесения от Аржанльё, Валлена, Лежантийома. Леклерк и его дивизия ждут в полном порядке, хоть и с нетерпением, момента, когда им можно будет высадиться в Нормандии. У наших служб, особенно у интендантской, которой с далеких теперь дней Свободной Франции руководит интендант Менги, работы по горло; интендантство занято снабжением наших войск — в Англии еще никогда не бывало столь многочисленных французских контингентов; подготовляется также всякая помощь освобожденным территориям. И наконец, Кёниг докладывает мне о действиях наших внутренних сил, которые по его указанию или по собственному почину во многих районах вступили в бой с врагом. Они не дают покоя нескольким крупным немецким частям позади фронта. Кроме того, повсюду проводятся предусмотренные нашими планами разрушения. Правда, немцы впервые использовали против Лондона свои ФАУ-1. Но как ни тяжелы эти бомбардировки, они уже не могут изменить ход сражения.

Однако, если стратегический горизонт кажется светлым, небо дипломатии лишь медленно очищается от туч. Иден пытается их разогнать. Он взял на себя лично — вероятно, по согласованию с английским кабине-

том — переговоры о сотрудничестве во Франции, которые до сих пор вел Черчилль. 8 июня Иден в обществе Даффа Купера и Пьера Вьено пришел ко мне пообедать и побеседовать; он настаивал на том, чтобы французское правительство отказалось от своего решения, послало бы Массигли в Лондон и подписало франко-английское соглашение. «Если мы с вами договоримся,— сказал мне Иден,— американцы не смогут оставаться на какой-нибудь сепаратной позиции. Когда вы поедете в Вашингтон, я тоже туда поеду, и Рузвельту придется подписаться под тем, что мы с вами примем». Иден подкрепил свое предложение письмом, адресовав его Вьено. Но мы, французы, держались стойко. Я еще и еще раз ответил англичанам, что в Лондон я прибыл не для того, чтобы вести переговоры. Алжирское правительство, мнение которого я запросил, со мною согласно. Итак, Массигли остается на месте. Вьено отвечает Идену, что, если английский кабинет желает вступить в переговоры по поводу нашего меморандума 1943 года, он, Вьено, в качестве посла может получать и передавать необходимые сообщения.

В то же время мы не упускали случая подчеркнуть нелепость такого положения, в котором окажутся союзные армии, не имея организованной связи с французской властью и французскими должностными лицами, и мы во всеуслышание заявляли, что не признаем отпечатанных за границей денег, которые союзники собираются распространять во Франции. 10 июня я дал одному информационному агентству короткое интервью, в котором уточнил свой взгляд на положение вещей. Кроме того, я решил, что наши офицеры административной связи, за исключением нескольких информаторов, не будут сопровождать американские и английские штабы, ибо мы не намерены содействовать узурпации. Разумеется, что во враждебно настроенной части американской прессы поднялся вой. Но другая ее часть и большинство английских газет порицали упрямство Рузвельта. В этот момент единодушно и энергично выступили те люди, которые и в печати и по радио всегда поддерживали нас силою своего таланта. В Соединенных Штатах встали на нашу защиту Уолтер Липпман, Эдгар Маурер, Доротти Томпсон, Джеф Парсонс, Эрик Хаукинс, Элен Киркпатрик, Мак Уэйн, Чарльз Коллингвуд, Соня Тамара и другие; в Англии — Гарольд Никольсон, Гарольд Кинг, Бурден, Гларнер, Дерси Силли и многие другие. Все они заявили, что шутки пора бросить.

Такого же мнения держались и правительства, нашедшие убежище в Англии. Освобождение казалось уже недалеким, и они отбрасывали теперь психологию изгнанников. Всех тревожила бесцеремонность, с которой великие державы стремились хозяйничать в их странах и решать судьбу Европы в отсутствие заинтересованных правительств. Мне случалось беседовать с норвежским королем, с голландской королевой, с великой герцогиней Люксембургской и их министрами, обедать с Пьерло, Спааком, Гуттом и их коллегами из бельгийского правительства, обмениваться визитами с президентами Бенешем и Рачкевичем, и я видел, что все они довольны отказом Франции подчиниться намерениям англосаксов присвоить себе чужие права. Между 8 и 20 июня Чехословакия, Польша, Бельгия, Люксембург, Югославия и Норвегия официально признали Временное правительство Французской Республики вопреки настойчивым демаршам Америки и Англии, добивавшихся, чтобы они воздержались от признания. Только Голландия заняла выжидательную позицию, полагая, что, усту-

пив в этом вопросе желаниям Вашингтона, она получит от него более щедрую компенсацию в Индонезии.

Почти полное единодушие, проявленное в отношении нас европейскими государствами, несомненно, произвело впечатление на Америку и на Англию. Но окончательно рассеяли мрак сомнений настроения французов, проявившиеся на маленьком клочке французской земли, только что освобожденной в боях.

В самом деле, 13 июня я отправился туда, желая посетить предмостное укрепление. Я уже несколько дней был готов к выезду. Но союзники не спешили предоставить мне такую возможность. Еще накануне, когда я был на обеде в Форин офис в окружении английских министров и когда меня поздравляли с тем, что я скоро вступлю на землю своей родины, Идену было вручено за столом письмо Черчилля, в котором он снова возражал против моей поездки. Но посоветовавшись со своими коллегами, сидевшими вокруг него, и, в частности, с Клементом Эттли, Иден сообщил мне, что весь кабинет решил подтвердить распоряжения, сделанные английской стороной. Итак, славный контрминоносец «Комбатант», которым командует капитан 3-го ранга Пату, уже успевший отличиться при операциях высадки, подходит, как было предусмотрено, к Портсмуту и принимает меня на борт. Я беру с собою Вьено, д'Аржанльё, Бетуара, Палевского, Бийота, Куле, Шевинье, Курселя, Буаламбера, Тейсо. Утром 14 июня мы бросаем якоря как можно ближе к французскому берегу и наконец вступаем на сушу — на границе между коммунами Курсёль и Сент-Мер-Эглиз, пройдя среди солдат канадского полка, который высаживался в этот момент.

Командующий союзными вооруженными силами в предмостном укреплении генерал Монтгомери был предупрежден за час о нашей высадке и любезно предоставил в наше распоряжение автомобили и проводников. Тотчас явился со своим отрядом майор Шандон, французский офицер связи. Немедленно посылаю в Байё двух лиц — Франсуа Куле, которого я тут же назначил комиссаром республики на освобожденной нормандской территории, и полковника де Шевинье, возложив на него руководство этим районом военного округа. Затем я отправился в главную квартиру. Монтгомери принял меня в фургоне, где он работает под портретом Роммеля, которого победил в Эль-Аламейне, но к которому питает большое уважение. У Монтгомери, крупного английского деятеля, осторожность и строгость сочетаются с пламенной энергией и чувством юмора. Его операции идут своим чередом — согласно плану. В южном направлении уже достигли первого объекта. Теперь надо, чтобы на западе американцы овладели Шербуром, а на востоке взяли Кан; для этого требуется, сказал мне генерал Монтгомери, ввести в действие новые воинские части и бросить сюда больше боевой техники. Слушая его, я убеждался, что под его командованием наступление поведут основательно, но не спеша и без особой отваги. Выразив генералу свое доверие, я откланялся, не желая мешать ему, и направился в Байё.

Куле уже приступил там к исполнению своих обязанностей. Ведь Бурдо де Фонтеней, комиссар республики в Нормандии, не мог выбраться из Руана и выйти из подполья. Когда-то он еще сможет появиться здесь, а я считал необходимым во всяком населенном пункте, из которого бежал неприятель, немедленно учредить местные власти, находящиеся в

ведении моего правительства. При въезде в город мне встретился Куле в сопровожденнн мэра города Додемана и членов муниципального совета.

Мы проходим пешком по улицам Байё. При виде генерала де Голля жителей словно охватывает оцепенение, а затем вдруг раздаются восторженные крики, многие плачут от радости. Люди выбегают из домов, идут вслед за мною — это шествие движется в атмосфере необычайного волнения. Меня окружают дети. Женщины и улыбаются и рыдают. Мужчины протягивают мне руки. И мы ндем все вместе, потрясенные, исполненные чувства братской близости, гордясь и радуясь, что надежды нации поднимаются из черной глубины пропасти. В помещении супрефектуры, в том зале, где еще час назад внсел портрет маршала Петэна, супрефект Роша отдает себя в мое распоряжение — позднее вместо него был назначен Раймон Трибуле. Собираются все должностные лица, чтобы приветствовать меня. Первым я принимаю епископа Пико, в епархию которого входят Байё и Лнзье. А на площади уже собрался народ. Я направляюсь туда, хочу обратиться с речью. Морис Шуман возвещает о моем выступленин традиционными словамн: «Честь и родина! Говорит генерал де Голль». И тогда, впервые после четырех лет ужасных испытаний, собравшиеся на площади французы услышали главу французского правительства, который говорил, что враг есть враг, что долг французов — сражаться н что Франция тоже одержит победу. В сущности, разве это не было «национальной революцией»?

Затем я поехал в Изиньн, жестоко пострадавшее селение, где еще нзвлекали из-под обломков трупы погибшнх. Среди руин жнтелн оказали мне почетный прнем. Они собралнсь перед нскалеченным бомбами памятником жертвам первой войны. Я обратился к ним с речью. Мы были едины сердцем и над дымящимися развалинами возносили к небу нашу веру и нашу надежду. Последним я посетил рыбацкий поселок Гранкам, тоже сильно разрушенный. Дорогой я приветствовал шедшие на фронт илн возвращавшиеся оттуда союзные военные отряды, а также отряды наших внутренних снл. Некоторые нз них оказали действенную помощь при высадке. К ночн мы пришли обратно в Курсёль, затем направились к берегу и возвратились на корабль. Лишь через несколько часов мы вышли в открытое море, так как немецкие самолеты и сторожевые миноносцы напали на наши суда, бросившие якорь неподалеку друг от друга, и они получили приказ стоять на месте. Утром 15 июня мы прибылн в Портсмут, и я расстался с «Комбатантом». Накануне, в тот момент, когда мы подходили к берегам Франции, я вручил капнтану военный крест, которым наградил его славный корабль. Вскоре после этого контрминоносец «Комбатант» был потоплен врагом.

Доказательство получено: в метрополии, так же как и в империи, французский народ ясно показал, на кого он возлагает обязанность руководить им. 15 июня, во второй половине дня, ко мне в Карлтон-гарденс пришел Иден. Он уже знал все, что произошло в Байё, да и ннформационные агентства сообщили об этом. По мнению Идена, Рузвельт ждал только моей поездки в Вашингтон, чтобы пересмотреть свои позиции. Выразив сожаление, что французское правительство не согласилось действовать теми методами, каких Лондон советовал нам держаться, Иден предлагал теперь разработать совместно с Вьено проект соглашения, который он сам передаст в Вашингтон, причем рассчитывает, что этот проект будет

одновременно подписан французами, англичанами и американцами. Такой путь я счел приемлемым и сказал об этом Идену. Затем я написал Черчиллю, желая пролить целительный бальзам на рану, которую он сам себе нанес. Черчилль тотчас ответил мне и сообщил, как он скорбит о том, что франко-английское сотрудничество невозможно сейчас установить на иной, лучшей основе, а между тем и во времена благоденствия Франции и в черную ее годину он доказал свою искреннюю дружбу к ней. Он полагает, что мое пребывание в Лондоне даст возможность достигнуть соглашения. «Теперь остается только надеяться, что это была еще не последняя возможность». Свое письмо премьер-министр закончил пожеланием, чтобы мои будущие встречи с президентом Рузвельтом позволили Франции установить с Соединенными Штатами «добрые отношения, которые составляют наше наследие». Черчилль заверял, что сам поможет нам в этом деле. 16 июня вечером я вылетел в Алжир и на следующий день прибыл туда.

Тотчас же мне во всех подробностях доложили о счастливых событиях, происшедших в Италии. В тот самый день, когда я отправился в Лондон, наступавшие союзные войска одержали крупную победу. В частности, наш экспедиционный корпус, прорвав под Карильяно укрепленные позиции противника, открыл дорогу на Рим. Французы, американцы и англичане вступили в город 5 июня. Военные успехи союзников оказали свое действие: король Виктор Эммануил передал власть сыну; Бадольо подал в отставку. Бономи сформировал в Салерно новый кабинет. Желая увидеть наши победоносные войска и определить на месте значение этих перемен, я 27 июня выехал в Италию.

Прежде всего — остановка в Неаполе; Кув де Мюрвиль представил мне Прунаса, генерального секретаря итальянского министерства иностранных дел. Этот высокий чиновник передал мне привет от своего правительства, по-прежнему находившегося в Салерно. Я попросил его сообщить Бономи о моем желании установить с ним отношения через посредство Кув де Мюрвиля; председатель совета министров ответил мне письмом, в котором сообщал, что с удовлетворением принимает мое предложение. Затем я инспектировал наши фронтовые войска, беседовал с Жюэном, Вильсоном, Александером и Кларком. Наконец выехал в Рим, остановился там во дворце Фарнезе — в знак того, что Франция вновь вступает во владение прежней своей резиденцией.

30 июня — посещение папы. Святейший престол по извечной своей осторожности до сего времени держался чрезвычайно сдержанно в отношении Сражающейся Франции, а затем — алжирского правительства. Монсеньор Валерио Валери, который в 1940 году был папским нунцием в Париже, исполнял те же обязанности и в Виши, у Петэна; а в Ватикане представителем Петэна состоял Леон Берар. И все же мы не переставали оповещать главу апостольской церкви о наших целях и чувствах и, кстати сказать, находили в его окружении действенную симпатию к нам — в частности, со стороны достойного кардинала Тиссерана. Мы знали, что для папы были желательны разгром Гитлера и крушение его системы, и мы стремились при первой же возможности установить отношения с ним. 4 июня, когда в Риме еще шел бой, майор де Панафье и лейтенант Вуазар доставили кардиналу Тиссерану письмо, написанное генералом де Голлем папе Пию XII. 15 июня папа ответил мне. И вот 30 июня я отправился на аудиенцию, которую он соблаговолил назначить мне.

В Ватикане меня прежде всего принял государственный секретарь кардинал Мальоне; тяжело больной, уже обреченный, он пожелал встать с постели, чтобы побеседовать со мной. Из века в век Рим с величавым спокойствием, но с неослабным вниманием взирает на поток людей и событий у подножия его стен; ныне церковь, бесстрашная и сострадательная, а кроме того, весьма осведомленная, наблюдает за приливом и отливом военных событий. Монсеньор Мальоне был уверен, что союзники победят, и его интересовали главным образом последствия войны. В отношении Франции он рассчитывал на исчезновение Виши и заявил, что фактически уже видит в моем лице главу французского правительства. Он надеялся, что смена режима произойдет без серьезных потрясений, особенно для французской церкви. Я указал кардиналу, что это соответствует намерениям правительства республики, хотя некоторые круги французского духовенства заняли в отношении его такую позицию, что завтра ему нелегко будет договориться с ними. Когда речь зашла о будущем Европы после поражения рейха и возвышения Советов, я сказал, что условием для нового европейского равновесия считаю восстановление внутреннего и внешнего положения Франции. Я прошу Ватикан помочь ей в этом своим огромным влиянием.

Святейший отец принял меня. Встретил он меня благосклонно, говорил очень просто, но за этой простотой чувствуется поразительная сила мышления и отзывчивость. Пий XII обо всем судит с точки зрения, которая возносит его над людьми, их делами и распрями. Но он понимает, как дорого обходятся им эти раздоры, и разделяет их страдания. Чувствуется, что сверхъестественное бремя, которое возложено лишь на него одного в целом мире, тяготит его душу, но он неутомимо несет это бремя, твердо уверен в благих целях своей миссии и знает путь к их достижению. Из своих источников информации он знает решительно все о той драме, которая потрясает мир, и много размышляет о ней. Его проницательная мысль сосредоточивается на возможных последствиях войны, когда в значительной части земного шара столкнутся волны двух идеологий — коммунизма и национализма. Его вдохновенный взгляд открывал ему, что только вера, надежда и христианское милосердие могут преодолеть эту бурю, даже если их надолго затопят грозные валы. По его убеждению, все зависит от политики церкви, от ее действий, от языка, которым она говорит, от того, как ею руководят. Вот почему пастырь католической церкви руководство этой областью деятельности оставляет за собой лично и проявляет в ней ценные качества, которыми наделил его бог: твердую волю, светлый ум и красноречие. Благочестивый, сострадательный и благоразумный в самом высоком смысле этого слова — вот каким предстал передо мною этот епископ и государь, внушавший мне глубокое уважение.

Мы говорили о народах, принадлежащих к католической церкви. Папа полагает, что католицизму во Франции на первых порах угрожают только ее собственные неурядицы. Он считает вполне возможным, что, несмотря на все испытания, пережитые нашей страной, она все же опять будет играть большую роль в мире, где растоптано столько моральных ценностей, но ей также грозит опасность вновь стать ареной раздоров, слишком часто подрывавших ее силы. Больше всего он сейчас беспокоился о Германии, которая по многим причинам была ему очень дорога. «Несчастный народ! — твердил он,— сколько ему придется перестрадать!»

Он предвидел долгую смуту в Италии, но это не внушало ему особой тревоги. Может быть, он думал, что после разгрома фашизма и падения монархии католическая церковь, пользующаяся большим моральным авторитетом в этой стране, окажется в ней единственной силой, которая обеспечит порядок и единство; такая перспектива ему, по-видимому, приятна, и он охотно говорит о ней. Слушая его суждения о будущем, я думал о том, что мне недавно рассказывали очевидцы: вчера днем, едва только кончился бой, огромная толпа в единодушном порыве хлынула на площадь Святого Петра и бурно приветствовала папу, словно он был спасенным от врагов, повелителем Рима и опорой Италии. Но святейшего отца тревожило наступление Советов, войска которых уже находятся на польской земле, а завтра займут всю Центральную Европу. В беседе он упомянул о том, что происходит в Галиции, где в тылу Красной Армии начались преследования верующих и священников. Он полагал, что христианству предстоит перенести жестокие испытания. Поставить преграду опасности, по его мнению, может только тесный союз европейских государств, вдохновляемых католицизмом: Германии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и Португалии. Я догадывался, что создание такого союза — великий план папы Пия XII. Беседа наша кончилась. Он дал мне благословение.

Я удалился. <...>

Единство французов стало уже столь очевидным, так бросалось в глаза, что не замечать этого было невозможно, так же как невозможно не видеть на небе солнца в ясный день. Пришлось и президенту Соединенных Штатов признать его. Для того чтобы этот поворот можно было приписать новым событиям, он с усиленной настойчивостью приглашал меня к себе в Вашингтон. Когда я был в Лондоне, опять появился адмирал Фенар. Рузвельт поручил ему сообщить мне даты, которые он считал удобными для моей поездки. 11 июня нанес мне в Карлтон-гарденс визит начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит, которого послали ко мне его шеф, еще не возвратившийся из Нормандии, и генерал Маршалл, как раз находившийся тогда в Лондоне. Беделл Смит буквально упрашивал меня согласиться на встречу с президентом, так как военному командованию необходимо поскорее узнать, какие решения приняты в вопросе об административном сотрудничестве во Франции. В Алжире такую же настойчивость проявил Селдон Чейпин, временно замещавший посла Вильсона. И наконец, мне было известно, что наступление союзников на французской территории развернется в августе. Если имелась возможность прийти к какому-нибудь практическому соглашению, то нельзя было терять времени.

Серьезно обсудив этот вопрос с правительством, я решил поехать в Вашингтон. Но точно так же, как это было сделано при моей поездке в Лондон, когда я желал показать, что мы не собираемся ничего просить или вести какие-нибудь переговоры, никто из министров меня не сопровождал. Целью собеседований генерала де Голля и президента Рузвельта будет лишь взаимная информация по мировым проблемам, касающимся обеих сторон. Кроме того, моя поездка в Соединенные Штаты в решающий период войны может быть истолкована как знак признательности Франции за помощь Америки и как доказательство неугасавшей дружбы между французским народом и народом этой союзной страны. Если в результате наших бесед в Белом доме правительство Америки решит начать переговоры

с французским правительством о взаимоотношениях между союзными войсками и нашей администрацией, пусть оно поведет их так же, как и английское правительство,— через обычные дипломатические каналы. На этой основе государственный департамент и наш посол совместно выработали программу моего пребывания в Соединенных Штатах. Было решено, что в Вашингтоне я буду во всех отношениях гостем президента и правительства Соединенных Штатов,— этого окажется достаточно для опровержения сенсационных сообщений и статей, которые уже старались изобразить дело так, будто я еду в Америку не в качестве приглашенного, а в качестве просителя. С другой стороны, и Канада тоже звала меня к себе, и притом так радушно, что я поручил нашему делегату в Оттаве Габриэлю Бонно обсудить с правительством Маккензи Кинга детали моей поездки в эту дорогую нам и мужественную страну.

Совершив перелет на самолете, который любезно прислал за мною президент Соединенных Штатов, я в сопровождении Чейпина 6 июля, во второй половине дня, прибыл в Вашингтон. Меня сопровождали Бетуар, Палевский, Ранкур, Парис, Бобе и Тейсо. На пороге Белого дома меня встретил, приветливо улыбаясь, Франклин Рузвельт. Рядом с ним был Корделл Хэлл. После чая мы с президентом долго беседовали с глазу на глаз. Такие же беседы мы имели с ним и в последующие два дня. Меня поместили в Блейр-хауз, старинное, любопытное здание, которое американское правительство обычно отводит для своих гостей. Завтрак в Белом доме, происходивший в торжественной, но сердечной обстановке, обед у государственного секретаря, обед у военного министра, прием, который я устроил в нашем посольстве — во временной его резиденции, так как здание, в котором помещалось и будет в дальнейшем помещаться французское посольство, для нас еще закрыто,— все эти празднества служили поводом для встреч и бесед с политическими и военными руководителями, соратниками президента.

Вот его ближайшие помощники: Корделл Хэлл, который выполняет свою трудную задачу с большой добросовестностью и душевным благородством; вероятно, его несколько стесняет недостаточное его знакомство с зарубежными странами и вмешательство президента в область его деятельности; Паттерсон и Форрестол, которые на своих министерских постах усвоили психологию хозяев огромных промышленных предприятий — ведь их департаменты (у первого — сухопутная армия и авиация, а у второго — военно-морской флот) за три года чудовищно разрослись и поглощают большую часть ресурсов, дарований и честолюбивых стремлений Америки; Моргентау — большой наш друг и сторонник, ведающий неисчерпаемой государственной казной, которой, однако, этот щепетильный казначей управляет со строжайшей пунктуальностью; генерал Маршалл, неразговорчивый собеседник, но смелый организатор, осуществивший стратегический план, имеющий мировое значение; адмирал Кинг, человек пламенной энергии и воображения; он откровенно гордится тем, что скипетр владыки океанов переходит теперь в руки американского флота; генерал Арнольд, который силой методичности сумел из скопища самолетов, спешно задуманных, сконструированных, опробованных, и из летного состава, быстро навербованного, обученного и пущенного в дело, создать внушительную силу, какою стала военная авиация Соединенных Штатов; адмирал Леги, который, по-видимому, был изумлен ходом событий, дивился

моему появлению в Вашингтоне, но примирился с ним; Коннелли и Сол Блум — председатели двух комитетов по иностранным делам (первый — сенатского комитета, а второй — комитета палаты представителей), жаждущие быть во всем осведомленными. Этот штаб представляет собою крепко спаянный отряд, который в силу характера каждого из его членов и яркой личности Рузвельта не приписывает себе блестящих талантов, но, без всякого сомнения, стоит на высоте своих обязанностей.

Конечно, я не преминул посетить могилу Неизвестного солдата в чудесном парке Арлингтон. Я навестил генерала Першинга, который с величавым душевным спокойствием доживает последние свои дни в военном госпитале. Чтобы воздать честь памяти Джорджа Вашингтона, я совершил паломничество в Маунт-Вернон. В Блейр-хаузе я принимал многих видных деятелей, и прежде всего Генри Уоллеса, вице-президента Соединенных Штатов, который мечтает о социальной справедливости и хотел бы, чтобы победу мы одержали ради простого человека, и Падилья, министра иностранных дел Мексики, который находился тогда в Вашингтоне. В резиденции наших миссий я встретился с французским дипломатическим персоналом, которым руководил Анри Оппено; затем генерал де Сен-Дидье, адмирал Фенар и полковник Люге представили мне наших офицеров. Перед отъездом из Вашингтона я выступил на пресс-конференции, беседовал со многими из журналистов, собравшихся послушать и расспросить меня. В течение пяти дней, проведенных в столице Соединенных Штатов, я с радостью видел, как растет волна доверия к нам, захватывая цвет американского общества, и я сделал вывод, что оптимизм — хорошее средство завоевать сердца, надо только обладать им.

Президент Рузвельт, несомненно, им обладает. В наших беседах он старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которых он надеется достигнуть благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции. Изоляционизм Соединенных Штатов Америки президент считает большой ошибкой, отошедшей теперь в прошлое. Но он бросается из одной крайности в другую и хотел бы установить систему постоянного вмешательства посредством международных законов. Он полагает, что четырехчленная директория — Америка, Советская Россия, Китай и Англия — урегулирует проблемы всего мира. Парламент Объединенных Наций придаст власти «большой четверки» демократический вид. Но для того, чтобы не отдавать в распоряжение трех из этих держав почти весь шар земной, эта организация, по его мнению, должна будет потребовать, чтобы в различных странах мира были устроены базы американских вооруженных сил, причем некоторые из них необходимо расположить и на французской территории.

Рузвельт рассчитывал вовлечь таким образом Советскую Россию в объединение, которое будет сдерживать ее честолюбивые стремления и в рамках которого Америка может собрать свою клиентуру. Он знает, что из четырех великих держав чанкайшистскому Китаю необходимо его содействие, а Англия из опасения лишиться доминионов должна согласиться с его политикой. Что же касается сонма средних и малых государств, Америка будет иметь возможность воздействовать на них путем оказания им материальной помощи. Наконец, право народов располагать своей судьбой, поддержка, оказанная Вашингтоном, наличие американских баз породят

в Африке, в Азии, в Меланезии новые суверенные государства, которые увеличат собою число стран, обязанных Соединенным Штатам. В свете подобных перспектив даже важные вопросы, касающиеся Европы,— а именно участь Германии, судьба привисленских, придунайских и балканских стран, будущее Италии — кажутся ему второстепенными. Ради счастливого их разрешения Рузвельт не согласится пожертвовать гигантскими замыслами, которые он мечтает осуществить.

Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: «Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу». Президент, впрочем, вовсе не излагает свои мысли, как профессор, развивающий определенные положения, или как политик, разжигающий страсти и корыстные интересы. Он рисует легкими, тонкими штрихами, рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому соблазнителю. Однако я отвечаю ему, что, по моему разумению, такой план может угрожать Западу большими опасностями.

Рузвельт считает Западную Европу величиной второстепенной, а разве этим он не подрывает то дело, которому хочет служить, дело цивилизации? Неужели для того, чтобы привлечь на свою сторону Советы, необходимо будет в ущерб польским, прибалтийским, дунайским, балканским странам дать Советской России преимущества, угрожающие общему равновесию? Кто поручится, что Китай, пройдя через тяжелые испытания, в которых выковывается его национализм, останется таким, каков он есть сейчас? Я первый говорю и думаю, что державы, владеющие колониями, должны отказаться от прямого управления ими и устанавливать там режим ассоциации, но разве не является истиной, что освободительное движение нельзя направлять против этих держав, иначе оно вызовет в неорганизованных массах ненависть к иностранцам и анархию, опасную для всего мира.

«Нужно возродить Запад,— сказал я президенту Рузвельту.— Если он оправится, весь остальной мир волей-неволей возьмет его за образец. И Западная Европа, несмотря на существующие в ней раздоры, чрезвычайно важна для Запада. Что в нем заменит доблесть, силу, сияние культуры древних народов? Это прежде всего верно в отношении Франции, а ведь из всех великих европейских наций одна она была, есть и всегда будет вашей союзницей. Я знаю, что вы готовитесь оказать ей материальную помощь, драгоценную для нее. Но ей надо также, чтобы восстановилась ее сила в сфере политики, вернулась ее вера в себя, а следовательно, и ее роль. Как же это возможно, если ее держат вне великих, мировых решений, если она потеряет свои африканские и азиатские владения, если война будет завершена таким образом, что внушит ей психологию побежденных?»

Рузвельту, с его глубоким умом, понятны эти соображения. К тому же он питает к Франции, о которой в свое время составил себе представление, поистине нежную любовь. Но именно из-за этой сердечной склонности у него в глубине души таится разочарование и гнев на то, что поражение Франции не так уж сильно потрясло многих французов — в частности, тех, с кем он был знаком лично. Он сказал мне об этом очень просто. Что касается будущего Франции, он мало верит разговорам об обновлении нашего режима. Он с горечью описывал мне, какое тяжелое чувство вызывала у него картина политического развала, которую он наблюдал в нашей стране. «Знаете, я иной раз не мог вспомнить имени того или иного эпизодического главы французского правительства,— сказал мне президент Соединенных

Штатов.— Вот теперь вы у нас в гостях, и вы видите, как приветливо вас встречает моя страна. Но усидите ли вы на своем месте, когда трагедия завершится?»

Было бы легко, но и бесполезно напоминать Рузвельту, что сознательная обособленность Америки сыграла немалую роль в нашем упадке духа после первой мировой войны, а затем и в превратностях судеб нашей страны в начале второй мировой войны. Я мог бы также указать ему, что его позиция в отношении генерала де Голля и Сражающейся Франции очень способствовала настроениям аттантизма, которых придерживается значительная часть нашей элиты, и эта позиция Рузвельта заранее благоприятствует возврату французской нации к тому самому сумбуру в политике, который он справедливо осуждает.

Слушая американского президента, я окончательно убедился, что в деловых отношениях между двумя государствами логика и чувство значат очень мало в сравнении с реальной силой, что здесь ценится тот, кто может схватить и удержать захваченное; и если Франция хочет занять прежнее свое место, она должна рассчитывать только на самое себя. Я поделился своей мыслью с Рузвельтом. Он улыбнулся и в заключение нашего разговора заметил: «Мы сделаем все, что сможем. Но кто же лучше самого французского народа может служить Франции? В этом уж никто его заменить не в состоянии».

Беседы наши кончились. Они происходили в кабинете Рузвельта, около стола, загроможденного множеством диковинных вещей: сувенирами, значками, фетишами, которые приносят счастье. Я прощаюсь и ухожу. Президент, которого везут в кресле, немного провожает меня. На галерее открыта дверь. «Вон там мой бассейн. Я в нем плаваю»,— говорит Рузвельт, словно бросая вызов своему недугу. Перед отъездом из Вашингтона я попросил передать ему маленькую подводную лодку, чудо механики, которое создали в арсенале Бизерты. Он тепло поблагодарил меня в коротком письме и прислал мне свою фотографию: «Генералу де Голлю, моему другу».

Позднее, однако, некий аноним направил мне фотокопию письма, которое Рузвельт написал через неделю после моего отъезда члену конгресса Джозефу Кларку Болдуину. Президент туманно упоминает в своем письме о каких-то неведомых мне переговорах Америки, касающихся французского предприятия «Трансатлантическая генеральная компания», и предупреждает адресата, что я об этом ничего не должен знать: пусть будут осторожны, ведь если де Голль окажется в курсе дела, то непременно отстранит директора компании. В этом письме Рузвельт дает также оценку моей особе и нашим с ним беседам. «Я и де Голль,— пишет он,— лишь в общих чертах рассмотрели современные темы. Однако более подробно мы коснулись будущего Франции, ее колоний, обеспечения мира и т. п. Когда речь идет о проблемах будущего, он кажется весьма «сговорчивым», лишь бы с Францией обращались как с мировой величиной. Он очень чувствителен ко всему, что касается престижа Франции, но я думаю, что он просто эгоистичен». Мне так и не придется узнать, считал ли Франклин Рузвельт, что в делах, касающихся Франции, Шарль де Голль был эгоистичен в интересах Франции или в собственных своих интересах.

10 июля я был проездом в Нью-Йорке, очень недолго. Чтобы не давать поводов к народным манифестациям, которые за три месяца до

президентских выборов могли показаться направленными против прежней политики президента, решено было, что мне надо поменьше показываться публике. Тем более что губернатор Нью-Йорка Дьюи тоже являлся кандидатом в президенты, соперником Рузвельта на выборах. Тем не менее мэр города Фиорелло Лагардиа, исполненный кипучих дружеских чувств к Франции, принял меня с большой помпой в городской ратуше, и возле нее было большое стечение народа. Затем мы с мэром совершили поездку по городу. Я возложил лотарингский крест на памятник Лафайету. Я посетил наше генеральное консульство, которым руководит Герен де Бомон. Затем я отправился в общество «France for ever» *, объединяющее большое число французов и американцев, поддерживавших нашу борьбу; Анри Торрес выступал там с приветственным словом, в котором выражал чувства всех членов общества. В Уоллдорф-Астория собралась французская колония Нью-Йорка и делегаты, прибывшие из других районов. Я приехал к ним. Среди собравшихся французов многие до сих пор относились к генералу де Голлю весьма сдержанно; некоторые даже усердно критиковали его и, более того, оскорбляли. Но в этот вечер я был встречен необыкновенно тепло — как видно, все разногласия исчезли. Все доказывало, что в великом споре, предметом которого была Франция, победа решительно склонялась на ее сторону.

Мы убедились в этом и в Канаде, где людям так хотелось дать нам доказательство своего единодушия с нами. Прежде всего мы направились в город Квебек, и там я почувствовал, что меня затопляет волна гордости за французов. Но вскоре ее захлестнула волна неутешной скорби, и обе они нахлынули из далеких времен истории. Затем мы в сопровождении посла генерала Ванье направились в Оттаву. На аэродроме нас встретил премьер-министр Маккензи Кинг. Мне было приятно вновь увидеть этого достойного, сильного и простого человека, главу правительства, который отдал делу служения свободе весь свой авторитет и опыт. Канада пошла за ним, и заслуга ее тем более велика, что население страны состоит из двух народов, сосуществующих, но не смешавшихся, и тем более, что война идет далеко от Канады и ее интересы прямо тут не затронуты.

Под воздействием своего правительства страна теперь развернула мощные военные усилия. Канада выставила многочисленные контингенты, отличающиеся высокими боевыми качествами; дала большие войсковые соединения, экипажи кораблей, включенные в английский флот, эскадрильи самолетов, вошедшие в состав английских военно-воздушных сил. Значительная часть военных материалов союзников производится в Канаде. Даже лаборатории и заводы Канады привлечены к научным исследованиям и практическим опытам, которые вскоре должны были привести к изготовлению атомной бомбы. Мне сделали секретный отчет о выдающихся достижениях французских ученых Пьера Оже, Жюля Герона и Бертрана Гольдсмидта, которые с моего разрешения включились в союзные группы, посвятившие себя этой работе, достойной Апокалипсиса. Но в сравнении с тем, что происходило во время первой мировой войны, действия Канады носят на этот раз национальный характер. Для государства и для народа такая самостоятельность как бы является новой ступенью разви-

* «Франция навсегда» *(англ.)*.

тия, что вызывает чувство гордости у министров, депутатов парламента, чиновников и всех граждан. Мне сказал об этом Маккензи Кинг, а затем и его главный коллега Луи Сен-Лоран, причем мне было ясно сказано о намерении Канады по возможности помочь восстановлению Франции.

Во время моего пребывания в Канаде я был гостем графа Этлона, канадского генерал-губернатора, и его супруги принцессы Алисы, тетки короля Георга VI. Они принимали меня с незабываемым радушием, приглашали к себе многих видных лиц, для того чтобы представить их мне. Много часов заняли официальные беседы, аудиенции, которые я должен был давать, торжественная церемония у памятника гражданам Оттавы, погибшим в первую мировую войну, инспекционная поездка к французским летчикам, которые проходили обучение в окрестностях города, обед, устроенный в мою честь канадским правительством, пресс-конференция, речь — все-таки пришлось произнести одну — в ответ на приветствие Сен-Лорана. Я произнес эту речь перед депутатами парламента, перед министрами, высшими должностными лицами и дипломатическим корпусом. Говоря о том, какое должно иметь значение для дела мира, который уже близится, международное сотрудничество, особенно сотрудничество на Западе, я указал, что моя страна тоже хочет внести свой вклад в общую сокровищницу, и закончил свое выступление следующими словами: «Франция убеждена, что рядом с нею и вместе с нею будут все народы, верящие в нее. Она убеждена, что среди них прежде всего будет Канада».

12 июля я прибыл в Монреаль и был взволнован восторженной встречей, которую там оказали мне. После приема в городской ратуше и возложения венков у двух памятников жертвам войны — канадцам и французам — я выступил с речью перед огромной толпой, собравшейся в сквере Доминион и на прилегающих к нему улицах. Адемар Рейно, мэр города, крикнул своим согражданам: «Покажите генералу де Голлю, что Монреаль — второй французский город в мире!» Никакими словами не описать ту бурю ликования, те шумные приветствия, которые раздавались со всех сторон. Вечером самолет унес нас из Канады. 13 июля мы уже были в Алжире.

И тут я получил текст декларации, опубликованной накануне американским правительством. «Соединенные Штаты,— говорилось в ней,— признают, что Французский комитет национального освобождения имеет право осуществлять административное управление Францией». Тотчас же государственный департамент повел переговоры с Оппено и Альфаном относительно соглашения об административном сотрудничестве на освобожденной территории. Иден и Вьено со своей стороны выработали удовлетворительные условия сотрудничества. В начале августа Алжир, Вашингтон и Лондон пришли к согласию относительно редакции соглашения.

То, что было принято, удивительно походило на то, что мы предлагали год назад. Временное правительство Французской Республики — в соглашении было употреблено именно это наименование. Без всяких оговорок указывалось, что только оно одно является государственной властью, что лишь оно одно создает необходимые органы для связи с союзными войсками, что лишь оно одно может предоставлять в распоряжение военного командования службы, которые командование затребует; что во Франции лишь оно одно имеет право выпускать деньги и снабжать ими в обмен на фунты стерлингов и доллары американские и английские войска, находящиеся на французской территории.

Пусть развертывается великая битва за Францию! Пусть союзные армии бок о бок с нашей армией и при содействии наших внутренних сил двинутся из Нормандии на Париж и пойдут по долине Роны, вверх по течению реки! Пусть от Северного до Средиземного моря, от Атлантического океана до Рейна будет освобождена нация, которую за полторы тысячи лет никакие бури, даже та, что бушует ныне, не могли лишить суверенитета и вырвать из ее рук последнее оружие. Мы возвратим Франции независимость, империю и шпагу.

Сражение

Как коротка была шпага Франции в тот момент, когда союзники ринулись на штурм Европы! Еще никогда наша страна при столь серьезных обстоятельствах не располагала такими ограниченными вооруженными силами. Людей, боровшихся теперь за освобождение родины, охватывала грусть, когда они вспоминали о былой силе Франции. Но еще никогда ее армия не обладала такими высокими качествами. Возрождение ее было тем более замечательно, что она поднялась из бездны унижения.

За четырнадцать веков военная мощь стала второй натурой Франции. Хотя наша страна не раз пренебрегала заботами о своей обороне, не ценила своих солдат, проигрывала сражения, тем не менее она во все времена представала как страна, способная на величайшие ратные дела. Превратности ее судьбы в современную эпоху правила этого не изменили. Как ни были мы ослаблены после наполеоновской эпопеи, каким ни было для нас жестоким ударом поражение 1870 года, мы сохранили психологию и способность к действию, свойственные сильным народам. В 1918 году победа была главным образом делом наших рук, мы пришли к ней сами и вели за собою других. И, разумеется, мы полагали, что наша армия на голову выше всех армий на свете, наш флот один из лучших, наша авиация превосходна, наши генералы самые даровитые.

Неудивительно, что катастрофа 1940 года и последовавшее за нею унижение многим показались чудовищным, непоправимым бедствием. Вдруг рухнуло то представление, которое французы имели о самих себе, и исторически сложившееся мнение о них всего мира. И если бы Франция не восстановила свою боеспособность, для нее не было бы никакой возможности восстановить свое достоинство ни в своих собственных глазах, ни в глазах других. И ничто так не помогло ей возродить свое единство и свой престиж, как тот поразительный факт, что она сумела найти в едва собранных под ее властью заморских территориях и в угнетенной метрополии достаточно веры в нее и достаточно воинской доблести, чтобы вновь выковать армию, которая сражалась очень хорошо — честное слово! После Седана и Дюнкерка, капитуляции в Ретонде и капитуляции Виши в Турине, после полной готовности Виши примириться с военным поражением, после порабощения государства — какой поразительный поворот: наши вооруженные силы приняли серьезное участие в завоевании победы, дрались блестяще в то время, когда враг захватил почти всю нашу страну, держал в плену 2 млн французов, когда «законное» правительство с особенным усердием карало борцов за свободу родины.

В Африке имелось достаточно мужчин призывного возраста, так что нам как будто и нетрудно было набрать контингент для формирования действующей армии. Однако возможности наши оказались тут ограниченными. Мы могли взять из коренного населения Алжира, Марокко, Туниса, Черной Африки, Мадагаскара сколько угодно солдат, но число офицеров постоянного состава или резервистов было, наоборот, весьма ограниченно. В основном только французы по происхождению составляли эти категории, необходимые для формирования крупных воинских частей. Однако французов в этих владениях насчитывалось всего лишь 1200 тыс. душ. Правда, мобилизовав все призывные годы, вплоть до 1918 года, мы получили 116 тыс. человек. Это было не мало, если учесть, что многие французы (и притом самые лучшие элементы) были необходимы в областях административной, экономической, поддержания общественного порядка и что много солдат с 1940 года находились в немецком плену. Правда, Свободная Франция привела 15 тыс. молодых французов; Корсика дала 13 тыс. солдат; 12 тыс. юношей бежали из Франции через Испанию и пробрались к нам; 6 тыс. женщин и девушек вступили в различные наши службы. Правда, призывники спешили встать в ряды армии. И несмотря на все это, для набора командного состава и специалистов мы нуждались в людских ресурсах.

Надо добавить, что американцы, снабжавшие нас оружием, снаряжением и обмундированием, ставили условием, чтобы мы приняли их собственные правила организации армии. В отношении контингентов у них полагалось щедро выделять людей для всякого рода служб и иметь многочисленные летучие отряды для восполнения потерь. По их правилам действия боевых частей должны опираться на богато оснащенные тылы. Они соглашались вооружить французские дивизии лишь после проверки, которая должна была показать, что боевым частям приданы соответствующие службы тыла, укомплектованные многочисленным и квалифицированным людским составом. А наши войска в Африке, привыкшие жить в трудных условиях, считали расточительством выделять столько народу в парки, склады, обозы и мастерские. Из-за этого происходили частые и иной раз неприятные споры между главным штабом союзников и нашим штабом, и все-таки французам приходилось с болью в сердце раздроблять прекрасные полки, чтобы сформировать из них вспомогательные подразделения.

Генерал Жиро первый не желал с этим примириться. Услышав на конференции в Анфе, как Рузвельт обещает, что Соединенные Штаты дадут снаряжение для любого количества воинских частей, которое нам удастся сформировать, он понадеялся, что будет иметь возможность обмундировать и снарядить 14 французских дивизий, и собрался выделить немногочисленные службы тыла. И как же он был огорчен, как возмущался, когда иностранные контролеры, прежде чем распределить долгожданные военные материалы, потребовали, чтобы полностью были укомплектованы вспомогательные службы и, значит, соответственно уменьшены строевые части. А кроме того, нам необходимо было держать на наших африканских территориях хотя бы минимальное количество войск, охраняющих наш суверенитет. И наконец, две бригады мы зарезервировали для отправки их при первой возможности в Индокитай. Охранные войска и две эти бригады были оснащены французским оружием, и структура их от американской схемы не зависела. Но они поглощали наши кадры, и тем самым уменьшались ресурсы действующей армии.

Что касается меня, то я хоть и чувствовал, как тяжелы требования американцев, ставивших условием для снабжения нас военными материалами подчинение их схемам, но все же я считал, что кампания в Европе, которая предстоит в скором времени, действительно потребует очень крепких вспомогательных войск. Кроме того, я хотел положить конец перебоям в поставке оружия. Став единственным главой правительства, я урегулировал вопрос. На основании сведений о наличном контингенте наших воинских частей, данных об их составе и учитывая условия, на которых союзники согласились снабжать нас оружием и снаряжением, я декретом от 7 января 1944 года установил следующий состав сухопутных войск, предназначенных для битвы во Франции: командование армией; командование трех армейских корпусов; шесть пехотных дивизий; четыре бронетанковые дивизии с необходимыми службами и пополнениями. Из предусмотренных этой программой войск одну пехотную дивизию и одну бронетанковую мы не могли полностью сформировать в нужный срок. Зато крупным нашим частям нам удалось придать три марокканские группы, два полка парашютистов и десантные команды. Огромную работу провел главный штаб под руководством генерала Лейера, чтобы при всех нехватках и перебоях создать образцовые воинские части, которые Франция смогла ввести в бой в Италии, а затем перевезла их в метрополию, чтобы бросить против Германии и Австрии.

Наш флот проявил не меньше энергии. Он был поглощен техникой, которая является жизнью и страстью моряков, это отвлекало их от мучительных мыслей о недавних бедах; постепенно флот восстанавливался и уже принимал участие в морских сражениях. Адмирал Лемонье, назначенный в июле 1943 года начальником главного штаба, проявил в этой реорганизации свои большие способности и — при всей своей дипломатической деликатности — упорную волю. 14 октября 1943 года Комитет национальной обороны утвердил план вооружения, предложенный Лемонье. Планом предусматривалось, что к весне следующего года будут приведены в состояние боевой готовности следующие корабли: 2 линкора — «Ришелье» и «Лоррэн»; 9 крейсеров — «Глуар», «Жорж Лейг», «Монкальм», «Эмиль Бертен», «Жанна д'Арк», «Дюгей-Труэн», «Дюкен», «Сюффрен», «Турвиль»; 4 легких крейсера — «Фантаск», «Мален», «Террибль», «Триомфан»; 3 вспомогательных крейсера — «Кап де пальм», «Керси», «Барфлер»; 2 авиаматки — «Беарн», «Диксмюд»; 14 миноносцев; 18 подводных лодок; 80 малых судов: конвойные, нефтеналивные, сторожевые, тральщики, охотники за подводными лодками.

По плану требовалось оснастить корабли новейшими орудиями и произвести необходимый ремонт, который, однако, полуразрушенный Бизертский арсенал и арсенал в Касабланке с его ограниченными возможностями и Дакарский арсенал, еще находившийся в зачаточном состоянии, не могли полностью осуществить; но союзнические базы в Бруклине и на Бермудских островах любезно взяли его на себя. И таким образом программа могла быть выполнена. Предусмотренное число кораблей было даже превышено: нам возвратили некогда захваченные итальянцами миноносцы «Тигр» и «Тромб», подводную лодку «Бронзо», получившую прежнее наименование «Нарвал»; четыре фрегата нам уступили англичане; шесть конвойных миноносцев дали американцы, и первый из них — «Сенегалэ» — был торжественно передан нашему флоту президентом Рузвельтом. Было также сфор-

мироваио шесть эскадрилий гидроплаиов, состоящих из «сундерлаидов» и «веллиигтонов», и французские самолеты вновь появились в Атлантике. Наконец, флот дал для участия в боях два броиетанковых полка, одии дивизион тяжелой полевой артиллерии, десаитные отряды; а двадцать две береговые батареи и семь зеиитиых батарей, обслуживаемых моряками, помогали обороие африкаиских и корсикаиских портов.

Согласно плану, предложенному генералом Буска и утвержденному 22 октября Комитетом иациоиальной обороны, иаша авиация должна была в 1944 году состоять из тридцати авиагрупп: семь авиагрупп (четыре истребительных и три бомбардировочных) имели свои базы в Англии; 21 авиагруппа действовала в районе Средиземиого моря, в том числе восемь истребительных групп, четыре бомбардировочиых, шесть групп для береговой обороны, одна разведывательиая группа и две группы транспортной авиации; две истребительные авиагруппы сражались в России. В Алжире, Марокко и Тунисе фраицузских самолетов, в сущности, не осталось после боев с американцами, и вот вчерашние противники великодушно обязались поставить самолеты нашим эскадрильям, базировавшимся в Севериой Африке; англичане и русские оснастили техникой иаши авиагруппы, иаходившиеся иа их территориях. Буска со свойствеиной ему методичиостью и авторитетностью осуществлял командоваиие фраицузской авиацией, сразу же получившей новые самолеты и иемедлеиио включеииой в союзные военно-воздушные силы, правила и приемы которых им еще надо было усвоить; но более чем когда-либо иаши летчики рвались в бой.

В общем мы были в состоянии выставить действующую армию числеиностью 230 тыс. человек, охраиные войска для заморских территорий в количестве 150 тыс. солдат; флот водоизмещением 320 тыс. тоии (5С тыс. моряков), грузовые суда и пароходы водоизмещением 1200 тыс. тоин, причем две трети судов могли иметь французский экипаж; авиацию в количестве 500 боевых самолетов с летным и обслуживающим составом в 30 тыс. человек. Большую часть военного снаряжеиия нам должиы были предоставить союзники на осиове соглашений о ленд-лизе, причем в компенсацию с нашей стороны засчитывались услуги, которые мы оказывали союзникам предоставлением портов, транспорта, коммуникаций, средств связи, разного рода оборудования, рабочей силы и т. д. На моральное состояние наших армий благотворно действовало радостиое сознание, что восстаиовился самый смысл их существования, что они освобождены от прииесениой ими присяги и всяческих заклинаний, которые значительную часть солдат сковывали или сбивали с толку. Надо было видеть, с каким горячим усердием иаши сухопутные войска и морские экипажи осваивали новейшую технику, какой восторг вызывал в частях, иазначаемых иа фроит, приказ о выступлении. За этот период я проинспектировал каждый полк, каждый корабль, каждую эскадрилью самолетов. Во взгляде каждого бойца я читал гордость за свое оружие. Живуча у французов военная жилка!

Это доказали и маќи. До конца 1942 года отрядов маќи иасчитывалось немного и действия их были не особенно эффективны. Но затем возросла надежда, а с нею увеличилось число тех, кто хотел сражаться. Кроме того, обязательная «трудовая повинность», с помощью которой за иесколько месяцев мобилизовали полмиллиона юношей, главным образом рабочих, для использования в Германии, а также роспуск «армии перемирия» побудили многих несогласных уйти в подполье. Увеличилось количество более или

менее значительных групп Сопротивления, и они повели партизанскую войну, которая играла первостепенную роль в изматывании неприятеля, а позднее и в развернувшейся битве за Францию.

Условия, в которых эти автономные отряды формировались, жили и сражались, разумеется, были очень разнообразны и зависели от характера местности, где они оперировали, и от имевшегося у них оружия. И тогда естественные барьеры Франции вновь получили то важное значение, какое они имели, когда кельты, а затем галлы и вслед за ними франки повсеместно в больших и малых боях защищали свою страну от захватчиков — германцев, римлян, сарацин. Центральный массив, Альпы, Пиренеи, Юра, Вогезы, Арденнские леса, внутренние районы Бретани больше всего привлекали отряды партизан. Кстати сказать, именно там самолеты союзников находили наиболее удобные места, куда они могли доставлять агентов разведки или сбрасывать на парашютах людей и контейнеры. В стороне от морских берегов, от больших центров, от главных коммуникаций оккупанты стояли не так плотно и полицейский надзор был менее строг. Старые, изрытые ущельями лесистые горы Оверни, Лимузена, Севен и Ланмезана; высокие плато альпийских кряжей в Савойе и в Дофине; уединенные уголки в лесных чащах и среди уступов вогезско-юрско-лангрско-морванской возвышенности; крутые склоны французских и бельгийских Арденн; ланды, густые заросли, овраги и берега озер служили партизанам убежищем во время долгих дней выжидания, плацдармом для нападения на врага и тыловыми позициями для отхода после схватки. Кто же это говорил о «кроткой Франции»?

В маки́ объединялось обычно по нескольку десятков человек — максимальное количество людей, которое могло группироваться в одном месте, учитывая размеры тайников и трудности снабжения. Пробраться в них можно было только с помощью запутанной «веревочки», ибо в защиту их принималось множество предосторожностей. Если человек вступал в отряд, то уже бесповоротно. Жить приходилось в землянках, в шалашах, в пещерах, иной раз в каком-нибудь сарае, в разрушенной ферме, в лесной сторожке. Надо было переносить тяжелые лишения — голод, холод, дожди, а главное — не знать ни минуты покоя, всегда держаться начеку и в любую минуту быть готовым перебраться в другое место. Насколько то было возможно, партизан предупреждала об опасности или указывала им удобные случаи для выступления своя сеть сочувствующих, которая охватывала всю округу — даже жандармские посты, даже административные учреждения. Соседние фермы и деревни снабжали маленькое войско съестными припасами. Дети, девушки, старики служили отряду связными и ординарцами, не привлекавшими внимание врага. Угрюмо, молчаливо французское крестьянство помогало этим храбрым парням. Захватчики мстили расстрелами гражданского населения, хватая тех, кого они подозревали в «сообщничестве» с партизанами, угоняли в Германию местных деятелей, сжигали целые деревни.

Устроить засаду у дороги, по которой проходит немецкий обоз, пустить под откос поезд, который везет немецких солдат или военные материалы, напасть на зазевавшийся патруль или на плохо охраняемый пост, поджечь машины, собранные в автомобильном парке врага, взорвать цистерну с бензином или склад снарядов — таковы были диверсии, которыми в основном занимались партизаны до того дня, когда высадка во Францию

союзных войск открыла им более широкое поле деятельности. Если отряд принимал решение сделать вылазку, ее надо было тщательно подготовить, поскольку людей и оружия имелось мало, операцию следовало провести быстро, так как ее успех зависел от внезапности нападения, а лишь только она завершена, нужно было немедленно отойти и скрыться, ибо тотчас же враг посылал целые полчища и они устраивали заграждения на дорогах, «прочесывали» окрестности. Укрывшись от карателей, партизаны, еще не передохнув, подводили итог операции. Как они торжествовали, когда под их пулями падали солдаты вермахта, когда пылали немецкие грузовики, опрокидывались вагоны, когда на их глазах охваченные паникой немцы обращались в бегство, бросая оружие, и оно доставалось партизанам. Но, увы, как часто неприятель окружал партизанский отряд! Тогда шел бой не на жизнь, а на смерть. Уцелевших французов, если им не удавалось скрыться, убивали на месте или же, устроив комедию суда, расстреливали тут же у дороги. Одни умирали стоя, другие — простершись на земле, если раны не давали им встать, но все казнимые смотрели немецким убийцам в лицо, и у каждого последний возглас был: «Да здравствует Франция!» Позднее могильная плита, поставленная на месте казни, будет напоминать о том, что они умерли здесь. Лотарингский крест, вырезанный на камне, скажет, почему и как они умерли.

Но в значительной части страны условия местности таковы, что партизанскому отряду невозможно было надежно укрыться. Тогда отряд разделялся на очень маленькие группы, или же участники Сопротивления жили в подполье поодиночке. Их снабжали фальшивыми документами (ведь организация Сопротивления имела своих людей в министерствах, в префектуре, в мэриях, в комиссариатах) и пристраивали на работу — кого на рубку леса, кого в каменоломни, кого на ремонт шоссейных дорог; ночевали они в изолированных фермах или же старались затеряться в больших городах. Зачастую «прикрытие» им обеспечивали заводы, стройки, конторы; партизаны пользовались им, выжидая удобного момента для диверсии, а совершив ее, исчезали. Эти рассеянные повсюду борцы не могли действовать в широких масштабах, но зато они все больше давали о себе знать. Немцы уже не решались ходить в одиночку — их убивали; под ногами оккупантов рвались гранаты, шашки тола выводили из строя немецкие автомобили. В Париже, на севере Франции, в Лионе и в других промышленных районах мелкий саботаж на производстве стал явлением постоянным — до такой степени, что нам пришлось создать специальную службу охраны от диверсий на тех предприятиях, которые в ближайшем будущем могли понадобиться для наших армий.

Разумеется, невозможно ныне точно установить контингент всех этих элементов, никому не представлявших штатных ведомостей и списков. В начале 1943 года, когда создавалась тайная армия, мы определяли ее численность приблизительно в 40 тыс. человек; да тысяч тридцать французов и француженок входили в сеть организаций Сопротивления, объединяемых шестьюдесятью группами. Через год в партизанских отрядах было по меньшей мере 100 тыс. человек. А когда началась битва за Францию, число их превысило 200 тыс. Фактически контингенты бойцов внутренних сил находились в прямой зависимости от вооружения, которое им давали. Если случалось, что группа получала все необходимое ей оружие, в нее тотчас же вливались добровольцы. И наоборот, командиру слабо оснащенного от-

ряда прнходилось отказывать борцам, желавшим вступнть в его ряды. Конечно, снабжение организаций Сопротивления оружием было одной нз важнейших забот правительства.

В самой Франции возможности эти были очень слабы. Разумеется, в 1940 году некоторые командиры припрятали оружие. Но почти все тайные склады были обнаружены врагом или выданы ему самим Виши, и партизаны располагали лишь небольшим количеством французского оружия. Нам, правда, удавалось посылать нм оружие из Северной Афрнкн, но мало — у нас у самих его почти не было, да н базы, с которых вылетали наши самолеты, были слишком далекн от Францни. Что касается оружня, которое партизаны отбирали у немцев, то количество его стало значительным только во время больших боев летом 1944 года.

Итак, хозяевами столь необходимого оружня былн союзннки. Но несмотря на мон настойчнвые н частые заявлення, онн соглашались посылать во Францию свои специализированные самолеты н сбрасывать на ее террнторню винтовкн, автоматы, пнстолеты, гранаты, пулеметы, мортнры только при условни полного знання всех обстоятельств. Ведь, несмотря на все предосторожности, половнна военных матерналов, сбрасывавшихся на парашютах, попадала в рукн врага.

К тому же, если секретные амернканские н особенно секретные английские службы постепенно поняли, чего можно ждать от французского Сопротивления, командование союзных войск очень не скоро сумело оценнть, как действенна эта форма войны, совершенно новая для штабов, подготовленных только для руководства теми сражениямн, которые ведутся по всем правилам. До самого конца войны так и не был преодолен жестокий разрыв между требованнямн, а нной раз и отчаянными мольбами партнзан и тем, что им направляли. В общем нашим подпольным отрядам все же было предоставлено более полумиллиона винтовок, пистолетов и другнх видов оружия нндивидуального употребления и 4 тыс. оруднй коллективного прнменения; четыре пятых военных материалов получено было от наших союзников.

Партизанские отряды, поддерживавшне нх органнзацин Сопротивления, помогающая им пропаганда — все это требовало денежных средств. Правнтельство старалось доставить их в денежных знаках, которые могли иметь хождение во Франции и не возбуждали бы подозрення. Сначала мы использовали все свон запасы билетов Французского банка, хранившнеся в Англин, в Африке и на Антильских островах. Затем стали посылать «боны освобождения», выпущенные правительством в Алжнре н с его гарантией. Наша делегация в Париже прннимала при расчетах эти боны н тайком обменивала на деньги в кредитных учреждениях или у частных лиц; в разгар борьбы, в момент самой крайней нужды в деньгах, бывалн случаи, что руководители групп прибегали к реквнзнции денежных фондов, но государство потом возместило эти изъятия. В общем между органнзациями Сопротивления офнциально было распределено более 15 млрд — сумма, по нынешнему курсу равняющаяся 100 млрд. Конечно, бывалн тут неизбежные в таких делах злоупотребления, но в общем три четвертн расходов, согласно докладу казначейства, были должным образом оправданы.

Откуда же брались руководители внутренних снл? Почтн всегда они сами становились во главе отряда, когда бойцы признавали, что эти людн достойны н способны руководить ими. Большинство нз них оправдало это

доверие. Кое-кто был повинен в совершении действий, достойных осуждения, но это было исключение. Если вспомнить, при каких обстоятельствах они занимали свой пост, если учесть, что командный состав в массе своей не так-то быстро отрекся от Виши и не сразу возглавил боевые группы, надо признать, что эти новые руководители, посвятившие себя труднейшей и опаснейшей задаче, хорошо послужили родине. Впрочем, как только была оккупирована бывшая «свободная» зона, распущена «армия перемирия» и поколебалась вера в маршала Петэна и в законность его власти, многие кадровые офицеры и унтер-офицеры под воздействием ОРА * и ее главы — генерала Ревера перешли в маки́.

Пока подпольные силы действовали стихийно, в зависимости от случая, и выступали отдельными, не связанными друг с другом отрядами, не могло быть и речи о внедрении в них иерархии и структуры регулярной армии. Нельзя было посылать им из Алжира или из Лондона задания, точно указывая, где и в каком месте они должны быть выполнены. Однако предоставить их самим себе, не связывая их с центральной властью, было бы крайне рискованно. Они могли бы докатиться до анархии «лесных братьев» либо подпасть под преобладающее влияние коммунистов. В самом деле, коммунисты представляли собою основное ядро, а зачастую и командный состав в движении «Фран-тирер э партизан», составлявшем почти треть всех подпольных сил. Если бы де Голль не держал все вооруженные отряды в своем подчинении, эта их часть стояла бы особняком и ею распоряжалась бы не государственная власть, а те, кто стремился бы захватить власть. Кроме того, другие элементы, не зная, к кому им примкнуть, тоже имели бы тяготение к этой организации, и она подмяла бы их под себя. Кстати сказать, как раз в это время коммунисты усиленно старались завладеть Национальным советом Сопротивления, заставить его занять в отношении Алжира позицию своего рода правительства внутри страны и объединить подпольные группы при содействии «Комитета действия», в котором сами они играли господствующую роль.

И вот мы создали во Франции систему, которая, не стесняя инициативы подпольных сил и их разделения на группировки, связывала их с французским командованием и давала им почувствовать эту связь в действии. Для каждого административного района и для некоторых департаментов правительство назначило «военного делегата», выделенного лично мною. Он устанавливал контакт с вооруженными группами своей области, координировал их выступления, связывал с нашим центром посредством радиостанции, которой он располагал, передавал им наши инструкции, а нам сообщал их просьбы, регулировал с нашими службами воздушные операции по доставке им на парашютах оружия. Отряды партизан имели теперь инспекторов: для всей территории Франции был назначен Мишель Бро, для южной зоны — Жорж Ребате, для северной зоны — Андре Брозан-Фавро. Когда враг арестовал генерала Делестрэна, его заместителя генерала Демаза и его помощника полковника Гастальдо, мы назначили начальником штаба тайной армии полковника Дежюсье. Кроме того, я назначил «национального военного делегата», то есть штабного офицера, являвшегося представителем командования для всех боевых элементов: партизанского под-

* ОРА — Organisation de Resistance de l'Armée — организация Сопротивления армии, включавшая командные кадры.— *Прим. ред.*

полья, разведывательной сети, бригад по организации саботажа, и он же был моим представителем в Национальном совете Сопротивления. Эту обязанность, требовавшую большой гибкости и твердости, один за другим несли Луи Манжен, полковник Эли, Морис Буржес-Монури, Жак Шабан-Дельмас.

В некоторых районах с благоприятными для этого условиями наши внутренние силы все возрастали, в частях же врага замечались признаки панического страха; в таких местах становились возможными объединенные операции, и тогда кто-либо из начальников подпольных боевых групп, независимо от того, являлся ли он кадровым офицером, брал на себя командование всеми или частью наших боевых сил в данном секторе...

Но с момента высадки союзников во Франции нужно было добиться, чтобы эти разрозненные элементы содействовали операциям союзных войск, и, следовательно, военное командование должно было давать им определенные задания и предоставлять им средства для их выполнения. В отношении разрушений, которые должны были сковывать передвижения неприятеля, у нас имелся общий план, выработанный нами уже давно при участии специалистов, компетентных в каждой из интересующих нас отраслей. Так, например, существовал «Зеленый план», предложенный руководителями «Сопротивления на железных дорогах» — Арди, Арманом и другими; имелся «Лиловый план», составленный при содействии участников Сопротивления работниками связи — в частности, с помощью Дебомарше: он касался повреждения телеграфной и телефонной связи, особенно подземных кабелей; был «Черепаший план», по которому предусматривалось перерезать дороги в самых важных местах,— главным исполнителем его был Ронденэ; был и «Голубой план», в котором намечались меры по захвату электростанций. Но, с другой стороны, необходимо было, чтобы действия местных подпольных групп в нужный момент приобрели общенациональное значение — стали бы выступлением всей страны и приняли достаточно устойчивый характер, могли бы стать элементом стратегии союзников. Надо было, чтобы отряды тайной армии слились с другими нашими войсками в единую французскую армию.

Вот почему в марте 1944 года я создал Французские внутренние силы, в которые в обязательном порядке должны были войти все подпольные вооруженные группы, причем предписывалось, чтобы они по мере возможности были организованы в воинские подразделения, соответствующие нашему уставу: взводы, роты, батальоны, полки. Решено было, что офицеры, командующие этими подразделениями, временно будут носить звания, соответствующие контингенту, который находится у них под началом. Разумеется, мы предвидели, что по части количества нашивок на берете и на рукаве этот приказ во многих случаях вызовет большие преувеличения, в которых позднее придется разбираться аттестационным комиссиям. Но я считал, что, подчиняя эти войска нашим традиционным правилам — к чему, кстати сказать, они и сами стремились,— я в конечном счете послужу делу единения французов. В апреле я назначил генерала Кёнига командующим внутренними силами и послал его в Англию, в помощь Эйзенхауэру. Из Англии ему удобнее всего было направлять действия сил Сопротивления, так чтобы они способствовали общему стратегическому плану, сообщаться с нашими внутренними войсками всеми возможными способами, доставлять им оружие и оказывать всякую иную поддержку. Кёниг, кроме того, принял под свое командование инородные группы под наименованиями «Альянс», «Бук-

мейстер», «Уор офис» и т. д., которые союзники до тех пор непосредственно использовали на нашей территории.

Как же Франции следовало употребить вооруженные силы, которые ей удалось воссоздать? Дуализм в правительстве еще некоторое время мешал нам принять определенные решения. Но так было лишь после тунисской кампании и перед итальянской кампанией, то есть в период относительного затишья. Кроме того, оказалось, что в общем-то взгляды Жиро в этом отношении сходились с моими. Но осенью 1943 года открылась перспектива наступления на континенте. В это время я стал единственным председателем Комитета. Когда надо было действовать, я уже мог принимать решения, но в узких пределах и, признаюсь, в условиях, тягостных для меня, ибо в союзной коалиции силы Франции не были главными.

Мысли мои о том, как нам надо вести войну, определились еще в 1940 году. Пусть наша армия, восстановленная в Африке, вступит в метрополию, сражается вместе с силами тайных отрядов за свободу родины, примет участие во вторжении в рейх и в ходе борьбы обеспечит нас желанным залогом, для того чтобы конечное урегулирование вопросов не могло произойти без нашего участия. Для этого требовалось, чтобы военные действия союзников устремлены были на нашу территорию, чтобы в них предусматривалась не только высадка на севере Франции, но и высадка на юге страны, причем мы должны широко участвовать в этой операции. А до тех пор хорошо было, что западные войска ведут кампанию в Италии,— хорошо потому, что они изматывают немцев и к тому же освобождают морские пути; и, конечно, наши войска, наш флот, наша авиация должны были включиться в эти боевые действия.

Однако стратегические планы союзников все еще были неопределенными. В сентябре 1943 года союзники решили приняться за Италию. Но в отношении дальнейших действий у них не было согласия. Соединенные Штаты теперь чувствовали себя способными повести битву в Европе, пройдя кратчайшим путем, то есть через Францию. Вступить на землю Нормандии, а оттуда двинуться на Париж; произвести высадку в Провансе и подняться вверх по долине Роны — таковы были их намерения. Они хотели сочетать обе эти операции. Вслед за тем союзные армии, соединившись между Швейцарией и Северным морем, перейдут Рейн. Американцы считали итальянскую кампанию побочным делом, которое не должно отвлекать внимание от главной задачи.

Англичане — и прежде всего Черчилль — смотрели на положение иначе. По их мнению, американцы планировали нападение на врага там, где это сделать всего труднее,— хотели схватить быка за рога. Гораздо лучше было бы нацелиться на уязвимые места, разить зверя в его мягкое подбрюшье. Вместо того чтобы объектом своих действий прямо назвать Германию и, пройдя через Францию, достигнуть ее, по мнению англичан, надо было двинуться через Италию и Балканы в придунайские страны Европы. Великое усилие союзников должно поэтому состоять в следующем: продвинуться вперед по итальянскому полуострову, помимо того, сделать высадку в Греции и Югославии, добиться вступления в войну Турции, а затем войти в Австрию, в Чехию, в Венгрию.

Разумеется, этот стратегический план соответствовал политике Лондона, который стремился установить преобладание Англии на Средиземном море и прежде всего боялся, как бы вместо немцев там не оказались рус-

ские. Нам было известно, что англичане всячески отстаивали свой план на Тегеранской и Каирской конференциях, в посланиях премьер-министра Англии президенту Рузвельту и в созданном в Вашингтоне англосаксонском органе — Объединенном совете начальников штабов.

Но как бы ни старались наши союзники держать нас в стороне от их совещаний, у нас теперь имелись довольно значительные вооруженные силы и нас уже нельзя было сбросить со счета. Хотя мне и казались заманчивыми некоторые моменты в концепции Черчилля, я не мог с нею согласиться. С точки зрения военных действий операция, которую предлагалось повести от берегов Средиземного моря в направлении Центральной Европы, была слишком рискованной. Допустим, что удастся быстро разбить войска врага, занявшие Италию (хотя не было никаких оснований ожидать тут скорой развязки), но ведь после этого требовалось еще преодолеть огромную преграду — Альпы. Если и можно было произвести высадку в Далмации, то как потом выбраться из югославских гор? Греция, конечно, более доступна, но дальше, к северу, какие препятствия представляют собою сложные массивы Балкан! А ведь американские и английские армии созданы главным образом для действий на равнинах при усиленной поддержке военной техники, и жить они привыкли без особых лишений благодаря регулярному снабжению. Я плохо представлял себе, как они будут продвигаться по гористым местам Балканского полуострова, где нет удобных портов, которые служили бы союзникам морскими базами, где мало дорог, да и те в плохом состоянии, где поезда ходят редко и медленно, а между тем придется ведь иметь дело с немцами, которые ловко умеют использовать заграждения, созданные самой природой. Нет! Искать решения вопроса надо было во Франции, где территория благоприятствовала быстрым операциям, где воздушные и морские базы находились близко, а отряды Сопротивления, действующие в тылу врага, оказались бы при наступлении союзных войск крупнейшим козырем.

Итак, во имя интересов Франции я считал себя обязанным, насколько это для меня было возможно, сопротивляться плану англичан. Неужели можно было позволить державам Запада направить свои войска, минуя нашу страну, в то время как она порабощена неприятелем? Неужели нашу страну освободят издалека и косвенным образом и она не увидит, как на ее земле наши солдаты и их союзники одержат спасительную победу? Можно ли допустить, чтобы последняя ее армия двинулась на Прагу, в то время как Париж, Лион, Страсбург еще надолго останутся в руках неприятеля? Если мы не дадим возможности нашим вооруженным силам, выкованным на заморских территориях, сражаться и побеждать в метрополии, разве не упустим мы тогда случая упрочить узы, объединяющие Французский союз? И наконец, в условиях замешательства, которое появится в стране после отступления немцев и крушения Виши, какой режим возникнет из хаоса, если наша армия будет находиться в Австрии или в Венгрии и не сможет слиться с внутренними силами? Англию и Соединенные Штаты выбор стратегического плана интересовал с точки зрения их политики, но для Франции от этого выбора зависела вся ее судьба.

Случилось так, что довольно рано взяла верх американская точка зрения относительно высадки на севере Франции. В декабре 1943 года наши англосаксонские союзники, которых сильно торопили русские, решили выполнить эту грандиозную операцию, получившую наименование «Оверлорд». Мы,

конечно, одобрили это намерение. Но высадка на юге страны, хотя она и была решена в принципе и заранее окрещена именем «Энвил», все еще вызывала много споров. Черчилль не отказывался от мысли перенести в Италию и на Балканы все военные действия союзников на юге Европы. Он добился того, что генерал Мейтлэнд Вильсон был назначен главнокомандующим Средиземноморского театра. Александер уже стоял во главе армий, находившихся в Италии. Черчилль настаивал, чтобы им предоставили как можно больше американских и французских дивизий и специальных десантных судов. Если не будет противодействия с нашей стороны, то по настоянию премьер-министра на южном театре войны может быть применен английский план.

Но как нам вмешаться? Учитывая нашу ставку в игре, а также силы, которые мы могли выставить в этот период войны, было бы естественно привлечь нас к выработке принципиальных решений союзной коалиции. Пусть глава французского правительства принимает участие в конференциях, где президент Соединенных Штатов и английский премьер-министр обсуждают планы ведения войны; пусть французское командование выделит своего представителя — например, генерала Жиро — в союзный генеральный штаб, где вырабатывались планы военных действий. Тогда мы были бы в состоянии отстаивать свою точку зрения и влиять на принимаемые решения. Тогда союзные стратегические планы и мы считали бы своими планами наравне с теми двумя державами, которые их утвердили. И если бы в этом случае выполнение операции высадки на севере Франции было поручено американскому генералу, а на юге — английскому генералу, мы бы с грустью вспомнили о нашем прошлом, но не испытали бы тревоги за настоящее и будущее страны. Но англосаксы никогда не соглашались обращаться с нами, как с настоящими союзниками. Никогда они не советовались с нами как правительство с правительством. По соображениям политики или потому, что это было для них удобно, они соглашались использовать французские вооруженные силы для задач, которые они сами же им назначали, но использовали их с таким видом, словно наши войска принадлежали союзникам,— только на том основании, что они поставляли нам вооружение.

С такой философией я не мог примириться. Я считал, что содействие, которое Франция во всех отношениях оказывала коалиции, гораздо более ценно, чем то военное имущество, которым ее снабжали. Поскольку союзники не привлекали ее к обсуждению своих планов, я считал, что поступаю правильно всякий раз, когда мне приходилось действовать независимо от них, на свой страх и риск. Дело не обходилось без столкновений. Но с этим надо было примириться, ибо впоследствии все убедились, что, защищая интересы Франции, мы вместе с тем действовали ко всеобщей пользе.

В декабре представился случай показать, что в условиях сложившейся обстановки мы оставляем за собою свободу действий. В это время начались операции в Италии. Там уже находились три французские дивизии. Откровенно говоря, третью из этих дивизий — 4-ю марокканскую — союзники не очень спешили переправить на Апеннинский полуостров. Они предпочитали, чтобы мы ограничились посылкой подкрепления, выделив с этой целью несколько батальонов для войск генерала Жюэна. Мне пришлось вмешаться — я не хотел, чтобы 4-я марокканская дивизия была раздроблена, нужно было отправить ее всю целиком. Так мы и сделали, и можно было

только порадоваться этому, когда она показала себя на поле битвы. А тем временем союзное командование нзменило свой взгляд н предложило генералу Жиро иаправнть в Италию четвертую крупную часть. Национальный комитет обороны решил удовлетворить просьбу союзников и выбрал для отправки 1-ю свободную французскую дивизию. И вдруг мы узиаем, что она не будет отправлена, а вместо нее, по приказу геиерала Эйзеихауэра, назначеиа к отправке 9-я колониальиая дивизия. Я тотчас же приказал уведомить Эйзеихауэра, что 9-я дивнзня не состоит в его распоряжеиии н что она остается в Севериой Африке. Тогда Эйзеихауэр сослался, с одной стороны, на какую-то неведомую нам договореиность его с геиералом Жиро, а с другой — иа условня соглашення, заключенного на конференцин в Анфе между Жиро н Рузвельтом, согласно которому французские войска, вооруженные американцами, должны находиться в полиом распоряжеиин амернканского командования. Такие аргументы лишь утвердили меия в моей позиции. Я подтвердил свое решение. Затем я уведомил Эдвииа Вильсона н Гарольда Макмиллана, что мы предлагаем урегулировать между тремя правительствами вопрос об условиях, при которых французские вооружеиные силы могут быть нспользованы союзным командоваиием наряду с амернкаискими и английскими войсками.

Произошло иекоторое замешательство. Союзный главиый штаб заявил протест, утверждая, что наш способ действия вредит воеиным операциям. Посольства же объявили, что вопрос этот ие касается вашингтонского и лондонского правительств и должен быть урегулироваи между геиералом Эйзенхауэром и Комитетом освобождения. А поскольку иаши войска ие двигались из Северной Африки, тогда как оии были нужны в Италии, пришлось с нами объясниться. 27 декабря, как мы н предлагали с самого иачала, собралась под моим председательством конфереиция, в которой приняли участие Вильсон, Макмиллан н генерал Беделл Смит — он заменял находившегося в отлучке Эйзенхауэра. Моими ассистеитами были Реие Массигли и геиерал Жиро.

Я уведомил участников коиференцин, что 1-я дивизия — именно первая, а никакая другая — поступит в распоряжение главиокомандующего союзными войсками тотчас же, как только должным образом к иам обратятся с просьбой об ее отправке. Разумеется, что никакие французские вооружеиные силы ие могут быть использованы ни на одиом театре военных действий без разрешения французского правительства. Затем я отметил, что происшедший ницидеит побудил иас уточинть условия, на которых фраицузское правнтельство иамереио осуществлять сотрудиичество его вооруженных сил с силами союзников.

«Мы, коиечно, хотнм этого сотрудннчества,— сказал я,— ио иадо, чтобы нам были нзвестны его условия. Ведь мы отстранены от выработкн ваших плаиов. На всякий случай мы заготовнли проект соглашения, имеющий целью исправнть плачевное положение вещей, органнзовать сотрудничество трех правительств в общем руководстве войиою и сотрудиичество трех командований в области стратегнн. Если мы заключим соглашеине, все пойдет прекрасно. Если не заключим, то французское правительство поставит свои вооружеиные силы под союзное командование только иа тех условиях, какие оно само определит, оставляя за собой право изъять свои войска целиком или частично, если сочтет, что этого требуют иациоиальные нптересы».

Я добавил: «В настоящее время союзное командование получает в итальянской кампании содействие нашей армии, нашего флота, нашей авиации, а мы все еще не знаем, для чего и как они там используются. Важнейшее значение для нас имеют предстоящие операции по высадке войск во Франции. Настало время сказать, что мы не сможем посылать подкрепления нашим войскам в Италию и даже оставить в Италии те войска, которые уже посланы туда, если американское и английское правительства не дадут нам гарантии, что операция «Энвил» будет осуществлена, что в ней примут участие все французские вооруженные силы, действующие сейчас в Италии, а также войска, имеющиеся у нас в Северной Африке, и что одна французская дивизия будет вовремя переброшена в Англию, для того чтобы она могла участвовать в операции «Оверлорд» и освободить Париж. Если эти гарантии будут даны, но в дальнейшем окажутся нарушенными, то французские войска вновь поступят в распоряжение французского правительства».

На следующий день Массигли в письменном виде представил Вильсону и Макмиллану наши предложения и условия. Он получил от них ответ, в котором сообщалось, что наш проект передан на рассмотрение их правительствам, а пока что нам даются те гарантии, которых мы просили в отношении французской кампании. И тогда мы возобновили переброску наших войск в Италию.

С этого времени союзное командование не забывало информировать нас о своих планах, спрашивать наше мнение, надлежащими путями направлять нам просьбы о присылке подкреплений. В Алжире установилось вполне удовлетворительное сотрудничество между генеральными штабами. Я со своей стороны принимал многих американских и английских военных руководителей. Так, я принял генерала Эйзенхауэра, маршала военно-воздушных сил Теддера, генерала Беделла Смита перед их отъездом в Англию, где им предстояло подготовить операцию «Оверлорд», а затем бросить войска на ее осуществление; генерала Мейтлэнда Вильсона — когда он прибыл занять свой пост главнокомандующего вооруженными силами на Средиземном море, а затем еще несколько раз; адмирала сэра Эндрю Каннингхэма; адмирала Хьюитта, на которого возложены были операции по транспорту, эскорту, защите и высадке войск, которых потребует осуществление плана «Энвил»; генерала Дулиттла, командующего стратегическими военно-воздушными силами на Средиземноморском военном театре; генералов Деверса, Геммела, Роокса; маршала военно-воздушных сил Слессора и других. Во время инспекционных поездок в Италию мне с полным доверием сообщали свои планы и осведомлялись о точке зрения французского правительства командующий союзными силами генерал Александер, командующий 5-й американской армией генерал Кларк (этой армии был придан французский экспедиционный корпус), командующий 8-й английской армией генерал Лиз, командующий авиацией генерал Икер. Все они осведомляли меня о своих намерениях и знакомились с французской точкой зрения.

Позиция этих военных деятелей, несомненно, отвечала интересам общего дела, но в своих отношениях с де Голлем им пришлось преодолеть чувство удивления, кстати сказать, вполне понятное. Склонных к конформизму английских и американских генералов не мог не удивлять глава государства, не имеющий ни конституции, ни избирателей, ни столицы, но говорящий от имени Франции; офицер, у которого так мало звездочек и при-

казания которого министры, генералы, адмиралы, губернаторы и послы его страны считают для себя непререкаемыми; француз, которого приговорило к смерти «законное» правительство и поносили многие вишистские сановники, с которым сражалась часть французских войск, затем склонившая перед ним знамена. Должен сказать, что они обнаружили понимание вещей и увидели Францию там, где она была. Я же отвечал этим выдающимся деятелям, верным слугам своего отечества и нашего общего дела, этим прямодушным людям и отважным солдатам, чувством глубокого уважения и дружбы.

Надо отметить, что организация, с которой они имели дело в своих сношениях с нами, облегчала наши контакты. С тех пор как французское правительство имело лишь одного главу, оно ни с кем не делилось своим правом принимать решения и обязанностью нести за них ответственность. Наша структура командования была чрезвычайно простой и четкой. Опираясь на закон об организации нации во время войны, я в качестве главы государства имел звание главы вооруженных сил, а как председатель правительства обязан был руководить национальной обороной. Я занимался непосредственно вопросами использования наших вооруженных сил, а следовательно, и вопросами стратегического сотрудничества с нашими союзниками. В рамках общего плана, который я определял, военный министр, министр авиации должны были формировать армии, управлять ими и улаживать с американскими и английскими службами вопрос о поставках нам оружия. Наконец, назначенные мною военные руководители осуществляли на той или иной территории командование нашими вооруженными силами, входящими в систему союзников. Точно такие же функции и на тех же основаниях выполняли Рузвельт, Черчилль и Сталин — разница была, увы, в значительном перевесе их боевых средств над нашими.

Для того чтобы иметь помощников в выполнении моей задачи, я создал главный штаб национальной обороны и во главе его поставил генерала Бетуара, назначив его заместителем капитана 1-го ранга Баржо и полковника авиации де Ранкура. На обязанности Бетуара лежала подготовка материалов для принятия решений, уведомление о них заинтересованных лиц и контроль за их выполнением. Кроме того, он обеспечивал контакты с высшими военными учреждениями союзников, держал связь с главнокомандующим — сначала с Эйзенхауэром, а затем с Вильсоном, и в его ведении находились миссии наших сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил за рубежом. Не говоря уже о жестких требованиях, которые я сам предъявил к нему, обязанности его были довольно трудны как в силу их сложности, так и потому, что ему приходилось задевать самолюбие правительств и главных штабов союзных войск, министров и высоких французских инстанций, а также и отдельных лиц. Но надо сказать, Бетуар превосходно справлялся с делом.

Добиваясь для Франции своего рода повышения в ранге в рядах коалиции, мы знали, что личные качества наших генералов, командующих крупными частями, сыграют тут большую роль. И как раз наши военачальники были хороши. Определить на месте положение неприятеля, условия местности, способы действия, сочетать различные виды оружия, увлечь войска — вот что должны уметь делать командиры дивизий. И в этом искусстве отличились — каждый на свой лад — генералы Доди, де Монсабер, Севез, Леклерк де Отклок, дю Вижье, де Вернежуль, Гийом, Броссе,

Маньяи. Генералы Пуадэио и Шайе превосходио умели использовать артиллерию — орудия всех калибров. Генерал Дромар, возглавлявший инженерно-саперные войска, иесомненно, мог бы обеспечить нашим солдатам проход через любые препятствия и в коиечном счете переправу через Рейи. Во главе армейского корпуса должен стоять человек, обладающий широким кругозором и дальиовидностью, умеющий слить в единый удар различные и разиовременные действия крупных сил. Генералы Анри Мартэн и де Лармииа, первые иаши командующие корпусами, блестяще доказали свои дарования. Надо, впрочем, сказать, что сами обстоятельства окрыляли их, да и в силах у иих не было иедостатка. Как счастливы полководцы, когда они чувствуют, что их ждет победа!

На море, по той причине, что враг уже не мог ввести в бой значительные силы, война состояла в действиях отдельных наших боевых единиц, распределенных на огромиых простраиствах для охоты за подводными лодками, для уничтожения рейдеров, для защиты от вражеских самолетов, сопровождения транспортов и обороны иаших баз. Таким образом, боевые действия вели наши военные корабли, вкрапленные в систему союзников. Французские адмиралы, имевшие равные права со своими аиглийскими и американскими коллегами, сумели оказать действенную помощь в этой борьбе на море, в которой то и дело нападают врасплох, как в карточной игре, когда не хватает козырей. Но наши моряки сумели поддержать честь французского флота. Лемонье сделал это как руководитель всех наших морских сил, а во главе отдельных соедииений отличились д'Аржанльё, Коллинэ, Номи, Обуано, Роиарк, Соль, Барт, Лонго, Миссоф, Батте и другие.

Наша авиация в силу обстоятельств должна была включить свои эскадрильи в большие группы истребительной авиации, авиации непосредственной поддержки и бомбардировочной авиации союзников. Генерал Буска, возглавлявший наши военно-воздушиые силы в целом, генералы Валлен, Жерардо, Монрелэ, Лешер и другие командиры отдельных частей показали себя достойными руководителями французской воздушной армии, горячо стремившейся восстановить свою славу. Возглавляя совершеиио новую силу, еще не имеющую своих доктрин, они умели с высоким искусством использовать военную технику и поднимать боевой дух своих людей.

В первом ряду военачальников в этот период возрождения наших вооруженных сил были генералы Жюэн и де Латтр де Тассииьи. Им выпала честь поочередно командовать единственной армией, которую Франция могла ввести в бой. У них оказалось миого общих черт. Они были одного возраста, получили одинаковое образование, одновременно вступили на военное поприще и одинаково быстро продвигались по службе; оба, ие замарав своей чести, избежали ловушек, поставлеиных им поражением 1940 года, а затем режимом Виши, и теперь по очереди уступали один другому важный пост командующего армией, для которого они были созданы и о котором оба всегда мечтали. Впрочем, они были люди великодушные и, несмотря на свое соревнование, по достоинству ценили друг друга. Но какие же они были разные по своей иатуре!

Жюэн, сосредоточенный, всегда ровный, замкнутый, целиком отдавшийся делу, был обязан своим авторитетом не столько внешиему блеску, сколько глубоким достоинствам и привлекал людей больше впечатлением солидности, которое он производил, иежели обаятельностью; прокладывая

себе дорогу, он не пренебрегал иной раз хитростью, но никогда не прибегал к недостойным уловкам. Де Латтр, темпераментный, подвижный, умел видеть далеко и смотреть во все стороны: он импонировал силой своего ума и вызывал к себе любовь, так как щедро отдавал людям свою душу. К поставленной цели он шел внезапными, неожиданными, хотя зачастую рассчитанными рывками.

В общем, оба они были мастерами своего дела. Жюэн для каждой операции заранее создавал твердый маневренный план действий. В расчетах своих он руководствовался данными разведки, а иной раз и собственной интуицией, которую в дальнейшем всегда подтверждали факты. Осью его планов всегда бывала одна-единственная идея, такая ясная, четкая, что она всегда была понятна его соратникам, такая правильная, что ему не случалось менять своих намерений в ходе борьбы, продуманная так основательно, что в конечном счете неприятелю приходилось подчиниться этому плану. Успехи его иногда обходились дорого, но это не вызывало осуждения, и, как ни была велика в них его заслуга, они казались вполне естественными.

Де Латтр при всяком новом положении прежде всего искал удобного случая. А пока он не находил этого случая, он пробовал одно, другое, искал ощупью, мучился, терзался нетерпением, которое выражалось в резких выходках. Но вдруг открыв, где, когда и каким образом может возникнуть искомое событие, он, для того чтобы его вызвать и использовать, пускал в ход все богатые ресурсы своего таланта и необычайной энергии, требовал от тех, кого он вел за собой, беспредельных усилий, но зато умел внушить им уверенность в успехе.

Так же как делали это Лармина, Леклерк и Кёниг в самую черную годину Франции и располагая слабыми силами, Жюэн и де Латтр, лишь только забрезжила заря, развернули борьбу в более широких, но — увы! — все еще ограниченных масштабах и восстановили честь французского военного командования в глазах французской нации, в глазах союзников и в глазах врага.

Наш экспедиционный корпус в Италии вступил в дело в декабре 1943 года. Если ему дали место в боевых рядах, то, конечно, для трудной задачи. В этот момент силы союзников, которыми командовал Александер, находились между Неаполем и Римом, войдя в соприкосновение с группой фельдмаршала Кессельринга, состоявшей из 10-й и 14-й немецких армий; линия фронта тянулась от устья Гарильяно, то есть от Средиземного моря, до устья Рапидо, впадающей в Адриатическое море, и проходила через Монте-Кассино. Немцы, у которых тут оказались умелые и энергичные командиры, занимали вдоль всей линии фронта прочно укрепленную позицию, позади которой у них имелись еще две укрепленные линии — «Густав» и «Гитлер»; там везде были хорошие войска, мощные орудия, хорошо укрытая полевая артиллерия, минные поля. В начале зимы зона действия французов была на южных склонах Абруццских гор, на подступах к Аквафундата, среди заснеженных голых горных кряжей со скалистыми вершинами и глинистыми склонами, где приходилось ползти по грязи, утопать в тумане, бороться с резким холодным ветром. Наши войска, приданные 5-й американской армии, стояли на правом фланге, соединяя ее с 8-й английской армией.

Объектом союзников был Рим. Чтобы подойти к нему, генерал Кларк, командующий 5-й армией, хотел выйти на равнину Лири, где удобно было

продвигаться его бронетанковым частям. Но доступ туда был закрыт природным заграждением — кряжем Кассино. И вот как раз на этом кряже, то есть там, где немцы укрепились лучше всего, Кларк и решил форсировать неприятельские позиции. Правда, он рассчитывал на свою мощную артиллерию и еще более на свою авиацию, которая могла, как он надеялся, подавить всякое сопротивление. Французский экспедиционный корпус получил задание прорвать укрепленную линию неприятеля к северу от знаменитого монастыря и помочь союзникам овладеть этими позициями.

Всю вторую половину декабря с величайшим трудом продвигалась 2-я марокканская дивизия, которая вступила в действие первой из наших крупных воинских частей. Пробираясь через горы, достигающие 2400 метров высоты, в снегу или под дождем, ведя бои с врагом, который дрался с ожесточением, дивизия, которой командовал Доди, пядь за пядью овладела массивами Кастельнуово, Пантано, Менарде. Южнее наши союзники подошли к Монте-Кассино. Однако им не удалось овладеть этим районом. На севере английская армия оставалась на своих позициях. В январе Кларк решил нанести решительный удар совместными усилиями. Началось наступление по всему фронту. В то же время в Анцио высадился корпус союзных войск, желая обойти неприятеля. До середины марта шли кровопролитные бои, которые, однако, не привели к решительному исходу.

Не подлежит сомнению, что Французский экспедиционный корпус, не жалевший своих сил, перенес много испытаний и имел на своем счету немалые успехи. В начале января командование корпусом принял генерал Жюэн. Рядом с дивизией Доди на линию фронта вышли 3-я североафриканская дивизия генерала де Монсабера и марокканские войска генерала Гийома. В дальнейшем к ним присоединили 4-ю марокканскую дивизию, которой командовал Севез. Кроме того, французскому сектору придали итальянскую дивизию генерала Утиле. Наступление началось 12 января. За три недели французы проникли в неприятельскую зону на глубину 20 километров, захватили по фронту первую линию немецких позиций, прорвали потом вторую линию, взяли в плен 1200 человек, причем операции происходили на участке чрезвычайно гористом, а враг направил против наших частей более трети тех сил, которые он выдвинул против 5-й армии. Дело увенчалось (тут можно употребить это слово) взятием Бельведере, являвшегося ключевым пунктом линии «Густав». В боях за овладение этой позицией, которая несколько раз переходила из рук в руки, 4-й тунисский стрелковый полк совершил один из самых блестящих военных подвигов, но понес большие потери. В частности, были убиты в сражении командир полка полковник Ру и девять капитанов из двадцати четырех. Однако на левом фланге в руках неприятеля оставался Монте-Кассино, несмотря на ужасающие бомбардировки с воздуха и неоднократные мужественные атаки американцев, индийцев, новозеландцев. На правом фланге у 8-й армии не замечалось значительных успехов. В таких условиях Жюэну пришлось приостановить свое продвижение.

И все же оно создало у французов впечатление победы. Враг не переставал отступать перед ними. Они чувствовали, что во главе их стоит командующий с ясным умом и твердой волей, планы которого осуществляются в точности; комбинированные действия различных войсковых соединений, связь между войсками различного рода оружия не оставляла желать ничего лучшего. Наконец наши убедились, что в операциях в

горных местностях, требующих от войск огромного напряжения сил и маневренной способности, никто в лагере союзников с ними не может сравниться. Впрочем, и сами союзники во всеуслышание заявляли об этом. С каким благородством и великодушием король Георг VI, генералы Эйзенхауэр, Вильсон, Александер и Кларк выразили генералу Жюэну и его войскам признательность за их заслуги!

В начале марта, когда я инспектировал наши войска на итальянском фронте и проезжал мимо тех природных крепостей, которые они взяли, я, так же как и все, кто там был, испытывал чувство гордости за наших солдат. Но для меня стало очевидно, что нового усилия можно потребовать от них лишь в рамках более широкой стратегии. И первым в этом был убежден Жюэн. Он уже делал об этом настойчивые представления союзному командованию, а вскоре предложил ему новый тактический план.

Жюэн считал, что для овладения Римом необходимы одновременные согласованные действия всех союзных сил и прежде всего определение главного удара, которому все должно быть подчинено. Удар нужно нанести на участке, ведущем к объекту, то есть в полосе южнее Абруццских гор. Следовательно, необходимо сократить растянутую линию фронта 5-й армии, для того чтобы она могла собрать сильный кулак у Гарильяно, тогда как 8-я армия вытянет свой фронт к югу, а части, находящиеся на левом ее фланге, поведут операции в направлении Кассино и Лири. Тогда в зоне генерала Кларка будет всего два сектора: на севере — горы Аурунчи, на юге — равнина, прилегающая к морю. Командующий Французским экспедиционным корпусом предлагал взять на себя наступление на горы Аурунчи, в то время как американцы будут продвигаться на левом его фланге по менее гористой местности.

Прежде чем встретиться с нашими, я решил побеседовать с Александером и отправился в его ставку, находившуюся в Казерте. Я считал, что этот человек светлого ума и положительного характера вполне подходит для роли командующего союзными вооруженными силами — роли весьма сложной, так как он должен был управлять английской армией, американской армией, частью французской армии, корпусом польской армии, итальянскими контингентами, бразильской дивизией, руководить своими щепетильными подчиненными и приводить их к взаимному согласию. Он должен был договариваться со штабами морских вооруженных сил различных государств и их военной авиацией, терпеливо сносить указания, запросы и требования объяснений со стороны Вашингтона и Лондона и быть при этом обязанным вести фронтальное наступление между двумя морями, что крайне ограничивало возможность маневра. Генерал Александер искусно лавировал между всяческими трудностями, не теряя при этом ясности мысли, вежливости и оптимизма. Он поделился со мною своими планами. Я выслушал его, не позволив себе вмешиваться в его оперативный план. По-моему, правительства должны предоставлять полную свободу мысли командованию, несущему ответственность за исход кампании. Но услышав от Александера, что он предполагает внести изменения в свою стратегию — и как раз в том смысле, как это рекомендовал Жюэн,— я выразил ему свое удовлетворение.

Оказалось, что и Кларк склонен к такому решению. Я был в его фургоне, где он жил и работал. Кларк произвел на меня очень хорошее впечатление. И не только потому, что он говорил ясно и четко то, что хотел

сказать, но и потому, что, занимая высокий командный пост, оставался простым и скромным человеком. В этом его немалая заслуга, тем более что он первый из американских генералов получил командование армией на Западном театре военных действий. Америка ждет от него успехов — для его соотечественников это вопрос самолюбия. Так же как и Александер, Кларк питал к Жюэну глубочайшее уважение и отзывался о французских войсках с горячей и, несомненно, искренней похвалой. Такое же мнение о них высказывал и генерал Андерс, командующий польским корпусом, который занимал соседний с нами сектор и, воодушевляемый своими надеждами, совершал чудеса храбрости. Итальянский генерал Утиле и его дивизия оказывали весьма ценное содействие нашим солдатам и делали это от всего сердца. В Алжире генерал Маскангера, прибывший со своей дивизией из Бразилии, которая вскоре затем была переброшена в Италию, заявил, что он хочет взять для себя за образец французских генералов. Право, такие слова могут смягчить боль многих ран!

В скором времени Вильсон уведомил меня о решении, принятом генералом Александером: наступление должно возобновиться в мае — по плану, предложенному Жюэном. Тотчас мы послали подкрепление экспедиционному корпусу, направив в Италию 1-ю свободную французскую дивизию, дополнительные части марокканских войск, несколько артиллерийских дивизионов, саперные части и танки. Командование армейского корпуса, получив необходимое пополнение, стало теперь командованием армии. Теперь в Северной Африке, поскольку 2-я бронетанковая дивизия была отправлена в Англию, оставались лишь следующие крупные войсковые части: 1-я и 5-я бронетанковые дивизии и 9-я колониальная дивизия, заканчивавшая свою подготовку. Мы, следовательно, ввели в действие на полуострове более половины наших боевых сил. Довольно! Когда генерал Вильсон старался увлечь меня перспективой усиления военных действий на обоих берегах Адриатики и выразил пожелание, чтобы мы дали ему возможность использовать не только те французские войска, которые уже находились в Италии, но и другие, находившиеся в резерве, я ответил, что мы вовсе не это ставили для них основной целью и что французское правительство намерено и те и другие войсковые соединения употребить для операции «Энвил». «А до тех пор,— сказал я Вильсону,— наша армия в Италии, насчитывающая 120 тыс. человек, то есть более четверти всего количества бойцов, примет участие в ближайшем наступлении, и, надеюсь, ее роль будет решающей».

Так оно и вышло. Наступление началось в ночь с 11 на 12 мая. Французский экспедиционный корпус повел атаку на горы Аурунчи. Это хаотическое нагромождение высот, казалось, исключало всякую возможность быстрого продвижения. Но именно поэтому французское командование и развернуло там военные действия. В самом деле, у врага были все основания полагать, что ему надо держать оборону главным образом не в самих горах, но на северных или южных склонах, ибо они не отличаются крутизной и к тому же там проходят две дороги к Риму — с одной стороны дорога № 6, а с другой — № 7. Значит, мы застигнем врага врасплох, если наиболее сильную атаку поведем в самом трудном секторе. Необычайный маневр, предпринятый генералом Жюэном в этом секторе, ошеломил противника. По самому высокому гребню, где меньше всего было хоженых троп и откуда немцы уж никак не ожидали вторжения, французы быстро двину-

лись вперед, обходя справа и слева оборонительные сооружеиия противника, и одну за другой прорвали иасквозь все три лниии его познций, причем так стремительио, что иемцы ие успели опомниться н ии одну из трех линий не отбили. Чтобы использовать все преимущества нежданиого нападения, чреватого, коиечио, и большими опасиостями, командующий экспедиционным корпусом отдал приказ захватить врасплох глухой ночью, без предварительной артиллерийской подготовки склоиы горы Маджо — огромиого вала, прикрывавшего всю систему немецких обороинтельные позиций.

Правда, экспедиционный корпус состоял из первоклассных войсковых частей, приспособленных для горных походов. В частиости, 4-я дивнзия и мароккаиские войска способны были пройти где угодно, н генералу Жюэну это было прекрасно известно. И вот ои доверил соедииеиным силам этой дивнзин н марокканских войск под командоваиием Севеза важное задание: как можно быстрее переправиться через высоты на этом участке и, обойдя с юга немецкое расположение, двииуться к иамечеиному объекту — массиву Петрелла, блнз Пнко, в тылу врага. Превосходный по своим боевым качествам полк 2-й марокканской дивизии — 8-й стрелковый под командой полковника Молля — должеи был пробить брешь в обороие протнвника, с ходу овладев высотой Маджо. Со своей стороны 1-я свободная французская дивнзия, обойдя с севера горнстый масснв, примкнет левым флангом к 8-й армин и поможет ей выйти на равнину Лирн. И иакоиец, перед 3-й североафрикаиской и 2-й марокканской дивизиями была поставлеиа трудная задача овладеть иемецкими оборонительиыми сооружениями в самих горах Аурунчи.

Как живая машина, в которой каждый винтнк — мыслящий человек, стремящийся к одной-еднистввеиной цели, французская армия в Италии в точности выполнила приказ своего командующего. 17 мая, когда я сиова прнехал на полуостров в сопровождеинн воеииого министра Андре Дьетельма и генералов де Латтра и Бетуара, я сам убедился в этом иа месте. После тяжких годии унижения и душевных страданий какую великолепную картину представляли собою войска Монсабера и Доди, иаступавшие в сторону Эсперия н Сан-Олива, войска Севеза н Гнйома, уже иаходившиеся на подступах к Пико, артиллерийские батарен Пуадэио, не отстававшие от пехоты, которая карабкалась по склоиам, и саперы Дромара, ухитрившиеся иакануне штурма совершить чудо — построить в непосредствеиной близости от иеприятеля, но неслышио и невидимо для иего мосты через Гарильяио, а теперь н днем н ночью не покладая рук работавшие над тем, чтобы иаши колонны моглн безопасио пройти по дорогам, которые немцами были заминированы н перерезаиы. Обозы нашн двигались в образцовом порядке, наши парки и мастерские обслуживали боевые соедииения безотказио и без проволочек. В нашнх подвнжиых полевых госпнталях, несмотря иа большой наплыв раиеных — французов и иемцев, состояние медицинской службы, самоотверженная работа наших сестер милосердия и фельдшериц, сопровождающих санитарные машины, коими ведали мадам Катру и мадам дю Люар, были на высоте задачн. И каждый во время похода, на любом посту, каковы бы ни были потери и изнурительиые мытарства, был готов к новым нспытаниям н имел бодрый вид, свойствеиный французу, когда дела его идут так, как он хочет.

Двадцатого мая все немецкие позиции были иами прорваны иа глубину

в три десятка километров, и французы уже перевалили через Пико. На левом фланге 2-й американский корпус захватил Фонди и двигался к Понтенским болотам. На правом фланге англичане и поляки захватили одни — Сан-Анджело, а другие — Монте-Кассино; но в том секторе, где неприятель больше всего сосредоточил оборонительных сооружений, они еще вели бои и вынуждены были остановиться перед линией Атина — Понтекорво. Прежде чем пожать лавры успеха, переписать поименно 5 тыс. немецких солдат, захваченных в плен, сосчитать трофейные орудия и всякие военные материалы, отбитые у неприятеля, Французскому экспедиционному корпусу пришлось принять участие в новых боях и повести наступление по линии Понтекорво — Пико, а на левом фланге помочь генералу Лизу захватить новый участок в направлении Рима. 4 июня наши первые подразделения проникли туда. 5 июня колонны американских, английских, французских войск уже проходили по улицам столицы...

Воинская доблесть, честь оружия, бранные подвиги солдат — без них страна не может ни устоять против врага, ни воспрянуть после поражения. Испокон веков наша нация в изобилии отдавала на службу родине сокровища своего мужества. Но для этого нужно, чтобы ее душа, ее воля, ее действия — то есть ее политика — были национальными. О, если бы во главе Франции между двумя войнами стояла способная государственная власть, если бы пред лицом честолюбивых замыслов Гитлера ею действительно управляли, если бы армия, заслонявшая ее от врага, имела должное оснащение и командование, совсем иначе сложилась бы наша судьба! Даже после поражения, постигшего нас в мае 1940 года, нам все еще была бы обеспечена значительная роль, ибо у нас оставались африканские владения, оставался флот, оставалась часть армии,— лишь бы только наш режим способствовал значительности этой роли, а руководители стремились бы к ней. Но после стольких капитуляций Франция должна была подниматься к свету из мрака глубокой пропасти, и для нее все зависело от усилий ее солдат. После Керена, Бир-Хашейма, Феццана, Туниса слава, добытая нашими войсками в Италии, возвращала Франции надежду на возрождение. Прибыв в Лондон накануне большого десанта, я получил отчет об операциях наших войск в Италии и телеграфировал их командующему: «Французская армия внесла значительный вклад в дело великой победы, одержанной в Риме. Так оно и должно было случиться! Это ваша заслуга, генерал Жюэн. Вы и подчиненные вам войска достойны своей родины!»

В то время как 2-я и 4-я дивизии и марокканские части остановились близ Рима для перегруппировки, Жюэн бросил в своем секторе на преследование неприятеля корпус под командой генерала Лармина. Этот корпус, сформированный из дивизий Броссе и де Монсабера, усиленный танками и артиллерией, двигался в направлении озеро Больсена — Радикофани — перевал Орча — Сиена. В каждом из этих пунктов происходили тяжелые бои, в которых пало много отважных солдат и вместе с ними погибли полковник Лиран-Шампрозэ и капитан 2-го ранга Амьо д'Инвиль: из них первый командовал артиллерией, а второй — полком морской пехоты 1-й свободной французской дивизии. И все же Лармин расправился как следует с немецкими арьергардами. Надо сказать, что союзная авиация господствовала в воздухе и громила колонны неприятеля. Ничто

так хорошо не давало представления о поражении немцев, как груды железного лома, вздымавшиеся вдоль дорог.

А тут еще французы овладели островом Эльбой при поддержке специальных кораблей, которые дали им англичане, и нескольких американских истребительных и бомбардировочных эскадрилий. Операцию эту генерал Жиро предложил сразу же после освобождения Корсики. Но союзники были тогда поглощены военными действиями в Анцио, и он не мог убедить их в целесообразности своего плана. Теперь же они сами попросили нас захватить остров. Я дал свое согласие. Нападение повели под командованием генерала Анри Мартэна 9-я колониальная дивизия, ударный батальон и десантники — все эти части стояли в Африке и должны были войти в армию де Латтра прн предстоящей в скором времени высадке союзных войск на юге Франции.

В ночь с 16 на 17 июня генерал Мартэн маленькими группами высадил ударные отряды майора Гамбиеза, и они в течение нескольких минут овладели семью батареями немцев. Затем дивизия Маньяна ступила на берег в бухте Кампо. 18 июня после тяжелых боев в Маринади-Кампо, Порто-Лонгоне, Портоферрайо наши войска заняли весь остров, уничтожив немецкий гарнизон, которым командовал генерал Галь; они захватили 2300 пленных, завладели 60 пушками и большим военным имуществом. Генерал де Латтр, немедленно прибывший на место действия, в тот же вечер сообщил мне по телеграфу из «домика Наполеона» о результатах, подчеркнув, что эта победа была достигнута в годовщину моего призыва 1940 года.

Занятие острова можно было считать хорошим началом той большой операции, о которой я мечтал тогда, обращаясь с воззванием и имея в виду высадку на побережье Прованса. Но все зависело от конечных решений союзников. Ведь могут же они под впечатлением размаха побед, достигнутых в Италии, в последнюю минуту отказаться от операции «Энвил» в пользу совсем другого плана — закрепления успехов на полуострове! Во время моей поездкн, предпринятой в конце июня, после возвращения из Лондона и Байё, я обнаружил, что командованне действительно очень хотело продолжать кампанию с помощью тех сил, которые находились на месте, и даже расширнть ее прн поддержке новых подкреплений. Такое желание было вполне естественно для них. Я же, учитывая мою ответственность перед французской нацией, не мог согласиться с такой точкой зрения.

Тем временем американцы, которые вели ожесточенные бои в Нормандии, требовали скорейшей высадки в Провансе. Маршалл и Эйзенхауэр настанвалн, чтобы это произошло в августе месяце. Для большей верности я со своей стороны довел до сведения генералов Вильсона и Александера, что французское правительство особо просит их в надлежащее время перегруппировать предоставленные в их распоряжение французские вооруженные силы, с тем чтобы они самое позднее в августе месяце были переброшены во Францию. Я не возражал против того, чтобы наши войска, занятые преследованием противника, продолжали начатые операции в течение еще нескольких недель. Но они никоим образом не должны быть заняты в боях после 25 июля, равно как и не должны переходить долину Арно. Нашим армиям в Италии, а также нашим силам, находившимся наготове в Африке, я отдал приказ, определяющий их будущую цель.

Генерала Жюэна — как ни грустно ему было покидать свой пост и как ни больно было мне лишать его этого поста — я назначил начальником генерального штаба национальной обороны, на должность, особо важную во время проведения активных операций, серьезной реорганизации армии и в обстановке трений с союзниками, которые неизбежно возникнут при освобождении страны. Вплоть до того дня, когда я отошел от власти, Жюэн находился при мне как один из лучших помощников и преданнейших военных советников, каких когда-либо имел глава Франции.

Наконец дата высадки на юге была намечена на 15 августа. Как мы и хотели, всем французским сухопутным, военно-морским и военно-воздушным силам, находившимся в районе Средиземного моря, предстояло участвовать в этой операции. А до этого некоторые наши части оставались на итальянском полуострове. Продолжая продвижение во главе дивизий Монсабера и Доди, а также марокканских частей, генерал де Лармина 3 июля овладел Сиеной, приняв, однако, все необходимые меры, чтобы не разрушить этого чудесного города. 22 июля наши войска под непосредственным командованием Жюэна, который хотел сам руководить последними боями в Италии, захватили Кастельфьорентино близ Флоренции и долины Арно, где противник после этого долго будет собираться с силами. Затем, препоручив свой сектор заботам союзников, наши поспешили сесть на суда, которые должны были высадить их во Франции.

Ехать им предстояло по морю, где господствовал западный флот. Правда, еще в сентябре 1943 года, после перемирия в Сиракузах, державы оси лишились почти всего итальянского флота, уже немало пострадавшего от налетов Эндрю Каннингхэма. С другой стороны, весной 1944 года англичанами были уничтожены «Шарнгорст» и «Тирпиц», последние быстроходные корабли германского флота. И тем не менее у противника оставалось еще немало подводных лодок, рейдеров, дозорных сторожевых судов, которые, действуя совместно с авиацией, продолжали наносить караванам наших судов тяжелые потери. Поэтому необходимо было сначала очистить моря от противника, а потом уже выпустить армады, которые повезут войска для высадки.

В соответствии с этим в Атлантике, в Северном море, в Северном Ледовитом океане французские крейсера, миноносцы, подводные лодки, фрегаты, корветы, морские охотники, дозорные сторожевые суда, конвойные суда, отправляясь из портов Великобритании под командой адмирала д'Аржанльё, принимали участие в обширном плане наступательных и оборонительных операций, проводившихся союзниками. Во время операции «Оверлорд» все наши корабли, базировавшиеся в Англии, — 40 малых военных судов и 50 пароходов и грузовых судов — участвовали в эскортировании и перевозке сухопутных войск, а также в обстреле врага при высадке генерала Эйзенхауэра. В этой операции принимали участие крейсера «Жорж Лейг» и «Монкальм» под командованием адмирала Жожара; остановившись у Пор-ан-Бессен, они подвергли чрезвычайно эффективному обстрелу побережье, а затем поддерживали высадку войск. На старый броненосец «Курбе», который в течение четырех лет стоял в качестве понтона на рейде в Портсмуте, в этих чрезвычайных обстоятельствах был направлен немногочисленный экипаж во главе с хорошим командиром Витцелем, который под огнем противника подвел броненосец к французскому берегу и посадил его там на мель; в результате образовался своеобразный мол и был

создан искусственный порт Арроманш. И наконец, морская пехота под командованием капитан-лейтенанта Киффе сошла на берег в Уистреаме вместе с первыми отрядами союзников.

В южной части Атлантики французский флот в ожидании операции «Энвил» усиленно поддерживал действия западных держав. Семь наших крейсеров, разделенных на два отряда под командованием соответственно адмиралов Лонго и Барта, к которым вскоре присоединились два крейсера адмирала Жожара, несли между Дакаром и Наталем службу по перехвату немецких судов, «осуществлявших блокаду». Одно из судов противника — «Портланд» — было потоплено «Жоржем Лейгом». Вдоль всего западного побережья Африки, да и вообще на этих широтах военно-морские силы и морская авиация под командованием адмирала Коллинэ вели операции против подводных лодок, рейдеров и авиации противника.

В Средиземном море отряд легких французских крейсеров под командой капитана 1-го ранга Сала, которого впоследствии заменил Лансело, вместе с многочисленными английскими и американскими судами оказывал поддержку армиям союзников в Италии. Так, в сентябре 1943 года «Фантаск» и «Террибль» принимали участие в высадке войск под Салерно. В январе 1944 года «Фантаск» и «Малэн» помогали при операции в Анцио, обстреляв с близкого расстояния немецкие подкрепления, шедшие по Аппиевой дороге. Затем, выйдя в Адриатическое море, этот отряд атаковал корабли, которые противник провел ночью вдоль итальянского побережья, чтобы подбросить продовольствие своим войскам, лишенным сухопутного подвоза благодаря действиям союзной авиации. 1 марта в районе Пола наши легкие крейсера пустили ко дну пять судов противника, в том числе один миноносец. 19 марта они потопили пять судов далеко в море. В июне в северной части Адриатики они уничтожили еще четыре судна. В этот период все караваны дружественных нам держав, плававшие на широте Англии и Нормандии или направлявшиеся в Италию, на Корсику, в Северную Африку, имели в своем эскорте французские суда. Мы потеряли миноносец «Комбатант», подводную лодку «Проте», вестовое судно «Ардан», тральщик «Мари Мад», танкер «Нивоз», морской охотник № 5 и несколько грузовых судов.

Наконец, в Тихом океане великолепный «Ришелье» под командой Мервейе дю Виньо присоединился к кораблям линейного флота. В апреле под Сабаном, в мае под Сурабаей он активно поддерживал действия союзных авианосцев. Словом, французский флот всюду проявил себя наилучшим образом.

Если господство на море и позволило предпринять наступление на континент, то лишь благодаря тому, что оно сочеталось с преобладанием в воздухе. И в тех и в других операциях французы принимали активное участие, хотя и не играли решающей роли. Семнадцать наших авиагрупп поддерживали сухопутные войска в Италии. Семь авиагрупп участвовали в битве за Францию; две из них летали на дальние бомбардировки, имевшие целью вывод из строя германской промышленности. Две истребительные авиагруппы с честью участвовали в ожесточенной борьбе, которую выигрывала Россия. Несколько авиагрупп прикрывали наземные базы на побережье Северной Африки и караваны судов в море. Их славные дела и подвиги были подобны искрам, разжигавшим пожар «великой битвы».

Сражение за Францию сливается в единое целое. Боевой дух, вдохно-

вляющий наши регулярные войска, растет и в наших внутренних силах. Эти последние задолго до начала высадки уже не только участвуют в стычках, но и ведут серьезные бои по всей форме. К донесениям об операциях сухопутных войск, флота и авиации присоединяются теперь ежедневные отчеты об активности маки́ и подполья. Вполне естественно, что пожар охватывает прежде всего Центральный массив, Лимузен и Альпы.

Десятого сентября 1943 года под Дуршем в Авероне развертывается сражение, явившееся своеобразным сигналом. Целая рота немцев отступила под натиском наших, оставив на поле боя своего капитана и десять солдат. Правда, в Ла-Бори победоносные партизаны были в свою очередь истреблены и их командир, лейтенант де Рокморель, убит противником. Но в других местах Аверона и Канталя развертываются бои, в которых преимущество остается на нашей стороне. В Сен-Ферреоле, в Террасоне происходят ожесточенные схватки, в ходе которых оккупанты теряют несколько сот людей,— это предшественники большой операции, которая будет проведена одновременно с высадкой. В Пюи-де-Дом после нескольких удачно предпринятых вылазок полковник Гарси собрал 3 тыс. человек на позиции Муше и 2 июня начал бои, в которых немцы оказались в явно невыгодном положении. Непрекращающиеся схватки в Лимузене, Керси, Перигоре наносят противнику серьезные потери.

В Верхней Савойе развертываются все более напряженные бои. Уже в июне 1943 года итальянцам, которые оккупировали этот департамент, пришлось довольно тяжело в Дан-де-Ланфон, а в следующем месяце — в Клюзе. Пришедшие к ним на смену немцы в течение зимы подвергались неоднократным атакам. В феврале 500 французов, к которым присоединилось 60 испанцев, заняли позицию на плато Глиер. Командовал ими лейтенант Морель. После смерти Мореля его заместил капитан Анжо, который в свою очередь пал на поле боя. Противник, который на протяжении марта не раз предпринимал против них вылазки, оканчивавшиеся неудачей, решил пустить в ход крупные силы. Он бросает против них три батальона, две горные батареи, тяжелые мортиры, прибегнув при этом к омерзительной помощи отрядов французской милиции и жандармерии. Итак, 7 тыс. человек при поддержке пикирующих бомбардировщиков выступают на штурм плато Глиер. После тринадцати дней боев немцам наконец удается захватить его. При этом они потеряли 600 своих солдат и все же не смогли уничтожить защитников, две трети которых сумели уйти от преследователей.

В департаменте Эн идут непрерывные бои. Отряды внутренних сил, дисциплинированные, возглавляемые опытными командирами, являются здесь хозяевами положения. Они доказывают это 11 ноября, в день славного юбилея, сумев за одни сутки занять Ойоннакс. Вступив в город, полковник Роман-Пети проводит смотр войскам перед памятником погибшим, а затем бойцы проходят через город, встречаемые растроганным населением. Чтобы уничтожить маки́ в Эне, немцы в начале 1944 года проводят серьезные операции, которые обходятся им в несколько сот солдат. В апреле они предпринимают новые попытки, за которые расплачиваются еще более дорогой ценой. В июне наши начинают повсюду наступательные действия и захватывают в плен четыреста немцев.

В департаменте Дром, через который проходит большая транспортная магистраль Лион — Марсель, а также пути на Гренобль и на Бриансон,

макú полковника Друо действуют главным образом на железнодорожных путях. В декабре взлетает на воздух поезд с немецкнмн отпускниками в Порт-ле-Валанс; вагоны, частью остановившиеся, частью опрокинувшиеся, подвергаются пулеметному обстрелу, в результате чего наши убивают и ранят 200 солдат. Через несколько дней в Вершени сходнт с рельсов воинский эшелон и падает в Дрому. В марте в ущелье Донзер партизаны останавливают и подвергают обстрелу военный обоз, после чего на месте стычки остается 300 убнтых и раненых. Некоторое время спустя вооруженная группа, подвергшаяся нападению близ Седерона, сражается до последнего человека. Однако в Дроме все уже готово к тому, чтобы перерезать железнодорожные коммуникации противника, когда начнется великое сражение.

В департаменте Изер наши внутренние силы намереваются начать обширные операции, как только загремят бои. Их подготовительные действня немало стоят противнику. Так, в Гренобле 14 ноября силы Сопротивления взорвали артиллерийскнй парк, где немцы хранилн боеприпасы, горючее и перевозочные средства. Немцы арестовали 300 заложников. На требование освободить этих людей они ответили отказом, и тогда в порядке санкции взрывом была уничтожена казарма в Боне, где было расположено несколько батарей вермахта; при этом 220 немцев было убито и 550 ранено. В то же время бойцы Сопротивления под началом майора Ле Рея, выполняя указание генерала Делестрэна н приказ полковника Декура, командовавшего нашими силами в Изере, пробираются в массив Веркор и окапываются там. Разведывательные отряды противника не могут даже близко подойти к Веркору.

Таковы, пожалуй, наиболее значительные операции, проведенные снлами Сопротивления за этот период,— во всяком случае, наиболее значительные из тех, о которых говорится в донесениях. Однако в это время делалось н многое другое, не столь значительное и не так бросающееся в глаза. Достаточно перелистать короткие рапорты, в которых место действия указывается цифрами, приказы и сообщения передаются зашифрованными фразами, бойцы обозначаются разными диковинными прозвищами, чтобы понять, насколько действенна эта внутренняя война. И противник подтверждает это, прибегая к жесточайшим репрессиям. Еще прежде чем союзные армии ступили на нашу землю, немец уже потерял у нас тысячи своих солдат. Он окружен атмосферой неуверенностн, которая влияет на моральное состояние войск и дезориентирует командиров. К тому же местные власти и французская полиция — то ли потому, что они искренне сочувствуют Сопротивлению, то ли потому, что боятся санкций, которые могут обрушиться на «коллаборационистов»,— не столько способствуют, сколько препятствуют репрессиям.

Добавим к этому, что немцы, даже когда онн не получают пулю в спину и не взлетают на воздух от гранат подпольщиков, живут в ощущении, что за ними всюду зорко следят. Ничто из действий оккупантов не ускользает от наших подпольщиков. Недаром генерал Беделл Смит в своем донесении написал: «За май из Франции в Лондон поступило 700 сообщений по телеграфу н 3000 письменных рапортов». И в самом деле, в тот день, когда началось сражение, мы точно знали о расположении немецких войск, об нх базах, складах, аэродромах, командных постах; личный состав их войск н материальная часть были точно учтены, оборонитель-

ные сооружения сфотографированы, минные поля отмечены. Между штабом Кёнига и подпольем существовала хорошо налаженная радиосвязь, позволявшая немедленно отвечать на запросы и посылать донесения. Благодаря всему комплексу сведений, полученных от французского Сопротивления, союзники видели насквозь игру противника и могли наверняка наносить ему удары.

Известие о высадке явилось для маки́ сигналом к повсеместным действиям. Я заранее это предусмотрел и еще 16 мая передал внутренним силам приказ в форме так называемого «плана Каймана», указав те цели, которых они должны попытаться достичь. Однако командование союзников не без опасения относилось к расширению партизанских действий. Кроме того, оно предвидело длительные бои. А потому оно хотело, чтобы силы Сопротивления не торопились и активизировались лишь на подступах к боям за предмостное укрепление. В своем обращении к французским патриотам по радио 6 июня генерал Эйзенхауэр просит их держаться выжидательной тактики. Правда, я в тот же день призываю их, наоборот, сражаться всеми имеющимися в их распоряжении средствами сообразно с приказами французского командования. Но поставка оружия зависит от главного штаба союзников и вначале производится в весьма ограниченных размерах. «Объединенный штаб» заинтересован ведь прежде всего в разрушении железных дорог, магистралей, средств связи, что он считает делом первостепенной важности.

Железнодорожные объекты поделены между авиацией и силами Сопротивления. Эти последние берут на себя наиболее удаленные районы — Лион, Дижон, Ду, Восток, Центр, Юго-Запад, где в июне и в июле сошло с рельсов 600 поездов. Кроме того, наши берут на себя организацию саботажа на всех железных дорогах, в результате чего выведено из строя 1800 паровозов и более 6 тыс. вагонов. В результате умело проведенных разрушительных работ 6 июня и в последующие дни были повреждены подземные телеграфные кабели, которыми пользовался враг для связи между Нормандией и районом Парижа. Проволочную же связь вообще без конца перерезали. Можно представить себе, какую сумятицу вносят в немецкий лагерь подобные нарушения связи и перебои с транспортом. Тем более что в этот самый момент в ряде департаментов начинаются вооруженные выступления, которые оказывают значительное влияние на ход операций. В результате всего этого верховное командование вынуждено было признать ценность услуг, оказываемых партизанами, и предоставило им помощь, не слишком щедрую, но все же достаточно эффективную.

Зато по отношению к Бретани союзники придерживаются отнюдь не выжидательной тактики. Генерал Эйзенхауэр хочет, чтобы Арморикканский полуостров был очищен от немецких полчищ прежде, чем он двинет свои армии к Сене. А в Бретани полно партизан, особенно в департаментах Кот-дю-Нор и Морбиан, где местность крайне благоприятствует их действиям. Итак, решено было дать оружие бретонцам и послать туда 1-й парашютный полк, стоявший в Англии наготове под командованием полковника Бургуэна. Накануне высадки и в течение последующих дней в расположения наших внутренних сил упало с неба немало контейнеров и целых групп парашютистов. И сопротивление тотчас разгорелось. 30 тыс. человек включаются в кампанию: одни объединены в войсковые единицы, другие мелкими боевыми группами выполняют отдельные задания.

Однако немцы засекли в Сеи-Марселе, близ Мальтруа, одну из баз, где наши получали вооружение, прибывавшее из Англии, и 18 июня напали иа иее. Ее защищали морбиаиский батальон, несколько отрядов парашютистов под командой майора Ле Гаррека, а также рота под командой генерала в отставке де Ламорлей, которую ои сам сформировал в Генгане. После боя, продолжавшегося иесколько часов, противнику удалось занять территорию базы, усеяиную трупами. Однако уцелевшие защитники все же сумели уйти от преследователей.

Известие о боях в Сеи-Марселе окончательио всколыхнуло всю Бретань. Оккупаитов блокируют в городских цеитрах и портах. Они дерутся отчаяино и ие щадят никого. Но бретонцы ие дают им передышки и атакуют их всюду. И подобно дрожжам, вызывающим брожение в тесте, действует в Бретаии полковник Бургуэн и его люди. В 1-м парашютном полку из 45 офицеров иасчитывается 23 убитых. Когда таики Паттона, прорвавшись сквозь брешь в Авранше, вступили в начале августа в Бретань, они обнаружили повсюду иаших, которые успели уже похороиить 1800 немецких трупов и взять в плеи 3 тыс. иемцев. Позже, когда иачалась кампания по ликвидации гариизонов, партизаны служили прекрасиыми гидами для американских танков и сопровождали пехоту. Противник сопротивляется только в портах Сеи-Мало, Бресте, Лориане, где ои заранее оргаиизовал оборону. Это обходится ему иедешево: иесколько тысяч убитых, около 50 тыс. пленных, а также значительное количество потеряииой техники. Уничтожено четыре иемецкие дивизии.

На другом коице страиы в райоие Веркора бои являют такие же доказательства эффективности французского Сопротивления с военной точки зрения. В первые дни июня в этом гориом массиве обосиовалось 3 тыс. человек. Поскольку местиость здесь чрезвычайно пересечеииая и осуществлять обороиу можио лишь отдельными группами, как это и делают партизаны, а жители Альп иастроены весьма решительно, удалось убедить союзное комаидоваиие оказать им существенную помощь оружием: им сбрасывают на парашютах 1500 коитейнеров. Из Аиглии в Веркор выезжает миссия в составе америкаиских, английских и французских офицеров для поддержаиия связи между гарнизоиом и главным командованием. К партизанам прибывает иесколько ииструкторов и специалистов из Алжира. По согласованию с союзиой авиацией в центре массива устраивают посадочную площадку для приема отрядов регулярных войск, для подвоза довольствия и боеприпасов и эвакуации раненых.

Четырнадцатого июля противник переходит в иаступлеиие. Десять дней длится атака, значительные силы брошены в бой. С самолетов ведется пулеметиый обстрел защитников, а редкие населеиные пуикты подвергаются бомбежке. Поскольку иемецкие истребители все эти дни контролируют воздух, авиация союзников отказывается вылетать иа том основании, что из-за дальиости расстояния якобы невозможио обеспечить траиспортным самолетам и бомбардировщикам должную поддержку истребителей. Больше того: посадочная площадка, которую защитники устраивали в расчете на прибытие подкрепления, попадает в руки противника, который высаживает там на плаиерах несколько отборных отрядов. И тем ие менее партизаны, сражаясь с удивительным упорством, вплоть до 24 июля сдерживают напор атакующих. А в этот деиь немцы занимают Веркор. Они держали там почти целую дивизию и потеряли иесколько

тысяч человек. Рассвирепев, они приканчивают раненых и убивают жителей окрестных деревень. В Вассье они уничтожили все население городка. Половина альпийских стрелков, действовавших в Веркоре, отдала жизнь за Францию, другой половине удалось отступить.

Об этих боях стало широко известно всему миру. Естественно, радио Алжира, Лондона и Нью-Йорка уделило им немало внимания. В середине июля уже сорок департаментов были охвачены восстанием. Департаменты Центрального массива, Лимузена, Альп, равно как и департаменты Верхняя Гаронна, Дордонь, Дром и Юра, а также департаменты Бретани находились в руках маки́, принадлежащих к тайной армии или к «Франтирер э партизан», к ОРА или к партизанским отрядам. Префекты так или иначе вступают в связь с Сопротивлением, открыто появляются «префекты освобождения». Муниципалитеты 1940 года возобновляют свою деятельность там, где их заново созывают. На груди людей, на стенах, на флагах, украшающих общественные здания, появляется Лотарингский крест. Что касается немцев, то их окруженные, истрепанные, отрезанные друг от друга гарнизоны живут в состоянии непрестанной тревоги. Немцев-одиночек либо убивают, либо берут в плен. А колонны противника и шагу не могут сделать, чтобы не вступить в стычку с нашими. Противник отвечает на это массовыми убийствами и поджогами, как, например, в Орадур-сюр-Глане, Тюле, Сердоне и т. д. И вот, в то время как в Нормандии немцам приходится вести все более тяжелые бои, в большей части Франции положение их становится и вовсе отчаянным.

В конце июля французские внутренние силы сковывают восемь дивизий противника — ни одну из них нельзя высвободить и отправить для подкрепления на фронт. 1-я пехотная дивизия и 5-я парашютная дивизия застряли в Бретани, 175-я дивизия — в Анжу и Турени, 116-я бронетанковая дивизия — в районе Парижа, так называемая дивизия «Остлегион» — в Центральном массиве, 181-я дивизия — в Тулузе, 172-я дивизия — в Бордо и примерно целая дивизия из состава армии, находящейся в Провансе, охраняет долину Роны. Больше того: три бронетанковые дивизии, которые немецкое командование срочно вызывает в Нормандию, чтобы через 48 часов бросить их в бой, прибывают туда с большим опозданием. 17-я бронетанковая дивизия, которую наши войска перехватывают между Бордо и Пуатье, теряет десять дней, прежде чем ее колоннам удается пробиться. 2-я бронетанковая дивизия СС, так называемая «Рейх», вышедшая из Монтобана 6 июня, вынуждена отказаться от передвижения по железной дороге, поскольку все пути выведены из строя; отдельные ее части застревают в Тарне, Ло, Коррезе, Верхнем Вьенне, и только 18 июня, измотанная, понеся большие потери, она прибывает наконец в Алансон. 11-я бронетанковая дивизия, которой понадобилось всего восемь дней на то, чтобы по железной дороге переправиться с русского фронта к французской границе, тратит 23 дня, чтобы пересечь Францию и из Страсбурга попасть в Канн. А какой урон — материальный и моральный — понесли немецкие части от бесконечных бед, приключавшихся с обозами, от нарушения связи и снабжения!

Все это заставляло предполагать, что арьергарды противника, обязанностью которых была оборона средиземноморского побережья, едва ли устоят, как только французы и американцы высадятся в Провансе. Мне сообщил об этом приехавший из Франции в начале августа наш военный

делегат на Юго-Востоке полковник Анри Зеллер. Он утверждает, что стоит нашим войскам занять Тулон и Марсель, и они быстро сумеют преодолеть линии обороны, которые противник создаст на Роне, поскольку район Альп и Центрального массива находится в руках наших внутренних сил. Зеллер сообщил это генералам Пэтчу и де Латтру, к которым я его направил. Эти последние соответственно меняют намеченные ранее темпы своего продвижения. Развитие событий подтверждает правильность предположений Зеллера. Лион командование предполагало занять лишь после двухмесячных боев, а он оказался в наших руках через 17 дней после высадки.

Тот подъем, который во Франции и Африке побуждает французов браться за оружие, неизбежно сказывается и на положении в Индокитае. В Сайгоне и Ханое, где все еще ждут внезапного мощного удара со стороны оккупантов, теперь — как и всюду — уже не сомневаются в конечной победе союзников. Не только появляются признаки крушения Германии, но и Япония начинает сдавать свои позиции. Мало того, что еще летом 1943 года дальнейшее продвижение японского флота и японских армий было в целом приостановлено,— теперь уже инициатива перешла в руки союзников: адмирал Нимиц захватывает остров за островом в центральной части Тихого океана, генерал Макартур продвигается в направлении Филиппин, лорд Маунтбэттен с помощью войск Чан Кайши высаживается в Бирме.

Вот почему кое-кто из представителей французских властей в Индокитае начинает потихоньку поворачиваться в сторону алжирского правительства. Об этом заявляет прибывший из Сайгона директор банка Франсуа; начальник политической канцелярии генерал-губернаторства де Буазанже предпринимает осторожные шаги, чтобы связаться с генералом Пешковым, нашим послом в Чунцине; командующий войсками генерал Мордан вступает в секретные переговоры с полковником Тютанжем, начальником разведывательной службы, находящимся в Юньнани.

Я считаю, что неотложной задачей должно быть приобщение наших войск к военным операциям на Дальнем Востоке. Мысль, что можно сохранить прежние владения Франции, придерживаясь до конца по отношению к японцам доброжелательной пассивности, представляется мне возмутительной и нелепой. Я нисколько не сомневался в том, что при создавшемся стратегическом положении, когда Индокитай оказался в центре расположения противника, этот последний, всюду теснимый, вынужденный отступать, неизбежно постарается избавить себя от риска вести на полуострове лишние бои. Да разве, терпя неудачи на близлежащих полях сражений, он может мириться с пребыванием среди своих войск французской армии численностью в 50 тыс. человек, тем более когда фикция нейтралитета Франции рухнула вместе с Виши? Словом, все заставляет думать, что наступит день и японцы захотят ликвидировать французские войска и французскую администрацию. Даже если предположить, что при наличии новых унизительных гарантий они могли бы оставить в неприкосновенности какую-то часть наших войск и какие-то крохи нашей власти, то уж никак нельзя представить себе, чтобы государства и народы, входящие в федерацию, с одной стороны, и союзники, с другой стороны, согласились на восстановление французского господства в том районе, где мы не принимали никакого участия в мировой схватке.

Следовательно, перед иами вставала задача подготовить иа полуострове вооруженное сопротивление противнику, чтобы он не мог без боя завладеть иашими постами, изгнать из страиы наших представителей и окоичательно растоптать наше достоинство. Надо послать на Дальний Восток войска, которые могли бы вступить иа территорию Индокитая, как только представится возможность. В своем письме от 29 февраля 1944 года генералу Мордану я постарался укрепить его в добрых намерениях и уточнил, чего ждет от него и от его солдат правительство в той чрезвычайно трудной ситуации, в какой он оказался. Некоторое время спустя я иазначил геиерала Блезо командующим войсками, предназиачеиными для Дальиего Востока. Но поскольку эти войска могли начать операции лишь из Индии, Бирмы или Китая, для их отправки требовалось согласие союзников. А Вашингтои, Лондои и Чунцин не торопились с ответом. Тем не меиее мы добились разрешения английского правительства и лорда Маунтбэттеиа, главнокомандующего в районе Индийского океана, на то, чтобы геиерал Блезо прибыл в Дели и там вел подготовку к дальнейшим действиям. Вместе с геиералом отбывает эшелон с нашими войсками. Это первый шаг к цели. Но в глубине души мы прекрасно знаем, что проблема Индокитая, как и все будущее Франции, будет решаться в Париже.

И вот 15 августа части 1-й французской армии и 6-го американского корпуса высаживаются на побережье Прованса. Первоначальио всеми этими войсками командует генерал Пэтч. Де Латтр возглавляет иаши войска. Я одобряю план операций. После высадки американцы пойдут на Греиобль, придерживаясь «дороги Наполеона»; французы займут Тулои и Марсель и двинутся вверх по течению Роны. Вечером, под прикрытием сильиейшей бомбардировки с моря и с воздуха, первые американские части вступили на французскую землю между Кавалер и Ле Трейя. Высадка парашютистов в Карнуле, Люке и Мюи, а также наших африканских десантных команд в Рейоле и в Лаванду произошла, как и предполагалось, ночью, а днем приступили к высадке три американские дивизии. 16 августа началось наступление иа Тулон дивизий Броссе, де Монсабера, дю Вижье, высадившихся в Рейоле, в Кавалере, в Сеи-Тропезе, в Сент-Максиме, в то время как американцы подступают к Драгиньяну.

В больших операциях обычно бывает так, что постепенно накапливаются усилия, а затем в какую-то минуту происходит бросок, объединяющий в едином порыве различные разрозненные части. Известия, в изобилии поступающие 18 августа со всех участков битвы, показывают, какую роль играют повсюду фраицузы, свидетельствуют о согласованности действий наших сил.

В Провансе де Латтр, видя растерянность, охватившую 19-ю немецкую армию, решил воспользоваться своим преимуществом. По его приказу части Лармина и Монсабера заканчивают окружение Тулона, а отдельиые наши отряды уже направляются в Марсель. В этот день был окончательио прорван немецкий фронт в Нормандии. Особенно отличается при этом дивизия Леклерка, ведущая бои с 11 августа. Дорога на Париж открыта. В столице полиция и партизаны начинают стрелять по захватчикам. Изо всех районов поступают донесеиия о том, что бойцы Сопротивлеиия вступают в схватки с врагом. Как мы и хотели, битва союзников за Францию становится также «битвой Франции». Французы ведут «общий бой за свою общую родину».

Политика, дипломатия, оружие вместе подготовили это единство. Теперь необходимо объединить нацию, как только она выберется из водоворота. Я выезжаю из Алжира в Париж.

Париж

Париж более четырех лет был укором свободному миру. И вдруг он становится магнитом. Пока скованный и оглушенный гигант, казалось, спал, все как-то мирились с его отсутствием. Но лишь только немецкий фронт был прорван в Нормандии, французская столица сразу очутилась в центре стратегических замыслов, в самом сердце политики. Планы главнокомандующих, расчеты правительств, маневры честолюбцев, взволнованные чувства людей — все сосредоточилось на этом городе. Париж возвращался к жизни. Сколь многое могло теперь измениться!

Прежде всего Париж, если этому не помешают, решит вопрос о том, какая будет власть во Франции. Все убеждены, что, если де Голль по прибытии в столицу не будет поставлен перед свершившимся фактом, народ выскажется за то, чтобы он остался у власти. А потому все те, кто — будь то в стране или за ее пределами — питает надежду помешать такому исходу или, по крайней мере, сделать успех неполным или спорным, постараются — независимо от того, к какому лагерю они принадлежат,— в последнюю минуту воспользоваться освобождением и создать такую ситуацию, которая поставит меня в затруднительное положение, а возможно, даже и парализует. Но нация сделала свой выбор, и волна общественных чувств сметет эти попытки.

Одна из них была предпринята Пьером Лавалем. В те августовские дни, когда мне сообщали о решающих успехах, достигнутых в Нормандии, о высадке в Провансе, о боях, которые ведут силы внутреннего Сопротивления, о назревающем восстании в Париже, я узнал и об интриге, замышляемой человеком, запятнавшим себя коллаборационизмом. Его замысел заключался в том, чтобы созвать в Париже «национальную» ассамблею 1940 года и на ее основе создать так называемое «правительство единения», которое на правах законного органа встретило бы в Париже союзников и де Голля. Таким образом почва была бы выбита из-под ног генерала. Конечно, ему было бы предоставлено место в исполнительном органе, а в случае необходимости он был бы даже поставлен во главе исполнительной власти. Но, развенчав его морально и лишив поддержки народа, от него скоро отделались бы с помощью проверенных средств: воздания никому не нужных почестей, все возрастающей обструкции со стороны партий и, наконец, всеобщей оппозиции под тем предлогом, будто, с одной стороны, он не в состоянии управлять страной, а с другой — метит в диктаторы. Что же до самого Лаваля, то, обеспечив приход к власти парламентариев — услуга, о которой эти последние, конечно, не забыли бы, хотя и были бы обязаны вынести ему принципиальное осуждение,— он отошел бы в сторонку, пока все не забудется и обстоятельства не изменятся в его пользу.

Но чтобы провести такой план в жизнь, необходима была помощь со стороны самых разнородных элементов. И прежде всего требовалось

участие какого-то видного деятеля, достаточно авторитетного для парламента, деятеля, известного своей оппозицией политике Петэна, достаточно уважаемого за границей, иначе это трудно было бы выдать за реставрацию республиканского режима. Вполне подходящим для этой цели казался Эррио. Оставалось только уговорить его. Приходилось учитывать также то, что новая власть должна быть признана союзниками после того, как они вступят в Париж. А кроме того, надо, чтобы согласились и немцы, так как ведь их войска еще находятся в столице. И наконец, надо получить согласие маршала, иначе оккупанты не дадут разрешения, союзники не признают такого правительства, парламентарии откажутся явиться, ну а что касается Сопротивления, то оно в любом случае с возмущением откажется признать подобную власть.

В начале августа у Лаваля могло создаться впечатление, что он получит необходимую поддержку. Через Анфьера, друга Эррио, связанного со службами Аллена Даллеса в Берне и помогавшего американцам поддерживать контакт с председателем палаты, он выяснил, что Вашингтон отнесется благосклонно к плану, который позволит опередить или устранить де Голля. У немцев проект главы «правительства» встретил не менее благосклонное отношение. Абец, Риббентроп и прочие, естественно, решили, что будет куда лучше, если после освобождения Франции в Париже окажется исполнительная власть, замаранная вишистским клеймом, а не правительство без страха и упрека. И вот, с согласия оккупантов, Лаваль едет в Марэвиль, где содержится Эррио, и уговаривает последнего отправиться вместе в Париж, чтобы созвать там парламент 1940 года. Петэн дает понять, что он тоже готов прибыть туда.

Должен сказать, что, несмотря на поддержку, которую, казалось бы, со всех сторон получил Лаваль, эта затея представлялась мне уже тогда отчаянным и бесперспективным шагом. Ведь если бы его попытка удалась, мне пришлось бы покориться. Но ничто, даже нажим со стороны союзников, не могло бы заставить меня признать ассамблею 1940 года органом, имеющим право выступать от имени Франции. Кроме того, зная о тех силах, какие Сопротивление намеревалось привести в действие по всей стране и вызвать к жизни в Париже, я не сомневался, что затея Лаваля будет удушена в зародыше. Уже 14 июля в пригородах столицы начались внушительные демонстрации. В этот день в разных местах было поднято трехцветное знамя, люди пели «Марсельезу», ходили по улицам с криками: «Да здравствует де Голль!» А в Сантэ политические заключенные, договорившись через стены камер, вывесили во всех окнах, невзирая на возможность жесточайших репрессий, флажки, прогнали тюремщиков и на весь квартал распевали патриотические песни. 10 августа железнодорожники прекратили работу. 15 августа началась забастовка полицейских. 18 августа должны были забастовать работники почты и телеграфа. С минуты на минуту могли поступить вести о том, что начались уличные бои, и иллюзиям парламентариев неминуемо пришел бы конец.

Однако другой план — тот, с помощью которого определенные политические элементы, участвовавшие в Сопротивлении, намеревались прийти к власти,— имел, как мне представлялось, больше шансов на успех. Я знал, что эти люди хотят воспользоваться всеобщим возбуждением, возможно, даже состоянием анархии, которое вызовет борьба в столице, и попытаются захватить рычаги управления, прежде чем я успею их взять. Речь

идет, конечно, о намерениях коммунистов. Если бы им удалось возглавить восстание и, следовательно, забрать в свои руки Париж, им ничего бы не стоило создать правительство де-факто, где они играли бы главенствующую роль.

Они намеревались извлечь выгоду из неразберихи, сопутствующей боям, привлечь на свою сторону Национальный совет Сопротивления, многие члены которого (не считая тех, кто был непосредственно подчинен им) могли прельститься обещанием власти; воспользоваться симпатиями, которые испытывали к ним многие люди, принадлежащие к разным слоям населения, в связи с теми преследованиями, каким они подвергались, теми потерями, какие они понесли, и тем мужеством, какое они проявили; они могли использовать тревогу, вызванную в народе отсутствием какой-либо реальной общественной силы, и, наконец, ведя двойную игру, афишируя свою приверженность генералу де Голлю, стать во главе восстания наподобие своеобразной Коммуны, которая провозгласит республику, восстановит порядок, возродит правосудие и, в довершение всего, будет петь только «Марсельезу» и вывешивать только трехцветные флаги. По прибытии в столицу я обнаружил бы там это «народное» правительство, оно украсило бы мое чело лавровым венком, предложило бы занять место, заранее отведенное мне в его составе, и ловушка была бы захлопнута. Ну а дальше игроки повели бы игру, чередуя дерзость с осторожностью, проникая, под прикрытием чистки, во все звенья государственного аппарата, обрабатывая общественное мнение с помощью ловкого распространения нужных сведений и постепенно избавляясь от своих первоначальных союзников, пока наконец не будет установлена так называемая диктатура пролетариата.

То, что такого рода политические проекты возникнут по мере расширения боев, казалось мне неизбежным. То, что восстание в столице для кое-кого будет связано с попыткой учредить власть III Интернационала, было мне давно известно. И тем не менее я считал, что силы Франции должны с оружием в руках проявить себя в Париже до того, как туда вступят союзники, чтобы сам народ способствовал разгрому оккупантов, чтобы освобождение столицы носило характер военной и одновременно общенациональной операции. Вот почему я решил идти на риск и всячески поощрять восстание, не возражая против участия в нем любых элементов, способных его вызвать. Надо сказать, я чувствовал в себе достаточно сил, чтобы направить дело к благоприятному исходу. Заранее приняв соответствующие меры, подготовив своевременное вступление в город крупной французской части, я намеревался прибыть туда и сам, чтобы принять на себя энтузиазм освобожденного Парижа.

Правительство сделало все необходимое, чтобы командование регулярными войсками, находившимися в Париже, было поручено преданным людям. Уже в июле Шарль Люизе, префект Корсики, был назначен префектом полиции. После двух неудачных попыток ему наконец удалось 17 августа проникнуть в Париж, что было очень кстати, поскольку полиция как раз захватила префектуру и ему надо было приступать к исполнению своих обязанностей. А генерал Ари должен был в соответствующий момент стать во главе республиканской гвардии (которую Виши именовало парижской), полка пожарной охраны Парижа, национальной гвардии и жандармерии,— все эти части, несомненно, с восторгом встретят руководителя, назначенного де Голлем.

Но вследствие создавшихся обстоятельств иначе обстояло дело в партизанских отрядах, возникавших в разных кварталах. Они, естественно, находились под командой начальников, которых сами выбрали из своей среды,— при этом коммунисты старались, действуя порою прямо, а порою под прикрытием «Фрон насиональ», чтобы это были их люди. При назначении на более высокие посты «партия» оказывала давление через Национальный совет Сопротивления. Военными вопросами ведал назначенный Советом комитет действия, так называемый «КОМАК», состоявший из трех членов, в число которых входили Крижель-Вальримон и Вийон. Звание начальника штаба внутренних сил Сопротивления было указанным выше путем возложено на Маллере-Жуанвиля, после того как немцы арестовали полковника Дежюсьё. Роль-Танги был назначен командующим вооруженными силами Иль-де-Франса. Словом, если судить по этим назначениям, казалось, что руководство сражающимися находится в руках коммунистов.

Но это были лишь звания, отнюдь не означавшие того, что принято под ними подразумевать. По сути дела, люди, носившие их, никоим образом не осуществляли руководства операциями. Вместо того чтобы отдавать приказы и проверять их выполнение в соответствии с военными нормами, они будут действовать с помощью воззваний или индивидуальных актов, которые всегда имеют ограниченный характер. И в самом деле, партизаны, численность которых достигнет самое большее 25 тыс. вооруженных людей, представляли собой отдельные группы, и каждая из них действовала не столько сообразно указаниям сверху, сколько сообразно местным условиям, не выходя за пределы своего квартала, где у нее были укрытия. К тому же, полковник де Маргерит, чрезвычайно опытный офицер, возглавлял внутренние вооруженные силы Парижа и предместий. А генералы Ревер и Блок-Дассо были соответственно советниками «КОМАК» и «Фрон насиональ». И наконец, Шабан-Дельмас, военный делегат правительства, прибывший в Париж 16 августа, предварительно получив в Лондоне инструкции от генерала Кёнига, был в центре всего. Ловкий и проницательный, он один имел возможность поддерживать связь с заграницей, он был в курсе всех предложений и намерений, и порою ему приходилось вести долгие и мало приятные переговоры, чтобы удержать Совет и комитеты от тех или иных шагов. Кроме всего прочего, генерал де Голль и его правительство имели в Париже своего представителя.

Эту функцию выполнял Александр Пароди. 14 августа в интересах укрепления его авторитета я назначил его министром-делегатом на еще не освобожденных территориях. Поскольку он выступал от моего имени, к его словам прислушивались. А в силу своих высоких моральных качеств — добросовестности, полной незаинтересованности, абсолютной честности — он сразу стал над всей этой игрою страстей. Кроме того, немало прослужив на государственной службе, он отличался еще и опытом, что придавало ему немалый престиж в условиях царившей вокруг неразберихи. Политика, которую он проводил, соответствовала его характеру: он охотно уступал в мелочах, но с мягким упорством отстаивал главное. Признавая требования идеологии и претензии отдельных лиц, он старался не допустить неприятных последствий, чтобы по прибытии в Париж я не оказался в условиях, когда в игре уже сделаны все крупные ставки. Надо сказать, что Жорж Бидо, председатель Национального совета Сопротивления, согла-

совывал свои действия с Пароди и помогал избегать худшего, умело сочетая со своей стороны тактику смелых высказываний с осторожностью поступков. Что касается административных органов, то все они признавали авторитет моего представителя и тех, кого я назначил для руководства теми или иными ведомствами. Таким образом, Пароди без малейших затруднений в нужную минуту вступит в Матиньон *, генеральные секретари водворятся в министерствах, Люизе, префект полиции, вступит во владение площадью Бюсьер, а Флуре, префект департамента Сена, сядет в кресло, которое прежде занимал Буффе. Правительственный аппарат, созданный заранее еще в Алжире, тотчас расставит свои вехи по Парижу, как раньше он расставил их во владениях Франции.

Восемнадцатого августа во второй половине дня я вылетел из Алжира на моем обычном самолете, который вел Мармье. Генерал Жюэн и часть сопровождавших меня лиц следовали за мной на «летающей крепости», которую американцы усиленно нам рекомендовали на том основании, что-де экипаж хорошо знает трассу и местность, куда предстоит лететь. Первый этап — Касабланка. Я намеревался вылететь оттуда в ту же ночь, чтобы на следующий день высадиться в Мопертюи, близ Сен-Ло. Но в механизмах «летающей крепости» по дороге произошли неполадки, которые необходимо было устранить. Кроме того, миссии союзников, ссылаясь на существование проходов и на правила воздушного передвижения, настаивали на том, чтобы мы сделали посадку в Гибралтаре, прежде чем лететь вдоль берегов Испании и Франции. Это означало день задержки.

Девятнадцатого я вылетел из Касабланки. Значительные толпы народа выстроились вдоль улиц, по которым я проезжал к аэродрому. Лица у всех были напряженные: люди явно догадывались о цели моего путешествия, хотя она и держалась в секрете. Ни приветствий, ни возгласов «Браво!», но все шапки сняты, все машут руками, смотрят, не отрывая глаз. Это пылкое и в то же время молчаливое приветствие было для меня как бы доказательством той поддержки, которую толпа готова оказать мне в решающий момент. Я был взволнован. Генеральный резидент, сидевший рядом, был взволнован не меньше меня. «Какая участь уготована вам!» — сказал мне Габриэль Пюо.

В Гибралтаре, пока мы обедали у губернатора, явились офицеры союзников и заявили, что «летающая крепость» не может вылететь, да и на моем самолете «Локхид» небезопасно появиться без эскорта в небе Нормандии, поскольку он никак не вооружен, словом, самое благоразумное — отложить мой отъезд. Не подвергая сомнению искренность побуждений, которые заставили их дать мне такой совет, я, однако, почел за благо ему не следовать. В намеченный час я вылетел на борту моего самолета. Вскоре вылетела и «летающая крепость». В воскресенье, 20 августа, около восьми часов я приземлился в Мопертюи.

Меня встречал Кёниг, а также Куле, комиссар республики в Нормандии, и офицер, присланный Эйзенхауэром. Прежде всего я поехал в штаб главнокомандующего союзными войсками. По дороге Кёниг обрисовал мне положение в Париже, о котором он знал из сообщений Пароди, Шабан-Дельмаса, Люизе и из донесений, привезенных нарочными. Таким образом я узнал, что полиция, бастовавшая уже три дня, на заре 19 августа заняла

* Резиденция правительства.— *Прим. ред.*

префектуру и открыла огонь по немцам; что почти всюду партизанские отряды делают то же самое; что здания министерств находятся в руках отрядов, сформированных нашей делегацией; что силы Сопротивления — порой не без боя — занимают мэрии в городе и предместьях, как это было, например, в Монтрей и позже в Нейи; что противник, занятый эвакуацией своих учреждений, до сих пор не оказывал серьезного сопротивления, но что колонны его войск должны скоро пройти через Париж, а потому можно в любую минуту ждать репрессий. Что же до политического положения, то Лаваль, как видно, ничего не сумел достичь, а в Виши со дня на день ждали увоза маршала немцами.

Эйзенхауэр, выслушав мои поздравления по поводу блестящих успехов союзных войск, обрисовал мне обстановку. 3-я армия Паттона, преследуя, во главе армейской группировки Брэдли, противника, двумя колоннами перейдет через Сену. Одна из этих колонн, продвигаясь севернее Парижа, подойдет к Манту. Другая, продвигаясь южнее Парижа, достигнет Мелёна. В тылу Паттона генерал Ходжес, командующий 1-й американской армией, произведет перегруппировку сил, закончивших очистку от неприятеля района Орны. Левее Брэдли армейская группировка Монтгомери, тесня упорно сопротивляющихся немцев, медленно продвигается к Руану. Но справа — пусто, и Эйзенхауэр решил воспользоваться этим и двинуть Паттона в Лотарингию: пусть забирается подальше, насколько позволит подвоз горючего. Наконец, с юга подойдут армии де Латтра и Пэтча и вольются в общий ансамбль. План главнокомандующего показался мне вполне логичным, за исключением одного обстоятельства, которое меня крайне беспокоило: никто не шел на Париж.

Я высказал Эйзенхауэру свое удивление и тревогу по этому поводу. «С точки зрения стратегической,— сказал я,— мне не совсем понятно, почему вы, переправившись через Сену в Мелёне, Манте, Руане — словом, в нескольких местах, не собираетесь переправляться через нее в Париже. К тому же это центр всех коммуникаций, которые впоследствии вам понадобятся и которые важно как можно скорее восстановить. Если бы речь шла о любом другом месте, а не о столице Франции, вам было бы не обязательно считаться с моим мнением, так как, естественно, всеми операциями руководите вы. Но в участи Парижа существенно заинтересовано французское правительство. Поэтому я вынужден вмешаться и просить вас направить туда войска. Само собой разумеется, что в первую очередь туда должна быть направлена 2-я французская бронетанковая дивизия».

Эйзенхауэр не сумел скрыть своего замешательства. У меня было такое ощущение, что в глубине души он разделял мою точку зрения и с радостью послал бы Леклерка в Париж, но по причинам не только стратегического порядка пока не мог этого сделать. Словом, он объяснил мне это промедление тем обстоятельством, что сражение в столице может привести к серьезным разрушениям и к большим жертвам среди населения. Однако он ничего не мог мне возразить, когда я заметил, что тактика выжидания была бы вполне оправданной, если бы в Париже ничего не происходило, но сейчас она не может считаться приемлемой, коль скоро патриоты уже сражаются там с противником и это может привести к возникновению всякого рода волнений. Он сказал мне только, что «силы Сопротивления слишком рано завязали бои».— «Почему слишком рано? — спросил я.— Ведь ваши войска уже подошли к Сене». В итоге беседы главнокомандующий

заверил меня, что скоро даст приказ о наступлении на Париж, хотя он еще и не может назвать точной даты, и что операцию эту будет проводить дивизия Леклерка. Я принял к сведению его обещание, добавив, однако, что считаю это делом общенационального значения, а потому, если главнокомандующий союзными войсками будет слишком медлить, готов сам направить в Париж 2-ю бронетанковую дивизию.

Неопределенность заверений Эйзенхауэра навела меня на мысль, что у военного командования в известной мере связаны руки политическими происками Лаваля, на которые благосклонно смотрел Рузвельт и для успеха которых необходимо было уберечь Париж от потрясений. Этим планам Сопротивление, несомненно, положило конец, начав бои. Но должно было пройти еще какое-то время, прежде чем Вашингтон согласится это признать. Мои догадки подтвердились, когда я узнал, что дивизия Леклерка, дотоле находившаяся при армии Паттона, три дня назад была придана армии Ходжеса, поставлена в непосредственную зависимость от генерала Джероу, командующего 5-м американским корпусом, и содержится под Аржантаном, точно боятся, как бы она сама не двинулась к Эйфелевой башне. Кроме того, я выяснил, что знаменитое соглашение о взаимоотношениях союзных войск и французской администрации, хотя оно было заключено уже несколько недель назад между Алжиром, Вашингтоном и Лондоном, до сих пор не подписано Кёнигом и Эйзенхауэром, так как последний еще не получил на это полномочий. Чем еще можно было объяснить эту задержку, как не великими интригами, которые удерживали Белый дом от принятия решения? Когда Жюэн прибыл в ставку главнокомандующего, он пришел в результате своих наблюдений к тем же выводам, что и я.

В момент наиболее блистательных успехов союзных армий, когда американские войска проявляли доблесть, заслуживающую всяческой похвалы, такое явное упрямство политических деятелей Вашингтона чрезвычайно огорчало меня. Но награда была недалеко. Огромная волна всеобщего энтузиазма и волнения подхватила меня, когда я вступил в Шербур, и через Кутанс, Авранш, Фужер пронесла до Ренна. Среди развалин разрушенных городов и стертых с лица земли деревень жители собирались на моем пути, бурно проявляя свои чувства. Во всех уцелевших окнах были вывешены флаги и знамена. Сохранившиеся колокола звонили вовсю. Улицы, изрытые воронками, украсились цветами и сразу приняли праздничный вид. Мэры произносили прочувствованные речи, заканчивавшиеся рыданиями. Затем я говорил несколько слов, но это были не слова жалости, в которой никто не нуждался, а слова надежды и гордости, которые заканчивались «Марсельезой»,— ее пела со мной вся толпа. Контраст между пылкостью душ и царящим вокруг опустошением поистине хватал за сердце! Но довольно об этом! Франция должна жить, раз она умеет переносить страдания!

Вечером в сопровождении Андре Ле Трокера, министра-делегата на освобожденных территориях, генералов Жюэна и Кёнига, а также Гастона Палевского я прибыл в префектуру Ренна. Виктор Ле Горжё, комиссар республики в Бретани, Бернар Корню-Жантий, префект департамента Иль и Вилен, генерал Аллар, командующий военным округом, представили мне своих подчиненных. Административная жизнь неуклонно возрождалась. Так же как и традиция. Я направился в ратушу, где мэр города

Ив Миллон, окруженный членами муниципалитета, своими соратниками по движению Сопротивления и видными горожанами, попросил меня вновь открыть золотую книгу столицы Бретани, чтобы связать цепь времен. Под дождем, в наступающих сумерках я выступил перед толпой, собравшейся возле здания ратуши.

На следующий день, 21 августа, посыпались новости из Парижа. Я узнал, в частности, об окончательном крахе попытки Лаваля. Эдуард Эррио, предупрежденный представителями Сопротивления, почувствовал, что надвигается буря, и, видя растерянность вишистских министров, высших парижских чиновников и немецкого посла, не дал уговорить себя и отказался созвать «национальную» ассамблею. Кроме того, встречи с парламентариями, в частности с Анатолем де Монзи, показали ему, что эти последние, находясь под впечатлением трагических и столь близко их касающихся событий, как убийство Жоржа Манделя, Жана Зей, Мориса Сарро милицией Дарнана, а также расстрел Филиппа Анрио группой Сопротивления, отнюдь не жаждали собираться в чреватой опасностями атмосфере Парижа. В свою очередь маршал, тщательно взвесив все, понял, что такой путь ни к чему не приведет, и отказался прибыть в столицу. И наконец, Гитлер, раздраженный этой интригой, указывавшей на то, что уже строятся планы в расчете на его крах, решил положить этому конец, предписал перевести Лаваля вместе с его «правительством» в Нанси и отдал приказ, чтобы Петэн — добровольно или насильно — последовал за ними. Что же до председателя палаты, то его вернули в Марэвиль. Итак, 18 августа Лаваль, Эррио и Абец в последний раз встретились за прощальным завтраком во дворце Матиньон. 20 августа маршал был увезен немцами из Виши.

Так канула в Лету последняя комбинация Лаваля. До самого конца он вел борьбу, которая — этого не могла скрыть вся его ловкость — была преступной. Склонный по натуре, да и приученный режимом рассматривать все с низменной точки зрения, Лаваль считал, что, как бы ни обернулись дела, важно быть у власти, что при наличии известной изворотливости можно выйти из любого положения, что нет такого события, которое нельзя было бы обратить себе на пользу, и нет таких людей, которых нельзя было бы сделать послушным орудием в своих руках. В разразившейся над Францией катастрофе он увидел не только бедствие для своей страны, но и возможность схватить бразды правления и применить в широком масштабе свое умение идти на сговор с кем угодно. Но победоносная Германия была не тем партнером, с которым можно о чем-либо договориться. Для того чтобы поле деятельности все же открылось перед Пьером Лавалем, надо было принять как должное все бедствия Франции. И он их принял. Он решил, что можно извлечь выгоду и из самого страшного, пойти даже на порабощение страны, на сговор с захватчиками, козырнуть ужасающими репрессиями. Во имя проведения своей политики он пожертвовал честью страны, независимостью государства, национальной гордостью. И вдруг все это возродилось и стало во весь голос заявлять о себе по мере того, как слабел враг.

Лаваль сделал свою ставку. И проиграл. У него достало мужества признать, что он несет ответственность за случившееся. В своем правительстве, применяя для поддержания того, что невозможно было поддержать, всю присущую ему хитрость и все упрямство, он, конечно, пытался служить

своей стране. Не будем лишать его этого! В годину бедствий даже те немногочисленные французы, которые избрали для себя путь грязи, не отреклись от родины. Это было свидетельство уважения, оказанного Францин темн ее сынами, «которые столько нагрешили». К тому же это оставляло лазейку для помилования.

Ликвидация Внши совпала с развертыванием боев в столице. Донесения, поступившие во время моего кратковременного пребывания в Ренне, лишь усиливали мое желание поскорее увидеть конец кризиса. Правда, немецкое командование — по причинам, пока еще неясным,— казалось, не хотело доводить дело до крайностей. Но эта пассивность могла неожиданно смениться жесточайшими репрессиями. Кроме того, мне было невыносимо сознавать, что враг может пробыть в городе хотя бы один лишний день, когда под рукой есть силы, чтобы его оттуда изгнать. И наконец, я вовсе не хотел, чтобы в результате волнений в столице возникла анархия. Из доклада Пьера Минэ, ведавшего снабжением Парижа, явствовало, что положение с продовольствием в городе критическое. Столица, на протяжении нескольких недель отрезанная от всей страны, была фактически обречена на голод. Минэ сообщал, что в некоторых местах начали громить последние склады продовольствия и магазины и что, если полиция не приступит к исполнению своих обязанностей, следует ожидать самых серьезных беспорядков. Тем не менее и в этот день, который уже подходил к концу, союзное командование не дало генералу Леклерку приказа начать наступление.

Из Ренна я написал генералу Эйзенхауэру; я сообщил ему о том, что мне стало известно о положении в Париже, и просил поскорее двинуть на город французские и союзные войска, указав, к каким серьезным последствиям — даже в плане военных операций — может привести возникновение беспорядков в столице. 22 августа Кёниг вручил ему мое письмо с соответствующими добавлениями от себя, затем вернулся в Лондон, откуда ему легче было поддерживать связь с Сопротивлением, чем из нашего передвижного лагеря. Жюэн со своей стороны поехал к генералу Паттону, который преследовал немцев на главном направлении. Я сам тоже выехал из Ренна, предварительно удостоверившись, что комиссар республики, реквизировав грузовики и мобилизовав шоферов, может приступить к отправке продовольствия в Париж. Через Алансон, взволнованный, весь расцвеченный флагами, я сначала направился в Лаваль.

По прибытии в префектуру, где меня встретил комиссар республики Мишель Дебре, я принял офицера с письмом от генерала Леклерка. Последний сообщал мне, что он до сих пор не получил указаний относительно предстоящей ему миссии и что он по собственной инициативе послал для связи с Парижем авангард под командованием майора Гильбона. Я поспешил одобрить его действия, не преминув упомянуть, что Эйзенхауэр обещал мне двинуть его на Париж, что Кёниг именно для этой цели находится при главнокомандующем, что туда выехал и Жюэн и, наконец, что я рассчитываю завтра видеть его самого, Леклерка, чтобы лично дать ему соответствующие инструкции. Я узнал вскоре, что в ту самую минуту, когда я писал Леклерку, генерал Джероу отчитывал его за то, что он направил отряд в Париж, и предписал ему немедленно отозвать обратно майора Гильбона.

И вот, наконец, через несколько часов после того, как он прочел мое

письмо, генерал Эйзенхауэр отдал приказ направить на Париж 2-ю бронетанковую дивизию. Надо сказать, что сведения, которые почти непрерывно поступали из столицы — в частности, те, что сообщали генералу Брэдли Кокто и доктор Моно,— подтверждали правильность моего вмешательства. А кроме того, генеральный штаб уже знал, чем кончилась попытка Лаваля. Всю эту ночь, в течение которой Леклерк готовился к выступлению, я получал в префектуре Ле-Мана донесения, говорившие о том, что в Париже события развертываются со стремительной быстротой.

Я узнал таким образом, что 20 августа утром ратуша была занята отрядом французской полиции под командой Ролан-Прэ и Лео Амона. Префект департамента Сены Флуре готовился приступить к исполнению своих обязанностей. Но меня уведомили также, что Пароди и Шабан-Дельмас, с одной стороны, и большинство Совета Сопротивления — с другой, предупрежденные американскими и английскими агентами о том, что пройдет немало времени — говорили даже, будто не одна неделя,— прежде чем союзные войска вступят в столицу, зная, сколь плохо вооружены партизаны по сравнению с 20 тыс. солдат, 80 танками, 60 пушками, 60 самолетами, которыми располагает немецкий гарнизон, и желая спасти мосты через Сену, об уничтожении которых распорядился Гитлер, а также избавить от гибели политических заключенных и военнопленных, решили согласиться на предложения Нордлинга, генерального консула Швеции, и через его посредство заключить перемирие с генералом фон Хольтицем, командующим немецкими войсками в Париже и пригородах.

Эта новость, должен признаться, произвела на меня весьма неприятное впечатление, тем более что военная обстановка в ту минуту, когда я узнал о заключении перемирия, отнюдь не вынуждала к такой мере, поскольку генерал Леклерк уже двинулся к столице. Однако 23 августа утром, выезжая из Ле-Мана, я узнал, что перемирие было встречено в штыки большинством бойцов Сопротивления и соблюдалось лишь частично: правда, на этом выиграли Пароди и Ролан-Прэ, которых немцы задержали на Сен-Жерменском бульваре и отпустили на свободу после того, как их принял сам Хольтиц. Кроме того, мне сообщили, что вечером 21 августа возобновились бои, что префектуры, министерства, мэрии по-прежнему находятся в наших руках, что парижане повсюду воздвигают баррикады и что немецкий генерал, продолжая решительно оборонять свои опорные пункты, не приступает, однако, к репрессиям. Чем была вызвана такая деликатность — боязнью завтрашнего дня, желанием уберечь Париж или договоренностью с союзниками, агенты которых проникли даже в его генеральный штаб, после того как гестапо покинуло столицу? Я не мог этого понять, но я был убежден, что помощь в любом случае подоспеет вовремя.

В этом никто не сомневался на всем пути моего следования 23 августа. Проезжая между двумя рядами трепещущих на ветру знамен, под которыми стояли люди и кричали: «Да здравствует де Голль!» — я чувствовал, как меня подхватывает волна радости. В Фертэ-Бернаре, в Ножанле-Ротру, в Шартре, как и во всех городах и деревнях, через которые я проезжал, мне приходилось останавливаться, принимать дань уважения всех этих людей и выступать перед ними от имени возрожденной Франции. Во второй половине дня, обогнав колонны 2-й бронетанковой дивизии, я прибыл в замок Рамбуйе. В дороге я получил записку от генерала Леклерка, который сообщал, что встретится со мной в городе. Я немедленно вызвал его к себе.

План атаки у него был готов. Основная масса его дивизии, выступившая из Аржантана, подойдет, правда, лишь к ночи, но передовые ее части уже вышли на линию Атис-Монс — Палезо — Туссю-ле-Нобль — Трапп и вступили в соприкосновение с хорошо окопавшимся, исполненным решимости противником. Надо было прорвать эту линию обороны. Главный удар падал на долю группировки Бийота, которая должна была двигаться по дороге из Орлеана в Париж через Антони. Группировка Ланглада пойдет через Туссю-ле-Нобль и Кламар, в то время как отряд под командованием Морель-Девиля будет прикрывать ее со стороны Версаля. Что же до группировки Дио, временно выведенной в резерв, то она будет продвигаться следом за Бийотом. Операция начнется завтра на рассвете. Я одобрил план и предложил Леклерку по вступлении в Париж устроить свой командный пункт на Монпарнасском вокзале. Там я и встречусь с ним, чтобы договориться о дальнейшем. И вот, глядя на этого молодого командира, уже загоревшегося пламенем предстоящей битвы, увидевшего, какие возможности проявить свою доблесть предоставляет ему это необычайное стечение обстоятельств, я сказал: «Вам везет!» И подумал, что на войне от удач генералов зависит честь правительств.

Доктор Фавро, выехавший утром из Парижа, к вечеру прибыл в Рамбуйе. Он привез мне донесение от Люизе. Если верить префекту полиции, бойцы Сопротивления стали хозяевами на улицах Парижа. Немцы оказались запертыми в своих опорных пунктах, откуда они лишь время от времени осмеливаются совершать рейд на бронемашинах. И как бы в подтверждение этого Лондонское радио вечером сообщило, что Париж освобожден силами внутреннего Сопротивления. На следующий день король Георг VI направил мне поздравительную телеграмму, которая была тотчас опубликована. Однако и эта информация и телеграмма были, конечно, преждевременны. А сделано это было, несомненно, для того, чтобы заставить американцев отказаться от своих задних мыслей, которых не одобряли англичане. Несоответствие между тоном искреннего удовлетворения, каким Би-би-си сообщало о событиях в Париже, и весьма сдержанным, даже несколько колючим тоном «Голоса Америки» дало мне понять, что на этот раз между Лондоном и Вашингтоном нет полного единодушия относительно Франции.

Я отослал обратно в Париж мужественного Фавро, вручив ему ответ для Люизе. И совершенно недвусмысленно заявил о своем намерении по вступлении в город ехать не в ратушу, где заседали Совет Сопротивления и Парижский комитет освобождения, а в «центр». В моем понимании это означало военное министерство, которое только и могло быть центром управления и французского командования. Это отнюдь не означало, что я не установлю контакта с руководителями парижского восстания. Но я хотел дать понять, что государство после всех потрясений, которые не смогли ни уничтожить его, ни поставить на колени, возвращается просто к себе, в свои владения. Читая газеты «Комба», «Дефанс де ла Франс», «Фран-тирер», «Фрон насиональ», «Юманите», «Либерасьон», «Попюлер», которые политические элементы Сопротивления вот уже два дня как начали издавать в Париже вместо газет, выпускавшихся коллаборационистами, я ощущал радость от духа борьбы, которым они были проникнуты, и в то время еще больше укреплялся в решимости принять лишь ту власть, какою наделит меня глас толпы.

Именно это я и сказал Александру де Сен-Фаль, который явился ко мне с целой делегацией и о чьем влиянии в деловых кругах мне было хорошо известно. Он прибыл в сопровождении Жана Лорана, директора Индокитайского банка, Рольфа Нордлинга, брата генерального консула Швеции, и австрийского барона Пох-Пастора, офицера германской армии, адъютанта Хольтица и агента союзников. Все четверо выехали из Парижа ночью 22 августа, чтобы добиться от американского командования скорейшего введения в столицу регулярных войск. Узнав от Эйзенхауэра, что Леклерк уже находится в пути, они явились представиться мне. Сен-Фаль порекомендовал мне по вступлении в Париж немедленно созвать «национальную» ассамблею, чтобы получить вотум доверия парламента, который придал бы моему правительству законный характер. Я наотрез отказался. В то же время состав, да и само появление такой делегации давали мне основание сделать любопытные выводы относительно умонастроения немецкого командования в Париже. Четыре «посланца» были снабжены двумя пропусками: один был подписан Пароди, а другой — генералом фон Хольтицем. Проезжая через вражеские заставы, они слышали, как солдаты бурчали: «Измена!»

Двадцать четвертого вечером основная масса 2-й бронетанковой дивизии после серьезных боев подошла к самому Парижу: Бийот и Дио завладели тюрьмой Фрэн и Круа-де-Берни, а Ланглад занял Севрский мост. Отряд, возглавляемый капитаном Дронном, достиг ратуши. Весь следующий день происходило уничтожение последних точек сопротивления врага и подавление последних опорных пунктов. Леклерк направил группировку Бийота через заставу Жантийи, мимо Люксембургского дворца, ратуши, Лувра — к отелю «Мерис», командному пункту генерала фон Хольтица. Группировка Дио вошла в город через Орлеанскую заставу и двумя колоннами направилась к укрепленным блокхаузам Высшей военной школы и Бурбонского дворца; колонна Нуаре прошла по внешним бульварам до виадука Отей, и затем вверх по Сене, а колонна Рувиллуа двинулась через Монпарнас, а затем мимо Дворца инвалидов. Площадью Звезды и отелем «Мажестик» занялась группировка Ланглада. Все три группировки встретились на площади Согласия. Американцы направили часть своей 4-й дивизии к площади Италии и Аустерлицкому вокзалу.

Двадцать пятого августа все произошло, как было намечено. Я для себя тоже заранее решил, что буду делать в освобожденной столице. Моя роль заключалась в том, чтобы объединить души в едином национальном порыве и в то же время немедленно показать всем лик и авторитет государства. Шагая по террасе Рамбуйе и получая ежечасно сообщения о продвижении 2-й бронетанковой дивизии, я думал о том, скольких несчастий мы могли бы избежать, если бы в свое время в нашем распоряжении была механизированная армия, состоящая из семи таких частей. И размышляя о причинах, которые привели к тому, что у нас не было такой армии и мы оказались беспомощными, иными словами, размышляя о несостоятельности наших властей, я преисполнялся еще большей решимости не допустить, чтобы меня вот так же связали по рукам и ногам. Моя миссия представлялась мне предельно ясной. Садясь в машину, чтобы ехать в Париж, я чувствовал, как волнение сжимает мне горло, но я был спокоен.

Сколько народу ожидает моего приезда! Сколько флагов на всех домах — снизу доверху! Начиная с Лонжюмо толпа все возрастает. У Бур-ла-

Рен — целое столпотворение. У Орлеанской заставы, где еще постреливают, это уже волнующееся людское море. На Орлеанском проспекте черно от народа. Все ожидают, что я направлюсь в ратушу. Но, свернув на проспект Мен, почти пустой по сравнению с Орлеанским, я около четырех часов пополудни подъезжаю к Монпарнасскому вокзалу.

Генерал Леклерк только что прибыл туда. Он сообщает мне о капитуляции генерала фон Хольтица. Этот последний после соответствующих переговоров через Нордлинга лично сдался майору де Лагори, начальнику штаба Бийота. Затем в сопровождении майора он отправился в префектуру и подписал там вместе с Леклерком соглашение, по которому немецкие опорные пункты в Париже должны были прекратить сопротивление. Надо сказать, что многие из них уже были захвачены в течение дня, а остальным немецкий генерал отдал письменное предписание, обязывавшее защитников сложить оружие и признать себя военнопленными. Офицеры из штаба Хольтица в сопровождении французских офицеров отправляются объявить об этом немецким войскам. Тут я увидел моего сына, лейтенанта морской пехоты при 2-м бронеполке,— он направлялся в Бурбонский дворец вместе с немецким майором, чтобы принять капитуляцию гарнизона. Бои в Париже завершаются вполне благополучно. Наши войска одержали полную победу, и город при этом не пострадал, а население не понесло потерь.

Я поздравляю Леклерка. Какой он сделал шаг на пути к славе! Я поздравляю также Роль-Танги, которого вижу с ним рядом. Ведь это внутренние силы Сопротивления сумели за предшествующие дни изгнать врага с наших улиц, опустошили его ряды и деморализовали солдат противника, блокировали его подразделения, окружив со всех сторон эти укрепленные островки. Кроме того, с самого утра группы партизан — ах, как плохо они были вооружены! — доблестно помогают регулярным войскам в очистке гнезд сопротивления немцев. Больше того, они своими силами ликвидировали укрепленный пункт в Клиньянкурской казарме. И тем не менее, прочитав текст капитуляции, врученный мне Леклерком, я неодобрительно отнесся к тому, что под нажимом Роль-Танги он вписал туда фразу, по которой выходит, что немецкое командование сдалось Роль-Танги и ему. «Во-первых,— заявил я,— это неточно. Во-вторых, вы в этой операции были офицером старшим по чину, а следовательно, только вы и отвечаете за нее. И главное — требование, побудившее вас согласиться на такую редакцию текста, подсказано неприемлемой тенденцией». Я дал Леклерку прочесть прокламацию, выпущенную утром Национальным советом Сопротивления, который выступал от имени «французской нации», ни словом не упоминая о правительстве или генерале де Голле. Леклерк сразу все понял. Я от всего сердца расцеловал моего славного соратника.

Покинув Монпарнасский вокзал, я направился к военному министерству; мне предшествовал маленький авангард под командой полковника де Шевинье. Кортеж получился очень скромный. Четыре машины: моя, машина Ле Трокера, машина Жюэна и бронеавтомобиль. Мы намеревались проехать по бульвару Инвалидов до улицы Сен-Доминик. Но близ улицы Сен-Франсуа-Ксавье мы попали под обстрел — огонь вели из окружающих домов; мы решили свернуть и поехали дальше по улицам Вано и Бургонь. В пять часов мы прибыли на место.

И тотчас мною овладело ощущение, что здесь, среди этих почтенных стен, все осталось как прежде. Гигантские события всколыхнули мир. Наша

армия была уничтожена. Франция чуть не погибла. Но в военном министерстве внешне все оставалось неизменным. Во дворе взвод республиканской гвардии, как бывало, салютует нам. Вестибюль, лестница, декоративные доспехи — все такое же, как раньше. А вот и часовые, которые и тогда стояли у входа. Я вхожу в «канцелярию министра», которую мы с Полем Рейно покинули вместе в ночь на 10 июня 1940 года. Ни один стул, ни один ковер, ни одна портьера не тронуты. На столе, на том же месте, стоит телефон, а рядом с кнопками звонков значатся все те же фамилии. Вот сейчас мне скажут, что так обстоит дело и в других зданиях, куда победоносно вступает Республика. Все на месте — не хватает только Государства. И мне надлежит водворить его сюда. Потому-то я и здесь.

Является Люизе, чтобы дать мне отчет, затем Пароди. Оба сияют от счастья и в то же время озабочены и вконец измучены — ведь неделю они не знали ни сна, ни отдыха. Перед ними прежде всего стоят две проблемы: восстановление общественного порядка и снабжение. Они описывают мне раздражение, которое вызвало у Совета Сопротивления и Парижского комитета освобождения известие, что я поехал сначала не к ним. Я вновь объясняю причины министру-делегату и префекту полиции. Вот теперь, выйдя отсюда, я направляюсь в ратушу, но прежде загляну в префектуру, чтобы приветствовать парижскую полицию. Мы вырабатываем план этих встреч. Затем я намечаю маршрут завтрашнего шествия, который вызывает у Пароди и Люизе восторг и в то же время тревогу. После их ухода мне приносят депешу от генерала Кёнига. Он не мог сопровождать меня в этот великий день. Дело в том, что утром Эйзенхауэр попросил его прибыть для подписания соглашения, регулирующего взаимоотношения между нашей администрацией и командованием союзников. Наконец-то! Лучше поздно, чем никогда.

В семь часов вечера провожу смотр парижской полиции во дворе префектуры. Глядишь на этих солдат, которые вынуждены были служить при оккупантах, а сейчас ликуют от счастья и гордости, и понимаешь, что, подав сигнал к боям и первыми вступив в схватку с противником, полицейские как бы брали реванш за долгие годы унижения. Да кроме того, нельзя же было упустить такую возможность повысить свой престиж и популярность. Я сказал им это. По рядам прокатилось «ура». И вот пешком в сопровождении Пароди, Ле Трокера, Жюэна и Люизе, с трудом пробираясь сквозь толпу, которая обступила нас со всех сторон, оглушая приветственными криками, я добираюсь до ратуши. Перед зданием отряд внутренних сил Сопротивления под командой майора Ле Перка безукоризненно отдает установленные почести.

У подножия лестницы генерала де Голля приветствуют Жорж Бидо, Андре Толле и Марсель Флуре. На ступеньках стоят бойцы Сопротивления и салютуют со слезами на глазах. Под гром приветствий меня выводят на середину зала первого этажа. Здесь собрались члены Национального совета Сопротивления и Парижского комитета освобождения. Вокруг теснятся их соратники. У многих на рукаве опознавательный знак внутренних сил Сопротивления — в том виде, как он был установлен правительственным декретом. У всех лотарингский крест. Окидывая взглядом это собрание восторженных, дружелюбных, интересных людей, я чувствую, что мы сразу признали друг друга, что всех нас, участников одной великой борьбы, связывает неразрывная нить и что если присутствующих и разделяет раз-

ница мнений, заставляющая их держаться настороже, а также разыгравшееся честолюбие, то достаточно мне встретиться с массой, чтобы наше единство восторжествовало над всем остальным. Надо сказать, что, несмотря на усталость, отражающуюся на лицах, несмотря на нервное возбуждение, вызванное пережитыми опасностями и минувшими событиями, я не вижу ни одного жеста, не слышу ни единого слова, которые выходили бы за рамки достойного. Какой замечательной получилась эта встреча, о которой мы так долго мечтали и за которую заплатили столькими усилиями, страданиями, смертями!

Чувства уже сказали свое слово. Теперь настал черед политики. И она тоже высказалась благородно. Жорж Марран, заместивший Андре Толле, в самых изысканных выражениях приветствует меня от имени нового парижского муниципалитета. Затем Жорж Бидо обращается ко мне с прочувствованной речью. В своем импровизированном ответе я говорю о «священном волнении, которое захлестнуло нас всех — мужчин и женщин — в эти минуты, далеко выходящие по своей значимости за пределы нашей бедной жизни». Я заявляю, что «Париж был освобожден самим населением с помощью армии и при поддержке всей Франции». Я не забываю упомянуть, что этим успехом мы обязаны также «французским войскам, которые в эту минуту продвигаются по долине Роны», а также вооруженным силам наших союзников. И наконец, я призываю нацию выполнить свой долг участия в войне и установить необходимое для этого национальное единство.

Я захожу в канцелярию префекта департамента Сена. Марсель Флуре представляет мне главных чиновников своей администрации. Видя, что я направляюсь к выходу, Жорж Бидо останавливает меня восклицанием: «Генерал! Вокруг вас сейчас Национальный совет Сопротивления и Парижский комитет освобождения. Мы просим вас торжественно провозгласить республику перед собравшимися». Я ответил ему: «Республика никогда не прекращала своего существования. Олицетворением ее были поочередно Свободная Франция, Сражающаяся Франция, Французский комитет национального освобождения. Режим Виши всегда был и остается нулем и фикцией. Сам я являюсь председателем кабинета министров республики. Почему же я должен ее провозглашать?» И, подойдя к окну, я жестом приветствовал толпу, наводнявшую площадь и своими криками подтвердившую, что она не требует от меня ничего иного. Вслед за тем я вернулся на улицу Сен-Доминик.

Вечером Леклерк дал мне отчет о боях, происходивших в Париже. Теперь уже все опорные пункты немцев сдались. Последними прекратили огонь так называемый «блок Люксембурга», который включал Люксембургский дворец, Горную школу и лицей Монтеня, а также блок площади Республики, занимавший казарму принца Евгения и центральную телефонную станцию на улице Архивов. Наши войска за этот день взяли в плен 14 800 человек. Погибло 3200 немцев, не считая тех — а таких было по крайней мере тысяча,— которых партизаны уничтожили в течение предшествующих дней. Потери, понесенные 2-й бронетанковой дивизией, составляют 28 офицеров и 600 солдат. Что же до внутренних сил Сопротивления, то, по подсчетам профессора Валери-Радо, возглавившего в Париже службу здравоохранения, бои, которые вели эти силы в течение последних шести дней, обошлись им в 2500 человек. Кроме того, погибло свыше тысячи гражданских лиц.

Леклерк довел до моего сведения, что к северу от Парижа все еще ощу-

щается нажим со стороны противника. В Сен-Дени, в Ла-Вниетт солдаты отказались сложить оружие, заявив, что они не подчиняются Хольтицу. Часть 47-й немецкой дивизии готовится занять Ле-Бурже н Монморанси, очевидно для того, чтобы прикрыть отступление войск, с боями отходящих на север. Противник в некоторых местах все еще находится на подступах к столице. Генерал Джероу, командующий 5-м американским корпусом, которому по-прежнему придана 2-я бронетанковая дивизия, дал генералу Леклерку указанне вступить в соприкосновенне с противником и атаковать позиции немцев.

И тем не менее я больше, чем когда-либо, нсполнен решимости проследовать завтра по маршруту площадь Звезды — собор Парижской богоматери, чтобы встретиться с народом, и я хочу, чтобы 2-я бронетанковая дивизия приняла участие в церемонии. Устройство такого шествия, конечно, связано с нзвестным риском. Но на это сто́ит пойтн. К тому же мне кажется чрезвычайно маловероятным, чтобы немецкие арьергарды вдруг превратились в авангарды и направились к центру Парижа в то время, как весь его гарнизон взят в плен. Но на всякий случай не мешает принять известные меры предосторожности.

Я договариваюсь с Леклерком о том, что тактическая группа, возглавляемая Румянцевым, завтра будет направлена для прикрытня Ле Бурже, она соберет вокруг себя разрозненные отряды внутреннних сил, действующие в этом районе. Остальную часть дивизии решено на время шествня разделить на три группы, которые будут стоять наготове соответственно у Триумфальной арки, на Рон-Пуэн — на Елисейских полях и перед собором, чтобы в случае необходимости нх можно было направнть в нужное место. Сам Леклерк, находясь среди моего окружения, будет поддерживать постоянную связь с этими группами. Поскольку командование союзников не сочло нужным установить со мной какую-либо связь, я уполномочил Леклерка довести до сведения союзников о принятом мною плане действий. К тому же у командования имеются все необходимые средства, чтобы в случае необходимостн подкрепить ту нлн иную часть французской дивизин. В случае если союзники дадут Леклерку указания, идущие вразрез с моими, он должен ответить, что будет поступать сообразно с приказом генерала де Голля.

Наступило утро субботы, 26 августа. Оно не внесло никаких изменений в мои планы. Мне, конечно, стало известно, что Джероу потребовал, чтобы Леклерк н его войска не прннимали участия в шествии. Амернканский генерал прислал даже офицера, чтобы предупредить об этом меня лично. Нечего и говорить, что я не обратнл внимания на эти предупреждения, но про себя подумал, что такая позиция, занятая в такой день и в таком месте — конечно, в соответствии с инструкциями, полученными сверху,— говорит о полном непонимании того, что происходит. Должен признать, что, кроме этой попытки — бесплодной н неприятной,— нашн союзники ннкак больше не вмешивались в дела столицы. Генерал Кёниг, приступивший к выполнению обязанностей военного губернатора — на этот пост я назначил его еще 21 августа,— префект Сены, префект полиции не могут указать ни одного случая вмешательства в их права. В Париже нет ни одной американской части, а солдаты, которые накануне прошли через город в районе площади Италии и Лионского вокзала, тут же покинули столицу. Если не считать репортеров н фотографов, то союзники вообще не будут принимать никакого участия в намечаемом шествии. На всем пути его следования будут лишь француженки и французы.

Зато их будет много. Уже накануне вечером радио, работу которого усиленно стараются наладить Жан Гиньбер, Пьер Крэнесс и их помощники, начинает объявлять о готовящейся церемонии.

В течение утра мне непрерывно сообщают о том, что со всех концов города и из пригородов к центру Парижа, где бездействует метро, где нет ни автобусов, ни автомобилей, стекаются бесчисленные толпы пешеходов. В три часа дня я подъезжаю к Триумфальной арке. Около могилы Неизвестного солдата стоят Пароди и Ле Трокер, члены правительства, Бидо и Национальный совет Сопротивления, Толле и Парижский комитет освобождения, генералы Жюэн, Кёниг, Леклерк, Валлен, Блок-Дассо, адмирал д' Аржанльё, префекты Флуре и Люизе, представитель военных властей Шабан-Дельмас, множество командиров и бойцов внутренних сил. Я приветствую полк территории Чад, выстроившийся в боевом порядке перед Триумфальной аркой; офицеры и солдаты, стоя на своих танках, смотрят, как я прохожу мимо, направляясь к площади Звезды,— это все равно как сон наяву. Я разжигаю Вечный огонь *. После 14 июня 1940 года никто не мог этого сделать, ибо вокруг были захватчики. Затем я выхожу из-под сени арки. Присутствующие расступаются. Передо мной — Елисейские поля!

Но это не поля, а море! Огромные толпы стоят по обе стороны проспекта. Пожалуй, здесь миллиона два душ. На крышах тоже черно от народа. У всех окон сгрудились люди — лица вперемежку со знаменами. Человеческими гроздьями увешаны лестницы, антенны, фонари. Насколько хватает глаз, повсюду вокруг живое море, колышущееся под солнцем, осененное трехцветными знаменами.

Я иду пешком. Сегодня предстоит не смотр войскам, когда сверкает оружие и звучат фанфары. Сегодня надо вернуть народу его облик, чтобы он, видя собственную радость и доказательства своей свободы, вновь обрел себя,— тому народу, который вчера был придавлен поражением и разрознен рабством. Поскольку каждый из тех, кто находится сейчас здесь, в сердце своем хранит Шарля де Голля как прибежище от бед и символ надежды, надо, чтобы все эти люди увидели его — такого знакомого, родного человека, и национальное единство воссияет тогда еще более ярким светом. Правда, некоторые генеральные штабы весьма озабочены: а вдруг прорвутся вражеские танки или налетит эскадрилья самолетов и сбросит бомбы или подвергнет собравшихся пулеметному обстрелу — ведь это может привести к большим жертвам, посеять панику. Но я в этот вечер верю в удачу Франции. Правда, служба порядка опасается, что не сумеет сдержать напор толпы. Я же думаю, что люди будут вести себя дисциплинированно. Правда, к сопровождающему меня кортежу достойных лиц незаконно примешиваются статисты со стороны. Но на них никто не смотрит. Правда и то, что ни моя внешность, ни мои жесты и позы, ни мои вкусы, наконец, не предназначены для того, чтобы угождать собравшимся. Но я уверен, что собравшиеся и не ждут этого от меня.

И вот я иду, взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликование невозможно описать,— иду сопровождаемый громом голосов, выкрикивающих мое имя, стараясь охватить взглядом каждую волну этого человеческого прилива, чтобы вобрать в себя все эти лица, то и дело поднимаю и опускаю руки, отвечая на приветствия. Это минута, когда проис-

* На могиле Неизвестного солдата.— *Прим. ред.*

ходит чудо, когда пробуждается национальное сознание, когда Франция делает один из тех жестов, что озаряют своим светом нашу многовековую историю. В этом единении, когда мысли всех становятся одной общей мыслью, когда у всех один порыв, один крик, стираются различия. Люди как индивидуальности перестают существовать. Все это множество французов, мимо которых я прохожу на площади Звезды, на Рон-Пуэне, на площади Согласия, перед ратушей, на паперти собора,— если бы они знали, как они все похожи! Вы, дети с бледными лицами, трепещущие и громко выражающие свою радость; вы, женщины, перенесшие столько горя, а сейчас расточающие мне приветственные крики и улыбки; вы, мужчины, исполненные давно забытой гордости, выкрикивающие мне благодарность; вы, старики, оказывающие мне честь своими слезами,— ах, как вы все похожи друг на друга! А я среди этой бури — я чувствую, что на меня возложена миссия, намного превышающая то, что я заслужил,— миссия быть орудием судьбы.

Но нет такой радости, которую ничто бы не омрачало, даже если идешь путем победы. К счастливым мыслям, теснящимся в моем мозгу, примешивается немало забот. Я прекрасно знаю, что вся Франция хочет лишь свободы. Жажда возрождения, вспыхнувшая вчера в Ренне и в Марселе, а сегодня переполняющая Париж, проявится завтра в Лионе, Руане, Лилле, Дижоне, Страсбурге, Бордо. Для того, у кого есть глаза и уши, не может быть сомнений, что страна хочет подняться с колен. Но война продолжается. И надо еще ее выиграть. Какою же ценой в конечном счете придется заплатить за это? Какие разрушения добавятся к нашим разрушениям? Какие новые потери понесут наши солдаты? Какие моральные и физические страдания придется еще вынести французским военнопленным? Сколько французов, депортированных на чужбину — самых отважных, больше всех исстрадавшихся, больше всех заслуживших похвалу, вернется назад? И наконец, в каком состоянии окажется весь наш народ и каков будет мир, в котором ему предстоит жить?

Правда, вокруг себя я вижу необычайные проявления единства. Следовательно, можно надеяться, что к концу боев нация преодолеет раздирающие ее противоречия; что французы, познав друг друга, захотят остаться едиными, чтобы возродить могущество своей страны; что, выбрав для себя цель и найдя руководителя, они создадут институты, которые поведут их к этой цели. Но я не могу, однако, игнорировать упорство коммунистов, озлобление многих видных деятелей, которые не простят мне того, что я знаю об их ошибках, не могу игнорировать агитационный зуд, вновь раздирающий партии. Шагая во главе кортежа, я даже сейчас чувствую, что меня эскортирует не только преданность, но и честолюбие. Из-под волн народного доверия то и дело показываются рифы политики.

С каждым шагом, который я делаю, ступая по самым прославленным местам мира, мне кажется, что слава прошлого как бы присоединяется к славе сегодняшнего дня. Под Триумфальной аркой в нашу честь весело вспыхивает пламя. Перед нами открывается сияющий проспект, по которому победоносная армия шла 25 лет тому назад. Клемансо, которому я отдаю честь, проходя мимо его памятника, кажется, готов сорваться со своего пьедестала и присоединиться к нам. Каштаны на Елисейских полях, о которых мечтал пленный Орленок и которые на протяжении стольких десятилетий были свидетелями удач и роста престижа французов, сейчас предстают радостными шеренгами перед взорами тысяч зрителей. Тюильри, свиде-

тель величия страны при двух императорах и двух королях, площадь Согласия и площадь Карусель, где разливался во всю ширь революционный энтузиазм и проходили смотры победоносных полков; улицы и мосты, которым выигранные битвы дали имена; на другом берегу Сены — Дворец инвалидов, сверкающий купол которого напоминает о великолепии короля-солнца, гробница Тюренна, Наполеона, Фоша, Институт Франции, через который прошло столько блестящих умов,— все они благосклонно взирают сейчас на обтекающий их человеческий поток. Затем к празднику приобщается Лувр, через который прошла длинная вереница королей, создавших Францию; вот на своих постаментах статуи Жанны д' Арк и Генриха IV; вот дворец Людовика Святого (вчера как раз был его праздник) и, наконец, собор Парижской богоматери, где молится Париж, и Ситэ — его колыбель. История, которой дышат эти камни и эти площади, словно улыбается нам.

Но в то же время она нас предупреждает. Ведь это самое Ситэ было когда-то Лютецией, наводненной легионами Цезаря, а потом стало Парижем, который лишь молитва Женевьевы спасла от огня и меча Аттилы. Людовик Святой, всеми покинутый крестоносец, погиб в песках Африки. У заставы Сент-Онорэ Жанну д' Арк не впустили в город, который она вернула Франции. Совсем недалеко отсюда Генрих IV пал жертвой фанатической ненависти. Восстание Лиги против Генриха III, кровавая резня в Варфоломеевскую ночь, заговор Фронды, бурный водоворот 10 августа обагрили кровью стены Лувра. На площади Согласия упали головы короля и королевы Франции. Тюильри был свидетелем крушения дряхлой монархии, отъезда в изгнание Карла X и Луи Филиппа, отчаяния императрицы, а потом был обращен в пепел, как и старая ратуша. А какое гибельное смятение царило совсем недавно в Бурбонском дворце! Четырежды на памяти двух поколений Елисейские поля были осквернены захватчиком, который торжественным маршем проходил по ним под звуки ненавистных фанфар. Сегодня вечером Париж, озаренный величием прошлого Франции, одновременно извлекает урок из ее тяжелых дней.

Около половины пятого, как и было намечено, я вступаю под своды собора Парижской богоматери. Только что на улице Риволи я сел в машину и после короткой остановки у подъезда ратуши прибыл на площадь перед папертью. Кардинал-епископ не встречает меня у входа. И не потому, что не хочет. Новые власти просили его воздержаться от этого. Дело в том, что монсеньор Сюар четыре месяца тому назад счел необходимым устроить торжественную встречу маршалу Петэну, проезжавшему через оккупированный немцами Париж, а в прошлом месяце по указанию Виши служил панихиду по Филиппу Анрио. А потому многих бойцов Сопротивления возмутило, если бы этот же самый священнослужитель теперь вводил в собор генерала де Голля. Я лично, зная, что церковь считает себя обязанной принимать «установившийся порядок», не сомневаясь в том, что вера и милосердие занимают в душе кардинала главное место, не позволяя ему задумываться над временной сущностью тех или иных явлений,— я лично охотно пренебрег бы этим. Но многие еще так возбуждены после недавних боев, что, желая избежать каких-либо актов, неприятных для монсеньора Сюара, я решил согласиться с моим окружением, попросившим кардинала сидеть в архиепископстве и не показываться во время церемонии. То, что затем произошло, лишь подтвердило, что эта мера была правильной.

Не успел я выйти из машины, как раздались выстрелы. И началась паль-

ба. Все, у кого было оружие, принялись стрелять куда попало. На всякий случай целят в крыши. Бойцы Сопротивления стреляют во все стороны. Я вижу даже, как солдаты 2-й бронетанковой дивизии, стоя у портала, решетят пулями башенки собора. Мне сразу подумалось, что здесь, должно быть, произошел один из тех случаев массового психоза, когда какой-то нечаянный или преднамеренный выстрел вызывает среди взвинченных солдат беспорядочную пальбу. Нельзя допустить, чтобы этот водоворот захватил и меня. Итак, я вхожу в собор. Так как нет электричества, орган безмолвствует. С улицы доносятся выстрелы. Я иду по проходу, и присутствующие, склонившись над молитвенниками, оглашают своды приветствиями. Я сажусь; позади меня садятся два моих министра — Ле Трокер и Пароди. Каноники стоят на своих местах. Преподобный отец Бро, подойдя ко мне, передает приветствие кардинала, а также его сожаление по поводу происшедшего. Я прошу заверить его преосвященство в моем уважении к делам религии, передать ему о моем желании добиться примирения всей нации и о моем намерении вскоре принять его.

Под сводами собора раздаются слова религиозного гимна. Пели ли когда-нибудь его с большим пылом! А пальба все не прекращается. Несколько молодцов, засевших на верхних галереях, ведут стрельбу. Ни одной пули не прожужжало мимо меня. Но от выстрелов, направленных вверх, со свода сыплется штукатурка, пули отскакивают рикошетом, падают вниз. Многие ранены. Полицейские, которых префект посылает на самый верх здания, обнаруживают там несколько вооруженных людей; эти последние утверждают, что они-де открыли огонь по противнику. И хотя священнослужители, официальные лица, присутствующие держатся безупречно, я прекращаю церемонию. Вокруг собора перестрелка прекратилась. Но когда я вышел, мне сообщили, что точно такие же события в этот самый час произошли в столь удаленных отсюда местах, как площадь Звезды, Рон-Пуэн и ратуша. Имеются пострадавшие — почти все в результате давки.

Кто начал стрельбу? Никакое расследование не смогло этого установить. Предположение, что с крыш стреляли немецкие солдаты или милиция Виши, кажется маловероятным. Несмотря на все розыски, ни одного такого человека задержать не удалось. К тому же трудно поверить, чтобы противник стрелял по печным трубам, а не метил в меня,— чего, казалось бы, проще: ведь я ехал в открытой машине! Можно, если угодно, считать чистой случайностью то, что перестрелка началась одновременно в нескольких пунктах Парижа. Но у меня лично такое ощущение, что все это было подстроено политиками, которые хотели, воспользовавшись смятением толпы, оправдать необходимость существования революционной власти и принятия чрезвычайных мер. С помощью нескольких выстрелов, сделанных в указанный час в воздух,— возможно, даже не ожидая, что за этим может последовать перестрелка,— они хотели создать впечатление, что где-то еще притаилась угроза, что организации Сопротивления должны остаться вооруженными и быть начеку, что «КОМАК», Парижский комитет освобождения, а также квартальные комитеты освобождения должны взять на себя функции полиции, правосудия, заняться проведением чистки и таким образом оградить народ от опасных заговоров.

Я же прежде всего намерен восстановить порядок. Противник, кстати, напоминает, что война признает только свои законы. В полночь его самолеты бомбят столицу: разрушено 500 домов, возникает пожар в винных рядах

Центрального рынка, убито и ранено около тысячи человек. Воскресенье 27 августа явилось для населения столицы днем сравнительной передышки; я имел возможность вместе с тысячами бойцов Сопротивления присутствовать на службе, которую служит их священник Брюкберже, затем, забившись в угол машины, чтобы не слишком бросаться в глаза, я объехал город, чтобы увидеть лица людей и ознакомиться с общим положением вещей. В это же самое время 2-я бронетанковая дивизия на протяжении всего дня, с утра и до вечера, ведет тяжелейшие бои. Ценой значительных потерь группировке Дио удается завладеть аэродромом Ле-Бурже, а группировка Ланглада берет с бою Стен, Пьерфит, Монманьи.

Подобно тому как луч прожектора внезапно выхватывает из темноты монумент, так освобождение Парижа, осуществленное самими французами, равно как и доказательство народного доверия к де Голлю, рассеивает тени, еще заволакивавшие жизнь нашей нации. Так или иначе, будь то в результате этого или вследствие чистого совпадения, но происходит какой-то сдвиг и исчезают многие препятствия, еще стоявшие на пути. 28 августа приносит мне целую серию приятных новостей.

Во-первых, я узнаю, что после занятия Гонеса нашими войсками немцы стали отступать из северного предместья, что означает конец битвы за Париж. Затем Жюэн приносит мне донесения, поступившие из 1-й армии и подтверждающие капитуляцию гарнизонов противника: 22 августа в Тулоне и 23-го в Марселе; при этом сообщается, что наши силы с разных концов долины Роны быстро продвигаются к Лиону, в то время как американцы, следуя по «дороге Наполеона», расчищенной партизанами, уже достигли Гренобля. Кроме того, из отчетов наших делегатов, находящихся к югу от Луары: Бенувиля в Центральном массиве и генерала Пфистера на юго-западе — я узнаю о том, что немцы отступают и там: одни части пытаются уйти в Бургундию, чтобы избежать окружения, а другие стягиваются в укрепленных районах на побережье Атлантики; и те и другие отступают с боями, так как внутренние силы непрерывно атакуют их колонны и совершают налеты на расположения их войск. Буржес-Монури, наш делегат на юго-востоке, сообщает, что партизаны являются хозяевами положения в Альпах, в департаментах Эн, Дром, Ардеш, Канталь, Пюи-де-Дом, а это, естественно, ускоряет продвижение войск генералов Пэтча и де Латтра. Наконец, на востоке и на севере страны ширится активность наших сил, в то время как в Арденнах, в Эно, в Брабанте бельгийские отряды Сопротивления тоже ведут неутомимую партизанскую войну. Можно предполагать, что противник, отброшенный к Сене, преследуемый вдоль Роны, атакуемый повсеместно на нашей земле, соберется с силами лишь у самой границы рейха. Это значит, что наша страна, каковы бы ни были нанесенные ей раны, получит довольно скоро возможность возродиться как нация.

При условии, что ею будут управлять, а это исключает существование какой-либо власти параллельно с моей. Железо накалилось. Я кую его. Утром 28 августа я вызываю к себе 20 главных руководителей парижских партизан, чтобы познакомиться с ними, поздравить их и поставить в известность о том, что я намерен влить внутренние силы в ряды регулярной армии. Затем входят генеральные секретари, которые ясно дают понять, что ждут указаний только от меня и моих министров. Затем я принимаю членов Бюро Национального совета Сопротивления. Эти люди находятся во власти двух чувств, которые я воспринимаю по-разному. Они гордятся тем, что со-

вершили,— и тут я всецело на их стороне. А кое-кто питает тайные замыслы относительно руководства государством — и с этим я не могу примириться. Хотя народная демонстрация 26 августа окончательно выявила приоритет генерала де Голля, есть люди, которые еще лелеют план создания автономной власти, существующей параллельно с ним и не зависящей от него, намереваясь превратить Национальный совет Сопротивления в постоянный орган, контролирующий действия правительства, поручить «КОМАК» руководство военными силами Сопротивления, выделив из рядов последних так называемую «патриотическую» милицию, которая будет действовать от имени «народа» в определенном смысле этого слова. Больше того, Совет уже принял «программу Национального совета Сопротивления», где перечислены мероприятия, которые следует осуществить во всех областях,— программа эта предназначалась для того, чтобы непрерывно размахивать ею перед носом исполнительного органа.

Признавая и высоко оценивая ту роль, которую мои собеседники сыграли в борьбе, я нисколько, однако, не скрываю моих намерений относительно них. С той минуты, как Париж вырван из рук противника, Национальный совет Сопротивления вписывается в славную летопись истории освобождения, но не имеет больше никаких оснований для существования в качестве действенного органа. Всю ответственность за дальнейшее принимает на себя правительство. Я, конечно, включу в его состав того или иного из членов Совета. Но в таком случае этим последним придется отказаться от всякой солидарности с каким-либо органом, кроме кабинета министров. Зато я предполагаю влить Совет в Консультативную ассамблею, которая прибудет из Алжира и должна быть расширена. Что касается внутренних сил, то они являются частью французской армии. По мере выхода их из подполья военное министерство будет брать на учет личный состав и оружие партизан. «КОМАК» должен прекратить свое существование. Общественный порядок будет поддерживаться полицией и жандармерией, которым в случае необходимости придут на помощь гарнизонные войска. Милиция больше не нужна. Она должна быть распущена. Я зачитываю моим собеседникам подписанный мною приказ о включении внутренних сил в регулярные войска; в соответствии с этим на генерала Кёнига, военного губернатора, возлагается ответственность за проведение необходимых мероприятий в Париже.

Выслушав высказывания членов Бюро — одни из них покоряются, другие страстно возражают,— я заканчиваю совещание. Вывод, к которому я пришел, заставляет меня предполагать, что кое-кто еще попытается сыграть на недопонимании или недоговоренности, чтобы сохранить в своем распоряжении как можно больше вооруженных людей, что придется еще прибегнуть к официальным мерам, преодолеть трения, обеспечить выполнение приказов, прежде чем наконец установится власть правительства. Я хочу, чтобы путь к этому был освобожден как можно скорее.

И этому отныне будут способствовать американцы. Генерал Эйзенхауэр наносит мне визит. Мы поздравляем друг друга со счастливым окончанием событий в Париже. Я не скрываю от него, однако, что мне была крайне неприятна позиция, занятая Джероу в тот момент, когда я, вступив в свою собственную столицу, хочу овладеть положением. Я довожу до сведения главнокомандующего, что по причинам, связанным с моральным состоянием населения, и, следовательно, в интересах установления настоящего порядка

я еще на несколько дней оставлю в своем ведении 2-ю бронетанковую дивизию. Эйзенхауэр говорит, что намерен обосноваться со своей ставкой в Версале. Я одобряю его решение: мне кажется правильным, что он не хочет останавливаться в Париже, и разумным, что он решил устроиться вблизи от города. Мы прощаемся, и от имени французского правительства я выражаю этому великодушному и умному военачальнику союзников наше уважение, доверие и признательность. Вскоре после этого американцы, ни с кем не посоветовавшись, опубликовали коммюнике, согласно которому военное командование, в соответствии с достигнутой договоренностью, якобы передало французской администрации свои полномочия. Естественно, что никаких полномочий союзники не передавали, поскольку нельзя передать то, чем никогда не обладал и не пользовался. Но честолюбие президента, должно быть, предъявляло тут свои требования, тем более что в Соединенных Штатах начинается предвыборная кампания и что через полтора месяца всеобщее голосование будет решать судьбу Франклина Рузвельта.

С наступлением вечера я узнаю о последнем поступке маршала как «главы государства». Жюэн приносит мне письмо от адмирала Офана, бывшего министра Виши. К письму приложен меморандум, в котором адмирал ставит меня в известность о миссии, полученной им от маршала и сформулированной в двух секретных документах. Первым из этих документов является так называемый «конституционный» акт от 27 сентября 1943 года, уполномочивающий коллегию из семи членов выполнять обязанности «главы государства» в случае, если маршал сам не сможет их выполнять. Второй, датированный 11 августа 1944 года, уполномочивает адмирала Офана «в случае необходимости вступить от имени маршала в контакт с генералом де Голлем, чтобы в момент освобождения территории страны избрать такой курс для французской политики, который помешал бы возникновению гражданской войны и примирил между собой всех французов доброй воли». Если Офан не сможет с ним связаться, маршал «доверяет ему поступать так, как он сочтет наиболее целесообразным для интересов родины». Но только, добавляет он, «при условии, что будет соблюден принцип законности, носителем которого я являюсь».

В своем письме адмирал сообщал мне, что 20 августа, узнав, что немцы увезли маршала, он тотчас попытался созвать «коллегию». Но двое из указанных ее членов — Вейган и Бутилье оказались арестованными и содержатся в Германии; еще один — Леон Ноэль, посол Франции, уже четыре года находящийся в рядах Сопротивления, официально отказался принять участие в подобной комбинации; еще двое других — Поршэ, вице-председатель Государственного совета, и Гидель, ректор Парижского университета, просто не приехали. Видя, что никто не явился, кроме него и Кау, генерального прокурора кассационного суда, Офан решил, что «коллегия» отжила свой век, не успев родиться, и что отныне он является «главным душеприказчиком законных полномочий маршала». Он просит меня их принять.

Этот демарш ничуть не удивил меня. Насколько мне известно, уже в начале августа маршал, с минуты на минуту ожидавший, что немцы заставят его уехать в Германию, вступил в контакт с руководителями Сопротивления. Анри Ингран, комиссар республики в Клермон-Ферране, довел до моего сведения, что 14 августа его посетил, по поручению маршала, капитан Олиоль. Маршал сообщал о готовности поручить свою особу охране внутренних сил и одновременно заявить о своем отказе от власти. Ингран отве-

тил, что, если маршал сдастся ему, внутренние силы обеспечат его безопасность. Но Петэн не довел до конца своего плана: по всей вероятности, ему помешали меры, принятые немцами, которые усилили наблюдение за ним перед отправкой в Бельфор и Зигмаринген. И вот теперь доверенное лицо маршала уведомляет меня, что хочет вести со мной официальные переговоры.

Какой конец! Какое признание! Так, значит, в момент крушения Виши Филипп Петэн повернулся к Шарлю де Голлю. Вот чем кончилась эта отвратительная серия капитуляций, приведшая к тому, что под предлогом «спасения имущества» было принято рабство. Как неизмерима глубина падения, если к подобной политике прибегает на склоне лет военачальник, некогда покрывший себя славой! Читая документы, которые мне вручили от его имени, я чувствую, как лишний раз подтверждается то, в чем я был всегда уверен, и одновременно душу мне сжимает несказанная грусть. Господин маршал! Вы когда-то покрыли такою славой наше оружие, вы в свое время были моим начальником и служили мне примером — и к чему вы пришли?

Ну а что я могу ответить на это письмо? В данном случае чувства отступают перед государственными соображениями. Маршал говорит о гражданской войне. Если он подразумевает под этим резкое столкновение между двумя частями французского народа, то ничего подобного и не намечается. Дело в том, что ни один из его сторонников не выступает против моей власти. На освобожденной территории нет ни одного департамента, ни одного города, ни одной коммуны, ни одного чиновника, ни одного солдата, даже ни одного частного лица, которые пытались бы противостоять де Голлю из преданности Петэну. Что касается репрессивных мер, которые отдельные отряды Сопротивления могли бы учинить по отношению к людям, подвергавшим их преследованиям в угоду противнику, то тут должны вмешаться соответствующие органы, не забывая, однако, о соблюдении справедливости. Здесь ни о чем нельзя договориться заранее.

А главное — основание, на которое ссылается Петэн, предлагая вступить со мной в соглашение, как раз и делает такое соглашение невозможным. Правительство республики начисто отказывает ему в праве именовать себя носителем законной власти не только потому, что он в свое время принял отречение обезумевшего от страха парламента, но и потому, что он согласился отдать в рабство Францию, официально сотрудничал с захватчиками, приказывал сражаться против французских солдат и солдат союзников, боровшихся за освобождение, и в то же время не было такого дня, когда бы он разрешил стрелять по немцам. Больше того, ни в своем письме Офану, ни в прощальном слове, адресованном французам, Петэн нигде не осуждает «перемирия», не призывает: «Вперед на врага!» Так вот: орган, утративший свою независимость, не может считаться законным французским правительством. Мы, французы, на протяжении истории пережили немало бед, теряли провинции, платили репарации, но никогда государство наше не мирилось с иностранным владычеством. Даже король из Буржа *, даже монархия, реставрированная в 1814 и в 1815 годах, или правительство и ассамблея, заседавшие в Версале в 1871 году, не шли на поводу у иностранцев. Если Франция признает власть, которая наденет на нее ярмо, она лишится будущего.

* Карл VII (годы правления — 1422—1461 гг.).— *Прим. ред.*

Призыв, идущий из глубин истории, инстинкт патриота своей страны побуждают меня принять в свои руки сокровище, которое осталось нам в наследство,— обеспечение французского суверенитета. Это я являюсь носителем законности. И в качестве такового могу призвать народ к войне и к единению, установить порядок, закон, справедливость, потребовать, чтобы за границей уважали права Франции. Здесь я не отступлю ни на шаг и не пойду ни на какие компромиссы. Я признаю побуждения, которые заставили маршала написать это послание; не сомневаюсь я и в том, насколько важно с моральной точки зрения для будущего нации то, что Петэн в конечном счете обратился именно к де Голлю, и тем не менее я могу ответить маршалу лишь молчанием.

К тому же сейчас, ночью, наступившей после столь бурного дня, вокруг воцарилась наконец тишина. Настало время подвести итоги тому, что сделано, и представить себе дальнейшее. Сегодня единство одержало верх. Зародившееся в Браззавиле, выросшее в Алжире, оно расцвело полным цветом в Париже. И Франция, которая, казалось, была обречена на бедствия, на отчаяние и на раздоры, сейчас имеет все возможности дойти в едином строю до конца нынешней драмы и наравне с другими выйти из нее победоносной, вернув себе свои земли, свое место, свое достоинство. Можно надеяться, что французы, перегруппировавшись сейчас, надолго останутся в таком состоянии и, пока не дойдут до ближайшей цели, не распадутся на разделяющие их категории, которые — ввиду разницы своих идеалов — неизменно припятствуют национальной сплоченности.

Измерив стоящие передо мной задачи, я должен оценить и свои силы. Моя роль состоит в том, чтобы заставить разнородные элементы нации служить единой цели, ведущей к спасению страны, и я обязан — каковы бы ни были мои недостатки — играть эту роль до тех пор, пока будет продолжаться кризис, а затем — если пожелает страна — и до тех пор, пока не будут созданы достойные ее институты, соответствующие нашей эпохе и вооруженные тяжелым опытом пережитого, а тогда уж передать им руководство страной.

Я знаю, что по мере того, как будет отдаляться опасность, все группировки, все школы, все ареопаги постепенно возникнут на моем пути — ожившие и враждебные. Нет такого догматического течения или бунтарства, такого олицетворения бездеятельности или претенциозности, такого безразличия или интереса, которые сначала тайно, а потом и явно не выступили бы против моего начинания, имеющего целью сплотить французов вокруг Франции и создать сильное и справедливое государство. Если говорить о человеческих привязанностях, то уделом мне будет одиночество. Но каким могучим рычагом для того, чтобы поднять такую ношу, является поддержка народа! Это могучее доверие, это простое дружелюбие, свидетельство которых я вижу на каждом шагу,— вот что будет меня поддерживать.

И призыв мой мало-помалу был услышан. Медленно, трудно создавалось единство. А теперь народ и его руководитель, помогая друг другу, вступили на путь спасения.

Корделл Хэлл

Государственный секретарь США вспоминает

Хэлл, Корделл (1871—1955) — американский политический и государственный деятель. В 1907—1921 и 1923—1931 годах — член палаты представителей конгресса США. В 1931 году избран в сенат. Занимал пост государственного секретаря США в 1933—1944 годах в администрации президента Рузвельта. К. Хэлл признавал важность участия СССР в международных делах. При нем были установлены дипломатические отношения между СССР и США. В июне 1942 года Хэлл подписал со стороны США советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Участник Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (октябрь 1943 г.). В ноябре 1944 года в связи с болезнью ушел в отставку с поста государственного секретаря США.

ГОД ВОЙНЫ (1941)

Мы помогаем России

Сообщение о нападении Гитлера на Россию 22 июня застало меня больным дома. Я тут же позвонил президенту Рузвельту, а затем заместителю государственного секретаря Уэллесу. Каждому из них я сказал следующее.

«Мы должны предоставить России всю возможную помощь. Мы неоднократно заявляли, что предоставим всю помощь, на которую способны, любой стране, которая оказывает сопротивление странам «оси». Не может быть ни малейшего сомнения, что Россия входит в число таких стран».

Кроме того, я позвонил некоторым из коллег в государственном департаменте и изложил им эту же точку зрения.

Из мемуаров Корделла Хэлла.

The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. II. P. 967—983, 987, 991—993, 997—999, 1011—1015, 1017, 1019—1021, 1025—1026, 1034, 1054, 1056—1059, 1062—1063, 1067, 1072, 1074, 1080—1084, 1087—1113, 1247, 1249—1250, 1252—1256, 1258—1259, 1263—1266, 1272—1274.

Я хотел было отправиться в госдепартамент сам, но врач не разрешил, и мне пришлось поддерживать связь с госдепартаментом по телефону и через курьеров. Я снова и снова настоятельно указывал своим сотрудникам, что мы должны принять все меры по оказанию помощи Советам. Мне было известно, что некоторые военные специалисты как в нашей стране, так и за границей предсказывают, что Гитлер одержит полную военную победу над Россией в течение нескольких недель. Но я не мог поверить в это, так же как не поверил утверждениям многих людей, что с падением Франции крах Великобритании станет вопросом нескольких недель.

Я считал, что, срочно направляя Великобритании летом 1940 года большое количество оружия, мы не подвергали себя реальному риску, что оно попадет в немецкие руки. Подобным же образом я верил, что мы можем посылать России все возможное оружие и снабжение без реального риска, что немцы одержат быструю победу и захватят его. Если бы президент и я сомневались в способностях русских оказать сопротивление Германии, было бы глупо поставлять им вооружение, которое, по существу, попало бы в руки Гитлера.

На протяжении последних шести месяцев имелись веские причины думать, что Гитлер нападет на Россию, поэтому то, что произошло 22 июня, не удивило нас. В январе 1941 года ко мне поступил конфиденциальный доклад Сэма Е. Вудса, нашего торгового атташе в Берлине. Вудс дружил с немцем, который хотя и враждебно относился к нацизму, имел тесные связи с имперскими министрами, рейхсбанком и высокопоставленными членами нацистской партии. Еще в августе 1940 года этот немец сообщил Вудсу, что в ставке Гитлера проходят совещания, касающиеся подготовки войны против России. Эта информация через несколько недель стала более конкретной, когда Гитлер якобы заявил о намерении иметь «от Владивостока до Гибралтара только своих солдат».

Вудс встречался со своим немецким другом в одном из кинотеатров Берлина. Этот немец, купив заранее билеты на киносеанс и послав один из них Вудсу, садился в кинотеатре рядом с Вудсом и в полумраке зала незаметно вкладывал ему в карман свои записи.

Поступавшая от Вудса информация заметно расходилась со многими доказательствами, что Гитлер планирует вторжение в Великобританию, но приятель Вудса утверждал, что воздушные налеты на Англию служат ширмой для подлинных и подробно разработанных планов и приготовлений для внезапного и сокрушительного нападения на Россию.

Позднее этот немец сообщил Вудсу о создании вермахтом региональных административных органов для 21 прежней царской губернии и о назначении экономических управляющих для этих территорий. Заранее напечатаны кипы рублевых казначейских билетов.

Наконец, через свои связи в немецком генеральном штабе приятель Вудса узнал основные положения стратегического плана Гитлера: три главных направления наступления — северное, южное и решающее третье — в центре фронта на Москву. Все приготовления должны быть завершены весной 1941 года.

Когда донесение Вудса, включавшее все эти сведения, поступило ко мне, оно выглядело столь обстоятельным, что вначале я принял его за сфабрикованную немцами дезинформацию. Я передал это донесение ди-

ректору ФБР Дж. Эдгару Гуверу на заключение. Гувер считал информацию Вудса подлинной.

Поскольку Вудс известил нас о способе проверки служебного положения и связей своего осведомителя через видного немецкого эмигранта, находящегося в Соединенных Штатах, я попросил помощника государственного секретаря Брекинриджа Лонга встретиться с этим эмигрантом и получить необходимое подтверждение, что он и сделал. Я также обсудил донесение Вудса с президентом.

Затем я решил, что содержание донесения следует сообщить советскому послу в США Уманскому. Такой шаг, на мой взгляд, соответствовал правильной позиции, которую нашей стране следовало занять по отношению к России. Я поручил Уэллесу, который по моему предложению вел переговоры с Уманским с целью устранения ряда разногласий между двумя нашими странами, довести эту информацию до сведения посла. Уэллес выполнил это поручение.

Когда ко мне поступила дальнейшая информация из этого же источника, я снова передал ее Уэллесу, попросив его сообщить ее Уманскому. Это он сделал 20 марта.

Уманский обещал переслать эти сведения своему правительству и, без сомнения, сделал это. Трудно сказать, какое влияние эта информация оказала на советскую политику. Однако три недели спустя Сталин внезапно заключил договор о ненападении между СССР и Японией с министром иностранных дел Мацуока в тот момент, когда Мацуока считал его заключение невозможным *. Нет сомнений, что Сталин заключил этот договор, чтобы обезопасить страну на Дальнем Востоке, полагая, что Гитлер намеревается напасть на него в Европе. Кроме того, Россия заняла более решительную, чем можно было бы ожидать, позицию в отношении Балканских стран перед лицом гитлеровских планов превращения этих стран в своих союзников.

Хотя советско-германский договор о ненападении послужил в августе 1939 года Гитлеру стимулом для развязывания войны в Европе и хотя Россия наряду с Германией приобрела территории в Восточной Европе, тем не менее с июня 1940 года она во многом противодействовала целям Гитлера. Мы знали, что визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 года привел скорее к осложнению, чем к улучшению отношений между двумя этими странами.

Полученная нами информация о планировании Гитлером вторжения в Россию была особенно полезна для меня в переговорах с японцами. Она исключала какую-либо вероятность союза между Россией и Японией и давала нам возможность занять более твердую позицию в отношении Японии, чем мы отважились бы иначе.

Со своей стороны мы последовательно стремились улучшить отноше-

---

* Советско-японский пакт о нейтралитете был подписаи 13 апреля 1941 года в Москве во время пребываиия мииистра иностранных дел Япоиии Ё. Мацуока. Согласио пакту стороиы обязались «поддерживать мириые и дружествениые отиошеиия между собой и уважать территориальиую целостиость и иеприкосиовениость» друг друга (ст. 1). В случае если одна из сторои «окажется объектом действий со стороиы одной или иескольких третьих держав», другая стороиа обязывалась соблюдать иейтралитет в продолжеиие всего коифликта (ст. 2). Пакт был деноисироваи Советским правительством 5 апреля 1945 года.— *Прим. перев.*

ния с Россией. 21 января (1941 г.— *Ред.*) мы отменили моральное эмбарго на торговлю с Советским Союзом, введенное в декабре 1939 года после вторжения русских в Финляндию. Этот шаг, по существу, не повлек каких-либо изменений в практическом плане, так как затронутые моральным эмбарго категории товаров к этому времени регулировались системой лицензий в соответствии с законодательным актом от 2 июля 1940 года, и их экспорт, следовательно, строго контролировался. Отмена эмбарго была скорее рассчитана на психологический эффект.

Мне было ясно, что даже если Россия сохранит свою пассивно-сонную позицию, как безразличная ко всему статуя, она все равно будет оказывать мощное влияние на ход войны. Она заставляла Гитлера теряться в догадках, несмотря на имевшиеся советско-германские соглашения о более тесных отношениях. Когда Гитлер предпринимал военные шаги, которые выглядели угрожающими для России, Москва вела себя смирно. Но когда Гитлер не смог вторгнуться в Великобританию и добиться победы в воздухе над англичанами, а Италия потерпела неудачу в своих кампаниях в Греции и Северной Африке, тогда Россия убедила Болгарию временно отклонить требования Гитлера о присоединении к странам «оси». Никто не знал, что предпримет Россия помимо того, что она будет готовиться к самообороне и одновременно делать все возможное, чтобы избежать нападения со стороны Германии.

Одним из первых вопросов, который поставил передо мной английский посол лорд Галифакс после его прибытия в США, было предложение английского правительства об ограничении нашего экспорта в Россию. В беседе 5 февраля он сообщил мне об опасениях Великобритании, что значительное количество товаров через Россию поступает в Германию.

Я ответил послу, что мы следим за нашей торговлей с Россией из недели в неделю и пока что считаем, что хотя экспорт некоторых категорий товаров существенно возрос, этот рост не вызывает тревогу.

«Россия,— добавил я,— независимо от того, проявляет ли она активность или пребывает в спячке, была и останется фактором огромной важности в войне, а также в вопросах, влияющих на мир вообще как в Европе, так и в Азии. Русские официальные представители весьма болезненно реагируют, когда оказывается нажим, и от России следует ожидать, что она пойдет гораздо дальше, демонстрируя свое недовольство, фактически значительно дальше, чем она обычно делает, проявляя свое удовлетворение и радость по поводу оказанной ей какой-либо услуги.

С тех пор как Россия заключила договор с Германией, за которым последовала война, и после оккупации Прибалтики, части Польши и других районов она последовательно проводила политику упорного отстаивания своих позиций особенно в отношениях с Германией и Японией, а также в районах, представляющих непосредственный интерес для этих стран. В целом ее политический курс и позиция за прошедшие месяцы состояли в том, чтобы оказать противодействие и вызвать срыв многих далеко идущих планов Гитлера и японцев, а также их совместных планов. Конечно, русские не помышляют о том, чтобы помочь кому-либо из нас, когда они подобным образом серьезно тормозят или нарушают планы Гитлера, особенно в отношении районов Средиземноморья и Суэцкого канала».

Поскольку Лондон публично заявил, что Великобритания намеревается просить Соединенные Штаты применить эмбарго против России, я

сказал: «Я сомневаюсь, что ваше правительство получает сейчас столько же информации из Москвы, как раньше, да и доверительности, несомненно, поубавилось, хотя переживаемый нами период делает исключительно важным, чтобы Великобритания поддерживала возможно лучшие отношения с Россией».

Я рассказал Галифаксу о политической линии, которой мы придерживались в отношении Советского Союза с прошлого лета, проводя частые беседы с советским послом с целью устранения многих мелких обид и претензий с обеих сторон. «Наша цель,— указал я,— дать как можно меньше поводов советским официальным лицам для недоброжелательного отношения к правительству США, особенно на случай каких-либо критических событий, при которых даже незначительное воздействие может склонить чашу весов в Москве против нас и причинить нам глубокий и длительный ущерб». Затем я откровенно заявил послу: «Я считаю, что Великобритания оказывает давление на чашу этих весов, публично выступая с такими предложениями, как призыв к нашему правительству в введении эмбарго против России». Посол, кажется, полностью согласился с этим.

Когда пять дней спустя Галифакс снова посетил меня, я сказал, что должен снова затронуть вопрос об отсутствии желания у Великобритании попытаться улучшить отношения с Францией и Россией. «Я говорю это не с целью критики,— заметил я,— но, как вам хорошо известно, политика Франции и России в предстоящие месяцы глубоко интересует американское правительство. Особенно в остро критические или ключевые моменты, когда их действия или занятая позиция могут изменить ход войны в ту или другую сторону».

К сожалению, переговоры между Уманским и Уэллесом сорвались или, точнее, взорвались во время одной из бурных, язвительных перепалок между ними. С Уманским, считавшим, что твердость равнозначна грубости, было трудно вести дела даже в лучшие времена. К тому же он был поставлен в сложное положение своим правительством, которое требовало гораздо больших закупок важных материалов, чем мы были готовы разрешить ввиду наших обязательств перед Великобританией, и ожидало, что Уманский добьется этого.

Накануне вторжения Гитлера в Россию наша политика в отношении Советского Союза включала в себя следующие принципы.

Не проявлять инициативы в подходе к России.

Сдержанно относиться к любым подходам России к нам, пока русские не убедят нас, что это не простое маневрирование с целью получения односторонних уступок для себя.

Отклонять любые советские предложения, чтобы мы пошли на уступки ради улучшения советско-американских отношений, и требовать полной взаимности.

Дать русским понять, что мы рассматриваем улучшение отношений в такой же мере, если не в большей, важным для России, как и для Соединенных Штатов.

В основу наших повседневных отношений положить принцип взаимности.

В целом наша политика в отношении России была твердой, но дружелюбной.

В первую неделю июня мы получили убедительные телеграммы от наших миссий в Бухаресте и Стокгольме, что Германия вторгнется в Россию в ближайшие две недели. Госдепартамент направил эти сообщения послу Штейнгардту в Москву.

За восемь дней до вторжения Гитлера в Россию премьер-министр Черчилль прислал президенту послание, в котором говорилось, что, судя по сведениям из всех источников, имеющихся в его распоряжении, массированное немецкое нападение на Россию, по-видимому, вот-вот произойдет. Если разразится эта новая война, писал Черчилль, Великобритания, конечно, окажет русским всемерное поощрение и помощь, на которую она способна, исходя из того принципа, что Гитлер является тем врагом, которого нам нужно разбить. Он заявил, что не ожидает какой-либо классовой политической реакции в Великобритании и надеется, что германо-русский конфликт не создаст для нас никаких затруднений.

Конфликт не создал для нас никаких затруднений и вдохнул в нас новую надежду на победу над гитлеризмом. Во время болезни я поддерживал постоянную связь с президентом и Уэллесом, настаивая, чтобы мы оказали России самое энергичное содействие и предоставили всю помощь, на которую мы способны. Президент направил своего специального помощника Гарри Гопкинса из Лондона в Москву, чтобы выяснить военные потребности России. Рузвельт разблокировал замороженные советские фонды и решил не применять к России закон о нейтралитете *.

В августе исполняющий обязанности государственного секретаря Уэллес и посол Уманский обменялись нотами, в нашей ноте мы обещали «оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии».

Сразу же по возвращении в Вашингтон 4 августа я выступил с заявлением, в котором указал, что прошедшие недели убедительно продемонстрировали «существование в мире процесса завоевания с помощью силы, который сопровождается основанными на принуждении и варварстве методами управления завоеванными народами. Эта ситуация... требует нарастающего производства военного снаряжения как для нас самих, так и для тех, кто оказывает сопротивление завоевателям, стремящимся к мировому господству... Я глубоко верю, что, преследуя общую цель, прилагая максимальные усилия и твердую решимость, оставшиеся свободными народы мира одержат победу».

Менее чем через час после выступления я встретился с послом Уманским, который пришел в сопровождении генерала Голикова **. Уманский вел себя совсем иначе, чем в ходе нашей последней встречи. Я рассказал ему о том интересе, который был проявлен мною, особенно после возвращения в Вашингтон, к предоставлению России всех военных материа-

---

* Согласно принятому в США осенью 1939 года закону о нейтралитете, воюющие страны могли закупать в США вооружение и военные материалы по принципу «плати и вези», то есть за наличный расчет и с доставкой на собственных судах; запрещалось предоставлять займы государствам, находящимся в состоянии войны; плавание американских судов в морях, омывающих побережье Англии, Франции, Германии, и в Балтийском море было запрещено.— *Прим. перев.*

** Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков возглавлял советскую военную миссию в Англии и США, которой было поручено решение вопросов об оказании Советскому Союзу военно-технической помощи.— *Прим. перев.*

лов, которыми мы можем поделиться. Голиков сообщил, что он передал заявку о потребностях Советского правительства две недели назад в госдепартамент США, но единственным результатом была отправка морем в Россию 60 самолетов, и что Россия нуждается в зенитных и противотанковых орудиях. Я обещал удвоить свои усилия, чтобы помочь ускорить поставки этого оружия.

В это время президент США вместе с премьер-министром Черчиллем проводили совещание в Атлантике *. На этом совещании России было уделено значительное внимание. После того как присутствовавший на совещании Гарри Гопкинс сделал оптимистический доклад о способности Советского Союза оказать сопротивление вторгнувшимся гитлеровским армиям, президент и премьер-министр согласовали послание, предназначенное для передачи Сталину. Президент передал мне по радио 13 августа текст послания с просьбой о пересылке его в Москву. В послании оба руководителя заверяли Сталина: «Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить вас максимальным количеством тех материалов, в которых вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем». Они предложили провести в Москве переговоры, чтобы ознакомиться с потребностями России, и направить с этой целью в Россию высокопоставленных представителей Соединенных Штатов и Великобритании [1]...

Встреча президента и премьер-министра в Атлантике придала дополнительный импульс нашим усилиям по предоставлению России оружия и военного оснащения. Президент и я внимательно следили за сообщениями о продвижении гитлеровских войск в России. Наши первоначальные выводы, что русские смогут выстоять, судя по всему, уже оказались правильными.

25 августа Россия и Великобритания совместно оккупировали Иран, так как имелись данные о подрывной деятельности нацистов в этой стране и их влиянии на некоторых руководителей иранского правительства. Союзники не могли допустить дальнейшего развития этой опасной ситуации ввиду стратегического положения Ирана на Среднем Востоке к югу от России.

Мне представлялось, однако, важным, чтобы Россия и Великобритания разъяснили миру, что они не имеют намерений оккупировать Иран постоянно. 27 августа я обсудил этот вопрос с послом Уманским и временным поверенным в делах Великобритании Рональдом Кэмпбеллом. Сославшись на заверения Англии и России иранскому правительству, что

* С 9 по 12 августа 1941 года в бухте Арджентия (о-в Ньюфаундленд) проходила встреча между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, известная как Атлантическая конференция. На конференции были рассмотрены планы США и Англии в связи с создавшейся международной обстановкой после нападения Германии на Советский Союз, согласован внешнеполитический курс США и Англии. Руководители США и Англии 14 августа обнародовали совместную декларацию (Атлантическая хартия), содержавшую некоторые общие принципы национальной политики их стран. 24 сентября Советское правительство заявило о своем согласии с основными принципами Атлантической хартии.— *Прим. перев.*

[1] См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1989. Т. 1. С. 25.— *Прим. перев.*

они ввели войска в Иран только из-за войны с Гитлером и не собираются наносить ущерб суверенитету Ирана и находиться в Иране дольше, чем этого требует военная необходимость, я предложил: «Россия и Англия должны бы повторить эти заверения всем миролюбивым странам и всем другим странам, выступающим против агрессии. Подобное заявление оказало бы весьма полезное и благоприятное впечатление на весь мусульманский мир, а также позитивное воздействие на народы малых стран повсюду».

Высказанная мною идея была вскоре претворена в жизнь Англией и Россией.

Вопрос о предоставлении России кредитов для оплаты широких закупок в Соединенных Штатах первоначально оказался трудным. Когда Уманский попросил о встрече с президентом, чтобы обсудить этот вопрос, Рузвельт пригласил Гарри Гопкинса и меня принять участие в беседе 11 сентября.

Президент откровенно объяснил Уманскому значительные трудности получения от конгресса необходимых ленд-лизовских ассигнований для России из-за недоброжелательного отношения к России со стороны некоторых группировок США, пользующихся значительным политическим влиянием в конгрессе. Указав, что в России имеются церкви и что Конституция СССР 1936 года разрешает религию, президент сказал, что, если бы Москва организовала информационную кампанию в США о свободе религии в СССР, это могло бы дать хороший просветительский эффект. Он предложил далее, чтобы такая кампания началась до обсуждения законопроекта об ассигнованиях по ленд-лизу в конгрессе и до прибытия американской миссии во главе с А. Гарриманом в Москву для обсуждения советских военных потребностей. Уманский сказал, что он займется этим вопросом.

Президент также заявил Уманскому, что для получения согласия конгресса на предоставление России помощи по ленд-лизу администрации необходимо иметь официальную декларацию о русских активах, золотом запасе, а также бартерной торговле, которую можно было бы вести между двумя странами. Он предложил купить максимально возможное количество русского марганца, хрома и другого сырья при понимании, что производство и поставки могут начаться после окончания войны.

Уманский заявил, что он предпочитал бы прямой кредит, но если это невозможно, то Советское правительство будет со всей серьезностью просить о поставках по ленд-лизу. В конце концов мы достигли договоренности о предоставлении кредита и бартерной торговле на сумму в 75 млн долларов через Корпорацию финансирования реконструкции на те несколько месяцев, в течение которых можно будет выработать удовлетворительные соглашения о поставках России военных материалов.

Мы пытались помочь России также иным способом: побудив выйти из войны два небольших государства, которые атаковали ее с флангов,— Финляндию на севере и Румынию на юге...

Финляндия и Румыния вступили в войну против Советского Союза на стороне Германии, и их войска двигались в глубь России. Румыны вскоре заверили нас, что они намерены только занять ту территорию, которую Россия приобрела у Румынии в 1940 году, занять стратегическую оборонительную позицию по реке Днестр, а затем они будут считать свои обязательства перед Германией выполненными. Но финны представляли

для нас более сложную проблему, а также более важную, потому что значительная доля наших поставок Советскому Союзу должна была поступать в северные порты России, которые могли подвергнуться нападению или блокаде с финской территории.

Я пригласил финского посланника Ялмара Прокопе 8 сентября к себе в кабинет и, выразив удовлетворение тем, что Финляндия вернула себе территорию, которую Россия отобрала у нее в результате войны 1939—1940 годов, сказал, что обратил внимание на заявление, сделанное главнокомандующим финской армии генералом Маннергеймом, что Финляндия будет сражаться до окончания войны между Германией и другими странами.

Прокопе пустился в туманные рассуждения о намерениях Финляндии и высказал личное мнение, что финны заняли русскую территорию, чтобы обезопасить свою страну и что его правительство не намерено воевать до окончания общей войны.

Я подчеркнул посланнику наше убеждение, что Гитлер планирует завоевать мир, и поэтому Соединенные Штаты не могут оставаться безучастными с точки зрения своей самозащиты. Позиция Финляндии схожа с позицией Румынии, указал я, но Румыния сообщила нам, что прекратит военные действия против Советского правительства, когда падет Одесса и бывшая румынская территория вернется к Румынии.

Прокопе обещал полностью передать содержание нашей беседы своему правительству. Однако затем он начал приводить различные мелкие аргументы против коммунизма и Сталина. Будучи эмоциональным человеком, он распалился и с трудом сдерживал себя.

Я прервал его, заявив: «Мы всегда выступали против коммунизма и будем выступать и в будущем. Но Гитлер, вместо мирной пропаганды гитлеризма... на протяжении целых шести лет занимался тем, что создавал крупнейшую армию и военно-воздушные силы за всю историю. И это делалось не с целью защищать себя, а для завоевания везде и всюду миролюбивых стран и достижения безграничного контроля на море».

Я добавил, что ни один захватчик — как частное или официальное лицо — никогда еще добровольно не отказывался от своих захватов и Гитлер не остановится, пока кто-то силой не остановит его.

На вопрос Прокопе, не собираемся ли мы начать войну против Германии, я ответил: «Гитлеру хотелось бы узнать ответ на этот вопрос». Посланник заметил, что это правда. «Мы продемонстрировали значительную заинтересованность в оказании сопротивления Гитлеру, и, если у вас есть какие-либо сомнения на этот счет, Гитлер может сам разубедить вас».

В это время мы одновременно оказывали нажим на финское правительство через нашу миссию в Хельсинки.

Через несколько дней финский министр торговли и промышленности выступил в Хельсинки с заявлением, что финны вскоре смогут прекратить военные действия, они остановятся на линии обороны, которой они вскорости надеются достигнуть, и не будут участвовать в наступлении на Ленинград. Я был уверен, что это было вызвано нашим представлением финскому правительству.

Поэтому когда 17 сентября временный поверенный в делах Великобритании Кэмпбелл передал мне ноту своего правительства, предлагавшую Соединенным Штатам запросить у России условия мира для Финлян-

дин и передать их Хельсинки, я согласился. Заместитель госсекретаря Уэллес еще 18 августа уведомил Прокопе, что Россия готова вступить в переговоры с Финляндией о мире, который будет связан с территориальными уступками со стороны русских, но этот шаг не дал никаких результатов.

Однако масштабы немецкого вторжения в Россию произвели на Финляндию слишком большое впечатление. Я несколько раз приглашал к себе Прокопе и подчеркивал, что считаю подобную позицию крайне близорукой. «Продвижение финских войск,— указал я 3 октября,— не будет иметь никакого значения за столом мирных переговоров. Все зависит от того, кто выиграет войну».

25 и 28 октября 1941 года я направил официальные ноты правительству Финляндии, составленные в самых энергичных выражениях, на грани разрыва отношений. Я заявил, что финские военные операции оказывают исключительно ценную помощь нацистской мировой агрессии и, не способствуя будущей безопасности Финляндии, составляют, таким образом, прямую угрозу нашей собственной безопасности.

На следующий день английский посол Галифакс посетил меня и заявил, что Россия хочет, чтобы Великобритания объявила войну Финляндии. Я сообщил ему о нашей ноте Финляндии и сказал, что тем самым почва для дальнейших действий подготовлена. Однако я воздержался от высказывания мнения, как следует в этой ситуации поступить Великобритании.

Я изложил публично нашу позицию 28 ноября. Министр иностранных дел Финляндии совершил несколько дней назад поездку в Берлин, где примкнул к другим правительствам стран-сателлитов, собравшихся для подписания «антикоминтерновского пакта» *. Все последние акции финского правительства, подчеркнул я, «подтвердили наши опасения, что оно полностью сотрудничает с вооруженными силами Гитлера».

Позднее, когда Великобритания объявила войну Финляндии и мы были на грани разрыва дипломатических отношений, Финляндия осознала дальновидность нашего совета и ограничила свои военные действия удержанием линии обороны. Но было уже слишком поздно, чтобы она могла обеспечить себе те преимущества, которые Финляндия могла бы получить от России, если бы финны раньше прислушались к нашим предложениям **.

Наши отношения с Россией заметно упрочнились осенью 1941 года. Американская и английская делегации во главе с А. Гарриманом и лордом Бивербруком провели переговоры с советскими представителями в Москве с 29 сентября по 1 октября и подписали протокол, удовлетворяющий практически все советские заявки на поставку вооружения и военных мате-

* 25 ноября 1941 года в Берлине правительства Германии, Италии, Японии, Венгрии, Маньчжоу-Го и Испании подписали протокол о продлении на 5 лет срока действия «антикоминтерновского пакта».—*Прим. перев.*

** Правительство СССР еще осенью 1941 года поставило вопрос перед английским правительством о необходимости объявления войны Румынии, Венгрии и Финляндии. Такой шаг подорвал бы влияние профашистских кругов в этих странах и стал бы убедительной демонстрацией единства союзников. 6 декабря Великобритания объявила войну Румынии, Венгрии и Финляндии, а 12 декабря — Болгарии.— *Прим. перев.*

риалов *. Президент Рузвельт расширил предоставление ленд-лизовской помощи до суммы в миллиард долларов **.

В знак признания важного значения помощи Соединенных Штатов в отчаянной борьбе, которую Россия вела против германской агрессии, Сталин назначил нового советского посла в США — бывшего наркома иностранных дел Максима Литвинова, с которым я неоднократно встречался ранее. Он прибыл в Вашингтон почти одновременно с японским нападением на Пёрл-Харбор.

Наши переговоры с Японией

Япония вступила в новый, 1941 год преисполненная решимости извлечь все возможные дальнейшие выгоды из бушевавшей в Европе войны, но все еще неуверенная, когда и где это можно сделать. На Европейском континенте она видела в Гитлере неоспоримого хозяина, хотя его партнер Муссолини потерпел серьезные неудачи в Греции и Северной Африке, а Великобритания накапливала силы. В Азии японские войска по-прежнему оставались втянутыми в затяжные военные действия в Китае. К северу лежала Россия, страна непредсказуемой мощи, сохранявшая бдительный нейтралитет, и Япония поэтому держала крупные соединения войск на маньчжурской и монгольской границе. В Новом Свете она видела Соединенные Штаты, развернувшие гигантскую программу перевооружения и помощи своим союзникам.

В этой ситуации с определенностью можно было сказать одно: пока европейские страны будут продолжать борьбу между собой, а Соединенные Штаты оказывать Великобритании всю возможную помощь, у западных держав не будет ни сил, ни желания сосредоточить свои основные усилия на Дальнем Востоке. Но имелись также элементы неопределенности. Одним из них была Россия, хотя было совершенно очевидным, что Сталин сделает все возможное, чтобы избежать войны с Германией или Японией. Другим и наиболее важным были Соединенные Штаты.

В январе 1941 года мы открыто разъяснили позицию правительства США. Мы считали Японию союзницей Гитлера и Муссолини, участницей нацеленного против нас альянса. Мы рассматривали экспансионистские планы Японии как потенциальную угрозу нашей безопасности.

Хотя японскому правительству была известна позиция президента Рузвельта и моя собственная, оно не знало, как далеко пойдет правительство США в использовании средств давления или открытой силы,

* Согласно подписанному 1 октября 1941 года протоколу США и Великобритания обязались поставлять с 1 октября 1941 года по 30 июня 1942 года Советскому Союзу ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, алюминий, олово, свинец и другие виды вооружений и военных материалов. Со своей стороны Советский Союз выразил готовность снабжать США и Англию необходимым сырьем, поставки которого начались уже осенью 1941 года.— *Прим. перев.*

** 30 октября президент США сообщил в Москву о предоставлении Советскому Союзу беспроцентного займа в размере 1 млрд дол., а 7 ноября Рузвельт распространил действие закона о предоставлении взаймы или в аренду оружия и военных материалов (ленд-лиз) на СССР.— *Прим. перев.*

чтобы воспрепятствовать японским планам захвата всей западной части Тихого океана. Именно эта неопределенность в первую очередь удерживала Японию от прямой попытки воспользоваться крупнейшей возможностью в ее истории, возникшей после того, как Франция и Голландия пали, а Англия оказалась на краю пропасти.

Японцы видели, что наши экономические санкции усиливаются. К началу 1941 года американский экспорт в Японию железа, стали, большинства других важных металлов, высокооктанового бензина и оборудования для нефтеперегонных заводов, по существу, прекратился. Мы по-прежнему разрешали поставки нефтяных продуктов, чтобы Япония не использовала наше эмбарго в качестве предлога для захвата нефтяных источников в Голландской Индии. Японцы также знали, что наша помощь Китаю растет. В январе американская группа летчиков-добровольцев с построенными в США самолетами начала оказывать китайцам воздушную поддержку. Японцам к тому же было известно, что основные силы нашего военно-морского флота по-прежнему находятся в Тихом океане.

Члены японского правительства выступали со все более воинственными заявлениями, причем особо отличался министр иностранных дел Мацуока. Возможно, японцы рассчитывали припугнуть Соединенные Штаты, внимание которых уже было приковано к Европе, и убедить их согласиться с созданием «Японской Восточной Азии», чтобы избежать войны. Японская Восточная Азия означала доминирующую роль Японии в Китае, Малайе, Французском Индокитае, Голландской Индии и на Филиппинах. 21 января, выступая в японском парламенте, Мацуока заявил, что он хочет, чтобы Соединенные Штаты поняли жизненно важное значение для Японии создания «сферы совместного процветания» в Восточной Азии, согласились на доминирующую роль Японии в западной части Тихого океана и прекратили применение экономических санкций против нее.

Прибывший в начале года в Вашингтон новый посол Японии адмирал Номура в середине февраля был принят президентом Рузвельтом для беседы. Президент сказал, что отношения между двумя странами неудовлетворительные и фактически ухудшаются. Он указал, что американский народ серьезно обеспокоен экспансией Японии в южном направлении и ее присоединением к Тройственному пакту, который, как кажется, дает Гитлеру право решать, должна ли Япония вступить в войну.

Он предложил затем, чтобы посол и я провели серию встреч с целью откровенного обсуждения состояния отношений между США и Японией, чтобы выявить причины возникновения разногласий и их последствия, составить общую картину и посмотреть, нельзя ли улучшить наши отношения.

Президент в заключение добавил, что в Тихом океане для всех хватит места и что возникновение войны не принесет США и Японии ничего хорошего, кроме вреда.

Номура молча кивал головой, слушая президента, и обещал сделать все, что в его силах, чтобы улучшить наши отношения. Однако он откровенно заявил, что главным препятствием для него будет военная партия, которая находится у власти в Токио. <...>

9 апреля мы получили проект предложений, выработанных в ходе неофициальных переговоров с японскими представителями, включая Номура.

Они вызвали у нас острое разочарование. Большинство из них полностью отвечало интересам наиболее рьяных японских империалистов.

Касательно Тройственного пакта Япония утверждала, что военные обязательства по этому союзу стран «оси» вступят в силу только в случае агрессивного нападения на одного из участников пакта державой, не участвующей в настоящее время в европейской войне. Это давало Японии право решать, что составляет агрессивное нападение. Война в Атлантике между английскими военно-морскими силами и немецкими подводными лодками и надводными рейдерами заметно обострялась, и президенту и мне становилось все более очевидным, что недостаточно только производить военные материалы для Англии и передавать их ей по ленд-лизу. Нам придется также обеспечить, чтобы они поступали в Англию, ибо сколько бы мы ни производили оружия, оно не сможет помочь нашим союзникам, если окажется на дне океана. Если между Германией и нами после этого произойдут столкновения в Атлантическом океане, Япония согласно своему проекту предложений будет иметь право сама выносить решение, кто ответствен за агрессивное нападение, и объявит нам войну. <...>

Пока мы изучали эти предложения, Мацуока, возвращавшийся из поездки в Берлин, подписал в Москве 13 апреля со Сталиным договор о ненападении. Мы знали, что переговоры о подобном договоре между Москвой и Токио велись на протяжении ряда месяцев. Япония добивалась более широкого соглашения, но Россия проявляла сдержанность. Неожиданно, когда Мацуока уже собирался уехать из Москвы, Сталин в последнюю минуту дал согласие на заключение узкого соглашения. Нам было ясно, что Сталин обеспокоен возможностью германского нападения и хотел обезопасить свой дальневосточный фланг. Мы сами уже дважды предупреждали Россию, что Гитлер планирует нападение.

На следующий день я публично изложил нашу реакцию на этот договор. «Значение договора между Советским Союзом и Японией о нейтралитете, о котором сегодня сообщила пресса, может быть преувеличено»,— сказал я. «Этот договор, по-видимому, отражает положение, которое фактически уже существовало между двумя этими странами в прошлом. Поэтому он не является чем-то неожиданным, хотя и имелись сомнения, согласятся ли два этих правительства зафиксировать это в письменном виде. Политика правительства США, конечно, останется без изменений».

Наш посол в Москве Штейнгардт сообщил нам телеграммой 11 апреля отчет о беседе, которую он имел с Мацуока. Японский министр иностранных дел заявил, что он не давал никаких обязательств в Берлине или Риме; Япония не обязана вступать в войну с США, но если Соединенные Штаты объявят войну Германии, положение может измениться; Мацуока не ожидает, что Германия объявит войну Соединенным Штатам, но если это случится, то он надеется, что мы не предпримем каких-либо шагов на Тихом океане, пока Япония не изложит ясно свою позицию; Япония будет соблюдать свои обязательства по Тройственному пакту; Гитлер и Риббентроп заявили Мацуока, что у них нет намерений вступать в войну с США; Гитлер рассчитывает выиграть войну против Великобритании с помощью подводных и воздушных военных операций и предпримет вторжение в Великобританию только в случае необходимости. <...>

6 мая президент Рузвельт заявил о готовности предоставить Китаю помощь в соответствии с законом о ленд-лизе.

На следующий день Номура пришел ко мне с визитом. Он предложил, чтобы США и Япония подписали пакт о ненападении. Без всяких колебаний я отклонил это предложение. «Этот вопрос не имеет ничего общего с предложениями, содержащимися в вашем документе от 9 апреля,— сказал я.— Мое правительство не готово рассматривать что-либо, за исключением базисных принципов, в качестве основы для переговоров».

Идея американо-японского договора о ненападении была далеко не новой и неоднократно выдвигалась в прошлом. Она подразумевала наше согласие воздерживаться от войны с Японией, независимо от ее действий на Дальнем Востоке.

Номура также сказал, что получил телеграмму от Мацуока, но в ней многие вещи «неправильно изложены».

Фактически мы уже знали, о чем говорится в этой телеграмме. Она содержала предназначенное мне заявление Мацуока, что немецкие и итальянские руководители уверены в победе, что американское участие в войне в Европе лишь затянет войну и приведет к разрушению цивилизации и что Япония не может действовать во вред позиции своих союзников.

Дело в том, что наши военные специалисты-дешифровальщики, проявив исключительную изобретательность, разгадали японский код и расшифровывали правительственные телеграммы, посылаемые из Токио в японские посольства в Вашингтоне и других столицах, переводили их и передавали в госдепартамент для нашего сведения.

Эти перехваты в рамках операции, носившей кодовое название «Магия», сыграли очень важную роль на финальных стадиях наших переговоров. Они давали нам возможность знакомиться со многими указаниями, которые министр иностранных дел Японии направлял Номура и другим японским представителям, проверять, что Номура докладывает в Токио о беседах, которые имели место между ним и мною; они свидетельствовали, что японское правительство, ведя переговоры о мире с нами, продолжало подготовку своих планов завоеваний.

Мне, разумеется, приходилось всегда быть настороже, чтобы не дать ни малейшего намека Номура о моей особой осведомленности и внимательно следить за тем, чтобы в ходе беседы с Номура не выйти за рамки той информации, которую я мог почерпнуть у него или из обычных дипломатических источников...

Через четыре дня Номура вновь посетил меня и вручил мне японский проект соглашения между Соединенными Штатами и Японией и записку, содержащую «устные пояснения» к этим предложениям.

Эти официальные предложения Японии от 12 мая составили базу переговоров *, которые продолжались с одним перерывом вплоть до нападения на Пёрл-Харбор.

---

* Японскне предложення содержалн требованне о прнзнаннн Маньчжоу-Го и об отказе США от поддержки правнтельства Чан Кайшн, еслн оно не прнмет условня Японнн, предоставленне Японии права получення стратегнческого сырья в юго-западной части Тнхого океана, совместной гарантнн незавнснмости и нейтралнтета Филиппин и др.— *Прим. перев.*

Оружие прерывает переговоры

Мы были готовы принять эти японские предложения в качестве основы для обсуждения, полностью понимая, что в их нынешнем виде они неприемлемы, но надеясь, что в ходе последующих бесед в них будут внесены поправки, которые сделают их приемлемыми. Но как только японское правительство обнаружило, что мы готовы использовать их предложения в качестве основы для обсуждения, оно сразу же стало вносить уточнения, двигаясь не навстречу нам, а в противоположном направлении, более отвечающем его империалистическим устремлениям и интересам партнеров по «оси» *. <...>

Я встретился с Номура через несколько часов после получения сообщения о вторжении Гитлера в Россию. Я в упор спросил Номура, намеревается ли Мацуока, с одной стороны, побудить нас оказать нажим на Китай, чтобы тот пошел на заключение соглашения с Японией, а с другой стороны, обеспечить Японии свободу действий применительно к войне в Европе, о чем свидетельствует послание, направленное Муссолини японским министром иностранных дел. Мацуока поддержал заявление Муссолини, что «Япония не останется безразличной перед лицом американской агрессии против стран «оси».

Номура, как и в предыдущих случаях, ответил, что Япония не хочет войны с Соединенными Штатами, но не желает связывать себе заранее руки в отношении возможных будущих событий. <...>

Поскольку стали поступать сообщения, что Япония замышляет нападение на Советскую Россию, ведущую отчаянную борьбу против немецкого вторжения, президент Рузвельт 6 июля направил послание премьер-министру принцу Коноэ с выражением самой серьезной надежды, что Япония не начнет военных действий против Советского Союза. На следующий день японский премьер-министр ответил через Мацуока, что они «пока не рассматривали возможность присоединения к военным действиями против Советского Союза». Далее японцы спрашивали, «действительно ли президент или американское правительство намерены вмешаться в европейскую войну». Наш ответ от 16 июля гласил, что наша политика в отношении стремления нацистской Германии к завоеванию мира сводится исключительно к самообороне и от нас нельзя ждать, что мы позволим Германии добиться господства на море или других стратегических преимуществ, которые создали бы непосредственную угрозу нашей безопасности.

Фактически мы были хорошо осведомлены о том, что планирует Япония. 2 июля в Токио состоялась императорская конференция, после которой началось проведение военных мероприятий весьма тревожного характера. Около 1—2 млн человек было призвано в вооруженные силы. Японские торговые суда были внезапно отозваны из Атлантики; в самой Японии ввели ограничения на поездки и строгую цензуру в отношении почтовой переписки, телефонной и телеграфной связи. Предпринимаемые меры свидетельствовали о подготовке к большой войне.

---

* Негативиое отиошение к японским предложеииям от 12 мая было изложено в американском «Проекте достижеиия взаимопонимания между Японией и США», который Хэлл вручил послу Номура 21 июня 1941 года.— *Прим. перев.*

Наши перехваты японских правительственных телеграмм снабжали нас столь же тревожной информацией. Отправленная из Токио в Берлин радиограмма 2 июля содержала следующие зловещие политические установки.

«(1) Императорская Япония будет придерживаться политики укрепления международного мира путем создания Великой Восточно-Азиатской Сферы совместного процветания, независимо от возможных изменений международной обстановки. (2) Императорское правительство продолжит усилия по ликвидации китайского инцидента и предпримет меры с целью продвижения в южном направлении, чтобы создать прочную основу для самосуществования и самозащиты».

В депеше Мацуока послу Номура, отправленной в этот же день, дополнительно сообщалось: «Приготовления к продвижению в южном направлении будут усилены, и уже принятые политические решения в отношении Французского Индокитая и Таиланда будут выполнены. Что касается русско-германской войны, то отношение к ней определяется духом «оси» Рим — Берлин — Токио и все приготовления будут проведены в настоящее время, однако ситуация будет решаться нами по-своему *. Тем временем дипломатические переговоры следует вести особенно осторожно. Хотя необходимо использовать все возможные средства, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну, если потребуется, Япония будет действовать в соответствии с Тройственным пактом и решит, как и когда применить силу».

Вскоре после этого японские войска 21 июля оккупировали южные районы Индокитая и овладели этой стратегически важной французской колонией, которая указывала как толстый палец на Филиппины, Малайю и Голландскую Индию.

Я заявил своему заместителю Уэллесу, что вторжение в Южный Индокитай выглядит как последний шаг Японии перед началом широкого наступления в южном направлении. Поскольку это произошло в ходе наших переговоров с Японией, я не вижу оснований для их дальнейшего продолжения. <...>

Уэллес информировал Номура о моем решении, что наши беседы прекращаются...

26 июля президент Рузвельт, демонстрируя нашу реакцию на этот акт империалистической агрессии Японии, заморозил все японские активы в Соединенных Штатах. Все финансовые и торговые сделки, затрагивающие японские интересы, были поставлены под правительственный контроль, и вскоре торговля между США и Японией, по существу, прекратилась.

С этого момента наша главная цель в отношении Японии заключалась в том, чтобы выиграть больше времени для укрепления своей обороны.

---

* В принятой на конференции 2 июля «Программе национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки» указывалось: «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему».— *Прим. перев.*

Через несколько дней после оккупации Индокитая министр иностранных дел Мацуока был вынужден подать в отставку. Неожиданное нападение Германии на Советский Союз всего два месяца спустя после подписания Мацуока пакта о нейтралитете с Советским Союзом, уступки, сделанные Мацуока, чтобы получить подпись Сталина под этим пактом, тот факт, что Гитлер вторгся в Россию, не уведомив об этом заранее Токио, а также привычка Мацуока обращаться через голову премьер-министра Коноэ к императору с просьбами о всестороннем сотрудничестве с европейскими союзниками по «оси» в своей совокупности сделали его дальнейшее пребывание в составе правительства невозможным. Его пост занял адмирал Тэйдзиро Тоёда. <...>

Встреча Рузвельт — Коноэ

В августе президент Рузвельт находился на Атлантической конференции с премьер-министром Черчиллем. 12 августа я получил от него радиограмму с просьбой предупредить посла Номура, что президент просит прибыть его в Белый дом в субботу или воскресенье.

Когда Номура встретился с президентом после обеда в воскресенье 17 августа, Рузвельт сказал послу, что наша оппозиция политическому курсу Японии была изложена достаточно четко и поэтому дело сейчас за Японией.

После этого Номура вынул из кармана полученные им указания от своего правительства. В этих указаниях премьер-министр Коноэ сообщал, что он столь серьезно стремится к сохранению мирных отношений между Японией и США, что будет готов встретиться с президентом на полпути между двумя странами, сесть за стол переговоров и обсудить существующие трудности в духе миролюбия.

Это предложение, которое посол сделал по поручению японского правительства, возникало вновь и вновь в моих переговорах с Номура, а также в ходе бесед между министром иностранных дел Тоёда и послом США Грю в Токио. Президент Рузвельт в принципе был согласен с такой встречей, но в беседе 17 августа он предложил, чтобы Япония четко изложила свою позицию, прежде чем мы начнем подготовку к ней. Он также указал, что подобную встречу можно было бы провести примерно 15 октября.

На встрече со мной 23 августа Номура заявил, что его правительство предпочитало бы провести встречу между Рузвельтом и Коноэ в более ранние сроки, чем 15 октября. Он откровенно сказал, что это желание вызвано военной конференцией, которая вскоре должна состояться в Москве. Он имел в виду делегации, которые Великобритания и Соединенные Штаты посылали в Москву, чтобы обсудить вопросы поставок России военного снаряжения *. Номура дал понять, что его правитель-

* Имеется в виду Московская конференция представителей СССР, США и Англии, состоявшаяся 29 сентября — 1 октября 1941 года. На этой встрече американскую делегацию возглавлял А. Гарриман, английскую — У. Бивербрук.— *Прим. перев.*

ство опасается возможности достижения в Москве неблагоприятных для Японии соглашений.

«Разве вы не считаете,— спросил я с известной долей иронии,— что подписанный в апреле между Японией и Россией пакт о ненападении безусловно обеспечит Японии все желаемые вами гарантии мирного отношения России к Японии?»

Номура ограничился тем, что от души расхохотался.

В частности, он поднял вопрос о доставляемых морем в советский дальневосточный порт Владивосток американских поставок. Он сказал, что, хотя пока дипломатических инцидентов не возникало, поставки нефти во Владивосток «через японские воды», естественно, уже в ближайшее время вызовут у Японии реальное беспокойство. В районе Владивостока Японии противостоят крупные русские силы, добавил он, и Японии не может быть приятным видеть то, что, по ее твердому убеждению, является крупным расширением военных баз снабжения прямо напротив Японии.

«Мое правительство,— ответил я,— заинтересовано только в том, чтобы Россия получила эти и другие военные поставки для использования в европейской части России с целью борьбы против немецких армий. Никаких других целей у нас нет. Следовательно, вопрос о наращивании снабжения для русской армии на Дальнем Востоке ни в каком смысле не возникает. Конечно, если Япония предпримет военное вмешательство в русско-германскую ситуацию — чего, я надеюсь, она не сделает,— возникнет совсем другой вопрос».

Четыре дня спустя Номура заявил мне протест по поводу доставки двумя танкерами из США в Россию нефти через Владивосток.

Я возразил, что эти поставки совершенно законны с точки зрения всех законов коммерции и по своему объему сравнительно ничтожны...

На следующей встрече с Рузвельтом 28 августа японский посол передал президенту два послания от своего правительства. Первое, от принца Коноэ, касалось предложенной премьер-министром встречи. В нем ясно излагалась японская идея, что встречу следует провести как можно быстрее и что переговоры о соглашении должны последовать, а не предшествовать встрече. Коноэ указывал, что нынешняя ситуация развивается быстро и может породить непредвиденные последствия.

Во втором послании японское правительство заверяло нас в своих миролюбивых намерениях и поисках программы для Тихого океана, совместимой с американскими принципами, но с определенными оговорками. А именно:

Япония выведет свои войска из Индокитая, «как только будет урегулирован китайский инцидент или будет установлен справедливый мир в Восточной Азии». Япония не предпримет военных действий против России, пока Россия будет соблюдать пакт о нейтралитете и не «создаст угрозу Японии или Маньчжоу-Го». Япония не собирается использовать военную силу против какой-либо соседней страны, «если ее не спровоцируют». <...>

В течение нескольких последующих недель мы получили многочисленные просьбы из Токио ускорить встречу между Рузвельтом и Коноэ...

Президенту Рузвельту идея встречи с Коноэ явно пришлась по вкусу, и он вначале был увлечен этим предложением. Но он сразу же согла-

сился, что было бы гибельным провести такую встречу без предварительного достижения удовлетворительного соглашения.

Мы ни разу не отклонили японские предложения о встрече. Мы просто выдвинули условие, что до встречи мы должны достичь принципиального согласия.

Что касается меня, то я был полностью убежден, что встреча с Коноэ без предварительного соглашения или стала бы еще одним Мюнхеном, или закончилась ничем. Я выступал против первого Мюнхена и еще более решительно был настроен против второго.

В то время мы этого не знали, но спустя четыре года, когда стали доступными мемуары Коноэ, правильность нашего отказа от проведения встречи, если не будет выработано соглашение, получила поразительное подтверждение. Коноэ пишет в своих мемуарах, что 4 августа он представил свои предложения о встрече на рассмотрение японских военного и военно-морского министров. Он предложил, что если президент США не «поймет» японскую позицию, то он, Коноэ, покинет встречу, и тогда японскому народу станет ясным, что война неизбежна и, следовательно, он будет настроен более решительно. Он считал, что нужно спешить, потому что Германия может потерпеть неудачу в ее войне с Россией, и тогда Соединенные Штаты, видимо, займут более жесткую позицию против Японии.

В мемуарах Коноэ далее говорится, что военно-морской флот поддержал его точку зрения. Сухопутная армия, однако, выдвинула определенное условие. «Если премьер-министр намерен в ходе встречи придерживаться принципиальной политики, изложенной в уточненном японском плане, а американский президент не поймет реальные намерения нашей страны и решит продолжать свою нынешнюю политику, и премьер-министр тогда покинет место встречи с решимостью начать войну против Соединенных Штатов, то армия не будет возражать против проведения премьер-министром прямых переговоров с президентом».

Коноэ, таким образом, должен был обещать отправиться на встречу и потребовать от президента ответить «да» или «нет» на японские предложения, которые обеспечили бы японское господство на Востоке, и, если президент скажет «нет», вернуться в Японию с твердым намерением начать войну против США. <...>

Военный кабинет в Японии

10 октября министр иностранных дел Тоёда сказал американскому послу Грю, что у него сложилось впечатление, что посол Номура очень устал, и он предполагает направить в Вашингтон опытного дипломата в помощь послу. Так мы впервые были уведомлены о предстоящем прибытии в Вашингтон в ноябре посла Сабуро Курусу...

Из перехваченных японских правительственных депеш мы знали о сильном германском нажиме на Токио. В одном из таких посланий Тоёда послу Номура от 16 октября говорилось, что правительство Германии требует, чтобы японское правительство направило ноту с предупреждением Соединенным Штатам. Немцы были возмущены приказом

президента Рузвельта от 11 сентября «стрелять, увидев врага» *, инцидентами между германскими и американскими кораблями, которые уже случились, и возможностью пересмотра закона о нейтралитете. Они хотели, чтобы японское правительство заявило нам, что, если администрация Рузвельта продолжит усиливать атаки на страны «оси», между европейскими странами «оси» и Соединенными Штатами неизбежно возникнет военная ситуация, которая может побудить Японию в соответствии с положениями Тройственного пакта немедленно вступить в войну против Соединенных Штатов...

Это был последний официальный акт Тоёда как министра иностранных дел, ибо в этот самый день правительство Коноэ пало, и на следующий день его сменило милитаристское правительство Тодзио, которое позднее направило Японию по тропе войны к Пёрл-Харбору и дальше к катастрофе. <...>

Военные правят Японией

Хотя мы ждали мало чего хорошего от правительства Коноэ, еще меньше добра нам следовало ждать от правительства Хидэки Тодзио после 17 октября. Тодзио, который до этого был военным министром, даже став премьер-министром, оставался армейским офицером на действительной службе...

Никаких признаков готовности правительства Тодзио смягчить позицию Японии, чтобы достичь мирного соглашения на основных принципах справедливости и равенства, из Токио не поступало. Напротив, было похоже, что новое правительство, видимо, будет настаивать на более жестких условиях, чем правительство Коноэ...

Одновременно я начал замечать оттенок спешки в подходах Тодзио и нового министра иностранных дел Сигэнори Того к нашим переговорам. 3 ноября Того поручил бывшему японскому послу в Германии Сабуро Курусу вылететь в Вашингтон, чтобы оказать содействие послу Номура в переговорах со мной.

В перехваченных нами радиограммах мы сейчас впервые узнали об установленном крайнем сроке завершения переговоров. В послании Номура от 5 ноября Того заявил: «Из-за различных обстоятельств совершенно необходимо, чтобы вся подготовка к подписанию соглашения была завершена к 25 ноября. Я понимаю, что это трудное задание, но в данных обстоятельствах оно неизбежно. Пожалуйста, отнеситесь к этому с полным пониманием и урегулируйте проблему спасения японо-американских отношений от сползания в хаотическое состояние».

С нашей точки зрения, это могло означать только одно. Япония уже запустила маховик своей военной машины и решилась идти до конца,

* В своем выступлении 11 сентября 1941 года Рузвельт заявил, что американские патрульные корабли и самолеты будут защищать торговые суда всех стран, осуществляющие торговые перевозки в «оборонительных водах» США, то есть в Атлантике между США и Великобританией, и если немецкие и итальянские подводные лодки и корабли вступят в эти воды, то сделают это «на свой страх и риск».— *Прим. перев.*

вплоть до войны с Соединенными Штатами, если до 25 ноября мы не согласимся на ее требования...

Поэтому 7 ноября на заседании правительства я выступил с серьезным предупреждением о грядущей угрозе. Я обрисовал опасное состояние общего международного положения и подробно изложил ход переговоров с японцами...

«На мой взгляд,— подытожил я,— отношения находятся в крайне критическом состоянии. Нам следует быть начеку и ожидать военного нападения Японии в любом месте, в любой момент».

Наступила минутная тишина. Затем президент попросил всех членов правительства изложить свое мнение. Все согласились с моей оценкой положения.

После этого на заседании было решено, чтобы высокопоставленные представители администрации в своих выступлениях подчеркнули опасность ситуации и тем самым подготовили страну к назревающим событиям. В течение последующих дней президент Рузвельт, министр военно-морского флота Ф. Нокс и заместитель госсекретаря Уэллес выступили с соответствующими энергичными речами...

Два дня спустя, 9 ноября, Уинстон Черчилль выступил с решительным заявлением о поддержке Соединенных Штатов на Тихом океане. Выступая на банкете у лорда-мэра, он заявил, что, если Соединенные Штаты окажутся втянутыми в войну с Японией, «через час Великобритания объявит войну» Японии.

По этому вопросу никакого соглашения с Великобританией мы не имели. Было, однако, очевидным, что война между Японией и одной из основных англоговорящих наций не может разразиться без того, чтобы не вовлечь в нее другую. Судьба Англии в Европе была нерасторжимо связана с судьбой Англии на Дальнем Востоке. И наша политика помощи Англии в войне против Германии не ограничивалась Европой. Любое ослабление Англии, например нападением Японии на Дальнем Востоке, которое помешало бы Англии получать необходимые ей материалы из района Индийского океана и Австралии для войны в Европе, было бы косвенным нападением на нас и не могло оставить нас безразличными. <...>

17 ноября прибывший в Вашингтон посол Сабуро Курусу в сопровождении Номура нанес мне свой первый визит. Мне Курусу казался антиподом Номура. Ни внешность, ни отношение его не внушали доверия или уважения. С самого начала я почувствовал, что он способен на обман. Мне не казалось возможным, чтобы Курусу, покидая Японию, не знал планов своего правительства и роли, которую ему предстояло сыграть. Его посылали с целью, во-первых, использовать все возможное давление и все убеждение, чтобы побудить нас принять японские условия. Во-вторых, если это не удастся, он должен был убаюкивать нас разговорами до того момента, когда Япония будет готова нанести удар.

Курусу как посол Японии в Берлине подписал Трехсторонний пакт с Германией и Италией. До этого он возглавлял экономический отдел в министерстве иностранных дел. Во время Брюссельской конференции 1937 года *, в которой Япония отказалась участвовать, он был послом

* Брюссельская конференция (3—21 ноября 1937 г.) имела целью обсуждение участниками Вашингтонского договора девяти держав, а также другими за-

в Бельгии н сыграл роль чересчур пронырливого собирателя информации. Его единственным достоннством в моих глазах было отличное знание английского языка. Тем не менее я обнаружил, что Номура, несмотря на его слабое знание английского языка, гораздо лучше, чем Курусу, понимал высказываемые мною соображения и аргументы. <...>

В ходе бесед с Курусу и Номура японские представителн подняли вопрос о возможности выработкн modus vivendi — краткосрочного частичного соглашения,— которое позволило бы нормализовать положение, пока не будет достигнуто долговременное базисное соглашение.

Курусу предложил вернуться к положенню, существовавшему до июля, когда после вступления японских войск в Южный Индокитай мы ввели эмбарго на торговлю с Японией.

Я спросил Номура, будут лн продолжены наши переговоры, если это предложение будет реализовано, с целью урегулирования тех важных вопросов, по которым мы не смогли договориться. Он ответил утвердительно, добавнв, однако, что японское правительство уже выразило свое намеренне поддерживать мир в Тнхом океане, но оно не может расторгнуть Тройственный пакт и обязано выполнять его условия.

«Одним из способов, как вы могли бы помочь,— указал я,— это позволить русским войскам на Дальнем Востоке н английским войскам в Сингапуре вернуться в Европу. Это показывает, как Япония препятствует нам».

Перехваченные сообщения нз Токио со всей очевидностью подтверждали, что крнзнс вот-вот наступнт. Номура получил указання относительно эвакуации японцев из Соединенных Штатов. Он получил новый код, согласно которому, слушая ежедневные радиопередачн на японском языке, нз упоминания в конце метеосводкн направления ветра он узнает, с какой нз стран — Соединенными Штатами, Россией или Англией — должны быть прерваны дипломатические отношения.

Услышав такое сообщенне, посол должен был уничтожить все шифры н секретные документы.

Затем 20 ноября Номура н Курусу передали мне новый набор предложений своего правительства. Перехваченная японская шифрограмма сообщила нам о том факте, что это была окончательная позиция Японии. Это был ультиматум.

Японский ультиматум

Предложення были следующимн.

Япония и Соединенные Штаты не будут предпринимать вооруженных продвижений в какой-либо район в Юго-Восточной Азни н юго-западной частн Тихого океана;

Япония выведет свон войска из Индокитая, когда между Японией и Китаем будет восстановлен мир или справедливый мир будет установлен в районе Тнхого океана. Тем временем Япония переведет свои войска из южной в северную часть Индокитая после заключення настоящего

ннтересованнымн государствамн вопроса о восстановленни мира на Дальнем Востоке, иарушеиного в результате нападения Японии на Кнтай. Японня н Германия отказались участвовать в конференцин.— *Прим. перев.*

соглашения, которое позднее будет включено в окончательное соглашение;

Япония и Соединенные Штаты будут сотрудничать в отношении приобретения товаров и сырья, в которых нуждаются эти две страны в Голландской Индии;

Япония и Соединенные Штаты возобновят торговые отношения, которые существовали до замораживания активов, а Соединенные Штаты будут поставлять Японии необходимое количество нефти;

Соединенные Штаты воздержатся от таких мер и акций, которые нанесли бы ущерб усилиям по восстановлению мира между Японией и Китаем.

Не требовалось особого анализа, чтобы увидеть, почему эти предложения были полностью неприемлемыми.

Принятие нами подобных обязательств было равносильно капитуляции. Мы, со своей стороны, должны были поставлять Японии столько нефти, сколько ей требовалось, отменить наше эмбарго и восстановить полностью торговые отношения с Японией. Мы должны были прекратить помощь Китаю и отказаться от моральной и материальной поддержки признанного китайского правительства Чан Кайши. Мы должны были помочь Японии получить сырьевые материалы из Голландской Индии и прекратить укрепление наших вооруженных сил в западной части Тихого океана.

В свою очередь Япония по-прежнему имела бы свободу продолжать свои военные операции в Китае, напасть на Советский Союз и держать войска в Индокитае до установления мира с Китаем.

Единственный вывод, который могли сделать президент и я, сводился к тому, что согласие с этими предложениями означало бы одобрение Соединенными Штатами прошлых агрессивных действий Японии, согласие с будущими японскими завоеваниями, отказ от самых важных принципов нашей внешней политики, предательство Китая и России и наше согласие на роль молчаливого партнера, помогающего и содействующего Японии в ее усилиях установить японскую гегемонию в западной части Тихого океана и Восточной Азии.

Хотя японские предложения носили столь наглый характер, что ни одному ответственному американскому официальному представителю не могло прийти в голову принять их, я считал, что не должен слишком резко реагировать на них и что не следует давать японцам предлог прервать переговоры. <...>

Дипломатическая ситуация была, по существу, безнадежной. Однако мы со своей стороны хотели использовать все возможности, чтобы найти мирное решение и предотвратить или отсрочить войну. Военный министр Стимсон, министр военно-морского флота Нокс, начальник штаба армии генерал Маршалл, начальник военно-морского штаба адмирал Старк, с которыми я поддерживал постоянный контакт, просили дать им побольше времени, чтобы подготовить американскую оборону. С другой стороны, Япония требовала развязки. Мы твердо отстаивали свои принципы, японцы были неуступчивыми и воинственными в своих требованиях.

Я отдавал себе отчет в том, что возможность принятия японцами какого-либо modus vivendi, за исключением того, которое было предложено ими 20 ноября, минимальна. Но даже в случае их отказа наш проект modus vivendi по меньшей мере продемонстрировал бы нашу заинтере-

сованность добиваться мира и еще более разоблачил бы решимость Японии начать войну. <...>

Перехваченное сообщение из Токио Номура и Курусу 22 ноября укрепило меня в этом мнении. В этой радиограмме конечная дата перенесилась с 25 на 29 ноября. После этого — война. «Придерживайтесь нашей установленной политики и делайте все, что возможно,— говорилось в ней.— Не жалейте усилий и попытайтесь добиться желательного нам решения. Существуют причины за пределами ваших знаний, почему мы хотим урегулировать японо-американские отношения до 25 ноября, но если в течение трех-четырех последующих дней вы можете завершить переговоры с американцами, если подписание соглашения может состояться к 29 ноября (хочу еще раз подчеркнуть вам — к двадцать девятому), если можно будет обменяться соответствующими нотами, если мы сможем достичь согласия с Великобританией и Нидерландами, короче говоря, если все можно полностью завершить, то мы решили подождать до этой даты. На этот раз мы особо подчеркиваем, что конечная дата никак не может быть изменена. После этого события произойдут автоматически».

Вот в тени этой зловещей фразы — «после этого события произойдут автоматически» — мы отчаянно работали две последующие недели, стремясь сохранить мир или по крайней мере выиграть побольше времени. <...>

На заседании Военного совета 25 ноября я подчеркнул, что наши отношения с Японией находятся в критическом состоянии. «Практически нет никакой возможности достичь соглашения с Японией. Было бы ошибкой предполагать, что наши переговоры будут продолжаться».

Затем я изложил свое мнение, что может случиться.

«Японцы могут в любой момент совершить новые акты завоевания с помощью силы. Вопрос об обеспечении нашей национальной безопасности лежит в руках армии и военно-морского флота».

«С должным уважением к командованию нашей армии и флота я должен высказать свое суждение, что любой наш план военной обороны должен исходить из предположения, что японцы могут избрать в качестве центрального пункта своей стратегии элемент неожиданности. Они могут напасть одновременно в нескольких местах с целью дезорганизации оборонительных усилий и координации обороны».

Этим же вечером я продолжил обсуждение со своими коллегами в госдепартаменте вопроса о том, следует ли передавать японцам наш проект modus vivendi. Я знал, что японцы едва ли согласятся с ним, но тем не менее очень хотел передать его, поскольку он помог бы прояснить позиции сторон. Я был разочарован тем, что китайское правительство не разделяло этой точки зрения, а английское правительство неохотно поддержало ее.

В конце концов я пришел к выводу, что нам следует отказаться от этого проекта. Вместо этого мы должны передать японцам лишь десять предложений об общем урегулировании, к которым первоначально в виде вступления мы намеревались приложить проект modus vivendi *...

---

* Содержащиеся в американском проекте modus vivendi предложения предусматривали, в частности, сохранение в Северном Индокитае 25 тыс. японских войск, а также ослабление ограничений на торговлю с Японией, возобновление поставок Японии хлопка-сырца и нефти.— *Прим. перев.*

Соответственно я подготовил и подписал служебную записку, которую передал президенту Рузвельту утром 26 ноября. Президент сразу же согласился с моими доводами...

Час ноль

Во второй половине этого же дня я пригласил в госдепартамент послов Номура и Курусу и передал им текст наших основных предложений. В это же самое время, как мы узнали позже, Япония уже направила свой флот для нападения на Пёрл-Харбор...

Предложения состояли из двух частей. Первая часть представляла собой проект декларации. В ней подтверждалось, что политика Соединенных Штатов и Японии направлена на сохранение мира в бассейне Тихого океана, что обе страны не имеют агрессивных намерений и что они будут основывать свою внешнюю политику на определенных основополагающих мирных принципах.

Декларация также предусматривала взаимные обязательства о поддержке либеральных экономических принципов, базирующихся на отказе от дискриминации в международных торговых отношениях и равенстве коммерческих возможностей.

Вторая часть содержала десять предложений, девять из которых являлись взаимными обязательствами. Они включали в себя:

Заключение многостороннего пакта о ненападении между основными тихоокеанскими правительствами;

Соглашение между основными заинтересованными правительствами об уважении территориальной целостности Индокитая и равенстве экономических возможностей в Индокитае;

Отказ от поддержки какого бы то ни было правительства в Китае, за исключением Национального правительства (Чан Кайши);

Отказ от экстерриториальных прав в Китае;

Заключение торгового соглашения между Соединенными Штатами и Японией на принципах наибольшего благоприятствования;

Взаимный отказ от мер по секвестированию активов;

Стабилизация курсов доллара и иены;

Обязательство не толковать какое-либо соглашение, которое каждая из двух сторон заключила с третьей державой или державами, таким образом, чтобы оно противоречило основным целям предлагаемого базисного соглашения. (Это предложение имело в виду Тройственный пакт);

Соединенные Штаты и Япония используют свое влияние, чтобы побудить другие правительства принять и применять принципы, изложенные в предложенном нами соглашении.

Единственным односторонним обязательством было обязательство Японии вывести свои вооруженные силы из Китая и Индокитая...

В тот самый момент, когда я передал наши предложения японским послам, правительство в Токио почти завершило свои военные приготовления к началу широкого наступления в Тихом океане. Японский флот уже двигался к Пёрл-Харбору. <...>

27 ноября генерал Маршалл и адмирал Старк направили президенту меморандум, в котором просили дополнительное время особенно из-за

подкреплений, которые находились уже в пути или предназначались для Филиппин. Они также рекомендовали, чтобы военные контрмеры были рассмотрены, только если Япония нападет или создаст прямую угрозу территории Соединенных Штатов, Великобритании или Голландии. Я вновь полностью согласился с этими рекомендациями. В целом переговоры, которые мы вели с японцами на протяжении восьми месяцев, были связаны с выигрышем времени. Мы хотели мира с Японией, но если мира достичь было нельзя, тогда нам было нужно время.

На следующий день на заседании Военного совета я изложил предложения, которые были переданы мною 26 ноября японским послам.

«Возможности достичь соглашения с Японией практически не существует»,— заявил я.

Зловещий намек на грядущие события содержался в перехваченном послании министра иностранных дел Того послам Номура и Курусу в этот же день. В нем говорилось, что переговоры с нами будут прерваны. «Однако я не хочу, чтобы вы создали впечатление, что переговоры прекращены. Просто скажите им, что вы ожидаете указаний и что хотя мнение вашего правительства вам еще не ясно, на ваш взгляд, Императорское правительство всегда выдвигало справедливые требования и шло на огромные жертвы ради мира в Тихом океане».

Иными словами, началась вторая фаза миссии посла Курусу — усыпить нас разговорами, пока японская военщина не будет готова нанести удар. <...>

Я встретился с президентом Рузвельтом 1 декабря, и, обсудив положение, мы оба согласились, что, судя по всем признакам, нападения Японии можно ожидать в любой момент. Президент имел перед собой два проекта посланий, которые я направил ему заранее. Одним было послание конгрессу США, подготовленное мною вместе с министрами Стимсоном и Ноксом, уведомляющее конгресс об опасностях, которыми чревата обстановка. Второе — послание императору Японии Хирохито, призывающее к миру, которое мы обсуждали еще с октября.

В служебной записке, сопровождавшей эти два проекта, я предложил президенту отложить обращение к конгрессу до выяснения реакции императора на наше послание, если президент решит направить его. «Я думаю, мы согласны в том, что вы не направите послание конгрессу, пока не будет достигнута последняя стадия в наших отношениях, связанная с военными действиями».

У меня имелись две причины для этой оговорки. Послание конгрессу содержало бы мало нового и могло лишь дать японским руководителям материал для еще большего подстрекания своего народа против нас. Кроме того, внутри конгресса и в Соединенных Штатах в целом по-прежнему имелись сильные группировки изоляционистов, которые могли использовать послание для возобновления своих привычных обвинений нас в «разжигании войны» и «втягивании страны в иностранные войны». Тогда японская военщина могла бы обыграть эту ситуацию как доказательство раскола в Соединенных Штатах и заручиться тем самым дополнительной поддержкой среди японцев своим планам вступления в войну.

Я не был также и сторонником направления послания японскому императору, считая, что император в любом случае является номинальной политической фигурой, находящейся под влиянием милитаристского правительства.

Но поскольку мы хватались за любую соломинку, чтобы выиграть больше времени, я передал проекты обоих посланий президенту, имея в виду выяснить его мнение...

У меня была также перехваченная шифрограмма из Токио в Берлин от 30 ноября, поручавшая японскому послу встретиться с Риббентропом и Гитлером. «Сообщите им строго конфиденциально,— говорилось в ней,— что существует крайняя опасность внезапного начала войны между англосаксонскими странами и Японией в результате военного столкновения, и добавьте, что дата возникновения этой войны может наступить быстрее, чем кто-либо думает»...

5 декабря я передал по радио указания нашим дипломатическим представителям в Токио и других пунктах на Дальнем Востоке относительно уничтожения кодов, секретных документов, паспортов и тому подобного, а также закрытия дипломатических представительств и увольнения нанятых на месте местных служащих в случае внезапного чрезвычайного прекращения связи с госдепартаментом.

На следующий день, 6 декабря, мы получили многочисленные донесения, что японская армада из 35 транспортов, 8 крейсеров и 20 эсминцев двигается от Индокитая к полуострову Кра. Нам казалось очевидным, что давно угрожавшее экспансионистское продвижение Японии на юг с помощью военной силы началось...

По мнению президента, момент для направления послания императору Японии наступил, и тем же вечером я направил его в Токио. Однако послание не дошло до посла Грю или до Хирохито до того, как японцы нанесли удар по Пёрл-Харбору.

Япония наносит удар

Воскресенье утром 7 декабря 1941 года я отправился на службу в госдепартамент так же, как делал это почти всегда с 1933 года...

В течение утра мне принесли серию расшифрованных перехватов длинной телеграммы от министра иностранных дел Того послам Номура и Курусу. Это был ответ на наши предложения от 26 ноября. Имелось также краткое указание послам вручить его американскому правительству, если возможно мне, в 1 час дня.

Японская ответная нота была более чем оскорбительной. В ней утверждалось, что наше предложение «игнорирует японские жертвы за четыре года китайского инцидента», создает угрозу самому существованию империи и ущемляет ее честь и престиж. Нота обвиняла нас в сговоре с Великобританией и другими странами «помешать усилиям Японии по установлению мира путем создания нового порядка в Восточной Азии». Она заканчивалась заявлением, что ввиду позиции американского правительства японское правительство считает невозможным достичь соглашения путем дальнейших переговоров.

Нота не объявляла войны. В ней ничего не говорилось и о разрыве дипломатических отношений. Япония нанесла удар без подобных предварительных формальностей.

Около полудня посол Номура позвоиил мие и попросил прииять его и Курусу в час дня. Я согласился.

Несколько минут после часа дня Номура позвоиил сиова и попросил переиести встречу иа 1.45. Я дал свое согласие.

Японские дипломаты прибыли в госдепартамент в 2.05 и прошли в приемную комнату. Почти одновремеиио мие позвонил из Белого дома президент. Его голос был спокоеи, ио отрывист.

«Есть сообщение, что японцы атаковали Пёрл-Харбор»,— сказал ои.

«Сообщение подтверждеио?» — спросил я.

«Нет»,— ответил президеит.

Обдумав ситуацию, я решил, что поскольку сообщение президеита ие подтверждено и существует одии шаис из ста, что оио ошибочиое, принять япоиских представителей...

Номура и Куруса вошли ко мие в кабииет в 2.20. Я встретил их холодио и не пригласил сесть.

Номура извиияющимся тоиом заявил, что его правительство поручило ему вручить мие докумеит в 1 час дня, но трудиости в дешифровке задержали его. Затем ои передал мие ноту правительства Японии.

Я спросил, почему ои назвал именно час дия в первом запросе о встрече.

Ои ответил, что ие зиает, но таковы получеиные им указания.

Я притворился, что внимательио читаю иоту. Ее содержание уже было мие известно, ио я, естественно, должеи был скрывать этот факт.

Прочитав две или три страницы, я спросил Номура, имеет ли ои поручение правительства о передаче мие этого документа.

Ои ответил утвердительио.

Прочитав документ, я повернулся к Номура и посмотрел ему в глаза.

«Должеи сказать,— заявил я,— что в ходе всех моих бесед с вами за последние девять месяцев я ни разу ие сказал ни одного слова неправды... За все мои 50 лет государствеииой службы я никогда не встречал документа, столь напичкаииого позорной ложью и искажеииями — позорной ложью и искажениями столь огромного масштаба, что до сего дня я даже не мог себе представить, что какое-то правительство способио произиести их».

Номура собрался что-то сказать. Его лицо было бесстрастным, ио я чувствовал, что он глубоко взволноваи. Я остаиовил его, подияв руку, и молча кивнул на дверь. Послы повернулись, не издав ни звука, и вышли из кабииета с опущеииыми головами.

После писали, что я «обругал» японских дипломатов, использовав язык горияков Теииесси, ио на деле все было так, как я изложил выше. Никакая «ругань» ие сделала бы мои высказываиия более сильиыми.

Последняя встреча Номура со миой была типичиой для его иеумелого проведения переговоров с иами с самого начала. Поручив ему встретиться со миой в час дия, япоиское правительство хотело передать нам свою иоту за иесколько минут до нападения на Пёрл-Харбор. Японское посольство сорвало этот замысел, запоздав с расшифровкой получеииых указаний. Тем ие меиее Номура, зиая о важиости своевремеииого выполиения поручения, намечеииного на определеиный час, должен был посетить меня ровио в час дня, даже если бы у него на руках имелось всего несколько строчек этой ноты, поручив сотрудникам посольства доставить остальиой текст, как только ои будет готов.

Таким образом, японцы нанесли удар по Пёрл-Харбору без предупреждения за час с лишним до того, как Номура и Курусу вручили свою ноту.

Вечером 7 декабря я отправился в Белый дом к президенту, где собрались другие члены правительства и военные представители.

В течение трех часов мы обсуждали различные шаги, которые надлежало предпринять с началом войны в военной и дипломатической областях. Мы еще ранее договорились, что война не должна помешать нашим поставкам Великобритании и России. Мы также обсудили основные пункты обращения президента к конгрессу, с которым Рузвельт собирался выступить на следующий день.

Мы рассмотрели вопрос, следует ли нам объявить войну другим странам «оси». Мы пришли, однако, к выводу, что Германия, несомненно, сама объявит нам войну. Перехваченные японские радиограммы, отправленные из Берлина и Токио, свидетельствовали о том, что между двумя правительствами на этот счет имеется определенная договоренность. Поэтому мы решили выждать и дать возможность Гитлеру и Муссолини первыми объявить нам войну. Тем временем мы будем действовать, например в Атлантике, исходя из предположения, что находимся в состоянии войны как с Японией, так и с европейскими странами «оси».

Рузвельт оставался спокойным, хотя лицо его было хмурым и он не сделал попытки приуменьшить масштабы потерь, которые мы понесли в Пёрл-Харборе.

На следующий день, в понедельник, президент выступил в конгрессе. Обе палаты быстро приняли резолюцию об объявлении войны Японии.

Через три дня, после того как Гитлер и Муссолини объявили войну США, конгресс принял дополнительные резолюции о войне с Германией и Италией. Голос дипломатии теперь утонул в гуле орудий. <...>

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1942—1943)

Объединенные нации объединяются для войны

До Пёрл-Харбора я был членом Военного совета, в состав которого входили президент, госсекретарь, военный и военно-морской министры, начальник штаба армии и начальник военно-морского штаба, и участвовал в заседаниях совета. После Пёрл-Харбора я не присутствовал на заседаниях, посвященных военным вопросам, потому что президент не приглашал меня, хотя я считал серьезной ошибкой тот факт, что госсекретарь США не присутствует на важных военных совещаниях...

Президент не брал меня с собой на конференции в Касабланке, Каире и Тегеране, которые в основном были посвящены обсуждению военных вопросов. Не участвовал я и в переговорах Рузвельта по военным вопросам с Черчиллем в Вашингтоне, некоторые из которых имели широ-

кие дипломатические последствия. Я заявил президенту: «Я не ищу дополнительных обязанностей, но считаю, что государственный секретарь должен присутствовать на таких совещаниях» — и при этом сослался на английскую практику, в соответствии с которой министр иностранных дел Антони Иден участвовал во всех военных совещаниях.

Рузвельт ответил, что в США другая структура правительства — с чем я, разумеется, согласился,— чем в Великобритании, в которой Иден, как член кабинета, то есть английского правительства, имеет более существенные права, чем я, участвовать в военных совещаниях.

Один из вопросов военного характера, который я все же обсуждал с президентом и его военными помощниками, был вопрос о месте открытия второго фронта. Я был согласен с тем, что наш главный удар должен наноситься через Английский канал (Ла-Манш) во Францию. Вопросы, где высадятся армии и в каком направлении они должны двигаться на континенте в гигантской военной кампании по разгрому Гитлера, никогда не обсуждались со мной президентом или высшими американскими военачальниками, хотя меня и информировали вскоре после принятия решения.

Ничего мне не говорили и об атомной бомбе. Я фактически не знал о ней, пока ее не сбросили и не сделали сообщения об этом факте...

Президент Рузвельт любил военную сторону событий, и ему нравилось держать руководство военными делами в своих руках. После Пёрл-Харбора он предпочитал, чтобы его называли главнокомандующим, а не президентом. Он обожал этот титул.

Конечно, было невозможно не касаться некоторых военных вопросов в моих беседах с послами, особенно представителями наших главных союзников. 8 декабря 1941 года в ходе моей первой беседы с новым советским послом, бывшим наркомом иностранных дел СССР Максимом Литвиновым, с которым я в свое время вел переговоры, приведшие к установлению дипломатических отношений между США и СССР в 1933 году, я поднял вопрос о том, чтобы Россия разрешила нам использовать авиабазы на русской территории для бомбежки Японии. Мы также обсудили вопрос о доставке грузов во Владивосток на русских судах, поскольку Япония, безусловно, не позволит американским судам перевозить их в Россию.

Три дня спустя, когда Литвинов снова посетил меня, он сказал, что его правительство сообщило, что оно не в состоянии выступить вместе с нами против Японии. Россия, сказал он, ведет гигантскую битву против Германии и не может подвергать себя риску нападения со стороны Японии.

Я ответил, что понимаю позицию России. Напомнив ему о предупреждениях, которые делались нами России в начале года о предстоящем нападении Германии, я сказал, что располагаю столь же достоверной информацией, что Япония, несмотря на условия русско-японского договора о нейтралитете, имеет прочное обязательство перед Германией напасть на Россию или любую другую страну, когда потребует Гитлер. Эти обязательства, добавил я, предусматривают, что Япония сперва нападет на Соединенные Штаты и к этому нападению присоединятся Германия и Италия, а позднее, когда потребует Германия, Япония вторгнется в Россию.

Хотя Сталин, таким образом, уже принял решение не присоединяться к нам против Японии в тот момент, я хотел сохранить этот вопрос на неко-

торое время открытым. Я сказал Литвинову, что мы ведем борьбу против мировой агрессии международных гангстеров, которые не прекратят добровольно свои завоевательные усилия, н, следовательно, кто-то должен остановить нх.

«Их нельзя остановнть,— заявил я,— если мы всего лишь прнтормозим их мировую агрессию в каком-то одном месте. Для эффективной борьбы протнв этой агрессии мы должны рассматривать ее в целом, а наше сопротивление должно оказываться во всех районах мира одновременно». Литвинов не высказал возражений.

Я сказал, что, если бы американское правительство смогло получить две авиабазы, одну на Камчатке и одну около Владивостока, наши тяжелые бомбардировщики могли бы совершать налеты на военно-морские базы, флот н города на территорни самой Японии.

Литвинов заметил, что бомбежка городов не обязательно является решающим фактором, как свидетельствует опыт Москвы, Лондона и других стран.

«Если Россия,— подчеркнул я,— воздержится от сотрудничества с нами на Дальнем Востоке, пока мы будем продолжать помогать ей в Европе, мы будем подвергаться постоянной критике, почему мы помогаем России против международной агрессии, затрагивающей всех нас, тогда как Россия не сотрудничает с намн на Востоке»...

Чан Кайши уже 9 декабря сообщил нам, что поручил своему шурину Т. В. Суну, находившемуся в Вашингтоне, н послу Ху Ши встретнться с президентом и советским послом и добиваться одновременного советско-кнтайского объявлення войны Японии. Чан Кайши высказал предположение, что, если Соединенные Штаты отдадут приоритет Тихому океану перед Атлантикой, пока не будет одержана победа над Японией, это наверняка побудит Россию вступить в войну.

Россия отстаивала свою точку зрения, к которой мы не могли не отнестнсь с сочувствием н пониманием, что она ведет слишком тяжелую борьбу с Германией, чтобы рисковать возможностью японского нападения на Дальнем Востоке. Только на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 года мне удалось во время личной беседы со Сталиным добиться заверения, что Россия вступнт в войну против Японии. <...>

Сталин — Сфинкс

В 1943 году для Соединенных Штатов н всех Объединенных наций Россня представляла собой наиболее загадочную проблему в международных отношениях. Что можно ожидать от нее в послевоенном мире? Будет ли она сотрудничать с западнымн странами и Китаем? Станет ли она настанвать на террнторнальной экспансин за счет своих меньшнх соседей? Не нзберет ли она диаметрально противоположную крайность: откажется от всяческих амбиций и перейдет к полной нзоляцин в пределах своих старых границ?

Такнм образом, в начале 1943 года Россия казалась настоящим Сфннксом для другнх стран мнра, за нсключением того, что она оставалась в строю и героически сражалась.

Мы знали, каковы территориальные устремления Сталина: он изложил их Идену в декабре 1941 года, но нам тоже было известно, что Сталин неохотно смирился с отказом Великобритании согласиться с ними в мае 1942 года. Мы знали о противоречиях, подчас острых, которые возникали между СССР и западными союзниками по поводу второго фронта, и помнили о том, как резко Сталин разговаривал с Черчиллем в августе 1942 года. Но нам также было известно о предпринимаемых военных приготовлениях, которые должны были полностью удовлетворить Сталина в этом вопросе. Мы также видели ожесточенность польско-русского спора.

Во всех министерствах иностранных дел ведущих стран мира интерес к России быстро возрастал. Государственные деятели союзных стран настойчиво стремились к тому, чтобы каким-то образом выяснить намерения Советского Союза и тем самым дать возможность Объединенным нациям узнать, как планировать мир, который будет существовать после заключения мира. <...>

На протяжении более чем года президент Рузвельт надеялся, что личная встреча со Сталиным поможет ему урегулировать проблемы, существовавшие между Россией, с одной стороны, и почти всеми Объединенными нациями — с другой. На него произвела большое впечатление резкая стычка между Сталиным и Черчиллем, но он думал, что благодаря силе своего характера и имея за спиной гигантскую мощь, которую Соединенные Штаты демонстрировали сейчас на Тихом океане и в Европе, он преуспеет там, где потерпел неудачу премьер-министр. Он жаждал встретиться со Сталиным наедине или совместно с Черчиллем.

Весной 1942 года президент Рузвельт начал зондировать возможность встречи со Сталиным, но маршал, занятый подготовкой ко второй летней военной кампании, дал уклончивый ответ *...

Во время конференции в Касабланке в январе 1943 года президент попытался побудить Сталина встретиться с ним и английским премьер-министром. Сталин, по-прежнему поглощенный руководством военными операциями и с подозрением относившийся к тому, что он считал англо-американским сговором, направленным против открытия второго фронта в Европе, отклонил это предложение [1].

Рузвельт предпринял третью попытку, направив бывшего посла в СССР Джозефа Э. Дэвиса с особой миссией в Москву в мае 1943 года. Дэвис от имени президента предложил встречу между Рузвельтом и Сталиным с участием Молотова и меня. Сталин в принципе согласился на личную встречу с Рузвельтом, но затем отказался **. <...>

---

* В своем ответе И. В. Сталин писал: «Я не сомневаюсь, что удастся осуществить личную встречу с Вами, которой я придаю большое значение, особенно ввиду стоящих перед нашими странами больших вопросов по организации победы над гитлеризмом». См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 17.— *Прим. перев.*

[1] См. там же. С. 38—39, 39—40.— *Прим. перев.*

** И. В. Сталин в своем послании Ф. Рузвельту 26 мая 1943 года сообщил: «Я согласен с Вами, что такая встреча необходима и что ее не следует откладывать... Не зная, как будут развертываться события на советско-германском фронте в июне месяце, я не смогу уехать из Москвы в течение этого месяца. Поэтому я предложил бы устроить нашу встречу в июле или в августе». См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 65.— *Прим. перев.*

Четвертую безуспешную попытку встретиться со Сталиным президент сделал во время Квебекской конференции в августе 1943 года. Он надеялся убедить советского руководителя приехать на эту конференцию.

Примерно в это же время в советской прессе была внезапно высказана мысль о том, что, хотя встреча руководителей трех правительств невозможна из-за занятости Сталина руководством гигантским сражением против Германии, встреча министров иностранных дел может быть успешно проведена.

Президент и Черчилль сообщили Сталину о согласии устроить в ближайшем будущем встречу представителей, ведающих иностранными делами. 24 августа Сталин ответил, что разделяет мнение о целесообразности такой встречи. Он добавил, что этой встрече, однако, следовало бы придать не узкоисследовательский, а практически-подготовительный характер, чтобы после этого совещания три правительства могли принять определенные решения. Сталин также предложил заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению [1]...

После обмена мнениями с Черчиллем президент направил Сталину 6 сентября еще одно послание, в котором сообщил, что ему и премьер-министру нравится мысль об организации встречи представителей, ведающих иностранными делами, для обсуждения политических и военных вопросов. Хотя премьер-министр предложил Лондон или какое-либо другое место в Англии, президент считал подходящим более отдаленное место. При этом он назвал Касабланку, Тунис и даже Сицилию. Рузвельт также писал, что желал бы послать на встречу меня, но не хочет, чтобы госсекретарь предпринимал такое далекое путешествие, и поэтому, видимо, направит заместителя государственного секретаря Уэллеса.

Через два дня Сталин предложил в качестве места встречи Москву, а датой начала встречи — октябрь. 11 сентября президент согласился. <...>

24 сентября президент телеграфировал Сталину, что при дальнейшем рассмотрении этого вопроса у него возникло сильное желание, чтобы во встрече с Молотовым и Иденом участвовал лично государственный секретарь. Но поскольку по состоянию здоровья государственному секретарю было бы крайне трудно совершить дальний перелет в Москву, он хотел бы предложить созвать совещание в Англии, а датой первого заседания назначить 15 октября *.

---

[1] См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 86—98, 177, 179—180.— *Прим. перев.*

* Из-за возникших разногласий между С. Уэллесом и К. Хэллом по ряду международных проблем, а также личных трений в августе 1943 года Уэллес был смещен с поста заместителя государственного секретаря, и вместо него 25 сентября был назначен Э. Стеттиниус. К. Хэлл в своих мемуарах среди причин смещения Уэллеса называл различия в оценке Мюнхенского соглашения 1938 года, нежелание Уэллеса оказать нажим на Аргентину, чтобы заставить ее порвать дипломатические отношения с фашистской Германией, его предпочтение созданию региональных международных организаций после войны вместо единой общей всемирной организации. Хэлл также пишет, что на предложение отправиться в Москву в качестве представителя США на конференцию министров иностранных дел Уэллес тотчас заявил, что «поездка подобного рода ничего не дает» // The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1230, 1254—1256.— *Прим. перев.*

Сталин ответил, однако, что он вынужден настаивать, чтобы конференция состоялась в Москве. Я соответственно заявил президенту, что готов отправиться в Москву. Мое здоровье не столь важно, как конференция. <...>

При подготовке к конференции в Москве особенно радостной новостью для меня было принятие 21 сентября подавляющим большинством голосов палатой представителей конгресса США резолюции Фулбрайта. Эта резолюция обязывала палату представителей «поддерживать создание соответствующего международного механизма, наделенного необходимыми полномочиями установить и поддерживать справедливый и прочный мир среди наций мира, а также поддерживать участие в этом механизме Соединенных Штатов»...

Я считал, что принятие этой резолюции обеспечит мне реальные преимущества в Москве, поскольку она продемонстрирует Молотову и Идену, что народ Соединенных Штатов... хочет, чтобы страна приняла полное участие в международной организации. <...>

Меня также весьма обрадовало сообщение Советского правительства, переданное мне 16 сентября временным поверенным в делах СССР в США Андреем А. Громыко, о категорическом отклонении японской попытки организовать сепаратный мир между Германией и Россией. Япония к этому времени была серьезно обеспокоена успехами Объединенных наций в бассейне Тихого океана. Она хотела, чтобы Германия полностью высвободила свои вооруженные силы на Восточном фронте и сосредоточила их против союзников на Западе и тем самым заставила нас отвлечь значительную часть наших сил на Тихом океане. Понятно, что такой мир с Россией диктовался исключительно оппортунистическими соображениями, и когда страны «оси» нанесли бы военное поражение западным союзникам, они могли бы затем не спеша разделаться с Россией.

Советское правительство сообщило нам, что 10 сентября японское правительство предложило направить высокопоставленного официального представителя с различными помощниками в Москву для переговоров с Советским правительством. Затем они отправились бы в Германию и другие страны для консультаций, а позднее вернулись бы в Москву для дальнейших переговоров. Молотов 13 сентября ответил, что Советское правительство не имеет сомнения, что целью этой миссии явилась бы попытка посредничества между Советским Союзом и странами, с которыми он ведет войну. Советское правительство считает, что о каком-либо перемирии или мире с гитлеровской Германией и ее европейскими сателлитами не может быть и речи, и поэтому отклонило японское предложение.

Когда Громыко зачитал мне это сообщение, я горячо поблагодарил его. Я сказал, что, еще когда он читал, я уже знал в душе, каким будет ответ Молотова, и мое предчувствие оправдалось.

Я чувствовал, что безоговорочно негативное отношение Советского Союза к японскому зондажу в сочетании с быстрой и подробной информацией, которую Советское правительство предоставило нам по этому вопросу, является счастливым предзнаменованием для предстоящей конференции.

Во время предшествовавшей конференции переписки между Москвой, Лондоном и Вашингтоном Сталин сделал значительный упор на обсужде-

нии военных вопросов, особенно связанных с открытием второго фронта, и, в частности, в конкретной форме поставил вопрос о вторжении во Францию *. Он направил ряд посланий президенту по этому вопросу, и 4 октября Рузвельт в ответ на запрос Сталина сообщил, что не имеет возражений против самого широкого обмена мнениями, хотя и не считает, что эта конференция должна планировать или рекомендовать военную стратегию.

Я предвидел трудности в связи с решимостью Сталина обсудить на конференции вопросы военной стратегии. Было очевидно, что нам придется дать исчерпывающие заверения Сталину на этот счет прежде, чем мы сможем убедить его присоединиться к нам в выработке политических решений.

Конечно, я предпочел бы отложить военные переговоры до встречи Рузвельта, Сталина и Черчилля. К этому времени между Вашингтоном, Москвой и Лондоном существовало понимание, что такая встреча состоится спустя некоторое время после Московской конференции, но определенного решения еще принято не было и время и место встречи оставались не согласованными. Я надеялся обсудить этот вопрос со Сталиным в Москве.

* * *

До моего отъезда в Москву я дважды — 4 и 5 октября — совещался с президентом, а 6 октября он пригласил меня на завтрак, чтобы еще раз обсудить различные вопросы, которые могут возникнуть в Москве. 5 октября вместе со мной в Белом доме на беседе с президентом присутствовали мой заместитель Э. Стеттиниус, ряд сотрудников госдепартамента, а также адмирал Леги.

На этом совещании мы договорились сделать все возможное, чтобы заручиться английским и русским согласием на участие Китая в предлагаемой Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. Мы считали, что концепция участия четырех держав должна быть сохранена, даже если на этот раз и не удастся достичь соглашения. Китай был слишком важным фактором как в настоящее время, так и в будущем, чтобы отчуждать его.

Что касается Германии, то президент категорически заявил, что он выступает за расчленение этой страны на три или более государств, полностью суверенных, но имеющих общую сеть почтовой связи, коммуникаций, железных дорог, таможенных правил и, пожалуй, электроснабжения, хотя, по его мнению, электроснабжение следовало бы организовать на континентальной основе. В новых германских государствах не будет допущена никакая военная деятельность, в том числе военное обучение и военная промышленность. Восточная Пруссия должна быть отде-

---

* 2 октября 1943 года А. А. Громыко передал в государственный департамент США предложения Советского правительства по повестке дня Московской конференции, среди которых предлагалось: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.

Имеются в виду такие безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш» // Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 307.— *Прим. перев.*

лена от Германии, и все опасные элементы среди населения насильственно удалены.

Президент отклонил аргументы, выдвинутые другими участниками беседы, что раздел Германии приведет к многим нежелательным последствиям, а соглашение о таможенном союзе либо окажется недееспособным, либо станет мощным инструментом для объединения Германии. Он заявил, что мы склонны преувеличивать эти последствия, и указал, что путешествовал по Германии, может говорить по-немецки и полагает, что знает Германию лучше, чем мы. Президент настаивал, что раздел Германии является наилучшим решением. Затем мы перешли к другим вопросам, прошло уже порядочно времени, как вдруг Рузвельт снова заговорил о Германии, сказав, что, как ни говори, но прошло уже немало лет с тех пор, как он был знаком с Германией, и, возможно, знает о ней меньше, чем думает. Президент сказал далее, что весь переходный период неизбежно станет периодом проб и ошибок и вполне может случиться, что мы обнаружим, что от расчленения, предпринятого сразу же после войны, придется отказаться. Он считал, что репарации следует взимать в виде рабочей силы и оборудования.

Рузвельт считал, что восстановление Голландии или Скандинавских стран едва ли вызовет трудности, но восстановление Бельгии, видимо, будет связано с осложнениями. Помимо, сказал он, двусмысленной позиции находившегося в плену у немцев короля Леопольда *, между которым и правительством Бельгии в изгнании может вспыхнуть конфликт,— хотя короля и поддерживают англичане, поскольку Черчилль верит в восстановление монархии,— Бельгия является искусственным двуязычным государством, где валлоны и фламандцы традиционно враждуют друг с другом. Президент упомянул в связи с этим, что в 1940 году немцы составили доклад, предлагавший создание федерального союза из Эльзаса, Лотарингии, Люксембурга и двух частей Бельгии.

Что касается Польши и Прибалтийских республик, президент сказал, что когда встретится со Сталиным, то собирается обратиться к нему с просьбой, апеллируя к высшим моральным принципам. Он скажет ему, что ни Великобритания, ни мы не будем воевать с Россией из-за Прибалтийских республик, но в интересах России с точки зрения ее позиции в мире было бы хорошо, если бы она заявила, что будет готова спустя года два или около этого после войны провести второй плебисцит в Прибалтийских государствах. Хотя Россия считает, что то голосование, которое уже было проведено, является окончательным, заметил Рузвельт, остальной мир, похоже, так не думает. Президент полагал, что эту же идею можно было бы применить к Восточной Польше, но новая граница в любом случае должна проходить несколько восточнее так называемой линии Керзона, с тем чтобы Лемберг (Львов) отошел к Польше, и что пле-

---

* Король Бельгии Леопольд III 27 мая 1940 года отдал приказ о капитуляции своей армии, хотя она еще была способна сражаться, считая более выгодным пойти на соглашение с гитлеровской Германией. По приказу короля бельгийские посольства за границей получили указание восстановить контакты с германскими дипломатическими представителями, поскольку «мы более не находимся в состоянии войны с этой страной», а также прекратить поддержку бельгийского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне.— *Прим. перев.*

бисцит следует провести после того, как вызванные войной потрясения улягутся.

Рузвельт полагал, что морские проходы в Балтийском море — Кильский канал и Ютландский пролив — могли бы получить статус свободной зоны под международной опекой и что можно было бы создать для России такую же зону, ведущую в Персидский залив. <...>

В связи с польско-русскими разногласиями как тогда, так и позднее, а также в связи с другими возникавшими между нами и Россией проблемами время от времени выдвигалось предложение, что для урегулирования их нам требуется всего лишь пригрозить России, что мы прекратим оказание ей помощи по ленд-лизу. Мы с президентом даже на мгновение не воспринимали подобные предложения всерьез. Россия, Великобритания и Соединенные Штаты находились в одной лодке, которая должна была остаться на плаву либо утонуть в зависимости от их способности вести объединенную борьбу против общего врага. Наши поставки по ленд-лизу помогали России сковывать и уничтожать вооруженные силы противника на Восточном фронте, с которыми нам в противном случае пришлось бы сражаться на Западном фронте.

Такая угроза сама по себе привела бы к ухудшению отношений между Москвой, с одной стороны, Лондоном и Вашингтоном — с другой. К тому же Россия всегда могла заявить, как это делали мы сами, что оказание ей помощи отвечает нашим подлинным интересам. Если бы мы высказали подобную угрозу, а Россия тем не менее отказалась бы согласиться с нашими требованиями, мы столкнулись бы с дилеммой: следует ли нам прекратить поставки и тем самым нанести ущерб нашим военным усилиям, или мы будем продолжать оказывать помощь и тем самым докажем, что наша угроза была пустой? А если мы все же прекратим военные поставки и позволим Москве действовать по собственному усмотрению, сможем ли мы тогда вообще надеяться на достижение общего послевоенного соглашения с Советским правительством?

С другой стороны, если бы Сталин склонился перед такой угрозой — а у нас не было ни малейшей уверенности, что он это сделает,— имелись бы у нас основания надеяться, что соглашение, достигнутое под фактически ультимативным нажимом, будет соблюдаться, когда державы «оси» будут разбиты и Россия более не будет нуждаться в нашей военной помощи?

Мы хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, мы хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией...

Отправляясь в столицу СССР, я не дал никаких обещаний, кроме того, что со всей возможной серьезностью попрошу Советское правительство согласиться на восстановление дипломатических отношений с Польшей.

Начало Московской конференции

В полдень 7 октября я отправился в Вашингтонский аэропорт и сел в самолет, который должен был доставить нас на конференцию в Москву. До этого на самолетах я никогда не летал...

На следующее утро мы прибыли в Пуэрто-Рико. Там мы поднялись на борт крейсера «Феникс», чтобы пересечь Атлантический океан и прибыть в Северную Африку...

Мы высадились в Касабланке, где сели на борт нашего самолета, совершившего перелет через Атлантику. Затем мы на самолете прибыли в Алжир, где я встретился с генералом Эйзенхауэром, прилетевшим для встречи со мной из Италии. Меня также посетил генерал де Голль. У нас состоялась длительная, достаточно откровенная беседа, которая не привела к каким-либо решениям...

Из Алжира ночью мы совершили перелет в Каир, а на следующее утро самолет поднялся в небо и взял курс на Тегеран.

Министр иностранных дел Иден прислал мне телеграмму, в которой предложил провести предварительную встречу в Каире до отлета в Москву. Я ответил, что наши русские друзья вообще весьма подозрительны и им может показаться, что Англия и Соединенные Штаты согласовывают общую политическую линию до переговоров с Россией. Однако, когда я прибыл в Тегеран, Иден, придерживаясь собственного расписания, прилетел туда примерно в то же время. Мы встретились, чтобы обменяться приветствиями и поделиться некоторыми впечатлениями, не вступая в серьезную дискуссию.

В Тегеране в наш самолет сели два русских штурмана. К нам присоединился также наш новый посол в Советском Союзе Аверелл Гарриман, который полетел с нами.

Мы прибыли в Москву во второй половине холодного дня 18 октября, незадолго до захода солнца. В аэропорту нас встречали Молотов и Литвинов, а также Дональд Нельсон, начальник нашего Управления военного производства, и большая группа других официальных лиц. Молотов и Литвинов тепло приветствовали меня. Затем я поехал в резиденцию американского посла в Спасопесковском переулке, которая была известна как «Спасо-хауз»...

Три министра иностранных дел встретились в Кремле вечером 18 октября в атмосфере сердечности, сотрудничества и строгой деловитости. Мы быстро договорились о том, что не будем произносить речей, о советниках, которые будут присутствовать вместе с нами на заседаниях, и о первом коммюнике, которое мы опубликуем.

Вернувшись в «Спасо-хауз», я нашел телеграмму госдепартамента, сообщавшую о послании Черчилля президенту Рузвельту от 12 октября, в котором предлагалась совместная декларация трех глав правительств об ответственности немцев за совершаемые зверства. В телеграмме говорилось, что президент просит меня рассмотреть текст такого заявления, которое можно было бы опубликовать в конце Московской конференции...

До первого официального заседания, намеченного на вторую половину дня 19 октября, у меня состоялись две отдельные встречи в американском посольстве с Иденом и Молотовым.

Я сказал Идену, что было бы хорошо по возможности убедительнее показать русскнм, что н американская н английская делегации готовы по отдельиости обсуждать с ними любые вопросы. Мие представлялось важиым сделать все, чтобы нзбежать возинкновеиия у русских подозреиия, что американская н английская делегацин советуются друг с другом, ие посвящая русскнх в содержаиие своих бесед. Иден согласился.

Сопровождавший Идена английский посол в Москве сэр Арчибальд Кларк Керр (поздиее он стал послом в Вашингтоие) упомяиул о желании русских обсудить военные вопросы, особеиио отиосящиеся ко второму фроиту. Я сказал, что заявлю о решимости Соедииеиных Штатов довестн войиу до коица н оказывать всю возможную помощь своим союзникам. Мы договорились, что должны предоставить Советскому правительству всю ииформацию о наших плаиах, о мотивах наших решений н полученных результатах, выслушать любые предложеиия, которые оии пожелают выдвииуть, ио при этом разъяснить, что иа коифереиции ие могут вестись переговоры по воениым вопросам.

На встрече с Молотовым я поднял виачале вопрос о советской цеизуре. Американским корреспондентам не разрешалось посылать имевшие общечеловеческий иитерес репортажи, касающиеся прибытия американской делегации. Я спросил, нельзя ли разрешить подобиые репортажи общего плаиа о коифереиции, которые не касаются официальиой работы коифереиции. Молотов выразил удивлеиие по поводу «глупости» цензора и заявил, что примет нужные меры.

Затем я сказал, что хочу сообщить ему то, что уже говорил Идену, а имеиио: все три страны должны сотрудничать между собой на совершеино равиой осиове, и потому между какими-либо двумя странами не может быть иикаких секретов. Молотов с готовиостью согласился с этим.

Поскольку я убеждеи, что трн иаши страиы могут тесио сотрудничать ие только во время войны, ио также и в послевоенный период, очень важио последовательио н упорио устранять все иедоразумения и подозреиия, которые могут существовать между нашими иародами, и я готов посвятить последиий период моей жизни содействию такому сотрудничеству. Молотов сказал, что готов сделать все возможиое для достижения этой цели.

На иашем первом офнциальиом заседании, состоявшемся 19 октября в особияке Наркоминдела иа Спиридоновке, прекрасиом стариином здаиии, отделаниом мрамором н декорнроваиием позолотой, Молотов раздал копии проекта повесткн дня н прнвлек внимание к тому, что опущеи одии вопрос: иаше предложение отиоснтельио Декларации четырех страи. Вопрос ие был включеи, сказал ои, только потому, что Советскому правительству было иеясио, остается лн он в результате переписки с английским и америкаиским правнтельствами в повестке дня или снимается. Если будет высказаио пожелание оставить этот вопрос, его можио включить в повестку дня.

Я тут же заявил, что прнзнателен Молотову за оказаиную готовность включить этот пуикт сиова в повестку. Я добавил, что эта декларация имеет весьма важное полнтнческое зиачеиие и затрагивает многие общие иитересы трех стран, участвующих в коифереицин, и предлагаю включнть этот пуикт в повестку дня под номером вторым, вслед за советским предложением о рассмотренни мероприятий по сокращению сроков войны

против Германии и ее союзников в Европе. Молотов и Иден согласились.

Молотов затем передал нам письменное предложение по первому вопросу. Оно состояло из трех пунктов. В первом пункте спрашивалось, остается ли в силе заявление Черчилля и Рузвельта в начале июня 1943 года о том, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года. Во втором пункте рекомендовалось, чтобы три державы сделали турецкому правительству предложение о немедленном вступлении Турции в войну. В третьем пункте — сделать от имени трех держав предложение Швеции о предоставлении союзникам авиационных баз для борьбы против Германии.

Я сказал, что хотел бы обменяться мнениями с президентом по вопросам, касающимся Турции и Швеции, с чем Молотов согласился...

Наше следующее заседание было полностью посвящено обсуждению военных вопросов, главным образом открытию второго фронта. Английский генерал-лейтенант Исмей и генерал Дин довольно подробно изложили англо-американские планы вторжения крупных сил через Ла-Манш весной 1944 года. Эти планы, однако, были связаны с выполнением двух условий: первое заключается в значительном сокращении немецкой истребительной авиации в Северо-Западной Европе, второе — чтобы немецкие сухопутные силы в момент вторжения, способные оказать сопротивление, не превышали определенного уровня *.

Иден и я дали утвердительный ответ на официальный вопрос Молотова, остается ли в силе заявление Рузвельта и Черчилля в июне 1943 года относительно вторжения в Северную Францию весной 1944 года. Мы заявили, что это решение было подтверждено на недавней конференции в Квебеке ** с оговоркой, что будут соблюдены изложенные выше условия и что подготовка к проведению этой операции ведется ускоренными темпами ***.

Молотов сказал, что его правительство принимает к сведению эти заявления, так же как и те, которые были сделаны Исмеем и Дином, и выразил надежду, что вторжение будет осуществлено в намеченный срок.

Вопрос о Декларации четырех государств обсуждался на третьем заседании 21 октября. Я заявил, что мы сейчас находимся на такой стадии, когда сотрудничество всех Объединенных наций, основанное главным образом на собственных интересах, должно рассматриваться с точки зрения периода, который наступит после нашей окончательной победы.

«У нас много важных общих интересов,— сказал я.— В частности —

---

* Генерал Исмей, нзлагая эти условия, пояснил, что германские резервы во Фраиции, Бельгии и Нидерландах в момент вторжеиия ие должиы превышать 12 полиостью укомплектоваиных первоклассиых моторизованных днвнзий, коиечио, не считая немецких береговых, учебиых н воеиио-воздушиых дивизий. Кроме того, иемцы должиы быть лишены возможиости перебросить с другнх фронтов более чем 15 первоклассных дивизий в течение первых двух месяцев операций// Московская коиференция миннстров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19—30 октября 1943 года. М., 1978. С. 103.— *Прим. перев.*

** Имеется в виду аигло-американская коифереиция в Квебеке (Канада) 14—24 августа 1943 года, проходившая с участием Рузвельта и Черчилля, на которой западные союзники согласовали планы воеиных действий, в том числе переиесли иа 1944 год высадку десанта в Севериой Франции.— *Прим. перев.*

*** Этот обмеи миениями состоялся иа третьем заседании миинстров 21 октября 1943 года.— *Прим. перев.*

общая заинтересованность в сохранении мира и обеспечении международной безопасности, от чего зависит политическое, экономическое и социальное состояние всех народов мира. Оно зависит не только от мер, принимаемых каждым правительством в области внутренней политики, но также от создания основанного на международном праве мирового органа, который навечно сохранит мир и обеспечит всем народам земного шара возможность идти по пути прогресса»...

Иден энергично поддержал мои доводы, Молотов тоже заявил, что его правительство положительно относится к принципам, нашедшим свое выражение в этой декларации, и поэтому он приветствует ее. Однако он сразу же поднял вопрос о Китае. Он предложил, чтобы конференция рассмотрела декларацию трех, а не четырех государств, но если окажется возможным получить согласие китайского правительства на эту декларацию в процессе конференции, то она станет декларацией четырех.

Я подчеркнул психологическое значение участия всех стран в той или иной форме на нашей стороне в войне, и если мы исключим одну из четырех главных держав, которая вносит важный вклад в войну, психологические последствия могут быть весьма неблагоприятными для единства Объединенных наций.

Дискуссия продолжалась в течение некоторого времени, пока Молотов не предложил перерыв.

Когда конференция после краткого перерыва возобновила работу, он дал понять, что согласен оставить открытым вопрос об участии Китая и приступить к постатейному обсуждению декларации. После этого были рассмотрены и согласованы многочисленные предложения, касавшиеся редакционных поправок по тексту документа...

На четвертом заседании министров иностранных дел 22 октября Иден выдвинул предложение о создании Европейской консультативной комиссии (ЕКК) со штаб-квартирой в Лондоне для рассмотрения всех возникающих проблем, которые затрагивают СССР, США и Англию. Я подтвердил готовность согласиться с предложением Идена. Молотов был также согласен.

Когда возник вопрос об Италии, Молотов сказал, что его правительство считает большим счастьем факт капитуляции Италии. Оно понимает особую роль, которую сыграли в этом деле англо-американские военные силы, но считает, что Советские Вооруженные Силы, хотя и издалека, также внесли свой вклад. Поскольку Италия является первой страной, которая капитулировала перед союзниками, возникли новые проблемы в области сотрудничества между тремя союзными державами. Советский Союз весьма заинтересован в получении точной информации, в том числе с точки зрения проведения в жизнь условий капитуляции, однако получить такую информацию было невозможно из-за отсутствия там советских представителей.

Иден обещал предоставить подробную информацию и заявил, что замечание Молотова относительно советского представителя учтено представленным им предложением, чтобы три державы назначили верховных комиссаров в Межсоюзнический Консультативный совет, который должен быть создан для рассмотрения вопросов, связанных с Италией.

Молотов затем огласил документ, перечислявший семь мероприятий, проведение которых СССР считал желательным в Италии главным образом

в целях «дефашизации» страны. Иден сказал, что практически все эти мероприятия уже проводятся в жизнь.

Я обещал, что вместе с Иденом или по отдельности мы представим на заседании подробный хронологический список политических мероприятий, проведенных двумя нашими правительствами в Италии со времени вторжения в Сицилию.

Молотов подчеркнул большое политическое значение совместного публичного заявления трех союзных держав об Италии, которое включило бы в себя советские предложения. Такое заявление было позднее согласовано [1], так же как и предложение Идена об учреждении Консультативного совета по вопросам Италии, состоящего первоначально из представителей трех держав и Французского комитета национального освобождения; представители Греции и Югославии должны были войти в него позднее. Совет должен был следить за деятельностью Союзной контрольной комиссии в Италии, призванной претворять в жизнь условия капитуляции.

Декларация об Италии [2] подтверждала согласие трех держав о полной ликвидации фашизма в Италии, а также предоставление итальянскому народу всех возможностей для создания правительственных и других институтов, основанных на демократических принципах. Политические мероприятия, предложенные Молотовым для достижения этих целей, были включены в декларацию.

На заседании 22 октября Молотов предложил, учитывая, что Италия участвовала в войне против России и причинила огромный ущерб советскому народу и хозяйству, и в частности военно-морскому и торговому флоту, немедленно передать Советскому Союзу итальянские линейный корабль и крейсер, 8 эсминцев, 4 подводные лодки, а также торговые суда водоизмещением 40 тыс. тонн.

Иден и я заявили, что передадим эту просьбу нашим правительствам. Я добавил, что предложу президенту благожелательно рассмотреть эту проблему в духе равенства и справедливости *.

На следующий день, 23 октября, я представил конференции наш проект предложений относительно обращения с Германией после победы над ней. Проект был выработан нами в государственном департаменте при консультации с другими министерствами и неоднократно обсуждался мною с президентом, а затем с англичанами...

---

[1] См.: Московская конференция министров иностранных дел... С. 348—351.— *Прим. перев.*

[2] См. там же. С. 351—352.— *Прим. перев.*

* 30 ноября Иден сообщил Молотову, что британское правительство в принципе согласно передать Советскому правительству часть захваченных итальянских судов и что количество этих судов, о котором просит Советское правительство, является умеренным. Детали и сроки передачи должны быть определены в зависимости от операций и так, чтобы не лишиться помощи итальянцев в результате опрометчивого предания этого дела гласности. Молотов выразил пожелание, чтобы английское правительство дало в скором времени свой определенный и благоприятный ответ. Иден обещал довести это дело до конца. Госсекретарь США К. Хэлл в своем письме от 1 ноября на имя Наркоминдела СССР сообщил, что этот вопрос находится на рассмотрении, и выразил уверенность, что он будет в скором времени решен к удовлетворению советской стороны//Московская конференция министров иностранных дел... С. 256, 405.— *Прим. перев.*

Следуя своей обычной привычке, я передал его неофициально своим русским и английским коллегам. Оказавшись с Молотовым, я достал этот документ из кармана и передал его советскому наркому со словами: «Это не официальное предложение Соединенных Штатов, а нечто такое, что должно показать ход наших мыслей. Это просто личная идея, которую вы и я могли бы обсудить. Затем, если вы пожелаете, мы могли бы переговорить о ней с Иденом и посмотреть, что он о ней думает...»

Молотов сказал, что хотел бы взять этот документ с собой и изучить его. На следующий день он встретился со мной, его лицо сияло: «Я показал вашу бумагу Сталину, и он отнесся к ней положительно. Она отражает советские идеи относительно Германии, как если бы мы сами излагали их...»

Наше предложение, предусматривавшее безоговорочную капитуляцию Германии, предполагало, что будет подписан соответствующий документ как уполномоченным представителем какого бы то ни было германского правительства, которое будет осуществлять власть де-юре или де-факто, так и уполномоченным представителем военных властей. Этот документ будет содержать признание полного поражения Германии, уполномочивать Объединенные нации осуществлять все права оккупационной державы на всей территории Германии, обяжет германское правительство выдать всех военнопленных и всех других подданных государств из числа Объединенных наций, уполномочит Объединенные нации контролировать демобилизацию германских вооруженных сил, обусловит освобождение политических заключенных, ликвидацию концентрационных лагерей и выдачу военных преступников, потребует от германского правительства сохранить все органы экономического контроля и их штаты, всю документацию и оборудование для последующей передачи их в распоряжение Объединенных наций, поручит Объединенным нациям вести наблюдение за экономической деятельностью в Германии и обяжет германское правительство передать все оружие и вооружения, все другое военное и военно-морское имущество, а также запасы сырьевых материалов.

Мы рекомендовали, чтобы в течение периода перемирия была создана межсоюзническая Контрольная комиссия для проведения в жизнь условий капитуляции. Германия должна быть оккупирована британскими, советскими и американскими вооруженными силами. Политика в отношении местной администрации будет основываться на принципе минимального вмешательства, но все нацистские государственные чиновники должны быть срочно отстранены и все следы нацистского режима искоренены. Нацистская партия будет распущена. Германия возместит материальный ущерб, нанесенный СССР и другим союзным и оккупированным странам, эти репарации будут определены комиссией по германским репарациям, состоящей вначале из представителей трех держав. Германия будет полностью разоружена, она должна быть лишена регулярной армии, германский генеральный штаб распущен, система военной касты устранена, предприятия, производящие вооружение, демонтированы, ввоз в Германию и производство в Германии вооружения, боеприпасов и орудий войны, а также материалов, необходимых для их производства, включая все типы самолетов, запрещены. Должна быть учреждена и осуществляться под наблюдением Объединенных наций постоянная система проверки и инспектирования.

Мы также выдвинули ряд предложений и соображений, касающихся постоянного политического статуса Германии и ее децентрализации [1]...

Что касается границ Германии, то мы просто заявили, что этот вопрос должен быть рассмотрен по достижении общего урегулирования.

Подробное обсуждение этого плана на последующих заседаниях выявило единство взглядов по основным вопросам. На заседании 25 октября Иден заявил, что его правительство хотело бы разделения Германии на отдельные государства, в частности отделения Пруссии. Его правительство поэтому будет поощрять сепаратистские тенденции внутри Германии, однако не пришло к окончательному мнению относительно целесообразности добиваться разделения Германии путем применения силы.

Молотов сказал, что Советское правительство полностью поддерживает все мероприятия, направленные на максимальное обезвреживание Германии в будущем *.

Я сказал, что американское правительство обнаружило широкое различие во взглядах союзных правительств по вопросу расчленения Германии. В высших сферах США, добавил я, когда началось изучение этого вопроса, большинство высказывалось за расчленение Германии. Но по мере изучения аргументов, часто весьма убедительных, в пользу или против расчленения усилилась тенденция занимать выжидательную позицию по этому вопросу и исследовать его более глубоко, прежде чем определить нашу окончательную позицию.

Лично я с самого начала был против расчленения Германии.

Молотов добавил, что его правительство, вероятно, несколько отстало в изучении вопроса о послевоенном обращении с Германией из-за занятости советских руководителей военными проблемами. Честь внесения первых конкретных предложений по вопросу об отношении к Германии принадлежит Соединенным Штатам Америки и лично г-ну Хэллу. Программа, предложенная американской стороной, соответствует идеям Советского правительства, но она скорее является программой-минимум, а не максимум.

Мы все согласились, что Германию необходимо заставить отдать все захваченные территории и вернуться к границам, существовавшим до 1938 года (то есть до аншлюса.— *Прим. перев.*), и что Восточная Пруссия должна быть отделена от Германии. Позднее мы решили передать документ относительно Германии для подробного изучения в создаваемую нами Европейскую консультативную комиссию в Лондоне. Многие из положений нашего документа были позднее включены в соглашения союзников о послевоенном обращении с Германией.

До начала заседания 23 октября я имел часовую беседу с Молотовым **, в ходе которой я энергично доказывал необходимость заложить сейчас

---

[1] См.: Московская конференция министров иностранных дел... С. 289—291.— *Прим. перев.*

* «Молотов:... во всех мероприятиях союзников, направленных на максимальное обезвреживание Германии как агрессивного государства, Советское правительство поддерживает Великобританию и Соединенные Штаты». Там же. С. 181.— *Прим. перев.*

** Запись беседы воспроизведена в сборнике «Московская конференция министров иностранных дел...». С. 148—153.— *Прим. перев.*

определенную основу послевоенного урегулирования, в частности соглашения о международной организации по поддержанию мира и по экономическим принципам. Если подобные проблемы отложить до конца войны, указал я, будет очень трудно заручиться объединенной поддержкой общественного мнения во многих демократических странах.

Молотов согласился с этим...

Я настойчиво предлагал Молотову послать делегатов в Вашингтон для участия вместе с англичанами и нами в конференции по послевоенным экономическим проблемам. Иден и я послали ему различные документы по поводу этого совещания *. Молотов ограничился замечанием, что его правительство изучает данный вопрос.

Прежде чем отправиться на заседание, Молотов сообщил, что он обсуждал с маршалом Сталиным присланную мне президентом декларацию по вопросу о немецких зверствах. Сталин не возражает против ее подписания с небольшими поправками.

В ходе обсуждения вопроса о немецких зверствах русские заняли решительную позицию. Они жестоко пострадали от фашистов и хотели свершения сурового и быстрого правосудия над немецкими официальными лицами, ответственными за массовые убийства советских граждан.

Иден доказывал необходимость соблюдения всех юридических формальностей.

Когда наступила моя очередь высказать свою точку зрения, я заявил: «Будь моя воля, я бы взял Гитлера, Муссолини и Тодзио и их главных подручных и предал их военно-полевому суду. А на рассвете следующего дня произошло бы историческое событие».

Когда мои слова перевели, Молотов и вся советская делегация шумно выразили свое одобрение, и на какую-то минуту спокойное течение заседания было нарушено.

Главное, что мне хотелось подчеркнуть в Москве в связи с этим,— мир должен принять самые решительные меры, чтобы покончить с положением дел, при котором возникают всемогущие диктаторы с планами завоевания и порабощения мира, с гнусными методами варварства и жестокости. Я считал, что подобную категорию международных бандитов следует карать без отлагательства и промедления, так же как эти бандиты чинят расправу над невинными людьми мира. Такая незамедлительная кара обеспечила бы быструю ликвидацию международных гангстеров.

Я полагал, что, когда мы захватим главарей и других руководителей трех стран «оси», мы также получим в свои руки их секретные архивы и используем эти доказательства так, как если бы мы проводили некий международный трибунал. Но я не хотел, чтобы этот судебный процесс помешал быстрой казни этих бандитских главарей.

Я неоднократно излагал эту точку зрения президенту Рузвельту, а также премьер-министру Черчиллю и Идену во время их визитов в США и говорил об этом на заседаниях кабинета. Я прямо заявлял, что все поджигатели войны — немецкие, японские и итальянские — должны быть повешены.

* Имеется в виду Вашингтонское совещание британских и американских экспертов-экономистов, закончившееся 18 октября 1943 года.— *Прим. перев.*

Кроме того, я считал, что скорый военно-полевой суд стал бы более впечатляющим примером для других агрессивных диктаторов в будущем, чем длинный затянувшийся формальный суд...

Я привел эти доводы президенту, Черчиллю и Идену, но они склонялись больше к идее формального судебного процесса в рамках международного права. Но никакого решения принято не было, и я был вправе в Москве изложить собственную точку зрения.

Я не хочу, однако, чтобы меня сочли за противника Нюрнбергского трибунала. Когда позднее было решено избрать этот метод, я полностью поддержал его. Мои взгляды касались лишь различия в форме суда.

Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства *, которая была согласована в Москве и опубликована за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля, гласила, что немцы, ответственные за зверства, убийства и казни, будут отосланы для суда и наказания в те страны, где они совершили свои преступления. Главные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, будут наказаны совместным решением правительств союзников...

Рождение Организации Объединенных Наций

Пробыв в Москве почти неделю, я сказал Молотову, что не знаю правил протокола, связанного с получением аудиенции у маршала Сталина; не знаю, сколько надо ждать, не слишком ли я долго выжидал, но в любом случае я счел бы за честь, если бы мог встретиться с его «боссом», и оставляю этот вопрос на усмотрение Молотова.

Иден имел краткую встречу со Сталиным вскоре после прилета в Москву, но он договорился об этой встрече заранее. Я такой договоренности не имел. Я руководствовался принципом, что мне следует вести дела с Молотовым и не давать ему повод думать, что хочу через его голову обратиться к Сталину.

Вскоре Молотов сообщил мне, что Сталин примет меня в Кремле в три часа дня 25 октября.

Одним из первоочередных вопросов предстоящей беседы, как я знал, будет предложение о встрече между Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. Как до, так и после моего прибытия в Москву президент продолжал обмениваться телеграммами со Сталиным относительно этой встречи. В принципе вопрос о конференции был согласован, но возникло, казалось, непреодолимое препятствие, связанное с местом встречи.

В телеграмме от 14 октября президент предложил столицу Ирака Багдад или Асмару, столицу Итальянской Эритреи в Восточной Африке, ныне оккупированную английскими войсками, или Анкару, столицу Турции. Сталин еще ранее предложил Тегеран. Президент назвал в качестве даты начала конференции 20 или 25 ноября.

19 октября Сталин ответил, что не может принять в качестве подходящего места какое-либо из предлагаемых президентом взамен Тегерана. Дело не в охране, которая его не беспокоит, а в необходимости поддержа-

* Опубликована после окончания Московской конференции министров иностранных дел 2 ноября 1943 года.— *Прим. перев.*

ния тесной связи с Советской Армией в ее нынешних иаступательных операциях. Все его коллеги, писал ои, считают, что эти операции требуют его личной связи с командованием. В Тегеране эти условия могут быть обеспечены наличием проволочной телеграфной и телефоиной связи с Москвой.

Рузвельт прислал мне длинную телеграмму 21 октября, сообщив, что Тегеран ему иеприемлем из-за его конституционных обязаниостей. Он не сможет находиться в столь физически изолироваиином месте, так как это помешает ему получать законопроекты от конгресса и возвращать их в течение 10 дней. Тегеран — труднодоступное место для самолетов из-за высоких гор, и самолетам приходится подчас ждать несколько дней, чтобы долететь до него или вернуться оттуда.

Рузвельт писал, что Сталин в своих ответах на ряд посланий президеита не проявил поимания его президентских обязанностей. Поэтому он просит меня передать Сталину его личное послание и устио объясиить непосредствеиные бесхитростные причины нежелания президента прибыть в Тегеран, которые не осиовываются на его личных предпочтениях, а определены конституцией США. Это не вопрос теории, а фактическое положение дел.

В своем послании [1] Сталину президент писал, что глубоко разочарован его телеграммой. Он поимает мотивы, побуждающие Сталина находиться в ежедневиом контакте с Верховным Главиокомандованием, ио просит Сталина с пониманием отнестись также к его президентскому долгу, который ои изложил в подробностях. Рузвельт писал, что не сможет поехать в Тегеран и что члеиы его кабинета и руководители закоиодательиых оргаиов полиостью согласны с ним в этом.

Поэтому он предлагает Басру (Ирак) вместо Тегераиа. Сталин может протянуть специальную телефонную линию из Тегерана в Басру, которая будет контролироваться русскими и обеспечит ему прямую связь с Москвой.

Президент подчеркнул, что никоим образом не считается с тем фактом, что ему пришлось бы проделать длинный путь из Соединенных Штатов в пункт, расположенный в пределах 600 миль от русской территории. Если бы не обязанности, налагаемые на него конституциоиой формой правления, существующей более ста пятидесяти лет, ои был бы рад проехать в десять раз большее расстояние, чтобы встретиться со Сталиным. Будущие поколения, писал ои в конце, сочли бы трагедией тот факт, что иесколько сот миль помешали Сталииу, Черчиллю и ему встретиться.

Я обсудил все эти моменты со Сталиным, когда сидел за большим столом в Кремле иапротив иего 25 октября. Со мной были также посол А. Гарриман и начальник европейского отдела госдепартамента Чарльз Ю. Болен; рядом со Сталиным сидели Молотов и переводчик.

Когда я входил в просторный кабинет Сталина, он вошел через другую дверь, встретил меня на полпути и пожал мне руку. Держался он приветливо и непринужденио. Он проводил меня к месту за столом, а затем сел напротив меня спиной к стене.

Наша беседа началась с частного разговора. Мы обмеиялись миениями по поводу того, как сеять пшеницу. Я рассказал Сталииу, что в Тениесси ее сеют в пахоту глубииой до 6 дюймов, что, видимо, было для

[1] См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 104—106.— *Прим. перев.*

него новостью. Мы обсудили, как делать плоты. Я описал, как мы связывали бревна в плоты в Теннессн, нспользуя побеги орешника. Сталин поведал, как грузины пользуются в этнх целях виноградной лозой.

Я сообщил Сталину, что очень рад побывать в Москве, так как давно мечтал посетить его страну. Я сказал, что за свою жизнь присутствовал на многих международных конференциях, но ни на одной мне не оказывалось столь большого гостепрннмства н вниманocc со стороны хозяев, как со стороны Советского правительства н лично Молотова. Сталин ответил, что не ожидал услышать такую оценку.

Я отметил, что одна из наиболее важных задач нынешней конференции состоит в том, чтобы заложить основу для встречи между ним, президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем, в которой жизненно заинтересован весь американский народ и, более того, все люди мира, ведущие борьбу против нацизма н фашизма. Затем я передал Сталину послание президента относительно места встречи.

Сталин, прочтав русский перевод, передал послание Молотову, добавив, что необходимо будет обдумать его н посоветоваться с коллегами. Молотов, ознакомившись с текстом послания, сказал, что сейчас проводятся важные военные операции и что все высшие гражданские н военные руководители Советского правительства единодушно придерживаются мнения, что Сталину вообще не следует выезжать из страны или же только в такое место, с которым можно поддерживать ежедневную прямую и надежную связь.

Сталин тогда предложил, что, возможно, лучше отложить встречу до весны, когда Фербенкс на Аляске будет удобным местом.

Я сказал, что мы с президентом глубоко убеждены, что международная ситуация требует проведения такой встречи, н, если она не состоится, это вызовет глубокое разочарование среди народов Объединенных наций, поскольку такая встреча сплотила бы три наши нации в деле усиливающегося сотрудничества в веденнн войны, а также в целях сотрудничества в послевоенный период.

«Если мы будем ждать окончания войны,— сказал я,— чтобы выработать прннципиальную основу послевоенной международной программы, люди во всех демократнческих странах под воздействием разного сорта противоречивых влияний различных элементов, групп, обществ и отдельных лиц окажутся разобщенными. В результате для такой страны, как моя, будет почти невозможным на такой поздней стадии проводить соответствующую послевоенную программу, объединить н сплотить в поддержку ее все важные силы...»

Я добавил, однако, что, хотя презндент и я считаем эту ситуацию заслуживающей серьезного рассмотрения, мы не нмеем в виду, что ей должен быть отдан прнорнтет перед надлежащим руководством войной.

Сталин ответил, что в настоящее время в Советском Союзе ведутся очень важные военные операции н что летняя кампания Красной Армии перерастает в зимнюю. Он сказал, что с военной точки зрения это редкая возможность, которая может случнться раз в 50 лет, нанести решающее поражение немецкой армии, располагающей в данный момент очень скудными резервами, тогда как советские армии имеют обширные резервы для операций на протяженин года. Разумеется, Советский Союз не собирается воевать с Германией каждые десять лет. Поэтому нельзя позволять каким-либо обстоятельствам помешать воспользоваться нынешней возможностью, ко-

торая, повторил он, может встретиться раз в 50 лет. Он вновь сказал, что должен будет посоветоваться со своими коллегами.

Я ответил, что полностью согласен с ним в отношении военной ситуации, но полагаю, что будет возможным обеспечить столь же хорошую с советской точки зрения связь между Басрой и Москвой, как и между Тегераном и Москвой, чтобы не нанести ущерб военным операциям. Осмелюсь высказать предположение, продолжал я, что, насколько мне известно, все правительства и народы Объединенных наций с нетерпением ожидают встречи трех руководителей как примера тесного сотрудничества между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами, и добавил, что если бы помимо сообщения о тех соглашениях, которые мы сумели достичь на текущей конференции, мы смогли бы сообщить о намерении трех глав правительств встретиться в не столь отдаленном будущем, два этих сообщения воодушевили бы народы всех Объединенных наций и соответственно обескуражили наших врагов.

Сталин возразил, что он не против такой встречи в принципе. Он подчеркнул, что с его стороны дело не в упрямстве или престиже, он просто не в состоянии понять, почему двухдневная задержка в доставке государственных документов должна считаться столь жизненно важным делом, тогда как любой неверный шаг в военной операции будет не просто грамматической ошибкой, которую легко позднее исправить, а может обойтись в десятки тысяч жизней? Что касается лично его, трудности, связанные с проведением встречи в Басре, полностью относятся к ее практической организации, особенно к обеспечению связи.

Вопрос охраны его вообще не беспокоит, заметил он, после того как посол Гарриман сказал, что главы государств могли бы жить в своих лагерях в холмистой местности на окраине Басры под защитой собственных солдат.

Наша беседа длилась около часа — фактически полчаса, если учесть время, затраченное на перевод,— и, поскольку приближался час возобновления работы конференции, я сказал Сталину, что как прилежному ученику Молотова мне пора идти в школу на Спиридоновку. Маршал улыбнулся и пожелал нам удачи.

Беседа закончилась, он встал, обошел вокруг стола, пожал нам руки и сказал что-то по-русски. Его переводчик все еще сидел за столом, заканчивая свои записи, и слова Сталина повисли в воздухе. Маршал повернулся к переводчику и резким тоном сказал ему (Болен перевел мне позднее), что обязанность переводчика всегда находиться рядом с ним. Затем я узнал, что Сталин сказал, что был очень рад встрече со мной.

Я немедленно сообщил президенту содержание состоявшейся беседы...

В ходе состоявшегося затем разговора с Молотовым в перерыве заседания я затронул вопрос о вступлении Турции в войну *. Он разъяснил, что советское предложение состоит в том, чтобы три державы «предложили» Турции вступить в войну, но это означает, чтобы они «категорически рекомендовали», иными словами, приказали. Я ответил, что это чисто военный вопрос и входит в компетенцию президента и начальников штабов.

---

* Этот вопрос содержался в тексте советского предложения «Рассмотрение мероприятий по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», которое было роздано английской и американской делегациям в первый день конференции.— *Прим. перев.*

На самом заседании 25 октября мы согласовали Декларацию об Австрии, проект которой представил Иден. В ней говорилось, что три державы рассматривают присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 года, как несуществующее и недействительное, и не считают себя никоим образом связанными какими-либо переменами, произведенными в Австрии после этой даты. Они желают видеть восстановленной свободную и независимую Австрию.

Австрии, однако, напомнили, что «она несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее собственный вклад в дело ее освобождения».

Затем мы договорились немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира, которые три наших государства могут получить от правительства, отдельных группировок или лиц страны, с которой любое из наших трех государств находится в состоянии войны.

Молотов прервал заседание, чтобы сообщить об освобождении советскими войсками Днепропетровска. Великое русское контрнаступление осенью 1943 года набрало силу, и время от времени Молотов торжественно сообщал нам о новых крупных успехах Красной Армии.

Вопрос о конфедерации малых европейских государств, особенно в районе Юго-Восточной Европы, обсуждался на следующем заседании, 26 октября, в связи с представленным Иденом предложением, санкционирующим подобные федеративные объединения. Англичане еще раньше ознакомили нас с этим предложением, но мы отказались поддержать их точку зрения.

На заседании я заявил, что правительство США в своем общем подходе ко всем послевоенным проблемам исходит из того, что первым шагом является согласование и принятие широкого круга принципов, пригодных для применения в мировом масштабе, которыми затем наши три державы руководствовались бы при рассмотрении отдельных и специфических вопросов, в частности таких, о которых идет речь в английском предложении. Я имел в виду панамериканские принципы сотрудничества, примененные в мировом масштабе. Мое правительство, подчеркнул я, не намеревалось избирать какой-либо отдельный район мира или вопрос для специального рассмотрения до тех пор, пока не будут согласованы эти основные принципы, и я лично считаю, что единственно правильным и разумным подходом к вопросу о международном сотрудничестве в целом и созданию прочной и долговечной основы для международного мира является обращение сначала к общим вопросам.

С этим предложением был связан другой вопрос повестки дня, также внесенный Иденом, чтобы три державы высказались в пользу совместной ответственности за Европу в противоположность отдельных районов ответственности.

По этому вопросу я сказал, что мое правительство считает, что не должно быть отдельных районов ответственности или зон влияния.

Иден также высказался против принципа отдельных зон ответственности.

Молотов заявил, что Советское правительство никогда не высказывалось за какие-либо отдельные районы влияния в Европе и он готов поручиться, что Советский Союз не давал никакого повода предполагать, будто он выступает за разделение Европы на отдельные зоны влияния.

Молотов зачитал заявление, в котором подверг решительной критике идею планирования федераций малых стран в настоящее время. Советское правительство считает преждевременным и даже чреватым опасностями для интересов как самих малых стран, так и общего послевоенного устройства Европы намечать и таким образом искусственно поощрять подобные федерирования. Некоторые проекты федераций напоминают советскому народу политику «санитарного кордона», направленную в прошлые годы против Советского Союза.

Иден сказал, что ему нет необходимости говорить, что его правительство не заинтересовано в «санитарном кордоне» против Советского Союза, но оно заинтересовано в «санитарном кордоне» против Германии. В заявлении Молотова имеются сильные места, и он не настаивает на своем предложении...

Четырехсторонняя декларация, предусматривавшая создание международной организации после войны, вновь обсуждалась на этом заседании.

Молотов заявил, что не имеет возражений, чтобы эта декларация была декларацией четырех государств. Но было бы правильным, чтобы мы не задержали по каким-либо мотивам окончательное оформление этой декларации до завершения конференции.

Сразу же после окончания заседания я сообщил текст Четырехсторонней декларации китайскому послу в Москве и настойчиво рекомендовал ему, чтобы китайское правительство немедленно воспользовалось этой возможностью и дало быстрый ответ. <...>

Я сообщил конференции 28 октября ответ президента на предложения Молотова относительно Турции и Швеции. Ответ по обоим предложениям, который поддержала также Англия, был отрицательным [1]...

На конференции было решено, что три державы продолжат изучение вопросов о Турции и Швеции.

В этот же день я сообщил Молотову ответ на просьбу советской стороны об итальянских военных кораблях и торговых судах. Рузвельт прислал мне еще раньше телеграмму, в которой заявил о своей готовности передать русским третью часть всего итальянского флота. Я, однако, не считал, что ему полностью разъяснили ситуацию, и задержал передачу ответа до получения дальнейшего подтверждения. Нам казалось, что передача русским третьей части итальянского флота в настоящее время исключительно отрицательно скажется на возможном участии итальянцев в войне на нашей стороне, к тому же итальянские корабли с итальянскими экипажами сейчас с пользой использовались в Средиземном море под американским и английским командованием и могли бы позднее пригодиться в Тихом океане. Президент быстро согласился с этой точкой зрения и соответственно телеграфировал мне.

Я сообщил Молотову, что президент информировал меня о своем пожелании, что итальянские военные и торговые суда, находящиеся в руках союзников, следует использовать там, где их можно наиболее эффективно применить в интересах дела союзников без окончательной передачи их в собственность какой-либо из трех союзных держав в настоящее время.

---

[1] См.: Московская конференция министров иностранных дел... С. 232—237.— *Прим. перев.*

Дальнейшие переговоры должны быть проведены штабами наших трех правительств. Я добавил, что подробно изложу советскую позицию президенту по возвращении в Вашингтон.

Молотов выразил недовольство по поводу этого ответа, о чем я доложил президенту. Рузвельт ответил, что корабли должны использоваться для ведения войны против наших врагов и что окончательное решение, как поступить с ними, должно быть принято Мирной конференцией.

Американская делегация через генерал-майора Дина внесла на конференции три предложения военного характера. Первое состояло в том, чтобы СССР предоставил базы на своей территории самолетам США для проведения сквозных — «челночных» — бомбардировок промышленной Германии, во-вторых, чтобы более эффективно осуществлялся взаимный обмен сведениями о погоде и с этой целью укрепить средства связи между США и СССР, в-третьих, улучшить воздушное сообщение между двумя этими странами. Особенно энергично я поставил перед Молотовым последний вопрос.

Молотов сообщил нам, что Советский Союз согласился с нашими предложениями и что соответствующим советским властям будут даны указания об их проработке...

Президент прислал мне телеграмму, извещавшую, что он ожидает вскоре «появиться» в Северной Африке и должен будет уехать из Вашингтона до 9 ноября. (Чтобы встретиться с Черчиллем и Чан Кайши в Каире.) Он выразил надежду, что я смогу вернуться в США к 7 ноября, поскольку ему необходимо переговорить со мной до отъезда.

Президент высказал пожелание, чтобы Сталин прилетел в Басру хотя бы на один день. Это чрезвычайно важно. Затем Сталин мог бы оставить вместо себя Молотова до завершения конференции.

Я ответил президенту на следующий день, что, судя по многим признакам, Сталин не поедет дальше Тегерана, и я серьезно сомневаюсь, что Молотов, не будучи военным человеком, может быть послан вместо него...

На заседании 29 октября были рассмотрены рекомендации по экономическим вопросам, которые я передал Молотову и Идену несколькими днями ранее. Они касались сотрудничества в деле возмещения ущерба, нанесенного Советскому Союзу войной, совместных действий по оказанию помощи другим странам, сотрудничества в вопросах продовольствия и сельского хозяйства, транспорта и связи, финансов и торговли, вопроса о репарациях. <...>

На конференции было решено, что три правительства рассмотрят эти предложения и обменяются затем своими соображениями.

Затем я вынес на обсуждение предложенную нами Декларацию Объединенных наций по вопросу национальной независимости, относящуюся к народам колоний и подмандатных территорий и провозгласившую необходимость постепенной подготовки к получению ими независимости. Этот документ мы подготовили в государственном департаменте, и я передал его Идену во время визита английского министра иностранных дел в Соединенные Штаты в марте 1943 года.

На совещании с президентом 6 октября, незадолго до моего отъезда в Москву, Рузвельт сказал, что мы должны особенно подчеркнуть возможность идеи опеки и широко применять ее в самых различных ситуациях.

Упомянутые им районы простирались от Балтики до острова Вознесения в Южной Атлантике и Гонконга. Он заявил, что проект подготовленной нами декларации содержит широкие возможности, особенно в отношении проверки и гласности, которые станут мощным средством побудить колониальные державы развивать свои колонии на благо колониальных народов и всего мира.

Иден, однако, написал мне письмо, в котором заявил, что английское правительство в целом не может согласиться с этим документом. Тем не менее я разослал его участникам конференции, чтобы они имели представление о нашей позиции.

Подняв этот вопрос 29 октября на конференции, я сказал, что так как у нас времени мало, то не думаю, что мы сможем обсудить его на конференции.

Иден ответил, что не готов сейчас обсуждать этот вопрос, но может сообщить, что его правительство не согласно с точкой зрения, изложенной в этом документе *.

Молотов заявил, что Советское правительство придает вопросу о зависимых странах большое значение и считает его заслуживающим дальнейшего изучения.

Хотя никакого решения на Московской конференции по вопросу о зависимых странах принято не было, переговоры по нему между тремя правительствами продолжались и была заложена основа того, что позднее стало системой международной опеки в рамках ООН **. <...>

На последнем заседании конференции 30 октября мы, три министра иностранных дел и китайский посол, подписали Декларацию четырех государств. Посол Фу Бинчан своевременно получил полномочия...

Я был искренне взволнован, видя, как ставили под ней подписи. Теперь сомнений, что после войны будет создана международная организация по поддержанию мира — силой, в случае необходимости,— больше не было. Подписывая декларацию, я не мог не вспомнить свою долгую борьбу в пользу прежней Лиги Наций. Сейчас имелась вероятность, что Соединенные Штаты станут членом новой организации по обеспечению безопасности. В равной мере существовала вероятность, что Советский Союз будет одним из ее главных членов. И Китай тоже будет одним из ее учредителей, поскольку он подписал Четырехстороннюю декларацию.

Когда советские кинооператоры вели съемку церемонии подписания Декларации четырех государств, меня не оставляло чувство, что они снимают историческое событие.

---

* В документе нашло отражение стремление США усилить свое влияние в отдельных районах мира, контролировавшихся европейскими колониальными державами. Великобритания с ее гигантской колониальной империей это предложение, разумеется, не понравилось.— *Прим. перев.*

** Вопрос о международной системе опеки обсуждался по предложению США на Крымской конференции трех союзных стран — СССР, США и Великобритании в феврале 1945 года, где были определены ее некоторые принципы. Главы о создании международной системы опеки (гл. XII) и Совета по опеке (гл. XIII) были включены в Устав ООН, подписанный на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско 26 июня 1945 года.— *Прим. перев.*

Сталин против Японии

Вечером 30 октября, в последний день коиференции, Сталин пригласил делегации иа банкет в Екатерининском зале Кремля... Я сидел справа от Сталина. Это дало мне прекрасную возможность побеседовать с иим во время длинного обеда и последовавшего затем просмотра кинофильма. Я старался сполна использовать этот случай, чтобы обсудить наши отношения и будущее, зная, что это последний имеющийся у меня шаис до отъезда из Москвы. Я начал издалека, стараясь вызвать его на откровенность.

Сталин был в отличном иастроении. Какой бы вопрос мы ни обсуждали, он, казалось, не упускал ни одной детали, которая могла бы помочь мне лучше понять его позицию, как ныиешнюю, так и будущую. Ои иачал беседу с замечания: «Вы провели успешную конфереицию». Я тут же ответил, что заслуга полностью принадлежит ему, поскольку он дал согласие иа то, чтобы его великая страна вместе с Великобританией и Соединенными Штатами примкнула к международной программе, основанной на сотрудничестве. Это, казалось, польстило ему. В ходе беседы он безоговорочно высказывался за широкую программу международного сотрудничества — военного, политического и экономического — в интересах мира.

Я как можно убедительнее изложил Сталину все соображения в пользу его личного сотрудничества и совместного руководства с президентом и премьер-министром. Однако в отношении встречи с иими в Басре Сталии изложил свое твердое убеждение, что не сможет в иастоящее время поехать туда из-за сложиой военной обстановки. Он добавил, что мы должны признать его искренность в этом вопросе.

Затем он сказал, что направит вместо себя Молотова, который, согласно Советской Коиституции, как первый заместитель главы Советского правительства, уполномочен замещать его в случае отсутствия. Он поинтересовался моим мнением по поводу этой идеи.

Я тут же ответил, что, конечно, если он сочтет совершенно иевозможным поехать, Молотов был бы хорошим представителем. Но с точки зрения президеита и лично меня, главиая идея состоит в том, что если бы на встречу поехал сам Сталин, то это оказало бы огромное психологическое воздействие на все страиы мира. Я сказал, что хочу все же попытаться упросить его лично участвовать во встрече, если это вообще возможно.

Но этим я иичего не добился. Его решение казалось окончательным. Я пришел к выводу, что он обсудил этот вопрос со своими советииками, и они сочли, что еще не иастало время, когда военная обстановка или необходимость в такой встрече стали такими, чтобы оправдать его поездку. Я решил воздержаться от дальнейшего обсуждения этой темы, потому что продолжение разговора могло скорее помешать, чем помочь иашей цели.

Но я все-таки сказал, что он и советский народ пользуются колоссальным престижем во многих частях мира и существует настоятельная необходимость в том руководстве, которое могут предложить вместе он, президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль. Это руководство надо осуществить без задержки, ибо его отсутствие будет иметь серьезные и вредные последствия.

Сталин согласился с тем, что руководство необходимо, но ничего больше о встрече с Рузвельтом и Черчиллем не сказал.

Затем, однако, он сделал исключительно важное заявление. Он удивил и обрадовал меня, ясно и недвусмысленно сказав, что, после того как удастся разгромить Германию, Советский Союз примет участие в разгроме Японии.

Сталин затронул этот вопрос по своей собственной инициативе, хотя, возможно, он сохранил в своей памяти те беседы, которые я вел на эту тему с послом Литвиновым. Он закончил разговор, сказав, что я могу сообщить об этом президенту Рузвельту в строго доверительном порядке. Я сердечно поблагодарил его.

Заявление маршала Сталина было прямым, высказано решительным тоном, совершенно самостоятельно, и он ничего не просил взамен.

На конференции в Ялте в феврале 1945 года Сталин дал это же обещание президенту в письменном виде, но только после того, как президент согласился на многочисленные территориальные уступки Советскому Союзу в Азии, включая Курильские острова и часть острова Сахалин. Я ушел в отставку в ноябре 1944 года и потому не знаю, какие перемены в ситуации сделали эти уступки необходимыми, но, когда Сталин сделал это обещание мне для передачи президенту, оно не было ничем обусловлено.

Позднее, тем же вечером, Сталин заявил, что Советский Союз не хочет изоляции. Я выразил полное согласие с этой точкой зрения, указав, что изоляция чуть не погубила мою страну и Россию.

Маршал подчеркивал необходимость сотрудничества и взаимодействия между Соединенными Штатами и Россией в самом благожелательном тоне. Я ответил, что это великолепная программа для действий, что наши народы очень похожи друг на друга во многих отношениях, что это великие народы и что вообще не должно быть никаких серьезных трудностей для налаживания тесного взаимопонимания, доверия и дружбы и основанного на них духа сотрудничества. Сталин полностью согласился со сказанным. В заключение я сказал, что обеим странам и особенно их руководителям, занимающим ключевые посты, необходимо проявлять терпение по отношению к допускаемым то здесь, то там ошибкам и невыдержанным личностям, которые пытаются вызвать трудности в обеих странах.

За обедом произносились бесчисленные тосты. Сталин и я пили красное вино, хотя многие гости предпочитали водку. Генерал Дин оказался в центре внимания, когда в ответ на тост Сталина за американские вооруженные силы он предложил поднять бокалы за день, когда американские и английские войска встретятся с русскими войсками в Берлине. Сталин поднялся со своего места рядом со мной и оказал высокую честь Дину, обойдя вокруг стола и чокнувшись с ним бокалами.

Когда мы встали из-за обеденного стола, Сталин провел меня и еще двух-трех других гостей в соседнюю комнату на несколько минут, прежде чем перейти в кинозал. По своей инициативе он с едким сарказмом заговорил о распускавшихся ранее слухах, будто Советский Союз и Германия могут договориться о сепаратном мире. Я ответил, что любой человек, знающий русских людей и их отношение к Германии в этой войне, поймет, что русские люди не заключат сепаратного мира с Германией. Он с готовностью согласился.

Наши хозяева показали нам кинокартину, рассказывающую об ожесточенной борьбе красных партизан против вероломных японцев в Сибири во время революции в 1918 году. Кинофильм был выпущен в 1938 году, и после его демонстрации в кинотеатрах Москвы японский посол выразил решительный протест *. Теперь никакой попытки скрыть причины выбора этого фильма для нашего просмотра не делалось. Показанный почти сразу же после заявления Сталина, что Советский Союз вступит в войну против Японии, фильм имел двойное значение.

За кинофильмом последовал концерт, и я оставался до конца, хотя закончился он где-то около двух часов ночи, а мы должны были улетать из Москвы в 5 часов утра. Сталин, казалось, был доволен тем, что я остался на концерте, в котором выступали самые прославленные русские музыканты.

Мне глубоко запомнилось мое прощание со Сталиным. После обычных прощальных слов он пожал мне руку и сказал по-русски «До свидания». Затем, отойдя на три-четыре шага, неожиданно повернулся, подошел снова ко мне и обменялся со мной продолжительным рукопожатием, не сказав ни слова. Потом с посуровевшим лицом повернулся и ушел. Про себя я решил, что любой американец, имеющий такие личные качества и умение вести беседу, мог бы вполне достичь высокого государственного поста в Соединенных Штатах.

Вернувшись в посольство, я отправил президенту две шифротелеграммы. Сообщение Сталина о своем решении относительно Японии я счел столь секретным, что половину первой телеграммы зашифровал военно-морским кодом, а другую половину — армейским **. Считая, что британский Форин офис более склонен раскрывать важные сведения, чем мне подчас казалось разумным, вопрос о передаче этой информации лично Черчиллю я оставил на усмотрение президента.

Что касается планируемой встречи Рузвельт — Сталин — Черчилль, я сообщил шифротелеграммой президенту, что Сталин, по-видимому, на все сто процентов выступает и действует в пользу получившего новый импульс всестороннего международного сотрудничества, провозглашенного в Декларации четырех государств (о всеобщей безопасности), однако в то же время он сейчас занимает неуступчивую позицию в отношении участия во встрече с президентом и премьер-министром в каком-либо месте, находящемся дальше Тегерана. Поскольку этот тупик между Сталиным и Рузвельтом оставался, я попытался исподволь побудить Рузвельта несколько

---

* Имеется в виду кинокартина «Волочаевские дни».— *Прим. перев.*

** Отправленная из Москвы депеша Хэлла выглядела следующим образом: «Секретно. Срочно. Москва, 2 ноября 1943 г.

Строго секретно только президенту от Хэлла. Лицом, пользующимся наибольшей властью, мне передано в строгой тайне сообщение для вас лично. В сообщении содержится обещание выступить и помочь нанестн поражение врагу. Дополнение в другой шифровке».

Вторая половина телеграммы, отправленная другим шифром, гласила:

«Секретно. Москва, 2 ноября 1943 г.

Без номера. Строго секретно только президенту от Хэлла. На Дальнем Востоке после поражения Германии (этим заканчивается сообщение, содержащееся в другой шифровке). Прошу радировать подтверждение получения мне в Каир»//*Бережков В.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 207.— *Прим. перев.*

более благосклонно отнестись к Тегерану, так как убедился, что Сталин не поедет в Басру. Через некоторое время Рузвельт согласился.

Погодные условия помешали нам улететь, как планировалось, на рассвете 31 октября, и мы смогли улететь только 3 ноября. Даже тогда русские были против полета, но наши пилоты сочли, что самолет может взлететь.

За это время Иден дважды посетил меня, чтобы обсудить вопрос о получении авиационных баз в Турции. Англичане высадили войска на итальянском острове Лерос (Додеканезские острова), но оказались под угрозой немецких контратак. Базы в Турции могли бы помочь. Кроме того, Черчилль хотел, чтобы турки разрешили проход английским подводным лодкам и торговым судам через Дарданеллы. Иден хотел заручиться моим согласием на постановку этого вопроса перед Молотовым, которое я и дал.

Молотов вначале возражал, потому что счел это полумерой, и хотел, чтобы три державы оказали всесторонний нажим на Турцию, потребовав от нее вступления в войну в качестве воюющей стороны. Они, однако, достигли компромисса, что Иден обратится к Турции с просьбой о возможности немедленно использовать авиабазы, а позднее Великобритания и Россия сообща предложат Турции вступить в войну до конца текущего года.

Молотов попросил Идена обсудить со мной, не согласятся ли Соединенные Штаты превратить это в трехстороннее соглашение и включить его в число договоренностей, достигнутых на конференции. Я ответил, что не уполномочен обсуждать военные вопросы и, следовательно, не могу предпринять такой шаг. Иден выразил уверенность, что Молотов удовлетворится двухсторонним соглашением между Великобританией и Советским Союзом. Такое соглашение было соответственно подписано 1 ноября *. Иден должен был встретиться с турецким правительством на обратном пути в Лондон...

Поднимаясь по трапу на борт готового к отлету самолета, я чувствовал глубокую убежденность в том, что мы достигли в Москве огромных результатов. Мы договорились о создании международной организации, которая станет Организацией Объединенных Наций. Россия согласилась стать членом этой организации и работать в тесном контакте с западными державами по многим другим направлениям. Мы согласовали политику в отношении Италии и в отношении Австрии. Мы создали Европейскую консультативную комиссию и Консультативный совет по вопросам Италии. Мы обменялись многочисленными соображениями о послевоенном обращении с Германией, о нашем отношении к Франции, об экономической политике в послевоенный период. И за рамками конференции Сталин дал согласие вступить в войну с Японией, как только Гитлер будет побежден.

---

* В итоге переговоров между СССР и Англией 1 ноября 1943 года был подписан Протокол о Турции. В статье 2 этого протокола было зафиксировано, что правительства СССР и Великобритании в ближайшее время предложат Турции вступить в войну до конца 1943 года. 10 ноября 1943 года к этому протоколу присоединились США. Турция разорвала дипломатические отношения с Германией 2 августа 1944 года, а объявила ей войну лишь 23 февраля 1945 года//Московская конференция министров иностранных дел... С. 27.— *Прим. перев.*

К тому же Россия ни разу не подняла вопрос, который вызвал у нас беспокойство в прошлом году, то есть решение уже сейчас вопроса о послевоенных границах *.

Наш полет домой через Тегеран, Каир, Алжир, Марракеш, Дакар, Бразилию и Пуэрто-Рико прошел без происшествий. На подходе к Бразилии мы вошли в тропический фронт, и два часа нас сильно болтало, что привело в замешательство некоторых моих коллег, но совсем не сказалось на мне.

В различных пунктах посадки я обменивался телеграммами с президентом и с радостью узнал о его решении встретиться со Сталиным в Тегеране. Государственный департамент прислал мне длинные сообщения, содержавшие превосходные отклики прессы на итоги Московской конференции, которые к этому времени были изложены в совместном коммюнике, опубликованном по окончании конференции.

Когда мы прибыли в аэропорт Вашингтона 10 ноября, нас встречал президент Рузвельт, вместе с ним была делегация от конгресса.

По пути в Белый дом и в наших беседах на следующее утро я сделал обзор для президента главных достижений Московской конференции. По существу, я мало что мог добавить нового к той подробной информации, которую я направлял ему по ходу конференции. Он был больше заинтересован в обсуждении предстоящих совещаний в Каире и Тегеране. Он ждал встречи со Сталиным с энтузиазмом мальчишки, и ему особенно хотелось узнать мои личные впечатления о маршале. Через несколько часов президент отбыл на эти исторические совещания.

---

* Выступая 18 ноября на совместном заседании сената и палаты представителей конгресса США, Хэлл отметил, что Московская конференция явилась «важным шагом как к сокращению сроков войны, так и к устройству будущего». Он сказал, что ему никогда не приходилось участвовать в международной конференции, «все участники которой проявили бы большую решимость идти вперед в духе взаимного понимания и доверия» // Московская конференция министров иностранных дел... С. 38.— *Прим. перев.*

Уильям Леги

Советник двух президентов

Леги, Уильям Даниел (1875—1959) — военный деятель США, адмирал флота. В 1937—1939 годах — начальник штаба ВМС США. В 1940—1942 годах — посол США при правительстве Виши. С июля 1942 года — начальник вновь созданного штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами — президенте США, одновременно возглавлял Объединенный совет начальников штабов. Участвовал в разработке стратегических планов вооруженных сил США во второй мировой войне, был военным советником президентов США на многих международных конференциях, в том числе в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

На новом посту

В полночь 5 января 1941 года в середине необычайно холодной зимы в Виши, временную столицу Франции, прибыл новый американский посол.

Этим послом был я. Тогда после утомительной поездки на север из Мадрида в грязном, переполненном пассажирами поезде, вагоны которого не имели отопительной системы, я, вероятно, испытывал меньший энтузиазм в отношении своего нового назначения, чем любой другой работы, поручавшейся мне за сорок четыре года моей активной государственной службы.

Всего каких-то шесть недель назад мы с женой не спеша завтракали в губернаторской резиденции в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико, когда адъютант передал мне конфиденциальную телеграмму от президента Рузвельта.

В телеграмме президент, ссылаясь на серьезное положение, сложившееся в вишистской Франции, и опасность использования французского флота Германией, выражал надежду, что я приму его предложение поехать в Виши в качестве посла США во Франции.

Из книги Уильяма Леги «Я там был. Воспоминания начальника штаба президентов Рузвельта и Трумэна, основанные на его заметках и дневниках того времени».

Leahy W. D. I was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on Notes and Diaries Made at the Time. New York — London — Toronto, 1950. P. 6—10, 16—17, 39—42, 47—48, 49—50, 51, 53, 74—76, 79, 80, 84—89, 90, 92, 93, 94, 122—124, 195—198, 199—215, 216—217, 218, 430—435, 436—442.

Послание Рузвельта явилось для меня полной неожиданностью. В 1939 году, достигнув своего отставного 64-летнего возраста, я оставил пост начальника военно-морского штаба, и президент назначил меня губернатором Пуэрто-Рико.

Я следил за трагическим поражением Франции весной 1940 года, одинокой мужественной борьбой Великобритании и мучительно медленным пониманием американцами, что исход этой борьбы коренным образом скажется на будущем нашей страны. Передача 50 старых эсминцев Великобританин в обмен на право создать базы в Ньюфаундленде и на Вест-Индских островах, объявленная в сентябре 1940 года, представлялась мне самым ценным вкладом в нашу оборону после программы расширения военно-морского флота.

Трагическое сражение у Орана в начале июля 1940 года, когда англичане вывели из строя линкоры «Бретань» и «Дюнкерк», доставит мне позднее немало неприятностей, но в то время, будь я на месте английского адмирала, я тоже потопил бы французские корабли. На Пуэрто-Рико мы, конечно, внимательно следили за соблюдением статус-кво французских владений в Западном полушарии, особенно за близлежащим и стратегически важным островом Мартиника. Однако до получения телеграммы Рузвельта 17 ноября 1940 года мне и в голову не приходило, что вскоре я буду заниматься выполнением сложной и зачастую малообнадеживающей дипломатической миссии в Виши.

Однако для меня просьба президента имела приоритет над всеми другими соображениями, и я написал на обратной стороне телеграммы, что принимаю его предложение и смогу покинуть Пуэрто-Рико через неделю.

В двухчасовой беседе с президентом в его кабинете мы обсудили мою миссию, а Рузвельт изложил политику правительства США.

Главной моей задачей было удерживать, насколько это возможно, Францию на нашей стороне. Это означало убедить маршала Петэна, что интересам Франции более всего отвечает военное поражение стран «оси» — не очень-то легкое дело в свете той военной ситуации, которая существовала в конце 1940 года. Рузвельт прозорливо догадался, что Петэн не мог доверять своим министрам и не всегда знал, что те делают. Поэтому мне следовало сообщать Петэну ту добытую мною информацию, которую его министры, возможно, скрывают от него. Рузвельт подчеркнул, что 84-летний маршал по-прежнему весьма популярен среди французов и в соответствии с действующей французской конституцией его указания являются законом.

Мне было дано трудное поручение подробно разъяснить маршалу, что Соединенные Штаты будут продолжать оказывать Великобритании всевозможную помощь за исключением вступления в войну. Рузвельт знал о широко распространенных антианглийских настроениях во Франции, но я должен был объяснить, что Соединенные Штаты будут стремиться помочь любой стране, оказывающей сопротивление агрессии.

Президент хотел, чтобы я как «сторожевой пес» следил и пытался помешать Франции оказывать какое-либо содействие Германии сверх оговоренной в соглашении о перемирии. Он знал, что некоторые высокопоставленные представители вишистского правительства верят в неизбежность триумфа стран «оси» и из своих эгоистических соображений хотят оказаться на стороне победителя. Я должен был повторять всем и каж-

дому, что победа стран «оси» приведет к расчленению Французской империи и низведет Францию до положения вассального государства. (Позднее я обнаружил, что некоторые французы полностью смирились с подобным исходом и верили, что Гитлер сделает Францию своим «любимым» вассалом.)

Рузвельт напомнил о многочисленных заверениях, полученных США, относительно французского флота. Мы оба понимали важное значение французского флота для обороны Западного полушария. Мне поручалось добиваться новых обещаний, что этот флот ни при каких обстоятельствах не попадет в немецкие руки, и подчеркивать, что сохранение флота существенно важно для сохранения империи и восстановления независимости Франции. Президент еще ранее предупредил Виши, что Франция лишится традиционного доброго расположения и дружбы Соединенных Штатов, если передаст свой флот странам «оси». Я должен был напомнить об этом предупреждении, когда сочту это необходимым, а также предупредить военные действия Виши против англичан.

Что касается французских колониальных владений в Карибском море и Французской Гвианы, то мы намеревались продолжать нашу политику по поддержанию статус-кво. Мне надлежало настаивать на том, чтобы французские военные корабли, находившиеся в портах этих колоний, не покидали этих портов, и добиваться гарантий, что хранящееся на Мартинике французское золото стоимостью 245 млн долларов не будет использовано в какой-либо форме, выгодной для Германии.

Мы также были заинтересованы в сохранении французской администрации в Северной Африке, и мне поручалось сообщить, что Соединенные Штаты готовы соответствующим образом содействовать улучшению экономического положения этих французских территорий.

Я счел благоразумным получить эти указания в письменной форме. Президент охотно согласился, и подготовленные государственным департаментом инструкции были подписаны президентом и вручены мне Хэллом 20 декабря. <...>

Президент попросил меня регулярно информировать его о положении во Франции в конфиденциальных личных письмах. Первое такое письмо я направил 25 января 1941 года. Я изложил в нем свои впечатления о маршале Петэне и добавил, что принятое им на себя бремя обязанностей превышает его физические возможности и что он, по-видимому, не доверяет полностью своему кабинету министров. Я отметил, что Петэн болезненно реагирует на нажим немцев, особенно если он затрагивает миллион с лишним французских солдат, находящихся в немецких лагерях для военнопленных, продовольственное снабжение и полномочия правительства Виши. Однако я полагал, что Петэн попытается пунктуально выполнять условия перемирия.

Я подчеркнул, что неспособность Франции не то что остановить, а просто *задержать* немецкую армию произвела столь сильное впечатление на Петэна и членов его кабинета, что они считают английскую победу невозможной. Из-за этого многие высшие французские должностные лица склонны идти на любой компромисс с Берлином, и я опасаюсь, что под немецким нажимом маршал Петэн вновь включит в состав своего правительства изгнанного им премьер-министра Лаваля, хотя он и считает Лаваля бесчестным и непатриотичным и называет его «плохим французом».

В заключение я написал Рузвельту, что французские официальные лица без всякого уважения относятся к предвоенной форме правления во Франции, в том числе и сам маршал Петэн, который, по-видимому, отдает предпочтение режиму вроде фашистского правительства Италии, но без экспансионистских амбиций. <...>

Русский барометр

Все старые моряки внимательно следят за барометром. Успехи и неудачи гитлеровских армий в России стали для меня, моряка, ставшего дипломатом, барометром, предсказывавшим состояние непрочных отношений между Соединенными Штатами и вишистским правительством Франции.

Этот барометр показывал степень коллаборационизма со странами «оси» оппортунистической шайки политиканов, окружавших престарелого и подчас сбитого с толку маршала Петэна.

Когда нацисты наступали, эти политические деятели заискивали перед приспешниками фюрера. Они знали, что их посты и, возможно, шеи зависят от немецкой победы или по меньшей мере тупика на германо-русском фронте.

Труднее было измерить настроения в основном хранившей молчание массы французского народа, большинство которого, на мой взгляд, хотело победы союзников и должно было радоваться неудачам нацистов. Однако бремя голода и лишений заставляло эти миллионы французов мечтать главным образом о мире — любом мире.

Летом и осенью 1941 года ситуация для правительства Петэна складывалась неблагоприятно. Сирия и Индокитай были потеряны. Движение Сопротивления набирало силу. Атлантическая хартия укрепила моральный дух французов, слышавших, как Петэн официально хоронил Третью республику, а его главный министр адмирал Дарлан создавал прочную диктатуру. В конце июня все пытались предугадать, как вспыхнувшая германо-советская война отразится на их судьбе, и строили догадки об ее исходе.

Моей первой мыслью было, что Гитлер основательно увязнет в этой войне и тем самым даст Англии время улучшить свои оборонительные и наступательные приготовления и что Япония и Турция, возможно, втянутся в войну, прежде чем Германия сможет установить эффективный контроль над Украиной и восточными нефтяными источниками. Дипломатические представители дружественных государств зачастили в мою резиденцию, чтобы получить информацию о том, какую позицию американское правительство займет в отношении этой войны.

Я говорил им, что политика Соединенных Штатов направлена на уничтожение нацизма, и высказал уверенность, что вторжение в Россию не может привести ни к какому иному результату, кроме как поражению Германии и сравнительно быстрому миру. Никакой предварительной информации, что Гитлер собирается напасть на Россию, я не имел. Слухам я не придавал значения. В Виши можно было услышать слухи о чем угодно в любое время. Для меня этот шаг Гитлера явился неожиданностью — я не считал его настолько сумасшедшим, чтобы он мог пойти на это. Таково было мое личное мнение. Когда Гитлер напал на Россию, я знал, что начался его закат.

Мало кто разделял эту точку зрения. Мои выводы основывались на истории, а не на информации о численности или технической оснащенности Советской Армии. Наполеон был великим полководцем, а Гитлер им не был. Шведский король Карл XII тоже пытался завоевать Россию и потерпел поражение. Я взял за правило говорить каждому, с кем встречался, что более хорошие солдаты, чем немцы, пытались и не смогли нанести поражение России, вторгнувшись в нее. Большинство моих коллег, однако, ожидало быстрой немецкой победы. Ничто, говорили они, не смогло остановить вермахт, даже «великолепная французская армия». На мой же взгляд, «великолепная французская армия» отличалась пока что быстротой своих ног. Она едва спаслась, ударившись в бегство.

Когда Петэн и я обменивались мнениями 27 июня, маршал ожидал, что Германия сумеет захватить граничащие с Германией советские провинции и создать буферные государства. Он считал, что затем Гитлер выступит с предложением о мире или предпримет энергичную операцию против Великобритании. Петэн полагал, что побудительным мотивом решения Гитлера двинуться на Восток был его страх перед военным союзом между Англией и Россией.

Большинство французов, казалось, надеялись на поражение Германии, но не верили в это. Некоторые более прогермански настроенные и предположительно информированные лучше французские граждане утверждали, что Германия создавала революционную партию в недовольных Советской властью районах Советского Союза, прежде всего на Украине, и они ожидали, что целые слои населения этих районов перейдут на сторону немцев при первой благоприятной возможности.

Французские военные полагали, что германская кампания на Востоке завершится победой через два-три месяца. Вместе с Петэном они лелеяли надежду, что коммунизм будет отброшен в менее плодородные районы России, что правительство Сталина падет и что угроза коммунизма для Франции будет устранена. Не было сомнения, что так называемый «поход Гитлера против коммунизма» повысил его престиж в некоторых влиятельных кругах. Многие французские официальные лица, казалось, предпочитали нацизм угрозе господства коммунизма. Во Франции имелась группа коммунистов, но представители правительства, которым я наиболее верил, не ожидали серьезных восстаний. Тем не менее эти официальные лица испытывали подлинный страх перед коммунизмом. Сейчас эти страхи оправдались.

Я часто встречался с советским послом Богомоловым. Будучи русским дипломатом, он, вероятно, ловко вводил меня в заблуждение, но был весьма интеллигентным человеком по сравнению с другими сотрудниками его посольства. Он хорошо знал историю прошлых войн России, и 25 июня у нас состоялась длительная беседа, в ходе которой Богомолов подробно объяснил русские планы «глубокой обороны». Он привел астрономические данные о численности Советских Вооруженных Сил, количестве танков, самолетов, орудий и т. п., к которым я отнесся с откровенным скептицизмом.

Богомолов не имел военного опыта. Он был человеком профессорского склада, но многое знал о немецких методах ведения войны. Он сказал, что в случае необходимости будет повторена тактика выжженной земли времен Наполеона. Россия не ожидает нападения Японии, заметил он, но готова к такому событию. Когда он спросил, каким будет отношение

Соединенных Штатов к России в этой новой ситуации, я ответил, что, как полагаю, заявления Рузвельта свидетельствуют о полном сочувствии к странам, оказывающим сопротивление агрессии держав «оси». (По этому вопросу я не имел никакой информации из Вашингтона.)

Дарлан внезапно разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом в полдень 30 июня 1941 года, приказав сотрудникам советского посольства немедленно выехать из страны. Это была грубая беспрецедентная акция. Богомолов посетил наше посольство около 5 часов вечера и спросил, не возьмем ли мы на себя защиту советской собственности.

Я переслал эту просьбу в Вашингтон, прозрачно намекнув, что из-за моих сложных отношений с правительством Виши для меня было бы лучше, если бы какое-то другое правительство взяло на себя обязанности представлять советские интересы. У Богомоловых был маленький ребенок, и я добился им отсрочки отъезда на сутки. Они выехали поздно вечером 1 июля специальным поездом в порт Вандр, где должны были сесть на борт английского корабля.

Петэн направил в Париж адмирала Дарлана, чтобы попытаться добиться от немцев уступок в отношении демаркационной линии с учетом того, что главные силы Германии были скованы в России. Все русские во Франции были интернированы полицией. Уэллес мне сообщил, что Соединенные Штаты должны будут отказаться представлять советские интересы в Виши.

Празднование 4 июля Дня независимости Америки дало мне возможность публично высказать мое убеждение, что вторжение Гитлера в Россию сделало неизбежным его конечное поражение. Мы устроили в резиденции прием, на котором присутствовало около 70 гостей, включая журналистов и американских граждан, находившихся в Виши.

Тем временем военные действия в Сирии и Ливане между войсками правительства Виши и объединенными силами англичан и «Свободной Франции», как и ожидалось, закончились поражением Виши... 15 июля Франция была вынуждена отказаться от мандата, которым она владела 21 год, и передать контроль в Сирии и Ливане оккупационным армиям Англии и «Свободной Франции». <...>

От тех офицеров в военном министерстве Франции, которые не боялись поддерживать с нами контакт, мы получили сведения, что потери Германии в России к концу июля достигли 1 миллиона человек. Я не верил, что нацисты могут выдержать подобные темпы потерь в течение длительного времени. Некоторые антинацистски настроенные французы, с которыми я беседовал, считали, что зима парализует немецкие армии в России на несколько месяцев. Не исключено, что система снабжения немецких войск развалится с теми же последствиями, которые привели к краху русскую кампанию Наполеона. Один из журналистов в Виши, получавший сведения от немцев, рассказал мне, что Гитлер уже испытывает трудности в обеспечении своих войск провиантом, водой, бензином и боеприпасами.

Я попытался выяснить у Петэна его оценку военного положения на русском фронте, но Дарлан, вмешавшись в разговор, прочел лекцию о высокой боеспособности германской армии. Адмирал сказал, что английские и американские солдаты требуют бифштексов, а немцы могут обойтись несколькими приготовленными таблетками, а воду и горючее им доставят самолеты. <...>

12 сентября мы узнали из радиосообщений, что президент Рузвельт выступил с предупреждением, что немецкие и итальянские корабли, заходящие в американские воды, делают это на свой страх и риск. Он назвал немецкие подводные лодки «гремучими змеями Атлантики». Претворение этого предупреждения в жизнь, на мой взгляд, несомненно, должно было привести к состоянию необъявленной войны со странами «оси». Это заявление было воспринято французскими должностными лицами более серьезно, чем предыдущие заявления Рузвельта. В сочетании с отсутствием у немцев успеха в России это вызвало заметную перемену в позиции Виши по отношению к Соединенным Штатам. Проправительственная пресса умерила свои нападки на американского посла. «Барометр» поднимался. На одном из приемов, где присутствовал Петэн, маршал подчеркнуто дружелюбно уделил мне внимание. Виши несколько утратило уверенность в непобедимости Германии. <...>

В начале октября даже контролируемые немцами газеты признали, что русские временно остановили немецкое наступление. Согласно имевшейся у нас информации, потери стран «оси» составили 1700 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. К середине октября положение вновь изменилось, и Виши ожидало, что русские вскоре будут вынуждены оставить Москву. Барометрический эффект этой перемены нашел отражение в моем письме президенту 15 октября, в котором, в частности, говорилось:

«...Неожиданные трудности, с которыми немцы столкнулись в России, побудили официальных французских представителей в большей степени считаться с нашей точкой зрения, и их окончательная позиция зависит от исхода кампании в России.

В настоящее время сравнительно успешно начавшееся наступление на Москву и немецкие успехи на Украине заставили их начать подготовку к расширению сотрудничества со странами «оси». (Поступила надежная информация, что в Виши, Лионе и Марселе будут открыты немецкие консульства.) <...>

Ободряющие новости поступили с русского фронта 29 ноября 1941 года. Немцы были выбиты из Ростова-на-Дону. Это был первый реальный отпор, который получила крупная немецкая группировка войск. Этот местный успех советских войск, по-видимому, надежно преградил путь нацистскому броску к нефтяным источникам Кавказа. <...>

Миссия завершилась

Четыре человека стояли у руля печальных событий 1942 года. Во главе стоял 86-летний маршал Анри Филипп Петэн, пользующийся популярностью у миллионов французов. Будучи главою правительства Виши, он был неспособен противостоять нажиму завоевателей и положить конец интригам своего собственного кабинета министров. Хотя я не сомневался в том, что Петэн искренне верил, что лучшим вариантом для Франции является дружба с США, у него не было сил сопротивляться требованиям уступок «оси».

С начала года фигура Пьера Лаваля висела как зловещая тень над Виши. Бывший премьер-министр был проницательным и умелым политиком, сде-

лавшим ставку своего будущего и Франции на победу «оси». Он был в фаворе у германских оккупационных властей. 1942 год явился испытанием силы между Германией и США в Виши. Это противоборство должно было закончиться в апреле временной победой Лаваля, когда немцы вынудили Петэна вернуть Лаваля в правительство, что повлекло за собой мой отзыв в Вашингтон.

Третьей фигурой, также честолюбивым и способным политиком, был адмирал Франсуа Дарлан, явный преемник Петэиа. Поскольку военная ситуация во время большей части моего пребывания во французской столице складывалась в пользу «оси», Дарлан обычно был моим дипломатическим оппонентом, хотя мы сохраняли сердечные личные отношения. Еще до конца года Дарлаи решил, что силы США явио перевесят Гитлера, и в критический момент он перешел на нашу сторону.

Четвертой фигурой был геиерал Шарль де Голль, чье движение Сопротивления англичане хотели использовать как эффективную военную силу против Гитлера. Подобно Лавалю и Дарлану де Голль жаждал власти...

Была еще и пятая фигура, иа которую США возлагали иесбыточные иадежды, что он может стать доминирующей фигурой, вокруг которой можно было организовать эффективиое сопротивление Германии. Это был генерал Максим Вейган.

Днем 12 января второй секретарь дипломатической миссии США в Лиссабоне Геири П. Леверич прибыл в Виши с секретными устными инструкциями от президента Рузвельта. Мы должны были предложить Вейгану вернуться обратио в Севериую Африку и прииять там командоваиие при полной военной и экономической поддержке США. Мое письмо президенту от 25 яиваря убило всяческие иадежды, которые Вашингтон мог возлагать иа генерала Вейгана. Я писал: «Вейган был любезен и вежлив, но отказался от иаших предложеиий. Он сказал, что является частным лицом без официального статуса и абсолютио лоялен по отношению к маршалу. Макартур, третий секретарь, попросил Вейгана сохранить это предложение в тайне. Однако Вейган ответил, что его верность Петэну делает необходимым иформировать маршала об этом, сохранив от других все в тайне. У меня иет гарантий, что это ие станет достоянием германских властей». Я также сказал президенту, что командующие армиями в Северной Африке, которые были людьми Вейгана, были заменены новым командованием, преданным полностью Виши. <...>

С самого начала 1942 года Германия терпела большие военные неудачи. В России и в Ливии силы «оси», казалось, были полностью разбиты. На востоке Япония успешно проводила военные акции иа Филиппинах, в Индокитае и в Малайе. Я верил, что эта тендеиция иа востоке прекратится, как только американский флот, сильно пострадавший в Пёрл-Харборе, снова будет введен в строй. С возрастанием военной и индустриальной мощи демократических стран, действовавших в полном согласии, казалась разумной иадежда, что 1942 год может стать свидетелем поражения агрессоров и таким образом принесет на Землю мир.

Мы услышали термин «Объединенные нации» первый раз 3 января *.

---

* Это название стало применяться к 26 государствам, подписавшим 1 января 1942 года Декларацию Объединенных наций (СССР, США, Великобритания, Китай и др.). Подписавшие Вашингтонскую декларацию государства обязались

Радиобюллетень объявил, что 26 наций подписали в Вашингтоне соглашение употребить все свои силы — военные и экономические — против Тройственного союза и дали обязательство не заключать сепаратных мирных договоров со странами «оси». Однако во Франции тем не менее на это сообщение отреагировали малозаметно. <...>

Возможность германского поражения в России встревожила маршала Петэна, который боялся, что за этим последует коммунистическое восстание в Европе. Один из слухов утверждал, что французский генеральный штаб пришел к выводу, что Германия не может победить и что Америка будет решать условия мира. Нам передали, что Германия настаивает на том, чтобы Франция прервала торговые отношения с США. Потом последовали противоположные донесения, что нацисты не хотят никакого разрыва, а хотят использовать Францию в качестве возможного посредника по выработке мирных предложений. <...>

В марте 1942 года мы получили информацию из нескольких источников, что, если бы в это время во Франции высадился экспедиционных корпус союзников, его немедленно бы поддержали более чем 100 тыс. солдат, находящихся в неоккупированной зоне, которые «ждут возможности сражаться с немцами и которые под компетентным руководством будут действовать более успешно, чем это было в 1940 году» (письмо к Уэллесу, 15 марта).

На пасхальное воскресенье радио объявило, что США формально признали контроль де Голля во Французской Экваториальной Африке. Эта акция не могла не вызвать раздражение вишистского правительства, что создало новые трудности в наших дипломатических отношениях. Тем не менее 27 марта Уэллес информировал меня, что США, с одной стороны, придерживались политики оказания помощи Свободной Франции и в то же время пытались заставить Виши сдержать свои обещания не отдавать флот и не делать Францию доступной для военных операций «оси». Уэллес со значением добавил: «Наступит время, когда эти две политики будут больше несовместимы».

4 апреля правительство Петэна начало широко разрекламированную кампанию в связи с созданием «новой армии». В сопровождении наших военных и морских атташе вместе со многими другими моими коллегами мы присутствовали на церемонии открытия экспозиции. Экспонаты производили жалкое впечатление, так как это были в основном фотографии и плакаты устаревших типов самолетов, в отделе вооружений и амуниции экспонаты отсутствовали.

Зрелище действительно было жалкое. Петэн был героем первой мировой войны. Он командовал великой армией. Он стал главою государства. Теперь у него не было ничего. По соглашению о перемирии Франции разрешалось иметь армию в 100 тыс. человек, но было ясно, что на добровольной основе такую армию создать не удастся. Попытка продемонстрировать военную мощь со всей очевидностью показала степень поражения Франции...

17 апреля в Виши стало известно, что «вражеские самолеты неизвест-

---

употребить все свои экоиомические и воеииые ресурсы против тех члеиов Тройствеииого пакта и присоединившихся к нему стран, с которыми оии находились в состояиии войны, а также сотрудничать друг с другом и ие заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами.— *Прим. перев.*

ной принадлежности» бомбили Токио, Иокогаму, Нагою и Кобе. Это могло бы способствовать предпринимаемым нами попыткам удержать воздушные силы Японии на своей территории, но это могло вызвать ответный бомбовый удар по городам тихоокеанского побережья США. Когда Дэвид Дэррег, корреспондент «Чикаго трибюн», аккредитованный в Виши, вернулся из отпуска, проведенного в США, он сказал нам, что на восточном побережье, похоже, не понимали тяжести военного бремени для американского народа так, как это понимали на западном побережье...

В течение всего марта распространялись слухи о крупных перестановках в правительстве Виши. Утверждали, что произойдет полная перестановка в правительстве, в результате которой в правительство войдут люди, более угодные Германии.

26 марта Ральф Хайнцен из Юнайтед Пресс сообщил нам, что Лаваль тайно встретился с Петэном близ Виши. В тот же самый день г-н Шалврон, один из наших друзей в МИД Франции, сообщил, что он абсолютно уверен, что Лаваль вернется в правительство и что уже достигнуты контакты через зятя Лаваля Рене де Шамбрена.

Наиболее важной казалась информация, что Германия впредь не будет вести переговоры с правительством маршала Петэна и что изменения произойдут в указанные Германией сроки. Вашингтон был в курсе как фактов, так и слухов. 28 марта я был уполномочен сообщить Петэну о том, что президент Рузвельт считает, что назначение Лаваля на ответственный пост в правительстве Виши сделает невозможной дальнейшую помощь США Франции...

Было ясно, что надвигался политический кризис. Проводилось множество тайных встреч и бесед. Я передал Уэллесу информацию, полученную от Хайнцена, человека, близкого к Лавалю, которому я вполне доверял. Мое письмо заканчивалось словами:

«Ввиду того, что установление надежных связей с правительством Франции будет несомненно способствовать интересам союзников, с этой точки зрения немедленный разрыв дипломатических отношений в случае возвращения Лаваля в правительство окажется нежелательным, а отзыв американского посла в Вашингтон и назначение Така исполняющим обязанности посла в Виши произведет желаемый эффект на французскую общественность, что будет способствовать успеху военных действий союзников больше, чем разрыв дипломатических отношений»...

14 апреля Хайнцен сообщил нам, что в полночь Петэн принял решение под давлением Германии назначить Лаваля вице-председателем Совета министров, поручив ему четыре министерства — иностранных дел, внутренних дел, национальной экономики и пропаганды. На следующий день, 15 апреля, в прессе было объявлено, что Петэн, Лаваль и Дарлан договорились о создании нового правительства. Лаваль выехал в Париж для дальнейших переговоров с немецкими властями...

16 апреля Вашингтон телеграфировал мне, что я буду отозван для консультаций в США вскоре после возвращения Лаваля на ответственный пост в правительстве Виши. В субботу вечером маршал Петэн официально объявил об образовании нового правительства под руководством Пьера Лаваля... Адмирала Дарлана в состав кабинета не включили, но ему разрешили считаться официальным преемником маршала и дали пост главнокомандующего вооруженными силами Франции. <...>

1 мая я выехал в Лиссабон через Мадрид, а оттуда на шведском пароходе отбыл в Нью-Йорк и ровно через месяц снова ступил на американскую землю. <...>

По прибытии в Вашингтон я доложил о своем возвращении государственному секретарю Хэллу и его заместителю Уэллесу... Президент принял меня в Белом доме 5 июня. Он сказал, чтобы я отдохнул, прошел медицинское обследование, подробно познакомился с военным положением, а на следующей неделе на завтраке мы обсудим некоторые задания, которые он хочет мне поручить...

Моя последняя беседа как американского посла во Франции с госсекретарем Хэллом состоялась 21 июля. Я повторил свои рекомендации, что мы должны сохранить дипломатические отношения с французским правительством в Виши. Я заявил Хэллу, что их разрыв в настоящее время не сулит выгод нашим военным усилиям и может нанести им ущерб. Эта политическая линия была сохранена, и дипломатические отношения с Соединенными Штатами порвало французское правительство, когда американские войска высадились в Северной Африке 8 ноября 1942 года.

Мое прошение об отставке было направлено в Белый дом 18 июля. Продолжительная и временами трудная миссия, которая началась с телеграммы Рузвельта в ноябре 1940 года, закончилась. Французский флот попрежнему оставался недосягаемым для стран «оси». Гитлер так и не получил существенной военной и экономической помощи от неоккупированной Франции; важные базы в Северной Африке по-прежнему находились под контролем Франции. Миссия была завершена, к полному удовлетворению моего личного друга президента Рузвельта, который призвал меня обратно на действительную военную службу. Он выразил свое удовлетворение в письме о принятии моей отставки как посла США во Франции.

Белый Дом
Вашингтон 20 июля 1942 г.

Мой дорогой адмирал.

Призывая вас на действительную военную службу в качестве Начальника штаба Главнокомандующего армией и военно-морским флотом Соединенных Штатов, я принимаю вашу отставку посла во Франции.

Делая это, я хочу, чтобы вы прежде всего знали о моем глубоком удовлетворении тем, как вы выполнили чрезвычайно трудное поручение в исключительно трудное время, а также той хорошей согласованностью нашей национальной политики в отношении Франции в период вашего пребывания на посту посла.

Как говорят на флоте — «хорошо сделано»

Ваш постоянный и искренний друг
Франклин Д. Рузвельт <...>

* * *

Во второй половине 1942 года наиболее важным вопросом был следующий: смогут ли русские остановить немцев и когда они это смогут сделать?

В то время как Объединенный совет начальников штабов завершил подготовку к кампании в Северной Африке и работал над планами по созданию

второго фронта, поступавшие из России ежедневные сводки о ходе боев внимательно изучались нами. Советские войска продолжали отступать из Донецкого бассейна к Волге. Гитлер отчаянно рвался к нефтеносным районам Ближнего Востока. 1 сентября перед нами с докладом о положении выступил Аверелл Гарриман.

Гарриман заявил начальникам штабов, что, по его мнению, Россия будет продолжать вести борьбу, но тон его высказываний посеял некоторые сомнения, надолго ли хватит у русских сил. Многие наши официальные лица, включая группу представителей госдепартамента, опасались, что Россия начнет переговоры с Германией и заключит мир. Вообще всегда трудно предугадать, как могут поступить русские. Однако я не верил, что Сталин запросит мира. Если бы я знал Сталина тогда так, как узнал его позднее, мое неверие превратилось бы в убежденность. Фактически положение русских хотя и было тяжелым, но отнюдь не безнадежным. Советские войска избежали окружения и, казалось, отступают в типичной для русских манере. Даже если бы немцам удалось захватить Сталинград, они все равно были бы еще очень далеки от того, чтобы нокаутировать Россию. Гитлеровские армии все дальше и дальше втягивались в огромное пространство. Я не верил, что немцы могут выиграть войну, проникнув в центральные районы России. Они делали то же самое, что сделал Наполеон, но в более широких масштабах.

Для нас было невозможным ослабить этот натиск вторжением в Европу в 1942 году, но мы прилагали напряженные усилия, чтобы доставить в Россию различного вида снаряжение. <...>

В середине осени 1942 года советские армии наконец остановили немцев в Сталинграде, а затем предприняли успешное контрнаступление, в результате которого армии Гитлера потерпели первое крупное поражение за всю войну. <...>

Каир, Тегеран и невыполненное обещание

Президент Рузвельт не имел суеверных предубеждений против числа 13, которое многие люди считают роковым, но разделял суеверие моряков, что пятница является несчастливым днем для выхода корабля в море. Поэтому гигантский линейный корабль «Айова» оставался вечером в пятницу 12 ноября 1943 года на своей стоянке в порту Хэмптон-Роудз, Вирджиния, и тронулся в путь только в 24.01 в субботу, 13 ноября, держа курс на Оран.

Мы вскоре вышли из Чезапикского залива и направились к Гибралтарскому проливу, эскортируемые тремя эсминцами, со скоростью 25 узлов.

«Айова» был нашим новейшим, наиболее мощно вооруженным линейным кораблем водоизмещением 45 тыс. тонн. Способный развивать скорость до 33 узлов, линкор должен был пройти сквозь кишащие немецкими подводными лодками воды Атлантики без особой опасности для себя.

Были предприняты все меры по обеспечению секретности экспедиции. Никакая связь с берегом не разрешалась. Надеялись, что президент и его штаб смогут достичь Орана в Африке прежде, чем противник узнает о

его местопребывании и планах. Вместе с президентом на борту «Айовы» находились генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд, генерал-лейтенант Сомервелл и около 50 американских штабных офицеров, имевших более низкие воинские звания.

Рузвельт был в приподнятом настроении. Он с интересом ждал своей первой встречи с премьером Сталиным. Президент пользовался самолетом, когда это было необходимо, но больше всего он любил морские путешествия. Он обедал в капитанской каюте со своей личной свитой — Гарри Гопкинсом, вице-адмиралом Уильсоном Брауном, доктором Россом Макинтайром, генерал-майором «Папашей» Е. М. Уотсоном и мною.

Рузвельт всегда любил военные маневры, и на второй или третий день нашего путешествия на «Айове» были проведены артиллерийские учения, в которых участвовали все зенитные орудия корабля. Эскортирующие эсминцы маневрировали, отражая «воздушную атаку». Президент находился на палубе около своей каюты, где он часто сидел в кресле в течение дня. Мы обсуждали какие-то детали, связанные с этими маневрами, когда внезапно из громкоговорителя донеслась следующая команда, отданная орудийным расчетам.

— Это не учеба, *повторяю* — это *не* учеба!

Мгновенно стволы зенитных орудий опустились вниз и открыли ураганный огонь, стреляя в водное пространство между нами и одним из эсминцев. Мощные турбины корабля прибавили обороты, линкор резко изменил курс и стал быстро набирать скорость. Нам тут же сообщили, что один из эскортирующих нас эсминцев, совершая учебную атаку на «Айову», случайно выпустил торпеду.

Никакой попытки увести президента с палубы не предпринималось. Он продолжал сидеть в кресле, не проявив ни малейшего волнения, кроме живого интереса. Мы наблюдали, как стреляют батареи, и один из офицеров «Айовы» сообщил нам, что орудия используются расчетами, чтобы поразить торпеду, которую они не могли видеть, но местонахождение которой они приблизительно знают. Канонада продолжалась, как нам показалось, довольно долго, а затем мы услышали взрыв — несомненно, взорвался боевой заряд торпеды. По звуку взрыва можно было определить, что взорвалась торпеда поблизости от «Айовы».

Корабль вернулся на прежний курс. За обедом основной темой разговора было это происшествие, все высказывали удивление, как это могло случиться. Я до сих пор не знаю, как эта торпеда была выстрелена из торпедного аппарата. Нам сообщили, что эсминец, обнаружив, что произошло, тут же радировал «Айове». К счастью, времени оказалось достаточно, чтобы линкор мог предпринять противоторпедный маневр и тем самым уменьшить потенциальную опасность для президента.

Эта торпедная угроза напомнила мне о другом эпизоде в феврале 1939 года, когда я, как начальник штаба военно-морского флота, находился вместе с Рузвельтом на борту крейсера «Хьюстон», стоявшего на якоре у острова Сент-Томас в Карибском море. «Хьюстон» входил в состав флота «синих» во время известных военно-морских учений, проходивших в районе Карибского моря. Мы сидели с президентом в каюте, анализируя «оперативные донесения», передававшиеся по радио на наш корабль. Внезапно я получил радиосигнал «плохие новости». Я повернулся и сказал: «М-р Президент, мы только что были потоплены подводной лодкой противника».

Рузвельт от душн расхохотался. «Это очень плохо, Билл»,— сказал он, и мы продолжалн с ннтересом следить по картам за дальнейшнм ходом бнтвы. («Хьюстон» был действительно потоплен японцами в сражении в Яванском море в начале 1942 года.)

Совещания штабных работников на борту «Айовы» во время перехода велись почти ежедневно: завершалась подготовка к предстоящим ответственным переговорам с англичанами и нашимн кнтайскими союзниками в Канре н к встрече «большой тройкн» в Тегеране. Несколько ранее в ходе планнрования мы рекомендовали передать все стратегнческие военно-воздушные силы, находящиеся в Англнн, под контроль офнцера в верховном командованни операцией по вторженню через Канал во Францию. Мы попроснли англичан изложить их мненне. В первый день нашего выхода в море мы получнлн ответ от английскнх начальников штабов. В нем говорилось о невозможности вывести какую-лнбо значительную часть имеющихся английских ВВС из-под контроля штаба воздушного командования в Англии. Англичане упорно придерживалнсь своего совершенно неудовлетворнтельного метода использованяя военно-воздушного компонента сил вторжения.

Единство командования всеми нмеющимися снлами — сухопутными, морскнми и воздушнымн — было необходнмо для достижения успеха. Я был намерен, еслн англичане будут настанвать на сохранении оперативного контроля за Королевскими воздушнымн снлами в Англин, потребовать, чтобы амернканскне ВВС были полностью отделены от английских и переданы верховному командующему снламн союзннков в этом районе.

Объединенный совет начальников штабов выработал перечень вопросов, которые презндент должен был обсудить с Чан Кайши, Черчиллем и Сталиным. Особенно много времени потребовал вопрос о разделе Германин после ее капитуляции на отдельные сектора, в которых будет осуществляться военный контроль над гражданской адмнннстрацией Соединенными Штатами, Великобританией н Советскнм Союзом в выделенных им соответствующих зонах.

Мы готовились к рассмотренню английскнх возраженнй протнв операции в Бирме, особенно ее десантной фазы, но президент, казалось, был твердо настроен, чтобы мы выработалн наилучшнй план поддержки военных усилий Кнтая. В качестве возможной альтернатнвы адмирал Кинг выдвннул ндею высадкн десанта на Малаккском полуострове севернее Сингапура и захвата Бангкока. Мы также хорошо понимали, что потребуется больше десантных судов, чем в то время нмелось в нашем распоряжении для крупных десантных операций. Пока шли этн совещання, «Айова» продолжала свой путь, море было спокойным, а погода превосходной.

Угроза подводных атак сохранялась, особенно на последнем отрезке нашего пути, по мере приближения к Орану она еще более возросла. В 60 милях от берегов Марокко к нашей эскадре присоединились крейсер «Бруклин» и шесть эсмннцев, обеспечнвшнх дополнительную защиту. В небе над «Айовой» патрулировали наши самолеты.

Нацисты, очевндно, ничего не зналн о том ценном прнзе, который оказался в радиусе действня нх авнацин н подводных лодок. Однако эту часть путн мы проделали без происшествий н в 8 часов утра 20 ноября 1943 года благополучно сталн на якорь под защитой протнвоторпедных сетей в порту Мерс-эль-Кебнр.

Нас приветствовал улыбающийся генерал Эйзенхауэр, обрадованный встречей со своим верховным главнокомандующим, и вся наша группа была доставлена автомашинами на аэродром около Орана, а оттуда на четырех самолетах мы вылетели в Тунис...

После однодневной остановки в Тунисе президент и вся сопровождавшая его делегация на четырехмоторном транспортном самолете вечером 21 ноября вылетели в Каир. Спать в кресле транспортного самолета, мягко говоря, было неудобно, и я был более чем рад, когда мы приземлились на английском аэродроме в 15 милях от Каира. Добравшись до Каира, мы узнали, что генералиссимус Чан Кайши с женой уже прибыл туда, а английский премьер-министр и его штаб находятся в Каире два дня. Мы не сомневались, что Черчилль с выгодой для себя использовал эти два дополнительных дня. Президент с несколькими сопровождающими поселился на вилле, принадлежавшей американскому посланнику Кэрку. Мы готовились к напряженной и, вероятно, насыщенной полемикой конференции.

Вечером того же дня Черчилль, адмирал лорд Льюис Маунтбэттен, Гопкинс и я были приглашены на обед к президенту. После обеда подъехали начальники штабов, входившие в Объединенный совет начальников штабов, и мы быстро приступили к делу. Маунтбэттен изложил свои планы и перечислил то, что ему потребуется для проведения кампании в Бирме, которая была поручена ему на Квебекской конференции в августе 1943 года.

На следующий день (23 ноября) объединенные начальники штабов встретились на вилле с Рузвельтом, Черчиллем, Чан Кайши и его женой, чтобы обсудить на высшем уровне бирманскую кампанию. Маунтбэттен подробно изложил план кампании, разработанный его штабом, но еще не утвержденный Объединенным советом начальников штабов. Генералиссимус не высказал никаких возражений, но и не выразил одобрения. Он хотел знать, какие военно-морские силы будут выделены во время планируемого нами наступления в Бирме. Англичане не смогли предоставить эту информацию. Чан Кайши хотел, чтобы Рангун был захвачен. Английские эксперты перечислили многочисленные реальные трудности, связанные с попыткой захвата Рангунского порта.

На вечернем заседании к нам присоединились китайские начальники штабов, чтобы продолжить обсуждение бирманской кампании. Вероятно, выполняя полученные указания, они уклонились от высказывания каких-либо замечаний или рекомендаций. Они заявили, что не имели достаточно времени, чтобы тщательно изучить предлагаемый план. Однако китайские генералы, по-видимому, были хорошо информированы о состоянии дел и знали, чего хотят — достаточной помощи, чтобы изгнать из Бирмы японцев и восстановить прерванные наземные коммуникации с Китаем...

На совещании Объеднненного совета начальников штабов 24 ноября Черчилль произнес длинную, но не убедительную речь об операциях в Эгейском море и против острова Родос. Американские начальники штабов полностью отвергли эту идею еще несколькими неделями ранее, но премьер-министра нелегко было обескуражить.

Во второй половине дня я принимал участие в приеме, который президент дал ряду гостей. Одного за другим для 15-минутной беседы президент принял: премьер-министра Турции, короля Греции, английского посла

в Турции, югославского короля Петра II в сопровождении Пурича... Вечером на обеде у президента присутствовали также американские послы — Лоренс Штейнгардт из Анкары и Аверелл Гарриман из Москвы.

25 ноября, в День благодарения, на заседании Объединенного совета начальников штабов наши английские коллеги выдвинули встревожившее нас предложение отсрочить вторжение через Ла-Манш, чтобы нарастить усилия в Эгейском море и в Турции. С присущим им бульдожьим упорством англичане не хотели отказываться от желания сохранить господствующее влияние в восточной части Средиземного моря. Американские начальники штабов, следуя полученным от президента указаниям, не согласились на отвлечение каких-либо полезных сил от операции «Оверлорд». И на этот раз никакого решения достигнуто не было.

В День благодарения английские офицеры организовали специальную церковную службу в соборе Всех Святых, желая сделать приятное всем прибывшим в Каир американцам. Один из наших скептиков назвал этот жест вежливости примером «ленд-лиза наоборот»...

Заседание Объединенного совета начальников штабов во второй половине дня 26 ноября было целиком посвящено обсуждению английского предложения об отказе от запланированной десантной операции в Индийском океане в связи с кампанией в Бирме. Рузвельт обещал Китаю, что эта десантная операция против стратегически важных Андаманских островов будет проведена как часть общего наступления с целью освобождения Бирмы.

Премьер-министр, казалось, был преисполнен решимости изъять английские десантные суда из этой операции. Временами полемика на заседании носила обостренный характер. Выполняя указания Черчилля, английские начальники штабов во главе с Бруком настаивали, что Андаманская операция не может быть проведена. Я заявил английским коллегам, что американские начальники штабов не могут отказаться от нынешней позиции без приказа президента. В это же самое время президент, премьер-министр и Чан Кайши проводили свое совещание, вероятно, обсуждая этот же вопрос. Мы знали, что Чан Кайши будет отстаивать свое требование об операции против Андаманских островов, и полагали, что президент поддержит его вопреки возражениям Черчилля.

Англичане, очевидно, не проявляли столь глубокого интереса к Китаю, как мы. Они, по-видимому, не учитывали тот факт, что победа над Японией потребует гораздо больше кораблей и жизней, не говоря уже о долларах, если плохо оснащенные и не обеспеченные провиантом армии Чан Кайши не будут продолжать борьбу.

Китайцы не часто выигрывали сражения. За исключением горсточки обученных американцами дивизий, они, может быть, не очень-то хорошо воевали, но нельзя было не считаться с тем, что Чан Кайши имел под ружьем несколько миллионов человек и заставлял Японию держать в Китае крупную постоянную армию и снабжать ее. Американские начальники штабов были убеждены, что поддержка Китая необходима с точки зрения нашей собственной безопасности и успеха дела союзников. Когда мы закончили эти малопродуктивные переговоры Объединенного совета начальников штабов в Каире вечером 26 ноября, вопрос об оказании обещанной нами поддержке Китаю путем проведения необходимых операций по освобождению Бирмы так и остался нерешенным. Это обяза-

тельство было принято нами еще несколько месяцев назад. Чан Кайши улетел из Каира в Чунцин, полный ожиданий, что союзники выполнят свои обещания.

Мы вылетели из Каира в 7.00 утра, после того как в течение трех часов ждали, когда рассеется утренний туман.

Наш маршрут проходил над Палестиной, погода была великолепная. Самолет снизился и медленно прошел над Вифлиемом, Иерусалимом, Иерихоном, над рекой Иордан — названия, глубоко засевшие в моей памяти с детства. Святая земля с воздуха выглядела пустынной и безжизненной. Возможно, после сорока лет скитания в пустыне любое место, имевшее даже небольшой источник воды, могло показаться «обетованной землей». Кто-то в самолете высказал предположение, что когда пророк Моисей увидел с вершины горы конечный пункт долгого путешествия, он предпочел покончить с собой, чем взять на себя ответственность за обещанную им «обетованную землю», которую найдут здесь его измученные скитаниями последователи.

В отличие от этих мест, широкие долины междуречья Евфрата и Тигра восхищали своей яркой зеленью и плодородием.

После шести с половиной часов лета над территорией с ее богатой историей, ведущей отсчет от первых дней человеческой цивилизации, мы достигли Тегерана и совершили посадку в аэропорту. Президента и сопровождающую его группу затем отвезли в американскую дипломатическую миссию.

На следующее утро (28 ноября) советские представители сообщили нам о слухах относительно того, что могут быть предприняты попытки убить Рузвельта во время его нахождения в Тегеране. Такая опасность, в частности, может возникнуть во время его поездок по улицам города на конференцию, которая будет проходить на территории советского посольства, находящегося примерно в двух милях от американской миссии. Само собой разумеется, наша собственная разведывательная служба была обеспокоена. Главная транспортная магистраль в Тегеране, насколько я помню, была сравнительно широкой, но примыкавшие к ней улицы и переулки узкими. Из разговоров с генералом Хэрли, несколько раз посещавшим Иран, я знал, что, хотя шах был на нашей стороне, в стране имелись опасные враждебные элементы.

Советские представители, сообщившие нам сведения о возможности покушения на жизнь президента, также передали приглашение от маршала Сталина, чтобы Рузвельт переехал в здание, находящееся на территории советского посольства. Рузвельт принял это приглашение, и были предприняты меры для переезда. Американские и советские военные патрули были выставлены вдоль обычного маршрута, ведущего в советское посольство, и кавалькада автомашин под охраной вооруженного эскорта отправилась в путь из американской миссии, якобы перевозя президента США в безопасное место. Фактически же этот караван был тщательно продуманным камуфляжем.

Вскоре после его отъезда президент, Гарри Гопкинс и я вместе с сидевшим за рулем агентом нашей разведывательной службы выехали из миссии в автомашине без какого-либо эскорта. Мы ехали на большой скорости по петлявшему обходному маршруту, частично по немощенным дорогам. Мы мчались так быстро, что, несмотря на более длительный маршрут,

наша автомашина прибыла в советское посольство прежде, чем хорошо защищенный караван завершил свой двухмильный путь.

Президент явно наслаждался этим необычным приключением, считая эту уловку скорее забавной проказой, чем серьезным маневром по предотвращению покушения на его жизнь.

После того как расположенное на территории советского посольства ранее не использовавшееся здание было приведено в порядок, оно превратилось в довольно комфортабельное жилое помещение. Советское посольство и окружавший его сад находились под круглосуточной охраной значительного числа специально обученных агентов, которые останавливали всех. У нас имелись особые пропуска на русском языке, на которых мы могли распознать только наши имена. Нам рекомендовали немедленно останавливаться, если нас окликнут. Рекомендация пунктуально соблюдалась, и никаких «инцидентов» у нас не было.

Первое пленарное заседание «Эврики» — кодовое название Тегеранской конференции — началось в 16.00 28 ноября. Главы двух самых мощных государств в мире встретились впервые сорока пятью минутами ранее. Рузвельт и Сталин, по-видимому, успели хорошо познакомиться друг с другом, когда премьер-министр Черчилль, английские и американские начальники штабов вместе с Гопкинсом вошли в зал. Черчилля сопровождал Антони Иден. Народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов и маршал К. Е. Ворошилов присоединились к Сталину. Рузвельт председательствовал и первым выступил на конференции.

Рузвельт начал с краткого общего обзора стратегических концепций, выработанных на предыдущих англо-американских конференциях. Он заявил, что Соединенные Штаты, так же как Советский Союз и Британская империя, надеются на быструю победу в Европе. На Тихом океане Соединенные Штаты несут основное бремя войны, получая определенную помощь от англичан. Наша стратегия состоит в истощении сил врага, продвижении на южных островах и сдерживании японцев вдали от американской территории. До настоящего времени, подчеркнул Рузвельт, эта тактика была успешной в достижении поставленной цели.

Говоря о Китае, президент отметил важность удержания нашего восточного союзника в состоянии войны с Японией. Этому в скором времени должна помочь решительная операция по освобождению Бирмы, руководить которой будет адмирал лорд Маунтбэттен.

В Европе, продолжал Рузвельт, стратегия Соединенных Штатов на протяжении последних полутора лет состоит в том, чтобы ослабить немецкий нажим на советском фронте, но окончательные планы по достижению этой цели были невозможны, пока конференция в Квебеке не установила в качестве даты вторжения через Канал в Нормандию май 1944 года. Несомненно, имея в виду аргументы, которые выдвинет Черчилль, Рузвельт добавил, что многие высказываются в пользу дальнейших операций в Средиземном море, но он убежден, что решающее вторжение во Францию в мае не должно тормозиться какими-либо подобными второстепенными операциями.

Сталин затем в кратком, но конкретном выступлении указал, что Италия не является подходящим театром, чтобы предпринять наступление непосредственно на Германию. Однако он считал, что в Средиземном море необходимо обеспечить свободное плавание судов союзников. Все аме-

риканцы и англичане, навострив уши, не отрывали глаз от советского руководителя. Большинство из нас видели и слышали его впервые. Я заметил, что Черчилль не всегда ждал, когда превосходный советский переводчик закончит перевод того, что сказал его руководитель, и, по-видимому, улавливал существо высказываний Сталина. Позднее я узнал, что премьер-министр знал немного русский язык и частично понимал, что говорил Сталин, хотя сам никогда не пытался говорить по-русски. Маршал говорил спокойно, не жестикулируя, и, судя по переводу, уверенно излагал свои мысли.

Черчилль начал свое выступление с заявления, что Соединенные Штаты и Великобритания давно договорились о вторжении в Нормандию, что задержка весьма огорчительна, но сейчас они намерены провести эту операцию весной или летом 1944 года. Без всякой паузы премьер-министр затем заговорил о возможных районах операций против нацистов во всех частях Европы и, в том числе, о желательности убедить Турцию вступить в войну. Затем он спросил, не представляют ли какие-нибудь операции в восточной части Средиземного моря достаточный интерес, чтобы задержать на два-три месяца планируемую десантную операцию через Канал.

Сталин быстро дал ответ, в котором поставил под сомнение разумность распыления сил союзников. Он не верил, что турок можно будет убедить объявить войну, и сказал, что все имеющиеся дополнительные силы союзников можно было бы с успехом использовать для одновременной фланговой десантной операции в Южной Франции в качестве поддержки вторжения в Нормандию. Он считал операцию в Южной Франции гораздо более важной для успеха союзников, чем захват Рима. Черчилль в ответ выдвинул интересный аргумент в пользу захвата Рима и аэродромов севернее Рима, которые можно было использовать для наращивания воздушных налетов авиации союзников на Центральную Европу. Заседание закончилось без принятия каких-либо важных решений.

Первое заседание прошло в приятной, вежливой и благожелательной обстановке. Трое руководителей изложили свои соответствующие точки зрения и выслушали друг друга. Русские и американцы, казалось, почти достигли согласия по основным принципам стратегии, которую предстояло провести в жизнь. В руках этих трех человек, собравшихся за столом в советском посольстве в Тегеране, находилась судьба миллионов людей, сведенных в самые крупные армии и военно-морские флоты, когда-либо создававшиеся для войны до настоящего времени. Однако атмосфера на этом первом заседании была более спокойной, чем та, которая может царить на штабном совещании на борту корабля или военной базе.

После окончания заседания мы заговорили между собой о Сталине. Большинство из нас до встречи с ним считали его бандитским главарем, который пробился на высший пост в своем правительстве. Это впечатление было ошибочным. Мы сразу же поняли, что имеем дело с весьма умным человеком, который умел хорошо говорить и был намерен получить то, чего он хотел для России. Ни один профессиональный солдат или моряк не мог бы упрекнуть его за это. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, благожелательным и учитывающим точки зрения двух его коллег — пока один из них не выдвигал какое-нибудь предложение, которое, по мнению Сталина, шло вразрез с советскими интересами. Тогда он мог быть бесцеремонно прямым, почти грубым.

«Большая тройка» встретилась снова вечером 28 ноября. Я на банкете не присутствовал, но президент позднее рассказал мне, что речь шла о послевоенном обращении с Францией, судьбе немецких военных преступников и восточных границах Польши. По большей части говорил Сталин. Среди прочего советский руководитель сказал, что Франция, если говорить об ее участии в войне, не заслужила признательности со стороны победоносных союзников или права сохранить свою прежнюю империю.

В общем было решено, что Германию необходимо навсегда полностью лишить военной мощи. Вопрос о послевоенных границах Польши оказался непростым, и «большая тройка» пришла к выводу, что до принятия каких-либо решений его следует изучить дополнительно.

Сталин и Черчилль, рассказал мне президент, затеяли спор о германском милитаризме. Он разгорелся, когда Сталин заявил, что имеет список 50 тыс. немецких офицеров, которых следует предать суду. Реакция Черчилля была бурной. Премьер-министр настаивал, что он не может согласиться на любые подобные суды, потому что по английским законам суд не может вынести обвинительный приговор за совершенные правонарушения, которые не являлись предусмотренными законом преступлениями в то время, когда они были совершены.

Черчилль разъяснил, что не питает симпатии к нацистским варварам, но, по словам президента, красноречиво призывал к соблюдению традиционной английской концепции правосудия, которая основана на юридическом принципе, что закон не имеет обратной силы.

Рассказывая о вспыхнувшем споре, Рузвельт упомянул о своей попытке разрядить обстановку с помощью реплики, которую преподнес как шутку. Рузвельт сказал, что если 50 тыс. офицеров — это слишком много для предания суду, то почему бы не договориться в порядке компромисса о меньшем числе, ну, скажем, 49 тыс. Грустно улыбнувшись, президент заметил, что Черчилль в тот момент явно не был склонен к шуткам...

В понедельник утром 29 ноября состоялось узкое заседание с участием генерала Брука, маршала Ворошилова, главного маршала авиации Портала, генерала Маршалла и меня. Впервые высшие военные советники трех основных союзных держав собрались вместе для рассмотрения военно-стратегических вопросов. Мы обсуждали военные вопросы, стоявшие перед конференцией, но не добились ощутимого успеха из-за желания англичан отсрочить операцию вторжения через Ла-Манш.

Маршал Ворошилов, развивая выдвинутое накануне логичное предложение Сталина о нанесении флангового удара высадкой десанта в Южной Франции, добивался принятия решения по этому вопросу. Генерал Маршалл и я были склонны поддержать его, но Алан Брук упорно настаивал на использовании всех имеющихся в Средиземном море вооруженных сил для участия в итальянской кампании и в операциях в Восточном Средиземноморье, в том числе для любимого проекта Черчилля — захвата острова Родос. Энергичный и моложавый Ворошилов задавал въедливые вопросы. Он, по-видимому, был таким же неуступчивым, как и Сталин, в вопросах, затрагивающих советские интересы, и так же хорошо, как и его начальник, знал, каких действий русские хотят от нас в этой войне.

Однако, как и все русские, с которыми мы встречались, он не понимал сложности переброски армии и ее снабжения на расстоянии 3 тыс. миль че-

рез океан. Военно-морские силы никогда не играли основную роль в русской истории, за исключением, пожалуй, русско-японской войны в 1905 году, когда имевшийся у русских военный флот был потоплен японцами. В беседах с нами русские доказывали, что их армии способны переправляться через реки, но они не сознавали всей разницы между рекой и океаном. Они рассуждали как офицеры сухопутных войск или военно-воздушных сил, пытающиеся понять военно-морские операции.

В полдень 29 ноября премьер-министр от имени короля Великобритании Георга VI передал маршалу Сталину почетный меч — дар английского короля гражданам Сталинграда. Это был символ признания английским народом героической и успешной обороны города от немецких захватчиков.

После церемонии кинооператоры сделали групповой снимок всех участников конференции. Была запечатлена «большая тройка» коалиции, созданной для уничтожения нацистской Германии...

В этот же день на пленарном заседании вновь возникла полемика относительно сроков вторжения в Нормандию. Сталин настаивал на установлении даты начала операции. Черчилль уклонялся от такого обязательства. Президент склонялся к поддержке советской точки зрения. Раздраженный тактическими уловками Черчилля, Сталин в упор спросил: «Верят ли англичане в операцию «Оверлорд» или просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?» Черчилль ответил в том смысле, что поддерживает операцию по вторжению через Канал, но он твердо верит, что предлагаемые им другие операции помогут обеспечить конечный успех вторжения во Францию. Чтобы оттянуть окончательное решение о дате операции «Оверлорд», Черчилль предложил передать политические аспекты его предложений относительно Средиземного моря на рассмотрение министров иностранных дел, присутствующих в Тегеране (государственный секретарь США из-за состояния здоровья в Тегеране не присутствовал, и его обязанности исполнял специальный помощник президента США Г. Гопкинс).

Сталин ответил быстро и решительно: «Зачем нам это делать? Мы — главы государств. Мы знаем, что мы хотим сделать. Зачем передавать этот вопрос нашим подчиненным, чтобы они советовали нам?» Однако Сталин, по-видимому, узрел определенные выгоды в этом парламентском маневре. На последующих конференциях «большой тройки» была создана комиссия министров иностранных дел. Когда возникал вопрос, по которому «большая тройка» не могла договориться, его часто передавали на рассмотрение министрам иностранных дел, которые в свою очередь обычно также не могли прийти к соглашению.

Когда такая комиссия создавалась в Ялте и Потсдаме, результат, как мне сейчас представляется, как правило, оказывался невыгодным для интересов Соединенных Штатов. Соединенные Штаты ничего или почти ничего не получали от решений вопросов, передававшихся в эту вспомогательную комиссию министров иностранных дел. Таким образом, на этом заседании в Тегеране Черчилль ввел в практику весьма удобный дипломатический прием отсрочки принятия решений.

Острота полемики потребовала от председательствовавшего на заседании Рузвельта всего его хорошо известного дипломатического искусства и умения. На этом же заседании Сталин поставил перед Рузвельтом труд-

ный вопрос. Советский руководитель в упор спросил, кто будет назначен главнокомандующим операцией «Оверлорд». Рузвельт откровенно ответил, что этот вопрос еще не решен. Я сидел рядом с президентом, и тот, наклонившись ко мне, прошептал: «Этот старый большевик пытается заставить меня назвать ему имя нашего главнокомандующего. Я не могу ответить ему, потому что еще сам не пришел к окончательному мнению».

Сталин согласился, что назначение главнокомандующего является прерогативой Рузвельта, но подчеркнул, что, пока командующий не будет назначен, он не может считать, что операция фактически готовится. Было очевидным, что Сталин хотел, чтобы это назначение состоялось, пока он находится в Тегеране.

Президент, отвечая на этот вопрос, был безукоризненно честен. По-моему, он предпочел бы вверить этот пост генералу Маршаллу, но считал, что не может игнорировать отрицательную реакцию, которую подобное назначение вызовет в Соединенных Штатах. В то время я все еще думал, что президент в конечном итоге все же объявит, что командовать операцией «Оверлорд» будет Маршалл.

Перед началом заседания Рузвельт передал Сталину записку, подготовленную американскими начальниками штабов и содержащую некоторые просьбы о сотрудничестве и получении информации от наших советских союзников. Первая просьба касалась использования авиационных баз для сквозных («челночных») бомбардировок Германии, и Сталин с готовностью согласился. Некоторые другие просьбы касались возможного сотрудничества с русскими в войне против Японии *. Еще в январе 1943 года Сталин сообщил американскому генералу Хэрли, что после поражения Германии Советский Союз примет участие в войне против Японии. Он повторил это обещание государственному секретарю Хэллу в октябре во время конференции министров иностранных дел в Москве.

Получив конкретные просьбы, касавшиеся подготовки к сотрудничеству с Советским Союзом, Сталин сказал, что необходимо будет подождать его возвращения в Москву, прежде чем нам будет дан ответ. Мне думается, что как раз в ходе этой беседы Сталин и сказал Рузвельту: «Г-н президент, вы говорите мне, что вам часто приходится советоваться со своим правительством, прежде чем принимать решения. Вы должны помнить, что я тоже имею правительство и не всегда могу действовать без переговоров с Москвой».

Второе заседание, так же как и первое, закончилось без принятия окончательного решения по вопросу о времени проведения десантной операции через Ла-Манш. А в результате прямого вопроса Сталина проблема назначения командующего операцией вновь вышла на передний план.

На утреннем совещании Объединенного совета начальников штабов 30 ноября англичане наконец сняли свои возражения. Они согласились

---

* Просьбы американцев касались возможной подготовки к созданию американских авиабаз в советском Приморском крае для бомбардировки Японии после вступления СССР в войну против Японии и обмена информацией, связанной с военным сотрудничеством СССР и США против Японии//См. Приложения I, II и III, опубликованные в сборнике «Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 28 ноября — 1 декабря 1943 г.». М., 1978. С. 118—120.— *Прим. перев.*

начать наступательную операцию против немцев во Франции в течение мая 1944 года и поддержать вторжение в Южную Францию такими силами, которые могут быть использованы с учетом имеющихся к тому времени в наличии десантных судов в Средиземном море.

Я никогда не спрашивал Брука, Портала или кого-либо еще из моих британских коллег, что заставило их переменить свою позицию, но американская аргументация была столь логичной, что, по моему твердому убеждению, они, как профессиональные солдаты, знали, что операция «Оверлорд» была наиболее разумным шагом закончить войну с Германией в возможно кратчайший срок. Нам необходимо было схватиться с немецкой армией, которая будет оборонять свое отечество, как только мы будем иметь достаточные силы. Если мы сможем разбить эту армию, дорога на Берлин и к победе в Европе будет открыта.

Конечно, это чистые догадки, но мне представляется, что английские начальники штабов поддержали американскую позицию в своих доверительных беседах с Черчиллем. Премьер-министр, преданный идее сохранения мощи Британской империи, по-видимому, уступил, вероятно неохотно, доводам своих высших военных советников. Возможно, Черчилль сообщит нам свои соображения в написанных им превосходных мемуарах.

30 ноября в 16.30 на пленарном заседании Рузвельт, Сталин и Черчилль приняли к сведению соглашение, достигнутое Объединенным советом начальников штабов на утреннем совещании, и маршал Сталин обещал предпринять большое русское наступление на Восточном фронте, с тем чтобы эти две наступательные операции взаимно поддерживали друг друга.

Решение об открытии второго фронта затмило все другие результаты, достигнутые на Тегеранской конференции, но эта встреча «большой тройки» имела важное значение для других крупных проблем, которые обсуждались, как правило, в благожелательном духе, даже если по некоторым из них и не удалось достичь согласия.

Рузвельт потратил немало времени, объясняя подробности своего плана создания международной организации по сохранению мира, ядром которой явятся Объединенные Нации. Сталин, похоже, был не в восторге от предложения президента о предоставлении малым государствам равных прав в вопросах поддержания всеобщего мира. Сталин изложил свои соображения весьма просто: если Советский Союз, Великобритания и Соединенные Штаты захотят сохранить мир во всем мире, они располагают достаточной военной и экономической мощью для этого и не нуждаются в чьей-либо помощи для обеспечения международной безопасности.

Вопрос об опеке был затронут в ходе обсуждения проблемы создания Организации Объединенных Наций. Рузвельт верил, что предложенная им всемирная организация может осуществлять необходимый суверенитет над такими районами, как подмандатные японские острова, которые Токио столь успешно использовал в своих целях, хотя юридически эти острова по-прежнему находились под контролем Лиги Наций. В наших внутренних разговорах я решительно доказывал, что Соединенные Штаты ради своей собственной безопасности должны сохранить за собой и осуществлять суверенитет над всеми японскими подмандатными островами, которые мы захватили.

Состоялся также общий обмен мнениями относительно демилитаризации Германии. Сталин высказался в пользу того, чтобы в случае необходи-

мости иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты внутри Германии или на ее границах или даже на некотором удалении. Никакого решения принято не было, но в принципе все, видимо, были согласны с тем, что военный потенциал Германии следует уничтожить.

Сталин согласился предоставить советские авиационные базы для сквозных бомбардировочных рейдов на Германию из Англии. Рассмотрение американской просьбы об использовании воздушными силами советских авиабаз в Приморском крае для операций против Японии было отложено...

Россия настаивала на немедленной передаче ей одной трети итальянского военного флота и торговых судов. В Тегеране Рузвельт придерживался позиции, которую он занял раньше,— эти корабли должны использоваться в войне там, где они наиболее нужны, и что с их распределением можно подождать, пока не будет заключен мир. Было достигнуто компромиссное решение, согласно которому часть итальянских кораблей должна быть передана советскому командованию к концу января 1944 года *.

Проблема польских границ в Тегеране подробно не обсуждалась. После того как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши линию Керзона — Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал,— вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя в принципе согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России.

Не было также достигнуто никакого определенного решения и по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно. Идея президента состояла в том, чтобы раздробить рейх на пять основных частей или государств следующим образом: (1) Пруссия, которая должна быть ослаблена и уменьшена в своих размерах; (2) Ганновер и северо-западные районы Германии; (3) Саксония и район Лейпцига; (4) Бавария, Баден и Вюртенберг; (5) Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и район южнее Рейна. Гамбург, Кильский канал, Рурская и Саарская области должны быть поставлены под международный контроль.

Президенту пришлось приложить известные усилия, чтобы убедить Сталина и Черчилля принять Декларацию об Иране, в которой отдавалось должное помощи, оказываемой Ираном военным усилиям союзников. Признавая экономические трудности, которые война причинила Ирану, правительства трех держав соглашались предоставить такую экономическую помощь, которую они практически могли оказать, и подтверждали свое на-

---

* В результате переписки между И. В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в январе — марте 1944 года западные союзники согласились передать Советскому Союзу во временное пользование взамен итальянских кораблей английский старый линкор, американский крейсер, восемь английских эсминцев и четыре подводные лодки, а также торговые суда общим водоизмещением 40 тыс. тонн. Эти корабли были переданы в августе 1944 года в состав Северного флота и несли службу до конца войны. После подписания 10 февраля 1947 года мирного договора с Италией эти корабли были возвращены Англии и США, а тридцать три итальянских корабля, в том числе линкор и крейсер, вошли в состав Черноморского флота.— *Прим. перев.*

мерение сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную целостность Ирана.

Рузвельт, Черчилль и Сталин подписали эту декларацию и поручили генералу Хэрли передать ее иранскому шаху. По-видимому, декларация не была столь конкретной, как этого хотел бы шах, но Хэрли получил его подпись под документом и, запыхавшись, примчался назад в зал заседания, довольный собой, как мальчишка, поймавший здоровенную рыбину в мельничном пруду. Увидев меня в холле, он радостно закричал: «Билл, она у меня!» — имея в виду, конечно, Декларацию об Иране. Генерал серьезно считал, что это было успешным завершением трудной миссии, которую Рузвельт доверил лично ему.

Когда трое главнокомандующих приняли к сведению последний доклад Объединенного совета начальников штабов, работа конференции завершилась. Если принятые в Тегеране решения будут соблюдены, проделанное полукругосветное путешествие, чтобы собраться вместе, полностью оправдывает себя. Хотя обсуждавшиеся политические вопросы о послевоенном устройстве непосредственно не затрагивали работу американских начальников штабов, мы все понимали, что международный мир, возможно, зависит от их положительного решения.

30 ноября 1943 года Черчиллю исполнилось шестьдесят девять лет, и день закончился торжественным приемом, устроенным премьер-министром в английском посольстве. Соблюдался русский обычай, а это означало, что произносили тосты и пили за здоровье почти всех тридцати четырех участников обеда, сидевших за банкетным столом,— весьма утомительная процедура. Президент, Сталин и Черчилль обменялись речами. Подчеркивалась наша вечная дружба с большевиками и общие надежды на новое устройство мира. По ходу банкета монотонный обмен международными комплиментами время от времени оживляли довольно едкие остроты...

Премьер-министр обронил замечание, что политический цвет лица англичан претерпевает последовательную перемену, и эта перемена зашла так далеко, что сейчас его можно назвать «розовым». «Это признак улучшающегося здоровья»,— подал реплику Сталин. Гопкинс как бы в шутку сказал, что Англия не имеет ни письменной конституции, ни основного закона страны, что дает Черчиллю свободу поступать так, как ему заблагорассудится в любое время. Сталин предложил тост за чудеса американской промышленности. Действительно, на этом памятном обеде казалось, что великая коалиция достигла той степени сплоченности, которая обеспечит быстрый разгром нацизма и мирное решение трудных проблем послевоенного мира. К сожалению, утро после подобных мероприятий обычно приносит возврат к реализму.

Объединенные начальники штабов улетели в Каир 1 декабря. Президент попросил меня остаться с ним, хотя я и не присутствовал на последней политической беседе, которую президент имел со своими двумя коллегами, длившуюся до 10 часов вечера. Два часа спустя мы разместились на ночлег в американском военном лагере неподалеку от Тегерана. На следующее утро после осмотра лагеря и армейского госпиталя мы вернулись в Тегеран и вылетели в Каир, где нас ожидал Черчилль.

На обеде, устроенном английским премьер-министром, Рузвельт и Черчилль обменялись впечатлениями о Сталине и обсудили итоги закончив-

шихся военных и политических переговоров с русским союзником. Премьер-министр дал ясно понять, что он склонен поддерживать американскую точку зрения по вопросам, которые до этого момента вызывали острую полемику между штабами США и Великобритании, особенно в отношении времени вторжения через Канал во Францию. Он не упомянул ни бирманскую кампанию, ни свой любимый план захвата Родоса. Он хорошо знал, что в ходе переговоров между начальниками штабов, которые должны были начаться на следующее утро, его представители будут упорно сопротивляться любым попыткам сдержать обещание, данное нашему дальневосточному союзнику — обещание Рузвельта генералиссимусу Чан Кайши — провести энергичную кампанию по освобождению Бирмы путем наступления на севере страны, скоординированного с десантной операцией на юге против Андаманских островов в Бенгальском заливе.

На утреннем и вечернем заседаниях Объединенного совета начальников штабов 3 декабря англичане добивались двух целей: отменить высадку десанта на Андаманские острова и заручиться американским согласием на экспедицию против острова Родос. Вечером мы доложили Рузвельту о возникшем тупике. Он твердо отклонил план операции в Восточном Средиземноморье и не проявил намерения пересмотреть свое решение относительно кампании в Бирме.

Я участвовал в обеде с президентом, премьер-министром и Антони Иденом. Мы четверо сидели за столом до полуночи, обсуждая возникшие разногласия из-за этих двух операций. Черчилль использовал все уловки из своего широкого репертуара, чтобы побудить Рузвельта согласиться на отмену десантной операции в Бенгальском заливе и использовать эти военно-морские, воздушные и сухопутные силы для захвата своего излюбленного острова Родос. Английский премьер-министр убедительно изложил свою позицию, но президент не поддался. Рузвельт настаивал на том, что данные Чан Кайши обещания должны быть полностью выполнены.

Иден не помогал своему руководителю в полемике о бирманской кампании, но он и Черчилль дружно выступили вместе по другому основному вопросу, обсуждавшемуся тем вечером,— будущие зоны Германии, которые должны оккупировать английские и американские войска. Черчилль и Иден добивались, чтобы Великобритания оккупировала северную зону. Рузвельт полагал, что в этом районе должны находиться американцы. Англичане вполне логично доказывали, что это самый близкий к Великобритании район Германии, и, следовательно, им легче будет решать транспортные проблемы. Ожидалось, что русские будут контролировать восточную часть Германии. В конечном итоге Соединенные Штаты довольствовались средней зоной: между англичанами и французами.

Словесная баталия «Бирма против Средиземноморья» продолжалась 4 декабря на заседании объединенных начальников штабов с участием президента и премьер-министра. Ни одна сторона не хотела уступать. То же самое повторилось на заседании 6 декабря. Никогда на предшествовавших и на последующих конференциях англичане не оказывали столь упорного сопротивления американскому предложению.

Когда в 5.00 вечера 6 декабря американские начальники штабов встретились с Рузвельтом, он сообщил нам, что в целях завершения переговоров он скрипя зубами согласился отказаться от плана захвата Андаманских

островов и предложит Чан Кайши что-нибудь взамен этой операции. Рузвельт был главнокомандующим, и его решение положило конец полемике. Для Чан Кайши это решение, несомненно, явилось печальным разочарованием. Китайский руководитель имел все основания считать, что мы не сдержали своего обещания. Определенный смысл имелся в выдвинутых англичанами доводах, что если десантные суда, предназначенные для Андаманской операции, нельзя использовать для захвата Родоса, то их можно было бы использовать для вторжения в Южную Францию. Англичане, возможно, имели другие виды на эти корабли, но в то время это был удачный аргумент.

Я считал, что мы подвергаем себя серьезному риску. Чан Кайши мог выйти из войны. Он никогда особенно не доверял намерениям англичан, но полагался на Соединенные Штаты. Если китайцы прекратят борьбу, стоявшие перед Макартуром и Нимицем задачи в Тихом океане, и так уже трудные, намного усложнятся. У японцев высвободится огромное количество солдат для противодействия нашему продвижению к японской метрополии. К счастью для нас, храбрые китайцы не прекратили вооруженную борьбу.

Когда американские начальники штабов встретились с представителями английских штабов, мы официально согласились с английской позицией в отношении Андаманских островов. Окончательный проект протокола конференции был составлен и утвержден Рузвельтом и Черчиллем в полдень...

Первоначальная цель нашего возвращения в Каир состояла в переговорах с турками относительно их вступления в войну. Президент Исмет Инёню со своими главными советниками прибыл в город в ответ на просьбу союзников о встрече, и 4 декабря Рузвельт дал обед в честь турецкого президента. Это было занятным событием, поскольку беседа велась на французском языке, на котором Рузвельт говорил запинаясь.

После обеда к нам присоединился премьер-министр Черчилль и быстро начал осаду президента Инёню, убеждая его связать судьбу своей страны с союзниками. В основном говорил Черчилль, Инёню просто слушал. Позднее Рузвельт сказал своему британскому коллеге, что, будь он, Рузвельт, турком, он потребовал бы больших заверений о помощи, чем обещали англичане, прежде чем отказаться от нейтралитета и вступить в войну.

На следующий день, 5 декабря, наступила очередь Черчилля дать обед Инёню. Та же сцена, та же труппа. Почти тот же сценарий, за исключением того, что турецкий президент говорил с большей готовностью и произвел на меня впечатление своим прямым подходом к вопросу. Он прямо сказал, что, прежде чем Турция сможет вступить в войну, ей необходимо иметь достаточное количество самолетов, танков, артиллерийских орудий и т. п., чтобы оказать сильное сопротивление вторжению немцев.

Было исключительно интересно следить за маневрами, предпринимаемыми премьер-министром за столом, когда он упрашивал, понуждал и почти угрожал президенту некогда могучей Османской империи в попытке вырвать у него обязательство вступить со своим народом в войну. Американцы не оказывали столь яростный нажим на Турцию, как англичане. Американские начальники штабов считали, что, если турки станут нашими союзниками и попадут в неприятности, задача по вызволению их из трудного

положения ляжет на наши плечи и может помешать нашим главным планам разгрома Германии. Однако я полагал, что можно было вполне посоветовать Инёню предпринять шаги по обеспечению участия его страны за столом мирных переговоров, чтобы оградить Турцию от алчности победителей.

Находясь в Каире, президент принял еще одно важное решение. Он назначил генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра командующим операцией «Оверлорд». Он сообщил мне о своем решении, когда мы летели из Каира в Тунис 7 декабря. Его выбор несколько удивил меня. Объединенный совет начальников штабов никогда не рекомендовал Эйзенхауэра или коголибо еще. Мы считали, что главнокомандующим будет генерал Джордж Маршалл. В то время мне казалось, что, не избрав на этот пост Маршалла, мы идем на определенный риск. Полный успех операции «Оверлорд» под командованием Эйзенхауэра подтвердил мудрость выбора, сделанного президентом. Это решение, долго оттягивавшееся, также означало, что маршал Сталин получил окончательное заверение, что второй фронт, которого с 1942 года требовали русские, будет открыт весной 1944 года.

С момента, как мы оставили Каир до выхода линейного корабля «Айова» из Дакара в море, нас прикрывал мощный эскорт из истребителей ввиду опасности перехвата немецкими самолетами. <...>

После спокойного морского вояжа мы благополучно достигли берегов США, и 17 декабря наше длительное, но важное и интересное путешествие в Марокко, Египет, Иран, Мальту и Сицилию закончилось прибытием в Вашингтонский военно-морской порт. Сообщение о назначении Эйзенхауэра верховным командующим силами вторжения во Францию было сделано в канун Рождества. Одновременно было объявлено, что командование силами союзников в районе Средиземного моря поручено английскому генералу Генри М. Вильсону...

Последний день 1943 года стал очевидцем того, что ход мировой войны явно благоприятствует Объединенным нациям. Россия вела энергичное и успешное наступление на Украине. Англо-американские войска в Италии медленно продвигались вперед, несмотря на неблагоприятную погоду и упорное сопротивление противника. Ускоренными темпами шла подготовка к совместному англо-американскому вторжению во Францию.

На Тихом океане наши военно-морские операции теснили японцев на запад с одного сильно укрепленного острова на другой, а наступление войск Макартура на север из Австралии через Новую Гвинею набирало темпы и размах. Только в Бирме из-за нежелания англичан и китайцев перейти к решительным действиям и продолжающихся разногласий между Чан Кайши и командующим американской армией генералом Стилуэллом запланированная кампания оказалась неудачной.

Было ясно, что, если мы не допустим глупых тактических или стратегических ошибок, страны «оси» должны будут, несомненно, потерпеть поражение, хотя борьба с отчаянными врагами в обоих полушариях мира и потребует от нас высокую цену в людях и ресурсах. <...>

Атомные бомбы, бактериологическое оружие и мир

6 августа 1945 года крейсер «Аугуста» с президентом Трумэном и сопровождавшей его в Потсдам делегацией на борту шел прямым курсом через Атлантику обратно в Вашингтон. За несколько минут до полудня, пока президент завтракал, капитан Фрэнк Х. Грэм передал ему краткую радиограмму военно-морского министерства, имевшую самый высокий гриф срочности.

Радиограмма сообщала, что американские самолеты сбросили атомную бомбу на японский судостроительный центр Хиросиму и что результаты оказались более успешными, чем ученые и инженеры, создавшие это новое боевое оружие, ожидали.

Трумэн был восхищен этой новостью. Он пожал руку капитану Грэму и, по словам очевидцев, заявил: «Это величайшее событие в истории».

Через несколько минут поступила вторая радиограмма — на этот раз от военного министра Стимсона. Она была еще более оптимистичной, чем первая. Трумэн вызвал государственного секретаря Бирнса и прочитал ему радиограмму. Затем он вернулся за стол и подал знак собравшимся матросам, что хочет сказать несколько слов.

Когда все умолкли, президент рассказал о первом успешном применении этого страшного нового оружия, сила взрыва которого была эквивалентна 20 тыс. тонн тринитротолуола. Собравшиеся моряки устроили овацию, когда Трумэн закончил свое краткое сообщение об атомной бомбе. Затем президент отправился в офицерскую кают-компанию, где сообщил обедавшим офицерам о случившемся.

Атомная бомба и ее последствия были у всех у нас на уме, с тех пор как мы получили в Потсдаме 16 июля известие об успешном испытании нового оружия. С этого момента атомная энергия перестала быть теорией. Мы имели бомбы. Одной из наших последних задач до отъезда из Германии была подготовка заявления, которое сделают президент и госсекретарь, когда бомба будет на деле применена против японцев. С этого момента мы просто ожидали того сообщения, которое поступило к нам на обратном пути в Вашингтон. Наше путешествие домой началось утром 2 августа 1945 года, когда мы вылетели из Бабельсберга в аэропорт около Плимута в Англии.

Из-за плохой видимости самолет президента совершил посадку в девяти милях от намеченного аэродрома. Оттуда нас вскоре доставили на крейсер «Аугуста».

Рядом с «Аугустой» стоял на якоре английский линейный крейсер «Ринаун», и со всей надлежащей помпой президент был приглашен на борт линкора, где его на палубе приветствовал король Великобритании Георг VI, приехавший из Лондона. Король устроил неофициальный завтрак в честь президента, в ходе которого я беседовал с ним об атомной бомбе. Король спросил меня о ее потенциальной мощи. Я ответил: «Не думаю, что она будет столь эффективной, как ожидают. Мне она кажется профессорской фантазией!»

К моему удивлению, король Георг оказался хорошо информированным о проекте «Манхэттен» и возможном послевоенном использовании атомной

энергии. «Хотите держать пари на этот счет, адмирал?» — шутливо сказал он мне. Я не кривил душой, когда ответил королю, что, в отличие от некоторых ученых, не очень-то доверяю этому новому оружию и что не знаю взрывчатое вещество, которое обладало бы такой взрывной силой, какую приписывают новой бомбе. События вскоре показали, что в этом отношении я глубоко заблуждался...

На следующий день, 6 августа, мы получили важные новости об атомной бомбе, о которых упоминалось выше. Никакие другие сообщения, полученные позднее в тот же день, не содержали существенных дополнительных подробностей о рейде на Хиросиму, хотя все они говорили, что результаты были успешными во всех отношениях. Подготовленное в Потсдаме заявление президента было сразу же опубликовано в Вашингтоне.

«Мы потратили два миллиарда долларов на величайшую в истории авантюру — и победили,— заявил президент.— Мы сейчас готовы быстро и полностью уничтожить все промышленные предприятия, имеющиеся у японцев на поверхности земли в любом городе. Опубликованный 26 июля Потсдамский ультиматум * был призван спасти японское население от полного уничтожения...»

Заявление Белого дома заканчивалось словами: «Если сейчас наши условия не будут приняты, Японию ожидает с воздуха поток разрушений».

Только англичане, канадцы и мы располагали информацией о производстве этого атомного оружия. Президент провел пресс-конференцию с журналистами на борту «Аугусты», но он мало что мог добавить к официальному заявлению.

Когда пресс-конференция закончилась, один из корреспондентов, Роберт Никсон из Интернэшнл Ньюс Сервис, спросил, не думаю ли я, что атомная бомба произведет революцию в военном деле. Так как мы все еще не имели доклада об огромном ущербе, который может причинить всего одна атомная бомба, я ответил Никсону, что для противодействия любому новому наступательному оружию всегда создавали оборонительное вооружение, и я полагаю, что угроза этой новой бомбы будет парирована, так же как это было с другими угрозами в прошлом.

Во время нашего морского путешествия госсекретарь Бирнс и я помогали президенту в подготовке его выступления по радио с обращением к американскому народу о результатах Потсдамской конференции. Погода на протяжении нашего похода была благоприятной, и 7 августа вечером мы прибыли в Вашингтон.

8 августа 1945 года Москва объявила, что считает себя в состоянии войны с Японией. Мы предполагали, что русское наступление в Маньчжурии, вероятно, уже началось, и я подумал, что после этого нам придется делить как военные усилия против Японии, так и плоды этих усилий.

---

* Потсдамская декларация — Декларация глав правительств Соединенных Штатов, Великобритании и Китая о Японии, призывающая японское правительство провозгласить безоговорочную капитуляцию на изложенных в декларации условиях, была опубликована 26 июля 1945 года без согласования с СССР. Советская делегация в Потсдаме 26 июля, то есть в день подписания декларации, получила лишь ее копию «для сведения»//Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 30—31.— *Прим. перев.*

Поступали дальнейшие подробности об атомном ударе по Хиросиме, свидетельствовавшие, что большая часть города с населением около 350 тыс. человек была уничтожена взрывом одной сравнительно небольшой бомбы. Японское правительство выдвинуло обвинение в жестокости и варварстве, утверждая, что жертвами нападения стали главным образом беззащитные женщины и дети. Хотя Хиросима была военно-морской базой, судя по всему, жертвы среди гражданского населения были ужасающими.

Некоторые из наших ученых говорили, что подвергнувшийся нападению район будет непригоден для жизни людей в течение многих лет, поскольку взрыв бомбы сделает почву радиоактивной и пагубной для живых существ. К 9 августа в японских сообщениях утверждалось, что в Хиросиме было убито 100 тыс. человек. В этот же день мы также объявили, что сбросили вторую бомбу на Нагасаки, который считали местом пребывания штаба армии, обороняющей Южную Японию.

Президент созвал совещание, чтобы обсудить вопрос об опубликовании информации относительно создания атомного оружия. Присутствовали госсекретарь Бирнс и министр Стимсон, генерал-майор Лесли Р. Гровс, руководитель военной стороны так называемого «Манхэттенского проекта», Ваннивар Буш, директор бюро научных исследований и развития, и Чарльз Комптон из Массачусетского технологического института, участвовавший в проекте.

Трумэн спросил меня, имелось ли какое-нибудь соглашение между Рузвельтом и Черчиллем о предоставлении англичанам доступа ко всей информации о производстве бомбы. Я рассказал ему, что помню о длительной беседе в Гайд-парке, Нью-Йорк, после Квебекской конференции 1944 года и что, как я понимаю, Рузвельт согласился предоставить нашему союзнику только информацию о промышленном использовании атомной энергии.

По совету ученых и с одобрения Бирнса и Стимсона президент решил передать для опубликования объемистый документ, известный как «Доклад Смита», подготовленный ведущими учеными, участвовавшими в создании бомбы. Этот знаменитый доклад, опубликованный на следующий день (10 августа), частично приподнял пелену военной секретности, окутывавшую это важное научное достижение. Доклад Смита популярным языком объяснил процессы, с помощью которых было достигнуто использование атомной энергии в военных целях. Он содержал большинство сведений о бомбе, которые сочли безопасным предать гласности в то время. Эта многолетняя дорогостоящая и напряженная работа, в которой участвовали лучшие ученые всей страны и десятки тысяч рабочих, была самым надежно оберегаемым секретом всей войны...

Утром 10 августа японское правительство сообщило по радио о готовности принять условия Потсдамской декларации и капитулировать при понимании, что декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии.

Швейцарию попросили передать это предложение Соединенным Штатам и Китаю, а Швецию — России и Великобритании.

Я присутствовал на совещании в Белом доме с участием военного и военно-морского министров и государственного секретаря, которое президент созвал в 9 часов утра, чтобы обсудить эту новость. До получения официального сообщения из Швейцарии нельзя было предпринять какого-либо

шага, кроме как начать набрасывать проект ответа. Япония, по существу, заявляла, что она капитулирует, если мы не повесим императора.

Я рекомендовал принять японское предложение. Это отнюдь не означало, что я был сторонником сохранения императором всех его прерогатив. Мне император был безразличен, но я был убежден, что необходимо будет использовать его для проведения капитуляции в жизнь.

Некоторые из окружения президента хотели потребовать его казни. Если бы они навязали свою точку зрения, мы, возможно, все еще воевали с Японией. Верноподданные императора, вероятно, сражались бы до последнего лояльного японца, а в тот момент в строю находилось более 5 млн японских солдат.

В 12.30 собрался Объединенный совет начальников штабов, чтобы обсудить меры, необходимые для фактического прекращения военных действий. Возникла уверенность, что великой мировой войне вот-вот настанет конец.

Я вернулся в Белый дом около двух часов и работал с госсекретарем Бирнсом и президентом над проектом послания главам правительств союзных стран относительно формы принятия японского предложения о капитуляции. Очевидно, что предстояло внести ясность в вопрос о статусе императора. По этому вопросу американская позиция была следующей.

«С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному главнокомандующему силами союзных держав, который предпримет такие шаги, какие сочтет нужными для осуществления условий капитуляции.

Императору и японскому верховному командованию будет предложено подписать условия капитуляции, необходимые для выполнения положений Потсдамской декларации, отдать приказы всем вооруженным силам Японии прекратить боевые действия, сдать оружие, а также отдать такие другие приказы, которые может предписать верховный главнокомандующий для осуществления условий капитуляции.

Окончательная форма правления Японии будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа.

Вооруженные силы союзных держав останутся в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации».

Положительные ответы были получены на следующий день (11 августа), и текст нашего официального ответа японскому правительству был передан в Токио правительством Швейцарии. Он также был передан американской прессе и радиовещанию, чтобы сделать его известным Японии за несколько часов до того, как он поступит по официальным каналам. Пока ожидалось решение японского правительства, военные действия против Японии велись со всей возможной энергией. В воскресенье 12 августа ничего нового не произошло.

13 августа президент приказал генералу Маршаллу продолжить подготовку всех планируемых операций против Японии до поступления ответа японского правительства на наше требование капитуляции. Главной из этих операций была подготовка к вторжению на остров Кюсю, ориентировочно намеченное на 1 ноября...

Рано утром во вторник 14 августа 1945 года японское радио передало, что требование союзных держав о капитуляции принято японским прави-

тельством, но лишь в 15.30 мы получили перехваченное сообщение, из которого узнали, что император принял наши условия.

Позднее госсекретарь получил официальный японский ответ, переданный через Берн. Японское правительство полностью приняло условия, предписанные в Потсдамской декларации, и, таким образом, вторая фаза второй мировой войны подошла к концу.

Около 19.00 Трумэн заглянул ко мне в кабинет и сказал, что он собирается вскоре объявить о безоговорочной капитуляции Японии и хочет, чтобы я присутствовал на этом историческом событии. Когда я вошел к президенту, я застал там всех членов кабинета и бывшего государственного секретаря Корделла Хэлла. Огромная толпа корреспондентов и радиорепортеров заполонила кабинет. Хэлл сидел слева от президента, Бирнс и я — справа... Двери заперли, и за несколько минут до 19.00 президент встал и зачитал сообщение о капитуляции, полученное от японского правительства от 14 августа 1945 года.

«По вопросу о ноте Японского Правительства от 10 августа относительно принятия условий Потсдамской Декларации и ответа Правительств Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Китая, посланного Государственным Секретарем Америки Бирнсом и датированного 11 августа, Японское Правительство имеет честь сообщить Правительствам четырех держав следующее:

1. Его Величество Император издал Императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской Декларации.

2. Его Величество Император готов санкционировать и обеспечить подписание его Правительством и Императорской генеральной Штаб-квартирой необходимых условий для выполнения положений Потсдамской Декларации. Его Величество также готов дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий Союзных Вооруженных Сил в целях осуществления вышеуказанных условий» *.

Трумэн также объявил 15 и 16 августа днями празднования нашей великой победы, которая положила конец войне. При этих последних словах двери открыли, и журналисты, расталкивая друг друга локтями, буквально за несколько секунд исчезли из кабинета, чтобы сообщить миру официальное заявление о прекращении войны. Неофициально факт окончания войны был известен уже в течение нескольких часов.

Я сразу же вернулся к себе в кабинет, чтобы от имени президента направить телеграммы нашим вооруженным силам с указанием о прекращении наступательных операций против японцев, за исключением тех, которые могут оказаться необходимыми для защиты наших войск. Я также информировал правительства союзных стран о прекращении нами военных действий...

В Вашингтоне шумно праздновали победу, все автомашины гудели в клаксоны, и огромные толпы кричащих людей заполнили улицы, парализовав движение городского транспорта. Радио без умолку передавало репортажи о праздничных манифестациях во всех городах от Лос-Анджелеса до

* Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1947. Т. V. С. 736—737.— *Прим. перев.*

Бостона, где жители шумно приветствовали окончание войны на переполненных улицах.

Мне этот момент казался более уместным для трезвых размышлений о нашей удаче в достижении победы над фанатичными врагами. Но если большинство людей считало более подходящим устроить шумиху — что же, это их демократическое право.

Народы Соединенных Штатов и всего мира праздновали конец войны, которая началась в 1914 году, затем временно прервалась для дальнейшей подготовки с 1918 по 1939 год, и затем велась до этого успешного завершения в течение шести последующих лет.

Я провел «ночь победы» тихо в своем доме на Флорида-авеню, время от времени слушая передававшиеся по радио сообщения о праздничных демонстрациях и перебирая в памяти годы моей военной службы начиная с 17 ноября 1940 года, когда Франклин Рузвельт прислал мне телеграмму в Пуэрто-Рико с предложением отправиться в Виши в качестве посла США во Франции. Теперь мы вместе со своими союзниками одержали эту «неминуемую победу», как назвал ее 8 декабря 1941 года Рузвельт. Продиктованные нами условия — безоговорочная капитуляция — сперва были приняты итальянскими фашистами, затем нацистами и наконец японскими агрессорами.

Эту войну не так-то легко было сравнить с любым другим вооруженным конфликтом в истории. Никогда еще так много миллионов людей на Земле не находилось под ружьем. Каких жертв она потребовала, в ту «ночь победы» еще никто не знал.

Цену победы для нашей страны нельзя измерить миллиардами долларов, которые мы без устали бросали в ее топку, или количеством американских жизней, потерянных или разорванных на клочки. Эту цену еще предстояло установить в ближайшие годы историкам и экономистам.

В ту ночь 14 августа я был почему-то убежден, что мы будем расплачиваться за эту войну во многих отношениях годы спустя после того, как мы и даже наши дети покинут этот мир. Возможно, потребуется более чем полвека, чтобы залечить раны, нанесенные физической плоти мира силами, развязанными сперва агрессивными государствами, а потом нами.

Потребовались три года восемь месяцев и одна неделя после заставшего нас врасплох внезапного нападения японских агрессоров в разгар наших усилий сохранить мир в Тихом океане, чтобы добиться их полного разгрома. Германию постигла эта же участь несколькими месяцами ранее. Чтобы сорвать планы держав «оси» о завоевании мирового господства, нам пришлось мобилизовать все силы нашей страны и весь интеллектуальный потенциал нашей демократии и сохранить вопреки колоссальным трудностям союз с нашими далекими друзьями. Читатель знает теперь из этих записок, что имелось немало трудностей в сохранении великой коалиции, трудностей, о которых общественности в то время, когда они случались, по большей части ничего не было известно.

Нам необходимо было создать, особенно для Тихоокеанского театра, новую военную организацию, чтобы справиться с потребностями войны, которая велась на огромном пространстве на море, в воздухе и на суше. И в этом мы преуспели сверх самых лелеемых надежд. Благодаря прозорливости нашего умершего главнокомандующего Франклина Д. Рузвельта и неизменной поддержке его преемника президента Трумэна мы создали

и сохранили единое верховное командование. Этим командованием был Объединенный совет начальников штабов. Эта организация взяла на себя под постоянным руководством и наблюдением президента Соединенных Штатов стратегическое и оперативное командование всеми сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами США.

Как начальник этого комитета с 22 июля 1942 года до конца войны, я могу засвидетельствовать, что никто из многочисленных героев этой войны не служил своему главнокомандующему и своей стране со столь бескорыстной преданностью, чем Джордж Картлет Маршалл, начальник штаба армии, Эрнст Дж. Кинг, главнокомандующий нашего флота, и Генри Х. Арнольд, начальник штаба военно-воздушных сил. Объединенным начальникам штабов успешно и добросовестно помогал небольшой аппарат способных офицеров трех видов вооруженных сил.

Были времена, когда мы, казалось, тратили впустую слишком много времени на дискуссии и составление пространных бумаг, чтобы сказать то, что, на мой взгляд, можно было изложить в нескольких параграфах.

Однако именно этот комитет создал командования театров военных действий на объединенной командной основе. Береговая стража, военно-морские силы, военно-морские пехотинцы, бомбардировочная авиация, истребительная авиация, инженерно-строительные батальоны и десантные силы были объединены под единым командованием, чтобы изгонять противника из его укрепленных пунктов и продвигаться от острова к острову через весь Тихий океан.

На Тихом океане мы преподнесли противнику дорогостоящий урок в амфибийной (десантной) войне, так же как в Европе мы вместе с союзниками продемонстрировали успешное коалиционное ведение войны. Действия всех родов наших вооруженных сил в Европе под командованием генерала Эйзенхауэра, в центральной и южной части Тихого океана под командованием генерала Макартура принесли славу им и стране в целом.

Наша страна взяла на себя тяжелую международную ответственность как за ведение войны, так и за поддержание мира. Определенное представление об этой ответственности можно составить на основе отчетов о конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Следующая война будет вестись из-за других и, несомненно, новых причин. Мы все надеемся, что ее приход может быть надолго задержан усилиями всех цивилизованных народов по сохранению всеобщего мира совместными действиями. Люди чести и доброй воли выражают подобные чувства в конце каждого крупного конфликта между государствами.

Эти чувства приобрели особую остроту в августе 1945 года в результате создания нового и страшного оружия, способного изменить лик Земли и уничтожить все население земного шара. Две атомные бомбы, сброшенные на Японию, продемонстрировали ужасающий потенциал этого нового наступательного оружия. К счастью, нам не пришлось применить столь же страшное бактериологическое оружие, которое было создано в наших лабораториях и арсеналах.

Вскоре после моего назначения начальником штаба президента я в общих чертах познакомился с состоянием работ над обоими этими проектами. В ноябре 1942 года по просьбе доктора Росса Макинтайра я обсудил с президентом хорошо известной химической компании Джорджем Мерком возможность ведения бактериологической войны. Мерк тогда изу-

чал вместе с большой группой ученых как применение в наступательных целях бактериологического оружия, так и меры защиты против него.

Время от времени этот вопрос всплывал в моих беседах с президентом Рузвельтом, а позднее с президентом Трумэном. В частности, я помню, что, когда мы шли на корабле в Гонолулу на совещание между Макартуром и Нимицом в июле 1944 года, в каюте Рузвельта состоялась бурная дискуссия о применении бактериологического оружия. К этому времени ученые считали, например, что они могут полностью уничтожить посевы риса в Японии. Некоторые из присутствующих выступали за использование таких мер.

Лично я испытывал отвращение к этой идее и заявил Рузвельту: «Г-н президент, это (использование бактерий и ядов) явилось бы нарушением всех христианских норм этики, о которых я слышал, и всех известных законов войны. Это было бы нападением на гражданское население противника. Реакцию можно предсказать — если мы применим это оружие, его применит противник». Рузвельт не высказывал своего мнения на протяжении этой дискуссии, но Соединенные Штаты не прибегли к бактериологическому оружию.

В этих и других дискуссиях я подчеркивал, что вооруженные силы будут более подготовлены, чем гражданское население, к кошмарам бактериологической войны. Например, если противник сумеет заразить систему водоснабжения, обслуживающую миллионы жителей Большого Нью-Йорка, результаты будут катастрофическими. Любые воинские или военно-морские части, дислоцированные в этом районе, с их дисциплинированностью и организованностью, однако, смогли бы быстро осуществить дезинфекционные меры, хотя, возможно, и недостаточно быстро, чтобы избежать вспышки эпидемии. Даже если бы значительная часть военнослужащих заболела, все равно вооруженные силы были бы лучше оснащены, чтобы справиться с ситуацией, чем беспомощное гражданское население.

В сентябре 1944 года я посетил своего брата коммандера М. А. Леги в Эджвудском арсенале, штат Мэриленд, где он командовал военно-морской частью в Школе химической войны. Арсенал занимался производством ядовитых химических веществ в военных целях, изучением их применения и вопросами защиты против возможного использования ядовитых газов нашими противниками. Брат показал мне обширную зону, которая с колониальных времен была мирным, процветающим привлекательным сельскохозяйственным районом. Нельзя было не испытать острого чувства горечи, что варварские нужды войны лишили мирных фермеров земли, чтобы использовать ее для производства яда, который может быть применен для уничтожения других людей.

Обе стороны были готовы во время только что закончившейся войны к применению смертоносных газов, но даже фанатичные последователи Гитлера и Хирохито, совершившие много других неописуемых злодеяний, не посмели использовать отравляющие газы — из-за страха перед возмездием.

На мой взгляд, атомная бомба полностью принадлежит к этой же категории оружия.

Я должен откровенно признаться, что первоначально недооценивал ужасающую эффективность этой новой концепции взрывчатого вещества. Осенью 1944 года я проводил совещания с профессором Бушем, лордом Черуэллом, английским специалистом в области атомной энергии, и гене-

рал-майором Гровсом. Они убедили президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля в потенциальной эффективности использования атомной энергии в военных целях. В результате были выделены огромные суммы денег для возможно быстрейшего создания бомбы.

Весной 1945 года президент Трумэн поручил госсекретарю Бирнсу провести специальное изучение положения дел и перспектив нового атомного оружия, на которое уже было затрачено 2 млрд долларов. Бирнс зашел ко мне домой вечером 4 июня, чтобы обсудить итоги проведенного изучения. Он был более оптимистично настроен, чем я, в отношении перспективы успеха в окончательном создании и применении этого нового оружия.

Как только бомба была испытана, президенту Трумэну надо было решить, где применить ее. Ему не нравилась эта идея, но его убедили, что бомба приблизит окончание войны с Японией и спасет американские жизни. По моему мнению, применение этого варварского оружия против Хиросимы и Нагасаки не оказало нам материальной помощи в войне против Японии. Японцы были уже разбиты и готовы капитулировать в результате эффективной морской блокады и успешной воздушной бомбежки с использованием обычного оружия.

У меня сложилось впечатление, что ученые и другие люди хотели испытать ее на практике из-за тех огромных средств, которые были потрачены на ее создание. Трумэн это знал, так же как и другие причастные к этому проекту люди. Однако глава правительства США решил сбросить бомбы на два города в Японии. В то время мы сделали всего две бомбы. Мы не знали, какие города будут выбраны в качестве целей, но президент уточнил, что бомбы должны быть применены против военных сооружений.

Я понял, что моя первоначальная ошибка в недооценке эффективности атомной бомбы была предопределена длительным опытом работы с взрывчатыми веществами в военно-морском флоте. Я был артиллеристом по специальности и одно время возглавлял Отдел вооружений в военно-морском министерстве. «Бомба» — неправильное слово применительно к этому новому оружию. Это не бомба. Это не взрывчатка. Это ядовитая вещь, которая убивает людей смертоносным радиоактивным излучением больше, чем генерируемой ею взрывной волной.

Смертоносные возможности атомной войны в будущем ужасны. Я лично чувствовал, что, применяя это оружие первыми, мы заимствовали нравы, типичные для варваров эпохи мрачного средневековья. Меня не учили воевать подобным образом, и войну нельзя выиграть убийством женщин и детей. Мы первыми стали обладателями этого оружия и первыми использовали его. Можно не сомневаться, что потенциальные противники будут иметь его в будущем и что атомные бомбы когда-нибудь будут использованы против нас.

Вот почему как профессиональный военный, более пятидесяти лет находившийся на службе у своего правительства, я заканчиваю свой рассказ о войне, с опасением всматриваясь в будущее.

Эти новые концепции «тотальной войны» по своей сути отвратительны для солдат и моряков моего поколения. Применение атомной бомбы в войне отбросит нас в смысле жестокости по отношению к гражданскому населению назад к временам Чингисхана.

Это будет своего рода разбой и насилие над обществом, учиненные одним государством над другим, тогда как в темные века средневековья

это было результатом индивидуальной алчности и вандализма. Эти новые и ужасные инструменты войны представляют собой современную разновидность варварства, не достойного христианина.

Один из профессоров, участвовавший в «Манхэттенском проекте», сказал мне, что он надеется, что бомба не взорвется. Мне хотелось бы, чтобы он оказался прав.

Возможно, есть некоторая надежда, что потенциальная способность этого оружия сеять смерть и ужас среди беззащитного населения будет сдерживать страны от использования атомной бомбы друг против друга, так же как в только что закончившейся войне подобные опасения заставили их избегать применения новых смертоносных отравляющих веществ, созданных после первой мировой войны.

Однако я вынужден неохотно сделать вывод, что для безопасности моей страны — принцип, которым я руководствовался на протяжении всей моей службы при решении стоявших передо мной проблем,— у нас имеется только один путь:

Пока Объединенные Нации или какая-то всемирная организация не смогут гарантировать — и будут иметь полномочия и силу претворять эту гарантию в жизнь,— что мир будет избавлен от ужасов атомной войны, Соединенные Штаты должны иметь больше атомных бомб и лучшего качества, чем любой потенциальный противник.

Дуайт Эйзенхауэр

Во главе союзных войск

Эйзенхауэр, Дуайт Дэйвид (1890—1969) — государственный и военный деятель США, генерал армии (1944). В 1935—1939 годах — военный советник на Филиппинах. В годы второй мировой войны был начальником управления военного планирования и оперативного управления в штабе армии, командующим американскими войсками в Европе (с июня 1942 г.), главнокомандующим, затем верховным главнокомандующим союзными экспедиционными силами в Северной Африке и Средиземноморье (с ноября 1942 г.), верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников в Западной Европе (с декабря 1943 г.). В 1945 году награжден советским орденом «Победа». В 1945 году — командующий оккупационными войсками США в Германии. С ноября 1945 по февраль 1948 года — начальник штаба армии США. В 1950—1952 годах — верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе. В 1953—1961 годах — президент США.

Планирование операции «Оверлорд»

Я выехал из Соединенных Штатов 13 января, чтобы принять на себя руководство мощнейшей боевой группировкой войск, какую были в состоянии создать два западных союзника. На второй день вечером я уже находился в Лондоне. Снова началась подготовительная работа к вторжению, но по сравнению с аналогичной работой, проделанной полтора года назад, теперь вместо порядка был беспорядок, вместо определенности и уверенности — опасения и сомнения. В числе моих непосредственных подчиненных находились главный маршал авиации Артур Теддер, генерал-лейтенант Омар Брэдли, генерал Бернард Монтгомери, генерал-лейтенант Карл Спаатс и адмирал Бертрам Рамсей — все испытанные боевые командиры, уже имевшие опыт по руководству войсками союзников в крупной операции. Главный маршал авиации Ли-Мэллори был назначен командующим военно-воздушными силами союзников в рамках операции «Оверлорд». Он имел большой боевой опыт, в частности полу-

---

Из книги Дуайта Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу».

Eisenhower D. D. Crusade in Europe. N. Y., 1948. Печатается по: *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. М., 1980. С. 270—372, 459—503, 511—525.

ченный в битве за Англию, но пока ему не приходилось возглавлять воздушные операции, требовавшие тесного взаимодействия с наземными войсками.

Было важно, чтобы стратегическая цель операции «Оверлорд», в которой высадка десанта будет просто начальной фазой, осуществилась как можно раньше. Полученная от Объединенного англо-американского штаба директива была очень лаконична: нам предписывалось высадиться на побережье Франции и затем уничтожить немецкие сухопутные силы. В одном из ее параграфов говорилось: «Вступить на Европейский континент и во взаимодействии с другими союзными государствами предпринять операции, нацеленные на сердце Германии и на уничтожение ее вооруженных сил». Разгром вражеских войск всегда оставался нашей главной задачей.

Сердцем Западной Германии был Рур — основной центр военной промышленности страны. Вторым наиболее важным промышленным районом был Саарский бассейн. От этих двух районов в значительной мере зависела способность Германии вести войну.

Один из удобных путей подхода к реке Рейн для ее форсирования крупными силами проходил севернее Рура, а другой — через район Франкфурта. В то же время Рейн можно было форсировать и на юге, около Страсбурга. Северный маршрут, по нашему мнению, являлся наиболее важным. Во-первых, в северной части Рура местность возле Рейна была более благоприятной для наступательных действий. Во-вторых, относительно небольшое продвижение наступающих войск в этом районе отрезало бы Рур и его военную промышленность от остальной Германии. Третьим соображением в пользу наступления на севере было то, что здесь находился город Антверпен с его лучшим портом на северо-западе Европы. Захват и использование этого порта значительно сократили бы наши линии коммуникаций. Нам было ясно, что с подходом к границам Германии проблема снабжения войск приобретала бы критический характер.

Однако захват последних источников военной мощи Германии не мог быть осуществлен путем простого нанесения удара на узком фронте вдоль северного побережья. Было очевидно, что наши войска, наступающие этим маршрутом, встретили бы решительное сопротивление противника. Наступление же только частью наших сил на каком-нибудь другом направлении не позволило бы нам достичь поставленной цели.

Чтобы избежать тупика в боевых действиях, мы планировали бросить все наши силы на прорыв вражеской обороны и вести наступление на широком фронте, сосредоточивая основные усилия на левом фланге. Тем самым мы в максимально короткие сроки овладели бы огромными портами Бельгии. В результате такого наступления мы вышли бы в те районы, в которых, как нам было известно, устанавливалось на боевые позиции секретное ракетное оружие, а по мере продвижения вперед создали бы прямую угрозу Руру. Кроме того, планировалось с самого начала наступать и в направлении на Саар, как только это станет возможным после захвата бельгийских портов и выхода действующих на левом фланге войск к рубежу, откуда можно было угрожать Руру. Противник проявлял бы нервозность в связи с угрозой безопасности Саарского бассейна, а в это время наши войска, наступая в этом направлении, вскоре соединились бы с высадившейся на юге Франции группировкой, которая по плану должна была продвигаться на север по долине Роны. Такое соединение, создающее единый фронт, было обязательным и дало бы нам очень скоро большие преимущества. Оно привело бы к осво-

бождению Франции и открыло нам дополнительную широкую систему линий коммуникаций для быстрой доставки подкреплений из Америки и бесперебойного снабжения действующей армии. И наконец, немецкие войска, которые могли остаться к западу от места соединения наших войск, оказались бы отрезанными и тем самым выведенными из боевых действий. Такой план операций позволил бы нам использовать все наши войска непосредственно в боевых наступательных действиях и избавил бы от необходимости развертывать дорогостоящую оборону на растянутых флангах, где союзные войска были бы обречены на выполнение второстепенных пассивных задач.

Если все эти действия окажутся успешными, то следующим этапом должен стать окончательный разгром противника, который, вероятно, тогда будет еще обороняться на «линии Зигфрида» и вдоль реки Рейн.

В мае 1944 года мы предполагали, что при наличии портов выгрузки, на которые мы рассчитывали, ко времени решающих бросков через Рейн в составе наших войск, очевидно, будет 68 дивизий, не считая тех, что прибудут со Средиземноморья. После выделения из них 35 дивизий для наступления в направлении Амьен, Мобеж, Льеж, Рур (по нашим расчетам, это было максимальное количество войск, которые можно было выделить для действий в данном направлении) мы располагали еще 33 дивизиями и плюс теми, что прибудут с юга Франции, чтобы вести бои на растянутом фронте от Везеля на Рейне и на юг до границы Швейцарии. Следовательно, пока не будет преодолена «линия Зигфрида», нам придется предпринимать только оборонительные действия к югу от Рура. Противник мог воспользоваться этой обстановкой и сосредоточить силы для мощного контрудара.

Однако такой перспективы можно было совсем избежать, если бы мы сумели выйти к Рейну на всем его протяжении. С выходом на этот рубеж мы оказались бы в относительной безопасности на всем театре военных действий, что позволило бы переключить на наступательные операции все наши силы, а не только те 35 дивизий, которые мы могли снабжать вдоль одного направления севернее Рура.

Имелись и другие соображения, диктовавшие целесообразность захвата рубежа вдоль всей реки Рейн, прежде чем предпринять окончательное наступление на Германию. Нашей целью был разгром немецких вооруженных сил. Если бы мы могли нанести противнику сокрушительное поражение западнее Рейна, то у него наверняка остались бы весьма скудные средства для последующей обороны: русские уже вошли в Польшу, и значительная часть немецких войск оказалась бы прикованной там, чтобы противостоять наступательным операциям на Восточном фронте. Наконец, если бы нам не удалось разгромить немецкие армии западнее Рейна, где наши линии снабжения были бы наиболее короткими, как мы могли рассчитывать сделать это к востоку от Рейна, где у нас уже не будет этого преимущества? Генералы Брэдли и Паттон, а также весь мой штаб сходились во мнениях по этому вопросу при планировании наших наступательных операций через проход возле Меца и севернее Арденн.

Переходя к следующему шагу, мы полагали, что Рур, который, как ожидалось, противник будет оборонять крупными силами, лучше всего было отрезать от остальной части Германии двойным охватом. С этой целью мы планировали основными силами предпринять на севере такое мощное наступление, какое только позволят там линии коммуникаций, а на франкфуртском направлении наступать оставшимися силами. Далее, мы считали,

что, когда наступающие войска сомкнутся в районе Касселя, к востоку от Рура, в военном смысле у Германии больше не останется никакой надежды. Во всяком случае, мы полагали, что с выходом в район Касселя мы могли легко бросить в наступление наши войска на флангах. Это означало бы конец войны в Европе.

Все эти вопросы с учетом возможных вариантов явились предметом длительных обсуждений, однако общий план, который мы намеревались провести, сводился к следующему:

«Высадиться на побережье Нормандии.

Сосредоточить силы и средства, необходимые для решительного сражения в районе Нормандия, Бретань, и прорвать там оборону противника. (Операции сухопутных войск в период первых двух фаз должны осуществляться под руководством Монтгомери.)

Двумя группами армий преследовать противника на широком фронте, сосредоточив основные усилия на левом фланге, чтобы захватить необходимые нам порты, выйти к границам Германии и создать угрозу Руру. На правом фланге наши войска соединятся с силами, которые вторгнутся во Францию с юга.

Создать новую систему баз снабжения вдоль западной границы Германии, обеспечив себя портами в Бельгии и Бретани, а также на Средиземном море.

Продолжать наращивать силы и в то же время непрерывно вести наступление, чтобы измотать противника и создать условия для проведения заключительных сражений.

Закончить уничтожение вражеских войск к западу от Рейна, постоянно стремясь между тем овладеть плацдармами на восточном берегу реки.

Предпринять завершающее наступление с целью двойного охвата Рура, снова нанося основной удар левым флангом; затем немедленно осуществить бросок через Германию; конкретное направление этого наступления будет определено позже.

Захватить оставшуюся часть Германии».

От этого генерального плана, тщательно сформулированного на штабных совещаниях перед днем «Д», мы никогда, даже временно, не отклонялись на протяжении всей кампании.

Трудно было выбрать время для начала операции. На Тегеранской конференции президент и премьер-министр пообещали генералиссимусу Сталину, что наступление начнется в мае, но нам дали понять, что любая дата, выбранная из этого периода года, будет приемлемой для выполнения обязательства, взятого на себя нашими двумя политическими руководителями.

Для того чтобы наступление через Ла-Манш проходило в условиях длительной хорошей погоды, его надо было начать как можно быстрее. Другим фактором в пользу более скорого наступления были непрерывные и отчаянные усилия немцев по укреплению обороны побережья. Если учесть погодные условия на Ла-Манше, май был самым ранним сроком, когда можно было бы с успехом предпринять высадку десанта. На этот месяц приходится первое благоприятное сочетание приливов и отливов, а также время восхода солнца. Таким образом, проведение операции «Оверлорд» было предварительно назначено на начало мая.

Тревожные сообщения разведки относительно прогресса немцев в разработке новых видов оружия также указывали на целесообразность скорейшего наступления...

На помощь нам были призваны лучшие научные силы как в Англии, так и в Америке, чтобы оценить и определить немецкие возможности. Нашим единственным эффективным противодействием этим работам немцев в период подготовки к операции «Оверлорд» в 1944 году были бомбардировки. Наша авиация периодически совершала налеты на каждый район в Европе, где, по мнению наших специалистов, противник пытался либо изготовить новые виды оружия, либо построить пусковые установки вдоль побережья для своих ракет.

В течение длительного периода выводы разведывательных служб строились на крайне скудных сведениях, и, как следствие, они подчас резко отличались друг от друга. Тем не менее, перед тем как начать вторжение, наши разведчики все же смогли дать нам исключительно точные данные о новом немецком оружии.

Перенося начало вторжения в Нормандию с мая на июнь, мы руководствовались двумя соображениями. Первым и наиболее важным было то, что мы настаивали, чтобы высадка десанта на побережье предпринималась в более крупных масштабах, чем первоначально планировалось штабом в Лондоне под руководством генерал-лейтенанта Фредерика Моргана. Это был исключительно способный офицер. Задолго до моего прибытия в Лондон он завоевал высокую репутацию и уважение генерала Маршалла. Вскоре и мне представилась возможность оценить его качества и способности. Морган проделал огромную работу по детальному планированию операции, сбору необходимых данных и сосредоточению материальных средств, которые делали возможным день «Д». Лично генерал Морган поддерживал мои соображения, но был вынужден разрабатывать план на основе установленного числа кораблей, десантно-высадочных средств и прочих ресурсов. Поэтому у него не было иного выхода, кроме как разрабатывать план высадки трех дивизий, а я стал настаивать на пяти дивизиях и информировал об этом Объединенный англо-американский штаб, одновременно запросив у него выделить дополнительное количество десантно-высадочных средств и другой боевой техники. Объединенный штаб согласился с моими доводами.

Вторая причина, в силу которой нам приходилось переносить дату вторжения на более поздний срок, состояла в том, что готовность нашей авиации поддерживать действия войск зависела от метеорологических условий. Ожидавшееся улучшение погоды в мае предоставило бы ей значительно больше летного времени, чтобы помешать передвижению немецких резервов и разрушить вражеские оборонительные сооружения вдоль побережья. В конечном счете вывод из строя наиболее важных участков главных автомобильных и железных дорог, ведущих в районы будущих сражений, был крайне необходим для осуществления плана вторжения. Тем не менее принятие более позднего срока начала операции нас огорчало, поскольку нам хотелось, чтобы эта европейская кампания проводилась в летнее время.

При разработке общего плана операции мы тщательно продумали меры по введению противника в заблуждение относительно места и времени высадки десанта. Нашей задачей было убедить его, что мы намереваемся наносить удар прямо через Ла-Манш в его самом узком месте, напротив Кале. Если бы мы могли успешно высадиться в этом районе, то получили бы многие существенные преимущества. Здесь побережье было очень удобное для десантирования войск, и оно располагалось на самом близком расстоянии

как от аиглийских портов, так и от граииц Германии. Противник, хорошо поиимая это, создал у Кале более сильную оборону, чем иа других направлеииях. Поэтому иикто из иас ие верил в успешную высадку десаита в этом месте, разве что с такими ужасиыми потерями, которые поставили бы всю экспедицию в критическое положеиие и ие позволили бы добиться существеиных результатов. Но мы рассчитывали, что иам удастся ввести в заблуждение противника относительио иаших истиииых иамереиий, и осуществили с этой целью ряд разнообразных мер.

Второстепеииое иаступлеиие на юге Франции уже давно рассматривалось, по крайией мере геиералом Маршаллом и миой, как неотъемлемая и необходимая часть главной иаступательиой операции через Ла-Маиш. В иачале 1944 года я полагал, что иаши основные комаидующие и Объедиеииый аигло-америкаиский штаб имели твердую общую точку зреиия по этому вопросу. Одиако вскоре в ходе иашей работы в Лоидоие выясиилось, что даже при условии проведеиия десаитиой операции «Оверлорд» в июие у союзииков все равио ие хватит десантно-высадочных средств и другой боевой техиики, чтобы одиовремеиио вести иаступлеиие через Ла-Маиш и со стороиы Средиземиого моря в иеобходимых масштабах.

Соедииеиные Штаты в то время вели активные боевые действия иа Тихом океаие и не могли выделить иам дополиительиые десаитио-высадочные средства с этого ТВД. Оказавшись перед таким фактом, геиерал Моитгомери предложил полиостью отказаться от иаступлеиия иа юге Фраиции, которое получило кодовое иазвание «Энвил». 21 февраля 1944 года ои писал мие: «Я очеиь иастоятельио рекомеидую, чтобы теперь мы использовали весь иаш авторитет против операции «Энвил». Я ие согласился с точкой зрения Моитгомери, ио стало ясио, что иет иикакого иного выхода, кроме задержки иаступления иа юге иа такое время, чтобы сначала обеспечить кораблями и десаитио-высадочиыми средствами операцию «Оверлорд», а затем перебросить их на Средиземное море для десантирования войск иа юге Фраиции. Мы пришли к заключению, что такое решеиие ие будет особенно неблагоприятиым; по крайией мере оио куда лучше, чем полная отмеиа операции. Присутствие союзных войск иа Средиземноморском ТВД заставит иемцев держать свои войска в Южиой Фраиции, а если противиик иачнет постепеиио выводить их оттуда, то последующее иаше продвижеиие с юга будет проходить более быстрыми темпами. Поэтому мы согласились проводить операцию «Энвил» вскоре после 15 июля, как только возиикиут благоприятиые условия.

Наш плаи использоваиия авиации в подготовке операции «Оверлорд» встретил самые серьезиые и искренние возражеиия, особеиио с политической точки зреиия. Уничтожение авиацией осиовиых мостов, товарных сортировочных стаиций и вывод из строя главиых железнодорожиых магистралей Фраиции неизбежио вызвали бы жертвы среди французского иаселения. По подсчетам иекоторых специалистов, даже если мы будем бомбить ие сами крупиые города, а только важиые объекты в райоиах с исключительно большой плотностью иаселения, то осуществлеиие иашего плаиа авиациоииой поддержки обойдется по меиьшей мере в 80 тыс. жертв из числа мириых жителей. Такие действия, очевидно, вызвали бы ожесточеиие французского иарода; премьер-мииистр и миогие из его советииков иастаивали, чтобы мы изыскали какой-либо иной способ использования авиации. Черчилль был искренне потрясеи ужасающей картииой, которую

нарисовали ему противники нашего плана, и обратился ко мне с настоятельными просьбами пересмотреть этот план. «Послевоенная Франция должна быть нашим другом,— говорил он.— Это не только вопрос гуманности. Это также вопрос большой государственной политики».

Мои командующие авиацией и я подвергли сомнению точность подобных расчетов. Мы ожидали, что потери среди мирного населения будут значительно меньше тех, которые нам предсказывали, поскольку планировалось передавать как общие, так и специальные предупреждения в районы бомбардировки. Мы собирались использовать любые возможные средства, чтобы неоднократно сообщать французам и бельгийцам о необходимости покинуть важные в транспортной системе места. Более того, перед каждым налетом мы намеревались предупреждать жителей по радио и с помощью листовок, чтобы они временно оставляли свои дома. Мы могли позволить себе это, так как знали, что немецкая авиация резко ослаблена и противник не в состоянии по первому требованию обеспечить достаточно эффективную противовоздушную оборону каждого важного пункта в транспортной системе Франции. Нужно было так составить план бомбардировок, чтобы он не раскрывал района, выбранного для десантирования войск. Поэтому в мероприятиях по вводу противника в заблуждение мы неизменно выбирали для воздушных налетов некоторые объекты в районе Кале.

Целесообразность и необходимость бомбардировок обсуждались долго, добросовестно и, разумеется, с сочувствием, поскольку дело касалось человеческих жизней. В конце концов Черчилль и его правительство, а также генерал Пьер Кёниг, командующий французскими внутренними вооруженными силами, согласились с тем, что воздушные налеты следует осуществить так, как они запланированы, надеясь, что меры, принимаемые нами по предупреждению населения, будут достаточно эффективными и сведут к минимуму потери среди мирных жителей. Результаты этих бомбардировок, как потом выяснилось, положительно сказались на операциях наземных войск. Потери же среди гражданского населения составили только незначительную часть от предварительных расчетов, а французский народ в целом спокойно воспринял необходимость бомбардировок и не проявил из-за них никакого антагонизма к союзным войскам. Помимо налетов на объекты транспортной системы Франции наша авиация бомбила немецкие нефтеперегонные заводы и другие предприятия, игравшие ключевую роль в военной промышленности Германии. Авиация союзников постоянно стремилась завязать воздушные бои с люфтваффе с целью еще больше измотать их силы до того, как наступит решающая фаза в сражении сухопутных войск.

Между тем войсковые и авиационные штабы постоянно работали над совершенствованием взаимодействия в реальных боевых условиях. Эта взаимозависимость является характерной особенностью современного боя. Наземные войска должны всегда стремиться захватить и надежно прикрыть выгодную местность, откуда авиация сможет поддерживать наступающего, а постоянная поддержка наземных войск истребителями-бомбардировщиками должна рассматриваться как обычное повседневное дело. Несколько раз в критические периоды европейской кампании авиация совершала более 10 тыс. самолето-вылетов в день в качестве своей доли участия в боевых действиях.

Одной из наиболее трудных проблем, неизбежно сопутствующих планированию наступательной операции, являются вопросы технического

обеспечения войск, их снабжения, эвакуации раненых и пополнения частей.

До второй мировой войны всегда считалось, что при любой крупной высадке десанта необходимо захватить в пределах нескольких дней действующие портовые сооружения; если этого не удается добиться, то лучше отказаться от такой операции. Разработка союзниками эффективных десантно-высадочных средств, в том числе больших и малых танкодесантных кораблей, автомобилей-амфибий, в значительной мере уменьшила непосредственную зависимость от стационарных портовых сооружений. Не будет преувеличением сказать, что создание союзниками в огромных количествах новейшей боевой техники явилось одним из крупнейших факторов, обеспечивших срыв планов германского генерального штаба.

Тем не менее обладание такой техникой, которая позволяет выгрузку боевых материалов на открытый, необорудованный берег, никоим образом не устраняет потребности в портах. Особенно это касалось операции «Оверлорд». Многовековая история ясно показывает, что Ла-Манш подвержен разрушительным штормам во все времена года, причем самым худшим периодом является зима. Единственный надежный путь для обеспечения высадившихся войск всем необходимым для ведения наступления состоит в захвате крупных портов.

Поскольку характер обороны, с которой мы рассчитывали встретиться, исключал возможность быстрого захвата соответствующих портов, то возникала необходимость укрыть доставляемые на берег технику и предметы снабжения от воздействия штормов. Мы знали, что даже после захвата Шербура его портовые сооружения и линии коммуникаций, идущие оттуда, не могут полностью удовлетворить наши потребности. Чтобы решить эту на первый взгляд неразрешимую проблему, мы разработали настолько необычный план, что многие просто смеялись над ним. Этот план предусматривал создание искусственных гаваней на побережье Нормандии.

Впервые я услышал об этой идее, выдвинутой в пробном порядке адмиралом Маунтбэттеном, весной 1942 года. В ходе совещания, на котором присутствовали ряд начальников служб, он заметил: «Если в наличии нет портов, возможно, нам придется их построить отдельными частями и отбуксировать в нужное место». Его предложение было встречено возгласами удивления и шутками, но спустя два года эта идея была воплощена в жизнь.

Были спроектированы две якорные стоянки общего типа, защищенные от морских волн. Первый тип якорной стоянки, названный «гузбери», предусматривал просто линию затопленных судов, установленных носом к корме в таком количестве, чтобы они со стороны моря образовали прикрытие прибрежных вод, где небольшие суда и десантные катера могли продолжать выгрузку на берег в любых погодных условиях, за исключением сильнейшего шторма.

Другой тип якорной стоянки, названный «мэлбери», практически представлял собой настоящую гавань. Два комплекта этого искусственного порта были спроектированы и построены в Англии, и в нужное время их можно было по частям отбуксировать к берегам Нормандии. Основной строительной деталью в конструкции «мэлбери» был огромный бетонный корабль, названный «фениксом», по форме напоминавший ящик и настолько тяжелый по весу, что когда их затопляли один рядом с другим в цепочку вдоль берега, то они должны были создать надежное прикрытие образующейся бухты

почти от любого волнения на море. Было изготовлено хитроумное вспомогательное оборудование для выгрузки, а также самое разнообразное оснащение современного действующего порта. По одному искусственному порту «мэлбери» планировалось соорудить на английском и американском участках высадки. Кроме того, предусматривалось установить пять искусственных портовых сооружений типа «гузбери».

Опыт войны на Средиземноморском ТВД показал, что каждая из наших усиленных дивизий, ведя активные боевые действия, ежедневно потребляла от 600 до 700 тонн различных предметов снабжения и наши тыловые службы должны были справляться с этой задачей. Кроме того, нам предстояло одновременно с этим наращивать на плацдарме резервы живой силы, запасы боеприпасов, продовольствия, горючего, чтобы надежно обеспечить в пределах разумного времени дальнейшие наступательные действия в глубине вражеской обороны. Затем надо было создать условия для выгрузки тяжелого инженерно-строительного оборудования и материалов, необходимых для восстановления и ремонта захваченных портов, железных дорог, мостов, дорог и для строительства аэродромов. Следующей и наиболее важной задачей тыловых служб являлась организация быстрого сбора раненых на плацдармах и их эвакуации в огромную систему госпиталей, развернутых в Англии.

В уединенном месте в Восточной Англии английская армия воссоздала все виды инженерных заграждений и препятствий, какие немцы могли использовать в обороне против нас. Англичане построили закрытые огневые сооружения, воздвигли массивные каменные стены и проволочные заграждения, устроили минные поля, изготовили стальные надолбы для установки под водой и на суше, отрыли противотанковые рвы. Каждое из этих препятствий являлось копией тех, какие, как мы знали, немцы уже создали в своей системе обороны. Затем англичане приступили к разработке и испытаниям приспособлений, с помощью которых можно было бы разрушить или преодолеть эти препятствия.

Интересным примером такого экспериментирования явился новый метод использования удлиненного подрывного заряда «бангалорская торпеда». Эта «торпеда» представляет собой не что иное, как длинную трубу, наполненную взрывчаткой. Ее просовывают вперед на минное поле, и при взрыве мины детонируют по всей длине этой трубы. Таким образом создается узкий проход в минном поле, по которому солдаты могут продолжать атаку.

Такие заряды уже давно использовались в боевых действиях, однако англичане разработали новый способ их применения. Для этого они на танке «шерман» устанавливали сверху ряд трубчатых направляющих, в каждой из которых находилась «бангалорская торпеда». По мере того как танк двигался вперед, он выстреливал эти заряды с таким расчетом, чтобы они взрывались примерно в тридцати футах впереди танка и тем самым расчищали для него путь через минное поле. Каждый танк нес на себе достаточное количество этих «торпед», чтобы проделать проход примерно в пятьдесят ярдов длиной. Ценность этой идеи заключалась в том, что эту рискованную задачу будет выполнять танковый экипаж, находящийся в сравнительной безопасности за броней своего танка, а не беззащитный солдат. Я никогда не видел, как используется это новшество в боевых условиях, но оно служило примером того, что мы стремились облегчить проблемы пехотинцу. В числе других средств борьбы с противником, которые посто-

янно подвергались совершенствованиям и испытаниям, были передвижные мосты для преодоления противотанковых рвов, танки с бойковым тралом, огнеметные танки, струги для земляных работ, тяжелые катки для уничтожения мин.

Как всегда, моральное состояние войск постоянно привлекало внимание всех старших командиров. Иногда в этом отношении приходилось разрешать самые необычные вопросы. Например, один обозреватель выступил с утверждениями, что любая попытка высадиться на обороняемом побережье Северо-Западной Европы повлечет за собой потери от 80 до 90 процентов личного состава в частях первого эшелона десанта. Это безответственное утверждение получило довольно широкое распространение, вызвав сомнения и беспокойство в войсках. Брэдли и другие немедленно отреагировали на это заявление и во время многочисленных выездов в войска заклеймили его как трусливое, ошибочное и совершенно необоснованное, сделанное человеком, который не имеет никакого понятия о ведении боевых действий. Брэдли предсказывал, что потери в атакующих частях и подразделениях будут не больше, чем в любых других ожесточенных сражениях аналогичных масштабов. Мы пошли даже на то, чтобы опубликовать в газетах мнение Брэдли, и использовали все имевшиеся возможности, чтобы предотвращать зловредные предсказания, подрывавшие уверенность личного состава боевых частей.

План действий авиации разрабатывался до мельчайших деталей, и в него ежедневно вносились поправки с учетом данных об изменениях обстановки, особенно в весенние месяцы. Флот и авиация осуществляли непрерывную разведку. Сведения о противнике поступали также из других источников. В плане действий ВМС предусматривалось общее охранение, траление мин, сопровождение транспортных судов, поддержка десанта огнем корабельной артиллерии, а также создание искусственных портов, ремонт и восстановление захваченных портов и обеспечение снабжения через Ла-Манш. Были тщательно изучены оборонительные сооружения на вражеском побережье и распределены задачи по уничтожению каждой огневой точки, каждого опорного пункта. Изучались полученные аэрофотоснимки, на которых отмечалось продолжавшееся наращивание противником препятствий в прибрежных водах. Во время приливов большинство этих препятствий находилось под водой. Заранее тщательно определялись маршруты следования к портам погрузки, время отхода и прибытия судов, места размещения временных лагерей, их прикрытие и маскировка.

Когда подошло время для перемещения наших войск и техники поближе к портам погрузки, южная часть Англии превратилась в один огромный лагерь. По нашей просьбе английское правительство запретило свободный въезд в эту часть страны, а также прервало сообщение между Соединенным Королевством и Эйре, поскольку нейтральное Эйре кишело вражескими агентами. Правительство пошло даже на беспрецедентный шаг, запретив всякую дипломатическую связь, чем вызвало резкие протесты иностранных государств. Оно изъяло из прибрежного судоходства суда, с тем чтобы мы могли использовать их в военных целях. Это вызвало неимоверную загрузку и без того перегруженных железных дорог. Пассажирское движение практически прекратилось, и даже важнейшие потребительские товары доставлялись с большим трудом. Строительство огромных искусственных гаваней требовало привлечения многих тысяч людей, и это еще больше усугубляло

и без того сложную проблему перенаселенности в районах портов и гаваней.

Удачное сочетание лунного освещения, прилива и времени восхода солнца, которое также было необходимо для нас, наступило 5—7 июня. Мы хотели, чтобы наши корабли с десантом пересекли Ла-Манш ночью. Это скрыло бы под покровом темноты силы и направления наших ударов. Лунный свет помог бы нам при высадке воздушного десанта. Нам нужно было приблизительно сорок минут светлого времени перед десантированием на берег, чтобы провести предварительную бомбардировку и обстрел противника корабельной артиллерией. Мы должны были атаковать берег при относительно слабом приливе, чтобы удалить расставленные немцами препятствия, пока они были видны над водой. Эти основные факторы определяли выбор времени для высадки десанта; однако назначение конкретного дня еще зависело от прогноза погоды.

Если бы ни один их этих трех дней не оказался приемлемым с точки зрения метеорологических условий, то последствия для нас были бы очень тяжелыми. Внезапность всей операции была бы потеряна. Войска первого эшелона десанта выгрузились бы с судов и были бы остановлены в районах сосредоточения, а в это время стали бы прибывать последующие волны десанта. Сложные графики передвижения войск и техники пришлось бы выбросить за ненадобностью. Упал бы моральный дух людей. Очевидных благоприятных условий пришлось бы ждать по меньшей мере четырнадцать, а то и все двадцать восемь суток. За это время воодушевление у более чем 2 млн человек исчезло бы. Период хорошей погоды для всей кампании на этом ТВД еще больше сократился бы, а оборона противника еще больше усилилась бы. Очень скоро в Англии и США поняли бы, что произошло какое-то несчастье, и трудно было предвидеть возможные последствия вызванного таким ходом событий общего уныния. Наконец, постоянно беспокоила смутная тревога, что немцы устанавливают на французском побережье новое эффективное оружие. Каково будет его воздействие на наши переполненные гавани, особенно в Плимуте и Портсмуте, мы не могли предвидеть даже в общих чертах.

Это был напряженный период, еще больше осложнявшийся тем обстоятельством, что на один из факторов, который мог привести нас к полной катастрофе, мы были не в состоянии воздействовать. Как-то солдаты заметили, что погода всегда нейтральна. Нет более неверного утверждения. Плохая погода всегда является противником той стороны, которая собирается предпринять операцию только при благоприятных метеорологических условиях, или той стороны, которая обладает таким большим преимуществом, как сильная авиация, эффективность которой зависит от погоды. Если действительно будет постоянно плохая погода, нацистам ничего больше не потребуется для обороны побережья Нормандии.

Особенно трудно было решить вопрос, связанный с выброской воздушного десанта на полуостров Котантен. Десантирование с моря на восточном побережье этого полуострова, на участке под кодовым наименованием «Юта», было включено в общий план операции в силу моего убеждения, которое совпало с мнением Брэдли, что без этого будет трудно или почти невозможно быстро захватить Шербур. Если мы быстро не овладеем Шербуром, то противник может воспользоваться возможностью молотить нас на узком плацдарме с таким успехом, что сорвет всю нашу операцию. По

нашему мнению, быстрый и полный успех на плацдарме «Юта» являлся предпосылкой к реальному успеху всей кампании.

Единственный доступный для десантирования участок на побережье полуострова Котантен был все же трудным. Сразу за берегом начиналась широкая лагуна, на которой было построено несколько узких насыпных дорог, ведущих в глубину полуострова. Если противник будет прочно удерживать в своих руках эти дороги, то наши высадившиеся войска окажутся в ловушке и в конечном счете будут уничтожены вражеским огнем.

Чтобы предотвратить это, мы планировали выбросить две дивизии американских парашютистов в глубине полуострова, напротив плацдарма «Юта», с основной задачей захватить и удержать за собой эти важные дороги. Местность была исключительно непригодной для воздушно-десантных операций. Повсюду многочисленные мощные живые изгороди. Берег был усеян зенитными орудиями, сквозь огонь которых должны были пролетать уязвимые транспортные самолеты и планеры. Кроме того, в этом районе находились подвижные части противника, которые попытаются нейтрализовать наших парашютистов и планеристов до того, как те сумеют сосредоточиться и начать боевые действия.

Весь этот план подвергался длительным обсуждениям с самого начала, когда он был предложен, однако генерал Брэдли и генерал-майор Мэтью Риджуэй, наш старший американский офицер от воздушно-десантных войск, всегда решительно поддерживали меня, заявляя о необходимости и осуществимости этой операции. Вскоре эта операция была включена в общий план.

В оставшиеся до начала операции дни предстояло отрегулировать еще ряд некоторых деталей. Но главное, что больше всего беспокоило нас,— это какая погода будет в период с 5 по 7 июня.

Вся Южная Англия была забита войсками, ожидавшими последней команды. Вокруг стояли груды военных материалов и масса боевой техники, приготовленные для переброски через Ла-Манш. Весь этот район был отрезан от остальной части Англии. Правительство установило полосу, которую никто не имел права пересекать ни в том, ни в другом направлении без специального пропуска. График движения каждой части был составлен так, чтобы она точно прибывала к месту погрузки на суда. Самые южные лагеря, где были сосредоточены войска первого эшелона десанта, находились уже за плотной оградой из колючей проволоки, чтобы предотвратить самовольный уход какого-либо солдата из своего подразделения после того, как он получит боевую задачу для высадки на французское побережье. Вся эта мощная сила была напряжена, подобно сжатой пружине, готовая в нужный момент устремиться через Ла-Манш для осуществления величайшей в истории десантной операции.

Дважды в день — в 9.30 вечера и в 4.00 утра — мы собирались с представителями метеорологического комитета, состоявшего из американских и английских специалистов. Возглавлял этот комитет суровый и осторожный шотландец полковник авиации Стэг. На этих совещаниях эксперты детально докладывали о метеорологических прогнозах на ближайшее время. С приближением критического периода нарастала напряженность. По мере того как перспективы на приличную погоду становились все хуже и хуже, напряженность среди командного состава нарастала.

Последнее такое совещание было запланировано на 4 часа утра 4 июня,

чтобы в пробном порядке назначить дату вторжения на 5 июня. Однако некоторые контингенты войск, размещавшиеся в северных частях Великобритании, уже получили приказ выйти в море, так как они не могли ждать окончательного решения до утра 4 июня.

Когда командующие войсками собрались на это совещание, поступивший прогноз погоды был обескураживающим: низкая облачность, сильный ветер и большое волнение на море обещали превратить высадку десанта в самое рискованное дело. Метеорологи заявили, что в таких условиях станет невозможной авиационная поддержка, огонь корабельной артиллерии будет неэффективным, а управление мелкими судами — затруднено. Адмирал Рамсей считал, что с управлением судов можно справиться, но вести точный огонь корабельной артиллерии действительно трудно. В основном он занимал нейтральную позицию. Генерал Монтгомери, обеспокоенный неблагоприятными последствиями при задержке десантирования, предлагал начать операцию. Теддер не соглашался с ним.

Оценив все факторы, я решил, что вторжение следует отложить. Это заставило нас немедленно вернуть в порты уже находившиеся в пути суда и породило некоторые сомнения относительно того, будут ли они готовы вновь выйти в море через 24 часа, если погода на следующий день окажется благоприятной. Маневр кораблей и судов в Ирландском море оказался крайне трудным в условиях шторма, но их команды, проявив высокую выучку и мастерство, сумели справиться со своей задачей.

Совещание вечером 4 июня добавило мало утешительного к общей картине утреннего доклада, и напряженность еще больше усилилась.

В 3.40 на следующее утро наш небольшой лагерь сотрясался под порывами ветра, достигавшего почти ураганной силы, а дождь, казалось, шел сплошной стеной. Путь в одну милю через раскисшие дороги в военно-морской штаб был далеко не ободряющим, и казалось, что нет никакого смысла проводить какое-либо совещание. Когда же оно началось, полковник Стэг в своем докладе отметил, что плохие погодные условия, предсказанные за день до этого для северного побережья Франции, фактически подтвердились и что если бы мы настояли на десантировании 5 июня, то почти наверняка произошла бы крупная катастрофа. Это метеорологи, вероятно, сообщили для того, чтобы приободрить нас, потому что их последующее заявление поразило всех: к следующему утру наступит до сих пор совершенно непредвиденный период относительно хорошей погоды продолжительностью около 36 часов. Правда, долгосрочный прогноз погоды был неважным, и после короткого периода относительного спокойствия ожидалось опять ухудшение погоды.

Перспектива была неясной, поскольку после успешной высадки первых волн десанта нам пришлось бы из-за ухудшения погоды прекратить наращивание сил на плацдарме и тем самым оставить изолированные друг от друга высадившиеся войска в качестве легкой добычи для противника. Однако возможные последствия дальнейшей задержки оправдывали большой риск, и я быстро объявил решение приступить к десантированию 6 июня. Было 4.15 утра 5 июня. Никто из присутствовавших не выразил своего несогласия, наоборот, на их лицах появилось определенное просветление, и каждый без лишних слов направился на командный пункт, чтобы немедленно радировать своим войскам решение, которое приведет их в движение.

Поздно вечером 5 июня я заехал в лагерь американской 101-й воздушно-десантной дивизии, одной из тех дивизий, целесообразность участия которых в воздушном десанте подвергалась столь серьезному сомнению со стороны главного маршала авиации Ли-Мэллори. Я застал солдат в хорошем настроении; многие из них шутливо говорили мне, что нет никаких причин для беспокойства, поскольку за дело берется 101-я дивизия. Все будет сделано в лучшем виде. Я оставался с ними, пока последние группы не поднялись в воздух примерно около полуночи. После двухчасовой езды обратно в свой лагерь оставалось уже очень немного времени, когда должно было начаться поступление первых донесений от высадившихся на берег войск.

День «Д» и высадка десанта

Первое донесение поступило от воздушно-десантных частей, которые я посетил за несколько часов до начала операции, и по тону оно было весьма обнадеживающим. Утром стало ясно, что десантирование проходило довольно успешно. Монтгомери вышел на эсминце, чтобы осмотреть плацдарм и подобрать место для первого эшелона своего штаба. Я обещал посетить его на следующий день.

Боевые действия на участке «Юта», где десантирование с моря увязывалось с выброской американского воздушного десанта, проходили удовлетворительно, как и бои на левом фланге района десантирования войск. Дневные донесения, однако, показывали, что на участке «Омаха» развернулось исключительно ожесточенное сражение. Я решил, что следующим утром мне надо побывать именно на этом участке.

Мы вышли на эсминце и по прибытии на участок «Омаха» узнали, что 1-я и 29-я дивизии наконец выбили немцев с прибрежных оборонительных позиций и быстро продвигаются вперед. Отдельные очаги сопротивления все еще продолжали сдерживать натиск наших войск; кое-где противник вел беспокоящий артиллерийский огонь по высаживающимся на берег войскам и десантным судам. Мне представилась возможность переговорить с генералом Брэдли, и я нашел его, как всегда, стойким и уверенным в успехе боя. В сущности, то сопротивление, с которым мы встретились на участке «Омаха», не явилось для нас неожиданностью, ибо мы предполагали, что оно будет именно таким по всему побережью. Убеждение немцев, что мы не предпримем высадку десанта в такую погоду, сыграло роль в достижении нами определенной внезапности и в некоторой степени явилось причиной невысокой активности сопротивления на большинстве участков десантирования. Напряженность боев на участке «Омаха» объяснялась тем, что немецкая 352-я дивизия находилась в состоянии боевой готовности и проводила в этом районе, как показали пленные, учения по обороне побережья.

За день я объехал все участки захваченного побережья и побеседовал с основными командующими, в том числе с Монтгомери. К вечеру, следуя на большой скорости вдоль берега, наш эсминец наскочил на мель и получил такие повреждения, что нам пришлось пересесть на другой корабль, чтобы вернуться в Портсмут.

Последующие несколько дней подвергли серьезному испытанию наш план наращивания сил на плацдарме, который с такой терпеливостью разрабатывался в течение многих месяцев. В целом он выполнялся хорошо, хотя требовал внесения в него небольших изменений. Размещение моего штаба в Портсмуте позволяло делать это быстро и без осложнений.

При претворенни в жизнь такого рода планов всегда появляются непредвиденные затруднения, которые можно довольно легко устранить, если высшее командование внимательно следит за обстановкой и принимает соответствующие меры. Во избежание различных осложнений и неразберихи при нарушении графика перевозки людей и грузов нами был создан специальный орган из представителей всех служб. Через него вполне удовлетворительно решались все транспортные вопросы.

В Вашингтоне также нарастало напряжение в связи с осуществлением вторжения в Европу. Едва мы успели закрепиться на берегу Нормандии, как в Англию прибыли генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд в сопровождении офицеров из соответствующих штабов. Я организовал им поездку на плацдарм днем 12 июня. Их присутствие на захваченном берегу, где они испытывали явное удовлетворение достигнутыми результатами, ободряюще действовало на войска. Важность такнх визитов, совершаемых военачальниками, в том числе иногда самыми высокопоставленными представителями правительства, едва ли можно переоценить в смысле их разделений. У солдата всегда появляется чувство удовлетворения, когда он видит поблизости от себя очень большого начальника, вероятно полагая, что район безопасен, иначе такой начальник не находился бы здесь.

Период от дня «Д» до нашего решительного прорыва вражеской обороны 25 июля составил определенную фазу в операциях союзных войск и получил название «Сражение за плацдарм». Эта фаза включала в себя ряд непрерывных и тяжелых боев, в ходе которых, если не считать захвата Шербура, нам не удалось далеко продвинуться. Однако именно в это время были подготовлены условия для последующих действий по освобождению Франции и Бельгии. В ходе боев на плацдарме мы проверили на практике многие положения нашей доктрины и организацию материального обеспечения войск, которые оказались полезными для нас на последующих этапах войны.

Монтгомери, зная, что Роммель, его старый противник по боям в пустынях Африки, будет руководить обороной немцев, предсказывал, что действия противника будут характеризоваться постоянными контратаками, осуществляемыми любыми силами, какне окажутся у него под рукой,— от дивизии до батальона и даже роты. Монтгомери нсключал возможность того, что противннк под руководством Роммеля будет выбирать естественные оборонительные рубежи и спокойно и терпеливо наращивать максимально возможные силы, чтобы затем предпринять решительное контрнаступление на наши войска в прибрежной зоне. Его предсказания полностью подтвердились.

Со дня, как мы высадились на берег, боевые действия нигде не приобретали позиционного характера времен первой мировой войны, за исключением боев у отдельных изолированных пунктов. Однако такая возможность существовала, и все мы, а особенно наши английские друзья, это всегда помнили.

Брэдли предсказывал, что захват Шербура будет довольно трудным делом, и рассчитывал на быстроту и решительность действий, а также на силу своих войск, чтобы скорее добиться полного успеха в этом районе. По его мнению, на выполнение этой задачи потребуется десять дней, если нам повезет, и тридцать, если не повезет. В числе всего прочего исход подобных прогнозов зависел, разумеется, от успешного наращивания наших сил на плацдарме. В планах высадки детально предусматривалась почасовая и ежедневная доставка на берег войск и различного рода боевой техники, которые требовались не только для текущих операций, но и для создания резервов, чтобы можно было перейти к решающим фазам сражения.

На начальном этапе боев вопреки нашим надеждам нам не удалось захватить город Кан и прилегающую к нему с юга и юго-востока территорию, где мы собирались побыстрее ввести в действие наши танковые силы и в широких масштабах применить авиацию. Бои в этом районе приобрели непрерывный и напряженный характер. Роммель упорно оборонялся, и по мере развития событий нам стало ясно, почему он так настойчиво цеплялся здесь за каждый клочок земли.

Чтобы усилить оборону, противник сначала стянул в зону боев все войска, какие можно было снять с других районов полуострова Бретань. Затем он доставил сюда дивизии из Южной Франции и Нидерландов. Его единственные оставшиеся крупные резервы в Северо-Западной Европе, которые не были введены в бои, находились около Кале в составе 15-й армии. Чтобы сохранить связь с этой армией, он должен был удержать за собой Кан. В случае потери этого города его две основные группировки оказались бы отрезанными одна от другой, и после этого их совместные действия были бы возможны только после осуществления длительного отхода. Поэтому противник срочно бросил в район города Кан свои лучшие дивизии и принял все необходимые меры для обороны этого района до конца.

Срыв наших усилий по выполнению ближайшей задачи в восточном секторе не повлек за собой изменений основных целей оперативного плана. Тем не менее это еще раз подтвердило ту старую истину, что в каждый план боя, в котором на основании решения командира определяется боевой порядок войск и выделяются необходимые средства для достижения поставленных целей, всегда приходится вносить поправки в зависимости от складывающейся обстановки. Как только стало ясно, что противник намеревается любой ценой удержать за собой Кан, как ключевой пункт в его обороне, мы сразу же воспользовались этим в своих интересах, чтобы приковать немцев к этому району и тем самым облегчить наши действия на других участках.

Первоначально 7-й корпус генерала Коллинса наступал непосредственно в западном направлении, чтобы перерезать полуостров Котантен. Затем он быстро повернул в сторону Шербура, предварительно обеспечив себе прочное прикрытие с юга, чтобы заблокировать любые попытки противника направить подкрепления на этот полуостров.

Первая «летающая бомба», известная как Фау-1, 12 июня 1944 года достигла Лондона. Она представляла собой небольшой беспилотный самолет, летевший на большой скорости по заранее установленному курсу. Самолет-снаряд Фау-1 нес в себе крупный взрывной заряд, детонировавший при падении и вызывающий большие разрушения. Первые Фау-2

были использованы только в начале августа. Это была ракета, запускаемая на большую высоту и падавшая оттуда с такой скоростью, что ее обнаруживали только тогда, когда уже раздавался взрыв. Во время полета ее нельзя было услышать или увидеть, а также невозможно было перехватить, и по этой причине она не наводила столько страха, сколько Фау-1.

Баллистическая ракета Фау-2 причиняла особенно большие разрушения, если попадала прямо на какой-либо объект. Благодаря большой скорости она проникала глубоко в землю, и ее огромное разрывное действие направлялось вверх. Поэтому когда она взрывалась на открытой местности, ее действие было относительно малоэффективным, но в случае падения на здание она почти полностью разрушала его.

Разработка и использование самолета-снаряда Фау-1 и баллистической ракеты Фау-2 были, несомненно, в значительной мере задержаны нашими весенними бомбардировками тех мест, где, как мы подозревали, их изготовляли. Было известно, что Пенемюнде являлся одним из крупнейших экспериментальных центров в Германии, и мы периодически направляли туда крупные соединения бомбардировщиков для нанесения ударов по подозреваемым объектам в этом районе. Нам сообщали и о других подозрительных местах. Одним из таких был Тронхейм в Норвегии, где, как мы считали, немцы работали над созданием атомного оружия. Мы также подвергали воздушным бомбардировкам северо-западное побережье Европы, где, по данным нашей аэрофоторазведки, имелись многочисленные сооружения, которые могли быть связаны с использованием нового немецкого оружия. Мы непрерывно бомбили их с воздуха.

Новое вражеское оружие оказывало заметное воздействие на моральное состояние англичан, но они выдержали эти ужасные бомбардировки. Однако после успешной высадки союзников в июне 1944 года на побережье Нормандии англичане, несомненно, испытывали огромное чувство облегчения не только в связи с появившейся перспективой на победу, но и в связи с надеждой избавиться от вражеских бомбардировок. Однако когда эти «летающие бомбы» стали появляться над Лондоном в значительном количестве, надежды англичан исчезли. Угнетающее воздействие этого оружия распространялось и на солдат, которые на фронте вновь стали проявлять беспокойство за судьбу своих родственников и друзей. Многие американцы спрашивали меня с тревогой о том, что стало с теми городами Южной Англии, в которых они размещались перед началом операции «Оверлорд».

Вероятно, если бы немцам удалось усовершенствовать это оружие месяцев шесть назад и пустить его в ход, то наше вторжение в Европу было бы крайне затруднено, а возможно, и исключено. Я убежден, что если бы противник сумел использовать такое оружие в течение этого времени против основных объектов в районе Портсмут, Саутгемптон, то вся операция «Оверлорд» могла бы оказаться перечеркнутой *.

Принятые вскоре меры против Фау-1 дали положительные результаты, однако и при этом угроза использования их существовала круглые сутки и в любую погоду. На фронте мы стремились поскорее захватить районы стартовых позиций, откуда запускалось это оружие против Англии. Однако

* Условия для успешного проведения операции «Оверлорд» прежде всего определялись положением дел на советско-германском фронте, где были сосредоточены основные силы фашистских агрессоров.— *Прим. ред.*

следует отдать должное английским руководителям: ни один из них никогда не ставил передо мной вопроса об изменении наших планов операций с целью поскорее избавить Англию от этого бедствия.

Монтгомери 18 июня все еще считал, что условия позволяют осуществить быстрый захват Кана. В его директиве говорилось: «Ясно, что теперь мы должны захватить Кан и Шербур и сделать первый шаг на пути полного осуществления наших планов. Кан действительно является ключом к Шербуру...» В той же директиве он дал следующие указания английской армии: «Непосредственной задачей английских войск является захват Кана...» Последнее предложение этого приказа гласило: «Я надеюсь, что к 24 июня как Кан, так и Шербур будут захвачены».

На левом фланге немецкие танковые части и оборонявшаяся пехота продолжали срывать наши намерения, однако порт Шербур пал 26 июня, на двадцатый день после высадки союзных войск в Нормандии. Генерал Коллинс вел быстрое наступление в этом направлении и в результате оправдал свою кличку Молниеносный Джо. В заключительной стадии наступления существенную помощь его войскам оказал сильный и точный огонь корабельной артиллерии.

Что касается везения, то оно было средним между минимальной и максимальной оценками, высказанными генералом Брэдли. Наша большая удача состояла главным образом в достижении определенной внезапности при высадке на участке «Юта», который немцы считали непригодным для крупной десантной операции, и в эффективных действиях 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий, высадившихся почти в центре полуострова. 19 июня на нас обрушился ураган. Он почти полностью приостановил на четверо суток высадку войск и боевой техники на плацдарм и тем самым серьезно помешал всему ходу боевых действий. Связь между Британскими островами и континентом прекратилась; невозможно было даже посадить самолет на небольшую взлетно-посадочную полосу, которую мы построили на плацдарме. Искусственный порт на участке «Омаха» в американском секторе получил такие повреждения, что нечего было и думать о его ремонте. Огромное число кораблей и небольших судов сели на мель или оказались выброшенными на берег. Если бы не проведенная до этого эффективная авиационная подготовка по немецким войскам, то сложившиеся в результате урагана условия были бы идеальными для немецкого контрнаступления. Здесь, как всегда, сказалось решающее влияние военно-воздушной мощи на ход сражения, которое вели сухопутные войска.

В день прекращения шторма я облетел весь участок побережья, где высадились войска, и насчитал более 300 разрушенных судов; некоторые из них были так повреждены, что восстановить их не представлялось возможным.

Когда налетел ураган, американская 83-я дивизия находилась на судах как раз напротив побережья. Выгрузка дивизии в таких условиях полностью исключалась, и ее личный состав весь шторм провел на судах, подвергаясь тяжелому испытанию. Я посетил солдат этой дивизии в день, когда они наконец вышли на берег; многие все еще страдали от морской болезни и находились в состоянии полного изнеможения.

За всю войну я не видел такой картины, которая произвела бы на меня столь сильное впечатление, как вид разрушенной техники на берегу

и в прибрежных водах. Для любой другой страны такая катастрофа оказалась бы почти роковой, однако Америка с ее огромными производственными возможностями сумела обеспечить наращивание сил на плацдарме.

С захватом Шербура немедленно начались восстановительные работы в порту. Немцы сильно разрушили порт и заминировали гавань и подступы к ней самыми разнообразными минами. Некоторые из новых типов мин могли быть обезврежены только с помощью водолазов. Работа экипажей минных тральщиков и водолазов в шербурской гавани была полна драматизма и мужества.

В течение двадцати дней, которые потребовались американскому 7-му корпусу для захвата Шербура, союзные войска на остальных участках фронта продолжали вести непрерывные бои без существенного продвижения вперед, а в районе Кана боевые действия зашли почти в тупик.

Монтгомери прекрасно осуществлял боевое руководство английскими и канадскими войсками на правом фланге и их взаимодействие с американцами. Он хорошо понимал душу английского солдата, и моральное состояние в подчиненных ему войсках оставалось высоким, несмотря на неудачи и потери.

Генерал Брэдли проявил непоколебимость, энергию, профессиональное мастерство и способность добиваться слаженности в действиях американских войск, которая была выкована на нормандском плацдарме и ни разу не была серьезно поколеблена в последующем ходе войны. Он тогда командовал 1-й армией. Генерал-майор Элвуд Куэсада, молодой и энергичный офицер ВВС, руководил тактическими авиагруппами, непосредственно поддерживавшими 1-ю армию. Взаимное доверие, сложившееся между ними, тесное взаимодействие на поле боя и то боевое настроение, которое они умели создать у своих подчиненных,— все это служило приятным контрастом с теми другими случаями, с которыми мне пришлось столкнуться в начале войны. Действия военно-морских сил также прекрасно вписались в эти общие усилия. Успехи трех видов американских вооруженных сил в Европе под единым командованием оказали сильное влияние на мою решимость добиваться введения аналогичной системы руководства в послевоенных вооруженных силах США.

На первых стадиях операции я почти все время находился в беспрерывных поездках. Посещения Монтгомери, Брэдли или выезды в действующие войска чередовались с напряженной работой в моем штабе в Портсмуте, где я координировал морские перевозки, планировал боевые действия и проверял соединения, которые еще находились в Англии и предназначались для ввода в бой в ближайшее время.

Одним небольшим событием, приятным лично для меня и характеризовавшим постоянную внимательность генерала Маршалла к своим подчиненным, явилось прибытие ко мне моего сына примерно в середине июня. Он окончил Вест-Пойнт, и с одобрения генерала Маршалла ему разрешили провести краткосрочный отпуск со мной, только при условии, что он вернется в Соединенные Штаты на курсы повышенной подготовки к 1 июля. Мы в эти дни разъезжали с ним повсюду, и он был очень доволен. Единственное, что огорчило его — это мой отказ вмешаться в нормальный ход военной службы молодого офицера и назначить его в одну из пехотных дивизий, находившихся тогда в Европе.

Как английские, так и американские войска упорно наращивали силы на континенте, несмотря на потери и задержки, вызванные сильным штормом 19 июня. Но все это носило временный характер и не оказывало существенного влияния на претворение в жизнь наших планов.

Непрерывное прибытие свежих войск позволяло нам поддерживать наступательные действия в условиях неблагоприятной местности и погоды. На востоке мы старались сковать максимальные силы немцев, а на западе пытались развить успех с ограниченного плацдарма, чтобы окончательно прорвать вражескую оборону.

Для всех нас конец июня оказался трудным периодом. Некоторые высокопоставленные гости, появлявшиеся у нас, начинали выражать опасения, что мы заходим в тупик и что те, кто предсказывал мрачный исход операции «Оверлорд», видимо, были правы. Большой риск, который всегда сопровождает десантную операцию, заключается в том, что высадившиеся войска могут оказаться заблокированными противником. Захват соответствующего плацдарма является предпосылкой для наращивания на нем войск и боевой техники, необходимых для решающих активных боевых действий.

Когда условия местности благоприятны для обороны и позволяют хорошо организовать снабжение войск и доставку подкреплений, существует опасность того, что, несмотря на успешную высадку, дальнейшие боевые действия наступающей стороны могут скорее превратиться в затяжные изматывающие бои, чем в сокрушительное наступление против основных сил обороняющегося противника. Именно такая обстановка сложилась для союзников у Галлиполи во время первой мировой войны и частично повторилась в ходе боевых действий у Анцио в первые месяцы 1944 года. Разумеется, возможность возникновения такого положения нами задолго до высадки была тщательно изучена, и были приняты соответствующие меры. Главным средством для устранения такой ситуации являлась наша воздушная и морская мощь. Мы были уверены, что с помощью авиации расстроим систему снабжения и коммуникаций противника, сорвем быстрые переброски его войск и разрушим подготовленную оборону. Посредством военно-морских сил и искусственных портов мы обеспечим себе надежную и эффективную систему снабжения войск и доставку подкреплений. Следовательно, мы были уверены, что нам удастся осуществить наращивание сил. Кроме того, была возможность предпринять вспомогательную десантную операцию, а также выбросить воздушный десант на полуостров Бретань.

На первоначальном этапе планирования операции огромное значение придавалось портам в Бретани, и мы считали, что если противник пойдет на ослабление своей обороны там, чтобы организовать непреодолимое сопротивление перед фронтом высаженных в Нормандии войск, то мы могли бы осуществить внезапное наступление на Бретань, что создало бы угрозу флангу и тылу противника. В этой связи мы уже знали, что немцы, покидая порты, всегда оставляют за собой хаос и разрушения, которые крайне затрудняли быстрое восстановление и ремонт. Мы остановили свой выбор на заливе Киброн, наиболее удобном месте для организации снабжения высадившихся войск; залив был достаточно большим, хорошо укрытым с моря, но неподготовленная гавань находилась на южной стороне, у основания полуострова.

По мере того как приближался июль, мы внимательно следили за складывавшейся обстановкой, чтобы решить вопрос, проводить эту вспомогательную операцию или нет. Лично я все больше и больше склонялся к мысли отказаться от нее. Было ясно, что действия нашей авиации и войск, а также проведение ложных маневров не позволят немцам создать непреодолимую оборону в Нормандии. К тому же я знал, что любая попытка предпринять вспомогательную десантную операцию приведет к задержке непосредственного наращивания сил и средств на основном направлении. Я все же считал, что нам придется широко использовать порты в Бретани, но для овладения ими мы должны были продолжать наши атаки на основном направлении, а не ослаблять их ради проведения вспомогательной операции.

Я часто встречался во Франции с генералами Брэдли и Монтгомери, чтобы посоветоваться относительно подготовки тех или иных боевых операций и размеров сил, привлекаемых для их осуществления. Поездки в войска вместе с Брэдли были всегда приятными, так как он и я любили побывать в районе боевых действий и поговорить с солдатами, несущими на себе всю тяжесть войны. Многие из наших совещаний были проведены во время этих довольно частых совместных поездок в действовавшие войска.

В конце июня плацдарм был еще слишком мал, чтобы начать переброску штаба верховного командования союзных экспедиционных сил во Францию; однако для того чтобы находиться в постоянном контакте с командующими войсками, я уже в июле отправил на плацдарм свой личный штаб. Бои за расширение плацдарма и наращивание сил на нем временами проходили разочаровывающе медленно, и это дало американской и английской прессе повод для резкой критики. Авторы этих критических выступлений, разумеется, не могли знать всей обстановки на фронте. Если бы все сведения во время войны становились достоянием широкой гласности, то нельзя было бы никогда застигнуть противника врасплох.

Однако в условиях временного тупика в боевых действиях всегда существует проблема поддержания высокого боевого духа сражающихся войск, когда они несут потери и между тем слышат критику в адрес своих командиров. Голоса комментаторов доходили до каждого отделения и взвода через небольшие радиоприемники, с которыми солдаты никогда не расставались.

Критические высказывания прессы оказывали еще более отрицательное воздействие, когда солдаты начинали находить их и в письмах от родственников, которые под влиянием таких сообщений ожидали от фронта невозможного. Эта проблема становилась значительно серьезнее для необстрелянных солдат, чем для ветеранов. Настроение последних хорошо выразил однажды во время разговора со мной один сержант, который со своим подразделением железнодорожных войск ожидал дальнейшего переезда к фронту, чтобы там начать какое-то нужное строительство. Он сказал: «Генерал, на карте эта работа выглядит легкой, однако теперь кажется, что фрицы могут помешать нам в чем-то. Но настроение у нас нормальное! А если что и случится, то хорошая, воодушевляющая победа все исцелит».

Прорыв

Первая основная задача кампании в Нормандии, заключавшаяся в создании надежного плацдарма с соответствующими путями снабжения в районе между Шербуром и устьем реки Орн, была полностью осуществлена к концу июня.

С самого начала фельдмаршал Монтгомери, Брэдли и я считали, что в конечном счете с плацдарма будет предпринято крупное наступление нашим мощным левым крылом, в результате чего мы выйдем на линию Сены и весь район между этой рекой и Луарой и в восточном направлении до самого Парижа окажется в наших руках. Под этим не подразумевалось принятие жесткого оперативного решения. Это было просто наше мнение относительно того, что произойдет, когда мы сосредоточим всю мощь авиации, сухопутных и военно-морских сил против вражеских войск в Северо-Западной Франции.

Важное место в наших расчетах отводилось рубежу, с которого мы первоначально намеревались предпринять наступление левым флангом. Эта часть предсказаний не сбылась, и требовалось внесение поправок. В плане, официально представленном Монтгомери 15 мая, говорилось: «Когда мы выйдем на рубеж Гренвилл — Вир — Аржантан — Фалез — Кан, а территория, ограниченная этой линией, прочно окажется в наших руках, тогда мы сможем начать наступательные операции с этого оперативного плацдарма».

На этот рубеж мы надеялись выйти к 23 июня, то есть день «Д» плюс 17. В более подробном изложении 7 апреля Монтгомери утверждал, что вторая крупная фаза операции, предположительно начинаемая вскоре после дня «Д» плюс 20, потребует разворота английской армии на левом фланге у Фалеза, а «правым флангом идти на Аржантан — Алансон». Это означало, что Фалез будет в наших руках до начала крупного наступления с разворотом левого фланга. Рубеж, который мы фактически занимали, когда начался прорыв в день «Д» плюс 50, проходил приблизительно там, где мы должны были находиться по планам в день «Д» плюс 5.

Таким образом, обстановка сложилась далеко не такая, как предполагалось, но с этим приходилось считаться. Сражение не является односторонним делом. Противоборствующие стороны постоянно стремятся захватить удобные позиции и нанести друг другу максимально возможный урон.

В данном случае важное значение района Кана вынудило противника использовать для его обороны крупные силы. Захват Кана временно стал невозможным, или, по крайней мере, овладение им могло быть осуществлено недопустимо дорогой ценой.

Естественно, что такой ход событий вызвал бы затруднения. Если бы нам удалось в первом броске захватить равнинную местность к югу от Кана, то наступление американцев на район Авранша могло бы превратиться в простое преследование отходящего противника вместо тех упорных боев, которые теперь приходилось вести, то есть более серьезный первоначальный успех на нашем левом фланге существенно облегчил бы на правом фланге выход на приемлемые рубежи, откуда можно было бы начать мощное наступление.

По мере того как проходили дни после высадки на нормандском по-

бережье, пресса проявляла особое недовольство отсутствием прогресса на нашем левом фланге. Естественно, что я и все мои подчиненные были серьезно обеспокоены такой обстановкой в районе Кана. Были рассмотрены все возможные варианты выхода из создавшегося тупика, и я неоднократно настаивал, чтобы Монтгомери максимально активизировал действия своих войск. При сильной поддержке авиации и артиллерии он бросал свои части в одну атаку за другой, но сопротивление немцев сломить не удавалось.

Здесь следует отметить, что когда противнику путем сосредоточения сил удается приостановить продвижение наших наступающих войск, то он обычно достигает этого за счет ослабления своей обороны на других участках фронта. В данном случае, если даже прорыв пришлось бы начинать с первоначально планируемых рубежей, было очевидно, что раз противник держит крупные силы у Кана, то на правом фланге у него будет их меньше, чтобы противодействовать наступлению американцев. Это действительно было благоприятным обстоятельством, но надо было учесть тяжелые условия местности на этом направлении. Все эти вопросы постоянно обсуждались с Брэдли и Монтгомери; последний все еще продолжал координировать действия наземных сил, запрудивших плацдарм.

К 30 июня Монтгомери, очевидно, пришел к убеждению, которого я и Брэдли придерживались уже давно, что прорыв придется осуществлять на более ограниченном участке фронта. В его директиве от этого числа ясно говорилось, что английская 2-я армия на левом фланге будет продолжать свои атаки, чтобы сковать там как можно больше сил противника, в то время как американским войскам, захватившим Шербур за несколько дней до этого, следует начать наступление в южном направлении с целью окончательного прорыва на правом фланге. С этого момента такой план боевых действий уже не изменился, и хотя характер местности и сопротивление противника в сочетании с плохой погодой задерживали начало решительного наступления до 25 июля, этот период был использован для улучшения своих исходных позиций и наращивания необходимых резервов для решительного прорыва.

Такое решение, разумеется, возлагало на американские войска более затруднительную задачу, чем предполагалось вначале. Однако Брэдли хорошо понимал сложившуюся в тот период обстановку и еще 20 июня высказал мне свое убеждение, что прорыв на правом фланге следует предпринять из района Сен-Ло, а не южнее, как раньше планировалось. Он воспринял новую задачу с обычной для него невозмутимостью и по-деловому приступил к ее подготовке. Во всех частях он ограничил расход боеприпасов, менял по очереди подразделения на переднем крае и постоянно держал свои войска и службы тыла в состоянии готовности нанести внезапный и мощный удар, как только представится благоприятная возможность.

Проблема прорыва вражеской обороны американскими войсками осложнялась наличием большого количества мощных живых изгородей. В этом регионе все поля в течение прошлых столетий были разбиты на мелкие участки, каждый из которых огражден густой и мощной изгородью из деревьев и кустарников, которые обычно растут на земляной насыпи от трех до четырех футов высотой. Иногда эти изгороди и земляные насыпи двойные, располагаются рядом, образуя готовые окопы и обеспечивая

почти полную безопасность находящимся в них обороняющимся солдатам. Почти за каждой такой насыпью были скрыты пулеметы или оборонялись небольшие боевые группы, которые вели убийственный огонь по нашей пехоте, когда она поднималась в атаку.

В таких условиях танки оказались почти беспомощными. Пытаясь преодолеть такую насыпь, танк поднимался на нее почти вертикально, тем самым подставляя свое незащищенное брюхо под огонь бронебойных снарядов. В столь же трудном положении оказывалась артиллерия, которая не могла уничтожать противника, укрытого за этими препятствиями, а орудийные расчеты были бессильны даже защитить самих себя.

Американский сержант по фамилии Кулен нашел простое решение этой проблемы, которое вернуло танку его эффективность и резко подняло настроение в армии. Он предложил приваривать впереди танка два мощных стальных ножа, которые срезали бы земляную насыпь вместе с растительностью. Это позволяло танку не только спокойно преодолевать препятствие, ведя одновременно огонь из пушки, но и в течение некоторого времени использовать срезанный грунт с растительностью в качестве естественной маскировки.

Как только этот сержант продемонстрировал изобретение своему капитану, об этом было немедленно доложено генералу Уолтеру Робертсону, командиру 2-й дивизии. Он в свою очередь показал это новшество генералу Брэдли, который тут же поставил задачу оснастить максимальное количество танков этими ножами для предстоящих боев. Любопытно отметить, что нашим солдатам принес неимоверное удовлетворение тот факт, что материал для изготовления этих ножей был вырезан из стальных конструкций немецких оборонительных сооружений, столь обильно расставленных вдоль побережья Нормандии, чтобы предотвратить нашу высадку.

Однако наши танки еще не имели этого приспособления, когда 1-я армия начала утомительное продвижение на юг, чтобы выйти на более или менее выгодные исходные рубежи для крупного наступления. Было трудно получить какую-либо реальную картину боев в этом районе. Я в сопровождении нескольких командиров прибыл на передовой наблюдательный пункт, размещенный на холме, примерно на сто футов возвышавшемся над окружавшими его живыми изгородями. Однако видимость была настолько ограничена, что я отправился в авиационную часть, чтобы на истребителе пролететь вдоль фронта с целью получить ясное представление о положении на переднем крае. К сожалению, даже с высоты нескольких тысяч футов не очень многое можно было увидеть. Как и ожидалось, в таких условиях артиллерия, за исключением дальнобойной, ведущей беспокоящий огонь, оказалась малополезной. Это были упорные кровопролитные бои, и каждая дивизия приобрела богатый боевой опыт.

Ко 2 июля 1944 года мы высадили в Нормандии около миллиона человек, в том числе 13 американских, 11 английских и 1 канадскую дивизии. За этот же период мы выгрузили на берег 566 648 тонн грузов и 171 532 автомашины. Это была очень тяжелая и изматывающая работа, но она окупилась сторицей, когда мы наконец подготовились к нанесению удара по противнику всей мощью. За эти первые три недели мы захватили 41 тыс. пленных. Наши потери составили 60 771 человек, из них 8975 убитыми.

Во время боев на плацдарме особое развитие получило использование авиации для непосредственной поддержки боевых действий пехоты. Было

важно, чтобы высшее командование ясно понимало взаимосвязь между бомбардировкой стратегических объектов Германии и оказанием авиационной поддержки сухопутным войскам, если мы хотели эффективно действовать ради достижения единой общей цели. Когда среди авиационных командиров появилось такое понимание, то первоначальное нежелание таких специалистов ВВС, как главный маршал авиации Харрис, командующий английской бомбардировочной авиацией, и генерал Дулиттл, командующий 8-й воздушной армией США, использовать их соединения против так называемых тактических целей полностью исчезло. К тому времени, когда был осуществлен прорыв, срочное вмешательство всей бомбардировочной авиации в ход наземного сражения было воспринято почти как само собой разумеющееся дело.

Из этого общего правила было и одно существенное исключение. Американская 30-я дивизия по случайности попала под бомбовый удар своей авиации и понесла значительные потери; к сожалению, подобный случай повторился позднее в ходе кампании. До конца войны командир этой дивизии продолжал настаивать, когда перед ним ставили очередную боевую задачу, чтобы никакие тяжелые или средние бомбардировщики не поддерживали его действия.

Возникла необходимость установить дату перевода сухопутных войск на новую командную структуру, то есть каждую группу армий нужно было переподчинить непосредственно штабу верховного командования. Мы планировали ввести в боевые действия армию Паттона 1 августа, и после этого 12-я группа армий под командованием Брэдли полностью обосновалась бы во Франции. Командующим 1-й армией планировали назначить генерал-лейтенанта Ходжеса, который на первых стадиях боевых действий являлся заместителем Брэдли. Однако тогда невозможно было предвидеть время, которое потребуется для осуществления прорыва, завершения разгрома противника в Нормандии и окончательного определения каждой группе армий ее главного направления наступления.

Но было очевидно, что, пока эти условия не будут выполнены и пока все войска не направят усилия на выполнение одной общей задачи, а именно на уничтожение немецких сил непосредственно на нашем участке, должен быть один руководитель, координирующий боевые действия на всем фронте. Мы полагали, что такие условия сложатся к 1 сентября, и командующие были извещены о том, что с этого времени каждая группа армий будет действовать в непосредственном подчинении штабу верховного командования. К счастью, мой личный штаб располагался настолько удобно по отношению к штабам Монтгомери и Брэдли, что я мог посещать их ежедневно.

В ходе июльского сражения на некоторых участках фронта произошли самые ожесточенные и кровопролитные бои за всю войну. Перед фронтом наступления американских войск местность была труднодоступной. Многие подчиненные генерала Брэдли в этот период заслужили добрую похвалу, подтвердив свое право быть причисленными к лучшим военным специалистам американской армии.

В самом начале второй половины июля американская 1-я армия вышла на рубеж Сен-Ло, западное побережье полуострова Котантен, с которого она могла предпринять мощное наступление. В это время погода, и без того скверная, стала еще больше ухудшаться, создавая для нас большую напря-

женность. Мы уже набросали план переброски войск, чтобы использовать любое улучшение погоды. В более ранний период войны такая обстановка самым неблагоприятным образом сказалась бы на моральном состоянии войск и их боевой эффективности, но к этому времени американцы приобрели боевой опыт и с честью выдержали это тяжелое испытание.

Наконец 25 июля, спустя семь недель после дня «Д», было начато наступление с рубежей, которые мы планировали захватить на пятый день после десантирования. Этот рубеж проходил от Кана на Комон и дальше на Сен-Ло. Перед участком фронта американских войск у Сен-Ло огромный район был подвергнут массированной бомбардировке нашей авиации. К сожалению, часть бомбардировщиков сбросила бомбовый груз на боевые порядки 9-й и 30-й дивизий; в числе убитых оказался генерал Макнейр.

В первый день наступление протекало очень медленно, и вечером генерал Брэдли сказал мне, что это всегда случается на начальном этапе таких операций, и выразил уверенность, что в последующем мы будем свидетелями высоких темпов продвижения наших войск. События показали, что он был совершенно прав. На следующей неделе его войска прорвались вниз, к основанию полуострова, прошли через образовавшуюся горловину у Авранша и устремились к тылам немецких войск. В это время, 1 августа, у Авранша в бой была введена 3-я армия генерала Паттона с задачей действовать на правом фланге 1-й армии. Одновременно Монтгомери, встретившись с глубоко эшелонированной обороной немцев в районе Кана, нанес основной удар своим правым флангом по Комону и повел наступление на возвышенность между реками Вир и Орн.

После того как Брэдли осуществил решительный прорыв вражеской обороны, перед ним встала непосредственная задача нанести противнику максимальный урон. Все прочие проблемы могли ждать решения, пока он не использует эту представившуюся возможность разгромить врага. Брэдли намеревался бросить прямо в тыл немцев, продолжавших обороняться у Кана и поблизости от Авранша, все силы, какие только можно было снять с других участков фронта. По существу, он надеялся окружить противника, который все еще стоял лицом к северу, откуда оказывали на него давление канадские и английские войска.

Для осуществления этого замысла необходимо было взять основную часть войск, выделенных для захвата полуострова Бретань, и командующий 3-й армией генерал Паттон получил приказ направить в этот район только один 8-й корпус генерал-майора Троя Миддлтона.

Когда противник увидел, что 1-я американская армия наращивает удар в южном направлении, прорвавшись через горловину у Авранша, он быстро отреагировал на это. Прикованный к занятым позициям приказами Гитлера, а также парализованный действиями нашей авиации, он немедленно бросил в западном направлении все свои наличные танковые силы и резервы из района Кана, чтобы нанести удар по узкой полосе, по которой американские войска устремились в его глубокие тылы. В случае удачи противник отрезал бы наши прорвавшиеся войска и поставил их в тяжелое положение. Поскольку образовавшийся коридор все еще оставался очень узким, немцы, вероятно, считали, что риск, на который они идут, вполне оправдан, хотя в случае неудачи последствия будут куда более тяжелыми. Немецкие контратаки в районе города Мортен, к востоку от Авранша, начались 7 августа.

Действия нашей авиации против контратаковавших вражеских сил оказались исключительно эффективными. Американская 9-я воздушная армия и английская авиация уничтожили сотни танков и автомашин противника. У англичан было большое количество самолетов «тайфун», оснащенных ракетами. Они на бреющем полете наносили непрерывные удары по танковым и пехотным колоннам противника, оказывая нашим войскам большую помощь.

Я и Брэдли понимали, что немцы готовят контрнаступление, и внимательно следили за обстановкой. В угрожаемом районе у нас были достаточные силы, чтобы сдержать продвижение противника. Однако для надежной обороны у Мортена нам нужно было сократить число дивизий, которые мы собирались бросить в прорыв, и тем самым пожертвовать представившейся возможностью добиться полного разгрома противника. Более того, к этому времени погода начала улучшаться, и в нашем распоряжении находилась транспортная авиация, способная при необходимости доставлять до 2 тыс. тонн грузов ежедневно для войск, если они окажутся временно отрезанными от основных сил.

Когда я заверил Брэдли, что в случае окружения его войска будут надежно снабжаться по воздуху, он без колебаний решил оставить у Мортена лишь минимальные силы, а все остальные бросить на юг и восток, чтобы начать охват немецкого клина. Я находился в штабе Брэдли, когда он позвонил по телефону Монтгомери, чтобы объяснить ему свой замысел. И хотя последний выразил некоторую обеспокоенность положением у Мортена, вместе с тем он согласился, что перспектива очень заманчивая, и оставил решение этого вопроса на усмотрение Брэдли, а сам же быстро отдал необходимый приказ, в котором требовал от подчиненных ему войск действовать в соответствии с планом Брэдли. Вскоре Монтгомери, Брэдли и генерал-лейтенант Демпси, командующий английской 2-й армией, встретились, чтобы согласовать детали взаимодействия.

Другим фактором, оправдывавшим это очень смелое решение, была вера в боевой опыт и способности наших основных командующих. В лице Паттона мы имели большого мастера действовать в условиях изменчивой обстановки. На левом фланге американских войск у нас находился решительный и стойкий Ходжес, чтобы смело продолжать оказывать давление на немцев. Кроме того, в обеих армиях, которыми командовали эти генералы, теперь находились испытанные в боях командиры корпусов и дивизий.

Уверенность Брэдли в том, что можно удержать за собой рубежи у Мортена, была убедительно подтверждена ходом последовавших событий.

Много общего было между этой обстановкой и той, которая сложилась в Арденнах спустя четыре месяца. В обоих случаях долгосрочные расчеты оказались правильными, но в Арденнах немцы добились временного успеха, а у Мортена их контрнаступление было отбито и противник понес тяжелые потери.

Немцы сосредоточили у Мортена свои основные танковые силы и продолжали упорные атаки до 12 августа. К этому времени запланированные генералом Брэдли действия развивались удовлетворительно.

По указанию Брэдли генерал Паттон направил 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хейслипа прямо на юг к городу Лаваль. Восточнее Лаваля он повернул корпус на север к Аржантану. 12-й корпус генерал-майора Джильберта Кука получил приказ наступать на Орлеан на правом фланге

3-й армии, а 20-й корпус под командованием генерал-майора Уолтона Уокера наступал на Шартр. Позднее 19-й корпус под командованием генерал-майора Чарльза Корлетта также участвовал в операции по окружению противника. Монтгомери приказал канадской 1-й армии продолжать наступление в южном направлении на Фалез, чтобы соединиться с американскими войсками у Аржантана и сомкнуть кольцо вокруг вражеских войск. А в это время американская 1-я и английская 2-я армии должны были наступать на попавшие в окружение немецкие войска, чтобы быстрее завершить их полный разгром.

Поэтому охватывающим маневром с юга прежде всего преследовалась цель уничтожить или пленить немецкие войска в районе Мортен, Фалез и в то же время создать условия для наступления против остававшихся вне окружения других частей немецких 1-й и 7-й армий на еще более широком фронте в сторону переправ через реку Сена. В результате сложилась следующая картина: группа армий под командованием Монтгомери наступала в основном в южном направлении против немецкой обороны у нормандского плацдарма, а войска Брэдли, задержавшись левым крылом у места первоначального прорыва, охватывали всю немецкую группировку, которая все еще находилась между американскими продвигавшимися колоннами и английской 21-й группой армий. Между тем союзная авиация непрерывно наносила бомбовые удары по любым возможным местам переправы противника через Сену, чтобы воспрепятствовать уходу немцев из наметившегося котла. Однако в подобной операции трудно добиться четкого взаимодействия.

К вечеру 13 августа американская 5-я бронетанковая дивизия генерала Оливера, ветерана кампании в Африке, вышла уже на окраину Авранша. Французская 2-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Жака Леклерка находилась тут же, а американские 79-я и 90-я дивизии их поддерживали. Немцы все еще вели отчаянные бои к югу от Кана, где к этому времени они создали исключительно прочную оборону, какую когда-либо мы встречали за всю кампанию. Канадцы вели непрерывные ожесточенные атаки, однако только 16 августа им удалось наконец овладеть Фалезом. Кан, превращенный к тому времени в груду развалин, был захвачен 9 июля.

К концу июля противник спешно перебрасывал сюда через Сену подкрепления. В течение 5—12 августа он ввел в район боевых действий пять дивизий, однако, как и раньше, они были уже не в состоянии повлиять на исход сражения.

13 августа я направил личное обращение к союзным войскам, в котором, в частности, говорилось:

«Поскольку эта возможность может быть использована только при условии, если будут проявлены максимальное усердие, решительность и быстрота действий, я обращаюсь к вам с настоятельным, как никогда раньше, призывом.

Я прошу, чтобы каждый летчик считал своей непосредственной задачей непрерывно наносить удары по врагу на суше и в воздухе, не давать ему покоя ни днем ни ночью.

Я прошу каждого матроса действовать так, чтобы никакая часть вражеских сил не могла ускользнуть или получить подкрепления по морю, чтобы наши товарищи на суше не испытывали нужду ни в чем.

Я прошу каждого солдата идти вперед к поставленной перед ним цели с решимостью уничтожить или пленить врага. Ни один клочок занятой нами земли не может быть оставлен, ни один немец не должен пройти через рубежи, занятые нами».

Когда большие массы союзных войск наступали с огромного полукруга в направлении к его центру, возникла угроза случайного столкновения между своими войсками. Войска генерала Брэдли, развернувшись огромным веером, должны были покрыть значительно большее, чем английские и канадские войска, расстояние. Последние все еще взламывали хорошо подготовленную оборону противника и медленно продвигались вперед. Монтгомери поддерживал постоянную связь со всеми вовлеченными в операцию силами, однако американские войска продвигались настолько быстро, что было почти невозможно обеспечивать непрерывное взаимодействие между наступающими частями и соединениями.

Все же в некоторых местах создалась неразбериха, и не оставалось иного выхода, как задержать продвижение войск, даже ценой ухода части сил противника из наметившегося котла. В целом значительному числу немцев удалось избежать окружения, но им пришлось бросить почти всю боевую технику и понести тяжелые потери в живой силе при отходе.

Я находился в штабе генерала Брэдли, когда от командиров наступавших американских колонн начали поступать жалобы, что установленные для них темпы движения и разграничительные линии не позволят взять немцев в котел. Я полностью поддержал решение Брэдли, ибо иначе могло произойти столкновение между своими войсками.

Перед лицом полного разгрома противник отчаянно сражался и стремился отвести как можно больше своих войск. Немецкие командиры особенно старались спасти танки. И хотя некоторой части танковых сил все же удалось переправиться через реку Сена, это было осуществлено ценой потери значительного количества боевой техники. Восемь пехотных и две танковые дивизии почти полностью попали в плен.

Сражение у Фалеза, бесспорно, было одним из самых кровопролитных в ходе войны. Шоссейные и проселочные дороги, а также прилегающие к ним поля были так усеяны разбитой техникой, трупами людей и животных, что местами было крайне трудно пройти. Через сорок восемь часов после того, как сомкнулось кольцо окружения, меня провели через эту местность, где я увидел такую картину, которую мог бы описать разве только Данте. Некоторые участки в сотню ярдов можно было пройти по разлагавшимся трупам.

При наступлении в сторону переправ через Сену мы также были вынуждены приостановить быстро продвигавшиеся американские части во избежание столкновений со своими войсками. Немцы опять воспользовались представившейся возможностью, чтобы вывести большую часть своих сил за Сену; этого не произошло бы, если заранее в полной мере можно было бы предвидеть, как будет складываться обстановка.

В то время как основная масса войск генерала Брэдли вела эти крупные бои и быстро наступала на Париж, 8-й корпус генерала Миддлтона повернул обратно на запад, чтобы очистить полуостров Бретань и захватить там порты. Мы все еще считали, что в какой-то мере придется использовать залив Киброн и, возможно, порт Брест. Миддлтон получил приказ захватить эти районы как можно скорее. Он быстро продвинулся вперед и за-

хватил Сен-Мало, небольшой порт на северном побережье полуострова Бретань. Гарнизон фанатически сопротивлялся, однако Миддлтон во взаимодействии с авиацией и боевыми кораблями сокрушил основные силы противника к 14 августа, хотя остатки гарнизона сопротивлялись еще три дня в цитадели города. Затем Миддлтон двинулся на запад и подошел к Бресту. Начальник немецкого гарнизона генерал Рамке оказался грозным противником, а оборона — прочной.

Миддлтон начал энергичную осаду Бреста, однако любая попытка овладеть Брестом одним ударом была бы для нас слишком дорогостоящей. К счастью, с середины августа появилась перспектива захвата более выгодных для нас, чем Брест, портов; во всяком случае, мы никогда не собирались использовать Брест в той мере, в какой рассчитывали задействовать залив Киброн. В этих условиях Миддлтону было дано указание избегать больших потерь в этом районе, но в то же время продолжать оказывать давление, пока гарнизон не капитулирует.

Я посетил Миддлтона во время осады Бреста и увидел оборонительные сооружения, которые нам предстояло преодолеть. Он умело, с минимальными потерями, осуществил серию атак, чтобы оттеснить противника в более ограниченный район и подвергнуть его непрерывным бомбардировкам нашей авиации.

В гарнизоне находилась эсэсовская часть. Используя фанатизм эсэсовцев, Рамке распределил их по всем оборонявшимся подразделениям с расчетом заставить каждого немца отчаянно сражаться. При любых признаках проявления нерешительности тем или иным солдатом эсэсовец расстреливал его на месте.

Брест пал 19 сентября. Гавань и портовые сооружения были настолько разрушены нашей авиацией и немецкими саперами, что мы никогда даже не пытались воспользоваться этим портом.

Когда союзные армии наконец завершили окружение немецких войск к западу от Сены, окончательное поражение Германии в Западной Европе не вызывало сомнений. Теперь это был вопрос только времени. Однако тут же выявилась и опасность, что наши народы и правительства могут недооценить ту задачу, которую еще предстояло решить, и таким образом ослабить свои усилия, что могло привести к самым серьезным последствиям. Я сразу обратил внимание моих начальников на такую опасность, а еще раньше, 15 августа, провел пресс-конференцию, на которой указывал, что перед нами стоит еще более ответственная задача — разгромить немецкие армии на «линии Зигфрида» и на Рейне. Это предостережение затонуло в общем ликовании по поводу большой победы, и даже среди офицеров действующей армии появились настроения, граничащие почти с беспечностью. Это, естественно, мешало понять такие факторы, как фанатизм, господствовавший среди значительной части личного состава немецкой армии, а также готовность многих немцев пойти на отчаянное сопротивление под угрозой гестапо и штурмовиков, которые сохраняли полную преданность своему хозяину — Гитлеру.

Новая обстановка породила одну из самых длительных дискуссий, какие у меня были за всю войну, с премьер-министром Черчиллем. Этот спор, начавшийся почти случайно и совпавший с нашим прорывом вражеской обороны в конце июля, тянулся в течение первых десяти дней августа. Одна беседа длилась даже несколько часов. Обсуждение каса-

лось вопроса целесообразности осуществления операции «Энвил», к тому времени получившей наименование «Драгун», с целью вторжения союзных войск под командованием генерала Деверса на юг Франции.

Одним из первоначальных доводов в пользу подготовки этого вторжения было стремление получить дополнительный порт, через который мы могли бы быстро высаживать дивизии, уже подготовленные в Америке для участия в боевых действиях в Европе. Черчилль теперь считал, что мы скоро будем в состоянии воспользоваться портами на полуострове Бретань и что войска, находившиеся тогда на Средиземноморском ТВД, можно будет высадить на континент через Бретань или даже было бы лучше задействовать их в итальянской кампании с конечной целью — вторжение на Балканы через Адриатику.

Я был против любых подобного рода изменений в планах, а поскольку американский комитет начальников штабов, придерживаясь своей обычной практики, отказался вмешиваться в решения командующего войсками на фронте, то премьер-министр направил против моих возражений все свои доводы, которые сводились к следующему: у нас нет больше надобности в Марселе и линиях коммуникаций, ведущих на север от этого порта. Войска, находящиеся в Америке, могут быть доставлены на Европейский ТВД через Бретань.

Наступающие войска на юге Франции будут настолько удалены географически от войск в Северной Франции, что не может быть никакой оперативной взаимосвязи между ними.

Силы, которые планируется использовать под командованием генерала Деверса для вторжения в Южную Францию, оказали бы большое влияние на ход войны, если бы они, продолжая наступление в Италии, вышли на Балканы и угрожали Германии с юга.

Наше вступление на Балканы побудило бы весь этот регион поднять открытое восстание против Гитлера и позволило бы нам доставлять силам Сопротивления оружие и боевое оснащение, что еще больше усилило бы их эффективность.

Моя же точка зрения в целом заключалась в следующем.

Опыт прошлого подтверждал, что нас, вероятно, ожидает большое разочарование в вопросе о возможности использования портов Бретани. Мы не только надеялись на упорную оборону этих портов, но и были уверены, что они будут основательно разрушены к тому времени, когда мы их захватим. Мы не ожидали таких размеров разрушений в марсельском порту, поскольку знали, что значительная часть сил, оборонявших этот район, уже отправлена на север для участия в операциях против нас. Захват Марселя должен быть осуществлен быстро, чтобы у противника не осталось времени для разрушения порта.

Расстояние от Бреста до района Меца больше, чем расстояние от Марселя до Меца. Железнодорожные пути, связывающие два первых пункта, более извилистые, их можно легче выводить из строя, чем железные дороги, идущие на север по долине реки Рона.

Пока не захватим Марсель, мы не сможем ускорить прибытие американских дивизий из США.

Вступление значительных сил в Южную Францию окажет определенную поддержку нашим операциям на севере в оперативном и стратегическом отношениях.

Во-первых, они обеспечат прикрытие правого фланга, когда мы развернем наступление на центральную часть Германии. Во-вторых, примкнув к нашему правому флангу, эти войска совместно с нами автоматически отсекут все западные районы Франции и уничтожат оставшиеся там вражеские соединения. В результате освободят всю Францию, которая затем станет оказывать нам активную и пассивную помощь.

Отказавшись от операции «Драгун», мы были бы вынуждены защищать свой правый фланг на всем протяжении от основания полуострова Бретань до самых передовых рубежей наших наступающих войск. Это означало бы пассивное использование большого числа наших дивизий на правом фланге против небольшого числа мобильных войск противника.

Пока что мы имеем в качестве постоянно действующего порта только Шербур. Пути подвоза, идущие от Шербура к фронту, совершенно не в состоянии поддерживать снабжение войск, ведущих боевые действия. Наше положение со снабжением войск не будет соответствовать задачам заключительного наступления на Германию, пока мы не получим на севере порт Антверпен, а на юге — Марсель или что-либо равноценное. Имея эти два порта, я был уверен, что мы могли бы сосредоточить на немецких границах достаточные силы, чтобы предпринять последние и решающие наступательные операции с целью полного разгрома Германии. Без таких портов мы неизбежно столкнулись бы с серьезными трудностями. Мы оказались бы в таком же положении, в каком часто оказывались англичане в ходе наступательных действий к западу от Египта; в таком же положении был и Роммель, когда он в конце концов достиг Эль-Аламейна и затем не смог воспользоваться своим преимуществом.

Другим фактором было то, что американское правительство пошло на большие расходы, чтобы вооружить и оснастить ряд французских дивизий. Эти войска, естественно, хотели сражаться за освобождение Франции. Ни в каком другом месте они не будут сражаться с таким рвением и решимостью, как здесь, и нигде в другом месте они не смогут так быстро восполнить свои потери. Эти войска размещались в Италии и Северной Африке, и единственный способ скорейшего ввода их в бой состоял во вторжении на юг Франции.

Я был твердо убежден, что необходимо сосредоточить максимальное число войск на огромном пространстве между Швейцарией и Северным морем, для того чтобы быстрее всего прорваться к центру Германии и в конечном счете соединиться с советскими войсками, наступавшими с востока.

Черчилль в подкрепление своих доводов рисовал мрачную перспективу для войск, наступающих с юга. Он был уверен, что наши войска, преодолевая оборону побережья, на многие недели окажутся втянутыми в бои, и опасался, что они не сумеют продвинуться на север до Лиона менее чем за три месяца. Он считал, что мы понесем большие потери и что бои в этом регионе превратятся в еще один вариант боевых действий у Анцио. Возможно, что премьер-министр не полагался на достоверность наших разведывательных данных, но мы были уверены, что у противника на юге остались незначительные силы, главным образом малоподвижные дивизии. Поэтому мы считали, что быстро прорвем немецкую оборону и войска под командованием Деверса быстрыми темпами устремятся на север.

Хотя Черчилль и не говорил ничего об этом, я полагал, что его истинное беспокойство, вероятно, вызывалось скорее политическими, нежели военными соображениями. Возможно, он думал, что в условиях послевоенной обстановки, когда западные союзники крупными силами обоснуются на Балканах, это будет более стабилизирующим фактором, чем оккупация этого региона русскими армиями. Я заявлял ему, что, если по этим соображениям он настаивает на проведении балканской кампании, ему следует немедленно встретиться с президентом и изложить все факты и свои собственные выводы. Я понимал, что на стратегию могут оказывать влияние политические соображения, и если президент и премьер-министр решат, что следует продлить войну и тем самым пойти на увеличение людских потерь и денежных затрат, чтобы обеспечить достижение политических целей, которые им кажутся необходимыми, тогда я немедленно внесу соответствующие изменения в свои планы. До тех пор пока он обосновывает такой вариант только военными соображениями, говорил я ему, я не могу согласиться с его доводами.

Я считал, что в данной конкретной области только я один должен быть судьей своих обязанностей и решений. Он не признавался, что на него действовали политические факторы, и я был совершенно убежден, что ни один опытный военачальник не подверг бы сомнению разумность плана наступления на Южную Францию, если смотреть на него строго с военной точки зрения.

Как обычно, премьер-министр продолжал высказывать свои доводы до конца. И тоже как обычно, когда убеждался, что не может добиться своего, он отдавал все, чем располагал, в поддержку операции. Черчилль вылетел на Средиземноморский ТВД, чтобы лично увидеть десантирование войск. Я слышал, что он находился на эсминце и следил за огневой поддержкой корабельной артиллерии.

В этом долгом и серьезном споре Черчилля поддерживали некоторые члены его штаба. Однако английские офицеры, работавшие со мной, твердо стояли на моей стороне.

Хотя на стадии планирования в начале 1944 года Монтгомери выступал за полный отказ от операции на юге Франции, чтобы получить побольше десантно-высадочных средств для операции «Оверлорд», теперь, в начале августа, он согласился со мной, что наступление должно быть осуществлено так, как и запланировано.

В ходе этого затянувшегося спора Монтгомери неожиданно высказал мне идею, что за ним следует сохранить функции по координации и контролю над боевыми действиями всех сухопутных войск на период всей кампании. Это невозможно, объяснил я ему, особенно принимая во внимание тот факт, что он хочет сохранить за собой обязанности командующего своей группой армий. Мне и моим штабным работникам это его предложение казалось странным. Для того и была введена должность командующего группой армий, чтобы обеспечивать повседневное непосредственное руководство войсками на конкретном участке фронта. Ясно, что ни один человек не может эффективно выполнять эту функцию на своем участке фронта и в то же время осуществлять разумное управление войсками на другом участке. Основным последствием осуществления такого замысла было бы то, что Монтгомери получил бы право по своему усмотрению привлекать для реализации своих идей все сухопутные силы и средства на театре военных действий.

В условиях, какие сложились для нас в Европе, верховный командующий обычно не мог осуществлять день за днем и час за часом контроль за каким-либо конкретным участком фронта. Тем не менее он являлся единственным лицом во всей организации, обладавшим правом устанавливать главные задачи для крупных соединений. Он также мог придавать те или иные части для усиления крупным соединениям в соответствии с выполняемыми ими задачами, распределять поступающие материальные средства и направлять действия всей имеющейся на ТВД авиации для поддержки того или иного участка фронта.

Существование какого-то отдельного штаба сухопутных войск в качестве промежуточного звена между верховным командующим и командующим группой армий поставило бы такой орган управления в ненормальное положение, поскольку он не обладал бы никакими правами.

Однако в английской организационной структуре сохранялись три командующих в соответствии с тремя видами вооруженных сил. Любой отход от этой практики многим казался чреватым катастрофой. Я с большой осторожностью объяснял, что на таком большом театре военных действий, как наш, каждому командующему группой армий придется руководить сухопутными силами в своем конкретном районе; вместо одного будет три так называемых командующих сухопутными силами, и каждого из них поддержит своя тактическая авиация. И за всеми ими будет стоять верховный командующий, обладающий полномочиями сосредоточить в случае необходимости всю авиацию, включая бомбардировочные командования, на любом участке фронта. Силы каждой группы армий будут варьироваться время от времени в зависимости от обстановки.

Хотя мое решение, несомненно, пришлось не по вкусу отдельным лицам, воспитанным в ином духе, оно все же было принято. Этот вопрос, правда в другой форме, был вновь поднят на более поздней стадии кампании, но решение его осталось прежним.

Несмотря на различие во взглядах, которое иногда обнаруживалось в нашей повседневной боевой деятельности, слаженность и сотрудничество в работе становились теснее и крепче, а инциденты, подобные тому, который я описал выше, были редким исключением.

Фельдмаршал Монтгомери, как и генерал Паттон, был своеобразным человеком. Он всегда стремился быть оригинальным в своем поведении. Например, он держался отчужденно от своего штаба и жил в автоприцепе в окружении немногих адъютантов. Это создавало трудности в работе, которую нужно было делать быстро и оперативно, чтобы добиться успеха в бою. Он упорно отказывался иметь дело с офицером из другого штаба, кроме своего, и в спорах стоял на своем до принятия окончательного решения.

Ущерб, который могла причинить делу такая манера поведения, сводился к минимуму благодаря генерал-майору Фрэнсису де Гинганду, начальнику штаба 21-й группы армий, пользовавшемуся завидной репутацией и уважением во всех союзных войсках. Для всех сотрудников штаба верховного командования союзных экспедиционных сил и других высших штабов он был «уважаемый Фредди». Он жил по законам союзничества и всю свою огромную работоспособность, умение и энергию всегда направлял на координацию усилий союзников в деле достижения победы.

Лучше всего Монтгомери характеризует себя сам в письме, которое он прислал мне вскоре после победы в Европе. Он писал:

«Дорогой Айк!

Теперь, когда мы подписали все документы в Берлине, я думаю, что скоро каждый из нас начнет заниматься своими делами. Я бы хотел, прежде чем это произойдет, сказать, что служить под вашим командованием было для меня привилегией и большой честью. Я многим обязан вашему мудрому руководству и вашей доброжелательной выдержке. Я хорошо знаю свои недостатки и не считаю, что я легкий подчиненный: я люблю все делать по-своему.

Но в трудные и бурные времена вы не дали мне выбиться из колеи и многому меня научили.

За это я вам очень признателен и благодарю за все, что вы сделали для меня.

Ваш очень преданный друг Монти».

В своем ответе я с полной откровенностью писал:

«Вы сами занимаете высокое и прочное положение среди военных руководителей вашей страны, и мне всегда было трудно не соглашаться с тем, что, как я знал, было вашим глубоким убеждением. Однако вам делает честь, что после принятия решения, независимо от вашего личного мнения, можно всегда рассчитывать на вашу лояльность и точность в выполнении этого решения».

Другой интересный спор, хотя и менее острый, возник с Генри Моргентау. Во время своего визита в нашу штаб-квартиру в начале августа 1944 года он сказал, что курс валюты, который в конечном счете будет установлен в Германии, должен быть таким, чтобы не давать никаких преимуществ этой стране. Я откровенно ответил ему, что слишком занят, чтобы беспокоиться о специфичных проблемах будущей экономики Германии, и что у меня имеется способная группа в штабе, которая занимается этой проблемой. Затем последовал общий разговор о будущем Германии, и я высказался примерно в следующем духе:

«Эти вопросы пусть решает кто-то другой, но мое личное мнение сводится к тому, что вслед за прекращением боевых действий не должно оставаться никаких сомнений относительно того, кто выиграл войну. Германия должна быть оккупирована. Более того, нельзя позволить немецкому народу избежать ответственности за соучастие в развязывании трагедии, в которую был ввергнут весь мир. Видные нацисты вместе с военными промышленниками должны быть преданы суду и наказаны. Принадлежность к гестапо и СС считается доказательством виновности. Генеральный штаб должен быть распущен, все его архивы конфискованы, а работники генерального штаба, подозреваемые в соучастии в развязывании войны или в любых военных преступлениях,— преданы суду. Германия обязана выплатить репарации таким странам, как Бельгия, Голландия, Франция, Люксембург, Норвегия и Россия. Военный потенциал страны должен быть уничтожен. Может быть, это следует сделать путем установления жесткого контроля над промышленностью, использующей тяжелое машиностроительное оборудование, или путем простого запрещения производить самолеты. Немцам следует разрешить жить без помощи извне и тем более без поддержки со стороны США. Поэтому было бы глупо уничтожать естественные ресурсы этой страны».

Я решительно отверг дошедшее до меня предложение о затоплении шахт Рура. Мне это показалось глупым и преступным. Наконец я сказал, что управление Германией как можно скорее следует передать в руки гражданской администрации.

Эта точка зрения излагалась каждому, кто обращался ко мне по этому вопросу тогда и позднее. Она была в конечном счете изложена президенту и государственному секретарю, когда в июле 1945 года они прибыли в Потсдам.

Преследование противника и борьба за снабжение своих войск

В период сражения за плацдарм противник держал свою 15-ю армию в районе Кале. Он все еще был убежден, что мы намеревались предпринять высадку десанта против этого укрепленного района, и потому упорно отказывался использовать войска 15-й армии для усиления своей группировки в Нормандии. Мы прибегали к любой уловке, чтобы держать его в заблуждении относительно возможных операций в районе Кале; например, генерал Макнейр находился на Европейском ТВД, с тем чтобы мы могли говорить о нем как о командующем армией, хотя его армия была призрачной. Упоминать его имя было официально запрещено цензурой, но мы позаботились о том, чтобы здесь, в Англии, это ни для кого не оставалось тайной. Таким образом, любой агент держав «оси» нашел бы информацию о пребывании здесь генерала Макнейра важной и немедленно передал бы ее своему командованию, которое, как мы надеялись, решило бы, что задачей «армии» Макнейра является наступление через Па-де-Кале.

Наконец у противника начало складываться более четкое представление об общей обстановке; мы быстро поняли это. Вскрытие сил противостоящей группировки составляет одну из постоянных задач всей разведывательной деятельности на поле боя. Из полученных данных мы выяснили, что в конце июля немцы начали перебрасывать через Сену в Нормандию войска 15-й армии. Но противник опоздал. Он также перебросил сюда несколько дивизий из Южной Франции, Бретани, Голландии и даже из самой Германии, но так и не смог остановить наше наступление.

Когда 1 августа начал функционировать штаб 3-й армии, наши сухопутные войска были доведены тем самым до четырех армий. На правом фланге находилась 3-я армия генерала Паттона, рядом с ней действовала американская 1-я армия под командованием генерала Ходжеса. Эти две армии составляли 12-ю группу армий под командованием генерала Брэдли. На левом фланге боевые действия вела английская 21-я группа армий генерала Монтгомери, в составе которой были английская 2-я армия под командованием генерала Демпси и канадская 1-я армия генерал-лейтенанта Генри Крерара. Английской авиацией, поддерживавшей группу армий Монтгомери, командовал маршал авиации Конингхэм. Группу армий генерала Брэдли поддерживала американская 9-я воздушная армия под командованием генерал-майора Хойта Ванденберга; ему подчинялись генерал-майор Отто Вейланд, командовавший тактической авиацией, поддерживавшей 3-ю армию Паттона, и генерал Куэсада, командовавший авиацией, поддерживавшей армию Ходжеса.

Приданная этим армиям и группам армий авиация выполняла свои задачи по указанию общевойсковых командиров. Однако все части и соединения тактической авиации были подчинены Ли-Мэллори, и, следовательно, вся тактическая авиация, как американская, так и английская, при необходимости могла быть использована для нанесения массированных ударов по вражеским объектам согласно приказу штаба верховного командования союзных экспедиционных сил. Типичным примером тесного взаимодействия между наземными и воздушными силами являлся срыв английской авиацией немецкого наступления на Мортен в секторе действия американских войск генерала Брэдли. Благодаря такой гибкости в командовании тактическая авиация могла также поддерживать тяжелые бомбардировщики, даже когда те шли на бомбардировку объектов в глубине Германии.

К концу августа силы союзников на континенте составляли 20 американских дивизий, 12 английских, три канадские, одна французская и одна польская. У англичан больше не было в наличии никаких дивизий, однако на территории Англии находились дополнительно шесть американских дивизий, в том числе три воздушно-десантные. Боевые силы авиации составляли приблизительно 4035 тяжелых бомбардировщиков, 1720 легких и средних бомбардировщиков, в том числе и торпедоносцев, а также 5 тыс. истребителей. К этому следует добавить авиатранспортное командование, которое имело в американских и английских частях более 2 тыс. самолетов.

При действиях против разбитого и деморализованного противника почти любой риск оправдан и достижение успеха обычно зависит от смелого и дерзкого маневра наступающего. Бои по прорыву сильной вражеской обороны и стремительные наступательные операции, последовавшие в течение трех недель после прорыва, должны были привести нас именно к такой ситуации, в какой мы теперь оказались; мы составили наши планы с таким расчетом, чтобы наилучшим образом использовать первоначальный успех. Однако возникшая проблема снабжения войск, устремившихся вперед, требовала эффективного решения, если мы хотели в полной мере и дальше развить наметившийся крупный успех.

Наши тыловые подразделения работали на очень ограниченном пространстве в период всего сражения за плацдарм. Единственными действующими портами были Шербур и искусственный порт в английском секторе плацдарма возле Арроманша. Восстановление шербурского порта оказалось весьма трудным делом. Гавань и подступы к ней нужно было очистить от сотен мин, многие из которых являлись новейшими образцами этого вида боевого вооружения. Мы начали пользоваться портом в июле, но до середины августа его пропускная способность оставалась очень невысокой. Искусственный порт в американском секторе плацдарма был полностью разрушен во время шторма в июне. Из Арроманша и Шербура мы не были бы в состоянии прокладывать дороги и железнодорожные пути, создавать передовые склады, но мы сделали бы это, если б наши войска прорвались к основанию полуострова Котантен, как мы первоначально планировали. Поэтому все наши продвигавшиеся вперед войска нужно было снабжать из запасов, созданных возле районов десантирования, по дорогам и железнодорожным путям, которые нуждались в серьезном ремонте.

В силу ограниченных возможностей этих портовых сооружений они, естественно, не могли удовлетворять наши возраставшие потребности, и по мере продвижения к Германии противник остановил бы нас на каком-нибудь рубеже или мы сами прекратили бы наступление из-за перегрузки путей снабжения.

Усиленная дивизия, ведущая активные боевые действия, потребляет в среднем ежедневно от 600 до 700 тонн различных боевых грузов. В условиях позиционных боевых действий основную часть этого тоннажа составляют боеприпасы; при наступлении же основную часть грузов будут составлять топливо и смазочные материалы.

В условиях, когда 36 дивизий вели боевые действия, мы оказались перед проблемой ежедневной доставки на фронт из района плацдарма и портов около 20 тыс. тонн грузов. К тому же наши передовые соединения быстро продвигались вперед, иногда со скоростью до 75 миль в день. Службы тыла должны были только поспевать за ними. Каждая миля в этом продвижении вперед удваивала трудности, так как автомашины, занятые на доставке грузов для наступающих войск, должны были делать двойной пробег — на побережье, в район плацдарма и обратно на фронт. Нужно было доставлять многие тысячи тонн грузов для передовых аэродромов, перевозить тяжелое оборудование и технику для ремонта дорог и мостов.

В те дни, когда мы были ограничены пределами плацдарма, мы не могли точно предвидеть реакцию противника на успешный прорыв наших войск на правом фланге. Наиболее логичным для него шагом, как нам казалось, будет быстрая переброска его сил к реке Сена, чтобы организовать оборону переправ через нее. Если бы он решил сделать именно так, то, несомненно, создал бы упорную оборону на этом рубеже и защищал его до тех пор, пока не возникла бы угроза окружения со стороны наших наступающих войск.

Если бы нам пришлось вести крупное сражение на Сене, то мы располагали бы относительно короткими линиями коммуникаций, и проблема снабжения войск постепенно была бы решена, подразделения обслуживания и подвоза приспособились бы к темпу продвижения наших войск. Однако когда немецкое командование по настоянию Гитлера решило продолжать обороняться и одновременно нанести контрудар во фланг наших наступающих колонн у Мортена, обстановка резко изменилась.

Мы тут же поспешили повернуть наши войска и с юга ударить по вражеским тылам, чтобы завершить эту операцию полным разгромом противника. В случае нашего успеха промежуточные сражения на Сене и Сомме, которые мы не исключали из своих расчетов, не состоялись бы, а наша проблема свелась бы к выявлению максимально отдаленного рубежа, на который мы могли выйти, прежде чем службы обеспечения исчерпают свои возможности.

Поэтому, когда генерал Брэдли поворачивал основные свои силы в сторону тылов противника, передо мной встала задача пересмотреть весь наш план кампании и внести в него изменения в связи с таким ходом событий на фронте.

Тогда нам представились две наиболее обнадеживающие возможности, а именно: быстрейший захват Марселя далеко на юге и Антверпена в Бельгии. Обладание Антверпеном, если порт окажется в пригодном для эксплуатации состоянии, разрешило бы все наши проблемы со снабжением север-

ного участка нашего фронта. Антверпен располагался значительно ближе к границам Германии, и это сократило бы железнодорожные и автомобильные маршруты перевозок в такой степени, что снабжение войск более не стало бы ограничивающим фактором в осуществлении кампании, по крайней мере на северных участках фронта.

Мы надеялись на быстрый захват порта Марселя, так как немцы в основном уже вывели из этого района свои мобильные дивизии. Успех на этом направлении обеспечил бы нашим войскам на правом фланге самые лучшие пути снабжения. В этот порт в ближайшее время были бы направлены из США подкрепления, а пропускная способность великолепных железных дорог, идущих по долине Роны, была столь велика, что без серьезных затруднений осуществлялось бы снабжение войск на любом участке к югу от Люксембурга.

Для полного использования этих двух возможностей было, разумеется, важно, чтобы войска на правом фланге как можно скорее соединились с 6-й группой армий генерала Деверса, которая будет подходить сюда с юга. Одновременно с этим мы должны были наступать крупными силами в северо-восточном направлении, тем самым быстро очищая от противника район, откуда он постоянно обстреливал Южную Англию снарядами Фау-1 и Фау-2. Однако главной задачей были скорейший захват Антверпена и выход на рубежи восточнее его, чтобы обеспечить безопасность использования нами этого крупного порта.

Все это соответствовало первоначальным планам. Однако перспектива нашего продвижения высокими темпами обещала, что мы сможем быстро овладеть еще и другими портами на севере, а это уменьшило бы нашу зависимость от портов в Бретани. Но нужно было определить, справятся или не справятся наши службы тыла, которые с трудом выполняли свои функции в течение первых семи недель боев, с этими новыми задачами.

Все войска наверняка будут ощущать перебои со снабжением. Надо было так распределять предметы материального обеспечения, чтобы наступающие части и соединения, не останавливаясь, могли выполнить основные задачи.

Когда боевые действия приобретают маневренный характер, как это было во Франции в конце августа и начале сентября, всеми — от командира дивизии и выше — овладевает идея, что если бы получить всего несколько тонн боеприпасов и горючего, то можно было бы сделать еще один бросок вперед и выиграть войну. Это именно тот боевой дух, который приводит к победе в войне, и его всегда нужно поддерживать. Инициатива, уверенность и смелость во все времена остаются лучшими чертами хорошего боевого командира. Когда мы быстро продвигались по Франции и Бельгии, все командиры требовали приоритета над другими частями и соединениями в вопросах снабжения. И каждый из них, бесспорно, рисовал заманчивые перспективы для решительных и эффективных действий. В результате требования таких командиров выглядели вполне обоснованными и логичными.

В последние дни лета 1944 года, как нам было известно, немцы все еще располагали значительными резервами внутри Германии. Любое предложение о решительном броске небольшими силами с целью форсирования Рейна и дальнейшего наступления к центру Германии было бы совершенно неприемлемым. Даже если бы эти силы составили около дюжины дивизий, а

большому числу войск просто невозможно было обеспечить поддержку, то наступающая колонна по мере выделения из своего состава частей для прикрытия флангов постепенно настолько уменьшилась бы, что в конечном счете оказалась бы перед фактом неизбежного поражения. Такая попытка с нашей стороны была бы на руку противнику.

Чем больше мы изучали обстановку, тем яснее становилось, что разработанный в течение многих месяцев план операции все еще оставался в силе, хотя некоторые конкретные моменты в сложившейся обстановке не были предусмотрены в нем. Поэтому я решил, что мы будем наступать на правом фланге до места встречи с войсками генерала Деверса, то есть приблизительно, по нашим расчетам, до района Дижона, в то время как на левом фланге Монтгомери получит распоряжение продвигаться вперед как можно быстрее, чтобы обязательно выйти на рубеж, на котором можно будет надежно прикрыть Антверпен. Брэдли приказал 1-й армии генерала Ходжеса наступать на одной линии с английскими соединениями приблизительно в направлении на Ахен, с тем чтобы обеспечить успех на нашем левом фланге.

Это наступление в северо-восточном направлении, как мы надеялись, будет настолько быстрым, что мы, возможно, даже сумеем овладеть плацдармом на восточном берегу Рейна до того, как произойдет неизбежная остановка наших войск. Захват такого плацдарма явился бы непосредственной угрозой Руру.

Именно в соответствии с этим планом развернулись бои в последующие недели.

Боевые действия 12-й и 21-й групп армий развертывались вполне удовлетворительно. 7-я же армия под командованием генерал-лейтенанта Александра Пэтча добилась крупного успеха на юге Франции.

На конференции в Тегеране в конце 1943 года западные союзники информировали генералиссимуса Сталина, что вспомогательное наступление на юге Франции будет неотъемлемой частью нашего наступления через Ла-Манш для того, чтобы открыть второй фронт в Европе. Однако в начале 1944 года союзники вели кампанию в Италии и были заняты разработкой планов крупнейшей операции «Оверлорд». Поэтому в течение всей первой половины 1944 года генералу Вильсону, командующему войсками на Средиземноморском ТВД, трудно было точно установить, какие силы будут выделены для участия в операции «Драгун».

Принятое мною в январе решение о том, что операция «Оверлорд» должна быть начата высадкой десанта в составе пяти дивизий, сделало невозможной одновременную десантную операцию на юге Франции. В результате вновь началось обстоятельное изучение наших возможностей и обмен мнениями между Объединенным англо-американским штабом, генералом Вильсоном и мною относительно целесообразности проведения операции «Драгун». С самого начала я был горячим сторонником идеи вспомогательного наступления на юге и никогда в ходе длительной дискуссии вокруг этого вопроса не соглашался с исключением этой операции из наших планов. В этом меня поддерживал генерал Маршалл.

Все эти споры сразу же отошли в прошлое, когда нас заверили, что вскоре будут выделены силы в составе по меньшей мере десяти американских и французских дивизий, которые войдут в 6-ю группу армий генерала Деверса. Они будут наступать на север, чтобы соединиться с нами. Затем из США

вскоре начнут прибывать в качестве подкрепления новые американские дивизии. В тот период не было никаких других факторов, которые воздействовали бы столь решающим образом на создание для нас благоприятных условий для окончательного и полного разгрома немецких войск, чем это вспомогательное наступление с юга вверх по долине реки Рона.

В силу большого расстояния от армии генерала Пэтча до моего штаба и отсутствия достаточно надежной связи было решено, что за генералом Вильсоном остается оперативное руководство этой армией до тех пор, пока у меня не появится возможность взять ее под свой контроль. Как полагали, такое положение будет сохраняться примерно до 15 сентября. Однако с началом вторжения на юг Франции все планы как боевого, так и материально-технического обеспечения были составлены из предположения, что вскоре все союзные войска создадут единый сплошной фронт. Мы хотели, чтобы это произошло быстрее, и с завершением боев на Сене в конце августа Брэдли приказал 3-й армии Паттона наступать в восточном направлении с основной задачей как можно скорее соединиться с 7-й армией.

Остальные силы союзников продолжали наступление в северо-восточном направлении, чтобы освободить Бельгию, захватить Антверпен и угрожать Руру. Это наступление осуществлялось на широком фронте и с большим успехом. Например, американские 7-й и 19-й корпуса продвигались настолько быстро, что в районе Монса, где в первую мировую войну произошло одно из крупнейших сражений, они окружили целый немецкий корпус. После ожесточенного боя было взято в плен 25 тыс. немецких солдат и офицеров. В иных условиях это было бы преподнесено как крупная победа, однако тогда этот эпизод прошел почти не замеченным прессой.

К концу августа остро встал вопрос о том, как быть с Парижем. В ходе всех предварительных операций мы прилагали большие усилия, чтобы избежать прямых бомбардировок французской столицы. Даже при нанесении ударов по французским линиям коммуникаций мы старались бомбить железнодорожные узлы, расположенные вблизи этого города, и совсем не трогали станций внутри самого Парижа. Мы хотели также избежать боев непосредственно в самой столице, намереваясь окружить ее и вынудить сдаться находившийся там немецкий гарнизон. Мы, конечно, не могли знать истинной обстановки в городе. В это время мы стремились беречь каждую унцию топлива и каждый снаряд, чтобы обеспечить себе выход на максимально выдвинутые рубежи, и я надеялся отложить фактический захват Парижа до тех пор, пока не получу сведений о том, что его жители голодают или оказались в отчаянном положении.

В этом вопросе на меня сильно влияли действия «свободных французов» в самом Париже. По всей Франции «свободные французы» оказывали нам неоценимую помощь в ходе боев, но особую активность они проявляли в Бретани. Без этого нам потребовалось бы значительно больше времени для освобождения Франции и нанесения поражения противнику в Западной Европе, потери при этом мы несли бы более серьезные. Так что когда «свободные французы» подняли восстание в Париже, нужно было быстро оказать им поддержку. Из имевшихся у нас сведений было ясно, что крупного сражения не произойдет, поэтому мы считали, что достаточно вступления в город одной или двух союзных дивизий, чтобы завершить освобождение столицы Франции.

По решению генерала Брэдли почетная миссия первой вступить в город была поручена французской 2-й дивизии под командованием генерала Леклерка. Ветераны этой дивизии начали боевой путь у озера Чад три года назад, совершили почти немыслимый переход через пустыню Сахара, присоединились к 8-й армии, чтобы принять участие в последних фазах африканской кампании, и теперь, 25 августа 1944 года, ее командир принял капитуляцию генерала, командовавшего немецким гарнизоном в Париже. Это была принесшая удовлетворение кульминация одиссеи, начавшейся в Центральной Африке и завершившейся в Берхтесгадене в Германии *.

Однако для полного подавления противника в Париже и восстановления в столице порядка пришлось ввести туда американскую 4-ю дивизию. К счастью, бои не причинили большого материального ущерба городу. С нашей точки зрения, наиболее существенным из всех благоприятных обстоятельств было то, что мосты через Сену остались неповрежденными.

Сразу же после захвата Парижа я выразил генералу де Голлю надежду, что он быстро прибудет в Париж; я хотел, чтобы он, как символ французского Сопротивления, въехал в столицу Франции, прежде чем я войду или пройду через нее.

В субботу, сразу же после захвата города, я заехал в штаб генерала Брэдли и узнал там, что генерал де Голль со своим штабом уже обосновался в одном из правительственных зданий в Париже. Я тут же принял решение нанести ему официальный визит. Сообщив Монтгомери о своем намерении, я попросил его сопровождать меня. Но он не мог оставить командный пункт ввиду быстро изменявшейся обстановки на его участке фронта, и я ограничился тем, что взял с собой своего английского помощника полковника Голта.

По пути в Париж нам с Брэдли пришлось сделать небольшой крюк, обходя район, где еще продолжались бои, но в город мы вошли тихо и незаметно, как и предполагали, незадолго до полудня в воскресенье 27 августа. Мы немедленно направились к де Голлю, который был уже окружен традиционной республиканской гвардией в великолепной форме. Мы посетили также генерала Джероу в штабе американского 5-го корпуса и остановились, чтобы увидеться с генералом Кёнигом, который, как мой подчиненный по штабу верховного командования союзных экспедиционных сил, являлся командующим всеми внутренними силами «свободных французов». В то время как мы ехали по городу, видимо, распространился слух о том, что мы с Брэдли находимся в столице: когда мы проезжали мимо Триумфальной арки на площади Этуаль, нас окружила толпа восторженных граждан. Нас немного смущали радостные приветствия освобожденных жителей города, и мы постарались поскорее выбраться к одним из выездных ворот и вернулись в штаб Брэдли возле города Шартр.

---

* Передовые отряды американской армии к 19 августа подошли к Парижу на расстояние 20 км. Несмотря на то что противник не оказывал серьезного сопротивления, они замедлили продвижение. Брэдли заявил: «Я могу признаться, что мы отнюдь не рвемся освобождать Париж именно сейчас...» К 24 августа восставшие почти полностью разгромили немецкий гарнизон в Париже. Безоговорочную капитуляцию от фашистского коменданта Парижа генерала фон Хольтица принимали командир 2-й французской бронетанковой дивизии генерал Ф. Леклерк и командующий силами Сопротивления Парижа и его пригородов коммунист полковник А. Роль-Танги.— *Прим. ред.*

Во время пребывания в столице генерал де Голль откровенно сказал мне о том, что его беспокоит. Он просил о продовольственной помощи и материальном снабжении и, в частности, хотел получить несколько тысяч комплектов военного обмундирования для частей «свободных французов», чтобы тем самым они отличались от бесчинствующих элементов, которые, пользуясь временной неразберихой, могут начать грабить беспомощное население. Он также хотел получить дополнительное количество боевой техники и вооружения, чтобы начать формирование новых французских дивизий.

Наиболее серьезной проблемой было скорейшее установление его власти и сохранение порядка в городе. Де Голль просил выделить ему временно две американские дивизии для использования их в городе, как он сказал, чтобы подчеркнуть его силу и прочно закрепить положение. И тут я вспомнил, как почти два года назад мы, придя в Африку, столкнулись с различными политическими проблемами. На этой территории мы застали функционировавшие правительственные органы, и за все время нашего пребывания там ни один из французских местных руководителей никогда не обращался к союзным войскам, чтобы те помогли ему взять власть или подтвердить его руководящее положение. Здесь же, казалось, было что-то ироническое в том, что генерал де Голль просит союзные войска помочь ему установить и поддержать его авторитет в освобожденной столице.

Тем не менее я понимал де Голля и, хотя у меня не было свободных частей, чтобы временно разместить их в Париже, все же обещал, что две наши дивизии, отправляющиеся на фронт, пройдут по главным магистралям города. Я предложил устроить церемониальный марш этих войск через город и пригласил генерала принять участие в смотре. Я считал, что эта демонстрация силы и присутствие де Голля на трибуне дадут ему все, чего он добивался. Сам я уклонился от присутствия на параде, но сказал де Голлю, что генерал Брэдли приедет в столицу и будет стоять вместе с ним на трибуне, чтобы символизировать единство союзников.

Поскольку этот парад совпал с предстоявшими боевыми действиями, то, возможно, он оказался единственным случаем в истории войск, церемониальным маршем проследовавших через столицу великой страны, чтобы в тот же день участвовать в запланированном сражении.

Освобождение Парижа 25 августа оказало огромное воздействие на людей. Даже скептики начали понимать, что Гитлеру скоро конец. Со времени нашей высадки в Нормандии три вражеских фельдмаршала и один командующий армией были сняты со своих постов или выведены из строя вследствие полученных ранений. Роммель был тяжело ранен 19 июля, когда его машину обстрелял один из наших самолетов-штурмовиков. Спустя несколько месяцев он покончил с собой, чтобы избежать суда за якобы его причастность к заговору 20 июля с целью убийства Гитлера *. Один командующий армией, три командира корпуса и пятнадцать командиров дивизий были убиты или взяты в плен. Противник потерял 400 тыс. убитыми, ранены-

* Заговор в целом не выходил за рамки «дворцового переворота». Буржуазно-патриотическое крыло заговора во главе с начальником штаба армии резерва полковником К. Штауфенбергом, совершившим неудачное покушение на Гитлера, не могло оказать серьезного влияния на характер заговора.— *Прим. ред.*

ми или пленными. Половину из этого числа составляли пленные, причем 135 тыс. из них были взяты в плен после 25 июля.

Потери немцев в боевой технике составили 1300 танков, 20 тыс. других боевых машин, 500 штурмовых орудий и 1500 артиллерийских стволов. Немецкая авиация также понесла серьезные потери. Более 3,5 тыс. самолетов было уничтожено, и это в дополнение к тому, что еще перед вторжением немецкие военно-воздушные силы были серьезно обескровлены действиями нашей авиации.

Все это привело к значительному снижению морального духа в войсках противника. Особенно это было заметно среди военнопленных старших офицеров, так как они в силу своего профессионального опыта раньше других могли увидеть неизбежность окончательного поражения Германии. Однако немецкая армия в целом еще явно не достигла стадии массового краха, не оставалось никаких сомнений в том, что немецкие дивизии, если сложатся более или менее благоприятные условия, еще в состоянии оказать ожесточенное сопротивление.

С захватом Парижа мы вышли на рубежи, которые предусматривали занять к исходу трех-четырех месяцев после высадки на французском побережье. Таким образом, фактически мы на несколько недель опередили наши графики продвижения в долгосрочных расчетах, однако в важных вопросах снабжения войск у нас обнаружилось серьезное отставание. Поскольку почти весь район был захвачен в результате быстрого продвижения наших войск после 1 августа, то дороги, железнодорожные линии, склады, ремонтные мастерские и базовые сооружения, необходимые для обеспечения непрерывного продвижения войск вперед, остались в тылах далеко от линии фронта.

Когда немецкому командованию, несмотря на поражение и беспорядок, удалось отвести значительное число своих войск за Сену, у нас все еще оставалась надежда создать для них новую западню, прежде чем оно сумеет произвести перегруппировку и занять прочную оборону. Часть войск немецкой 15-й армии все еще находилась в районе Кале, где она создала надежное прикрытие для отступающих туда частей 1-й и 7-й армий немцев. Считалось возможным, что противник попытается оказать некоторое сопротивление на естественных рубежах для обороны вдоль водных артерий Бельгии. Выброска воздушного десанта, казалось, давала нам большие надежды на новое окружение, если противник решит занять оборону.

Как только поражение немцев на фронте в Нормандии стало очевидным, командованию воздушно-десантных войск было дано указание разработать планы выброски десантов в ряде последовательных районов, когда по ходу событий наметится возможность наиболее успешного окружения войск противника. Планирование на бумаге такой операции было хотя и трудоемким, но довольно простым делом. Однако когда дошло до фактических приготовлений запланированного десантирования, то, прежде чем принять окончательное решение, потребовалось серьезно взвесить все обстоятельства. В процессе подготовки к воздушному десантированию появилась необходимость снять транспортные самолеты с выполнения ими задач по снабжению воздушным путем. Временами казалось, что более существенных результатов можно добиться, если эти самолеты будут продолжать заниматься доставкой по воздуху боевых грузов.

К сожалению, эти самолеты нужно было снять за несколько дней до

десаитиой операции, чтобы должным образом переоборудовать их, а с экипажами провести соответствующую треиировку. В коице августа, когда положеиие со сиабжеиием войск стало еще напряжеинее, а мы все с нетерпеиием следили за ходом боевых действий с целью отрезать отход для зиачительиой части сил противника, результаты работы и возможиости траиспортиого командоваиия обсуждались каждый деиь. В среднем, с учетом различных условий погоды, наши самолеты могли доставлять на передний край около 2 тыс. тонн грузов ежедневио. Это составило только небольшой процеит от общего объема доставляемых войскам грузов, однако теперь каждая тоииа была столь важиа иа фроите, что вопрос о снятии самолетов приобретал особеиио серьезиый характер.

Мие казалось, что в райоие Брюсселя иамечались благоприятные условия для использоваиия воздушиого десанта, и, хотя миеиия относительио разумиости сиятия траиспортиых самолетов с выполняемых ими заданий разделились в силу неопределеииости исхода десаитиой операции, я все же решил воспользоваться этой возможиостью. Транспортио-десантиое авиациоииое комаидоваиие 10 сеитября было времеиио снято с работ по переброске грузов, чтобы начать иитеисивную подготовку к выброске десаита в райоие Брюсселя. Однако вскоре стало ясно, что немцы отступают иастолько быстро, что иаши усилия окажутся бесплодными. Противник вообще не делал иикаких попыток оборонять этот регион, если не считать боев, которые вели его группы прикрытия отхода.

По всему фроиту мы иеслись вперед, преследуя отступавшего противиика. За четыре дия английские передовые части, параллельиым курсом с которыми столь же решительио иа правом фланге шли американцы, покрыли расстояние в 195 миль. Это было одио из миогих проявлений замечательиого мастерства иаших соедииеиий в ходе крупиого преследоваиия противника через Францию. К 5 сеитября 3-я армия Паттоиа достигла Наиси и пересекла реку Мозель иа участке между этим городом и Мецем. 1-я армия под командоваиием Ходжеса подошла к оборонительным сооружеииям «линии Зигфрида» 13 сеитября и вскоре после этого должиа была повести наступлеиие иа Ахеи. Прижатая к граиицам своего отечества, немецкая армия иачала усиливать сопротивление. 4 сентября армии Монтгомери вошли в Аитверпеи. Солдаты почувствовали иовый прилив эиергии, узиав, что они с такой быстротой выставили иемцев из этого райоиа, что те даже ие успели произвести серьезиых разрушеиий в городе. Марсель был захвачен 28 августа, и теперь этот огромиый порт восстаиавливали.

Эти события обещали в коиечиом счете разрешение всех иаших проблем, связаииых с работой служб тыла, и это означало, что в определенный период мы будем в состоянии развериуть иа границах Германии мощиое сражение, в котором противник ие будет иметь никакой иадежды на успех. Однако иужио было еще миогое сделать, прежде чем мы сможем обеспечить себе такие возможиости, а переиапряжение иа иаших линиях коммуникаций дошло почти до предела. На юге должны были встретиться войска геиерала Пэтча и армии геиерала Брэдли, а железиодорожные лииии вверх по долине реки Роиа иуждались в серьезном ремонте. На севере мы оказались перед лицом еще более серьезных трудностей.

Порт Антверпеи, достаточио удалеииый от моря, связаи с иим огромным эстуарием Шельды. Обороиительные сооружеиия, прикрывавшие подступы к Аитверпеиу со стороны моря, находились в исправиом состоянии, и,

прежде чем мы смогли бы воспользоваться портом, нам нужно было выбить из них противника и очистить эстуарий.

На севере наша задача состояла из трех частей. Во-первых, нам нужно было выйти в восточном направлении на достаточно далекие рубежи, чтобы прикрывать Антверпен и автомобильные и железные дороги, ведущие от района этого города к фронту. Во-вторых, мы должны были подавить оборону немцев между Антверпеном и морем. И в-третьих, я надеялся, что передовые соединения выдвинутся как можно дальше для овладения, если представится такая возможность, плацдармом на противоположном берегу Рейна, с тем чтобы затем угрожать Руру и облегчить организацию последующих наступательных операций.

На фланге Монтгомери нужно было немедленно принимать решение с учетом осуществления этих задач. В качестве предварительного условия требовалось выдвинуть наши войска на восток на такое расстояние, чтобы надежно обеспечить прикрытие Антверпена. Это нужно было делать без промедления: пока это не было сделано, мы не могли приступить к осуществлению других задач. Столь же очевидным был тот факт, что, пока не будут очищены от противника подступы к Антверпену со стороны моря, порт останется бесполезным для нас. Поскольку немцы прочно окопались на островах Южный Бевеланд и Валхерен, то нам предстояла трудная и длительная операция по очищению от противника подступов к порту со стороны моря. И чем скорее мы приступим к делу, тем лучше. Однако оставалось решить вопрос: выгодно или нет, прежде чем мы возьмемся за эту тяжелую задачу, продолжать наше наступление в восточном направлении против все еще отходящего противника с целью овладеть при возможности плацдармом за Рейном.

Когда мы рассматривали различные аспекты этого вопроса, Монтгомери неожиданно выступил с предложением, что, если мы окажем поддержку его 21-й группе армий всеми наличными средствами снабжения, он сумеет ворваться прямо в Берлин и, как он сказал, закончить войну. Я убежден, что фельдмаршал Монтгомери в свете последовавших событий согласился бы с ошибочностью этой точки зрения. Однако в тот момент энтузиазм Монтгомери подогревался быстрым продвижением войск в течение предыдущих недель, и, будучи убежденным в полной деморализации противника, он решительно заявил, что единственное, в чем он нуждается,— это в соответствующем снабжении войск, чтобы идти прямо на Берлин.

Мои поездки, в связи с больной ногой, временно были затруднены, но, чтобы быть уверенным, что Монтгомери полностью информирован относительно наших планов, я встретился с ним в Брюсселе 10 сентября. При встрече присутствовали главный маршал авиации Теддер и генерал Гейл.

Я объяснил Монтгомери состояние нашей системы снабжения и нашу потребность в скорейшем открытии порта Антверпен. Я отметил, что без железнодорожных мостов через Рейн и без достаточных запасов предметов боевого обеспечения под рукой невозможно поддерживать в Германии группировку сил, способную достичь ее столицы. В центральных районах вражеской страны еще имелись значительные резервы, и я знал, что любое продвижение на узком фронте в глубь Германии, какое предлагал Монтгомери, наверняка закончилось бы поражением. Таков был бы исход подобного предприятия независимо от того, какая сторона попытается его

предпринять. Монтгомери я сказал, что не буду рассматривать такое предложение.

Если бы в конце августа мы приостановили наши наступательные операции на всех других участках фронта, то не исключено, и даже, пожалуй, наверняка, что Монтгомери мог бы овладеть сильным плацдармом на восточном берегу Рейна и создать угрозу захвата Рура, точно так же, как любая другая армия могла продвигаться быстрее и углубиться дальше, если бы ей разрешили это сделать за счет отказа в боевом обеспечении войск на других участках фронта. Однако ни в одном месте нельзя было добиться решающего успеха, а между тем на других направлениях мы попали бы в опасное положение, выход из которого оказался бы весьма затруднительным.

Монтгомери был знаком с обстановкой только на своем участке фронта. Он понимал, что поддержка его предложения означала бы остановку на многие недели боевых действий всех войск, за исключением 21-й группы армий. Но генерал не понимал, что на остальной части нашего растянутого фронта сложилась бы недопустимая ситуация, если бы он, исчерпав наши возможности в снабжении его группы армий, был вынужден остановиться или отступить.

Я ему объяснил, что мы хотим, чтобы порт Антверпен заработал и чтобы были заняты соответствующие рубежи, надежно прикрывающие этот порт. Кроме того, я не исключал возможности с помощью воздушного десанта захватить плацдарм за Рейном в районе Арнема, обойдя с фланга оборонительные сооружения «линии Зигфрида». Операция по захвату такого плацдарма — ей было дано кодовое наименование «Маркет-Гарден» — явилась бы просто эпизодом и расширением нашего продвижения на восток на рубежи, необходимые для обеспечения временной безопасности. На нашем левом фланге таким рубежом являлось само нижнее течение Рейна. Остановиться, не достигнув этого рубежа, означало бы поставить себя в исключительно рискованное положение, в особенности в тот период, когда Монтгомери направит значительные силы для захвата острова Валхерен.

Если бы можно было осуществить эти планы, мы не стали бы предпринимать никакие крупные наступательные операции на севере, пока не накопили бы достаточные запасы предметов боевого обеспечения в тылу. Но мы могли и провели бы ряд небольших операций по всему нашему огромному фронту в порядке подготовки крупного наступления. Монтгомери очень хотелось попытаться захватить плацдарм.

Поэтому 10 сентября на совещании в Брюсселе фельдмаршалу Монтгомери было разрешено отложить операции по уничтожению сил противника на подступах к Антверпену и попытаться овладеть нужным для нас плацдармом. В помощь Монтгомери я выделил недавно сформированную 1-ю союзную воздушно-десантную армию под командованием американского генерала авиации Льюиса Бреретона. Дата наступления была предварительно установлена на 17 сентября, и я обещал ему сделать все возможное для материального обеспечения операции до ее завершения. После захвата плацдарма Монтгомери должен был немедленно всеми силами приступить к операции по захвату острова Валхерен и очищению от противника других районов, откуда немцы обороняли подступы к Антверпену. Монтгомери энергично взялся за осуществление поставленной перед ним задачи.

В силу растянутости линий коммуникаций и их недостаточной пропускной способности по всему фронту ощущалось усиливавшееся напряжение в работе транспорта, занятого доставкой боевых грузов в войска. Службы снабжения прилагали героические усилия, чтобы войска могли продвигаться вперед как можно дальше. Они создали специальную систему автоперевозок, взяли под контроль главные автодороги во Франции и ввели на них одностороннее движение. По этим дорогам двигался непрерывный поток автомашин, каждая из которых находилась в пути по меньшей мере двадцать часов в сутки. Со всех частей для них дополнительно собрали водителей, а сами машины останавливались только для загрузки, выгрузки и технического обслуживания.

Железнодорожные войска работали круглосуточно, ремонтируя разбитые мосты и железнодорожные пути, восстанавливая подвижной состав. Бензин и топливо доставлялись на континент по гибким трубопроводам, проложенным по дну Ла-Манша. С побережья бензин и топливо перекачивались дальше на главные пункты распределения по трубопроводам. Саперы с удивительной быстротой строили взлетно-посадочные полосы. Во всех тыловых службах, как и в любой боевой части, проявлялось высокое моральное состояние и стремление с максимальной отдачей выполнять свои задачи.

Однако, несмотря на эти чрезвычайные усилия служб снабжения, проблема обеспечения войск оставалась наиболее острой. Со всех участков фронта поступали требования о срочных доставках туда бензина и боеприпасов. Каждая из наших передовых частей могла продвинуться дальше и быстрее. Я считал и сейчас уверен, что армия генерала Паттона могла с ходу взять город Мец. Тем не менее мы были вынуждены снабжать каждую часть только в той мере, в какой было необходимо для выполнения ее основной задачи, и не более.

На нашем правом фланге 11 сентября, то есть через двадцать семь дней после высадки в Южной Франции, наступавшие с юга войска генерала Пэтча соединились с нашими силами в районе города Дижон. С этого момента единственным препятствием на пути обильного снабжения всех наших войск к югу от Меца стал необходимый ремонт железнодорожных путей, шедших вверх по долине Роны. В результате соединения с войсками Пэтча значительное число немцев оказались отрезанными в Юго-Западной Франции. Они начали сдаваться в плен небольшими группами, и только в одном случае сразу сдались 20 тыс. немцев.

На левом фланге наступление на Арнем началось, как и планировалось, 17 сентября. Три воздушно-десантные дивизии были выброшены друг за другом в намеченных районах с севера на юг. В самом северном районе высадилась английская 1-я воздушно-десантная дивизия, несколько южнее от нее — 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии. Наступление началось удачно и, несомненно, оказалось бы успешным, если бы не резкое ухудшение погоды, которое не позволило доставить необходимые подкрепления английским десантникам; в конечном счете английская воздушно-десантная дивизия была почти полностью уничтожена, а вся операция завершилась только частичным успехом. Мы не смогли захватить плацдарм, но наши войска выдвинулись далеко вперед, обеспечив тем самым возможность обороны района Антверпена.

Ход этого сражения привлек внимание каждого на театре военных

действий. Мы особенно гордились нашими воздушно-десантными частями, но интерес к сражению был вызван более глубокими причинами, чем гордость. Мы считали, что это сражение покажет, сумеют или не сумеют немцы вновь оказать действенное сопротивление. По исходу этого сражения мы могли бы судить об ожесточенности боев, которые ждали нас впереди. Складывалось общее впечатление, что развернувшееся сражение действительно являлось попыткой немедленно начать мощное наступление в глубь Германии. Это вызывало дополнительный интерес к боевым действиям десантников, во время которых развертывались необычайно драматичные обстоятельства.

Когда же, несмотря на героические усилия, воздушно-десантные войска и поддерживавшие их сухопутные силы были остановлены противником, мы получили достаточно доказательств, что нас ожидают еще более ожесточенные бои. Английская 1-я воздушно-десантная дивизия, находившаяся в авангарде, доблестно сражалась, ведя, пожалуй, самые тяжелые бои за всю войну, и ее стойкость оказала существенную помощь двум американским дивизиям, следовавшим за ней, и поддерживавшим десант войскам 21-й группы армий, стремившимся захватить и удержать за собой важные районы. Однако сама английская дивизия жестоко пострадала: только около 2400 десантникам этой дивизии удалось спастись.

Теперь было исключительно важно без дальнейших промедлений захватить подступы к Антверпену. Войска Монтгомери в данный момент оказались крайне растянутыми. Его войска, вклинившись в оборону противника на различную глубину, достигли нижнего течения Рейна. Монтгомери нужно было сосредоточить значительные силы в эстуарии Шельды, а также выделить войска для блокирования ряда небольших портов вдоль побережья, все еще находившихся в руках противника. В помощь ему для проведения операций в эстуарии Шельды мы направили две американские дивизии — 7-ю бронетанковую под командованием генерал-майора Сильвестера и 104-ю дивизию под командованием генерал-майора Терри Аллена, ветерана кампаний в Тунисе и на Сицилии.

Американская 1-я армия в конце своего блестящего марша от Сены до немецкой границы захватила Ахен. Противник упорно и ожесточенно оборонял этот город, но генерал Коллинс со своим 7-м корпусом так мастерски провел операцию, что к 13 октября окружил оборонявшийся гарнизон и вошел в город. Немцы были вынуждены постепенно отходить к последнему опорному пункту — массивному зданию в центре города. Этот опорный пункт был уничтожен самым простым способом: на 200 ярдов подтянули к зданию 155-мм пушку «Длинный Том» и прямой наводкой начали методически разрушать его стены. После того как несколько снарядов прошило здание насквозь, 21 октября немецкий командир сдался, горестно заметив: «Когда американцы начинают использовать 155-мм пушку как снайперское оружие, значит, настало время сдаваться!»

На юге начала действовать 6-я группа армий Деверса и 15 сентября перешла под мое оперативное командование. Теперь под контролем верховного командующего союзными экспедиционными силами находились войска, вытянувшиеся по фронту от Средиземного моря до устья Рейна на многие сотни миль.

В состав 6-й группы армий Деверса входили американская 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта Пэтча и французская 1-я армия

под командованием генерала де Латра де Тассиньи, которая до этого в оперативном отношении подчинялась Пэтчу. В группу армий генерала Брэдли входили 1-я, 3-я и вновь сформированная 9-я армии под командованием генерал-лейтенанта Уильяма Симпсона. В состав 21-й группы армий Монтгомери входили 2-я английская армия под командованием Демпси и 1-я канадская армия под командованием Крерара. Союзная воздушно-десантная армия, временно приданная 21-й группе армий, подчинялась непосредственно верховному командующему союзными экспедиционными силами.

В конце лета штаб верховного командующего союзными экспедиционными силами начал перемещаться из Гренвилля, где он первоначально разместился на континенте, в Версаль под Парижем. Мне хотелось выбрать новое место для штаба к востоку от Парижа, чтобы во время поездок на фронт не пересекать перенаселенные районы Франции. Однако, учитывая направление основных линий связи и отсутствие соответствующих условий для размещения крупного штаба восточнее Парижа, мы были вынуждены первоначально согласиться с расположением штаба в Версале как на наиболее приемлемом месте, откуда можно было руководить фронтом. Я разместил свой передовой командный пункт на окраине Реймса. Отсюда я мог легко добираться до любого участка фронта, даже в те дни, когда погода была нелетной.

Начиная с 1 сентября я в течение трех месяцев находился в поездках. Фронт постоянно расширялся, расстояния увеличивались, и поэтому каждая поездка на фронт отнимала много времени. Тем не менее эти поездки были ценными и полностью оправдывались.

Иногда мои друзья советовали мне и даже настаивали, чтобы я сократил свои поездки в войска. Они правильно считали, что поскольку речь идет о солдатских массах, то лично я смогу поговорить лишь с очень немногими из солдат. Поэтому они доказывали, что я просто изматывал себя, не достигая ничего существенного. С этим я не соглашался, считая, что постоянные беседы с рядовыми солдатами дают мне точное представление об их настроениях. Я говорил с ними о чем угодно, а чаще всего спрашивал, какой новый прием или приспособление для его использования пехотой в бою придумали данный взвод или отделение. Я говорил обо всем до тех пор, пока солдаты в свою очередь не начинали рассказывать мне.

Конечно, мне понятно было, что факт беседы даже с несколькими солдатами дивизии очень скоро станет известен всему личному составу части. А это, как я считал, будет подталкивать солдат к разговору со своими начальниками. Мне казалось, что такая привычка содействует боевой эффективности личного состава. В массе, состоящей из отдельных личностей, носящих винтовки, таится огромная изобретательность и инициатива. Если солдаты могут естественно и без сдержанности говорить со своими офицерами, то результаты их изобретательности станут достоянием всех. Более того, из привычки возникает взаимное доверие, чувство партнерства, которые составляют суть морального состояния войск. Армию, в которой солдаты боятся своих офицеров, никогда нельзя сравнить с той, в которой солдаты доверяют командирам и полагаются на них.

Есть старое понятие — «обнаженность поля боя». Это описательное выражение полно смысла для любого, кто видел сражение. За исключением

таких необычных тактических действий, как форсирование реки или участие в морском десанте, в условиях района, прилегающего к переднему краю, превалирует ощущение пустынности, безжизненности. Почти не видно ничего живого; войска, как свои, так и противника, а также боевая техника как будто исчезают из виду, когда стороны готовятся к бою. В таких условиях легко потерять управление солдатами и связь с ними, поскольку каждый из них, испытывая страх, боится, что неосторожное движение или обнаружение себя будет означать для него моментальную смерть, и чувствует себя страшно одиноким. Именно в этом случае наиболее плодотворными окажутся доверие к своим командирам, чувство товарищества и вера в них.

Мои личные усилия в этом направлении едва ли могли принести существенные результаты. Но я знал, что если солдаты осознают, что могут разговаривать с «большим начальником», то у них будет меньше страха перед своим лейтенантом. Более того, мой пример мог подталкивать офицеров добиваться непринужденных отношений с солдатами. Во всяком случае, я этой практики придерживался на протяжении всей войны, и ни одна беседа с солдатом или группой солдат не была для меня бесполезной.

Все эти поездки, кроме того, давали возможность на месте серьезно обсуждать, в частности, проблемы пополнений, обеспечения боеприпасами, обмундированием и оснащения войск в связи с приближавшейся зимой, а также планы на будущее. Конечно, штабы на всех уровнях постоянно работают над этими вопросами, и в соответствии с инструкциями все потребности войск автоматически удовлетворяются через действующую систему снабжения. Однако ничто не может заменить прямых контактов между командующими, и куда более ценно, когда старший начальник сам ездит в войска, вместо того чтобы сидеть у себя в штаб-квартире и ждать, когда подчиненные придут к нему со своими проблемами.

Моральное состояние боевых частей всегда необходимо держать под пристальным вниманием. Солдаты способны воспринимать наказание и длительные лишения до тех пор, пока считают, что с ними поступают справедливо, что их командиры внимательно следят за ними, понимают и оценивают их действия. Любые признаки того, что с ними обходятся несправедливо, естественно, вызывают у солдат гнев и возмущение, и это настроение с быстротой огня может охватить всю часть. Однажды в Африке солдаты на передовой пожаловались мне, что они не получают положенные им шоколад и сигареты, хотя знают, что тыловики получают все это в изобилии. Я обратился за разъяснениями к местному командиру, который сказал, что время от времени он пытался затребовать эти виды довольствия, но ему отвечали, что нет транспорта, чтобы доставить их на фронт. Тогда я позвонил в тыл и сказал, что, пока не будут обеспечены этими видами довольствия каждая авиачасть на передовом аэродроме и все фронтовые подразделения, интенданты не получат ни одной сигареты, ни одной плитки шоколада. И очень скоро я получил донесение с фронта, в котором сообщалось, что все их требования быстро выполняются.

Один из прискорбных эпизодов подобного рода произошел в конце 1944 года. На фронте начала ощущаться острая нехватка бензина и сигарет. И тут поступило донесение, что в Париже на черном рынке процветает торговля именно бензином и сигаретами и что торговлей занимаются военнослужащие служб снабжения. Мы быстро направили туда группу ин-

спекторов и вскрыли отвратительные факты. Нужно было ожидать, что кое-кто может поддаться исключительному соблазну перед невероятно большими деньгами, которые предлагались за продовольствие и сигареты. Однако в данном случае оказалось, что практически целая тыловая часть превратилась в деятельную шайку спекулянтов и продавала эти предметы автомашинами и вагонами. При этом преступление больше усугублялось обворовыванием солдат на фронте, нежели ценностью краденого имущества. Я был полон гнева и возмущения.

Однако я понимал, что вся американская воинская часть не могла сразу стать преступной. Логично было предположить, что это грязное дело было начато несколькими мошенниками, а другие были постепенно втянуты в него почти бессознательно и, оказавшись вовлеченными, не видели путей, чтобы выпутаться из него.

Я дал соответствующее указание судебно-следственным органам, но предупредил, что ни один приговор не должен быть приведен в исполнение, пока я лично не рассмотрю каждый из них. Когда это было сделано, я объяснил свой план. Он сводился к тому, чтобы каждому осужденному солдату предложить восстановить себе доброе имя, добровольно отправившись на передовую. Эти суровые приговоры были доведены до войск, так что солдаты на переднем крае знали, что виновные не избежали наказания. Но теперь я решил дать возможность преступникам искупить вину. Большинство из них с готовностью ухватились за такую возможность. Смыв клеймо позора со своего имени, эти люди заслужили увольнение из армии с почетом. Однако такой шанс не был предоставлен офицерам, участвовавшим в этом отвратительном бизнесе.

Из-за тяжелых условий на фронте у нас начали увеличиваться небоевые потери в личном составе. «Окопная стопа» — ревматическое заболевание ног от продолжительного пребывания в траншеях — оказалась одной из причин таких потерь. Лечить это заболевание трудно, иногда почти невозможно, но врачи установили, что профилактика его не представляет особой сложности. Она сводилась к простому соблюдению элементарного требования, предписанного врачами: нужно было разуваться по меньшей мере один раз каждый день и делать массаж ног в течение пяти минут. Чтобы быть уверенным, что массаж делается должным образом, процедуру проводили попарно. Каждый солдат должен был делать массаж партнеру в течение пяти минут, и ничего больше. Как только мы получили от врачей ответ на нашу проблему и стали проводить их рекомендации в жизнь, число серьезных потерь сократилось на многие тысячи в месяц.

Медицинская служба на фронте действовала эффективно: число смертных исходов на каждые сто ранений в американской армии во время второй мировой войны составляло меньше половины того, что было в первую мировую войну. Это объяснялось многими причинами, в том числе использованием пенициллина, сульфапрепаратов, быстрым применением кровяной плазмы и оперативно функционировавшей системой эвакуации раненых, в значительной мере по воздуху. В отношении раненых задача врачей сводилась к тому, чтобы как можно быстрее вылечить их для возвращения в строй, а в тех случаях, когда ранение серьезное, быстро доставить пострадавшего в госпиталь на родине. Обе эти задачи врачи, медицинские сестры и их помощники выполняли с большим успехом. Некоторые раненые солдаты в течение года по нескольку раз возвращались из госпиталей на

фронт. Я был свидетелем случаев, когда в базовые госпитали за многие сотни миль от фронта доставляли раненых буквально в пределах нескольких часов после получения тяжелого ранения.

Обеспечение нормальных бытовых условий для солдат всегда было делом командиров всех рангов. Однако в конце 1944 года этот вопрос приобрел особенно важное значение. Солдат союзных войск переносил все лишения и опасности обычного сражения, но скверная погода делала его повседневную жизнь почти невыносимой. Наряду с борьбой против врага нужно было выполнять насущные административно-хозяйственные задачи. Я и мои коллеги были убеждены в необходимости сохранять темп операций. Задача состояла в том, чтобы не ослаблять давления на противника и в то же время наращивать людские и материальные ресурсы в течение осени и зимы, чтобы быть готовыми весной нанести заключительные удары по немецкой армии.

Все командующие в американских войсках на Европейском театре военных действий были подобраны лично мною. Еще со времени начала кампании в Африке между мной и генералом Маршаллом существовало полное взаимопонимание в этом вопросе. Он сказал: «Вам нет надобности брать к себе или держать на должности командира, в котором у вас нет полной уверенности. Пребывание командира в должности на вашем театре военных действий является для меня подтверждением, что вы довольны им. На карту поставлена жизнь многих людей; я хочу, чтобы у вас не было неправильного понимания своих полномочий, своего долга, чтобы отвергнуть любую кандидатуру или снять любого, кто не отвечает в полной мере вашим требованиям». И генерал Маршалл никогда не нарушил этого правила, а я в свою очередь установил такой же порядок для старших подчиненных.

В самом начале операции «Оверлорд» премьер-министр Черчилль и фельдмаршал Брук при случае также говорили мне, что они готовы в любой момент, если я выражу недовольство кем-либо из основных моих английских подчиненных, немедленно заменить его. Сотрудничество союзников прошло большой путь со времен первых дней операции «Торч».

У нас были прекрасные солдаты и отличные командиры как в сухопутных войсках, так и в авиации. Из Соединенных Штатов ежедневно прибывали пополнения. Единственное, что нам нужно было сделать в условиях нараставшей численности наших войск, это организовать снабжение передовых эшелонов на фронте. Мы были уверены, что ко времени, когда мы накопим достаточные материально-технические резервы, будем располагать достаточными силами, чтобы начать заключительные сражения с целью покончить с противником на Западе. <...>

Вторжение в Германию

Промышленное значение Рура для Германии было существенно ослаблено еще до того, как мы его окружили. Заводы этого района служили объектами многочисленных налетов бомбардировочной авиации, а в феврале 1945 года союзная авиация начала кампанию по уничтожению линий коммуникаций, связывавших Рур с центральной частью Германии. В этой кампании авиация добилась заметных успехов, и мы знали, что немцы испытывают большие трудности в транспортировке

боеприпасов из Рура в армии, которые еще оставались на фронтах. В условиях, когда возникла угроза этому району с обеих сторон, а также ввиду резко ослабившейся его роли в общих военных усилиях страны казалось, что будет логичным, если немцы отведут оттуда все свои войска, чтобы использовать их для противодействия нашим продвигающимся колониам. Немецкому генеральному штабу должно было быть ясно, что с окружением Рура будут потеряны не только многие промышленные предприятия, работавшие для фронта, но и все те войска, которые могли быть собраны там для обороны. Тем не менее немцы вновь не сделали этого.

Войска под командованием Брэдли на юге и Монтгомери — на севере упорно продвигались с боями к намеченному месту встречи возле Касселя. Американская 9-я армия, наступавшая на правом фланге 21-й группы армий Монтгомери, встречала более упорное сопротивление, чем 1-я и 3-я армии, двигавшиеся из района Франкфурта. В результате наступавшие войска этих армий своим правым крылом вышли на восточную и северо-восточную окраины Рура, чтобы соединиться с колоннами 9-й армии Симпсона в районе Липштадта возле города Падерборн.

К 1 апреля, спустя ровно неделю после того, как 21-я группа армий форсировала Рейн в районе Везеля, наступавшие с севера и юга войска соединились, Рур был окружен, противник оказался в западне. Теперь немцы непрерывно терпели крупные поражения. Начиная с кровопролитного отражения безуспешного наступления противника в Арденнах несшнеся лавиной войска союзников продолжали наносить ему поражения одно тяжелее другого, а потери приобрели ошеломляющие размеры. Не было ни малейшего смысла, ни логики в продолжении борьбы. На востоке и на западе, уже на территории собственно Германии, наступали мощные группировки союзных войск. Немцы почти полностью потеряли Рур, Саар, Силезию. Остатки промышленности, рассредоточенной по всей центральной части Германии, уже не могли обеспечивать армии, все еще продолжавшие сражаться на фронтах. Система связи была так разрушена, что ни один нацистский руководитель не мог быть уверен, что его приказы дойдут до войск. В то время как во многих районах еще были войска, способные оказать ожесточенное и упорное сопротивление местного характера, только на левом и правом флангах огромного Западного фронта еще имелись достаточно многочисленные армии, чтобы делать нечто большее, чем сдерживать продвижение союзников.

31 марта я обратился с воззванием к немецким войскам и населению, настаивая, чтобы солдаты и офицеры сдались, а мирные жители начали посевные работы. Я обрисовал безнадежность их положения и пояснил, что дальнейшее сопротивление только усилит их несчастье в будущем.

Мне хотелось скорее покончить с этой кровавой эпопеей. Однако Гитлер и его сообщники мертвой хваткой еще держали народ; гестапо и СС действовали столь эффективно, что страна продолжала сражаться.

Когда 12-я группа армий достигла района Касселя, у Брэдли возникло две проблемы. Первая заключалась в том, чтобы зажать оборонявшие Рур войска на небольшом пространстве, где их можно было сдерживать силами нескольких дивизий, обеспечивая безопасность своих собственных коммуникаций. Вторая сводилась к скорейшей перегруппировке трех армий для главного наступления через центральное плато Германии в направлении на Лейпциг.

Три армии первого эшелона 12-й группы армий располагались в таком порядке: на левом фланге — 9-я армия Симпсона, в центре — 1-я Ходжеса и на правом — 3-я Паттона. Всего в группе армий Брэдли было сорок восемь дивизий. Это была крупнейшая из американских группировок за всю нашу историю.

Немецкими войсками в рурском котле командовал фельдмаршал Модель. Сначала он попытался вырваться из окружения, предприняв наступление на севере, но потерпел поражение. Аналогичная попытка в южном направлении также закончилась неудачей. И теперь немецкому гарнизону в Руре не оставалось иного выхода, как сдаться. Войска Брэдли непрерывно сжимали окруженного противника, а 14 апреля в результате предпринятого американцами удара окруженная группировка была расчленена на две части. Спустя два дня восточная часть прекратила сопротивление. 18 апреля весь оставшийся гарнизон капитулировал. Сначала мы считали, что захватим в плен около 150 тыс. в Руре. Фактически же в плен попало 325 тыс., в том числе 30 генералов. Мы разгромили двадцать одну дивизию и захватили огромное количество трофеев. Гитлер, должно быть, надеялся, что Рур будет столь же упорно обороняться, как и Брест, однако через восемнадцать дней после его окружения гарнизон сдался; число пленных оказалось еще больше, чем мы взяли на последнем этапе боев в Тунисе.

Между тем Брэдли быстро перегруппировал свои силы для наступления в восточном направлении. Ко времени капитуляции немцев в Руре некоторые головные части войск Брэдли достигли уже Эльбы в 150 милях от Касселя. Войска Брэдли наступали широким фронтом. На юге 3-я армия наступала в направлении границ Чехословакии и города Хемниц. К 14 апреля она достигла этого района. Слева от армии Паттона 11 апреля перешла в наступление 1-я армия и быстро продвигалась вперед, встречая лишь неорганизованное сопротивление. 14 апреля 3-я бронетанковая дивизия из 7-го корпуса Коллинса достигла Дессау, практически выйдя к Эльбе. Этот корпус, начав свой боевой путь с высадки на нормандское побережье, вскоре захватил Шербур и затем с боями прошел по всей Северо-Западной Европе от французского побережья до реки Эльба.

День 12 апреля я провел с Джорджем Паттоном. Я увидел такие сцены и услышал такие рассказы, что этот день навсегда врезался мне в память. Утром мы побывали в некоторых корпусах и дивизиях армии, которые в типичной для действий Паттона манере неслись на восток, то тут, то там окружая и захватывая в плен изолированные группы разваливавшейся армии противника. Не было никакого общего фронта, или рубежа сопротивления, или каких-либо скоординированных действий с целью воспрепятствовать продвижению наших войск. Однако в некоторых местах вражеские группы упорно оборонялись, и мы в течение всего дня то и дело оказывались свидетелями спорадических стычек.

Армия генерала Паттона захватила район, где в одной глубокой соляной шахте были обнаружены сокровища, запрятанные туда нацистами. Наша группа спустилась в шахту на глубину почти полумили.

На дне лежали огромные кипы немецких бумажных денег, очевидно сваленные здесь после отчаянных попыток вывезти их перед приходом американцев. В одном из туннелей находилось большое количество картин и других предметов искусства. Некоторые из них были завернуты в бумагу или мешковину, остальные уложены как листы фанеры.

В другом туннеле мы увидели склад золота, по оценке наших специалистов, общей стоимостью 250 млн долларов, в основном в виде золотых слитков. Они находились в мешках, по два 25-фунтовых слитка в каждом. Здесь же мы обнаружили очень много чеканного золота из разных стран Европы, даже несколько миллионов золотых монет из Соединенных Штатов.

В чемоданах, ящиках и контейнерах были собраны изделия из золота и серебра, очевидно награбленные из частных домов со всей Европы. Все изделия были сплющены ударом молотка, вероятно для того, чтобы меньше занимали места, и затем просто сгружены в хранилище. По-видимому, для дальнейшей переплавки их в слитки.

К туннелю, где было запрятано золото, наше внимание привлекла прежде всего недавно построенная кирпичная стена, в центре которой имелась стальная дверь, как у сейфа самой современной конструкции. Она была настолько капитальной, что для ее разрушения потребовались бы мощные подрывные заряды. Однако один американский солдат, обследовавший кирпичную стену, окружавшую дверь, нашел, что эта стена вовсе не так прочна, как выглядит. Свое заключение он проверил шашкой тринитротолуола. В результате взрыва в стене образовалась огромная дыра, через которую взгляду представился склад драгоценностей. Мы не могли понять, почему немцы не попытались спрятать сокровища в потайном месте в лабиринте туннелей, а решили оградить их стеной, которую легко разрушить даже ломом. В таких условиях мы не видели никакого смысла в установке сложной стальной двери. Однако один американский солдат, сопровождавший нас, заметил: «Похоже, что немцы закрывают на замок двери в конюшню, а стен-то в ней фактически нет».

Любопытна версия, рассказанная Паттоном, согласно которой пришли к мысли проверить шахту. Возможно, что рано или поздно шахта все равно была бы тщательно обследована победителями. Но, как утверждал Паттон, только благодаря инстинктивной человеческой порядочности, проявленной двумя американцами, мы обнаружили это хранилище до того, как значительная часть сокровищ могла быть перепрятана в более надежное место. Эта версия такова.

В небольшом городке наступавшие американские войска ввели комендантский час. Любое гражданское лицо, появлявшееся на улице после наступления темноты, немедленно задерживалось и подвергалось допросу. Однажды вечером патруль на «джипе» заметил женщину, спешившую по дороге, и остановил ее для выяснения личности. Женщина протестовала, объясняла, что спешит, чтобы вызвать акушерку для соседки, у которой вот-вот начнутся роды. Американские солдаты на «джипе» решили проверить слова этой женщины и, если она действительно говорила правду, помочь ей при необходимости. Они посадили женщину в «джип», заехали за акушеркой и вернулись к роженице; все, что говорила немка, подтвердилось. Солдаты, желая помочь, довольно долго ждали на улице, чтобы развезти по домам акушерку и эту женщину. Когда машина проезжала мимо входа в одну из соляных шахт в этом районе, одна из женщин заметила: «Вот шахты, где хранится золото».

Это замечание возбудило любопытство солдат, и они стали расспрашивать женщину. Из ее слов поняли, что несколько недель назад сюда была доставлена большая партия грузов с востока для размещения в шахтах. Солдаты доложили об этом своим начальникам, те в свою очередь разыскали

некоторых служащих немецкой администрации, связанной с шахтами. Таким образом сокровища попали в наши руки.

В тот же день я впервые увидел лагерь смерти, находившийся неподалеку от города Гота. Я никогда не был в состоянии описать свое эмоциональное напряжение в момент, когда я лицом к лицу встретился с неоспоримыми доказательствами жестокости нацистов и полного пренебрежения нормами человеческой морали. До сего момента я знал об этом только в общих чертах и из второстепенных источников. Но я уверен, что никогда в любое другое время я не испытывал такого шока, как в этом случае.

Я осмотрел каждый закоулок и каждую щель в лагере, так как считал своим долгом давать свидетельские показания об этих вещах в случае, если на родине появятся мнения или утверждения, что «рассказы о зверствах нацистов были просто пропагандой». Некоторые из нашей группы, посетившие лагерь, были не в состоянии выдержать до конца осмотр. Я же не только все осмотрел, но и, как только вечером вернулся в штаб Паттона, сразу же сообщил в Вашингтон и Лондон обо всех ужасах, настаивая перед обоими правительствами немедленно направить сюда группу редакторов газет и представителей национальных законодательных органов. Я считал, что эти доказательства должны быть немедленно доведены до американской и английской общественности, чтобы не оставалось никаких оснований для циничных сомнений.

День 12 апреля завершился известием, полным драматизма. Брэдли, Паттон и я допоздна засиделись за обсуждением планов на будущее. В частности, мы рассматривали вопросы о том, кого из офицеров и какие соединения выделить для переброски на Тихоокеанский театр военных действий. Незадолго до полуночи мы отправились спать: Брэдли и я — в небольшой домик штаба Паттона, а сам Паттон ушел в свой фургон. Его часы остановились, и он включил радио, чтобы по Би-би-си уточнить время, и тут услышал сообщение о смерти президента Рузвельта. Он вернулся в наш домик, разбудил Брэдли, и затем оба вошли в мою комнату, чтобы сообщить это ошеломляющее известие мне.

Мы долго размышляли над тем, какое воздействие может оказать смерть президента на судьбы будущего мира. Мы были уверены, что не последует никакого вмешательства в темпы войны, поскольку уже кое-что знали о тех огромных силах, которые приведены в действие на Тихом океане для разгрома японцев. Нам, конечно, ничего не было известно о каких-либо особых шагах президента по послевоенному обеспечению мира. Но у нас были сомнения, что в Америке найдется какая-либо другая личность, столь компетентная в вопросах работы с другими политическими лидерами союзных держав. Никто из нас не знал президента достаточно близко; я встречался с ним чаще, чем другие, на различных совещаниях и конференциях, но нам казалось, с точки зрения международного положения, что время сейчас самое неудачное для вынужденной смены национальных лидеров. Мы легли спать, подавленные и огорченные. С некоторыми из политических акций президента Рузвельта я, вероятно, никогда не мог бы согласиться. Но я знал его только в роли лидера страны, находившейся в состоянии войны, и в этой роли, как мне казалось, он сделал все, что можно было ожидать от него.

В ходе наступления 1-й армии в горах Гарца оказались отрезанными более 15 тыс. солдат и офицеров противника. Они упорно оборонялись

вплоть до 21 апреля. Местность в горах сильно пересеченная. В течение недели длились ожесточенные бои с целью ликвидировать окруженную группировку, а также отбить попытки других немецких частей высвободить окруженные в Гарце войска. Еще дальше, на севере, 9-я армия Симпсона продвигалась в тех же темпах, что и другие войска 12-й группы армий. К 6 апреля 9-я армия форсировала Везер, захватила плацдарм и после этого устремилась к Эльбе, которой она достигла чуть южнее Магдебурга 11 апреля. На следующий день 2-я бронетанковая дивизия этой армии захватила небольшой плацдарм на восточном берегу Эльбы, в десяти милях вниз по течению реки. Захват второго небольшого плацдарма частями 5-й бронетанковой дивизии 13-го корпуса к северу от Магдебурга был сорван противником, взорвавшим мост через реку. Казалось, противник на этом участке фронта готов отдать всю территорию к западу от Эльбы, но ожесточенно сопротивлялся любым попыткам форсировать реку. Немцы немедленно контратаковали плацдарм 2-й бронетанковой дивизии, который под давлением противника был оставлен 14 апреля. Еще дальше, на юге, 83-я дивизия предприняла переправу через Эльбу.

Наш выход на Эльбу почти случайно совпал с мощным наступлением Красной Армии в западном направлении с занимаемых ею рубежей на Одере. Наступление велось в широкой полосе более чем в двести миль. Русские успешно наступали по всему фронту. На севере они продвигались в направлении Дании, их центральная группировка была нацелена на Берлин, а на юге они выходили в район Дрездена. 25 апреля разведывательные дозоры 69-й дивизии 5-го корпуса встретили на Эльбе подразделения 58-й гвардейской дивизии Красной Армии. Эта встреча состоялась у Торгау, приблизительно в семидесяти пяти милях южнее Берлина. 5-й корпус, как и 7-й, участвовал в первоначальной высадке на побережье Нормандии, и казалось исключительно справедливым, что войска одного из этих корпусов первыми установили контакт с Красной Армией и завершили расчленение Германии. По мере нашего продвижения через Центральную Германию проблема связи с русскими войсками приобретала все более важное значение. Неотложные вопросы уже не были связаны с большой стратегией, а носили чисто тактический характер. Одна из основных трудностей заключалась в опознавании друг друга.

В силу языкового различия фронтовые рации были бесполезны в качестве средства связи между двумя сходящимися группировками. Единственное решение проблемы, казалось, заключалось в своевременной договоренности относительно опознавательных знаков и порядка действий при встречах. Еще в начале апреля авиация западных союзников и русских вступала в контакт, иногда с неблагоприятными результатами. Между нашими и русскими самолетами происходили перестрелки, и нарастала опасность более серьезных столкновений. Задача введения системы опознавательных сигналов была трудной, и полностью она была решена только к 20 апреля. Однако к этому времени обе стороны уже согласились придерживаться рубежей ограничения для действий авиации и, проявляя осторожность, которой в значительной мере сопутствовала удача, не допускали более или менее серьезных ошибок.

Существовала также договоренность между нами и русскими о том, что, когда встретятся войска двух сходящихся группировок, командиры на местах будут устанавливать рубежи соприкосновения с учетом особенностей

оперативных планов и местности. В качестве общей разграничительной линии между нами и русскими мы хотели иметь хорошо опознаваемый естественный рубеж. По этой причине согласованная линия на центральном участке фронта проходила по рекам Эльба и Мульда. При этом подразумевалось, что отвод наших войск в пределы своих оккупационных зон будет осуществляться в сроки, которые в будущем установят наши правительства.

Когда на центральном направлении происходило это решающее наступление, 21-я группа армий на севере и 6-я — на юге проводили операции, предусмотренные соответствующими планами. На севере группа армий Монтгомери наступала на Бремен и Гамбург, одновременно направив колонну в сторону Эльбы, чтобы прикрывать левый фланг 12-й группы армий. Наступление войск Монтгомери в восточном направлении в основном осуществлялось силами 2-й английской армии, в то время как канадская армия шла на север через Арнем, чтобы очистить от противника Северо-Восточную Голландию и прибрежную полосу в восточном направлении в сторону Эльбы. Наступавшая в восточном направлении английская 2-я армия в составе трех корпусов в первом эшелоне 6 апреля достигла Везера, а 19 апреля вышла к Эльбе. В Бремене английские войска встретились с противником, который сражался с упорством обреченного. 20 апреля английский 30-й корпус достиг предместий Бремена, но потребовалась целая неделя ожесточенных боев, прежде чем гарнизон города сдался.

Наступавшая на север канадская армия на левом фланге 21-й группы армий Монтгомери сначала также столкнулась с ожесточенным сопротивлением. Тем не менее войска продвигались вполне успешно по всему фронту, и 15 апреля был взят город Арнем. Падение Арнема на этом участке явилось сигналом для противника об отходе в Голландию, где можно было укрыться за затопленными районами, которые представляли собой серьезное препятствие для наступавших в Западную Голландию войск.

Монтгомери считал, и я согласился с ним, что немедленные операции на территории Голландии повлекли бы огромные дополнительные лишения для этой несчастной страны, народ которой и без того страдал от нехватки продовольствия. Значительная часть страны была буквально опустошена преднамеренным затоплением многих районов, бомбардировками и созданием немецких оборонительных рубежей. Поэтому мы решили отложить вторжение на территорию Голландии и предпринять все возможное, чтобы облегчить страдания местного населения.

Основной задачей 6-й группы армий Деверса в первые дни апреля являлось прикрытие правого фланга наступавших армий генерала Брэдли. С этой целью Деверс предпринял методическое продвижение 7-й армии Пэтча на левом фланге и французской 1-й армии — на правом.

На всем фронте 6-й группы армий противник оказывал вначале упорное сопротивление, несмотря на крах на севере и ежедневные потери. Когда 7-я армия вышла к реке Неккар, ей пришлось завязать ожесточенный бой, чтобы переправиться через реку, а затем ей потребовалась целая неделя для ликвидации вражеского гарнизона города Хайльбронн. Немецкие войска в этих местах не были столь серьезно деморализованы февральско-мартовскими наступательными операциями союзных армий, как те войска, что приняли на себя всю силу наших ударов. 7 апреля 10-я бронетанковая дивизия двинулась в направлении на город Крайльсхайм, но немцы так

быстро и сильно отреагировали на действия 10-й дивизии, что та была вынуждена поспешно отойти с занятых ею открытых позиций. 15-й корпус достиг Нюрнберга 16 апреля, но и здесь несколько дней шли бои, прежде чем рухнула оборона города.

Сопротивление на французском участке фронта оказалось не таким сильным. После ожесточенных стычек в непосредственной близости от Рейна французы начали быстро продвигаться вперед.

Французская армия, разумеется, пошла в наступление по приказу генерала Деверса, отвечавшего за установление разграничительных линий между армиями, путей снабжения наступающих войск и за решение всех прочих административных вопросов, связанных с обеспечением войск всей группы армий. Согласно установленной разграничительной линии город Штутгарт был включен в полосу наступления 7-й армии Пэтча, поскольку линии коммуникаций для снабжения американских войск должны были проходить через этот город. Штутгарт был захвачен французами, которые затем отказались уйти оттуда, чтобы Пэтч мог использовать его для обеспечения наступавших войск. Французы настолько упорно не желали подчиниться, утверждая, что дело в данном случае касается национального престижа, что Деверс обратился ко мне. Я дал указание Деверсу твердо настаивать на своем и потребовать от французов действий в соответствии с утвержденными планами. Французы все же проявили упрямство, и вопрос был передан для разрешения в Париж. Не согласный с нашим требованием, генерал де Голль продолжал упорствовать уже на правительственном уровне в своем ответе на резко сформулированную депешу в его адрес от президента Соединенных Штатов по этому вопросу. Между тем я предостерег французского командующего, сказав, что при сложившихся обстоятельствах считаю необходимым информировать Объединенный англо-американский штаб, что я более не могу рассчитывать с уверенностью на оперативное использование французских сил, которые союзники собираются оснастить в будущем. Эта угроза о возможном сокращении в оснащении и вооружении французских войск возымела действие, и в конце концов французы подчинились приказам.

Почти аналогичный случай произошел на франко-итальянской границе, где на обладание небольшой территорией претендовали как французы, так и итальянцы, приводя в подтверждение своих претензий моральные и юридические доводы. В этом районе с согласия фельдмаршала Александера я установил разграничительную линию, но она была нарушена французами, которые поспешили подкрепить свои притязания на эту спорную территорию введением своих войск.

Положение Франции в войне было, разумеется, не из легких. Некогда имевшая престиж одной из главных военных держав в Европе, она, как и ее армия, потеряла его в поражении 1940 года. Поэтому, когда в связи с началом вторжения в Северную Африку в 1942 году патриотически настроенным французам была предоставлена возможность включиться в общую борьбу против нацистов, они проявляли чувствительность ко всем вопросам, когда дело касалось их национальной гордости и чести. К тому же в них кипела жестокая ненависть к нацистам и к некоторым из своих бывших политических и военных руководителей. Ко всему этому добавлялась та неопределенность, на которой базировалась власть де Голля и тех правительственных органов, которые он установил во Франции. Следующим

обстоятельством была полная зависимость французской армии, да фактически и значительной части населения, от американских поставок. Это являлось дополнительным задевающим их гордость фактором, и, хотя они постоянно настаивали на более крупных поставках им всякого рода материалов и предметов боевого обеспечения, их, естественно, угнетало сознание того, что без этих поставок они совершенно беспомощны. Все это порождало особую чувствительность, и поэтому с французами трудно было иметь дело, когда они находили в каком-либо вопросе, хоть и пустячном, нечто такое, что, по их мнению, затрагивало их национальную честь. Тем не менее американские вложения в французские силы с лихвой окупились.

Во время африканской кампании французы были полезны, но крайне слабы. Что касается их участия в тяжелых боях, то впервые это произошло в войне на итальянском фронте. В конце 1943 и в начале 1944 года французский корпус на том ТВД действовал прекрасно. Более того, французы блестяще сражались при вторжении в Южную Францию, в Вогезах и при наступлении на Верхний Рейн. Их эффективность быстро упала с наступлением зимних холодов в конце 1944 года, поскольку значительную часть французской армии составляли африканские войска, не привыкшие к холодам и ненастьям, свойственным для кампании на Европейском театре военных действий в зимних условиях. Однако весной 1945 года во время заключительных операций войны французская армия храбро наступала и успешно заняла большие районы Южной Германии. Одновременно с этим они вели наземные и воздушные боевые действия против немцев в районе Бискайского залива, в результате чего освободили Бордо и остров Олероп. Эта операция неоднократно откладывалась с осени 1944 года, поскольку нужно было решать более неотложные задачи в других местах. Бои начались 14 апреля, и через месяц департамент Жиронда до моря был очищен от противника. К 1 мая был освобожден Олероп. Воодушевленные, французы мастерски воюют.

Среди французов было много занимавших высокое положение личностей, которые никогда не доставляли никаких хлопот; людей, обладавших широтой взглядов и пониманием неотложных проблем; это делало их прекрасными союзниками. Лично мне нравился генерал де Голль, поскольку я видел многие его прекрасные качества. Однако мы находили, что эти качества теряют свою ценность из-за крайне болезненной восприимчивости и экстраординарного упорства в вопросах, которые нам представлялись нелогичными. Мои личные контакты с ним во время войны никогда не порождали той теплоты, какая, казалось, часто возникала при его встречах со многими другими.

Жиро был моим другом. Это был боевой солдат, исключительно честный и прямой. Однако полное отсутствие у него интереса к политическим проблемам не позволяло ему занять какой-либо политический пост в своей стране. Генералы Жюэн, Кёниг, Кельц и множество младших офицеров проявили себя храбрыми, честными и способными профессиональными военными. Имена генералов Маста, Бетуара и их сподвижников, которые рисковали жизнью для того, чтобы встать на путь восстановления Франции путем поддержки вторжения союзников в Африку, навсегда останутся символом высочайшего патриотизма и величия характера.

С прочным закреплением войск Брэдли на Эльбе была подготовлена почва для заключительных операций союзников. Противник был расчленен на две изолированные друг от друга группировки на севере и на юге страны и не имел никаких шансов на создание единого фронта ни против русских, ни против нас. Когда мир немецкого солдата рушился вокруг него, он терял всякое желание драться. Только в отдельных случаях командирам удавалось поддерживать порядок в своих частях. За первые три недели апреля союзники захватили более миллиона пленных.

Еще до начала наступления войск союзников через Центральную Германию мы знали, что правительство Германии готовилось к эвакуации из Берлина. Правительственные учреждения, казалось, направлялись на юг, возможно, как мы думали, к Берхтесгадену, в зону «национального редута». Продолжение эвакуации на юг стало невозможным, когда войска Брэдли в итоге быстрого продвижения перерезали пути между севером и югом страны. Нам также было известно, что Гитлер оказался не в состоянии выехать на юг и решил до конца остаться в Берлине. Тем не менее существовала еще реальная возможность, что фанатически настроенные нацисты попытаются укрепиться в «национальном редуте», и поэтому скорейший захват этого района оставался для нас важной задачей. Имелись также веские основания для того, чтобы ускорить наше запланированное наступление на севере в направлении на Любек.

Наступление на Любек обеспечило бы захват последних баз немецких подводных лодок и устранило бы остатки этой некогда серьезной угрозы.

Мы не могли предсказывать, как будут действовать немецкие оккупационные войска в Дании. Возможно, они предпочтут упорно обороняться, и на такой случай мы планировали проведение молниеносной операции против них.

В начале апреля Монтгомери считал, что для проведения такой операции ему не потребуется дополнительных сил сверх семнадцати дивизий, которые тогда имелись у него в составе 21-й группы армий. Я предложил ему пропустить боевые грузы для обеспечения этой операции через американский железнодорожный мост у Везеля. Он отказался от этой помощи. Однако по мере того как развертывались операции на его левом фланге, он обнаружил, что его войска очень скоро выдохлись, и в интересах обеспечения быстроты действий попросил дополнительные войска и усиление материально-боевого обеспечения. И то и другое я с удовольствием выполнил. Я временно придал группе армий Монтгомери 18-й американский воздушно-десантный корпус под командованием генерала Риджуэя. Он должен был действовать в качестве пехоты, поддерживая наступление Монтгомери. На тот случай, если немцы в Дании решат сражаться до последнего, мы были готовы выделить дополнительные силы для воздушного десанта по ту сторону Кильского канала.

Когда в конце концов 26 апреля пал Бремен, сопротивление на этом фронте заметно ослабло. Монтгомери быстро перевел свои основные усилия в направлении действий 8-го английского корпуса, который 29 апреля предпринял наступление через Эльбу. Американский 18-й корпус осуществил одновременное форсирование несколько южнее и обеспечил прикрытие правого фланга 2-й армии при ее дальнейшем наступлении.

1 мая 11-я бронетанковая дивизия 8-го английского корпуса предпри-

няла блестящий бросок к Балтийскому морю через Шлезвиг-Гольштейн и вступила в Любек во второй половине дня 2 мая. Это предрешило судьбу противника в Дании, а также перерезало пути возможного отхода некоторых частей из разгромленных в Германии сил в эту страну.

Теперь Монтгомери быстро закреплялся на занятой территории по всему фронту, и 3 мая 18-й американский корпус установил контакт с русскими войсками на участке группировки Монтгомери. Берлин горел, правым флангом наступавшие войска Красной Армии быстро приближались к нам. Всякое сопротивление прекратилось. Толпы немцев, устремившихся на запад от русского фронта, теперь начали сдаваться англо-американским войскам. Американцы, стоявшие на Эльбе, ежедневно тысячами принимали таких пленных.

Между тем канадская армия на левом фланге группировки Монтгомери продолжала успешные операции и быстро очищала свою полосу от войск противника, не пытаясь повернуть назад, в Западную Голландию, где окопалась 25-я немецкая армия.

Мы знали, что положение в Голландии непрерывно ухудшалось; после того как эти районы оказались изолированными от Германии в результате наших наступательных операций, оно стало почти невыносимым. Судя по сведениям, которые к нам поступали, я опасался, что там может начаться всеобщий голод, и решил принять некоторые позитивные меры, чтобы предотвратить его. И все же всякие предложения относительно наступления в Голландию я отклонял. Оно принесло бы народу огромные дополнительные разрушения и страдания, а хлынувшая из открытых противником шлюзов на дамбах вода затопила бы новые районы, и это на многие годы лишило бы население этих районов плодородных земель. Я направил предупреждение генералу Бласковицу, немецкому командующему в Голландии, воздержаться от новых затоплений, указав при этом, что никакие его меры в Голландии не помешают скорому краху Германии.

Нацистский комиссар в Голландии Зейсс-Инкварт предложил локальное решение проблемы путем заключения перемирия: если войска союзников воздержатся от каких-либо наступательных операций в западном направлении в Голландию, то не будет произведено никаких затоплений новых районов в стране и немцы будут сотрудничать в деле доставки населению продовольственной помощи извне. Мои старшие военные начальники уже предоставили мне свободу действий в этом вопросе, и в соответствии с этим 30 апреля я направил начальника штаба генерала Смита на встречу с Зейсс-Инквартом. Они договорились о методах доставки бедствующему населению продовольствия и других предметов первой необходимости, которые союзники уже сосредоточили для этой цели. Доставка, причем в крупных размерах, началась немедленно. Еще до этого мы направляли туда продовольствие в небольшом количестве на парашютах. Генерал Смит передал Зейсс-Инкварту предупреждение, что я не потерплю никакого вмешательства немцев в программу помощи, и если немцы нарушат свое обещание, то позднее я буду обращаться с ними не как с военнопленными. Я считал, что продолжение оккупации Голландии немцами теряло всякий смысл и любые репрессивные действия с их стороны в дальнейшем должны быть наказуемы. В ходе совещания генерал Смит также предложил, чтобы нёмецкий командующий Бласковиц немедленно сдался со всеми своими войсками. Однако Зейсс-Инкварт ответил, что, пока существует правитель-

ство Германии, Бласковиц не может капитулировать ни при каких обстоятельствах.

Одновременно со всеми этими операциями на севере столь же решающие события развертывались на юге. Главным направлением стало продвижение на юго-восток, вниз по долине реки Дунай на Линц, с целью соединиться с русскими войсками в Австрии. Поскольку своим наступлением в центре Брэдли достиг намеченных целей, то для наступления по долине Дуная мы могли выделить 3-ю армию Паттона, в то время как 6-я группа армий все свои усилия направила на захват районов возможного нацистского оплота на юге и на западе. Чтобы наверняка обеспечить быстрое продвижение войск Деверса, мы выделили ему американскую 13-ю воздушно-десантную дивизию для использования по усмотрению руководства группы армий. Однако войска Деверса продвигались настолько быстро, что отпадала всякая необходимость в использовании 13-й воздушно-десантной дивизии, и получилось так, что она оказалась единственной американской дивизией, прибывшей в Европу, но так и не участвовавшей в боях.

Наступление 3-й армии вниз по Дунаю началось 22 апреля. Противник попытался было обороняться у Регенсбурга, но 3-й и 20-й корпуса быстро овладели плацдармами на противоположном берегу Дуная к востоку и западу от города и устремились вниз вдоль реки. 11-я бронетанковая дивизия 12-го корпуса рванулась вперед и 5 мая приняла капитуляцию немецкого гарнизона в Линце, в Австрии.

Когда основные силы 3-й армии продвигались вниз вдоль Дуная, Паттону для усиления передали 5-й корпус из армии Ходжеса. Паттон тут же направил его на восток, в Чехословакию. 6 мая корпус захватил Пльзень. В этом районе русские войска быстро приближались с востока, и вновь появилась необходимость установления координации действий сторон. По договоренности мы направили американские войска для занятия рубежа Пльзень — Карлсбад, в то время как разграничительную линию на юге Чехословакии установили на рубеже железная дорога Ческе-Будеевице — Линц и оттуда по долине реки Энс *.

Заключительное крупное наступление 7-й армии Пэтча началось 22 апреля. 15-й корпус этой армии, находившийся на правом фланге, двинулся вниз по Дунаю и затем повернул на юг, чтобы захватить Мюнхен — тот самый город, откуда началось движение нацистов. Он был захвачен 30 апреля. 4 мая 3-я дивизия этого же корпуса захватила Берхтесгаден. Другие войска заняли Зальцбург. Оборона противника повсюду развалилась.

21-й и 6-й корпуса 7-й армии 22 апреля пересекли Дунай и двигались к «национальному редуту». 3 мая 103-я дивизия 6-го корпуса заняла Инсбрук и продвинулась дальше к перевалу Бреннер. Там, на итальянской стороне границы между Германией и Италией, эта американская дивизия встретилась с 88-й дивизией американской 5-й армии, наступавшей из Италии. Мои слова, сказанные полтора года назад, о том, что я встречусь с

---

* 4 мая Эйзенхауэр в письме на имя генерала армии А. И. Антонова заявил, что намеревается силами 3-й армии Паттона развернуть наступление на Прагу, продвинуться до Влтавы и Эльбы, очистить от противника их левые берега. Ввиду несогласия Советского Верховного Главнокомандования с новыми американскими планами Д. Эйзенхауэр отказался от своих намерений.— *Прим. ред.*

солдатами Средиземноморского театра военных действий «в центре вражеского стана», сбылись.

К концу апреля на всех участках фронта основные цели были достигнуты или их достижение в ближайшие дни не вызывало никаких сомнений. Большое удаление войск от исходных рубежей в результате этих наступательных операций резко осложнило материально-техническое и боевое обеспечение войск, что постоянно вызывало у нас затруднения. Опять появилась огромная перенапряженность на путях подвоза. Уже сами расстояния были достаточной причиной, чтобы остановить головные колонны, если бы мы находились в зависимости только от наземного транспорта, сколь ни эффективно он действовал. Вырвавшиеся далеко вперед и быстро продвигавшиеся колонны войск иногда почти полностью зависели от их снабжения воздушным путем, и в течение апреля 1500 транспортных самолетов непрерывно работали в нашей системе снабжения наступавших войск. Они получили известность в войсках как «летающие вагоны» и никогда не играли столь существенной роли, как на этих заключительных стадиях войны. Кроме того, мы сняли со многих тяжелых бомбардировщиков вооружение и переоборудовали их для транспортных целей. В течение апреля военная авиация доставила на фронт 60 тыс. тонн грузов, в том числе 10 млн галлонов жидкого топлива.

Наши войска заполонили всю Западную Германию, и оставалось немного целей, против которых можно было направить нашу авиацию без риска сбросить бомбы либо на свои, либо на русские части. Тем не менее в последние дни войны наша авиация провела два важных воздушных налета. Один из них был совершен английским бомбардировочным командованием против острова-крепости Гельголанд с целью помочь Монтгомери на тот случай, если ему придется наступать через Кильский канал. Другой налет был осуществлен американской 8-й воздушной армией против Берхтесгадена. Этот оплот и символ нацистской надменности был подвергнут основательной бомбардировке. Налет был произведен в то время, когда мы все еще считали, что нацисты могут попытаться обосноваться в своем «национальном редуте» с Берхтесгаденом в качестве его столицы. Самолеты аэрофоторазведки доставили нам фотографии, из которых было видно, что наши бомбардировщики превратили город в руины. Фотоснимки принесли нам приятное и понятное всем удовлетворение *.

Из каждого полета на фронт наши транспортные самолеты и переоборудованные тяжелые бомбардировщики возвращались полностью загруженными освобожденными из плена военнослужащими союзных армий. Их собирали в удобно расположенных лагерях для восстановления сил и скорейшей отправки домой. Возле Гавра, только в одном таком лагере, названном «Лаки страйк», в одно время находилось 47 тыс. освобожденных из плена американских военнослужащих. У англичан тоже имелись аналогичные лагеря в различных местах Северо-Западной Франции и в Бельгии. Освобождение столь большого числа пленных за такое короткое время вызвало серьезные проблемы для медицинской службы армии, службы

* Одновременно продолжались налеты и на города Центральной Германии. Особенно ожесточенной и не вызванной военной необходимостью явилась массированная бомбардировка Дрездена (13—14 февраля), в результате которой этот крупный культурный центр был почти полностью разрушен.— *Прим. ред.*

транспорта, да и, по существу, для всех нас. Во многих случаях физическое состояние пленных было настолько тяжелым, что теперь нужно было проявлять исключительную осторожность в их питании. Наиболее истощенные были госпитализированы, и на некоторое время наши лазареты оказались переполненными людьми, радость которых в связи с возвращением к своим вызывала трогательное сочувствие у окружающих, но которые вместе с тем очень сильно страдали от истощения, и только особое лечение могло спасти их. Некоторые из американцев находились в плену со дня первых сражений в Тунисе в декабре 1942 года. В числе освобожденных из плена англичан были и такие, которые попали в плен у Дюнкерка в 1940 году.

Однажды у меня была назначена встреча с американскими сенаторами. Когда они вошли в кабинет, штабной офицер вручил мне телеграмму, в которой говорилось, что в одной газетной статье утверждается, будто в лагере «Лаки страйк» создались невыносимые условия. В статье сообщалось, что лагерь битком набит людьми, кормят их плохо, живут они в антисанитарных условиях, обращаются с ними без всякого сочувствия и понимания. А дела обстояли как раз наоборот. Всем освобожденным из плена американцам автоматически предоставлялся отпуск для поездки в Соединенные Штаты, и мы выделили специально подобранную группу офицеров, которые занимались этими вопросами.

Если бы газетное сообщение подтвердилось хотя бы частично, то это означало бы явное невыполнение на каком-то уровне наших строгих указаний на этот счет. Я решил лично проверить на месте и приказал своему пилоту подготовить самолет для немедленного вылета. Затем я обратился к пяти сенаторам, извинился перед ними, что не могу выполнить данное обещание относительно встречи с ними, и объяснил, почему мне необходимо срочно вылететь в лагерь для освобожденных из плена американцев. Я им предложил, если они пожелают поговорить со мной, сопровождать меня в этой поездке. Я сказал, что в этом лагере они будут иметь возможность увидеть тысячи освобожденных из плена американцев и что ни в одном другом месте они не найдут такого сосредоточения американских граждан. Все сенаторы с готовностью приняли мое предложение.

Менее чем через два часа мы прибыли в лагерь и приступили к проверке. Мы носились по лагерю и не нашли никаких оснований для столь ошеломительных заявлений, о которых сообщалось в телеграмме. Было только два вопроса, по которым обитатели лагеря проявляли нетерпение. Первым из них было питание. Пища была добротного качества, хорошо приготовлена, но врачи не разрешали употреблять соль, перец и другие острые приправы, считая, что это вредно для людей, которых изнурял голод в течение многих недель, месяцев и лет. Мы с сенаторами пообедали вместе с солдатами и согласились, что полное отсутствие приправы в пище не вызывает аппетита. Но, очевидно, это был уже чисто медицинский вопрос, и тут я не мог оспаривать решение врачей. Другая, вполне понятная жалоба касалась длительных сроков пребывания в лагере, прежде чем люди получали возможность выехать в Штаты. Это было вызвано отсутствием соответствующего морского транспорта. Грузовые суда, составлявшие основную часть нашего морского транспорта на этой стадии войны, не были рассчитаны на перевозку пассажиров. На них не было ни емкостей для снабжения питьевой водой, ни соответствующих кухонь, а туалеты и другие санитарные узлы были пред-

назначены только для малочисленных экипажей. Солдаты ничего не знали об этих вещах и озлоблялись, когда видели, как покидают гавани почти совершенно пустые суда в то время, когда им так хотелось поскорее выехать домой.

Нашим визитом солдаты, казалось, были довольны. Многие из них сопровождали нас по лагерю. Когда мы наконец вернулись к своему самолету, то обнаружили, что предприимчивая группа пленных развернула громкоговорящую установку с микрофоном возле моего самолета. От группы отделился сержант и довольно застенчиво сообщил, что солдаты хотели бы послушать главнокомандующего. Вокруг самолета собралось около 20 тыс. солдат.

Мне приходилось говорить с американскими солдатами сотни раз в самых различных местах, в самых различных фронтовых условиях, беседовать индивидуально и обращаться к большим группам людей. Но здесь я сначала растерялся, не зная, о чем с ними говорить. Каждый из собравшихся здесь пережил большие лишения, казалось бессмысленным пытаться, исходя из своего собственного опыта, искать такие слова, которые, возможно, нашли бы отклик в сердцах людей, познавших и вобравших в себя столько страданий.

И тогда мне пришла в голову удачная мысль — ускорить отправку этих людей на родину. Я взял микрофон и начал говорить собравшимся солдатам, что есть два способа отправить их домой. Первый заключается в том, чтобы погрузить на каждый отправляющийся корабль максимальное количество людей, на которые рассчитан корабль. Сейчас мы так и делаем.

Затем я сказал, что поскольку нет больше угрозы со стороны немецких подводных лодок, то мы могли бы на эти отправляющиеся в Штаты суда посадить двойное количество людей, но потребуется, чтобы один спал в дневное время, а другой — в ночное время на его месте. К тому же это вызовет также скученность и скопление народа на всем корабле. Я спросил у собравшихся, какой способ отправки они предпочитают. Громовое одобрение предложения о двойной численности не оставило никаких сомнений относительно их желаний.

Когда шум стих, я сказал: «Очень хорошо. Так мы и будем делать. Но должен вас предупредить, что здесь сегодня со мной пять американских сенаторов. Следовательно, когда вы приедете домой, то будет нехорошо, если вы начнете писать в газеты и своим сенаторам письма с жалобами на большую переполненность на судах, возвращающихся в Америку. Вы сами выбрали этот способ, и теперь вам придется с этим мириться».

Громкий смех, прокатившийся по толпе, не оставил сомнений в том, что они совершенно довольны своим выбором. После этого я ни разу не слышал жалоб на неудобства, которые они переносили по пути следования на родину.

Конец войны теперь уже был виден. Возможное продолжение боевых действий измерялось днями; единственный вопрос заключался в том, наступит ли финал в результате повсеместного соединения нашего огромного фронта с Красной Армией и войсками, следующими из Италии, или немецким правительством будет предпринята какая-нибудь попытка капитуляции.

За несколько недель до полной капитуляции мы получили некоторые намеки на то, что отдельные видные деятели в Германии ищут пути и средства, чтобы прекратить боевые действия. Ни в одном из этих околь-

ных донесений не указывалось причастности самого Гитлера к этим попыткам. Наоборот, каждый из этих деятелей рейха так боялся навлечь на себя ярость нацистов, что был в такой же мере озабочен как сохранением в тайне своего участия в этом деле, так и попыткой добиться капитуляции немецких армий.

Один из таких первых намеков был получен через английское посольство в Стокгольме. Цель этих усилий сводилась к тому, чтобы заключить перемирие на Западе. Это была явная попытка прекратить войну с западными союзниками, с тем чтобы немцы могли все свои силы обрушить против России. Наши правительства отвергли такое предложение.

Второй сигнал поступил при загадочных обстоятельствах из Швейцарии от человека по имени Вольф. Там, очевидно, готовился заговор в целях капитуляции немецких войск в Италии. Наш штаб не имел никакого отношения к этому конкретному случаю, но нас держали в курсе этих событий в силу явных признаков ослабления решимости воевать со стороны некоторой части высших немецких руководителей. Получение подобного рода известий или правдивых сообщений всегда порождало напряженную работу и требовало большой осторожности, так как это касалось многих стран, и каждая из них, естественно, беспокоилась, чтобы ее интересы были в полной мере обеспечены. В случае с Вольфом действия западных союзников, которые из лучших побуждений пытались установить аутентичность сообщения и полномочия того человека, который являлся инициатором этого дела, вызвали подозрения у Советов. Все это требовало от нас давать долгие объяснения и заставляло постоянно быть начеку при получении подобного рода сообщений *.

Первое прямое предложение о капитуляции, дошедшее до штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, поступило от Гиммлера, который связался со шведским графом Бернадотом, стремясь установить контакт с премьер-министром Черчиллем. 26 апреля я получил от премьер-министра длинное послание, в котором он излагал предложение Гиммлера о сдаче немцев на Западном фронте. Я рассматривал это предложение как последнюю отчаянную попытку внести раскол среди союзников и информировал об этом Черчилля, решительно настаивая на том, чтобы никакие предложения не принимались и не поддерживались, если в них не предусматривается капитуляция всех немецких войск на всех фронтах. Я считал, что любое предложение о том, чтобы союзники приняли от немецкого правительства капитуляцию только на их Западном фронте, немедленно вызовет полное разногласие с русскими и создаст обстановку, в которой русские могли бы не без оснований обвинить нас в вероломстве. Если немцы хотят сдаться в плен в составе армии, то это тактический и военный вопрос. То

---

* Несмотря на взятые на Крымской конференции глав трех союзных держав обязательства проводить согласованную политику по отношению к гитлеровской Германии, официальные представители США и Англии вступили в сепаратные переговоры о капитуляции, которую предложили западным союзникам гитлеровские главари. В частности, руководитель разведывательной службы США в Европе А. Даллес установил в марте 1945 года контакт в этих целях с главным уполномоченным СС при группе армий «Ц» генералом СС К. Вольфом. Состоявшиеся между ними с участием представителей английского и американского командования переговоры были, однако, сорваны в результате решительных протестов Советского правительства.— *Прим. ред.*

же самое, если они хотят капитулировать всеми силами на каком-то конкретном участке фронта. Немецкий командующий может так поступить, а командующий союзными войсками может принять их капитуляцию; но для правительства Германии есть только один путь — безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками.

Такая точка зрения совпадала с мнением премьер-министра, и они вместе с президентом тут же направили полную информацию генералиссимусу Сталину, приложив свое заявление об отклонении полученного предложения.

Однако до самого конца немцы не прекращали попыток провести различие между капитуляцией на Западном фронте и капитуляцией на Восточном фронте. Когда потерпели неудачу переговоры на этот счет, немецкие командующие каждый на своем участке фронта в конце концов оказались перед перспективой полного уничтожения или военной капитуляции.

Первая крупная капитуляция произошла в Италии. Войска Александера блестяще действовали там в течение всего 1944 года и к 26 апреля 1945 года поставили противника в безвыходное положение. Начались переговоры о местной капитуляции, и 29 апреля немецкий командующий сдался. 2 мая должны были прекратиться боевые действия в Италии.

В результате капитуляции в Италии столь же безвыходное положение сложилось для немецких войск, находившихся севернее итальянской границы. 2 мая немецкий командующий запросил назвать ему союзного командующего, к которому он должен обратиться, чтобы договориться о сдаче в плен, и ему подсказали, чтобы он обратился к генералу Деверсу. Немца предупредили, что принята будет только безоговорочная капитуляция. Эта вражеская группировка была известна как группа армий «Г» в составе 1-й и 19-й немецких армий. Они сдались 5 мая, а капитуляция вступила в силу 6 мая.

Далеко на севере, в районе Гамбурга, немецкий командующий также осознал безнадежность своего положения. 30 апреля немецкий эмиссар появился в Стокгольме, чтобы сообщить, что фельдмаршал Буш, командующий немецкими войсками на севере, и генерал Линдеман, командующий войсками в Дании, готовы сдаться, как только наступающие армии союзников выйдут на побережье Балтики. Нам сообщили, что немцы откажутся сдаваться русским, но поскольку западные союзники вышли к Любеку и тем самым перерезали пути подхода сюда фанатически настроенных частей СС из Центральной Германии, то они немедленно сдадутся нам. Войска Монтгомери заняли Любек 3 мая. Однако к тому времени произошло крупное изменение в правительстве Германии.

Гитлер покончил самоубийством, и остатки его рухнувшей власти достались адмиралу Дёницу. Адмирал дал указание, чтобы все армии повсеместно сдавались только западным союзникам. Тысячи удрученных немецких солдат начали пересекать наш передний край, чтобы сдаться в плен. 3 мая адмирал Фридебург, который теперь возглавлял немецкие военно-морские силы, прибыл в штаб Монтгомери. Его сопровождал штабной офицер от фельдмаршала Буша. Они сообщили, что их целью является сдача в плен трех их армий, которые сражались против русских, и просили разрешения пропустить беженцев через наш передний край. Их единственным желанием было избежать сдачи в плен русским. Монтгомери тут же отказался обсуж-

дать сдачу в плен на таких условиях и отослал немецких эмиссаров назад к фельдмаршалу Кейтелю, возглавлявшему немецкое верховное командование.

Я уже сказал Монтгомери, чтобы он принял военную капитуляцию всех войск противника в своей зоне операций. Такая капитуляция является делом тактики и входит в рамки полномочий командующего войсками на данном фронте. Поэтому, когда адмирал Фридебург вернулся 4 мая в штаб Монтгомери с предложением сдать все немецкие войска в Северной Германии, в том числе в Голландии и Дании, Монтгомери немедленно согласился принять их капитуляцию. В тот же день были подписаны соответствующие документы. Они вступили в силу утром следующего дня. Принимая эти капитуляции, Деверс и Монтгомери не брали на себя никаких обязательств, которые могли бы поставить в затруднительное положение наши правительства в будущем относительно Германии; они носили чисто военный характер, и ничего больше.

5 мая в наш штаб прибыл представитель от адмирала Дёница. За день до этого мы получили извещение о его прибытии. В это же время нам сообщили, что немецкое правительство отдало приказ всем своим подводным лодкам вернуться в порты. Я сразу же сообщил обо всем этом Советскому Верховному Главному Командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Дёницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду. Советское Верховное Главное Командование назначило генерал-майора Суслопарова своим представителем.

Фельдмаршал фон Кессельринг, командовавший немецкими войсками на Западном фронте, также прислал мне извещение с просьбой разрешить направить к нам своего уполномоченного, чтобы договориться о капитуляции. Поскольку права Кессельринга распространялись только на Запад, я ответил, что не буду вести никаких переговоров, если на них речь не пойдет обо всех немецких войсках на всех фронтах.

Когда 5 мая в Реймс прибыл адмирал Фридебург, он заявил, что хотел бы уяснить ряд вопросов. С нашей стороны переговоры вел начальник штаба генерал Смит. Он заявил Фридебургу, что нет смысла что-либо обсуждать, что наша задача сводится просто к принятию безоговорочной капитуляции. Фридебург возражал, заявив, что не имеет полномочий на подписание такого документа. Ему было разрешено передать по радио депешу для Дёница; в ответ сообщили, что Йодль выехал в нашу штаб-квартиру, чтобы помочь ему в переговорах.

Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления.

Наконец Йодль и Фридебург составили телеграмму Дёницу с просьбой дать им полномочия подписать акт о полной капитуляции, вступающей в силу через сорок восемь часов после его подписания. Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить

дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через сорок восемь часов начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт будет немедленно осуществлена.

Наконец Дёниц понял неизбежность выполнения наших требований, и акт о капитуляции был подписан Йодлем в 2 часа 41 мин утра 7 мая. Боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая.

После того как необходимые бумаги были подписаны Йодлем и генералом Смитом в присутствии французского и русского представителей, подписавших документы в качестве свидетелей, Йодля привели в мой кабинет. Я спросил его через переводчика, полностью ли он понимает все статьи подписанного им документа.

Он ответил: «Да».

Тогда я ему сказал: «Вы официально и лично будете нести ответственность, если условия этой капитуляции будут нарушены, в том числе за прибытие немецких командующих в Берлин в такое время, какое будет установлено русским главным командованием для оформления официальной капитуляции перед тем правительством. Все».

Он отдал честь и вышел.

Последствия победы

По условиям подписанного акта о капитуляции руководители немецких видов вооруженных сил должны были прибыть в Берлин 9 мая, чтобы подписать ратификацию * в русском штабе. Эта вторая церемония, как мы понимали, должна была символизировать единство западных союзников и Советов и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине нам было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония.

Для того чтобы американские и английские корреспонденты имели полное представление о капитуляции в Реймсе, мы пригласили на церемонию подписания репортеров. Принимая приглашение, они согласились воздержаться от публикации материалов о капитуляции, пока не будет официального заявления, согласованного между союзниками. Однако какой-то американский репортер опубликовал свой репортаж раньше времени, чем вызвал ярость других корреспондентов, которые оставались верны данному ими обещанию. Этот инцидент вызвал значительную шумиху, хотя общему делу не было причинено никакого вреда, за исключением ущерба репортажам других корреспондентов.

На церемонию подписания капитуляции в Берлин были приглашены и западные союзники, однако я считал лично для себя неподходящим ехать туда. Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции, и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов. Поэтому я назначил своего

* Использование Эйзенхауэром термина «ратификация» может вызвать лишь недоумение. Протокол в Реймсе западные союзники пытались сохранять в силе, преследуя этим цель принизить решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии.— *Прим. ред.*

заместителя главного маршала авиации Теддера представлять меня на церемонии. Это было трудное дело — отработать все детали, связанные с определением времени, числа и категории лиц, которым будет разрешено присутствовать на церемонии, составлением маршрута полета наших самолетов над занятой русскими территорией. Однако все эти вопросы были улажены, и Теддер, сопровождаемый офицерами, солдатами, представителями женского вспомогательного корпуса и печати, которых набралось в общей сложности два или три полных самолета, выполнил возложенную на него задачу. Спустя несколько месяцев я увидел в Москве кинофильм — всю эту церемонию в Берлине, заснятую на пленку.

Наиболее сложной и неотложной из всех наших ближайших проблем была передислокация войск. Начиная с 1941 года глобальная стратегия союзников требовала нанесения поражения Германии, прежде чем предпринимать мощное скоординированное наступление против Японии. Немецкая капитуляция 7 мая означала завершение первой и крупнейшей задачи союзников.

Теперь подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав «оси». Россия официально все еще находилась в состоянии мира с японцами, однако согласно информации, полученной нами, генералиссимус Сталин говорил президенту Рузвельту в Ялте, что в пределах трех месяцев со дня немецкой капитуляции Красная Армия вступит в войну против Японии.

Против разобщенных вражеских сил не один полководец в прошлом, успешно используя мобильность и внезапность, сосредоточивал свои войска вначале для уничтожения одной вражеской группировки, а затем всей своей мощью устремлялся против второй. Однако никогда раньше этот простой метод войны не применялся в более широких масштабах, чем в пределах континента. Эта концепция оставалась правильной применительно как в локальном, так и глобальном масштабах, и союзных лидеров, ответственных за ее применение во второй мировой войне, не испугало то, что передислокация своих войск против второго врага потребует переброски миллионов солдат и бесчисленного количества боевой техники из Европы через половину земного шара к Японии.

Для русских передислокация означала переброску крупных сил с запада на восток по длинной Транссибирской железной дороге. Поскольку имелась только одна железная дорога, то эта задача являлась сложной, требовавшей для своего осуществления определенного времени. Однако для западных союзников переброска своих армий и военно-воздушных сил из Европы тоже представляла собой колоссальную задачу с использованием сотен судов, действовавших на морских путях протяженностью 10 тыс. миль.

Еще в феврале 1945 года мы начали разработку планов по осуществлению этой задачи. Работники моего штаба непрерывно консультировались с военным министерством. Ко дню победы в Европе уже были в основном составлены графики перевозок, установлена первоочередность, а также проведены организационные приготовления для массовой переброски войск и техники на Тихоокеанский театр военных действий.

Имелось несколько факторов, которые еще больше осложняли и без того исключительно сложную задачу. Нужно было оставить в Европе и соот-

ветственно обеспечивать необходимые силы для оккупации Германии. На Тихоокеанском театре военных действий особенно остро ощущалась потребность в частях обслуживания в то время, как наши потребности в них здесь, в Европе, были еще более неотложными, поскольку нужно было быстро завершить переброску боевых дивизий на Дальний Восток. Еще больше осложнения вызывало наше стремление равномерно распределить тяготы войны между миллионами наших солдат.

В день капитуляции под моим командованием в союзнических войсках находилось более 3 млн американцев. Они составляли 61 американскую дивизию, из которых только одна не участвовала в боевых действиях.

Людей, которые очень долго находились в частях, непосредственно участвовавших в боевых действиях, нужно было оставлять для несения оккупационной службы или отправлять домой; других, с менее короткими сроками пребывания на фронте, надо было посылать на Тихоокеанский ТВД. Многие из наших дивизий находились без перерыва до одиннадцати месяцев в боях, а некоторые, в том числе 1, 3, 9, 36 и 45-я пехотные и 82-я воздушно-десантная дивизии, начали войну еще на Средиземноморском ТВД. Отдельные дивизии почти два с половиной года только с небольшими перерывами находились в боях (например, 34-я пехотная и 1-я бронетанковая дивизии, вступившие в войну еще на Средиземноморском театре военных действий).

Поэтому стремление равномерно распределять тяготы войны между солдатами потребовало массового перевода личного состава из дивизии и замены ветеранов солдатами с более короткими сроками пребывания на фронте. В то же время мы должны были проявлять исключительную осторожность, чтобы сохранить боеспособность частей, ибо было бы бессмысленно направлять на Тихий океан дивизии, укомплектованные малоопытными солдатами.

Вопрос о том, попадал ли отдельный солдат в категорию для увольнения или для продолжения службы, определялся сложной многобалльной системой, основанной на учете длительности службы, времени пребывания на заморских территориях, с учетом боевых наград, семейного положения и возраста. Применение такого метода определения было кропотливым и утомительным делом, но, вероятно, невозможно было выработать лучший метод, чтобы совместить противоречащие друг другу интересы отдельных солдат и интересы сохранения боеспособности частей. Дополнительные трудности возникли в этом вопросе, когда военное министерство сочло нужным изменить «критический балл». Это только прибавило нам работы, не говоря уже о путанице и определенном недовольстве.

Деятельность нашего административно-хозяйственного механизма в Европе нужно было направить в другое русло. Базы, аэродромы, склады, порты, дороги, железнодорожная сеть были заняты тем, чтобы доставлять войска и предметы материально-боевого обеспечения к центру Германии. Теперь же они, образно выражаясь, должны были повернуться на сто восемьдесят градусов и начать действовать в обратном направлении. Наши базы материального снабжения войск, пункты и склады боеприпасов были разбросаны по всей Западной Европе, Италии и даже Северной Африке. Теперь все это нужно было собрать, инвентаризовать, упаковать и на кораблях отправить на Тихий океан. Причем основным требованием являлась быстрота проведения всех этих работ.

Это было настолько неотложно, что вынудило нас создать специальный штаб с единственной задачей организовать, проконтролировать и ускорить эти работы. Такой штаб был официально создан 9 апреля, за месяц до капитуляции Германии.

В силу исключительного опыта в деле организации крупных воздушных операций генерал Спаатс был освобожден от своей должности на нашем театре военных действий и направлен на Тихий океан. На Дальнем Востоке нуждались также в опытном командующем армией. Для этой цели был выбран генерал Ходжес, 1-я армия которого выполнила свою задачу в Европе, выйдя на Эльбу. Он был вполне компетентным и опытным командиром, и его можно было выделить из числа командующих на нашем театре военных действий без ущерба для общего дела. Он выехал на Тихоокеанский ТВД через Соединенные Штаты до подписания немцами капитуляции в Европе.

Сколь ни велика была эта проблема, она составляла лишь часть той огромной работы, которая выпала на долю американских войск и их руководителей. С окончанием боевых действий западные союзники должны были приступить к расчленению огромных боевых формирований в соответствии с их национальным составом. Я неоднократно выдвигал предложение, чтобы западные союзники занимали свою часть Германии сообща, но наши правительства отклоняли его. Мой план считали политически нецелесообразным, хотя я и утверждал, что поскольку оккупация явится следствием войны и потребует для этого присутствия здесь армий западных союзников, то едва ли могут быть резонные возражения против сохранения в Западной Германии той же самой военной организации, которая обеспечила победу. Вопрос, однако, был чисто политический, и наши правительственные руководители считали, что мой план будет неблагоприятно истолкован Советским Союзом.

Разделение означало, что мы должны были рассортировать все наши сложные, исключительно взаимосвязанные штабы и организации, пересмотреть установленный порядок подчинения и связи, чтобы отвечать новым требованиям своих правительств и национальным интересам. Почти все снабжение французов и частично англичан зависело от американских запасов и возможностей. В предвидении прекращения ленд-лиза нужно было ввести детальную систему расчетов, чтобы впредь все снабжение осуществлять на деловой основе, а не сообразуясь с потребностями войны.

Нужно было быстро ввести военную администрацию над всеми недавно захваченными районами Германии. Если ко всему этому добавить бесконечный поток административных проблем, связанных с управлением огромной группировкой сил союзников на Западе, то легко понять замечание одного перегруженного работой штабного офицера, который сказал: «Я всегда думал, что, когда немцы капитулируют, я отпраздную это крупной попойкой. Теперь я каждый день принимаю аспирин, не до шуток насчет попойки».

Мы были настолько заняты ежедневной тяжелой работой, что даже не представляли себе того восторга, какой охватил население наших стран. Отсутствие полного представления о том, как люди на родине реагируют на нашу победу, было характерно для многих из нас. Вскоре после капитуляции немцев я вспомнил, что в 1945 году исполняется 30 лет со дня нашего выпуска в Вест-Пойнте, и задумал устроить небольшие, в частном

порядке, торжества для тех из выпускников, кто находился на Европейском ТВД. Я полагал, что мы сумеем вылететь в Соединенные Штаты, провести один день в Вест-Пойнте на церемонии выпуска и вернуться в Германию. На это уйдет всего трое суток. Я думал провести эту встречу тихо, чтобы никто в Соединенных Штатах, за исключением сотрудников Вест-Пойнта, не узнал об этом, пока мы не вернемся во Франкфурт. Я с большим энтузиазмом взялся за осуществление этой идеи и предложил, чтобы каждый из двадцати моих однокурсников, находившихся в Европе, сообщил по секрету о нашем плане своим женам с просьбой приехать на один день в Вест-Пойнт.

Когда я вплотную занимался подготовкой этой встречи, мы получили из Вашингтона сведения о том, что в силу обстоятельств, не позволяющих американским частям в Европе прибыть в Соединенные Штаты для участия в традиционных парадах победоносных войск, генерал Маршалл хотел, чтобы я подобрал группы представителей от офицеров и солдат примерно по пятьдесят человек в каждой для краткого турне по нашей стране. Он считал, что через этих представителей торжествующая Америка получит возможность выразить благодарность своим сражавшимся в Европе солдатам.

Эти указания перечеркнули все мои личные замыслы. Я думаю, что все те, кого выбрали для поездки на родину для участия в серии торжеств, проходивших в июне 1945 года, испытывали чувство изумления и удивления тем восторгом, с каким их встречали.

Для каждого эти встречи были вдохновляющими и волнующими. Народ Соединенных Штатов встретил эти группы с беспримерной щедростью, радушием и гостеприимством. Что касается меня, то эта поездка была далеко не такой скромной однодневной встречей, к которой я с такой надеждой готовился со своими однокурсниками по Вест-Пойнту. Это была радостная интерлюдия, но скорое возвращение к упорной и кропотливой работе было неизбежно. После победы в Европе в ходе нескольких месяцев я побывал в различных европейских столицах на аналогичных торжествах: в Лондоне, Париже, Брюсселе, Гааге и Праге; другие приглашения я нашел невозможным принять. Мои более поздние поездки в Москву и Варшаву не были связаны с «торжествами победы». На Московской конференции 1943 года, на которой присутствовал государственный секретарь Хэлл, три основных союзника согласились немедленно создать Европейскую консультативную комиссию в Лондоне. Этот орган должен был начать изучение послевоенных политических проблем Европы и готовить соответствующие рекомендации правительствам.

С начала 1944 года комиссия работала в Лондоне и подготовила согласованные рекомендации о будущих условиях капитуляции Германии, о зонах оккупации, а также рекомендации по созданию механизма для совместного контроля. Американский военный советник этой комиссии бригадный генерал Корнелиус Уикерсхэм позднее стал моим заместителем по организации работы американской части Контрольного совета.

На основе соглашений, разработанных Европейской консультативной комиссией, каждый из четырех союзников должен был взять на себя оккупацию части Германии, а военное управление страной возлагалось на Контрольный совет, состоящий из четырех командующих союзными войсками; в помощь совету создавался координационный комитет, а для осуществления контрольных функций — группы офицеров и гражданских лиц

со специальными задачами, связанными с разоружением и демобилизацией немецких вооруженных сил, с решением политических, экономических, юридических, финансовых, трудовых и других проблем в связи с введением военного правления в оккупированной стране. Пока существовал штаб верховного командования союзных экспедиционных сил, английские и американские усилия в области военного правления были объединены. Англичане открыли у себя курсы по подготовке работников для военной администрации, аналогичные нашим курсам в Шарлотесвиле, штат Вирджиния. Американские курсы уже подготовили необходимые кадры для военной администрации на Сицилии и в Италии.

Заключительный этап обучения офицеров для военной администрации в американской зоне оккупации проводился в Англии. В штабе верховного командования союзных экспедиционных сил мы создали общий отдел, на который возложили задачу координации всей деятельности военной администрации. Отдел возглавили генерал-лейтенант английской армии Грасетт и бригадный генерал армии США Холмс.

Наш первый опыт военного правления в Германии мы получили возле Ахена перед форсированием Рейна. Этот опыт показал нам, с какого рода проблемами нам предстоит встретиться позднее, когда оккупация распространится дальше, в глубь Германии. Это была новая и трудная обстановка, и она еще больше усугублялась тем обстоятельством, что мы должны были не принимать бывших нацистов ни на какие государственные должности. Во многих сферах деятельности на местах только местные нацисты имели необходимые знания и опыт. Сразу же возник вопрос относительно того, следует нам использовать этих или других людей, которые обладали очень скудным или вообще не обладали никаким опытом деятельности в той или иной конкретной сфере. Было трудно, но мы как можно скорее освобождались от бывших членов нацистской партии и обучали других немцев, чтобы поставить их во главе предприятий общественного обслуживания, санитарной службы, почты, телеграфа и телефона.

Жизнь офицера военной администрации никогда не была монотонной. Обычно таким людям присваивали офицерские звания в армии в силу их административного или профессионального опыта. Однако, когда на плечи такого офицера возлагалось ведение хозяйства целого города, ему приходилось сталкиваться с самыми непостижимыми проблемами в человеческих взаимоотношениях, поддерживать мир и порядок на местах и в то же время вылавливать тех, кого союзники разыскивали, чтобы отдать под суд; он должен был начинать восстанавливать производственную деятельность в стране и в то же время выполнять свою долю в осуществлении большой политики союзников, как она была нам изложена в официальном документе американского комитета начальников штабов. Вначале этот офицер часто оказывался вынужденным выступать в роли судьи в личных ссорах между местными жителями. Едва немцы узнали о нашей программе увольнений с государственной службы бывших членов нацистской партии, каждая жалоба одного гражданина против другого стала обосновываться формулой «он нацист». В хаосе послевоенной Германии ошибки были неизбежны, и они касались как общей политики, так и отдельных мероприятий, проводимых местными органами военной администрации.

Генерал-лейтенант Клей прибыл в Европу в апреле 1945 года, чтобы выступить в роли моего заместителя по вопросам военного управления

Германией. Ранее, в ходе войны, в течение короткого периода он оказал неоценимые услуги нашей службе тыла на Европейском театре военных действий. С самого начала он был со мной согласен, что гражданское ведомство должно в конечном счете взять на себя все функции контроля в Германии, и поэтому вся его организация была четко отделена от военного штаба. Таким путем мы были готовы передать военное правление в руки государственного департамента без коренной реорганизации.

По соглашению на политическом уровне штаб верховного командующего союзными экспедиционными силами прекратил существование 14 июля. По этому случаю я направил в войска прощальный приказ с благодарностью и с пожеланием всего доброго всему личному составу группировки союзников. Впервые после трех лет я перестал быть союзным командующим. С этого момента моя власть распространялась только на американские войска.

Предварительные соглашения по проведению первого заседания Контрольного совета в Берлине были достигнуты не без трудностей. Осложнения порождались языковыми различиями, утомительными методами поддержания связи, отсутствием личных контактов между старшими военачальниками, разрушениями в Берлине, которые резко ограничивали возможности размещения. Только к 5 июня мы добились достаточного прогресса во всех этих мучительных переговорах, чтобы провести первое официальное заседание союзных командующих в Берлине.

Целью этого заседания являлось просто подписание основного заявления — декларации, в которой сообщалось о создании Контрольного совета и взятии союзными державами всей полноты власти по управлению Германией. Перед выездом в Берлин мы считали, что в данном случае все документы уже полностью согласованы, однако по прибытии туда обнаружили, что имеются вопросы, которые русские все еще считали нерешенными.

Заседание было назначено на вторую половину дня, и я воспользовался предоставившейся мне возможностью заехать в штаб к маршалу Жукову, чтобы вручить ему высшую воинскую награду — медаль «Легион почета», которой его удостоило американское правительство. Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой.

По возвращении к себе, где нас временно разместили, я узнал, что поступило сообщение о неожиданной задержке в открытии заседания, на котором маршал Жуков должен был выступать в роли хозяина. Это вызвало досаду, поскольку вечером я должен был вернуться во Франкфурт. В ожидании мы провели долгие послеполуденные часы, а офицер связи из штаба Жукова, говоривший по-английски, не мог дать нам никаких объяснений относительно задержки заседания. Наконец уже к вечеру я решил ускорить дело. Поскольку я знал, что все документы, которые нам предстояло подписать, были ранее изучены и просмотрены каждым из союзных правительств, я не видел обоснованной причины для задержки, которая теперь выглядела как преднамеренная. Поэтому я попросил офицера связи сообщить маршалу Жукову, что, к моему большому сожалению, я буду вынужден возвратиться во Франкфурт, если заседание не начнется в ближайшие тридцать минут. Однако, когда посыльный уже был готов отправиться с моим заявлением к Жукову, к нам поступило сообщение, что нас ожидают в зале заседаний, куда мы и отправились незамедлительно. Маршал объяснил, что задержка произошла ввиду того, что он ожидал из Москвы послед-

них указаний по одному важному вопросу. Мы приняли объяснение благосклонно, и Контрольный совет начал работать в атмосфере дружественного радушия.

Круглый стол, за которым мы разместились, оказался самым большим, какие я когда-либо видел. Командующие сидели в окружении толпы военных и политических помощников, фотографов, репортеров, которые, казалось, находились здесь просто для того, чтобы присутствовать. Перед каждым из нас лежало по четыре экземпляра каждого документа, и все их предстояло подписать четырем членам Контрольного совета. После некоторого обсуждения несущественных деталей, формулировок утомительное дело было закончено.

Затем выяснилось, что маршал Жуков подготовил тщательно продуманный банкет для своих гостей, но я не был готов провести всю ночь в Берлине. Более того, я позволил столь большой группе сопровождать меня в Берлин, и не было никакой возможности позаботиться об их ночлеге в переполненных помещениях, выделенных для нас. Поэтому я сказал Жукову, что мне придется этим же вечером возвращаться во Франкфурт, и довольно рано, чтобы произвести там посадку до наступления темноты. Он попросил меня согласиться на компромисс и зайти в банкетный зал на пару тостов и прослушать две песни в исполнении ансамбля Красной Армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной на аэродром и проследит, чтобы не было никаких задержек.

Столь гостеприимный жест маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной Армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом маршал Жуков объявил, что только что получил из Москвы указание, одобренное генералиссимусом Сталиным, вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден «Победа» — награду, которую до этого еще не получил ни один иностранец. Маршал спросил, когда я хотел бы провести церемонию вручения этого ордена, и я пригласил его посетить мой штаб во Франкфурте. Он принял приглашение и был доволен, когда Монтгомери тактично заметил, что поскольку в течение всей кампании в Европе он находился под моим командованием, то он тоже хотел бы получить эту награду в моем штабе.

Я сказал Жукову, чтобы он взял с собой на церемонию во Франкфурт ряд своих штабных офицеров и оставался у нас столько, сколько пожелает, а также заверил его, что ему будет оказан теплый прием. Он ответил, что приедет 10 июня и что его будут сопровождать не более десяти штабных офицеров, но остаться он может только на один день. Я соответственно и запланировал официальный завтрак для него и сопровождавших его лиц. В аэропорту мы встретили маршала Жукова с почетным караулом и оркестром армии США, а затем мы с ним и переводчиком сели в автомашину и поехали в штаб.

Завтрак прошел с большим успехом. Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской перед завтраком, и в это время, как было запланировано, провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации, полагая, что маршал Жуков воспримет это как проявление глу-

бокого уважения к нему. С ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие только у нас имелись. В ясную, солнечную погоду получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление.

В соответствии с русским обычаем, насколько мы его знали, во время завтрака провозглашались тосты. Маршал Жуков был мастером провозглашения тостов, или, по крайней мере, таким он нам тогда показался, и его высказывания через переводчика делали честь союзникам и рождали надежду на успех нашего сотрудничества в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты — англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не меньше десяти раз вставали при провозглашении тостов.

Награды, врученные мне и Монтгомери, относились к числу тех немногих, какие я видел и какие имеют больше истинную, чем символическую ценность. Орден представляет собой пятиконечную звезду, инкрустированную примерно 80—90 бриллиантами вокруг рубинов, а в центре звезды находится покрытое эмалью изображение Кремля.

Из опыта контактов западных союзников с русскими в ходе войны генерал Смит, Клей и я пришли к заключению в начале лета 1945 года, что успех совместного управления Германией будет измеряться почти исключительно тем, в какой мере западным союзникам, как в центре, так и на местах, удастся рассеять у русских подозрение и недоверие. Следовательно, как в личном плане, так и в официальных взаимоотношениях мы не жалели усилий, чтобы продемонстрировать добрую волю, уважение и дружественные намерения.

Однако в то время сложная проблема перемещенных лиц оказывала на меня большее давление, чем мои личные взаимоотношения с русскими. Под перемещенными лицами подразумевались граждане, оказавшиеся за пределами границ своего государства из-за войны, которые желали, но не имели возможности вернуться домой или найти дом без посторонней помощи или которых нужно было вернуть на вражескую или бывшую вражеской территорию.

Сотни тысяч из таких перемещенных лиц были быстро эвакуированы. Это было одно из решений нашей проблемы военнопленных; многие из этой категории гражданских лиц имели свои дома где-то в Европе и хотели немедленно вернуться туда. Мы для них организовали временные лагеря, чтобы обеспечить их кровом и пищей, пока разрабатываются планы их транспортировки по назначению.

Первое деловое заседание Контрольного совета в Берлине было проведено 10 июля. Председательствовали на заседании по очереди, и на первых порах был заметен прекрасный дух сотрудничества. Возникали различия во мнениях, но в большинстве случаев дело касалось деталей процедур или методов, и в преобладавшей атмосфере сотрудничества они, казалось, не угрожали серьезными осложнениями.

В начале июля мы получили известие, что вскоре состоится Потсдамская конференция. И опять мы должны были подготовить помещения и обеспечить безопасность приема высокопоставленных лиц, но на этот раз моя задача ограничивалась встречей и обеспечением всем необходимым только американской делегации. Я выехал в Антверпен, чтобы встретить крейсер, на котором президент Трумэн и государственный секретарь Бирнс

прибывали в Европу. Там я имел возможность обсудить с ними некоторые вопросы, по моему мнению, имевшие важное значение.

Во-первых, я настаивал, чтобы гражданские власти взяли на себя управление в нашей части Германии как можно скорее. При этом я доказывал президенту и государственному секретарю, что пока армии, вероятно, все же придется держать под своим контролем жизнь в нашей оккупационной зоне до обеспечения полной гарантии порядка, но управление обычной повседневной жизнью отдельных граждан не является обязанностью военной организации. Я считал, что, сколь ни эффективно и целеустремленно армия будет работать по осуществлению возложенной на нее задачи, наверняка возникнут недоразумения. В конечном счете американские концепции и традиции лучше всего будут претворяться в жизнь, если государственный департамент возьмет на себя всю полноту административной власти в нашей зоне, используя американскую армию в качестве вспомогательного средства и опоры для гражданского правления. Как президент, так и государственный секретарь полностью соглашались со мной, и я начал думать, что это произойдет в пределах нескольких месяцев.

Вернувшись в конце 1945 года в Соединенные Штаты и заняв пост начальника штаба армии, я продолжал настаивать перед государственным секретарем Бирнсом на разумности такого шага, но вскоре понял, что его взгляды изменились. Хотя он всегда был согласен со мной, но осуществить идею не соглашался ввиду того административного и финансового бремени, которое тем самым легло бы на государственный департамент.

Другой вопрос, по которому я рискнул высказать свои соображения президенту Трумэну, касался намерений русских вступить в войну против Японии. Я говорил ему, что, поскольку имеющиеся сведения указывают на неизбежность скорого краха Японии, я категорически возражаю против вступления Красной Армии в эту войну. Я предвидел определенные трудности, которые будут порождены ее участием в войне, и предлагал, чтобы по крайней мере мы не ставили себя в положение упрашивающих или умоляющих русских о помощи *.

Третье предложение, с которым я обратился к президенту, сводилось к тому, чтобы мы сохранили некоторую гибкость в вопросе прекращения операций в рамках ленд-лиза с французами и англичанами. Я не был знаком

---

* По этому поводу необходимо сделать два замечания. Во-первых, советские намерения вступить в войну с Японией были обусловлены настойчивыми просьбами об этом США, а также Англии и соответствующим решением, принятым на Крымской конференции; во-вторых, попытки принизить решающий вклад СССР в победу над Японией продолжаются на Западе и в наши дни. Однако о бесплодности этих попыток свидетельствуют не только советские, но и японские документы. «Независимо от развития военных действий против Великобритании и Америки,— указывалось в решении высшего совета по руководству войной, заседавшего в Токио в мае 1945 года,— крайне необходимо сделать все возможное, чтобы не допустить вступления СССР в войну с нами. Начало войны с СССР будет роковым ударом для нашей империи».

Верный союзническим обязательствам, Советский Союз вступил в войну с Японией в согласованные с США и Англией на Крымской конференции сроки и нанес сокрушительный удар, который решил исход войны на Дальнем Востоке.— *Прим. ред.*

с точными формулировками законов, связанных с ленд-лизом, но знал, что окончание боевых действий вовсе не означает немедленного уменьшения потребностей французов и англичан в наших поставках им продовольствия и других предметов первой необходимости, на которые те с уверенностью рассчитывали. Я полагал, что нужно избежать одностороннего и внезапного прекращения помощи по ленд-лизу и поступить таким образом, чтобы дать возможность этим странам быстро приспособиться к новым условиям *.

Я информировал президента о своем убеждении, что нам следует обращаться с экономикой Германии, и в частности в вопросах репараций, таким образом, чтобы дать немцам возможность существовать при условии их готовности трудиться. А относительно такой готовности не было никаких сомнений. С первого дня, как мы вступили на территорию Германии, было заметно стремление рядовых граждан трудиться с утра до ночи даже ради своего скудного существования. Еще до того, как мы пересекли Рейн, я видел, как немецкие женщины и дети на полях, в условиях беспорядочной стрельбы кругом, пахали и сеяли, чтобы получить какое-либо подобие урожая в том году.

Клей и я были убеждены, что восстановление Рура было исключительно важным делом в наших собственных интересах. Нигде в другом месте Европы не имелось залежей угля, равного по качеству рурскому углю и столь легко добываемого. И уже становилось очевидным, что уголь будет ключом к успешному управлению оккупированной Германией. Без угля невозможно восстановление транспорта, а без транспорта вся страна останется парализованной. Я говорил президенту, что если мы не восстановим Рур, то Германия вскоре окажется на грани голода. Американцы, разумеется, никогда не допустят, чтобы с голоду умирали даже их бывшие враги, и добровольно возьмут на себя дорогостоящую задачу снабжения их продовольствием. Но, как я полагал, можно было предотвратить такое финансовое бремя. Мне казалось, что если будут восстановлены добыча угля в Руре и транспорт, то Германия вскоре окажется в состоянии экспортировать продукцию своей легкой промышленности, никоим образом не связанной с запрещенной для Германии военной промышленностью. Такой экспорт позволял бы Германии закупать и импортировать из других стран достаточное количество продовольствия, чтобы покрыть неизбежные нехватки в нем.

В Потсдаме я несколько раз встречался с разными членами американской делегации, но поскольку война в Европе была завершена, то я не участвовал в работе конференции ни в качестве официального свидетеля, ни в качестве советника.

У меня состоялась долгая беседа с военным министром Стимсоном, который очень коротко сообщил мне, что в штате Нью-Мексико скоро будут проведены испытания атомной бомбы, которую наконец удалось разработать американским ученым. Результаты успешного испытания вскоре были сообщены телеграммой военному министру. После этого сообщения он почувствовал огромное облегчение, ибо с напряженным интересом следил

* В 1945 году США грубо нарушили советско-американское соглашение по ленд-лизу, без предупреждения и в одностороннем порядке прекратив согласованные ранее поставки в СССР.— *Прим. ред.*

за ходом работ и чувствовал большую ответственность за те деньги и ресурсы, какие были израсходованы на создание бомбы. Я выразил надежду, что мы никогда не применим такое оружие против любого врага, так как мне было бы неприятно видеть Соединенные Штаты в роли инициатора использования в войне столь ужасного и разрушительного средства. Более того, у меня теплилась некоторая надежда, хотя и ошибочная, что если мы никогда не применим это оружие в войне, то другие народы, возможно, останутся в неведении относительно того, что проблема расщепления атома уже решена. Я тогда, конечно, не знал, что в производство этого оружия вовлечена целая армия ученых и что тайну в этом важном вопросе невозможно сохранить более или менее длительное время. Это было мое личное мнение, явившееся непосредственной реакцией на известие о новом оружии; оно не было основано ни на каком анализе данной проблемы. Во всяком случае, было принято решение, что если Япония не пойдет на быструю капитуляцию в соответствии с требованиями, переданными японскому правительству из Потсдама, то план использования атомной бомбы будет приведен в исполнение *.

Находясь в Германии, президент изъявил желание совершить инспекционную поездку в войска. Я договорился, чтобы поездка была в американскую зону, и по счастливому совпадению в число инспектируемых соединений попала 84-я дивизия. В этой дивизии начальником штаба был полковник Льюис Трумэн, двоюродный брат президента, и поэтому поездка в дивизию стала бы для президента приятной не только в официальном, но и в личном плане.

Однажды, когда вместе с президентом в машине ехали генерал Брэдли и я, Трумэн начал обсуждать планы относительно использования в будущем некоторых из наших военных руководителей. Я сказал, что не имею никаких честолюбивых замыслов, что хочу уединиться в тихом домике и делать то немногое, что смогу, чтобы помочь нашему народу понять некоторые из тех больших перемен, которые принесла миру война, и неизбежную ответственность, которая ляжет на всех нас в результате этих перемен. Я никогда не забуду ответ президента. До этого времени у нас с ним было только две или три мимолетные встречи по разным поводам. У меня был с ним неофициальный завтрак, я нашел президента искренним, честным и исключительно приятным человеком при решении деловых вопросов. Здесь, в автомашине, он обернулся ко мне и сказал: «Генерал, я всегда готов помочь вам во всем, что бы вы ни попросили. В том числе и при выдвижении вашей кандидатуры на пост президента в 1948 году».

Я сомневаюсь, чтобы какой-либо солдат в нашей стране был когда-нибудь так неожиданно поражен в своих сокровенных чувствах ошеломляющим предложением своего президента, высказанным со столь очевидной искренностью, как я в данном случае. В беседах с друзьями в шутливой форме мне и раньше предлагались варианты возможной политической карьеры. Я всегда тут же отвергал подобные идеи, однако когда сам пре-

---

* 6 августа 1945 года США подвергли атомной бомбардировке город Хиросима, 9 августа — Нагасаки. Этот варварский акт, не вызывавшийся военной необходимостью и унесший сотни тысяч жизней гражданского населения Японии, преследовал политические цели давления на Советский Союз и обеспечения США доминирующих позиций в послевоенном мире.— *Прим. ред.*

зидент неожиданно обрушил на меня этот бортовой залп, то у меня не оставалось ничего иного, как воспринять это как прекрасную шутку. Я надеялся, что это именно шутка. Искренне посмеявшись, я ответил: «Господин президент, я не знаю, кто будет вашим оппонентом на президентских выборах, но только не я». В серьезности сказанного у меня не было никаких сомнений. <...>

Россия

Соединенные Штаты и Россия вышли из войны как две самые мощные державы на земном шаре. Этот факт оказывал влияние на каждую деталь в американской официальной политике в оккупированной Германии, ибо любое продолжение борьбы между этими двумя державами безнадежно осложнило бы наши проблемы на местах и, возможно, даже свело бы на нет нашу победу, доставшуюся дорогой ценой. Но дело касалось значительно более серьезных проблем, чем эффективность управления Германией или осуществление политического контроля.

Насколько прочным может оказаться вновь обретенный мир, какие качества сумеют приобрести Объединенные нации, по какому курсу в будущем пойдет цивилизация — ответы на эти вопросы теперь со всей очевидностью были связаны с одним важным фактором, а именно: со способностью Востока и Запада трудиться и жить вместе в одном мире.

В прошлых взаимоотношениях между Америкой и Россией не было причин, чтобы сегодня смотреть на будущее с пессимизмом. Исторически эти два народа непрерывно поддерживали дружественные отношения, уходящие своими корнями ко временам зарождения Соединенных Штатов как независимой республики. За исключением короткого периода, они постоянно поддерживали друг с другом дипломатические отношения. Ни тот, ни другой народ не был запятнан созданием колониальных империй путем применения силы. Уступка одной страной богатой территории Аляски другой стране явилась беспрецедентным международным событием, без каких-либо угроз и без каких-либо взаимных обвинений после сделки. Дважды они были союзниками в войне. С 1941 года они зависели друг от друга в достижении конечной победы над европейскими странами «оси».

Однако идеологически США и Советский Союз занимали диаметрально противоположные позиции. Вполне возможно, что русским наша приверженность к системе, основанной на свободном предпринимательстве, представляется, по существу, политической незрелостью, позволяющей эксплуатировать массы. Из-за этого различия между системами государственного управления двух великих держав в мире могут сложиться два враждебных лагеря, расхождения которых в конечном счете могут вызвать еще одну опустошительную войну. Если бы, однако, удалось навести мосты через этот разрыв путем практических методов эффективного сотрудничества, то были бы гарантированы мир и согласие во всем мире. Никакие другие расхождения среди государств не стали бы угрозой все-

мирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие.

Препятствия, сомнения, страхи перед возможным провалом в американо-советских отношениях встречались на каждом шагу, и альтернатива успеху казалась настолько устрашающей, что все мы в Контрольном совете стремились использовать любые возможности, чтобы содействовать прогрессу установления взаимного доверия.

Берлин, по нашему убеждению, являлся экспериментальной лабораторией для выработки международного согласия. Здесь Запад соединился с Востоком в осуществлении задачи по перестройке исключительно сложной экономики и по перевоспитанию многочисленного населения, чтобы привить ему политическую порядочность и чтобы Германия, лишенная возможности и воли к агрессиям, могла вновь войти в семью народов.

Если бы в этих усилиях удалось выработать совместные пути и средства разрешения наших разногласий и проблем на местах, то это означало бы крупный шаг вперед по пути дружественного урегулирования мировых проблем. Для нас, американцев, первостепенное значение имел тот вклад, который мы могли на местах внести в дело установления делового партнерства между Соединенными Штатами и Россией. Моя деятельность в этом направлении и вера в конечный успех усилий Объединенных наций основывались на моем опыте работы в качестве верховного главнокомандующего.

В этой должности я был свидетелем того, как многие народы добивались твердого единства цели, несмотря на различия во взглядах и образе жизни. Военное руководство своими войсками при ведении боевых действий — наиболее ревностно охраняемый символ национального суверенитета — они поручили единому лицу, олицетворявшему все права. И хотя они сохраняли за собой административный контроль над своими частями и соединениями от назначения командиров до установления норм питания, союзное командование было единственным органом, руководившим всеми войсками в целях достижения победоносного завершения войны. Принцип управления войсками посредством комитета, в котором нужно было добиваться единогласия, прежде чем могли быть предприняты объединенные действия, был отброшен в пользу единого командующего, представлявшего все страны, вовлеченные в борьбу против общего врага.

Во время войны было доказано, что можно добиться международного единства цели и ее осуществления, не подвергая опасности независимость ни одной страны, при условии если все были готовы передать часть своей власти единому штабу с правом требовать от подчиненных ему союзных войск выполнения принятых решений. При создании ООН и союзного органа для контроля над Германией этот опыт не был тем не менее учтен. Применение этого метода означало бы некую форму ограниченного федерального мирового правительства; метод этот, хотя и был проверен западными союзниками в ходе войны как единственно надежный путь к успеху, политически оказался неприемлем ни для одной из великих держав. Настойчивое требование на сохранении права вето на конференции ООН в Сан-Франциско в июне 1945 года основывалось на традиционной, но устаревшей концепции, что международные задачи могут решаться только единогласным решением. То же самое единогласие требовалось в Берлине даже при решении самых мелких вопросов.

Поэтому мы очень надеялись создать среди тех, кто был занят работой в оккупационных органах, атмосферу дружественных отношений друг с другом, стремясь миролюбиво добиться общего взаимопонимания и общих целей к нашей взаимной выгоде. Если бы такую атмосферу можно было создать в Берлине, она распространилась бы за пределы Германии до наших столиц. Международное доброжелательство, продемонстрированное в ходе конференции в Потсдаме между главами государств, послужило благоприятным началом. Если бы мы смогли за столом переговоров вести дела на дружественной основе, то фактически могли бы жить вместе как друзья и в конечном счете работали бы в условиях мирового сотрудничества. Modus vivendi между Востоком и Западом был нашей первоочередной задачей.

2 августа президент и сопровождавшие его лица выехали из Германии в Соединенные Штаты. Спустя несколько дней мне сообщили из Вашингтона, что генералиссимус Сталин направил мне приглашение посетить Россию. Это было обновлением старого приглашения, которое я получил в начале июня, но тогда не мог принять, так как должен был выехать в Вашингтон в военное министерство. С этим приглашением поступило выражение надежды моего правительства, что я смогу принять его.

Генералиссимус предложил, чтобы в рамки моего визита вошла дата 12 августа. Это был день национального спортивного праздника в Москве. Я был рад предоставившейся мне возможности увидеть страну, в которой никогда до этого не бывал, но еще больше я был рад тому, что это означало, что Советское правительство было в такой же мере заинтересовано в развитии дружественных контактов, как и мы. Я быстро ответил согласием, и мне сообщили, что официально я буду гостем маршала Жукова во время моего пребывания в Москве и что он будет сопровождать меня из Берлина в Москву.

Когда известие о моей предстоящей поездке разошлось по штабу, буквально десятки сотрудников выразили просьбу сопровождать меня. Принимая во внимание ограниченные возможности для размещения в Москве, я взял с собой в поездку только генерала Клея и моего старого друга бригадного генерала Т. Дейвиса. В качестве адъютанта на время поездки я хотел взять моего сына Джона, лейтенанта, который уже несколько месяцев служил на Европейском театре военных действий. Командир отпустил его. Сержант Леонард Драй, находившийся при мне всю войну, также вошел в нашу группу.

По прибытии в Москву нас разместили в американском посольстве у моего доброго друга Аверелла Гарримана, бывшего в то время американским послом. Нашей хозяйкой была его очаровательная дочь Кэтлин. В ходе долгой войны у меня сложилось очень высокое мнение о способностях Гарримана и его взглядах, и я был рад иметь его в качестве наставника и советчика во время моего ответственного визита в страну, совершенно мне незнакомую.

Мой визит в Москву начался со встречи с генералом Антоновым, начальником Генерального штаба Красной Армии. Он провел меня на свой командный пункт, рассказал о положении войск на Дальнем Востоке и показал детальный план кампании, которая была начата всего несколько дней назад. Повсюду в районе Маньчжурии действия проходили в соответствии с планом, и чувствовалось, что генерал Антонов уверен в быстрой

и легкой победе. Мы до позднего вечера обсуждали военные проблемы, и беседа проходила в атмосфере большого радушия и взаимного доверия.

Утром следующего дня должен был состояться большой спортивный парад на Красной площади. Здесь находились только специально приглашенные гости правительства и участники спортивного парада. В отношении определения числа последних мнения расходились между двадцатью и пятьюдесятью тысячами. По моим подсчетам, первая цифра была ближе к истине.

Зрители размещались на площадках без каких-либо сидений. Каждый должен был стоять. Как только мы заняли секцию, предназначенную для американского посла и прибывших с ним лиц, к нам подошел генерал Антонов, чтобы сообщить, что генералиссимус Сталин приглашает меня к себе на трибуну Мавзолея, если, конечно, я пожелаю. Поскольку я был вместе с американским послом, престиж которого как представителя президента имел важное значение, то у меня появились сомнения, уместно ли мне оставить посла, чтобы самому идти к генералиссимусу. Необходимость обо всем говорить через переводчика лишала меня всякой возможности расспросить у генерала Антонова сугубо конфиденциально относительно этого предложения, и я сразу заколебался. Однако он избавил меня от дальнейшего замешательства, сообщив остальную часть приглашения Сталина, которая гласила: «Генералиссимус говорит, что если захотите подняться на трибуну Мавзолея к нему, то он приглашает еще двух ваших коллег». Я обернулся к послу, чтобы быстро с ним посоветоваться. Он сказал, что приглашение беспрецедентное, насколько ему известно, никогда еще ни одного иностранца не приглашали на трибуну Мавзолея Ленина. Поэтому, понимая, что этим приглашением нам оказана особая честь, я быстро ответил генералу Антонову, что очень рад приглашению и что хотел бы, чтобы вместе со мной пошли посол и глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Джон Дин. Я считал, что если уж речь идет о каком-то местном престиже, то для посла и его помощника это было бы наиболее полезным.

Пять часов стояли мы на трибуне Мавзолея, пока продолжалось спортивное представление. Никто из нас никогда не видел даже отдаленно похожего на это зрелище. Спортсмены-исполнители были одеты в яркие костюмы, и тысячи этих людей исполняли движения в едином ритме. Народные танцы, акробатические номера и гимнастические упражнения исполнялись с безупречной точностью и, очевидно, с огромнейшим энтузиазмом. Оркестр, как утверждали, состоял из тысячи музыкантов и непрерывно играл в течение всего пятичасового представления.

Генералиссимус не обнаруживал никаких признаков усталости. Наоборот, казалось, он наслаждался каждой минутой представления. Он пригласил меня встать рядом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего спортивного представления.

Сталин проявил большой интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки. Он несколько раз повторял, что для России и США важно оставаться друзьями. «Имеется много направлений,— сказал он,— по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать все о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспол-

зоваться вашими специалистами, чтобы они помогли нам решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что мы отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам». Эту мысль он сохранял в ходе всей беседы, в то время как я ожидал, что он ограничится просто выражением общих фраз о желательности сотрудничества.

Затем генералиссимус перевел разговор на тему о Контрольном совете и заметил, что эта работа важна не только в силу специфичности задач, но и потому, что она помогает выяснить, могут ли великие державы, победители в войне, продолжать успешно сотрудничать при решении проблем мирного времени.

За те немногие дни, что мы провели в Москве, мы побывали на футбольном матче, где присутствовало 80 тыс. заядлых болельщиков; осмотрели Московский метрополитен, которым русские очень гордятся, и посетили художественную галерею. Мы провели полдня на авиационном заводе, выпускающем штурмовики, и целый день — в совхозе и колхозе. Повсюду мы видели свидетельства простой и искренней преданности родине — патриотизм, который обычно выражался словами: «Это все для матери-Родины». Рабочие авиационного завода говорили мне, что во время войны рабочая неделя у них составляла 84 часа, и с гордостью отмечали, что ежедневный выход на работу при этом равен был что-то 94 процентам. Значительная часть рабочих — это женщины и дети, и трудно было понять, как они, при столь скудном питании и отсутствии транспортных средств, могли обеспечивать такой высокий процент. То же самое было и в колхозах. Вершиной всех событий, связанных с нашим пребыванием в Москве, стал обед в Кремле. В сверкающем огнями зале находилось множество маршалов Красной Армии и ряд работников Министерства иностранных дел, которые выполняли роль переводчиков. Из моей группы здесь присутствовали офицеры, а также посол и генерал Дин. Было провозглашено множество тостов, и каждый из них отражал дух сотрудничества и совместной работы, какая постепенно сложилась в ходе войны. После обеда состоялся просмотр фильма, посвященного операциям русских по взятию Берлина. Как объяснил мне переводчик, в Берлинском сражении участвовали двадцать две дивизии и огромное количество артиллерии. Я заинтересовался фильмом, и генералиссимус с готовностью заметил, что даст мне копию фильма. Я сказал, что хотелось бы иметь также и его фотографию, и он ничего этого не забыл. Буквально через несколько дней я получил в Берлине полную копию фильма и фотографию генералиссимуса с его дарственной надписью.

Он просил меня передать генералу Маршаллу выражение его сожаления по поводу той, как генералиссимус выразился, личной грубости, допущенной им во время войны. Он сказал, что однажды получил от генерала Маршалла информацию о противнике, которая оказалась ложной и вызвала некоторую путаницу. В раздражении, сказал генералиссимус, он направил Маршаллу резкую радиограмму, но позднее сожалел об этом, так как был уверен, что Маршалл действовал из лучших побуждений. Сталин искренне просил меня передать начальнику штаба армии США его извинения.

В течение всего нашего пребывания в Москве маршал Жуков и другие официальные лица настаивали, чтобы я назвал места, которые хотел бы посетить. Они говорили, что нет такого места, которое я не смогу увидеть,

если даже потребовалось бы отправиться во Владивосток. Время мое было ограничено, но, перед тем как покинуть Москву, мне все же хотелось побывать в Кремлевском музее. Едва я высказал это пожелание, как было организовано посещение музея. Мне сказали, что я могу взять с собой столько адъютантов или помощников, сколько захочу. Возможно, что мои московские хозяева имели в виду только ту небольшую группу, которая сопровождала меня из Берлина, но когда подошло время посещения музея, то оказалось, что почти весь состав американского посольства изъявил готовность выступить в роли моих адъютантов в этот день. Я шутливо согласился считать их всех временно адъютантами. Группа около шестидесяти человек провела вторую половину дня в музее, рассматривая собранные там драгоценности. Ювелирные изделия, великолепно расшитые драгоценными камнями костюмы, флаги, всевозможные ордена наполняли огромные залы и в целом составляли богатейшую выставку.

На территории Кремля мы прошли мимо огромной пушки. Таких я никогда не видел прежде; калибр ствола, по-видимому, был более тридцати дюймов. Это была реликвия восемнадцатого столетия. Когда мы отходили от нее, мой сын с удивлением заметил: «Я думаю, что это то самое оружие, которое двести лет назад делало будущие войны слишком ужасными, чтобы о них думать».

Вечером, накануне нашего отъезда из Москвы, американский посол устроил прием в честь нашей группы. Женщин на приеме не было, и русскими гостями в основном являлись сотрудники Министерства иностранных дел и представители вооруженных сил. Провозглашались обычные тосты, и после закуски последовал ужин, в самый разгар которого послу позвонили из Министерства иностранных дел с просьбой немедленно прибыть туда. Подозревая, что, возможно, он получит известие о капитуляции Японии, которого ожидали с минуты на минуту, Гарриман попросил меня приложить все усилия, чтобы задержать гостей до его возвращения. Это оказалось довольно трудным делом, так как посол задержался в Министерстве иностранных дел значительно дольше, чем предполагалось. Однако, призвав на помощь американских друзей, одни из которых провозглашали все новые и новые тосты, а другие даже стали подхватывать мелодии игравшего оркестра, нам все же удалось удержать основную часть гостей до возвращения Гарримана.

Он вышел на середину комнаты и громко объявил о капитуляции Японии, что вызвало радостные возгласы одобрения со стороны всех присутствовавших *.

Во время войны я много слышал о мужественной обороне Ленинграда в 1941 и 1942 годах. Я высказал свое пожелание совершить короткий визит в этот город. Во время блокады Ленинграда умерли от голода сотни тысяч гражданского населения. Много было убито и ранено. Об этом нам рассказывали представители гражданских властей города, которые присоединились к сопровождавшим нас военным, чтобы выступать в роли наших хозяев в Ленинграде. Исключительные страдания населения и продолжительность времени, в течение которого город переносил бедствия и лишения, вызванные боями в условиях осады, превратили эту операцию

* Подписание акта о капитуляции Японии состоялось 2 сентября 1945 года.— *Прим. ред.*

в одну из самых памятных в истории. Безусловно, в наше время это беспримерный случай. Все мы были поражены тем фактом, что, говоря о потерях ленинградцев, каждый гражданин произносил это с гордостью и удовлетворением в голосе. Конечно, нам была понятна эта гордость. Ведь героическая стойкость ленинградцев привела к поражению врага на этом важном участке Восточного фронта.

Глава города устроил для нас завтрак, на котором присутствовали гражданские и военные руководители. Здесь же артисты дали концерт. Мы прослушали вокальные номера и инструментальную музыку, драматическую декламацию, которую, разумеется, не могли понять, увидели несколько танцев в прекрасном исполнении. Я заметил своим гостеприимным хозяевам, что поражен тем всеобщим уважением к артистам, какое вижу в России, и тем необычным пониманием и отношением со стороны каждого русского человека к искусству во всех его формах. Мне ответили, что любой советский человек с радостью голодал бы целую неделю, если бы за это в воскресенье мог посетить художественную галерею, футбольный матч или балетный спектакль.

Во время завтрака в Ленинграде, когда произносились тосты, маршал Жуков попросил моего сына, до сих пор остававшегося в стороне, предложить свой тост. Позднее Джон говорил мне, что во время визита он больше всего боялся именно этого момента. Он встал и, сделав предварительное вступление, сказал, что, как молодой лейтенант, не привык находиться в кругу таких выдающихся военачальников и руководителей, а затем произнес: «Я нахожусь в России уже несколько дней и услышал много тостов. В этих тостах говорилось о мужестве и заслугах каждого союзного руководителя, каждого выдающегося маршала, генерала, адмирала и авиационного командующего. Я хочу провозгласить тост в честь самого важного русского человека во второй мировой войне. Джентльмены, я предлагаю выпить вместе со мной за рядового солдата великой Красной Армии!»

Его тост был встречен с большим энтузиазмом и выкриками одобрения, чем любой другой из множества тостов, которые я слышал за дни пребывания в России. Особенно доволен остался маршал Жуков. Он сказал мне, что мы, должно быть, стареем, если нам пришлось ждать, пока молодой лейтенант не напомнит нам, «кто в действительности выиграл войну».

Обратный путь из Ленинграда в Берлин оказался нелегким, потому что погода ухудшилась. В самолете маршал Жуков и я часто возвращались к обсуждению отдельных кампаний войны. В силу его особого положения в Красной Армии он как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим. По его оценке состава войск, местности, на которой они сражались, и причин, побуждающих его принимать то или иное стратегическое решение, было ясно, что это опытный солдат.

Россия вынесла тяжелые испытания во второй мировой войне. В 1941 году нацисты оккупировали огромную территорию страны. От Волги до западных границ почти все было разрушено. Когда мы в 1945 году летели в Россию, я не видел ни одного целого дома между западной границей страны и районами вокруг Москвы. На этой захваченной нациста-

ми территории, говорил мне маршал Жуков, было убито столько женщин, детей и стариков, что невозможно точно установить их общее число. Некоторые крупные города были просто стерты с лица земли.

Все это вызвало бы ожесточение у любого народа; было бы совершенно поразительно, если бы у русских не появилось более сильного чувства ненависти к немцам и более сурового отношения к ужасам войны, чем в странах, находившихся далеко от районов боевых действий.

Я знаю это из своего личного опыта. Когда потянулись месяцы войны, во мне нарастало ожесточение против немцев, и особенно против гитлеровской банды. Всюду были видны следы разрушений — свидетельство безжалостного тщеславия Гитлера. Каждое сражение, каждая стычка оплачены изуродованными телами, жизнью молодых солдат союзных армий.

Во время войны сотни убитых горем отцов, матерей и невест обращались ко мне с личными письмами, умоляя дать им хоть какую-нибудь надежду, что их любимые еще живы, или, в худшем случае, сообщить им что-нибудь дополнительно об обстоятельствах их смерти. На каждое из таких писем посылались сочувственные ответы, и это было наиболее действенным средством вызвать неугасимую ненависть к тем, кто ответствен за развязанную агрессивную войну. Возможно, именно поэтому я так хорошо понимал настроение русских.

В ответ на гостеприимный жест Советского правительства, пригласившего меня посетить их страну, американское военное министерство с одобрения президента Трумэна тут же пригласило маршала Жукова прибыть с визитом в Америку. Согласие было сразу же получено, и мы думали, что маршал в самое ближайшее время поедет в Соединенные Штаты. Он просил, чтобы генерал Клей или я поехали вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну точно так же, как он меня сопровождал во время моей поездки в Россию. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54, которым сам постоянно пользуюсь. Это обрадовало маршала. Он уже летал на этом самолете через Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа.

К сожалению, вскоре маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломатическая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека, перенесшего тяжелую болезнь.

Во всяком случае, это послужило причиной переноса визита маршала на более позднее время, пока не наступит зима, а затем он выразил желание поехать в нашу страну весной. Но к тому времени русские, очевидно, потеряли интерес к визиту одного из своих маршалов в Америку.

Последний раз я видел маршала Жукова 7 ноября 1945 года. Это был день советского праздника, и в честь него он устроил большой прием в Берлине, пригласив всех командующих и старших штабных офицеров своих союзников. Погода резко ухудшилась, и лететь оказалось невозможным. Двое других командующих отменили свои поездки, а я, поскольку мне было известно, что вскоре получу приказ о возвращении в Соединенные Штаты,

решил побывать на приеме, хотя знал, что обратно мне придется ночью ехать поездом, а затем днем покрыть большое расстояние на автомашине.

Когда я прибыл, маршал Жуков со своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял свою жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. В разговоре прошло два часа.

Общий тон высказываний маршала сводился к тому, что, по его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: «Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на Земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет».

После моего возвращения в Соединенные Штаты мы с маршалом продолжали переписываться в привычном для нас дружеском тоне до апреля 1946 года.

Русские великодушны. Они любят делать подарки, принимать гостей, и это может подтвердить почти любой американец, которому приходилось работать вместе с ними. По своему великодушию, по своей преданности товарищу, по своему здравому и прямому взгляду на дела повседневной жизни обыкновенный русский, как мне кажется, очень похож на так называемого среднего американца.

Личная дружба и взаимопонимание с маршалом Жуковым, однако, не избавляли нас от инцидентов и конфликтов, которые постоянно раздражали и выводили из себя работников моего штаба. В силу языковых различий никто из нас не имел возможности лично и непосредственно переговорить с русскими, чтобы избежать накала в доводах обеих сторон.

Политике твердого соблюдения обещаний, данных нашим правительством, был брошен первый вызов после прекращения боевых действий. Некоторые из моих коллег неожиданно предложили, чтобы я отказался, если русские попросят, отвести американские войска с рубежа на Эльбе в районы, выделенные для оккупации Соединенными Штатами. Такое предложение обосновывалось тем, что если мы будем держать свои войска на Эльбе, то русские скорее согласятся с некоторыми нашими предложениями, в частности в вопросе о разумном разделении Австрии. Такие предложения мне представлялись неубедительными. Я считал, и меня всегда в этом поддерживало военное министерство, что начинать наши первые прямые связи с Россией на основе отказа выполнить условия ранее достигнутой договоренности, которые выражают добрую волю нашего правительства, означало бы подорвать сразу же все усилия, направленные на обеспечение сотрудничества...

Во всяком случае, в те последние месяцы лета и первые месяцы осени 1945 года радушие и готовность к сотрудничеству в Берлине достигли наивысшего предела, какого мы смогли добиться в работе с советскими официальными представителями. В более широких областях, на высших уровнях, усиливались разногласия, и они неизбежно отражались на жизни оккупированной Германии.

Указатель имен

Абдулла (Абдалла аль-Хусейн, 1882—1951) — эмир Трансиордании в 1921—1946 гг., король Иордании в 1946—1951 гг. Убит в Иерусалиме.

Абец, Отто (1903—1958) — нацистский агент во Франции, посол при оккупационных войсках в Париже.

Абриаль, Жан Шарль (1879—1962) — адмирал, командующий французскими войсками в Дюнкерке в 1940 г., генерал-губернатор Алжира в 1940—1941 гг., статс-секретарь по морским делам в правительстве Виши с 1942 г. В 1946 г. осужден, в 1947 г. освобожден.

Айронсайд, Уильям Эдмунд (1880—1959) — барон (1941), фельдмаршал (1940), начальник имперского генерального штаба с сентября 1939 до мая 1940 г., начальник штаба экспедиционных войск во Франции в 1940 г., командующий армией метрополии в мае — июле 1940 г.

Александер, Альберт Виктор (1885—1965) — граф Хиллсборо (1963), военно-морской министр Великобритании в 1929—1931, 1940—1945 и 1945—1946 гг., министр обороны в 1947—1950 гг.

Александер, Гарольд Руперт Леофрик Джордж (1891—1969) — виконт (1946), граф Тунисский (1952), фельдмаршал (1944), с начала второй мировой войны — командир 1-й пехотной дивизии, 1-го армейского корпуса, в мае — июне 1940 г.— командующий британских экспедиционных войск во Франции, в 1941—1942 гг.— командующий английскими войсками в Бирме, в августе 1942 г. возглавил британское средневосточное командование, в 1943 г. командовал 18-й группой армий в Тунисе, затем 15-й группой армий в Италии, с декабря 1943 г.— верховный командующий союзными силами на Средиземноморском театре военных действий, генерал-губернатор Канады в 1946—1952 гг., министр обороны в 1952—1954 гг.

Алиса (1883—1969) — принцесса, внучка королевы Виктории, жена графа Этлона.

Аллен, Терри де ла Меса — американский генерал-майор, командир 104-й пехотной дивизии 7-го корпуса армии США.

Альтмайер, Робер — генерал, командующий 10-й французской армией.

Альфан, Эрве Жан Шарль (р. 1907) — французский дипломат, финансовый

Указатель содержит данные о большинстве упоминаемых в тексте лиц, сведения в основном приводятся о межвоенном и военном периодах.

атташе французского посольства в Вашингтоне. В 1940 г. присоединился к де Голлю, был его советником по экономическим и финансовым вопросам, генеральный директор управления по экономическим и финансовым вопросам МИД в 1944—1948 гг., посол в США в 1956—1965 гг.

Андерс, Владислав (1892—1970) — генерал, командующий польской армией в СССР в 1941—1942 гг., командующий 2-м Польским корпусом на Ближнем Востоке и в Италии в 1943—1945 гг., исполнял обязанности главнокомандующего польскими вооруженными силами на Западе. Умер в эмиграции.

Андерсон, сэр Джон (1882—1958) — лорд, министр внутренних дел и национальной безопасности Великобритании в 1939—1940 гг., лорд-председатель Совета в 1940—1943 гг., член военного кабинета с сентября 1943 г., министр финансов в 1943—1945 гг.

Андерсон, сэр Кеннет Артур Ноэль (1891—1959) — генерал-лейтенант (1943), командующий 1-й английской армией в 1942 г., командующий 2-й английской армией с июня 1943 по январь 1944 г.

Анрио, Филипп (1889—1944) — государственный секретарь по пропаганде в правительстве Виши. Убит патриотами.

Антонеску, Йон (1882—1946) — маршал (1941), военно-фашистский диктатор Румынии с сентября 1940 по август 1944 г. Казнен.

Антонов, Алексей Иннокентьевич (1896—1962) — генерал армии (1943), 1-й заместнтель начальника Генерального штаба в 1942—1945 гг., начальник Генерального штаба с февраля 1945 по март 1946 г., член Ставки Верховного Главнокомандования с февраля 1945 г., начальник Штаба Организации Варшавского Договора в 1955—1962 гг.

д'Аржанльё (Тьерри д'Аржанльё), Жорж (1889—1964) — французский капитан 1-го ранга, впоследствии адмирал, возглавлял военно-морские силы Свободной Франции, национальный комиссар без портфеля с 24 сентября 1941 г., Верховный комиссар Индокитая до марта 1947 г., в 1947 г. принял религиозный сан под именем Луи де ла Трините.

Арнольд, Генри Харли (1886—1950) — генерал армии (1944), заместитель начальника штаба армии США по ВВС в 1940—1942 гг., начальник штаба (командующий) ВВС с февраля 1942 по февраль 1946 г.

Астор, Ненси (1879—1954) — леди, жена Уолдорфа Астора, владельца газет «Таймс» и «Обсервер», в 1919 г. стала первой женщиной, избранной в палату общин. Хозяйка поместья Кливден, где собирались политические деятели, сторонники «умиротворения» фашистских агрессоров.

Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов.

Бадольо, Пьетро (1871—1956) — маршал Италии (1926), начальник генерального штаба в 1919—1921 и 1925—1940 гг., премьер-министр Италии в 1943—1944 гг.

Баржо, Пьер Эмиль (1899—1960) — капитан 1-го ранга, впоследствии вице-адмирал, заместитель начальника главного штаба национальной обороны Франции в 1944—1945 гг., затем командующий ВМС во французском Марокко, командующий ВМС в Тунисе, командующий средиземноморской эскадрой.

Бевин, Эрнест (1881—1951) — министр труда и национальной повинности

Великобритании в 1940—1945 гг., член военного кабинета с октября 1940 г., министр иностранных дел в 1945—1951 гг.

Бенеш, Эдуард (1884—1948) — доктор, министр иностранных дел Чехословакии в 1918—1935 гг., премьер-министр в 1921—1922 гг., президент Чехословакии с декабря 1935 по октябрь 1938 и с июля 1940 по июнь 1948 г. (в эмиграции в 1938—1945 гг.), с 12 сентября 1939 г.— председатель чехословацкого временного правительства, созданного в Париже.

Берар, Леон (1876—1960) — сенатор в 1910—1940 гг., министр юстиции в правительстве Лаваля в 1935—1936 г., представитель правительства Виши в Ватикане в 1940—1944 гг., член Французской академии (1934).

Берк, Эдмунд (1729—1797) — английский публицист и политический деятель.

Берлинг, Зигмунт (1896—1980) — генерал брони, командир 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, затем командир 1-го польского корпуса в 1943—1944 гг., командующий 1-й армией Войска Польского с марта по октябрь 1944 г.

Бернадот, Фольке (1895—1948) — граф, руководитель Красного Креста Швеции. Специальный представитель ООН в Палестине. Убит боевиками организации «Борцы за свободу Израиля» (Лехи).

Бессон, Антуан — французский генерал, командующий 3-й группой армий в 1940 г.

Бетуар, Антуан Мари Эмиль (р. 1889) — корпусной генерал, начальник главного штаба национальной обороны Франции, главнокомандующий французскими оккупационными войсками в Австрии и член Союзнического совета по Австрии в 1945 г.

Беш, Жозеф (1887—1975) — премьер-министр Люксембурга в 1926—1937 (с перерывами) и в 1954—1957 гг., министр иностранных дел в 1926—1958 гг. (с перерывами). В 1940—1944 гг.— в эмиграции в Лондоне.

Бивербрук, Уильям Максвелл Эйткен (1879—1964) — барон (1916), министр авиационной промышленности в 1940—1941 гг., член военного кабинета с августа 1940 по февраль 1942 г., государственный министр с мая 1941 г., министр снабжения с июня 1941 по февраль 1942 г., лорд-хранитель печати с сентября 1943 по июль 1945 г.

Биддл, Антони Джозеф — заместитель посла США в Виши, затем посланник при эмигрантских правительствах в Лондоне.

Бидо, Жорж Огюстэн (1899—1983) — главный редактор газеты «Об» в 1934—1940 гг., председатель Национального совета Сопротивления в 1943—1944 гг., министр иностранных дел Франции с сентября 1944 по 1948 и с 1953 по июнь 1954 г., премьер-министр с июня по ноябрь 1946 и с октября 1949 по июнь 1950 г.

Бийот, Пьер Гастон (ум. 1940) — французский генерал, командующий 1-й группой армий до 25 мая 1940 г. Погиб в катастрофе.

Бирнс, Джеймс Фрэнсис (1879—1972) — директор управления военной мобилизации в 1943—1945 гг., государственный секретарь США в 1945—1947 гг.

Бланшар, Жорж Мари Жан (1877—1954) — генерал, командующий 1-й французской армией, затем 1-й группой армий с 25 мая 1940 г.

Бласковиц, Иоганнес фон (1883—1946) — генерал-полковник, командующий

8-й армией в 1939 г., командующий 9-й армией в 1940 г., командующий группой армий «Г» в 1944—1945 гг.

Блум, Сол (1870—1949) — председатель комитета по иностранным делам палаты представителей конгресса США.

Блюм, Леон (1872—1950) — премьер-министр Франции в 1936—1937, 1938 и 1946—1947 гг., заместитель премьер-министра в 1937—1938 гг., министр финансов в 1938 г.

Богомолов, Александр Ефремович (1900—1969) — повереииый в делах СССР в Виши в 1940—1941 гг., полпред (посол) СССР во Франции с марта по июнь 1941 г., посол СССР при союзных эмигрантских правительствах в Лондоне в 1941—1943 гг., полномочный представитель СССР при ФКНО в 1943—1944 гг., посол СССР во Франции в 1944—1950 гг.

Бодуэн, Поль — генеральный директор Индокитайского баика, секретарь Военного кабииета, Военного комитета, государственный секретарь при председателе совета министров, государственный статс-секретарь по иностранным делам с 5 июня 1940 г., министр иностранных дел с 16 июня по октябрь 1940 г.

Бок, Федор фон (1880—1945) — генерал-фельдмаршал (1940), командующий группой «Север» в 1939 г., командующий группой армий «Б» в 1940 г., командующий группой армий «Центр» в 1941 г., командующий группой армий «А» в 1942 г. Погиб при иалете авиации.

Болдуин, Стэнли (1867—1947) — виконт Ковердэл, граф Болдуин оф Бьюдли (1937), премьер-министр Великобритании в 1923—1924, 1924—1929 и 1935—1937 гг.

Болен, Чарльз Юстис (1904—1974) — заведующий отделом страи Восточной Европы госдепартамента США, помощник государственного секретаря США по связям с Белым домом в 1944—1946 гг., переводчик иа конфереициях в Тегеране и Ялте, посол США в СССР в 1953—1957 гг.

Боннэ, Аири — комиссар информации ФКНО с июня 1943 г., представитель ФКНО при правительстве США с сентября 1943 г., посол Франции в США с 1944 г.

Бономи, Иваноэ (1873—1951) — премьер-миинстр Италии в 1921—1922 и 1944—1945 гг.

Браухич, Вальтер (1881—1948) — генерал-фельдмаршал (1940), главнокомандующий сухопутными войсками вермахта в 1938—1941 гг. Умер в лагере для военнопленных.

Бреретон, Льюис (1890—1967) — генерал-лейтенант, командующий 1-й воздушно-десаитиой армией союзников.

Бриан, Аристид (1862—1932) — премьер-министр Франции в 1909—1911, 1913, 1915—1917, 1921—1922, 1925—1926 и 1929 гг. (одиннадцать раз), мииистр иностраиных дел в 1915—1917, 1921—1922, 1925—1929 и 1931—1932 гг.

Бриджес, сэр Эдуард (1892—?) — барои (1957), секретарь кабинета Великобритании в 1938—1946 гг.

Бриссон, Пьер (1896—1965) — редактор газеты «Фигаро» в 1934—1942 и 1944—1965 гг.

Брук, Алан Фрэнсис (1883—1963) — виконт Аланбрук, фельдмаршал (1944), комаидир 2-го армейского корпуса во Франции в 1940 г., главнокомандующий

войсками метрополии с июля 1940 по декабрь 1941 г., начальник имперского генерального штаба с декабря 1941 по июнь 1946 г.

Брэдли, Омар Нельсон (1893—1981) — генерал армии (1950), командир 2-го американского корпуса в 1943 г. в Тунисе и Сицилии, командующий 1-й американской армией в 1944 г., командующий 12-й группой армий с августа 1944 г., начальник штаба армии США в 1947—1949 гг.

Буассон, Франсуа Жозеф Эдмон (1894—1948) — генерал, генерал-губернатор Французской Западной Африки до июня 1943 г.

Буллард, сэр Ридер (1885—?) — посланник (затем посол) Великобритании в Иране в 1939—1946 гг.

Буллит, Уильям Кристиан (1891—1967) — посол США в СССР в 1933—1936 гг., посол во Франции в 1936—1940 гг.

Буржес-Монури, Морис Жан Мари (р. 1914) — представитель де Голля в Национальном совете Сопротивления, премьер-министр Франции с июня по сентябрь 1957 г.

Буска — генерал, главнокомандующий французской авиацией в Северной и Северо-Западной Африке с июня 1943 г., командующий ВВС Франции.

*Буш,*Ваннивар (1890—1974) — профессор, директор бюро научных исследований и развития, научный советник американского флота.

Буш, Эрнст (1885—1945) — генерал-фельдмаршал (1943), командующий 16-й армией с 1939 г., командующий группой армий «Центр» с 1943 г., командующий группировкой на Северо-Западе Германии с марта 1945 г. Умер в плену.

Бюжо, Тома Робер (1784—1849) — герцог Исли (1844), маршал Франции (1843), завершил завоевание Алжира в 1836 г.

Вайцзеккер, Эрнст (1882—1951) — руководитель политического отдела МИД Германии в 1936—1938 гг., статс-секретарь МИД в 1938—1943 гг.

Валери, Валерио — папский нунций во Франции.

Ванденберг, Хойт (1899—1954) — генерал-лейтенант, командующий 9-й тактической воздушной армией США, директор ЦРУ США в 1946—1947 гг., начальник штаба ВВС США.

Ван-Клеффенс, Элко Николас (1894—1983) — министр иностранных дел Нидерландов в 1939—1946 гг., в 1940—1944 гг. находился в Лондоне.

Ванситарт, сэр Роберт Гилберт (1881—1957) — барон Денхэм (1941), постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1930—1938 гг., главный дипломатический советник МИД в 1938—1941 гг.

Ванье, Жорж (1889—1967) — генерал, посол Канады при ФКНО.

Вашингтон, Джордж (1732—1799) — генерал, первый президент США в 1789—1797 гг.

Вейган, Максим (1867—1965) — армейский генерал, начальник штаба верховного главнокомандующего с марта 1918 г., в 1920 г. возглавлял англо-французскую военную миссию в Варшаве, вице-председатель Высшего военного совета Франции с 1930 г., начальник генерального штаба в 1931—1935 гг., главнокомандующий в Леванте в 1939—1940 гг., с 19 мая 1940 г.— начальник штаба национальной обороны, верховный главнокомандующий французскими вооруженными силами, министр национальной обороны с 16 июня 1940 г. и в правительстве Виши в июле —

сентябре 1940 г., затем главнокомандующий французскими войсками в Северной Африке до ноября 1941 г. Член Французской академии (1931).

Венизелос, Софоклеос (1894—1964) — премьер-министр греческого эмигрантского правительства в апреле 1944 г., заместитель премьер-министра с июня 1944 по январь 1945 г., премьер-министр Греции с августа 1950 по октябрь 1951 г.

Виктор Эммануил III (1869—1947) — король Италии в 1900—1946 гг.

Виктория (1819—1901) — английская королева в 1837—1901 гг.

Вильгельм III (1650—1702) — принц Оранский, английский король в 1689—1702 гг.

Вильсон, Генри Мейтлэнд (1881—1964) — барон (1946), фельдмаршал (1944), командующий британскими сухопутными войсками в Египте, командующий британскими войсками в Греции в 1941 г., командующий британскими войсками в Палестине н Трансиордании в 1941 г., в Ираке и Трансиордании в 1942—1943 гг., главнокомандующий британскими вооруженными силами на Среднем Востоке в 1943 г., главнокомандующий Средиземноморским театром военных действий в 1944 г., глава британской миссии в Объединенном совете начальников штабов в 1944—1945 гг.

Вильсон, сэр Чарльз — постоянный лечащий врач У. Черчилля.

Вильсон, Эдвин — представитель США при ФКНО.

Вольф, Карл (1900—1987) — обергруппенфюрер (генерал войск СС), уполномоченный СС при группе армий «Ц».

Ворошилов, Климент Ефремович (1881—1969) — Маршал Советского Союза (1935), нарком обороны СССР в 1934—1940 гг., член ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования, главнокомандующий Северо-Западным направлением в 1941 г.

Вуд, сэр (Говард) Кингсли (1881—1943) — министр авиации Великобритании до апреля 1940 г., лорд-хранитель печати с апреля по май 1940 г., министр финансов в 1940—1943 гг., член военного кабинета с октября 1940 г.

Вюйлемен, Жозеф — генерал, начальник генерального штаба ВВС, главнокомандующий ВВС Франции в 1939—1940 гг.

Вышинский, Андрей Януарьевич (1883—1954) — заместитель председателя СНК СССР в 1939—1944 гг., первый заместитель наркома иностранных дел СССР в 1940—1946 гг.

Вьено, Пьер — заместитель министра иностранных дел Франции в 1936—1937 гг., представитель ФКНО в Лондоне.

Гайлани, Рашид Али Аль- (1889—1965) — генерал, премьер-министр Ирака с октября 1940 по январь 1941 г., в апреле 1941 г. совершил государственный переворот, глава временного правительства в апреле — мае 1941 г.

Галифакс, Эдуард Фредерик Линдлей Вуд (1881—1959) — граф (1944), военный министр Великобритании в 1935 г., лорд-хранитель печати в 1935—1937 гг., министр иностранных дел с февраля 1938 до декабря 1940 г., член военного кабинета в 1939—1940 гг., посол в США в 1940—1946 гг.

Гальдер, Франц (1884—1972) — генерал-полковник (1940), начальник генерального штаба сухопутных войск с августа 1938 до сентября 1942 г.

Гамбьез, Фернан Шарль Луи — французский майор, впоследствии генерал.

Гамелен, Морис Гюстав (1872—1958) — армейский генерал, начальник гене-

рального штаба сухопутной армии в. 1931—1938 гг., вице-председатель Высшего военного совета армии в 1935—1939 гг., начальник штаба национальной обороны с 1938 г., главнокомандующий и главнокомандующий французскими сухопутными силами с сентября 1939 по май 1940 г.

Гарриман, Уильям Аверелл (1891—1986) — специальный представитель президента Рузвельта в Великобритании по осуществлению закона о ленд-лизе с марта 1941 г., посол США в СССР в 1943—1946 гг., посол в Великобритании с апреля по сентябрь 1946 г., министр торговли США в 1946—1948 гг.

Гарро, Роже (1891—?) — представитель Ш. де Голля в СССР в 1942—1945 гг., представитель, затем посол Временного правительства в Польше.

Гаха, Эмиль (1872—1945) — президент Чехословакии в 1938—1939 гг., президент «Протектората Богемии и Моравии» в 1939—1945 гг. Умер в заключении.

Генрих III (1551—1589) — французский король в 1574—1589 гг.

Генрих IV (1553—1610) — французский король в 1589—1610 гг. (фактически с 1594 г.).

Георг (Георгиос) *II* (1890—1947) — греческий король в 1922—1923, 1935—1944 и 1946—1947 гг. (в 1941—1946 гг. находился в эмиграции).

Георг VI (1895—1952) — английский король в 1936—1952 гг.

Геринг, Герман Вильгельм (1893—1946) — рейхсмаршал (1935), министр авиации, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии в 1935—1945 гг. Казнен.

Гиммлер, Генрих (1900—1945) — рейхсфюрер СС и полиции (1936), руководитель Главного имперского управления безопасности с 1939 г., командующий группой армий «Висла» с января по март 1945 г. Покончил жизнь самоубийством.

Гинганд, Фрэнсис де — генерал-майор, начальник штаба 8-й английской армии, затем 21-й группы армий.

Гитлер, Адольф (1889—1945) — глава германского фашистского государства в 1933—1945 гг., Верховный главнокомандующий германскими вооруженными силами в 1938—1945 гг. Покончил жизнь самоубийством.

Глабб, сэр Джон Бэгот (Глобб-паша) (1897—1986) — английский полковник, затем генерал, командующий Арабским легионом в 1939—1956 гг.

Голиков, Филипп Иванович (1900—1980) — генерал-лейтенант (1940), впоследствии Маршал Советского Союза (1961), заместитель начальника Генерального штаба — начальник Главного разведывательного управления с июля 1940 по июль 1941 г., глава советской военной миссии в Великобритании и США в 1941 г.

Гопкинс, Гарри Ллойд (1890—1946) — специальный советник и помощник президента США в 1941—1945 гг.

Горт, Джон Стендиш Веркер (1886—1946) — виконт, фельдмаршал (1943), начальник имперского генерального штаба в 1939 г., командующий британскими экспедиционными войсками во Франции с сентября 1939 по май 1940 г., затем губернатор Гибралтара и Мальты, верховный комиссар в Палестине и Трансиордании.

Гот, Герман — генерал-полковник, командир 15-го моторизованного корпуса в 1939 г., командир 15-го танкового корпуса в 1940 г., командующий 3-й танковой группой в 1941 г.

Гранмезон, Луи (1861—1915) — генерал (1914), французский военный теоретик.

Грасетт, сэр (Артур) Эдвард (1888 — ?) — английский генерал-лейтенант, начальник отдела штаба верховного командования союзных экспедиционных сил в Европе.

Гринвуд, Артур (1880—1954) — член военного кабинета и министр без портфеля Великобритании с мая 1940 по февраль 1942 г., лорд-хранитель печати с июля 1945 г.

Гровс, Лесли Р. (1896—1970) — генерал-майор, руководитель военной стороны «Манхэттенского проекта».

Громыко, Андрей Андреевич (1909—1989) — временный поверенный в делах СССР в США в 1942—1943 гг., посол СССР в США и посланник в Республике Куба в 1943—1946 гг.

Грэм, Фрэнк Х.— капитан, командир крейсера «Аугуста».

Грю, Джозеф Кларк (1880—1965) — посол США в Японии в 1932—1941 гг., специальный помощник государственного секретаря США в 1942—1944 гг., заместитель госсекретаря в 1944—1945 гг.

Гуарилья, Раффаэле — посол Италии во Франции до 1940 г., министр иностранных дел в 1943 г. в правительстве Бадольо.

Гувер, Джон Эдгар (1895—1972) — директор ФБР в 1924—1972 гг.

Гудериан, Хайнц Вильгельм (1888—1954) — генерал-полковник (1940), командир 19-го танкового корпуса в 1939—1940 гг., командующий 2-й танковой группы в 1940—1941 гг., командующий 2-й танковой армией с октября по декабрь 1941 г., начальник генерального штаба сухопутных войск с июля 1944 по март 1945 г.

Гутт, Камилл Адольф (1884—1971) — министр финансов Бельгии в 1939—1945 гг. С октября 1940 г. занимал также посты министра национальной обороны, экономики и связи в эмигрантском правительстве.

Даладье, Эдуард (1884—1970) — премьер-министр Франции в 1933, 1934 и 1938—1940 гг., заместитель премьер-министра в 1936—1937 гг., военный министр в 1938—1940 гг., министр иностранных дел с сентября 1939 по март 1940 г., министр национальной обороны с марта по май 1940 г.

Даллес, Аллен Уэлш (1893—1969) — руководитель политической разведки США в Европе в 1942—1945 гг., директор ЦРУ в 1953—1961 гг.

Дальтон, Хью (1887—1962) — министр экономической войны Великобритании в 1940—1942 гг., министр торговли с февраля 1942 по май 1945 г., министр финансов в 1945—1947 гг.

Данте, Алигьери (1265—1321).

Дарлан, Жан Луи Ксавье Франсуа (1881—1942) — адмирал флота (1939), главнокомандующий ВМС Франции в 1939—1940 гг., министр военно-морского и торгового флотов в 1940 г., в правительстве Виши занимал посты статс-секретаря по военно-морским делам с июля 1940 по февраль 1941 г., вице-председателя совета министров, министра иностранных дел, внутренних дел, военно-морского флота и информации с февраля 1941 по апрель 1942 г. Убит в декабре 1942 г.

Дарнан, Жозеф (1897—1945) — французский коллаборационист, в 1942—

1944 гг. возглавлял петэновскую полицию. С февраля 1944 г.— секретарь министерства внутренних дел Виши. Расстрелян.

Даудинг, Хью (1882—1970) — барон (1943), главиый маршал авиации, командующий истребительной авиацией в метрополии в 1936—1940 гг.

Дебеней, Мари Эжен (1864—1943) — французский генерал, командовал армией, начальник генерального штаба.

Дебре, Мишель (р. 1912) — помощник делегата ФКНО, а затем Временного правительства на оккупированной территории в 1943—1944 гг., премьер-министр Франции в 1959—1962 гг.

Деваврен (Пасси), Андре (р. 1911) — французский капитан, затем полковник, руководитель Центрального бюро осведомления и действия (БСРА) до 1946 г.

Деверс, Джекоб Л.— генерал, командующий на европейском театре военных действий, затем командующий 6-й группой армий союзников.

Дежан, Морис Эрнест Наполеон (1899—1982) — начальник кабинета министра иностранных дел в 1939 г., помощник начальнника кабинета Рейно в 1940 г., иациональный комиссар по иностранным делам движення Свободная Франция с 24 сентября 1941 г., полномочный посланник при союзных правительствах в Лондоне, советник ФКНО, генеральный директор политического департамеита МИД в 1944—1945 гг., затем посол в Чехословакнн (1945—1949), Японии (1952—1954) и в СССР (1956—1964).

Деканозов, Владимир Георгиевич (1898—1953) — заведующий иностранным отделом НКВД СССР до мая 1939 г., заместитель наркома иностранных дел СССР в 1939—1947 гг., полпред (посол) СССР в Германии в 1940—1941 гг. Расстрелян в декабре 1953 г. по приговору Военной коллегин Верховного суда СССР вместе с Л. П. Берией н др.

Делестрэн, Шарль Анри (1879—1945) — генерал, инспектор танковых войск Франции, один нз руководителей движения Сопротивлеиия. В 1943 г. арестован немцами, умер в концлагере.

Демпси, сэр Майлз Крнстофер (1896 — ?) — генерал-лейтенант, затем генерал (1946), командир 13-го корпуса (Сицилия и Италия), командующий 2-й английской армией с января 1944 г., командующий 14-й армией (Сингапур и Малайя).

Дёниц, Карл (1891—1980) — гроссадмирал (1943), командующий подводным флотом Германии в 1936—1945 гг., главнокомандующий ВМФ в 1943—1945 гг., рейхсканцлер в мае 1945 г. Осужден как военный преступник.

Джероу, Леонард (1888—?) — генерал-лейтенаит, командир 5-го американского корпуса, затем командующий 15-й армией в Европе.

Дилл, сэр Джон Грир (1881—1944) — фельдмаршал (1941), с сентября 1939 г.— командир 1-го армейского корпуса во Франции, затем командующий английскими экспедиционными войсками во Францин, заместитель начальника имперского генерального штаба с апреля 1940 г., иачальник имперского генерального штаба с мая 1940 по декабрь 1941 г., глава английской военной миссии в Объединенном совете начальников штабов в 1941—1944 гг.

Диллон — генерал, глава британской группы связи в Северной Африке.

Дин, Джон Рассел (1896 — ?) — генерал-майор, глава американской военной миссии в СССР в 1943—1945 гг.

Дотри, Рауль (1880—1951) — министр вооружения Франции в 1939—1940 гг., министр восстановления и градостроительства в 1944—1945 гг.

Дрейк, сэр Фрэнсис (1540—1596) — английский пират и адмирал.

Дулиттл, Джеймс (р. 1897) — генерал, командующий стратегическими ВВС на Средиземноморском театре военных действий, командующий 8-й воздушной армией США.

Думанк, Жозеф Эдуард Эме (1880—1948) — генерал, начальник штаба главнокомандующего французскими сухопутными войсками в 1939—1940 гг.

Думерг, Гастон (1863—1937) — президент Франции в 1924—1931 гг., премьер-министр в 1913—1914 и 1934 гг., председатель сената в 1923—1924 гг.

Дуэ, Джулио (1869—1930) — дивизионный генерал (1923), итальянский теоретик воздушной войны.

Дэвис, Джозеф Эдвард (1876—1958) — посол США в СССР в 1936—1938 гг., посол в Бельгии и посланник в Люксембурге в 1938—1939 гг., специальный помощник госсекретаря США в 1940—1941 гг., заместитель госсекретаря в 1945 г.

Дьетельм, Андре (1896—1954) — национальный комиссар внутренних дел, труда и информации Свободной Франции с 24 сентября 1941 г., комиссар по делам торговли и производства ФКНО с июня 1943 г., комиссар по делам промышленности и торговли с ноября 1943 г., военный министр Франции с сентября 1944 г.

Дьюи, Томас Эдмонд (1902—1971) — губернатор штата Нью-Йорк в 1942—1954 гг., кандидат на пост президента США в 1944 и 1948 гг.

Евгений (1663—1736) — принц Савойский, фельдмаршал (1693), генералиссимус (1697), главнокомандующий австрийскими войсками.

Жанна д'Арк (ок. 1412—1431).

Жанненэ, Жюль (1864—1957) — сенатор с 1909 г., председатель сената Франции в 1932—1940 гг., государственный министр с сентября 1944 г.

Жарри, Альфред (1873—1907) — французский писатель.

Жиро, Анри Оноре (1879—1949) — армейский генерал, командующий 7-й, а затем 9-й армии в 1939—1940 гг., командующий французскими войсками в Северной Африке с ноября 1942 г., верховный комиссар в Северной Африке в 1942—1943 гг., сопредседатель ФКНО с июля до ноября 1943 г., главнокомандующий всеми вооруженными силами ФКНО с июня 1943 до апреля 1944 г.

Жорж, Жозеф (1875—1951) — генерал, командующий северо-восточным фронтом в 1940 г., комиссар без портфеля ФКНО с июня по ноябрь 1943 г.

Жоффр, Жозеф Жак Сезер (1852—1931) — маршал Франции (1916), начальник генерального штаба в 1911—1914 гг., главнокомандующий французской армией в 1914—1916 гг.

Жуанвиль, Альфред Маллере (1911—1960) — генерал, начальник Национального штаба внутренних сил Франции.

Жуков, Георгий Константинович (1896—1974) — Маршал Советского Союза (1943), начальник Генерального штаба — заместитель наркома обороны СССР с января по июль 1941 г., член Ставки Верховного Главнокомандования с 23 июня 1941 г., первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего с августа 1942 г., командующий Западным фронтом в 1941—1942 г., командующий 1-м Белорусским фронтом в 1944—1945 гг., главнокомандую-

щий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации в 1945—1946 гг.

Жюэн, Альфонс Пьер (1888—1967) — маршал Франции (1952), командир пехотной дивизии в 1939—1940 гг., главнокомандующий французскими войсками в Северной Африке, в ноябре 1942 г. присоединился к де Голлю, командующий французскими войсками в Тунисе, командующий французским экспедиционным корпусом в Италии в 1944 г., начальник генерального штаба национальной обороны Франции в 1944—1947 гг.

Зей, Жан (1904—1944) — министр просвещения Франции с июня 1936 по май 1940 г.

Зейсс-Инкварт, Артур (1892—1946) — министр внутренних дел и безопасности Австрии в феврале — марте 1938 г., рейхскомиссар оккупированной Голландии. Казнен.

Ибарнегарэ, Жан — министр без портфеля Франции в 1940 г., министр в правительстве Виши.

Иден, (Роберт) Антони (1897—1977) — граф Эйвон (1961), министр иностранных дел с декабря 1935 по февраль 1938 и с декабря 1940 по июль 1945 г., военный министр с мая по декабрь 1940 г., лидер палаты общин с ноября 1942 по 1945 г., премьер-министр в 1955—1957 гг.

Икер, Айра — генерал, командующий военно-воздушными силами союзников на Средиземноморском театре военных действий.

Инёню, Исмет (1884—1973) — премьер-министр Турции в 1923—1937 гг., президент в 1938—1950 гг.

Исмей, сэр Хастингс Лайонел (1887—1965) — генерал-лейтенант, начальник комитета имперской обороны, личный представитель У. Черчилля в Комитете начальников штабов, заместитель секретаря военного кабинета в 1939—1945 гг., начальник штаба министра обороны в 1940—1946 гг., генеральный секретарь НАТО в 1952—1957 гг.

Йодль, Альфред (1890—1946) — генерал-полковник (1944), начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) с августа 1939 по май 1945 г. Казнен.

Кадоган, сэр Александер Джордж Монтегю (1884—1968) — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938—1946 гг., постоянный представитель в Совете Безопасности в 1946—1950 гг.

Каннингхэм, Эндрю Браун (1883—1963) — виконт Хайнхоп (1946), адмирал флота (1943), командующий военно-морскими силами на Средиземном море в 1939—1943 гг., первый морской лорд и начальник штаба ВМС в 1943—1946 гг.

Карл VII (1403—1461) — французский король в 1422—1461 гг.

Карл X (1757—1836) — французский король в 1824—1830 гг.

Карл XII (1682—1718) — король Швеции в 1697—1718 гг.

Карпантье де — адмирал, командующий французским военно-морским флотом в Леванте.

Кассэн, Рене (1887—1976) — профессор, национальный комиссар юстиции и народного образования Свободной Франции с 24 сентября 1941 г. и ФКНО с июня

1943 г., вице-председатель Совета министров Франции с ноября 1944 г. Лауреат Нобелевской премии мира 1968 г.

Катру, Жорж (1877—1969) — генерал, генерал-губернатор Индокитая в 1939—1940 гг., верховный комиссар Сражающейся Франции в Сирии и Ливане в 1941 г., генерал-губернатор Алжира с июня 1943 по июнь 1944 г., комиссар по мусульманским делам ФКНО с июня по ноябрь 1943 г., министр по делам мусульман и французской Северной Африки с сентября 1944 г., посол Франции в СССР в 1945—1948 гг.

Квислинг, Видкун (1887—1945) — лидер фашистской партии Норвегии, премьер-министр правительства, сотрудничавшего с оккупантами в 1942—1945 гг. Казнен.

Кейс, сэр Роджер — адмирал флота, руководитель десантных операций с июля 1940 г.

Кейтель, Вильгельм (1882—1946) — генерал-фельдмаршал (1940), начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии с февраля 1938 по май 1945 г. Казнен.

Кельц, Луи — французский генерал, командир корпуса, член Контрольного совета в Германии с 1945 г.

Кериллис, Анри де (1889—?) — французский журналист, главный редактор газеты «Эко де Пари», руководитель газеты «Эпок», депутат Национального собрания.

Керр, Арчибалд Джон Кларк (1882—1951) — барон Инверчэпел (1946), посол Великобритании в Китае в 1938—1942 гг., посол в СССР с января 1942 по январь 1946 г., посол в США в 1946—1948 гг.

Кессельринг, Альберт (1886—1960) — генерал-фельдмаршал (1940), командующий 2-м воздушным флотом в 1940—1941 гг., главнокомандующий войсками Юго-Запада с декабря 1941 по март 1945 г., главнокомандующий войсками Запада с марта по май 1945 г.

Кёниг, Мари Пьер (1898—1970) — генерал, главнокомандующий французскими вооруженными силами в Великобритании, командующий Французскими внутренними силами (ФФИ) с июня 1944 г., военный губернатор Парижа, командующий французскими оккупационными войсками в Германии в 1945—1949 гг., министр национальной обороны Франции в 1954—1955 гг.

Кинг, Уильям Лайон Маккензи (1874—1950) — премьер-министр Канады в 1921—1930 (с перерывом) и 1935—1948 гг.

Кинг, Эрнест Джозеф (1878—1956) — адмирал флота (1944), главнокомандующий ВМС США в 1941—1945 гг., начальник морских операций с марта 1942 г. до конца войны.

Кэрк, Александр (1888 — ?) — посланник США в Египте и Саудовской Аравии в 1941—1943 гг., посол в Италии в 1944—1946 гг.

Кларк, Марк (1896—1984) — генерал, заместитель командующего экспедиционных сил союзников в Северной Африке с 1942 г., командующий 5-й американской армией с января 1943 г., командующий 15-й группой армий, главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Австрии с 1945 г.

Клей, Люшиис (1897—1978) — генерал-лейтенант, главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Германии в 1945—1947 гг.

Клейст, Эвальд фон (1881—1954) — генерал-фельдмаршал (1943), командир 22-го танкового корпуса в польской и танковой группы во французской кампаниях, командующий 1-й танковой армией в 1941—1942 гг., командующий группой армий «А» в 1942—1944 гг. Осужден, умер в заключении.

Клемансо, Жорж Эжен Бенжамен (1841—1929) — премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг., военный министр в 1917—1920 гг.

Клюге, Ханс Гюнтер фон (1882—1944) — генерал-фельдмаршал (1940), командующий 4-й армией в 1939—1940 гг., командующий группой армий «Центр» в 1941—1943 гг., командующий группой армий «Б» с июля по август 1944 г. Покончил жизнь самоубийством.

Кокто, Жан (1889—1963) — французский писатель, художник и театральный деятель, член Французской академии (1955).

Колвилл — личный секретарь У. Черчилля.

Коллинс, Джозеф Лоутон (1896 — ?) — генерал-лейтенант, командир 7-го корпуса США в 1944—1945 гг.

Колчак, Александр Васильевич (1874—1920) — адмирал (1917), один из руководителей российской контрреволюции. «Верховный правитель российского государства» с ноября 1918 г. Расстрелян.

Кольсон Л. (1875—1951) — генерал, член Высшего совета национальной обороны Франции.

Комаровский, Тадеуш (псевдоним Бур) (1895—1966) — генерал, командующий Армией Крайовой в 1943—1944 гг.

Комптон, Чарльз — участник «Манхэттенского проекта».

Коннингхэм, Артур (1895—1948) — маршал авиации, командующий тактической авиацией в Средиземном море в 1943—1944 гг., командующий объединенными ВВС в Нормандии в 1944 г.

Коннелли, Том (Томас Терри) (1877—1963) — председатель комитета по иностранным делам сената конгресса США с 1940 г.

Коноэ, Фумимаро (1891—1945) — премьер-министр Японии в 1937—1939 и 1940—1941 гг. Покончил жизнь самоубийством.

Корбэн, Шарль (1881—1970) — посол Франции в Испании в 1929—1931 гг., в Бельгии в 1931—1933 гг., в Великобритании в 1933—1940 гг.

Корлетт, Чарльз — генерал-майор, командир 19-го корпуса США с марта по октябрь 1944 г.

Кот, Пьер (1895—1977) — министр авиации Франции в 1933—1936 и 1936—1938 гг., министр торговли в 1938 г.

Крерар, Генри — генерал-лейтенант, командующий 1-й канадской армией.

Крижель-Вальримон, Морис (р. 1914) — доктор права, один из организаторов движения Сопротивления, депутат Учредительного собрания в 1945—1946 гг.

Криппс, сэр (Ричард) Стаффорд (1889—1952) — посол Великобритании в СССР с мая 1940 по январь 1942 г., лидер палаты общин с февраля 1942 г., член военного кабинета с февраля до ноября 1942 г., министр авиационной промышленности с ноября 1942 по май 1945 г.

Кромвель, Оливер (1599—1658).

Крэнборн, Роберт Артур Джеймс Гаскойн-Сесил (1893—1972) — виконт, 5-й

маркиз Солсбери, заместитель министра иностранных дел в 1935—1938 гг., главный казначей с мая 1940 по июль 1941 г., министр колоний с февраля до ноября 1942 г., лорд-хранитель печати с ноября 1942 по сентябрь 1943 г., лидер палаты лордов в 1943—1945 гг., министр по делам доминионов с октября 1940 по ноябрь 1942 и с сентября 1943 до июля 1945 г., член военного кабинета с сентября 1943 г.

Кув де Мюрвиль, Морис Жак (р. 1907) — директор иностранного департамента министерства финансов Франции в 1940 г., комиссар финансов ФКНО с июня по ноябрь 1943 г., представитель Франции в Союзнической комиссии в Италии, представитель Временного правительства в Италии.

Кук, Джильберт — генерал-майор, командир 12-го корпуса США с октября 1943 по август 1944 г.

Купер, Дафф Альфред (1890—1954) — виконт Норвич (1952), военный министр Великобритании в 1935—1937 гг., 1-й лорд Адмиралтейства в 1937—1938 гг., министр информации с мая 1940 по июль 1941 г., канцлер герцогства Ланкастерского с июля 1941 до ноября 1943 г., представитель при ФКНО с личным званием посла с ноября 1943 г., посол во Франции в 1944—1947 гг.

Курсель, Жоффруа де — адъютант генерала де Голля.

Курусу, Сабуро (1886—1954) — посол Японии в Бельгии до 1938 г., посол в Германии в 1939—1941 гг., специальный посол в США с ноября по декабрь 1941 г.

Кутшеба, Тадеуш (1886—1947) — генерал, в сентябре 1939 г. командующий армией «Познань», командующий группой армий в сражении на р. Бзура, командующий армией «Варшава», с 28 сентября 1939 г. в плену. Умер в эмиграции.

Куэсада, Элвуд Ричард (р. 1904) — генерал-майор, командующий 9-м тактическим авиационным командованием.

Кэйзи, Ричард Гардинер (1890 — ?) — барон (1960), государственный министр-резидент на Среднем Востоке и член военного кабинета Великобритании в 1942—1943 гг.

Кэмпбелл, сэр Рональд Иэн (1890 — ?) — посол Великобритании во Франции в 1938—1940 гг., посланник в Югославии в 1940—1941 гг., временный поверенный в делах в США в ранге посланника в 1941—1945 гг., посол в Египте в 1946—1950 гг.

Лаваль, Пьер (1883—1945) — премьер-министр Франции с января по июнь 1931, с июня 1931 по январь 1932 и с июня 1935 по январь 1936 г., министр иностранных дел в 1934—1936 гг., государственный министр с июня по июль 1940 г., заместитель председателя совета министров в правительстве Петэна в 1940 г., министр иностранных дел в октябре — декабре 1940 г., премьер-министр, министр внутренних дел, иностранных дел и информации правительства Виши в 1942—1944 гг. Казнен.

Лагардиа, Фиорелло (1882—1947) — мэр г. Нью-Йорка.

Лармина де — французский полковник, затем дивизионный генерал, начальник штаба армии Леванта, командир корпуса, помощник командующего войсками в Леванте.

Латр де Тассиньи, Жан Мари Габриель де (1889—1952) — маршал Франции (1952, посмертно), начальник штаба 5-й армии, а затем командир пехотной

дивизии в 1939—1940 гг., главнокомандующий войсками Сражающейся Франции с сентября 1943 г., командующий 1-й французской армией с июня 1944 г.

Лафайет, Мари Жозеф (1757—1834) — маркиз, генерал, участник Войны за независимость в Северной Америке и Великой французской революции.

Лебрен, Альбер (1871—1950) — председатель сената Франции в 1931—1932 гг., президент Франции в 1932—1940 гг.

Лежантийом — французский генерал, командующий войсками в Сомали, национальный комиссар по военным делам Свободной Франции с 24 сентября 1941 г.

Леклерк (де Отклок), Филипп Мари (1902—1947) — бригадный генерал, затем маршал Франции (1952, посмертно). командующий войсками на территории Чад, командир 2-й бронетанковой дивизии в Тунисе и при освобождении Франции, главнокомандующий на Дальнем Востоке в 1945 г.

Лемонье, Андре Жорж (ум. 1963) — адмирал, начальник главного штаба Франции с июля 1943 г.

Леопольд III (1901—1983) — бельгийский король в 1934—1944 и 1950—1951 гг. (в 1940 г. объявил себя военнопленным, в 1944—1950 гг.— в эмиграции).

Ле Трокер, Андре (1884 — ?) — военный комиссар и комиссар авиации ФКНО с ноября 1943 г., министр-делегат на освобожденных территориях Франции, председатель муниципального совета Парижа в 1945—1946 гг., министр внутренних дел в 1946 г., минснтр национальной обороны в 1946—1947 гг.

Ли, Трюгве Хальвдан (1896—1968) — министр иностранных дел норвежского правительства в Лондоне в 1940—1945 гг., министр иностранных дел Норвегии в 1945—1946 гг., генеральный секретарь ООН в 1946—1953 гг.

Лиддел Гарт, Бэзил (1895—1970) — английский военный теоретик и историк, советник военного министра с 1937 г.

Лиз, сэр Оливер (1894—?) — генерал-лейтенант, командир 30-го корпуса, командующий 8-й английской армией, командующий союзными сухопутными силами в Юго-Восточной Азии с ноября 1944 по май 1945 г.

Ли-Мэллори, сэр Траффорд (ум. 1944) — главный маршал авиации, командующий аиглийской истребительной авиацией, главнокомандующий ВВС союзников в Европе.

Линдеман, Герхард — генерал, командующий немецкими войсками в Дании.

Лиоте, Луи Юбер Гонзальв (1854—1934) — маршал Франции (1921), генеральный резидент Франции в Марокко в 1912—1925 гг., военный министр с декабря 1916 по апрель 1917 г.

Липпман, Уолтер (1889—1974) — американский журналист.

Литвинов (Валлах), Максим Максимович (1876—1951) — нарком иностранных дел СССР в 1930—1939 гг., посол СССР в США и заместитель наркома иностранных дел с ноября 1941 по 1943 г., заместитель наркома иностранных дел в 1943—1946 гг.

Литтлтон, Оливер (1893—1972) — виконт Чандос (1954), министр торговли Великобритании с мая 1940 до июня 1941 г., член военного кабинета в 1941—1945 гг., государственный министр в 1941—1942 гг., государственный министр-резидент на Среднем Востоке с июля 1941 по 1942 г., министр военного производства в 1942—1945 гг., министр по делам колоний в 1951—1954 гг.

Ллойд, Джордж Амбруаз (1879—1941) — барон, министр колоний Великобритании с мая 1940 до февраля 1941 г.

Ллойд Джордж, Дэвид (1863—1945) — граф Двайфор (1945), премьер-министр Великобритании в 1916—1922 гг.

Лонг, Брекинридж (1881—1958) — посол США в Италии, помощник государственного секретаря США.

Луи Филипп (1773—1850) — французский король в 1830—1848 гг.

Людовик IX Святой (1214—1270) — французский король в 1226—1270 гг.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король в 1643—1715 гг.

Майский (Ляховецкий), Иван Михайлович (1884—1975) — полпред (посол) СССР в Великобритании в 1932—1943 гг., заместитель наркома иностранных дел СССР с июля 1943 по 1946 г.

Макартур, Дуглас (1880—1964) — генерал армии (1944), командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке с июля 1941 г., командующий всеми вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана с апреля 1942 г.

Макдональд, Джеймс Рамсей (1866—1937) — премьер-министр Великобритании в 1924, 1929—1935 гг.

Макмиллан, (Морис) Гарольд (1894—1986) — парламентский секретарь министерства снабжения Великобритании в 1940—1942 гг., министр-резидент при штабе союзнических войск в районе Средиземного моря в 1942—1943 гг., представитель в Консультативном совете по Италии в 1943 г., глава Союзнической комиссии в Италии в 1944 г., министр авиации в мае — июле 1945 г., премьер-министр в 1957—1963 гг.

Макфарлан М. (1889—1946) — генерал-лейтенант, глава английской военной миссии в СССР в 1941—1942 гг.

Мальборо (Джон Черчилль) (1650—1722) — герцог (1702), генерал-фельдцейхмейстер (1702), английский полководец и государственный деятель, предок У. Черчилля.

Мальоне — кардинал, государственный секретарь Ватикана.

Мандель, Жорж (Жеробан Ротшильд) (1885—1944) — министр почт, телеграфа и телефона Франции в 1934—1935 и 1936 гг., министр колоний в 1939— 1940 гг., министр внутренних дел с марта по июнь 1940 г. Расстрелян вишистами в июле 1944 г.

Маннергейм, Карл Густав Эмиль (1867—1951) — маршал (1933), главнокомандующий финской армией в 1939—1940 и 1941—1944 гг., президент Финляндии в 1944—1946 гг.

Манштейн, Эрих фон Левински (1887—1973) — генерал-фельдмаршал (1942), в 1939—1940 гг.— начальник штаба группы армий «Юг» и «А», в 1940 г. командовал 38-м танковым корпусом, в 1941 г.— 56-м танковым корпусом, в 1941—1942 гг.— 11-й армией, группой армий «Дон» и в 1943—1944 гг.— группой армий «Юг». Осужден как военный преступник. Освобожден в 1953 г.

Маржери, Ролан де — капитан, начальник дипломатической канцелярии премьер-министра П. Рейно в 1940 г., генеральный консул в Шанхае и поверенный в делах правительства Виши в оккупированной части Китая в 1940—1944 гг.

Мартин, сэр Джои (Миллер) (р. 1904) — главный личный секретарь премьер-министра У. Черчилля в 1941—1945 гг. (с 1940 г.— личный секретарь).

Марэн, Луи (1871—1960) — министр без портфеля в кабинете Лаваля в 1935 г., государственный министр в кабинете Рейно в мае — июне 1940 г., депутат Национального собрания.

Марке, Адриен (1884—1955) — мэр г. Бордо с 1925 г., депутат Национального собрания Франции, министр труда в 1934 г., министр внутренних дел в правительстве Петэна.

Марран, Жорж (1888—1976) — председатель Парижского комитета национального освобождения, председатель Генерального совета департамента Сена в 1945—1946 гг., министр здравоохранения и народонаселения в 1947 г., сенатор и депутат.

Мартэн, Анри — французский генерал, командир корпуса.

Маршалл, Джордж Кэтлетт (1880—1959) — генерал армии (1944), начальник штаба армии США в 1939—1945 гг., государственный секретарь США в 1947—1949 гг.

Масарик, Томаш Гарриг (1850—1937) — профессор, первый президент Чехословакии с ноября 1918 по декабрь 1935 г.

Массигли, Рене (1888—1988) — помощник директора политического отдела МИД Франции в 1933—1937 гг., директор политического отдела МИД в 1937—1938 гг., посол в Турции в 1938—1940 гг., комиссар по иностранным делам Французского Национального комитета, комиссар иностранных дел ФКНО в 1943—1944 гг., министр иностранных дел во Временном правительстве с июня по сентябрь 1944 г., посол в Великобритании с 1944 г., генеральный секретарь МИД в 1955—1956 гг.

Маунтбэттэн, Льюис (Франциск Альберт Виктор Николас) (1900—1979) — граф Бирманский (1947), адмирал флота (1956), главнокомандующий союзными войсками в Юго-Восточной Азии в 1943—1946 гг., вице-король Индии в 1947 г.

Мацуока, Ёсукэ (1880—1946) — министр иностранных дел Японии с июля 1940 до июля 1941 г. Умер в заключении.

Мейер, Рене (1895—1972) — комиссар путей сообщения и торгового флота ФКНО с июня 1943 г., комиссар колоний с ноября 1943 г., министр труда и общественных работ с сентября 1944 г., премьер-министр Франции с января по май 1953 г.

Миддлтон, Трой — генерал-майор, командир 8-го корпуса США в Европе.

Миколайчик, Станислав (1901—1966) — заместитель премьер-министра польского эмигрантского правительства в 1940—1943 гг., премьер-министр этого правительства в 1943—1944 гг. Умер в эмиграции.

Миттельхаузер — французский генерал, главнокомандующий войсками в Леванте.

Михайлович, Драголюб (1893—1946) — генерал, военный министр югославского эмигрантского правительства с января 1942 по июнь 1944 г. Казнен.

Модель, Вальтер фон (1891—1945) — генерал-фельдмаршал (1944), командующий 9-й армией в 1942—1944 гг., командующий группой армий «Север», «Северная Украина» и «Центр» в 1944 г., командующий войсками Запада в августе —

сентябре 1944 г., командующий группой «Б» с сентября 1944 по апрель 1945 г. Покончил жизнь самоубийством.

Молотов (Скрябин), Вячеслав Михайлович (1890—1986) — нарком иностранных дел (министр) СССР в 1939—1949 гг., первый заместитель Председателя СНК СССР в 1941—1946 гг., заместитель председателя ГКО в 1941—1945 гг.

Монзи, Анатоль де (1875—1947) — министр общественных работ в 1938—1940 гг., сенатор.

Моннэ, Жан (1888—1981) — министр блокады в 1939—1940 гг., председатель франко-английского координационного комитета по закупке военных материалов, комиссар по вооружению, снабжению и реконструкции с июня 1943 г., министр в первом правительстве де Голля.

Монтгомери, Бернард Лоу (1887—1976) — виконт Эль-Аламейнский (1946), фельдмаршал (1944), командующий 8-й английской армией с июля 1942 г., командующий 21-й группой армий с декабря 1943 г., командующий английскими оккупационными войсками в Германии в 1945—1946 гг., начальник имперского генерального штаба в 1946—1948 гг.

Морган, сэр Фредерик — генерал-лейтенант, начальник штаба верховного главнокомандования экспедиционными силами союзников в Западной Европе (КООССАК) с марта 1943 г.

Морган, Шарль — французский поэт.

Моргентау, Генри (1891—1967) — министр финансов США в 1934—1945 гг.

Мориак, Франсуа (1885—1970) — писатель, член Французской академии (1933).

Моррисон, Герберт Стэнли (1888—1965) — министр военного снабжения Великобритании с мая по октябрь 1940 г., министр внутренних дел и национальной безопасности с октября 1940 до мая 1945 г., член военного кабинета с ноября 1942 г., заместитель премьер-министра и лорд-председатель Совета в 1945—1951 гг., министр иностранных дел с марта по октябрь 1951 г.

Мортон, сэр Десмонд Джон Фолкинер (1891 — ?) — майор, личный помощник премьер-министра в 1940—1946 гг.

Моруа, Андре (Эмиль Эрзог) (1885—1967) — французский писатель, член Французской академии (1938).

Морэн — генерал, военный министр Франции в правительствах Фландена и Сарро в 1934—1935 и 1936 гг.

Муссолини, Бенито (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг., глава марионеточного правительства «Caló» в 1943—1945 гг. Казнен.

Мэрфи, Роберт Даниэль (1894—1978) — политический советник при штабе главнокомандующего в Северной Африке с 1942 г., член Союзной контрольной комиссии в Италии, политический советник при главнокомандующем американскими оккупационными войсками в Германии в 1944—1949 гг.

Мюзелье — французский вице-адмирал, национальный комиссар военно-морского и торгового флота Свободной Франции с 24 сентября 1941 по 3 марта 1942 г.

Най, сэр Арчибальд Эдвард (1896—1967) — генерал-лейтенант, заместитель начальника имперского генерального штаба.

Наполеон I (1769—1821) — французский император в 1804—1814 и 1815 гг.

Наххас-паша, Мустафа (1879—1965) — премьер-миннстр Егнпта в 1928, 1930, 1936—1937 и 1942—1944 гг.

Нельсон, Горацио (1758—1805) — англнйский флотоводец, виконт (1801), вице-адмирал.

Нельсон, Дональд (1888—1959) — начальннк Управления военного производства США.

Нивель, Робер Жорж (1856—1924) — генерал, главнокомандующий французскими армиями Севера и Северо-Запада с декабря 1916 до мая 1917 г.

Никольсон, Гарольд (Джордж) (1886—1968) — английскнй дипломат н историк, парламентский секретарь миннстерства ннформации в 1940—1941 гг., член Совета управляющих Бн-бн-си в 1941—1946 гг.

Нимиц, Честер Уильям (1885—1966) — адмирал флота США (1944), командующий Тихоокеанским флотом, главнокомандующий ВМС союзников на Тнхом океане, начальник морских операций в 1945—1947 гг.

Ногес, Шарль Огюст Поль (1876—1971) — генерал, генеральный резидент в Марокко в 1936—1943 гг.

Нокс, Уильям Франклин (1874—1944) — мнннстр военно-морского флота США в 1940—1944 гг.

Номура, Китисабуро (1887 — ?) — адмнрал, посол Японнн в США в 1941 г.

Нордлинг, Рауль — генеральный консул Швецнн в Парнже.

Ноэль, Леон (1888 — ?) — член Государственного совета Франции, директор кабинета Лаваля и Фландена, посол в Польше в 1935—1939 гг.

Ньюолл, Снрнл Льюнс Нортон (1886—1963) — барон, главный маршал авиации (1940), командующий войскамн на Среднем Востоке до 1939 г., начальник штаба ВВС Великобританнн до октября 1940 г., затем генерал-губернатор Новой Зеландии.

Оппено, Анри — вице-директор департамента МИД Франции в 1939—1940 гг., представнтель ФКНО при правительстве США с сентября 1943 г.

Осубка-Моравский, Эдвард (р. 1909) — председатель ПКНО н руководитель ведомства нностраиных дел в 1944 г., премьер-миннстр Временного правительства, а затем Временного правнтельства нацнонального едннства в 1945—1947 гг., министр ниостранных дел в 1945 г.

Офан, Поль — адмирал, государственный секретарь по флоту правнтельства Виши до 1942 г.

Паасикиви, Юхо Кусти (1870—1956) — посланник Финляндии в СССР в 1940—1941 гг., премьер-миннстр с мая по ноябрь 1918 г. и в 1944—1946 гг., презндент Фнкляндии в 1946—1956 гг.

Павлов, Владимир Нnколаевич (р. 1915) — переводчик И. В. Сталина.

Падилья, Эскиель (1890—1971) — министр иностранных дел Мексики с декабря 1940 по июль 1945 г.

Пайл, сэр Фредернк Альфред (1884 — ?) — генерал-лейтенант, возглавлял командование противовоздушной обороны Великобрнтании в 1939—1945 гг.

Палевский, Гастон (р. 1901) — правнтель канцелярнн мнннстра финансов Рейно, затем директор кабннета Рейно, днректор политнческого департамента Свободной Франции с августа 1940 г., директор лнчного кабннета генерала де Голля в 1942—1946 гг.

Папандреу, Георгиос (1888—1968) — премьер-министр, министр иностранных дел и военный министр греческого эмигрантского правительства с апреля 1944 г., премьер-министр Греции с апреля 1944 по январь 1945 г., в 1963, 1964—1965 гг.

Парк, сэр Кейт Родни (1892—?) — вице-маршал авиации, затем главный маршал авиации, командующий 11-й авиагруппой, командующий союзными ВВС в Юго-Восточной Азии с февраля 1945 по 1946 г.

Пароди, Александр (1901—1979) — министр-делегат на еще не освобожденной территории Франции в 1944 г., министр труда и социального обеспечения с 1944 г., посол в Риме с 1946 г., генеральный секретарь МИД в 1949—1955 гг.

Паттерсон, Роберт Портер (1891—1952) — заместитель военного министра США, военный министр с сентября 1945 по июль 1947 г.

Паттон, Джордж Смит (1885—1945) — генерал, командир 2-го американского корпуса в Тунисе до 1943 г., командующий 7-й армией США в Италии в 1944 г., командующий 3-й армией США в Европе.

Паунд, сэр Альфред Дадли (1877—1943) — адмирал флота (1939), командующий военно-морскими силами Великобритании на Средиземном море до июня 1939 г., первый лорд Адмиралтейства, начальник штаба ВМС до октября 1943 г.

Пейрутон, Марсель — министр внутренних дел в правительстве Виши, генеральный резидент Франции в Тунисе, генерал-губернатор Алжира до июня 1943 г.

Першинг, Джон Джозеф (1860—1948) — генерал армий (1919), командующий американскими экспедиционными силами в Европе в 1917—1919 гг., начальник штаба армии США в 1921—1924 гг.

Петр II (1923—1970) — король Югославии в 1934—1945 гг., объявлен совершеннолетним 27 марта 1941 г., в эмиграции с апреля 1941 г.

Петэн, Анри Филипп (1856—1951) — маршал Франции (1918, лишен звания в 1945 г.), вице-председатель Высшего военного совета в 1925—1931 гг., военный министр в 1934 г., посол в Испании в 1939—1940 гг., вице-председатель совета министров в мае — июне 1940 г., председатель совета министров с 16 июня 1940 г., глава «французского государства» в 1940—1944 гг. Приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение.

Пешков, Зиновий (1884—1966) — французский бригадный генерал (1943), представитель ФКНО в Претории, посол Франции в Чунцине в 1943—1946 гг., старший брат Я. М. Свердлова, крестник Максима Горького.

Пий XII (Эудженио Пачелли) (1876—1958) — папа римский в 1939—1958 гг.

Пилсудский, Юзеф Клеменс (1867—1935) — маршал Польши (1920), Начальник государства в 1918—1922 гг., начальник генерального штаба в 1922—1923 гг., фактический диктатор Польши с 1926 г., премьер-министр с октября 1926 по июнь 1928 и с августа по декабрь 1930 г., генеральный инспектор вооруженных сил в 1926—1935 гг.

Плевен, Рене Жан (р. 1901) — национальный комиссар экономики, финансов и колоний с 24 сентября 1941 г., комиссар колоний ФКНО с ноября 1943 г., министр колоний Франции в сентябре — ноябре 1944 г., министр финансов с ноября 1944 по январь 1946 г., премьер-министр Франции в 1950—1951 и 1951—1952 гг.

Пиронно, Андре — редактор газеты «Эко де Пари», а затем «Эпок».

Пирс, сэр Ричард Эдмунд Чарльз (1892—?) — главный маршал авиации, заме-

ститель начальника штаба ВВС Великобритании с 1937 до ноября 1940 г., командующий союзными ВВС в Юго-Восточной Азии с 1943 до ноября 1944 г.

Поль-Бонкур, Жозеф (1873—1972) — министр иностранных дел Франции в 1931—1933, 1933—1934 гг., премьер-министр в 1932—1933 гг., представитель Франции в Лиге Наций в 1924—1926 и 1932—1936 гг.

Портал, Чарльз Фредерик Алджернон (1893—1971) — виконт Хангерфорд (1946), главный маршал авиации, начальник штаба ВВС Великобритании в 1940—1945 гг.

Прокопе, Ялмар (1889—1954) — министр иностранных дел Финляндии в 1924—1925 гг., посланник в США в 1938—1944 гг.

Пуанкаре, Раймон (1860—1934) — президент Франции в 1913—1920 гг., премьер-министр в 1912—1913, 1922—1924 и 1926—1929 гг. (пять раз).

Пурич, Божидар (1891 — ?) — премьер-министр югославского эмигрантского правительства с августа 1943 по июль 1944 г. В 1946 г. приговорен к 16 годам лишения свободы.

Пьерло, Юбер (1883—1963) — премьер-министр Бельгии в 1939—1945 гг., в 1940—1944 гг. находился в эмиграции в Лондоне.

Пэтч, Александр — генерал-лейтенант, командующий 7-й армией США в Европе.

Пюо, Габриэль (1883—1970) — Верховный комиссар Франции в странах Леванта в 1939—1940 гг., генеральный резидент в Марокко в 1943—1946 гг.

Рамсей, сэр Бертрам (1883—1945) — адмирал (1944), начальник штаба Флота метрополии до 1936 г., командующий Дуврским морским районом в 1940 г., главнокомандующий военно-морскими силами союзников на европейском театре военных действий. Погиб 2 января 1945 г.

Рачкевич, Владислав (1885—1947) — маршал сената в 1930—1935 гг., президент Польской Республики в эмиграции с 30 сентября 1939 г. Умер в Англии.

Редер, Эрих (1876—1960) — гроссадмирал, главнокомандующий ВМФ Германии в 1935—1943 гг., адмирал-инспектор ВМФ в 1943—1945 гг.

Рейно, Поль (1884—1966) — министр юстиции Франции в 1938—1939 гг., министр финансов в 1939—1940 гг., председатель Совета министров с марта по июнь 1940 г., министр национальной обороны в мае — июне 1940 г., министр иностранных дел с 5 по 16 июня 1940 г.

Риббентроп, Иоахим фон (1893—1946) — посол Германии в Великобритании в 1936—1938 гг., министр иностранных дел в 1938—1945 гг. Казнен.

Риджуэй, Мэтью Банкер (р. 1895) — генерал (1951), командир 82-й воздушно-десантной дивизии в 1942—1944 гг., 18-го воздушно-десантного корпуса США в Европе в 1941—1945 гг., верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе в 1952—1953 гг., начальник штаба армии США в 1953—1955 гг.

Розенберг, Альфред (1893—1946) — министр по делам восточных оккупированных территорий в 1941—1944 гг. Казнен.

Роль-Танги (Роль — псевдоним), Анри Жорж (р. 1908) — полковник, командующий вооруженными силами Иль-де-Франса.

Ромер, Тадеуш Людвик Виктор (1894—1978) — посол Польши в Лиссабоне в 1935—1937 гг., посол в Токио в 1937—1941 гг., посол в СССР в 1942—1943 гг.,

министр иностранных дел польского эмигрантского правительства в 1943—1944 гг. Умер в Канаде.

Роммель, Эрвин (1891—1944) — генерал-фельдмаршал (1942), командир 7-й танковой дивизии в 1940 г., командующий Африканским корпусом с февраля 1941 по март 1943 г., командующий группой армий «Б» в Северной Италии с июля по ноябрь 1943 г., командующий группой армий «Б» во Франции в 1943—1944 гг. Покончил жизнь самоубийством.

Рузвельт, Франклин Делано (1882—1945) — президент США с марта 1933 по апрель 1945 г.

Рундштедт, Карл Рудольф Герд фон (1875—1953) — генерал-фельдмаршал (1940), командующий группой армий «Юг» в 1939 г. в польской кампании, командующий группой армий «А» в 1940 г. и в июне — ноябре 1941 г. на советско-германском фронте, главнокомандующий войсками на Западе с марта 1942 по июль 1944 и с сентября по март 1945 г.

Саймон, Джон Олсбрук (1873—1954) — виконт Стэкпоул Элидор (1940), министр иностранных дел Великобритании в 1931—1935 гг., министр внутренних дел и лидер палаты общин в 1935—1937 гг., министр финансов в 1937—1940 гг., член военного кабинета в 1939—1940 гг., лорд-канцлер в 1941—1945 гг.

Саид, Нури (1888—1958) — премьер-министр Ирака в 1922—1958 гг. (с перерывами), министр иностранных дел в 1933—1936 и 1940—1941 гг.

Сарро, Альбер Морис (1872—1962) — генерал-губернатор Индокитая в 1911—1914 и 1916—1919 гг., министр колоний в 1920—1924 и 1932—1933 гг., посол в Турции в 1925—1926 гг., министр внутренних дел в 1926—1928, 1934 и 1938—1940 гг., морской министр в 1930—1931 и 1933—1934 гг., министр просвещения в 1940 г., премьер-министр Франции в 1933 и 1936 гг., редактор газеты «Депеш де Тулуз» с 1943 г.

Сарро, Морис (ум. 1943) — редактор газеты «Депеш дю Тулуз».

Сект, Ханс фон (1866—1936) — генерал-полковник, начальник управления сухопутных сил рейхсвера в 1920—1926 гг.

Сен-Лоран, Луи Стефан (1882—1973) — министр юстиции и генеральный прокурор Канады в 1941—1946 гг., министр иностранных дел в 1946—1948 гг., премьер-министр в 1948—1957 гг.

Сикорский, Владислав (1881—1943) — генерал, премьер-министр польского эмигрантского правительства в 1939—1943 гг., верховный главнокомандующий польскими вооруженными силами.

Симпсон, Уильям (1888—1980) — генерал-лейтенант, командующий 9-й армией США.

Синклер, сэр Арчибальд Генри Макдональд (1880—1970) — виконт Турсо (1952), министр авиации Великобритании в 1940—1945 гг.

Слессор, сэр Джон (1897—1979) — главный маршал авиации (1950), помощник начальника штаба ВВС в 1942 г., главнокомандующий британскими ВВС в Средиземноморье и на Среднем Востоке и представитель британского командования в союзных ВВС на Средиземном море в 1944—1945 гг., начальник штаба ВВС в 1950—1952 гг.

Смит, Уолтер Беделл (1895—1961) — генерал, начальник штаба союзных

экспедиционных сил на Средиземноморском театре военных действий в 1942—1944 гг., начальник верховного штаба экспедиционных сил союзников в Европе в 1944—1945 гг., посол США в СССР в 1946—1949 гг., директор ЦРУ в 1950—1953 гг.

Смэтс, Ян Христиан (1870—1950) — фельдмаршал (1941), премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919—1924 и 1939—1948 гг., министр иностранных дел и министр обороны в 1939—1948 гг., главнокомандующий вооруженными силами ЮАС.

Сольх, Риад ас (1894—1951) — премьер-министр Ливана в 1943—1945 гг. Убит в Аммане.

Сомервелл, Брегон — генерал-лейтенант, командующий армейской службой США.

Соснковский, Казимеж (1885—1969) — генерал, заместитель президента, заместитель премьер-министра польского эмигрантского правительства в 1943—1944 гг., главнокомандующий польскими вооруженными силами в 1943—1944 гг. Умер в Канаде.

Спаак, Поль Анри (1899—1972) — министр иностранных дел Бельгии в 1936—1937, 1938, 1947—1949, 1957, 1961—1966 гг., премьер-министр в 1938—1939, 1947—1949 гг., генеральный секретарь НАТО в 1957—1961 гг.

Спаатс, Карл (1891—1974) — генерал-лейтенант, затем генерал, главнокомандующий ВВС союзников в Северной Африке с января 1943 г., командующий стратегической авиацией США в Европе, командующий стратегическими ВВС США на Тихом океане с июля 1945 г.

Спирс, Эдгар Льюис (1886 — ?) — бригадный генерал, глава английской военной миссии в Париже в 1917—1920 гг., глава миссии в Сирии и Ливане в 1941—1944 гг.

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879—1953) — Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945), председатель Совета Народных Комиссаров СССР в 1941—1946 гг., нарком обороны СССР в 1941—1946 гг., председатель ГКО СССР в 1941—1945 гг., Верховный Главнокомандующий в 1941—1945 гг.

Старк, Гарольд Рэйнсфорд (1880—1972) — адмирал, командующий ударным крейсерским соединением в 1938—1939 гг.. начальник штаба (главнокомандующий) ВМС США в 1939—1942 гг., командующий ВМС США в европейских водах с июля 1942 до августа 1945 г.

Стеттиниус, Эдуард Рейли мл. (1900—1949) — руководитель управления по осуществлению ленд-лиза в 1941—1942 гг., заместитель госсекретаря США в 1943—1944 гг., госсекретарь США в 1944—1945 гг., постоянный представитель США в ООН в 1945—1946 гг.

Стилуэлл, Джозеф (1883—1946) — генерал-лейтенант, затем генерал (1944), военный атташе США в Китае в 1935—1939 гг., главнокомандующий союзными войсками на китайско-бирманском театре военных действий, начальник штаба Чан Кайши с марта 1942 г., заместитель командующего союзными войсками на юго-восточном театре военных действий в 1942—1944 гг., командующий сухопутными вооруженными силами США с января 1945 г.

Стимсон, Генри Льюис (1867—1950) — военный министр США в 1911—1913 и с июля 1940 по сентябрь 1945 г., госсекретарь в 1929—1933 гг.

Стрэнг, Уильям (1893 — ?) — заведующий департаментом Центральной Европы в 1938—1939 гг., заместитель постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании в 1939—1943 гг.

Сун Т. В. (Сун Цзывень) (1894—1971) — министр иностранных дел Китая с декабря 1941 по июль 1945 г.

Суслопаров, Иван Алексеевич (1897—1974) — генерал-майор, военный атташе во Франции в 1939—1941 гг., начальник советской военной миссии при штабе Д. Эйзенхауэра.

Сфорца, Карло (1872—1952) — граф, министр иностранных дел Италии в 1920—1921 и 1947—1951 гг.

Тардье, Андре (1876—1943) — премьер-министр Франции с ноября 1929 по февраль 1930 г., с марта по декабрь 1930 г., с февраля по май 1932 г., министр внутренних дел в 1928—1930 гг., министр земледелия и военный министр в правительствах Лаваля, министр иностранных дел с февраля по май 1932 г.

Теддер, сэр Артур Уильям (1890—1967) — главный маршал авиации, заместитель командующего и командующий британскими ВВС на Ближнем Востоке и Средиземноморье, командующий союзными ВВС на Средиземноморском театре военных действий, заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Европе в 1944—1945 гг., начальник британских ВВС в 1946—1950 гг.

Тимошенко, Семен Константинович (1895—1970) — Маршал Советского Союза (1940), нарком обороны СССР в 1940—1941 гг., главнокомандующий Западным направлением с июля по сентябрь 1941 г., главнокомандующий Юго-Западным направлением с сентября 1941 по июнь 1942 г:

Тисо, Йосеф (1887—1947) — президент так называемого Словацкого государства в 1939—1945 гг. Казнен.

Тиссеран, Эжен Габриель Жерве Лоран (1887—1972) — кардинал (с 1936 г.).

Тито (Броз), Иосип (1892—1980) — маршал Югославии (1943), генеральный секретарь ЦК Компартии Югославии в 1940—1952 гг., верховный главнокомандующий НОА и партизанских отрядов Югославии в 1941—1945 гг., председатель Национального комитета освобождения Югославии с ноября 1943 по март 1945 г., премьер-министр, министр обороны и верховный главнокомандующий вооруженными силами Демократической Федеративной Югославии в 1945—1946 гг., премьер-министр в 1946—1953 гг., президент в 1953—1980 гг.

Того, Сигэнори (1882—1950) — посол Японии в Германии в 1937—1938 гг., посол в СССР в 1938—1940 гг., министр иностранных дел Японии с октября 1941 до сентября 1942 и с апреля до августа 1945 г. Приговорен к 20 годам тюремного заключения.

Тодзио, Хидэки (1884—1948) — генерал, военный министр в 1940—1941 гг., премьер-министр и военный министр Японии с октября 1941 по июль 1944 г. Казнен.

Тоёда, Тэйдзиро — адмирал, министр иностранных дел Японии с июля по октябрь 1941 г.

Толле, Андре — председатель Парижского комитета освобождения в 1944 г.

Томас, Георг — генерал, начальник военно-экоиомнческого штаба ОКВ.

Трумэн, Гарри (1884—1972) — сенатор, вице-президент США в январе — апреле 1945 г., президент США в 1945—1953 гг.

Тушон, Робер — генерал, командующий 6-й французской армией.

Тьер, Луи Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель и историк, глава исполнительной власти с февраля по сентябрь 1871 г., президент Франции в 1871—1873 гг.

Тюренн, Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675) — маршал Франции.

Уайнант, Джои Гилберт (1889—1947) — посол США в Великобритании.

Уманский, Константин Александрович (1902—1945) — советник полпредства СССР в США в 1936—1939 гг., временный поверенный в делах СССР в США, полпред (посол) СССР в США в 1939—1941 гг., члеи коллегии НКИД СССР в 1941—1943 гг., посол СССР в Мексике и посланник в Коста-Рике в 1944—1945 гг.

Умберто (1904—1983) — принц Пьемонтский, наследник престола, командующий группой армий «Овест» в 1940 г., наместник королевства в 1944—1946 гг., с мая по июнь 1946 г.— король Италии Умберто II. Умер в Женеве.

Уокер, Уолтои — генерал-лейтенант, командир 20-го корпуса США в Европе.

Уоллес, Генри Агард (1888—1965) — министр сельского хозяйства США в 1933—1940 гг., вице-президент США в 1941—1945 гг., министр торговли в 1945—1946 гг.

Уэйвелл, сэр Арчибальд Персиваль (1883—1950) — граф, фельдмаршал (1943), командующий британскими вооруженными силами на Среднем Востоке в 1939—1941 гг., командующий британскими войсками в Индии в 1941—1942 гг., главнокомандующий союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии с января по март 1942 г., главнокомандующий союзными силами в Индии и Бирме с марта 1942 по июнь 1943 г., вице-король Индии в 1943—1947 гг.

Уэйк-Уокер, Уильям — английский адмирал.

Уэллес, Сэмнер (1892—1961) — заместитель госсекретаря США в 1937—1943 гг.

Фабри, Жан (1876 — ?) — военный министр в правительстве Лаваля в 1935—1936 гг., депутат Национального собрания в 1919—1936 гг.

Файоль, Эмиль (1852—1928) — французский генерал, затем маршал Франции (1921), командир 33-го корпуса, командующий армией, командующий группой армий резерва в 1918 г.

Фарук I (1920—1965) — король Египта в 1936—1952 гг.

Фейлинг, Кейт — профессор, английский историк.

Фенар — адмирал, глава французской военно-морской миссии в США.

Филлипс, Том (ум. 1941) — вице-адмирал, заместитель начальника штаба ВМС Великобритании, командующий флотом на Дальнем Востоке в 1941 г. Погиб в декабре 1941 г.

Фишер, Джон Арбетнот (1841—1920) — барон Кильверстон (1909), адмирал флота (1905), первый морской лорд в 1904—1910 и 1914—1915 гг.

Фланден, Пьер Этьени (1889—1958) — премьер-министр Франции с ноября 1934 по июнь 1935 г., министр иностранных дел с января по июнь 1936 г. и в правительстве Виши с декабря 1940 по февраль 1941 г.

Форрестол, Джеймс Винсент (1892—1949) — министр военно-морского флота США в 1944—1947 гг., министр обороны в 1947—1949 гг.

Фотич — посол Югославии в США до июня 1944 г.

Фош, Фердинанд (1851—1929) — маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923), командующий Северной группой армий в 1915—1916 гг., начальник генерального штаба с мая 1917 г., главнокомандующий союзными армиями во Франции в 1918 г.

Франко Баамонде, Франсиско (1892—1975) — генералиссимус вооруженных сил, глава (каудильо) Испанского государства в 1939—1975 гг.

Франсуа-Понсэ, Андре (1887—1978) — посол Франции в Германии в 1931—1938 гг., посол в Италии в 1938—1940 гг., член Французской академии (1953).

Френч, сэр Джон Дентон Пинкстон (1852—1925) — граф Ипрский (1921), фельдмаршал (1913), начальник имперского генерального штаба в 1912—1914 гг., командующий английскими экспедиционными силами во Франции в 1914—1915 гг.

Фридебург, Ханс Георг фон (1895—1945) — адмирал.

Фрэр, Обер (1881—1944) — генерал, командующий 7-й французской армией в 1940 г.

Фрэзгр, Питер (1884—1950) — премьер-министр Новой Зеландии в 1940—1949 гг.

Фу Бинчан — посол Китая в СССР в 1943—1949 гг.

Фулбрайт, Джеймс Уильям (р. 1905) — член палаты представителей конгресса США в 1943—1945 гг., сенатор в 1945—1974 гг., председатель сенатского комитета по иностранным делам в 1959—1974 гг.

Фуллер, Джон Фредерик Чарльз (1878—1966) — английский генерал-майор, военный историк и теоретик.

Харрис, Артур Траверс (1892—1984) — главный маршал авиации (1943), заместитель начальника штаба ВВС Великобритании в 1940—1941 гг., представитель британских ВВС в Объединенном совете начальников штабов в Вашингтоне в 1941—1942 гг., командующий английской бомбардировочной авиацией в Европе в 1942—1945 гг.

Хейслип, Уэйд — генерал-лейтенант, командир 15-го корпуса США.

Хирохито (1901—1989) — император Японии в 1926—1989 гг., главнокомандующий вооруженными силами в годы второй мировой войны.

Ходжес, Кортни (ум. 1966) — генерал-лейтенант, командующий 1-й американской армией с августа 1944 г.

Хольтиц, Дитрих фон (1894—1966) — генерал, командующий немецкими войсками в Париже в 1944 г.

Хор, Сэмуэль Джон Эрни (1880—1959) — виконт Темплвуд (1944), министр иностранных дел Великобритании с июня по декабрь 1935 г., член военного кабинета и лорд-хранитель печати с 3 сентября 1939 по 4 апреля 1940 г., министр авиации с 4 апреля по 10 мая 1940 г., посол в Испании в 1940—1944 гг.

Хор-Белиша, Лесли (1893—1957) — военный министр Великобритании в 1937—1940 гг., член военного кабинета в 1939—1940 гг.

Хури, Бишара Халиль эль (1890—1964) — президент Ливана в 1943—1952 гг.

Ху Ши (1891—1962) — посол Китая в США в 1938—1942 гг.

Хэнки, Морис (1877—1964) — лорд, секретарь военного кабинета Великобритании в годы первой и второй мировой войн, канцлер герцогства Ланкастерского с мая 1940 до июля 1941 г., главный казначей с июля 1941 г.

Хэрли, Патрик Джэй (1883—1962) — американский генерал-майор, военный министр в 1929—1933 гг., личный представитель президента США в Чунцине с августа 1944 г., посол США в Китае с декабря 1944 по ноябрь 1945 г.

Хюнтцигер, Шарль (1880—1941) — генерал, командующий 2-й французской армией, затем 4-й группой армий в 1940 г., главнокомандующий армией, военный министр в правительстве Виши с сентября 1940 г.

Цезарь, Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.).

Цудерос, Эммануэль (1882—1956) — премьер-министр Греции с апреля 1941 г., возглавлял греческое эмигрантское правительство до апреля 1944 г.

Чан Кайши (1887—1975) — генералиссимус, главнокомандующий вооруженными силами Китая, президент Китая с сентября 1943 по январь 1949 г.

Чемберлен, Артур Невилл (1869—1940) — премьер-министр Великобритании с мая 1937 по май 1940 г., член военного кабинета и лорд-председатель совета с мая по октябрь 1940 г.

Черуэлл (Фредерик Александр Линдеман) (1886—1957) — барон (1941), виконт (1956), профессор, специалист в области атомной энергии.

Черчилль, Рандольф (Фредерик Эдвард Спенсер) (1911—1968) — сын У. Черчилля, член палаты общин в 1940—1945 гг.

Чингисхан (Темучин) (ок. 1155—1227).

Чэтфилд, Альфред Эрнл Монтекут (1873 — ?) — барон (1937), адмирал флота (1935), командующий военно-морскими силами Великобритании на Средиземном море в 1930—1932 гг., первый морской лорд и начальник штаба ВМФ в 1933—1938 гг., министр координации обороны и член военного кабинета в 1939—1940 гг., председатель гражданского кабинета обороны в 1940—1946 гг.

Чэтэм (Уильям Питт Старший) (1708—1778) — граф, премьер-министр Великобритании в 1766—1768 гг., министр иностранных дел и военный министр в 1756—1761 гг.

Шабан-Дельмас, Жак Мишель Пьер (р. 1915) — представитель генерала де Голля в Национальном совете Сопротивления, уполномоченный Временного правительства по координации боевых действий на всей территории Франции в 1944 г., премьер-министр в 1969—1972 гг.

Шамбрен, Рене Альдебер Пинетон де (р. 1906) — граф, зять П. Лаваля.

Шапошников, Борис Михайлович (1882—1945) — Маршал Советского Союза (1940), начальник Генерального штаба с мая 1937 по август 1940 и с июля 1941 по май 1942 г., заместитель наркома обороны СССР с августа 1940 по июнь 1943 г.

Шамун, Камиль (1900—1987) — министр иностранных дел Ливана в 1943 г., президент Ливана в 1952—1958 гг.

Шекспир, Уильям (1564—1616).

Шлиффен, Альфред фон (1833—1913) — генерал-фельдмаршал (1911), начальник генерального штаба в 1891—1906 гг., автор германского плана войны.

Шоу, Джордж Бернард (1856—1951).

Штауфенберг, Клаус Шенк фон (1907—1944) — граф, полковник, начальник штаба резервной армии с октября 1943 г., один из руководителей заговора против Гитлера 20 июля 1944 г.

Штейнгардт, Лоуренс Адольф (1892—1950) — посол США в СССР в 1939—1941 гг., посол в Турции в 1942—1944 гг.

Шубашич, Иван (1892—1955) — премьер-министр югославского эмигрантского правительства с июня 1944 по март 1945 г., министр иностранных дел во Временном правительстве Демократической Федеративной Югославии в 1945 г.

Шуленбург, Фридрих Вернер фон (1875—1944) — граф, посол Германии в СССР в 1934—1941 гг.

Шуман, Морис (р. 1911) — сотрудник информационного агентства Гавас в 1935—1939 гг., политический директор газеты «Об», присоединился к генералу де Голлю в 1940 г., министр иностранных дел Франции в 1969—1973 гг. Член Французской академии (1974).

Эдде, Эмиль — президент Ливана с января 1936 по апрель 1941 г., глава государства и правительства в ноябре 1943 г.

Эйзенхауэр, Джон С. (р. 1923) — лейтенант, сын Д. Эйзенхауэра.

Эйткен, Макс — сын лорда Бивербрука, летчик-истребитель.

Эллё, Жан — генеральный делегат Франции в Леванте.

Эмери, Леопольд Стеннет (1873—1955) — министр по делам Индии с мая 1940 по май 1945 г., министр по делам Индии и Бирмы с мая по июль 1945 г.

Эррио, Эдуард (1872—1957) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1924—1925 гг., премьер-министр в 1926 и 1932 гг., председатель палаты депутатов в 1936—1940 гг., член Французской академии (1946).

Этлон, Александр (Август Фредерик Уильям Альфред Георг) (1874—1954) — граф (1917), дядя короля Георга VI, генерал-губернатор Канады с апреля 1940 по 1946 г.

Эттли, Клемент Ричард (1883—1967) — граф Эттли и Прествуд (1955), лидер Лейбористской партии Великобритании в 1935—1955 гг., член военного кабинета, лорд-хранитель печати и заместитель лидера палаты общин с 10 мая 1940 г., заместитель премьер-министра в 1942—1945 гг., министр по делам доминионов с февраля 1942 г., лорд-председатель Совета с сентября 1943 по май 1945 г., премьер-министр в 1945—1951 гг., министр обороны в 1945—1946 гг.

Содержание

Шарль де Голль

Сражающаяся Франция

ПОРАЖЕНИЕ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Корделл Хэлл

Государственный секретарь США вспоминает

ГОД ВОЙНЫ (1941)

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1942—1943)

Уильям Леги

Советник двух президентов

Дуайт Эйзенхауэр

Во главе союзных войск

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВОЙНА

В ВОСПОМИНАНИЯХ

Уинстона Черчилля,
Шарля де Голля,
Корделла Хэлла,
Уильяма Леги,
Дуайта Эйзенхауэра

Составитель *Е. Я. Трояновская*

В переводе «Второй мировой войны» У. Черчилля участвовали *И. В. Боронос, Г. П. Дубская, Н. И. Кузьминская, Д. Э. Кунина, М. И. Липкин, Н. З. Лосева, Ф. А. Носов, Л. Г. Рошаль, Ю. В. Семенов, И. Я. Якобсон, М. И. Яновская.*

В переводе «Военных мемуаров» Ш. де Голля участвовали *О. Я. Бирюкова, Б. С. Вайсман, Н. М. Жаркова, Т. А. Кудрявцева, Н. И. Немчинова, Б. А. Песис.*

Воспоминания К. Хэлла и У. Леги перевел *Ю. И. Логинов.*

Мемуары Д. Эйзенхауэра перевел *Е. М. Федотов.*

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Н. В. Попов*
Младший редактор *В. В. Пасечник*
Художник *Г. Д. Расторгуев*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 8326

Сдано в набор 07.02.90. Подписано в печать 01.08.90. Формат $60\times 84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная книжно-журнальная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,48. Усл. кр.-отт. 35,11. Уч.-изд. л. 45,27. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 605. Цена 4 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.